

R ~~22886~~
2

СБОРНИКЪ МАТЕРІАЛОВЪ

ДЛЯ ОПИСАНІЯ

МѢСТНОСТЕЙ И ПЛЕМЕНЪ КАВКАЗА.

Р. 22886
2

Изданіе Управленія Кавказскаго Учебнаго Округа..

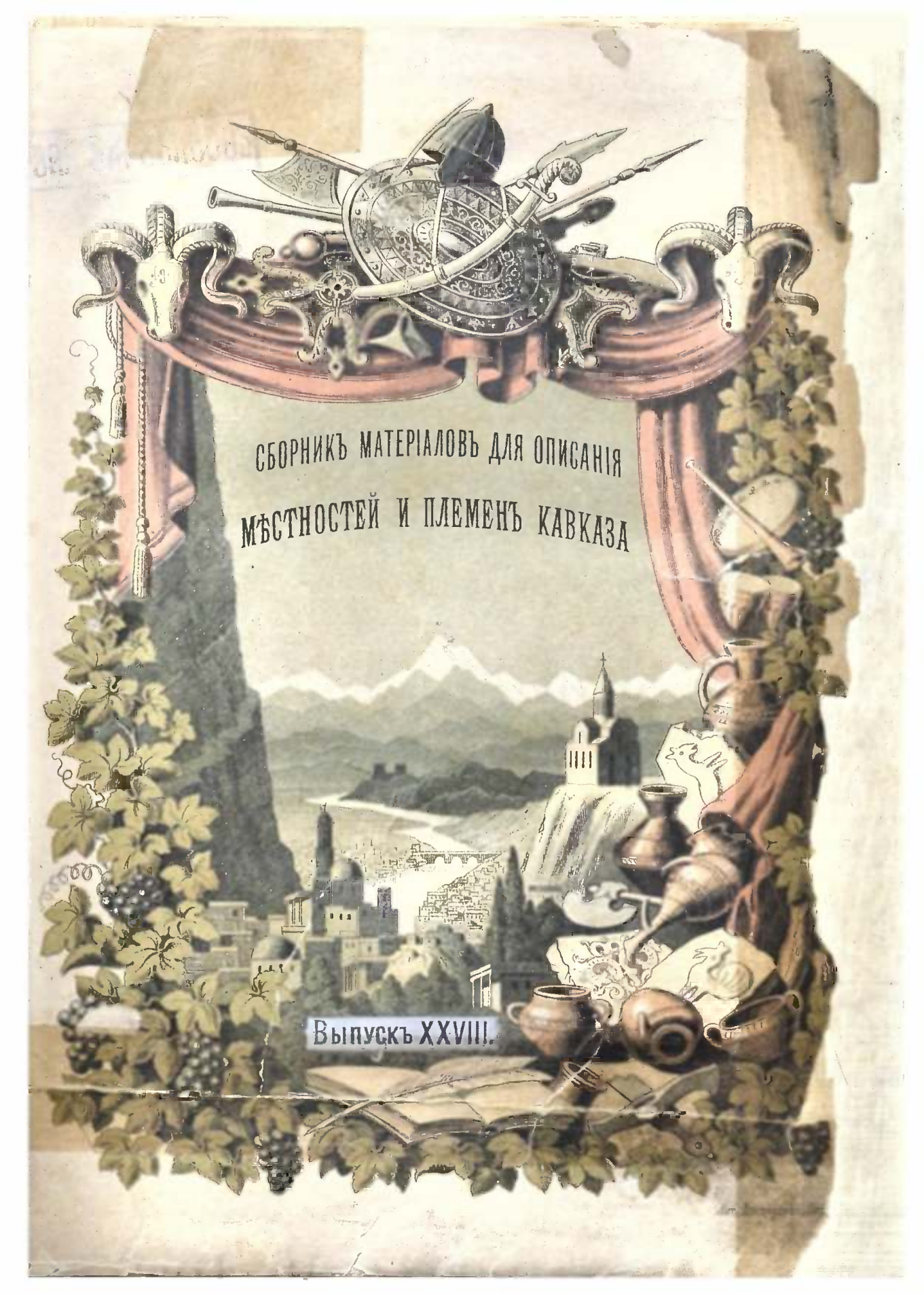
ВЫПУСКЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

ТИФЛИСЪ.

Типографія: Канцелярія Главнначальствующаго гражд. частно на Кавказѣ,
Ю. Козловскаго и М. Маргиросіанца.

1900.

СБОРНИКЪ МАТЕРІАЛОВЪ ДЛЯ ОПИСАНІЯ
МѢСТНОСТЕЙ И ПЛЕМЕНЪ КАВКАЗА

Выпускъ XXVIII.

I. Легенды и преданія.

1. Не осуждай другого, свящ. <i>Г. Буятова</i>	1— 5
2. Кары-кѣнакъ, <i>М. Погосова</i>	5— 7
3. Легенды о Соломонѣ Мудромъ. 4. Легенды объ Алек- сандрѣ Македонскомъ. 5. Дивана-Балулъ, свящ. <i>Г. Бу-</i> <i>ятова</i>	7— 17
6. Смерть. 7. Благочестивый Луспикъ, <i>Г. Новрузова</i> . . .	18— 22
8. Чистая вѣра спасаетъ отъ огня. 9. Какъ головешка зазеленѣла, <i>II. Тоніева</i>	22— 24
10. Богачъ и бѣднякъ, <i>А. Теръ-Хачатурова</i>	25— 29
11. Преданіе о Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ, <i>А. Ба-</i> <i>баляна</i>	29— 32
12. Преданіе объ албанскомъ царѣ Вачаганѣ, <i>II. Момтева</i> .	33— 45
13. Въ пещерѣ, <i>К. Шаинова</i>	45— 57

II. Сказки.

1. Геджа-Чраги. 2. Дѣти кунца Арутюна, <i>Х. Арутинова</i> .	58— 73
3. Качаль-Назаръ, <i>С. Сумбатянца</i>	73— 80
4. Сказка о двухъ братьяхъ, <i>В. Шайнянца</i>	80— 89
5. Злой царь. 6. Лисица и пастухъ. 7. Бѣдная Марія, свящ. <i>Г. Буятова</i>	89—115
8. Купленный сонъ. 9. Качаль-Ахметъ 10. Крестьянинъ и змѣя. 11. Лиса. 12. Умный и дуракъ. 13. Рамазанъ, <i>II.</i> <i>Д. Калашева</i>	115—156

III. Юмористическіе рассказы, анекдоты и басни.

1. Три муллы. 2. Какъ Гассанъ ѣлъ пловь, <i>Г. Новрузова</i> .	137—161
3. Лисица и куропатка. 4. Осленокъ и свины. 5. У вся- каго свой вкусъ. 6. Услужливый сынъ. 7. Было хорошо, стало лучше. 8. Умѣнье продавать, <i>II. Тоніева</i>	162—166
9. Слепой, хромой и нищій. 10. Одинъ лучше другого, <i>Ст. Сумбатянца</i>	166—167.

Отдѣлъ третій.

Чеченскіе тексты.

1. Отъ бабъ въ домѣ разладъ. 2. За- лѣтъ отца. 3. Какъ Насръ-Эддинъ одурачилъ всѣхъ? 4. Какъ Насръ-Эддинъ наказалъ невѣрную жену? 5. Злая жена. Записаны <i>Г. Эльдархановымъ</i>	1— 40
Замѣтка <i>Л. Л.</i>	40— 40.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ I отдѣлѣ XXVIII выпуска Сборника помѣщены статьи довольно разнообразнаго содержания.

Статья *Е. С. Такайшвили*, подъ загл.: „Источники грузинскихъ лѣтописей. Три хроники. 1. Обращеніе Грузіи (въ христіанство). 2. Жизнь и извѣстіе о Багратидахъ, царяхъ нашихъ грузинскихъ, откуда они явились въ эту страну, ил. съ какого времени владѣютъ они царствомъ грузинскимъ, которое написалъ Сумбать, сынъ Давида. 3. Хроники Месхійской Псалтири“ сопровождается цѣнными примѣчаніями автора, съ многочисленными ссылками на другіе источники, объясненіемъ темныхъ и запутанныхъ мѣстъ, а, гдѣ нужно, и добросовѣстной критикой текстовъ. Этимъ своимъ трудомъ уважаемый авторъ оказалъ большую услугу разработкѣ источниковъ по исторіи Грузіи.

Статья *А. Н. Дьячкова-Тарасова* „Въ горахъ Большого и Малаго Карачая“ даетъ занимательное описаніе путешествія къ истокамъ р. Кубани, у подножья Эльбруса, 26-ти учениковъ Екатериноподарской гимназіи. Путешествіе это хотя и не могло многого сдѣлать въ научномъ отношеніи, но оно привило молодымъ экскурсантамъ любовь къ краю и интересъ къ изученію его особенностей, не говоря уже о томъ, что оно развило умственный кругозоръ учениковъ и укрѣпило ихъ физическія силы. О цѣляхъ и пользѣ подобныхъ лѣтнихъ экскурсій авторъ говоритъ краснорѣчиво въ Предисловіи къ своей статьѣ.

Въ статьѣ *А. А. Домушина* „Черезъ Сванетію къ Эльбрусу“ описываются живыми красками тѣ же самыя

II

мѣста Сванетіи, которыя были посѣщены еще 25 лѣтъ тому назадъ А. И. Стояновымъ ¹⁾. При сравненіи обоихъ этихъ описаній бросается въ глаза, что четверть столѣтія прошло для этого уголка Кавказа, заброшеннаго въ горныя трущобы, почти незамѣтно: край все еще ждетъ дорогъ, которыя бы его не только соединили съ Сѣвернымъ Кавказомъ, но и дали ему выходъ къ морю. Описаніемъ перевала Донгузь-орунъ и ледника Азау авторъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ дополняетъ свѣдѣнія, сообщенныя покойнымъ В. Я. Тенцовымъ ²⁾

*
* *

Отдѣлъ II редактированъ А. А. Богоявленскимъ, и ему же принадлежитъ Предисловіе къ нему.

*
* *

Въ отдѣлѣ III помѣщены „Чеченскіе тексты“, записанныя Т. Э. Эльдархановымъ. Всего помѣщено пять чеченскихъ сказокъ, которыя я считаю своимъ долгомъ разобрать по содержанію.

Въ сказкѣ „Отъ бабъ въ домъ разладъ“ проводится мысль, что женщина бываетъ причиной распадена родоваго союза и раздѣла общаго имущества. Но наша сказка носитъ консервативный характеръ. Такъ, хотя и выиспана роль женщины въ разложеніи стариннаго патріархальнаго быта, но переходъ къ новымъ бытовымъ формамъ еще не допускается. Фабула сказки такова. Три брата владѣютъ нераздѣльнымъ имуществомъ и живутъ дружно.

¹⁾ Въ статьѣ „Путешествіе по Сванетіи“ въ X кн. Записокъ Кавк. Отд. Имп. Русс. Геогр. Общества (Тифл. 1876 г.).

²⁾ Въ статьѣ „По истокамъ Кубани и Терека“ въ XIV вып. Сборника мат. по опис. мѣст. и пл. Кавк. (Тифл. 1892 г.).

Жена старшаго брата хочетъ доказатьъ мужу, что дружба держится только женщинами. Съ этою цѣлью она взводитъ клевету на младшаго брата, и ссора готова разгорѣться. Тогда она разъясняетъ мужу всю неосновательность взведенной ею клеветы и беретъ ее назадъ; братья мирятся и не доводятъ дѣла до дѣлежа имущества. По основной своей идеѣ сказка миѣ представляется оригинальной. Въ русскихъ ¹⁾ и татарскихъ ²⁾ сказкахъ женщина преслѣдуетъ другія цѣли: она разстраиваетъ счастье супруговъ.

Сказка „Завѣщаніе отца“ имѣетъ весьма сложный составъ. Исходной точкой служитъ *завѣтъ умирающаго отца*. Прощаясь съ жизнью, онъ запрещаетъ единственному своему сыну выѣзжать въ пятницу изъ дому, не то—быть бѣдѣ. И сказки другихъ народовъ имѣютъ такую же завязку, но отступаютъ въ формулировкѣ отцовскаго завѣта. Болѣе всего своей завязкой подходятъ къ нашей сказкѣ двѣ армянскія и одна татарская. Въ первой армянской сказкѣ „Невѣста-всадникъ“ ³⁾ умирающій отецъ завѣщаль своимъ тремъ сыновьямъ не посѣщать мѣстности „на югъ отъ его царства“, во второй—„Гайраманъ-Блуть“ ⁴⁾ „не ѣздить по такой-то дорогѣ“, а въ татарской сказкѣ „Невѣста-богатырь“ ⁵⁾—„не посѣщать извѣстнаго имъ сада“. Въ кабардинской же сказкѣ „Наскочила коса на камень“ ⁶⁾, армянской „Сынъ рыбака“ ⁷⁾ и русской „Безногій и слѣпой богатыри“ ⁸⁾ содержание отцовскаго завѣта совершенно другое.

Въ первую же пятницу сынъ, увлекаемый какимъ-то

¹⁾ Афанасьевъ, Народныя русскія сказки, изд. Грузинскаго, 236 (Прим.).

²⁾ Сборникъ мат. XIII, 301.

³⁾ Сб. мат. VII, 79.

⁴⁾ Сб. мат. XXIV, 2, 139.

⁵⁾ Сб. мат. XXVI, 2, 34.

⁶⁾ Сб. мат. XII, 123.

⁷⁾ Сб. мат. XXIV, 2, 113.

⁸⁾ Ае. 116 а.

рокомъ и подѣ вліяніемъ необъяснимаго явленія природы, нарушаетъ завѣтъ отца; онъ сѣдлаетъ своего коня и выѣзжаетъ со двора. Но при этомъ животныя, вѣрнее *стуртунныи* охотники, какъ бы чуя бѣду, заливляютъ свое безпокойство: конь ржеть, борзыи визжатъ, а соколы клелчутъ. И дальше, при выѣздѣ одного за другимъ трехъ братьевъ нартовъ-эрхустойцевъ, вѣрныи ихъ животныи такимъ же образомъ выражаютъ свое безпокойство, но каждый разъ парты ихъ осаживаютъ грознымъ окрикомъ. Эта подробность встрѣчается и въ белорусской сказкѣ „Цокатигорошокъ“¹⁾; въ ней эти животныи составляютъ *свѣту змья*.

Выѣхавши, молодой князь ваткнулся въ степи на яму, на дно которой онъ спускается. Тамъ онъ находитъ себѣ товарища-богатыря, Ханъ-Кургула, съ которымъ онъ отправляется добывать себѣ невесту. Они проѣзжаютъ чрезъ *пустыню*, усѣянную разложившимися и свѣжими *трупами*. Это были жертвы трехъ братьевъ нартовъ-эрхустойцевъ. Въ вышеупомянутой армянской сказкѣ „Невеста-всадникъ“ царевичъ по дорогѣ въ мѣстность „на югъ“ проѣзжаетъ чрезъ страну, *богатую растительностью*, также усѣянную разбросанными повсюду *костями* людей, истребленныхъ невестой-всадникомъ.

Подѣвхавши къ кургану, въ которомъ находилось *отверстіе въ подземелье*, нашъ герой со своимъ товарищемъ спускается туда къ тремъ братьямъ нартамъ-эрхустойцамъ. Товарищъ ихъ одолеваетъ и отдаетъ ихъ сестру ему въ жены. Въ подземелье еще разъ спускается, но уже одиѣ Ханъ-Кургулъ для выручки покищенной нартомъ красавицы. Спускъ чрезъ глубокое отверстіе въ подземелье, или подземный край—это излюбленный сказочный мотивъ. Туда обыкновенно спускаются герои въ повѣстяхъ за красавицами, покинутыми враждебными силами, ради чего они

¹⁾ Азов. 74, 8, 75; въ послѣдней сказкѣ, вмѣсто соколы, является воробей.

совершаютъ трудные подвиги ¹⁾). Но въ нашей сказкѣ совершаетъ подвиги не самъ герой, но его *товарищъ*, какъ и въ русскихъ сказкахъ: „Кощей Безсмертный“ ²⁾—товарищъ царевича Булатъ-молодецъ, „Ванюгій и слѣпой богатыри“—дядька Катома ³⁾, „Звѣриное молоко“—мужичокъ-кулачокъ ⁴⁾, или, наконецъ, благодарные мертвецы русскихъ и кавказскихъ сказокъ ⁵⁾.

Нашъ герой, сдѣлавшись мужемъ красавицы, получаетъ отъ нея ключи отъ всѣхъ помѣщеній въ домѣ, но слѣдуетъ, чтобы онъ и не заглядывалъ въ *третью* комнату. Не послушавшись жены, онъ открываетъ эту комнату; тамъ онъ находитъ нартъ, связаннаго жельзною цѣпью и прикрепленнаго къ землѣ жельзными коломъ и гвоздями, пробившими пазы въ его тѣло. Узнитъ проситъ развязать его, и лишь только нашъ герой дотронулся до гвоздя, какъ нартъ сбросилъ съ себя оковы, схватилъ его жену, ударился оземь и исчезъ съ нею изъ виду. *Запретная комната* упоминается не только въ татарскихъ сказкахъ—вышеупомянутой „Невѣста-богатырь“ и другой—„Прекрасная царевна“ ⁶⁾, но также и въ русскихъ сказкахъ ⁷⁾ и сказкахъ другихъ народовъ ⁸⁾. Но съ нашей сказкой болѣе сближена первая изъ нихъ: она, подобно нашей, помѣщается въ запретной комнатѣ, *сороковой* по счету, дѣва, закованнаго въ цѣли; дивъ, освобожденный героемъ сказки, точно такъ же похищаетъ царевну. И по другимъ своимъ деталямъ эта

¹⁾ Лв., стр. 138, 141.

²⁾ Лв. 93. с.

³⁾ Лв. 116. abc.

⁴⁾ Лв. 118. а.

⁵⁾ Сб. мат. XX, Пред. на 6 стр., гдѣ и указаны параллели. Сб. мат. IX, 2, 87.

⁶⁾ Сб. мат. VI, 2, 181.

⁷⁾ Лв. 120 b (тамъ говорится о запретномъ *клетнѣ*).

⁸⁾ Напр., по франц. сказкѣ „La Barbe Bleue“ изъ „Contes des fées“ Perrault.

сказка идетъ параллельно съ нашей. Мотивъ о запретной комнатѣ встрѣчается также и въ татарской сказкѣ „Странствованіи царскаго сына“¹⁾, которая отъ нашей отстываетъ одной лишь подробностью: въ запретной комнатѣ, *последней* изъ многихъ, виситъ *портретъ красавицы*, при видѣ которой царевичъ лишается разсудка. Заслуживаетъ вниманія еще одна оригинальная подробность: *нартъ* ударяется объ-поль, чтобы *подняться на воздухъ* и улетѣть въ невѣдомую даль. Бъ тому же сказочному приему прибѣгаетъ потомъ и Ханъ-Кургуль. И въ русскихъ сказкахъ²⁾ герои ударяются оземь, но это для нихъ служитъ *средствомъ оборотничества*.

Посѣтивъ чрезъ нѣкоторое время молодого князя, Ханъ-Кургуль напелъ его въ безпомощномъ состояніи, стонущимъ отъ боли (нартъ вывернулъ его на изнанку), и узнаетъ отъ него, что его жену похитилъ нартъ. Ханъ-Кургуль, топнувъ ногами объ-поль, подвигается на воздухъ и летитъ по слѣдамъ похитителя. При спускѣ въ подземелье, онъ находитъ брошенный красавицей *перстень*, который долженъ былъ избавителю указать дорогу. Въ подземельѣ онъ увидѣлъ большой городъ, всѣ жители котораго веселились по случаю возвращенія нарта съ красавицей. Минувавъ городъ, онъ очутился на берегу молочнаго озера, гдѣ встрѣтилъ рабыню съ кувшиномъ *молока*, зачерпнутаго изъ озера; молоко назначалось для ея госпожи, той же самой красавицы, которая похищена нартомъ. Ханъ-Кургуль, желая дать ей знать о себѣ, бросаетъ въ *кувшинъ* найденный перстень. Этою подробностью наша сказка совпадаетъ съ вышеупомянутой русской сказкой „Кощей Безсмертный“³⁾.

¹⁾ Сб. мат. IX, 2, 87.

²⁾ Ас. 77. 107. 112. 120. 122 с. 130. 140 аб (ударяются о коверъ). 151.

³⁾ Ас. 93 с. Сказка о Кощей переработана Жуковскямъ подъ загл. „Иванъ-царевичъ и сѣрый волкъ“.

Булатъ-молодецъ этой сказки встрѣчаетъ дѣвушку съ *чашкой* возлипаго молока, которымъ Василиса Кирбитьевна ежедневно умывалась (назначеніе молока въ нашей сказкѣ не выяснено); онъ бросаетъ въ чашку съ тою же дѣлью перстень, данный ему Иваномъ-царевичемъ.

Найдя на днѣ кувшина перстень, красавица сейчасъ же досадалась, что спаситель ея прибылъ, и велѣла рабынѣ отвести ее къ нему. При личномъ свиданіи, Ханъ-Кургуль, желая избавить красавицу отъ рукъ ея похитителя, уговариваетъ ее узнать, гдѣ находится *душа* нарта. Посредствомъ хитрости она узнаетъ отъ нарта о мѣстопробываніи его души; оказывается, что она находится въ мѣстѣ таинственномъ и недоступномъ для обыкновеннаго чело-вѣка, подъ нѣсколькими оболочками: внутри носорога находится олень, внутри оленя—заяцъ, внутри зайца—шкатулка, внутри шкатулки три *ласточкинскихъ дѣтеныша*, и только въ послѣднемъ заключена душа нарта. Отыскиваніе мѣстопробыванія души весьма распространенный сказочный мотивъ ¹⁾. Слѣдуетъ сказать, что и въ большинствѣ сказокъ жизненная сила названа душою, но въ приведенной выше русской сказкѣ „Коней Безсмертный“ и въ слѣдующихъ: „Царевна-лягушка“ ²⁾ и „Федоръ Тугаринъ“ ³⁾ она олицетворена въ образѣ похитительницы этой силы—*смерти*; въ норвежской и нѣмецкой сказкахъ „О великанѣ“ ⁴⁾ жизненная сила названа *сердцемъ*. Въ другихъ русскихъ сказкахъ подобнымъ образомъ герой старается узнать о мѣстопробываніи *мудрости* ⁵⁾ и *любви* ⁶⁾. Такъ же варьи-

¹⁾ Литература этого мотива указана въ Предисловіи къ XXII выд., стр. 7.

²⁾ Ао. 150 с.

³⁾ Ао. 95.

⁴⁾ Ао. I, стр. 228. Grimm, Kinder-und Hausmärchen, II, 197.

⁵⁾ Ао. 120 в.

⁶⁾ Ао. 128 а.

руеть въ сказкахъ и то мѣсто, гдѣ заключена жизненная сила; но послѣдней оболочкой для Коцея, напимѣрь, или для змѣя является *яйцо*.

Убивъ партя, Хандь-Кургуль освобождаетъ красавицу, но та не захотѣла вернуться къ своему мужу и сдѣлалась *женою* своего *избавителя*. Этимъ своимъ концомъ наша сказка рѣзко отличается отъ сравниваемыхъ съ нею сказокъ. Между тѣмъ какъ во всѣхъ сказкахъ, гдѣ вмѣсто героя въ роли избавителя является его товарищъ, красавица достается не послѣднему, но герою, въ нашей сказкѣ наоборотъ: она досталась товарищу. Замысловатый мотивъ нашей сказки объясняется тѣмъ, что на нашего героя должна была еще обрушиться *кара за ослушаніе* послѣдней воли отца. Въ сказкахъ съ той же самой завязкой, что и въ нашей ¹⁾, гдѣ говорится о трехъ братьяхъ, наказаніе за ослушаніе постигаетъ только *двухъ* старшихъ, а младшій не только остается *бзнаказаннымъ*, но даже добивается своего счастья; точно такъ же остается *бзнаказаннымъ* единственный сынъ въ сказкѣ „Сынъ рыбака“ ²⁾, несмотря на то что и онъ парушилъ завѣтъ своего отца. Очевидно, во всѣхъ этихъ сказкахъ дидактическій тонъ не выдержанъ до конца. Въ приводимой выше русской сказкѣ „Безпогій и слѣпой богатыри“ ³⁾, напротивъ, Ивашь-царевичъ, исполняя завѣтъ умирающаго отца, слушается во всемъ своего дядьку, и потому счастье достается на его долю, какъ награда за послушаніе.

Сказка „Какъ Насръ-Эддинъ одурячилъ всѣхъ“ знакомить съ неизвѣстной до сихъ поръ стороною характера этого излюбленнаго кавказскими и другими восточными

¹⁾ Сб. мат. VII, 79. XXIV, 2, 139. XXVI, 2, 34. XII, 123.

²⁾ Сб. мат. XXIV, 2, 113.

³⁾ Ао. 116 а.

парадами сказочнаго героя ¹⁾). Въ Насръ-Эддинѣ обыкновенно олицетворяется народное остроуміе, принимающее иногда личину наивности и простоты; здѣсь же опть изображается хитрецомъ и, притомъ, не въ родѣ безобиднаго плута „Мальчика-съ-пальчика“ ²⁾ русской сказки или „Кулацу“ ³⁾ и „Маль мала меньше“ ⁴⁾ черкесской, но злостнаго „Шута“ ⁵⁾ или „Демидки“ ⁶⁾ русской сказки. Одной подробностью наша сказка совпадаетъ съ вышеупомянутой черкесской „Кулацу“. Какъ Кулацу, такъ и Насръ-Эддинъ, чтобы отвязаться отъ пристававшихъ къ нимъ людей, одурчелыхъ и обобранныхъ ими, высказываютъ готовность удовлетворить только тѣхъ изъ нихъ, которые, оставаясь ночевать въ ихъ домѣ, не заболѣютъ разстройствомъ желудка: всѣ оказались не безъ грѣха, но, чтобы довести своихъ гостей до этого, первый употребилъ нѣсколько другое средство, чѣмъ второй.

Сказка „Какъ Насръ-Эддинъ наказаль невѣрную жену“ приводитъ еще одну сторону его характера, весьма несимпатичную—мстительность. Насръ-Эддинъ не старается исправить невѣрную жену, какъ это дѣлаетъ обманываемый мужъ въ великорусской сказкѣ „Въщій дубъ“ ⁷⁾, съ которой наша сказка схожа почти во всѣхъ деталяхъ, но мститъ ей зло, насмѣявшись надъ ея недогадливостью и надругав-

¹⁾ Сбор. мат. IX, 2, 52; Сб. свѣд. о кавк. горцахъ I, ст. V, стр. 26 (Усларъ „Кое-что о слов. произведеніяхъ горцевъ“); Сб. свѣд. VII, ст. II, 2, 32; Чеченскій букварь Бартоломея (Изд. Общ. возст. христ. на Кавк.), стр. 32—53 (перепечат. въ прил. къ изд. „Чеченскій языкъ“ Услара); Сб. мат. XXVI, см. Пред.

²⁾ Ао. 168.

³⁾ Сб. мат. XXVII, 4, 31.

⁴⁾ Сб. мат. XII, 187.

⁵⁾ Ао. 223 а в. Литература предмета указана въ Разборѣ Н. О. Сумцова этнографическихъ трудовъ Романова, Пет. 1894, стр. 64.

⁶⁾ Сб. мат. XXVI, 2, 281.

⁷⁾ Ао. 241.

шись надъ нею. Также и малорусская сказка „Дьякъ и невѣрная жена“¹⁾; совпадающая вообще съ нашей, кромѣ мотива о *въщемъ деревѣ*, не знаетъ этой черты характера обманутаго мужа. Тема о *женской невѣрности* весьма популярна и съ большимъ или меньшимъ разнообразіемъ сказочныхъ мотивовъ разработана въ устной словесности многихъ народовъ²⁾. Мотивъ о *переносѣ трупа* принадлежитъ тоже къ числу весьма распространенныхъ³⁾.

Сказка „Злая жена“ имѣетъ весьма оригинальную завязку. Богачъ, желая избавиться отъ своего богатства, женится, по совѣту мудрецовъ, на женщинѣ высокаго роста, съ рыжими волосами, синими глазами и острыми пятками. Женщина дѣйствительно оказалась расточительной, но къ тому еще и сварливой. Изъ всѣхъ этихъ атрибутовъ только рыжіе волоса служатъ признакомъ отрицательныхъ сторонъ характера. Рыжеволосая женщина выставляется коварной и въ армянской сказкѣ „Три юноши“⁴⁾, черкесской „Три добрыхъ совѣта“⁵⁾ и горско-татарской „Женщина съ сѣрыми глазами“⁶⁾.

Обнищавшему мужу приходится уже избавляться отъ злой жены. Для этого онъ прибѣгаетъ къ обычному сказочному приему—толкаетъ ее *въ яму*, какъ и въ кабардинской „Злая жена и чудовище“⁷⁾, русскихъ: „Жена-спорщица“⁸⁾, „Злая жена“⁹⁾, „Чортъ и баба“¹⁰⁾ и „Лыха жінка и

¹⁾ Сб. Кольберга „Рокисіе“, см. ст. Н. О. Сумцова „Малорусскія сказки“ (XXII кн. Этногр. Обзорѣніи).

²⁾ Литература предмета въ Пред. къ Сб. мат. XIII, стр. 306.

³⁾ См. вышеупомянутое соч. Н. О. Сумцова.

⁴⁾ Сб. мат. VII, 2, 87.

⁵⁾ Сб. мат. XXI, 2, 175.

⁶⁾ Сб. мат. XXIII, 3, 28.

⁷⁾ Сб. мат. XII, 106, гдѣ и указаны параллели.

⁸⁾ Сб. мат. VII, 1, 123.

⁹⁾ Ао. 236 а b c d, 237 а b c.

¹⁰⁾ Сб. мат. XIII, 289.

чортъ" ¹⁾. Изъ ямы злую жену выгоняетъ не чортъ, какъ въ русскихъ сказкахъ, но змѣй-чудовище. Дальше сказка развивается точно такъ же, какъ и вышеприведенная кабардинская „Злая жена и чудовище“.

При записи текстовъ сдѣланы отъ правописанія Услара въ его трудѣ по чеченскому языку ²⁾ слѣдующія два отступленія: вм. q поставленъ соотвѣтствующій ему знакъ k, а вм. ʒ—ʒ. Редакція руководствовалась при этомъ желаніемъ держаться однообразнаго начертанія въ транскрипціи инородческихъ текстовъ.

Л. Лопатинскій.

11 ноября 1900 г.
Тифлисъ.

¹⁾ Рудченко, Южно-русс. сказки I. 32.

²⁾ Въ изд. Кавк. уч. окр. Этнографія Кавказа. Языковѣдѣніе II. Чеченскій языкъ. Тиф. 1888.

Указатель предметовъ (мотивовъ сказокъ).

III отдѣла.

- А.** *Аттрибуты* расточительной и сварливой жены 38.
- В.** *Веселіе* (ликованіе) въ незнакомомъ городѣ по случаю возвращенія правителя 20. *Внѣшій чинарь* 33.
- Г.** *Городъ* незнакомый въ подземельѣ 20.
- Д.** *Дѣлель* (раздѣль) общаго имущества 4. *Дуплистое* дерево говоритъ 33; въ дуплистомъ деревѣ прячутся 33. *Душа* гдѣ находится 21.
- Ж.** *Женщина* причиной ссоры 4;—расточаетъ имущество 38;—сварливая 38.
- З.** *Завѣтъ* умирающаго отца 16. *Запретная* дверь (комната) 19. *Злая* жена 38. *Змѣй-чудовище* на днѣ ямы 39;—облегаетъ вокругъ селеніе и похищаетъ людей 39;—убиваетъ отъ злой жены 40.
- И.** *Имущество* нераздѣльное 4.
- К.** *Кипятокъ*, влитый въ ротъ, умерщвляетъ 34. *Конь* треногій, трouxій 18. *Красавица-сестра* трехъ нартовъ 18.
- М.** *Местъ* невѣрной женѣ 32. *Молочное озеро* 20.
- Н.** *Нора* см. яма.
- О.** *Одурачиваетъ* Насръ-Эддинъ другихъ 27. *Отверстіе* въ подземелье, см. яма.
- П.** *Перстень* брошенный указываетъ дорогу 20;—брошенный въ кубинишъ съ молокомъ подаетъ вѣсть 20. *Покойникъ*, приставленный къ дверямъ дома 34. *Похищеніе* красавицы 19. *Почетъ* выражается поднесеніемъ лучшихъ частей зарѣзаннаго животнаго 4. *Пустыня*, усѣянная трунами людей 17. *Пятки* острия у женщины 38.
- Р.** *Раздѣль* см. дѣлель. *Разстройство* желудка (мнимое), какъ признакъ виновности 39. *Расточаетъ* богачъ имущество преднамѣренно 38. *Рыжіе* волосы 38.
- С.** *Связанный* нартъ лежитъ на полу 19. *Свѣтъ* озаряетъ комнату 17;—идетъ отъ красавицы 17. *Синіе* глаза 38. *Согласіе* съ женою 19. *Стрѣлой* вырываютъ яму 17.
- Т.** *Топчуть* ногами см. ударъ.
- У.** *Ударъ* кулака выворачиваетъ на изнанку 19;—ноги оземь (объ-поль) средство для поднятія на воздухъ 19. *Убиваетъ* герой нартовъ одного за другимъ 18.
- Ч.** *Число* (эпическое): 3 брата-эрхустойцы 17;—дѣтеныша масточки 22; 5 дней работы 22;—мѣшковъ муки 27; 9 арбъ 27; 15 косарей 22.
- Х.** *Хитрость* Насръ-Эддина 27.
- Я.** *Яма* (нора), въ которую опускаются 17. 20;—въ которую заманиваютъ злую жену 38.

Указатель именъ.

Насръ-Эддинъ 27. Нарты см. эрхустойцы. Ханъ-Бургуль 17. Эрхустойцы-нарты 17.

ОТДѢЛЪ І.

ИСТОЧНИКИ ГРУЗИНСКИХЪ ЛѢТОПИСЕЙ.

Три хроники.

1. Обращеніе Грузіи (въ христіанство).

(Переводъ съ грузинскаго).

Когда царь Александръ ¹⁾ обратилъ въ бѣгство потомковъ сыновей Лота и оттѣснилъ ихъ въ полуночную страну, онъ нашелъ сперва свирѣпныя племена бунтурковъ ²⁾, жившихъ по теченію рѣки Куры, въ четырехъ городахъ съ ихъ пред-

¹⁾ Рѣчь идетъ объ Александрѣ Македонскомъ. Такимъ образомъ, наша хроника начинается отъ прихода въ Грузію Александра Македонскаго, тогда какъ Картлисѣ-цховреба начинаетъ свой разсказъ отъ Ноя. Но весь разсказъ Картлисѣ-цховреба до появленія Александра Македонскаго (см. М. Brosset. Histoire de la Géorgie, t. I, pp. 15—32) носитъ слишкомъ тенденціозный характеръ, и составленіе его ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отнесено ранѣе составленія нашей хроники, которая, безъ сомнѣнія, служитъ первоисточникомъ Картлисѣ-цховреба.

²⁾ Бунтурки или турки, иначе туранцы, по словамъ грузинской лѣтописи Картлисѣ-цховреба, будучи вытѣснены изъ своихъ предѣловъ персидскимъ царемъ Кайхосро, или Кайхосроемъ, обогнули Гургенское, т. е. Каспійское море и, слѣдуя вверхъ по теченію р. Куры, прибыли въ Мцхету въ количествѣ 28 (по другому варианту 28000) семействъ. Съ позволенія мцхетскаго мамасахлиса и всѣхъ картвеловъ, т. е. грузинъ, которымъ они обѣщали свое содѣйствіе въ борьбѣ противъ персовъ, бунтурки поселились въ пещерахъ скалы, къ западу отъ Мцхеты. Мѣсто это, сильно укрѣпленное ими, получило впоследствии названіе Саркине или Саркинети, что въ переводѣ значитъ мѣсто нахожденія желѣза. Въ указанномъ мѣстѣ теперь помѣщается извѣстный въ Грузіи пещерный монастырь Шіо-мгвиме (М. Brosset. Картлисѣ-цховреба, т. I, стр. 25, Списокъ Маріи, стр. 12. Histoire de la Géorgie, t. I

мѣстями. Онъ нашелъ городъ Саркине ¹⁾, Каспи ²⁾, Урбниси ³⁾ и Одзрахе ⁴⁾ и крѣпости ихъ: Цихе-диди ⁵⁾, крѣпость

рр. 30—33). Сень-Мартенъ (см. *Mémoires historique sur l'Arménie*, t. II, p. 44—48) появленіе бунтурковъ отождествляетъ съ переселеніемъ Орбеліановъ въ Грузію, о которомъ повѣствуетъ армянскій историкъ XIII вѣка Стефаносъ Орбеліанъ.

Самое слово „бунтуркъ“ академикъ Броссе объясняетъ и переводить: *turk primitif*, что, по нашему мнѣнію, невѣрно, по крайней мѣрѣ грузинскимъ языкомъ такое толкованіе нельзя оправдать. Слово „бунтуркъ“ состоитъ изъ двухъ словъ: изъ „бунъ“, грузинское „бун“ и „туркъ“, грузинское „турки“. Значеніе второго слова, какъ названія туранца, человѣка тюркскаго племени, извѣстно. Первое слово въ словарѣ Саввы-Сулхана Орбеліани, а затѣмъ у Д. Чубинова, означаетъ рукоятку копья. Слово это не грузинское, а армянское. Въ грузинскомъ языкѣ оно, вѣроятно, обозначало самое копье; вѣдь бываетъ, что названіе части предмета передается на самый предметъ (*pars pro toto*). Принимая такое предположеніе, „бунъ-туркъ“ будетъ означать турка-копьемосца.

¹⁾ Саркине, какъ выше указано, лежалъ на лѣвомъ берегу р. Куры въ 10 верстахъ къ сѣверо-западу отъ Мцхеты, тамъ, гдѣ нынѣ находится пещерный монастырь Шю-мгвие.

²⁾ Каспи нынѣ село на лѣвомъ берегу р. Куры, при впаденіи въ нее Лехуры, около теперешней станціи Закавказской желѣзной дороги „Каспи“.

³⁾ Урбниси тоже на лѣвомъ берегу р. Куры, въ 12 верстахъ отъ города Гори, нынѣ село подъ тѣмъ же названіемъ съ древнимъ базиличнымъ храмомъ. Слѣды городища въ Урбниси и до сихъ поръ хорошо замѣтны. Названіе Урбниси обыкновенно производятъ отъ латинскаго слова *urbs*—городъ. Если это вѣрно, то такое названіе должно было появиться послѣ римскаго владычества на Кавказѣ и не могло существовать при Александрѣ Македонскомъ.

⁴⁾ Одзрахе—прежній городъ и крѣпость въ Абастуманскомъ ущельи. Въ старину все ущелье носило названіе Оцхе или Оцхисъ-хеви. Старинная крѣпость Оцхе—большихъ размѣровъ, изъ необтесанныхъ камней, довольно хорошо сохранилась.

⁵⁾ Цихе-диди означаетъ по-грузински большую крѣпость. Остатки

Саркине; Уплись-цихе ¹⁾, крѣпость Каспи; крѣпости Урбнис-скую и Одзрахскую ²⁾.

И удивлялся Александръ и узналъ, что они (бунтурки) были потомки іевусеевъ, Ёли всякую плоть, но было у нихъ

этой крѣпости въ узкомъ лѣсистомъ ущельи, выходящемъ въ долину р. Куры съ правой стороны, около селенія Дзегви, какъ разъ напротивъ Шіо-мгвиме, не оправдываютъ этого названія. Здѣсь имѣлся только четырехугольная, суживающаяся къ верху, башня въ три яруса, изъ необтесанныхъ камней и рваныхъ плитъ. Длина ея въ нижней части 9 аршинъ 2 вершка, ширина 8 аршинъ 4 вершка. Ниже, на берегу рѣчки, небольшая церковь обычнаго типа, построенная изъ такого же матеріала, какъ башня. Церковь имѣетъ въ длину 10 аршинъ 9 вершковъ, а въ ширину 6 аршинъ 12 вершковъ. Дверь одна съ юга, а оконъ три. Недалеко отъ церкви колокольня, основаніе которой представляетъ четырехугольникъ, сложенный изъ простыхъ камней. Надъ нимъ шесть небольшихъ столбовъ изъ красныхъ тесаныхъ камней поддерживаютъ конусообразный навѣсъ изъ кирпича. Какъ мнѣ передавали, церковь эта привлекаетъ много богомольцевъ изъ Кахетіи въ первые дни послѣ Пасхи, при чемъ женщины непременно являются въ бѣлыхъ платьяхъ. Выше въ ущельи подъ скалами находятся источники сѣрной воды, горячей и холодной. Загородивъ входъ въ это ущелье, конечно, всегда можно превратить его въ большой укрѣпленный лагерь, такъ какъ ущелье съ другихъ сторонъ недоступно.

¹⁾ Уплись-цихе извѣстный пещерный городъ, высѣченный въ Квернакскихъ скалахъ на лѣвомъ берегу р. Куры, недалеко отъ гор. Гори. Уплись-цихе по-грузински означаетъ крѣпость господина или правителя.

²⁾ Въ К. Ц. сказано: Онъ (Александръ) нашелъ въ предѣлахъ Картли сильно укрѣпленные города: Цунду; Хертвисъ на р. Курѣ; Одзрахе, висящее на скалѣ Гадо; Тухарисъ на р. Сперъ, который называется и Чорохомъ; Урбниси; Каспи; Уплись-цихе; большой городъ Мцхету съ его предмѣстьями — Саркине, Цихе-диди, Занави, гдѣ жили евреи; Рустави; Деда-цихе; Самшвилде; Мткврисъ-цихе (дословно крѣпость Куры) или Хунанъ и города Кахетіи (К. Ц. 26. М. 14. Н. G. 32—33).

могиль, мертвыхъ пожирали ¹⁾.... И царь, не будучи въ силахъ бороться съ ними, ушелъ ²⁾).

¹⁾ Здѣсь въ оригиналѣ одна строчка выскоблена. Іевусей мелкое ханаанское племя, ведущее свое начало отъ Іевусея, одного изъ сыновей Ханаана, четвертаго сына Хамова. Іевусей сохранили свою независимость до царя Давида, который, наконецъ, завоевалъ ихъ главный городъ Іевусъ, перенесъ туда свою столицу и назвалъ Іерусалимомъ.

²⁾ Относительно прибытія въ Грузію Александра Македонскаго и обычаевъ ея жителей Картлись-цховреба говорить слѣдующее:

„Этотъ Александръ Македонскій выступилъ съ запада, пошелъ на югъ, проникъ на сѣверъ, перешелъ Кавказъ и явился въ Картлію. Онъ нашелъ, что всѣ картвелы по своимъ обычаямъ отвратительнѣе всѣхъ народовъ, ибо въ супружествѣ и сожительствѣ они не соблюдали родства, ѣли всякое животное, мертвыхъ пожирали, и, видя эти свирѣбые и языческіе народы, которыхъ мы называемъ бунтурками и кичкаками и которые жили по теченію р. Куры, Александръ удивлялся, ибо ни одинъ народъ не дѣлалъ ничего подобнаго“ (Н. Г. р. 32—33).

Это мѣсто Картлись-цховреба исполнено противорѣчія. Сначала говорится объ отвратительныхъ нравахъ грузинъ, а потомъ изъ-за этихъ нравовъ Александръ удивляется бунтуркамъ, какъ будто описанные нравы относятся къ бунтуркамъ, а не къ грузинамъ. На самомъ дѣлѣ такъ и было въ первоисточникѣ, т. е. въ подлежащей хроникѣ, откуда это мѣсто несомнѣнно взято; такимъ образомъ, наша хроника даетъ безусловное свидѣтельство того, что описаніе нравовъ и обычаевъ туранской колоніи въ Грузіи бунтурковъ отнесено въ Картились-цховреба къ грузинамъ. Мнѣ кажется, что это не есть случайная путаница, происшедшая по винѣ переписчиковъ, а напротивъ, составитель Картлись-цховреба, безъ сомнѣнія, ревностный христіанинъ, нарочно отнесъ это описаніе къ грузинамъ, чтобы тѣмъ рельефнѣе выставить ихъ дикость до принятія христіанства и умалить значеніе до-христіанской культуры, а также для того, чтобы возвысить просвѣтительное вліяніе Александра Македонскаго на грузинъ. Александръ вѣдь, по грузинскимъ хроникамъ, былъ благодѣтелемъ грузинъ. Онъ освободилъ ихъ отъ иноплемениковъ, прогналъ бунтурковъ, очистилъ нравы и обычаи, установилъ новую религію, т. е. поклоненіе солнцу, лунѣ, пяти главнымъ звѣздамъ и Богу невидимому, творцу вселенной. Послѣ ухода Александра, замѣчаетъ Картлись-цховреба, болѣе не ѣли человѣческаго мяса, а только приносили людей въ жертву

Въ то время пришли выселенныя халдейцами воинственныя племена хонновъ ¹⁾. Они испросили у владыки бунтурковъ мѣсто, подь *условіемъ платитъ* дань, и поселились въ Занавѣ.

И владѣли они имъ (Занавомъ), за который платили „харки“ (подать); поэтому называется онъ Херки ²⁾.

идоламъ (К. Ц. 27, 32. М. 13—16. Н. Г. 34, 43). Чѣмъ бы ни объяснили такую перетасовку фактовъ въ Картлись-цховреба, одно несомнѣнно, что вопросъ о каннибализмѣ грузинъ за древнѣйшій періодъ, который занималъ нѣкоторыхъ изслѣдователей на основаніи лѣтописнаго извѣстія, самъ собою падаетъ при свѣтѣ нашего источника.

¹⁾ Подь хоннами мы не подразумѣваемъ гуиновъ, какъ бы слѣдовало ожидать по транскрипціи этого слова, а остаемся при убѣжденіи, что въ грузинскомъ начертаніи этого слова ჯახხო пропущено титло. Съ титломъ это слово ჯახხო нужно прочесть какъ ჯრახხო, т. е. евреи. Что тутъ нужно читать евреи, это явствуетъ изъ соотвѣтствующаго мѣста Картлись-цховреба, гдѣ сказано слѣдующее: „Тогда царь Навуходносоръ взялъ Іерусалимъ, и выселенные оттуда евреи пришли въ Картлію и испросили у мцхетскаго мамасахлиса мѣсто подь *условіемъ дани*. Мамасахлисъ мцхетскій согласился и поселилъ ихъ на берегу Арагвы, у источника, который называется Занавомъ. За это мѣсто они платили „харки“ (подать). Нынѣ оно называется Херкъ изъ-за „харки“ (К. Ц. стр. 25. Н. Г. р. 31). То обстоятельство, что составитель Картлись-цховреба помѣстилъ это мѣсто нашей хроники ранѣе вступленія Александра Македонскаго въ Грузію и приурочилъ фактъ переселенія евреевъ ко взятію Іерусалима Навуходносоромъ, нисколько не мѣшаетъ нашему заключенію, потому что въ Картлись-цховреба нѣтъ ни случая, когда неопредѣленно выраженные событія первоисточника приурочиваются къ извѣстному историческому лицу и времени.

²⁾ Географъ Вахуштъ указываетъ Херкъ въ долину рѣчки Тедзами, лѣваго притока рѣки Арагвы, въ нынѣшнемъ Сагурамо, къ сѣверу отъ Мцхеты (Brosset. Description de la Géorgie par Vakhoucht, p. 285). Давидъ Ректоръ Месхипвили, извѣстный своею эрудиціею по исторіи и литературѣ Грузіи, въ примѣчаніи переписанной имъ Исторіи Грузіи царевича Вахушта замѣчаетъ: „Херкъ есть Сагурамо“ (Исторія царевича Вахушта, на груз. языкѣ, изд. Баградзе, стр. 35, примѣч. 1). Названіе Херкъ нельзя образовать этимологически отъ харки. Въ данномъ

Спустя нѣсколько времени, пришелъ Александръ, царь всей земли, разрушилъ эти три города и крѣпости и поразилъ хонновъ оружіемъ ¹⁾. Только съ городомъ Саркине онъ воевалъ одиннадцать мѣсяцевъ: онъ расположился съ западной стороны *отъ него*, насадилъ виноградникъ, провелъ оросительный каналъ изъ *рѣки* Ксани и поставилъ людей смотрѣть за каналомъ; и отъ „стаги“ канала назвали это мѣсто Настагиси ²⁾.

случаѣ мы имѣемъ дѣло съ народнымъ толкованіемъ географическихъ названій, а для народа такія сближенія достаточны для объясненія собственныхъ именъ.

¹⁾ По нашей хроникѣ, Александръ Македонскій два раза вступалъ въ Грузію. Первый разъ онъ не могъ одолѣть бунтурковъ, но во второй разъ заставилъ ихъ удалиться. Грузинскій текстъ Картлисцхovreба, изданный академикомъ Броссе, равно какъ и списокъ царицы Маріи, указываютъ только на одинъ приходъ. Но Баратовскій списокъ, имѣющійся въ библиотекѣ Общества грамотности въ Тифлисѣ (№ 25), содержитъ свѣдѣнія, сходныя съ нашею хроникой. Здѣсь мы читаемъ: და ენება, რათამცა აღმოფხურნა იგინი ქალაქებისა მისგან, არამედ მას უამსა ვერ უძლო, რამეთუ ჰოვნა ციხენი მაგარნი და ქალაქი ძლიერნი. კვლად გამოვიდეს სხვანი ნათესავნი ქალდეველნი და დაეშენეს იგინიცა ქართლს. შემდგომად ამისა განძლიერდა ალექსანდრე და დაიპყრა ყოველი ქვეყანა და აღმოვიდა ქვეყანასა ქართლისასა და ჰოვნა ციხე-ქალაქი ესე ძლიერნი. „И онъ (Александръ) хотѣлъ вытѣснить ихъ (бунтурковъ) изъ городовъ, но въ то время онъ не смогъ сдѣлать этого, такъ какъ нашелъ крѣпости ихъ неприступными, а города сильно укрѣпленными. Затѣмъ пришли другіе народы, халдейцы, и поселились въ Картліи. Послѣ этого Александръ сдѣлался могущественнымъ, покорилъ весь свѣтъ, пришелъ въ страну картлійскую и нашелъ эти укрѣпленные города и крѣпости“. То же самое, какъ видно изъ одного примѣчанія, было и въ другихъ спискахъ, имѣвшихся у Броссе, хотя грузинскаго текста этого прибавленія онъ почему-то не напечаталъ (Н. Г. р. 33, п. 4).

²⁾ Въ К. Ц. и на картѣ царевича Вахушта это названіе приведено въ формѣ „Настакиси“, а въ армянскомъ переводѣ „Картлисцхovreба“, или въ Армянской хроникѣ, какъ обыкновенно называютъ

Потомъ Александръ взялъ Саркине: сами бунтурки оставили его и удалились. И царь Александръ держалъ при себѣ Азо, сына царя Картли Арана ¹⁾; онъ далъ ему во вла-

этотъ переводъ, въ формѣ „Астаки“ (Brosset. Additions à l'histoire de la Géorgie p. 7). Слово „настагиси“ по своему образованію означаетъ мѣсто, гдѣ раньше былъ „стаги“. А „стаги“ въ словарѣ Саввы Сулхана Орбеліани, а затѣмъ и Чубинова, означаетъ „начало канала“. Не соглашаясь съ подобнымъ объясненіемъ „стаги“ грузинскихъ лексикографовъ, профессоръ Н. Марръ, въ интересной своей замѣткѣ: „Мнимое географическое названіе ъротастакъ, въ Исторіи Агавангела“ (Зап. Импер. Русск. Арх. Общ. т. IX, стр. 192—195), даетъ другое толкованіе этому слову. По объясненію Н. Марра, „стак“ есть персидское слово, означающее „свѣжій побѣгъ, вѣтку, въ частности виноградную лозу, виноградникъ, а другое слово „рой“ — *روى* (это слово, впрочемъ, всегда употребляется въ грузинскомъ языкѣ въ формѣ *რუი*—руи, каковая форма тамъ же, въ рукописи обращенія Грузіи въ христіанство, два раза повторяется въ видѣ *რუივანობი* и производнаго *ჲრუივანობი*. Марръ считаетъ такую форму вульгарною, хотя и существовавшею въ X вѣкѣ), происходитъ также отъ персидскаго „род“ или „рот“ и означаетъ рѣку, каналъ. Такимъ образомъ, благодаря грузинскому тексту нашей хроники, Н. Марръ мнимое географическое названіе ъротастакъ, въ Исторіи Агавангела, объяснилъ какъ „виноградникъ, орошаемый каналами“. Въ нашемъ же текстѣ „Настагиси“, или „Настакиси“, судя по этому объясненію, будетъ означать „мѣсто, бывшее подъ виноградникомъ“.

¹⁾ Картли—бывшій городъ и крѣпость въ нынѣшнемъ Армазскомъ ущельи, въ шести верстахъ къ югу-западу отъ Мцхеты, давшій названіе всей Грузинской странѣ. По словамъ К. Ц., съ тѣхъ поръ какъ царь Фарнавазъ поставилъ на горѣ, возвышающейся надъ ущельемъ, идолъ Армаза (или Ормузда Зороастровой религіи), Картли стала называться Армазомъ. Подъ послѣднимъ названіемъ онъ извѣстенъ и у классическихъ авторовъ, ибо въ Армазѣ грузинскихъ источниковъ нельзя не видѣть Ἀρμαζική Страбона, Ἀρμαζιχα Птоломея и Ἀρμαζις Плинія. Камень съ греческою надписью 75 года по Р. Х., найденный въ Мцхетѣ, тоже, по мнѣнію Ренье, упоминаетъ объ Армазѣ (Помяловскій. Сборникъ латинскихъ и греческихъ надписей Кавказа, стр. 68).

дѣніе Мцхету и, назначивъ ему границами Эрети, Эгрисъ-цкали, Сомхитію и Црольскую гору, ушелъ ¹⁾).

Царь Картли Аранъ въ К. Ц. неизвѣстенъ. По словамъ К. Ц., во время прихода Александра Македонскаго въ Грузію, въ Мцхетѣ сидѣлъ мамасахлисъ (домовладыка) Самара (К. Ц. 29. Н. Г. 36). Этимъ К. Ц. подчеркиваетъ, что, до прихода Александра Македонскаго, въ Грузіи не существовало царской власти, а было родовое правленіе, и старшій въ родѣ назывался мамасахлисомъ. Что касается до Азо, то объ немъ упоминается въ К. Ц., гдѣ онъ именуется Азономъ; но Азонъ считается грекомъ, сыномъ Іаредоса, поставленнымъ Александромъ правителемъ или патрикомъ надъ Грузією (К. Ц. 27. Н. Г. р. 34). Въ древней исторіи Грузіи царевича Теймураза, изданной профессоромъ Д. Чубиновымъ въ Петербургѣ въ 1844 году, стр. 110, приведена такая замѣтка: სრულიად საქართველოს კათოლიკოსი არსენი დიდი სწერს აზონს ძედ არიანესსა. „Католикосъ всей Грузіи Арсеній Великій Азона пишетъ сыномъ Арианесса“.

¹⁾ Границы эти не указаны въ К. Ц. Она только упоминаетъ, что Азонъ покорилъ всѣ предѣлы Грузіи отъ рѣки Бердуджи до Сперскаго моря, присоединилъ къ Грузіи Эгриси (Мингрелію) и обложилъ данью осовъ, лековъ (лезгинъ) и хазарь (К. Ц. 28. Н. Г. 34).

Эрети—часть Кахетіи, или области по бассейнамъ рѣкъ Алазани и Юры. Область эта простиралась къ востоку до Кавказскихъ горъ, къ западу до р. Куры, къ сѣверу до озера Тке-тба или Гулгулы, что выше Телава, къ югу до впаденія Алазани въ р. Куру. Здѣсь, въ промежуткѣ между сліяніемъ Алазани и Юры, былъ городъ Эрети, впоследствии получившій названіе Хоранта. Городъ этотъ былъ разрушенъ при нашествіи арабовъ въ VII вѣкѣ. Послѣ раздѣленія Грузіи на три царства съ 1466 г., по словамъ царевича Вахушта, земли, входившія въ составъ Эрети, получили названіе—Гагма-мхари, Элисени, Шигнитъ-Кахети (внутренняя Кахетія), Кисики и Гаретъ-Кахети (внѣшняя Кахетія. Géographie de la Géorgie pp. 313, 331, 285).

Подъ Эгрисъ-цкали обыкновенно разумѣютъ р. Ингуръ, на которомъ лежалъ городъ Эгрисъ или Бедія.

Сомхитія иначе Армения. Границею между Арменией и Грузією служила р. Дебеда или Бердуджи.

Црольская гора у Вахушта не упоминается. Я не нашелъ ея и въ другихъ грузинскихъ источникахъ. Она, какъ видно, составляла сѣверную границу Грузіи и, стало быть, должна была входить въ составъ Кавказскихъ горъ.

Между тѣмъ этотъ Азо отправился въ Картли, къ Арану, отцу своему, привелъ *оттуда* восемь домовъ и десять домовъ сородичей ¹⁾ *своихъ* и поселился въ старой Мцхетѣ, имѣя при себѣ богами идоловъ — Гаци и Гаимъ ²⁾.

¹⁾ Въ оригиналѣ მამა-მკუქეთანი (мама-мдзудетани). Мама-мдзуде собственно значить отець-кормилецъ, затѣмъ воспитатель, дядька. Въ данномъ случаѣ слово это, по нашему мнѣнію, означаетъ болѣе общее родство и нужно понимать въ смыслѣ домочадецъ, сородичь.

²⁾ Царевичъ Теймуразъ въ цитованной нами уже книгѣ (стр. 111), ссылаясь предварительно на „Разсказъ католикоса Арсенія Великаго“ (კათოლიკოსის არსენის დიდისა მოთხრობისაგან), даетъ намъ свѣдѣнія, составляющія вариантъ для этого мѣста нашей хроники: არამედ კვლად წარვიდა აზონ მამისა თჳსისა მიმართ არიანნესა და მოიყვანა მუნიოთ ათი სახლი ჩინებულთა და ათასი სახლი მდაბიონი და ყოველნი დედა-წუელითურთ მათით მოვიდეს და დაეშენენ ქართლს (ესე აგი საქართველოსა შინა) და თანა ჰყვეს მათ კერპნი მათნი ლუთად.... „Но Азонъ опять отправился къ отцу своему Арианнесу и привелъ оттуда десять домовъ знатныхъ и тысячу домовъ простыхъ (людей), всѣхъ со своими семействами. Они пришли и поселились въ Картли, т. е. въ Грузію, и имѣли при себѣ богами идоловъ своихъ“... Историческій трудъ католикоса Арсенія, выписки изъ котораго имѣлъ въ своихъ рукахъ царевичъ Теймуразъ, какъ онъ объ этомъ самъ заявляетъ въ своемъ трудѣ (стр. 49, 83), — до сихъ поръ еще не разысканъ. Въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи объ Азонѣ Теймуразъ всецѣло слѣдуетъ Картлис-цховреба, и Арианнеса, отца Азона, считаетъ владѣтелемъ (მთავარი) македонскимъ, а не царемъ Картли. Поэтому нужно полагать, что, по мнѣнію Теймураза, а можетъ-быть, и самого католикоса Арсенія, Азонъ отправился въ Македонію, къ отцу своему, и оттуда привелъ своихъ сородичей. Выраженіе нашей хроники: „восемь домовъ и десять домовъ“, вмѣсто одного слова „восемнадцать“, заставляетъ думать, что тутъ пропущены опредѣленія въ родѣ: „знатныхъ“ и „простыхъ“, какъ это мы видимъ въ вышеприведенной выпискѣ изъ труда Теймураза. Наша хроника, по всему видно, представляетъ какъ бы извлечение изъ какого-то болѣе пространнаго, намъ неизвѣстнаго, историческаго труда, и конспективный характеръ ея даетъ себя чувствовать на каждомъ шагѣ.

По смыслу одного мѣста второй части нашей хроники, старая Мцхета должна была находиться на правомъ берегу р. Куры тамъ, гдѣ окан-

1. И этотъ Азо, сынъ царя картвеловъ, былъ первымъ царемъ въ Мцхетѣ, и умеръ онъ.

2. Послѣ него царемъ сталъ Фарнавазъ ¹⁾. Онъ воз-

чивается скала, идущая отъ Армаза. Въ армянскомъ переводѣ К. Ц. (см. у Броссе *Chronique Armenienne* въ его *Addition* въ стр. 7). Мцхета считается предмѣстьемъ Саркине. По даннымъ нашей хроники, до прихода Александра Македонскаго въ Грузію, цари сидѣли въ Бартли или Армазѣ, и затѣмъ престолъ былъ перенесенъ въ Мцхету, но Армазъ все еще не утрачиваетъ своего значенія и даже играетъ первостепенную роль, потому что онъ все болѣе и болѣе укрѣпляется и украшается разными идолами послѣдующими царями, тогда какъ объ украшеніи и укрѣпленіи Мцхеты они и не думаютъ; по крайней мѣрѣ, мы объ этомъ не имѣемъ свѣдѣній въ нашей хроникѣ. Только при восьмомъ царѣ Братманѣ кладется основаніе городу въ Мцхетѣ (значитъ, до того тамъ города не было) и оканчивается при девятомъ царѣ Миреанѣ. По извѣстіямъ же К. Ц., Мцхета играетъ большую роль еще до пришествія въ Грузію Александра Македонскаго. Здѣсь сидятъ правители или мамасахлисы Грузіи, которые принимаютъ бунтурковъ, евреевъ и другихъ иноплеменниковъ, пришедшихъ въ Грузію, и отводятъ имъ мѣста въ окрестностяхъ Мцхеты, а затѣмъ, послѣ ухода Александра и убіенія ставленника его Азона Фарнавазомъ, первымъ царемъ Грузіи, въ Мцхетѣ учреждается резиденція грузинскихъ царей.

Относительно идиоловъ Гаца и Гаима подробнѣе будетъ сказано ниже во второй части нашей хроники.

¹⁾ Картлисъ-цховреба Фарнаваза считаетъ потомкомъ легендарнаго Уплоса, сына Мцхетоса, первымъ царемъ Грузіи, племянникомъ Самары, который во время прихода въ Грузію Александра Македонскаго былъ мамасахлисомъ въ Мцхетѣ. Отецъ Фарнаваза и Самара были убиты Александромъ, а трехлѣтняго Фарнаваза мать его, иснаганская персіянка, спасла бѣгствомъ въ горы. Возмужавъ, Фарнавазъ явился въ Грузію, вступилъ въ союзъ съ Куджи, правителемъ Кларджета, пригласилъ лековъ и осетинъ, убилъ въ битвѣ Азона и завладѣлъ всею Грузіей. Очистивъ Грузію отъ владычества грековъ, Фарнавазъ учредилъ восемь эриставствъ, окружилъ Мцхету крѣпкою стѣною, построилъ города и крѣпости, ввелъ алфавитъ и создалъ письменность грузинскую. Словомъ, этому царю приписывается въ Картлисъ-цховреба столько дѣлъ,

двигъ большой идолъ на выступъ горы и далъ ему имя Армазъ; возвелъ стѣну со стороны рѣки, и называется это укрѣпленіе Армазомъ ¹⁾).

3. Послѣ него царемъ сталъ Саурмагъ ²⁾). Онъ воздвигъ на дорогѣ идолъ Айнину и сталъ строиться въ Армазѣ ³⁾).

4. Послѣ него царствовалъ Мирванъ ⁴⁾). Онъ воздвигъ впереди, надъ дорогою, идолъ Данину и достроилъ Армазъ ⁵⁾).

сколько хватило бы на многихъ царей (К. Ц. стр. 28—32. Списокъ царицы Маріи стр. 16—22. Н. Г. р. 36—43).

¹⁾ К. Ц.: „Этотъ Фарнавазъ въ честь своего имени сдѣлалъ большой идолъ, который есть Армазъ, вѣдь и Фарнаваза по-персидски называли Армазомъ. Онъ воздвигъ этотъ идолъ на вершинѣ Картли, который съ тѣхъ поръ отъ этого идола сталъ называться Армазомъ. Съ большимъ торжествомъ обставилъ онъ воздвиженіе этого идола“ (К. Ц. стр. 32. М. 21. Н. Г.). Во второй части нашей хроники Святая Нина подробно описываетъ названный идолъ.

²⁾ Этотъ Саурмагъ, по словамъ Картлисъ-цховреба, есть сынъ Фарнаваза.

³⁾ К. Ц.: „И сѣлъ Саурмагъ въ Мцхетѣ царемъ; онъ еще болѣе увеличилъ крѣпости мцхетскія и картлійскія (т. е. армазскія), сдѣлалъ два идола Айнину и Данану и поставилъ ихъ на дорогѣ въ Мцхету“. Многіе видятъ въ послѣднемъ идолѣ Дану латинскую (К. Ц. стр. 33. Н. Г. р. 44). Въ списокѣ Маріи (стр. 23) названіе послѣдняго идола Дана.

⁴⁾ По словамъ Картлисъ-цховреба, этотъ Мирванъ былъ Небротидъ, т. е. персъ, который былъ усыновленъ бездѣтнымъ Саурмагомъ. „Тогда, говоритъ Картлисъ-цховреба, Саурмагъ привелъ изъ Персіи потомка Неброта, родственника своей жены, сына сестры матери ея, и держалъ его у себя въ качествѣ сына; звали его Мирванъ“ (К. Ц. стр. 33. М. 23. Н. Г. 44).

⁵⁾ Мы уже видѣли выше, что К. Ц. этотъ идолъ называетъ Дананою и постановку его приписываетъ Саурмагу, а не Мирвану. О постройкахъ въ Армазѣ нѣтъ свѣдѣній въ Картлисъ-цховреба, но зато Мирвану приписывается лѣтописью сооруженіе Даріальскихъ воротъ: „И вступилъ Мирванъ, читаемъ въ Картлисъ-цховреба, въ Дурдзукетію,

5. И царствовалъ Фарнаджобъ ¹⁾. Онъ воздвигъ идола Заденъ на горѣ и выстроилъ *крѣпость* [Заденъ] ²⁾.

6. И царствовалъ Арс[акъ] ³⁾, который окружилъ городъ стѣнами ⁴⁾.

7. И царствовалъ Арикъ, который построилъ въ Армазѣ внутреннюю крѣпость (акрополь) ⁵⁾.

опустошилъ Дурдзукети и Чартали, сдѣлалъ ворота изъ камня на извести и назвалъ Дарубаль“ (К. Ц. стр. 34. М. 24. Н. Г. р. 45—46).

¹⁾ По Картлисѣ-цховреба, Фарнаджомъ, сынъ Мирвана.

²⁾ Послѣднее слово въ рукописи стерто и совершенно исчезло, но что здѣсь нужно подразумѣвать слово Заденъ, это видно изъ слѣдующаго мѣста Картлисѣ-цховреба: „Этотъ (Фарнаджомъ) увеличилъ постройки городовъ и крѣпостей; онъ построилъ крѣпость Заденъ и сдѣлалъ идола по имени Заденъ“ (К. Ц. стр. 34. Н. Г. р. 44). Идолъ Заденъ стоялъ на горѣ того же имени, которая тянется по лѣвому берегу рѣки Арагвы, къ сѣверо-востоку отъ Мцхеты, на томъ мѣстѣ, гдѣ находится теперь Зедазенскій монастырь, построенный Иоанномъ Зедазійскимъ, однимъ изъ 13 сарскихъ отцовъ. Слово Заденъ отождествляютъ съ словомъ Юпитеръ безъ достаточныхъ, впрочемъ, по нашему мнѣнiю, основанiй (Н. Г. 203, п. 2. Исторiя Грузiи царевича Теймураза, стр. 120 прим.).

³⁾ Конецъ этого слова и слѣдующее въ рукописи попорчено. Ниже такое же слово приведено въ формѣ Арсукъ. Картлисѣ-цховреба этого царя называетъ Аршакомъ. Арсакъ, Аршакъ и Арсукъ одно и то же. По словамъ лѣтописи, этотъ Аршакъ былъ сынъ армянскаго царя (Ардашеса), онъ былъ женатъ на дочери грузинскаго царя Мирвана. Его призвали на грузинскiй престолъ отложившiеся отъ Фарнаджома эриставы, такъ какъ Фарнаджомъ ввелъ въ Грузiю поклоненiе огню, т. е. вѣру отцовскую, и оставилъ вѣру материнскую (К. Ц. стр. 34—35. М. 25. Н. Г. р. 48):

⁴⁾ К. Ц.: „Этотъ (Аршакъ) покорилъ всю Грузiю и царствовалъ спокойно, умножилъ крѣпости грузинскiя и главнымъ образомъ укрѣпилъ стѣны города Цунды въ Джавахети“ (К. Ц. стр. 35. М. 25—26. Н. Г. 48).

⁵⁾ Слѣдующiй за Аршакомъ царь въ Картлисѣ-цховреба носитъ названiе Артага, имя котораго нельзя не сблизить съ Артокомъ (Ἀρτώχης, Arthoces, Ὀτώχος), извѣстнымъ иностраннымъ писателямъ Анпиану, Флору и Диону Кассiю (Н. Г. р. 49. Ганъ. Извѣстiя древ-

8. И царствовалъ Братманъ, при которомъ въ Мцхетѣ положено было начало городу ¹⁾.

9. И царствовалъ Миреанъ, и онъ достроилъ городъ Мцхету ²⁾.

10. И царствовалъ Арсукъ, который завоевалъ Каспи и привелъ въ порядокъ Уплись-цихе ³⁾.

11. И царствовалъ Рокъ, который совершенно выдѣлилъ Мцхету, и царство раздѣлилось на двѣ части, сѣли два царя, *одинъ по ту, а другой по сю сторону рѣки Куры* ⁴⁾.

нихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ, стр. 165, 172). По словамъ К. Ц., Артагъ былъ сынъ Аршака. О постройкѣ Артагомъ акрополя (дословно внутренней крѣпости) въ Армазѣ К. Ц. ничего не говоритъ, она только въ общемъ отзывается объ немъ, что онъ укрѣпилъ города и крѣпости (К. Ц. 36. М. 26. Н. Г. р. 49).

¹⁾ Въ К. Ц. имя этого царя приводится въ формѣ Бартомъ или Бартомъ, и онъ считается сыномъ Артага. О строительной дѣятельности его К. Ц. говоритъ: „Онъ (Бартомъ) увеличилъ укрѣпленія мцхетскія и всѣхъ крѣпостей Картліи“ (К. Ц. 36. М. 26. Н. Г. 49).

²⁾ Миреанъ или Мирванъ, по словамъ К. Ц., былъ сынъ Фарнаджома, воспитанный въ Персіи. О достройкѣ имъ Мцхеты въ К. Ц. нѣтъ извѣстій (К. Ц. 37. М. 26. Н. Г. 51).

³⁾ Арсукъ въ К. Ц. извѣстенъ въ формѣ Аршакъ, который считается сыномъ Мирвана. О завоеваніи Каспи этимъ царемъ К. Ц. ничего не говоритъ, а объ Уплись-цихе сообщаетъ, что Аршакъ прибавилъ къ укрѣпленіямъ Уплись-цихе (К. Ц. 38—39. М. 28. Н. Г. 51—3).

⁴⁾ Въмѣсто Рока, въ К. Ц. указывается Адеркъ, сынъ Бартома. Въ царствованіе Адерка, по словамъ К. Ц., имѣли мѣсто земная жизнь І. Христа, Его проповѣдь и смерть, а также проповѣдь апостола Андрея въ Грузіи. Въ нашей хроникѣ нѣтъ упоминанія о проповѣди Андрея, а проповѣдь и смерть Христа указываются въ царствованіе Амазаера (объ немъ рѣчь будетъ ниже), а не Рока или Адерка. Раздѣленіе Грузіи на два царства К. Ц. относить къ Адерку, который всю страну раздѣлилъ между двумя своими сыновьями—Картамомъ и Бартомомъ (К. Ц. 39—47. Н. Г. 53—64). Выраженіе нашей хроники „по сю сторону“ указываетъ на лѣвый берегъ р. Куры и страну на сѣверъ отъ этой рѣки; главнымъ городомъ этой части страны была Мцхета; выраженіе: „по ту сторону“

12. И царствовалъ въ Армазѣ Каррамъ, а въ Мцхетѣ Братманъ ¹⁾. Въ ихъ царствованіе пришли и поселились въ Мцхетѣ евреи ²⁾.

13. И царствовалъ по ту сторону Фарсманъ, а по сю сторону Каозъ ³⁾.

14. И царствовалъ по ту сторону Арсокъ, а по сю сторону Амазаерь ⁴⁾.

15. И царствовалъ по ту сторону Амазаспъ, а по сю сторону Дерукъ ⁵⁾.

16. И царствовалъ по ту сторону Фарсманъ Доблестный, а по сю сторону Фарсманъ Авазъ (Барсъ) ⁶⁾.

17. И царствовалъ по ту сторону ⁷⁾ Рокъ, а по сю

имѣетъ въ виду правый берегъ Куры и страну къ югу отъ нея; столицею этой части служилъ Армазъ, прежній Картли. Кромѣ того, эти выраженія показываютъ, что наша хроника, или покрайней мѣрѣ ея первоисточникъ, должна быть написана въ Мцхетѣ.

¹⁾ Мы уже указали выше, что въ К. Ц. имена этихъ царей читаются въ формѣ Картама и Бартома.

²⁾ Относительно прихода евреевъ въ К. Ц. читаемъ: „Въ царствованіе этихъ царей (Картама и Бартома) Веспасіанъ, кесарь римскій, взялъ Иерусалимъ, и бѣжавшіе оттуда евреи явились въ Мцхету и поселились вмѣстѣ съ прежде приходшими“ (К. Ц. 47. М. 31. Н. Г. р. 64).

³⁾ По К. Ц., тоже Фарсманъ и Каосъ, сыновья Бартома и Картама (К. Ц. 48. Н. Г. 64).

⁴⁾ По К. Ц., Азоркъ и Армазель, сыновья Фарсмана и Каоса (К. Ц. 48.—51. М. 32. Н. Г. 65.—71).

⁵⁾ По К. Ц., Амазаспъ и Дерокъ, сыновья Азорка и Армазеля (К. Ц. 51. Н. Г. 71).

⁶⁾ По К. Ц., Фарсманъ Доблестный и Мирдатъ, сыновья Амазаспа и Дерока (К. Ц. 52. Н. Г. 71). Итакъ, въ К. Ц. нѣтъ упоминанія о Фарсманѣ Авазѣ. Что касается до Мирдата, въ предлагаемой хроникѣ онъ указывается ниже.

⁷⁾ Въ грузинскомъ текстѣ ошибочно написано: „по сю сторону“.

сторону Мирдатъ. При послѣднемъ царская власть пресѣклась въ Армазѣ и сосредоточилась исключительно въ Мцхетѣ ¹⁾.

18. И царствовалъ Гадамъ двадцать дней ²⁾.

19. И—Фарсманъ ³⁾.

20. И—Амазаспъ ⁴⁾.

21. И—Ревъ Справедливый ⁵⁾.

22.—Ваче ⁶⁾.

23.—Бакуръ ⁷⁾.

24.—Мирдатъ ⁸⁾.

25.—Асфагуръ ⁹⁾.

26.—Левъ, отецъ ¹⁰⁾

¹⁾ Въ К. Ц. царь Рокъ совсѣмъ не упоминается, а Мирдатъ, какъ мы видѣли, указанъ въ предыдущемъ царствованіи вмѣсто Фарсмана Аваза. Такимъ образомъ, К. Ц. одну смѣну царей совершенно пропускаетъ и уничтоженіе двоецарствія относить ко времени предшествующихъ царей Фарсмана Доблестнаго и Мирдата. Извѣстія объ этихъ событіяхъ довольно подробно изложены въ К. Ц. (К. Ц. 52—54. М. 37—40. Н. Г. 71—74).

²⁾ Дословно въ текстѣ сказано: „И царствовалъ Гадамъ и дней 20“. Въ К. Ц. этотъ царь носитъ имя Адама, считается сыномъ Фарсмана Доблестнаго и царствуетъ три года (К. Ц. 54. М. 40. Н. Г. 74).

³⁾ По К. Ц., тоже Фарсманъ, сынъ Адама. По словамъ К. Ц., Фарсману былъ всего годъ, когда умеръ его отецъ, а потому до его совершеннолѣтія престоломъ правила бабушка его по отцу, жена Фарсмана Доблестнаго, Дадана (въ спискахъ Маріи и Мингрельскаго—Гадана). (К. Ц. 54. М. 40. Н. Г. 74).

⁴⁾ По К. Ц., Амзаспъ, сынъ Фарсмана.

⁵⁾ По К. Ц., тоже Ревъ Справедливый, сынъ армянскаго царя.

⁶⁾ По К. Ц., тоже Ваче, сынъ Рева.

⁷⁾ По К. Ц., тоже Бакуръ, сынъ Ваче.

⁸⁾ По К. Ц., тоже Мирдатъ, сынъ Бакура.

⁹⁾ По К. Ц., тоже Асфагуръ, сынъ Мирдата (К. Ц. 56—57. М. 42—43. Н. Г. 77—79).

¹⁰⁾ Этотъ Левъ неизвѣстенъ ни въ К. Ц., ни въ другихъ грузинскихъ источникахъ.

27. Миреана ¹⁾.

Эти двадцать восемь (?) царей въ Картліи были язычниками ²⁾.

Во дни царя Константина, въ 310-мъ году послѣ Вознесенія Христова, враги отличались подвигами на войнѣ и сильно брали верхъ надъ царемъ Константиномъ, сыномъ Костая, и кесарь Константинъ былъ въ отчаяніи отъ горя ³⁾.

¹⁾ По К. Ц., тоже Миреанъ или Миріанъ (и та другая форма одинаково употребляются въ Картлись-цховреба). Миреанъ, по словамъ К. Ц., былъ сынъ не грузинскаго царя Льва, какъ сообщаетъ наша хроника, а царя персидскаго Касре Ардашира, Сасанида; Миреанъ былъ сынъ Касре однако не отъ законной жены, а отъ рабыни. По просьбѣ грузинъ, царь персидскій привезъ въ Грузію семилѣтняго своего сына, котораго по-персидски называли Михранъ, а по-грузински Миріанъ, женилъ его на дочери царя Асфагура Абушеръ и сдѣлалъ царемъ всей Грузіи. Въ этомъ приглашеніи большую роль игралъ спасеть грузинскій Майжанъ. Семилѣтнему своему сыну въ качествѣ воспитателя и регента Касре Ардаширъ оставилъ одного знатнаго перса, по имени Мирваноза (К. Ц. 60—64. М. 44—49. Н. Г. 80—83).

²⁾ Счетъ, веденный въ самой хроникѣ числовыми буквами, указываетъ 27 царей послѣ прихода въ Грузію Александра Македонскаго. Въ итогѣ приводится число 28 потому, вѣроятно, что составитель хроники имѣетъ въ виду и Арана, царя Картли (впослѣдствіи Армаза), сына котораго Александръ сдѣлалъ первымъ мцхетскимъ царемъ. Во второй части нашей хроники, или въ Житіи св. Нины сохранилось завѣщаніе Миреана, въ которомъ онъ считаетъ себя 36—ымъ царемъ Грузіи. Судя поэтому, до Арана, или прихода Александра Македонскаго, въ Грузіи было еще восемь царей, имена которыхъ не сохранились.

³⁾ Выраженіе: „послѣ Вознесенія Христова“ часто употребляется въ грузинскихъ источникахъ вмѣсто выраженія: „послѣ Рождества Христова“. Кто такіе были враги Константина, наша хроника не указываетъ, но нужно полагать, что рѣчь идетъ о Максенціи и его борьбѣ съ Константиномъ. Между тѣмъ К. Ц. считаетъ пужнымъ отнести эти событія къ войнѣ Миреана и персидскаго царя противъ Константина. По словамъ К. Ц., когда въ Персіи воцарился сынъ Бартама, племянникъ Миреана, то персидскій царь пригласилъ Миреана къ совмѣстной войнѣ.

Тогда былъ нѣкій человекъ изъ Эфеса, и изложилъ онъ передъ царемъ, что римскіе и всѣ индійскіе христіане, и всякій, имѣющій новую религію Св. Христа, дровомъ креста и упованіемъ на него сильно побѣждаютъ враговъ.

Тогда царь двинулся со своими легионами и послалъ привести епископовъ изъ Іерусалима, Антиохіи, Рима и Александріи, и приняли крещеніе самъ государь со своимъ станомъ и мать его ¹⁾).

Спустя десять лѣтъ послѣ этого, Елена отправилась въ Іерусалимъ искать Честный Крестъ ²⁾, а четырнадцать лѣтъ

противъ грековъ. Миріанъ согласился, и цари съ войскомъ прошли Арменію и вступили въ предѣлы Греціи. „А греческій царь Константинъ, продолжаетъ К. Ц., не могъ устоять противъ нихъ и впалъ въ большую горе, между тѣмъ враги начали опустошать Грецію. Тогда служители Божіи убѣждали царя Константина, и сказали ему: „Взгляни на чудеса Христа и на побѣды вѣрующихъ въ Него, ибо всѣ вѣрующіе во Христа подъ знаменемъ креста побѣждаютъ враговъ своихъ“. И царь Константинъ повѣрилъ имъ, какъ это ясно написано въ лѣтописи грековъ, принялъ крещеніе, приказалъ нести впереди изображеніе креста и съ небольшимъ войскомъ вступилъ въ битву съ безчисленнымъ полчищемъ персовъ, смялъ станъ ихъ и истребилъ большую часть враговъ“. Затѣмъ, по увѣренію К. Ц., Константинъ заключилъ миръ съ царемъ грузинскимъ Миріаномъ и взялъ въ заложники сына Миріана, Бакара (К. Ц. 63—64. М. 53—54. Н. Г. 88—89).

¹⁾ Извѣстно, что Константинъ принялъ крещеніе только предъ своею смертію въ 337 году, но грузинскіе источники, послѣ побѣды Константина надъ Максенціемъ (312 г.) и объявленія имъ свободнаго исповѣданія христіанства въ Миланѣ (313 г.), считаютъ его христіаниномъ. По нашей хроникѣ выходитъ, что Константинъ принялъ крещеніе въ 310 году, но во второй части, какъ увидимъ, то же самое событіе отнесено къ 311 году. Подробностей этихъ двухъ параграфовъ, какъ мы видѣли изъ предыдущаго примѣчанія, въ К. Ц. нѣтъ.

²⁾ Значить, въ 320 году, если обращеніе Константина въ христіанство отнести къ 310 году. Честный Крестъ былъ найденъ Еленою, по вычисленіямъ Лебо, въ 326 г., а по вычисленіямъ Флери, въ 327 г. (Н. Г. р. 120. п. 4).

спустя ¹⁾, бѣжала по какой-то причинѣ со своей кормилицей нѣкая женщина изъ царскаго рода ²⁾, по имени Рипсима.

А съ нею вмѣстѣ была одна прекрасная плѣнница, женщина по имени Нино, дѣла которой разслѣдовала царица Елена: она была владѣтельница римлянка, сама пустилась въ свое путешествіе и, совершая исцѣленія, достигла Греціи, и настаивала владѣтельница Рипсима.

Отправившись моремъ, Рипсима, Гаіане и Нино и съ ними нѣкоторыя другія *жены* вступили въ предѣлы Арменіи, мѣстопробываніе царя Трдата, и приняли тамъ мученическій вѣнецъ ³⁾. Осталась только Нино; и пошла она по

¹⁾ Значить, въ 324 году. Во второй части нашей хроники мы увидимъ, что то же самое событіе отнесено къ 319 году.

²⁾ Въ данномъ мѣстѣ въ грузинскомъ текстѣ написано: *მეპეტა ევადაგი* — „менета евадаги“, а во второй части нашей хроники, или въ Житіи св. Нины, написано: *მეპეტა ვადაგი* — „мената вадаги“. Первое слово этихъ выраженій представляетъ родительный падежъ множественнаго числа отъ слова царь, и, стало быть, означаетъ „царей“. Значеніе второго слова неизвѣстно, къ тому же оно въ одномъ и томъ же источникѣ приводится подъ двумя формами, какъ видѣли, „евадаги“ и „вадаги“. Въ Б. Ц. и въ другихъ вариантахъ Житія св. Нины этихъ словъ нѣтъ совсѣмъ, а вмѣсто нихъ сказано: *ბათესვი და ტოპი მეპეტა* — „родственница и потомокъ царей“. Очевидно, въ текстахъ Б. Ц. и въ другихъ редакціяхъ Житія св. Нины мѣсто это подновлено, и слово „евадаги“ или „вадаги“ объяснено словомъ родъ, потомокъ (*ტოპი*). Пока значеніе этого слова не будетъ разъяснено специалистами, намъ приходится держаться смысла Картелисъ-цховреба.

³⁾ Изъ второй части нашей хроники мы узнаемъ, что это событіе случилось 30-го числа перваго мѣсяца, въ пятницу, въ 319 году послѣ Вознесенія Христова. Но мы должны замѣтить, что хронологическія данныя второй части нашей хроники не согласны съ хронологическими данными первой части. Точкою отправленія хронологическихъ данныхъ первой части служить, какъ мы видѣли, обращеніе царя Константина въ христіанство, которое здѣсь отнесено къ 310 году. Поэтому въ своихъ вычисленіяхъ годовъ первой части хроники мы держимся

направленію сѣверныхъ горъ и пришла къ рѣкѣ Куръ; слѣдуя по ея теченію, она прибыла въ Мцхету, городъ большой, резиденцію царей, и провела тамъ три года такимъ образомъ: молилась тайно на одномъ мѣстѣ, покрытомъ кустами ежевики; сдѣлала изображеніе креста изъ обрѣзковъ виноградныхъ лозъ; поставила *его* на томъ мѣстѣ и молилась, а мѣсто то, *поросшее* кустами ежевики, было внѣ стѣнъ города. Оно нынѣ занято алтаремъ Верхней церкви ¹⁾.

На четвертомъ году *послѣ своего прихода въ Картлію*, Нино стала проповѣдывать Христа Бога и вѣру, говоря, что она „нашла въ заблужденіи эту полуночную страну“. На шестомъ году она обратила въ вѣру жену царя Нану [во время какой-то ея болѣзни] ²⁾, а на седьмомъ году чудомъ, явленнымъ отъ Христа, обратила царя ³⁾. Царь же скоро выстроилъ цер-

этого указанія, принимая выраженіе: „послѣ Вознесенія Христова“ равнозначущимъ выраженію: „послѣ Рождества Христова“. Исходя изъ этихъ соображеній, мученичество Рипсима и ея спутницъ не можетъ быть отнесено ранѣе 324 года, ибо онѣ въ этомъ году бѣжали изъ Греціи, какъ это мы видѣли выше.

¹⁾ Верхнею церковью называется теперешній женскій монастырь въ Мцхетѣ, болѣе извѣстный подъ названіемъ Самтавро. На мѣстѣ, гдѣ, по преданію, въ кустахъ ежевики жила и молилась Нино, теперь стоитъ небольшая часовня, вся расписанная сценами изъ жизни ея. Она недавно расширена довольно длинною пристройкою, для которой часовня служить алтаремъ.

²⁾ Слова, заключенныя здѣсь въ прямыхъ скобкахъ, въ оригиналѣ нѣсколько попорчены.

³⁾ Слѣдуя хронологическимъ указаніямъ этой части хроники, приходъ Нины въ Картлію мы должны отнести, за неимѣніемъ другихъ указаній, къ 324 году, т. е. къ тому году, когда Нино вмѣстѣ съ Рипсиме и Гаіане бѣжали изъ Греціи и когда послѣднія были замучены въ Арменіи. На этомъ основаніи обращеніе въ вѣру царицы Наны должно быть отнесено къ 330 году, а царя Миріана къ 331 г.

ковъ въ Нижнемъ саду ¹⁾, а Столбъ тотъ, который самъ установился, былъ изъ дерева ²⁾.

Какъ только выстроили церковь, Миреанъ отправилъ пословъ и письмо Нины въ Грецію, къ царю Константину, просить священниковъ. Послы же скоро доѣхали ³⁾.

И царь Константинъ далъ епископа Иоанна, двухъ священниковъ, одного дьякона и письмо царицы Елены, икону Спасителя и древо жизни для Нины ⁴⁾.

И какъ только послѣдніе вернулись, царь Миреанъ и царица и весь домъ ихъ приняли крещеніе. Выпросили дерево, чтобы

¹⁾ Нижній садъ находился тамъ, гдѣ теперь главный Мцхетскій храмъ. Здѣсь сначала Миріаномъ была построена деревянная церковь, которая по своему положенію получила названіе Нижней церкви, въ отличіе отъ Верхней или Самтавро.

²⁾ Рѣчь идетъ о Животворящемъ Столбѣ, отъ котораго Нижняя церковь получила названіе „Свети-Цховели“, т. е. Животворящаго Столба.

³⁾ Въ К. Ц. это мѣсто изложено такъ: „На другой день царь Миріанъ отправилъ пословъ въ Грецію, къ царю Константину, съ письмомъ Нины къ царицѣ Еленѣ. Послы извѣстили ихъ (царя и царицу) обо всѣхъ этихъ чудесахъ Христовыхъ, которыя имѣли мѣсто въ Мцхетѣ надъ царемъ Миріаномъ, и просили поскорѣе прислать священниковъ для крещенія. Между тѣмъ святая Нина и ея ученики днемъ и ночью проповѣдывали среди народа безостановочно и указывали истинный путь къ царствію небесному“ (К. Ц. 88. М. 92. Н. Г. 115).

⁴⁾ Въ К. Ц. читаемъ: „Прислали истиннаго священнослужителя, епископа Иоанна, а съ нимъ вмѣстѣ двухъ священниковъ и трехъ дьяконовъ. Царь Константинъ написалъ Миріану письмо, исполненное молитвы, Божьяго благословенія и благодарности, и далъ крестъ и икону Спаса, а царица Елена прислала письмо похвалы и утѣшенія“ (К. Ц. 91. М. 97. Н. Г. 118). Имена священниковъ и дьякона здѣсь, въ нашемъ текстѣ, не указаны, но изъ дальнѣйшаго разсказа мы узнаемъ, что одного изъ присланныхъ священниковъ звали Яковомъ, а дьякона Просилою. Во второй части нашей хроники Просила названъ архидьякономъ.

сдѣлать крестъ ¹⁾... [Тогда царь Мирианъ отправилъ епископа Іоанна и съ нимъ вмѣстѣ одного вельможу къ царю Константину и просилъ у него часть животворящаго древа, которое не задолго передъ тѣмъ было найдено благочестивою служительницею Бога, царицею Еленою. Онъ просилъ *также* большое число священниковъ, чтобы послать ихъ во всѣ города и мѣста для крещенія народа, чтобы всякъ, живущій въ Картліи, поскорѣе принялъ крещеніе. Онъ просилъ, *кроме того*, архитекторовъ для постройки каменныхъ церквей. Когда послы предстали предъ кесаремъ Константиномъ, онъ съ радостью далъ имъ часть животворящаго древа, доски, на которыхъ были прибиты ноги Спасителя, и гвозди отъ рукъ Его. Онъ прислалъ *также* очень много священниковъ и архитекторовъ,—ибо царь Константинъ во время своего царствованія самъ выстроилъ церковь, храмъ святой,—и далъ епископу Іоанну большое богатство, и приказалъ ему: „Выстрой въ Картліи, гдѣ нужно будетъ, церкви въ честь моего имени, и это богатое сокровище утверди въ предѣлахъ Грузіи“. Епископъ и съ нимъ вмѣстѣ посолъ направились обратно и, когда прибыли въ страну, которая называется Эршети, оставили тамъ мастеровъ съ деньгами для постройки церкви, а также и гвозди Спасите-

¹⁾ Здѣсь въ оригиналѣ недостаетъ одного листа. Судя по К. Ц. и принимая во вниманіе характеръ первой части нашей хроники, гдѣ очень кратко и почти вскользь упоминается о тѣхъ событіяхъ, о которыхъ пространно разсказывается въ К. Ц. и во второй части самой хроники, нужно полагать, что на пропавшемъ листѣ были приведены краткія свѣдѣнія о воздвиженіи Честнаго Креста (К. Ц. 93—97. М. 100—106. Н. Г. 122—125) и кратко излагалась исторія второго посольства Мириана въ Грецію. Последняя исторія нами добавлена здѣсь изъ К. Ц. и заключена въ прямыхъ скобкахъ (К. Ц. 92—93. М. 98—100. Н. Г. 120—122). Конецъ этого прибавленія и начало текста нашей хроники вслѣдъ за пропавшимъ листомъ совпадаютъ вполне, и второе составляетъ продолженіе перваго безъ всякихъ пропусковъ.

ля. Оттуда они прибыли въ Манглись, гдѣ начали строить церковь, и оставили тамъ доски Спасителя. Тогда царь Мирианъ былъ опечаленъ тѣмъ, что послы не явились прежде всего въ столичный городъ, а начали строить церкви и оставили святыни въ другихъ городахъ и мѣстахъ. Но св. Нино пришла къ нему и сказала: „Не печалься, царь, ибо такъ и надлежитъ, чтобы они сѣяли, куда бы ни пришли, имя Бога, а въ этомъ городѣ и безъ того имѣется чудная одежда Спасителя“.

Тогда царь призвалъ Авіатара и вмѣстѣ съ нимъ многихъ евреевъ и спросилъ ихъ о хитонѣ; и они рассказали все, что было изложено ¹⁾. И царь Мирианъ воздѣлъ свои руки вверхъ и сказалъ: „Благословенъ еси, Господи Іисусе Христе, Сынъ Бога Живаго, ибо [Ты изначала] желалъ нашего спасенія и освобожденія нашего отъ дьявола, и отъ мѣста того темнаго, когда одежду Твою прислалъ черезъ евреевъ изъ священнаго града Іерусалима въ сей городъ иноплемennыхъ народовъ, ибо отцы наши царствовали въ этомъ городѣ ко времени Распятія Твоего“.

И царь и вся Картлія преуспѣвали въ христіанствѣ очень быстро.

Тогда блаженная та женщина Нино сказала: „Благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, Который съ высоты небесъ и державнаго престола Своего ниспослалъ міру Святое Свое Слово, Которому надлежало родиться во плоти отъ сѣмени Давида, отъ Дѣвы единородной, святой и непорочной, Которое явило въ ней свое благоволеніе; и по этой причинѣ Христосъ создалъ спасеніе наше и просвѣтилъ всѣхъ сущихъ подъ небесами, наипаче даровавъ вѣчную жизнь увѣровавшимъ въ Него, ибо Онъ родился, какъ человекъ, былъ

¹⁾ Сказаніе о хитонѣ Господнемъ предшествуетъ въ К. Ц. данному разсказу (К. Ц. 79—86, М. 78—89, Н. Г. 106—113).

почитаемъ, какъ Богъ, крестился водою и землею, какъ простой служитель вѣры; только по вышней волѣ Бога Отца и Духа Святаго былъ замученъ и возвеличился, былъ распятъ, погребенъ и воскресъ, вознесся на высоту Отца Своего и придетъ со славою; Ему же подобаешь похвала и аминь ¹⁾.”

Сказавъ это, Нино взяла съ собою священника Якова, приходшаго изъ Греціи, и одного эристава; отправилась и остановилась въ Цобенѣ и, призвавъ мтеульцевъ (горцевъ), тчарталійцевъ, пховельцевъ и цилканцевъ, проповѣдала имъ религію Христа, но тѣ отринули ее. И эриставъ пустилъ немного въ ходъ оружіе, и они со страху выдали на сокрушеніе своихъ идоловъ. И Нино перешла въ Эрцо и остановилась въ Жалетѣ, мѣстечкѣ Эдемъ, и просвѣтила эрцо-тїонетцевъ; а кварельцы, услыжавъ объ этомъ, перешли въ Тошетію; тѣхъ, которыхъ нашли впослѣдствіи, привелъ царь Трдатъ и крестилъ ²⁾.

¹⁾ Весь этотъ разсказъ почти слово въ слово повторяется въ К. Ц. (стр. 93. М. 100. Н. G. 121—122).

²⁾ Въ К. Ц. сказано: „И отправились св. Нино и епископъ Іоаннъ, и вмѣстѣ съ ними царь отправилъ одного эристава. Они пришли и остановились въ Цорбанѣ, позвали мтїульцевъ (горцевъ), звѣроподобныхъ людей, чарталійцевъ, пховельцевъ, гудамакарцевъ и проповѣдали имъ о честномъ крестѣ Христовомъ, ведущемъ къ вѣчной жизни, но тѣ не захотѣли принять крещеніе. Тогда эриставъ царскій пустилъ въ ходъ немного оружіе и силою сокрушилъ идоловъ ихъ. Оттуда они пришли и остановились въ Жалетѣ, проповѣдали эрцо-тїонетцамъ, которые вняли имъ, и приняли крещеніе. Между тѣмъ пховельцы оставили свою страну и переебрались въ Тушетію. Большая часть другихъ мтїульцевъ тоже не обратилась въ христіанство. Такъ какъ они не захотѣли креститься, царь увеличилъ имъ подать. Поэтому и они вняли въ заблужденіе и ушли. Впослѣдствіи нѣкоторыхъ изъ нихъ обратилъ въ христіанство Абибосъ, епископъ некресскій, а нѣкоторые остались идолопоклонниками и понынѣ“ (К. Ц. 98. М. 107. Н. G. 126—127). Всѣ народности, перечисленныя въ этомъ параграфѣ, принадлежатъ глав-

И Нино вступила въ Кхоетию, остановилась въ Кацаретѣ, крестила кхоетинцевъ и соджновъ (?) съ ихъ народомъ; перешла въ Кахетию, остановилась въ мѣстечкѣ Кцель и, пригласивъ знатныхъ людей, крестила ихъ ¹⁾.

нымъ образомъ жителямъ Арагвскаго ущелья и рѣчекъ, составляющихъ систему этой рѣки. Кварельцы, жители кахетинскаго селенія, въ долину Алазани, помѣщены здѣсь, вѣроятно, по ошибкѣ, ибо, по К. Ц., не они переместились въ Тушетію, а пховельцы. Пховельцы—старинное названіе пшавовъ. Мтеульцами, или мтіульцами, въ собственномъ смыслѣ, называются грузины-горцы, живущіе въ количествѣ 2.324 души въ высокихъ долинахъ къ юго-западу отъ Казбека, по Мтіулинской Арагвѣ, одной изъ составныхъ частей настоящей Арагвы. Въ болѣе широкомъ смыслѣ мтіульцами (отъ слова мта—гора) называютъ всѣхъ горскихъ грузинъ, хевсуръ, пшавовъ, тушинъ и другихъ. Тчарталійцы жили въ ущельи Тчартались-хеви, притока Арагвы, выше Анапура, а гудамакарцы по ущелью Гудамакарись-хеви, или Гудамакарской Арагвы, другой составной части настоящей Арагвы. Эрцо-тионетцы—жители равнинъ Эрцойской и Тионетской. Цобанъ или Цорбанъ намъ неизвѣстенъ. Онъ не можетъ быть Цорбиси географа Вахушта, на р. Дванись-хеви, притокъ Куры. Мѣстечко Эдемъ изъ другихъ источниковъ неизвѣстно, а Жалети находилось на р. Гюрѣ, выше впаденія въ нее Эрцось-хеви (см. Description géographique de la Géorgie par Wakhoucht, pp. 221, 223, 261, 295). Обращеніе въ христіанство горцевъ-грузинъ, не принявшихъ ученіе Христа отъ св. Нины, К. Ц. приписываетъ Абибосу, некресскому епископу изъ сирскихъ отцовъ, а наша хроника царю Трдату, который, по этой хроникѣ, былъ внукъ Миріана, второй царь послѣ него. Форма „Тошетія“, вмѣсто „Тушетія“, объясняется пропускомъ одной изъ составныхъ частей звука „у“, который въ грузинскомъ алфавитѣ асомтаврули всегда выражался двумя гласными „оу“. Такого рода пропуски, безъ обозначенія пропущенной гласной титломъ, въ текстѣ нашей хроники попадаются довольно часто. Этимъ я объясняю приведенныя ниже формы: Кхоетія, кхоетинцы, вмѣсто Кухетія, кухетинцы, при чемъ въ данномъ случаѣ, кромѣ пропуска „у“, произошла еще перестановка буквы „о“.

¹⁾ Кацареты—село въ долину Гюры, недалеко отъ Мухравана. Соджни, какъ народъ, неизвѣстны ни въ К. Ц., ни въ другихъ грузинскихъ

И заболѣла Нино и направилась обратно въ Мцхету. Какъ только она прибыла въ Кхоетию, въ мѣстечко, которое называется Бодини, она уже не въ состоянii была продолжать путь ¹⁾.

Изъ города Уджармы прибыли тогда Ревъ, сынъ царя, Саломе, жена Рева, и дочь царя, и стали ухаживать за ней. А царь и жена его Нана прислали изъ Мцхеты архіепископа Іоанна, чтобы навѣстить и взять *Нину*, но она не захотѣла *этого*, а только поручила архіепископу священника Якова, сказавъ: „Пусть послѣ тебя онъ править церковью“ ²⁾.

источникахъ. Я полагаю, что тутъ, вмѣсто *соджи*, должно стоять Суджи. Суджи—имя кахетинской царицы, которая, по извѣстіямъ нѣкоторыхъ вариантовъ Житія святой Нины, царствовала тогда въ Кахетii и была обращена въ христіанство святою Ниною съ ея народомъ и вельможами (см. Житія грузинскихъ святыхъ, рукопись Церковнаго древлехранилища при Сіонскомъ соборѣ, въ Тифлисѣ, № 170, стр. 358. Тамъ же рукопись Іоанна Крестительской пустыни, № 130, стр. 586. Сабининъ, *Рай Грузіи на грузинскомъ языкѣ*, стр. 149). Поэтому интересующее насъ мѣсто нашей хроники должно быть изложено такъ: „крестила кхоетинцевъ и *царшу* Суджи съ ея народомъ“. Мѣстечко Кцель у Вахушта не упоминается. Въ указанныхъ нами выше Житіяхъ св. Нины, вмѣсто „Кцель“, приведена форма Куэль (ქუელ). Въ К. Ц. свѣдѣній разбираемаго нами параграфа не имѣется.

¹⁾ Въ К. Ц. сказано: „Святая Нино собралась отправиться въ Рани, чтобы обратить въ христіанство Фероза. Приблизившись къ Кухетii, она остановилась на нѣсколько дней въ мѣстечкѣ Будѣ (въ спискѣ Марii—Бодѣ). Народъ толпою приходилъ къ ней изъ Кахетii и, осѣдомившись, принималъ ученіе ея. Тогда она заболѣла тамъ“ (К. Ц. 98. М. 107. Н. G. 127).

²⁾ Въ К. Ц. сказано: „Какъ только узнали объ ея болѣзни Ревъ, сынъ царя, и Саломе, жена его, которые жили въ Уджармѣ, прибыли къ Нинѣ и дали знать царю и царицѣ. Послѣдніе же послали епископа Іоанна, чтобы взять ее, но св. Нино не захотѣла этого. Тогда отправились и пришли къ ней самъ царь и народъ толпою“. Далѣе въ этомъ мѣстѣ К. Ц. приводится рассказъ о томъ, какъ он-

Передъ архіепископомъ Нино передала Якову письмо, присланное ей царицею Еленою, которое та написала Нинѣ, какъ царицѣ, величая ее апостоломъ и евангелистомъ, а древо жизни та прислала для царицы Наны ¹⁾).

Іоаннъ отслужилъ обѣдню и приобщилъ Нину къ плоти и крови Христа. Нино взяла причастіе, какъ путевую пищу души, и предала свою душу въ руки Божіи на пятнадцатомъ году послѣ прихода своего въ Картлію, отъ Вознесенія Христова въ 338 году, отъ сотворенія міра въ 5838 г. ²⁾).

Тогда, по причинѣ ея преставленія, пришли въ движеніе эти два города—Мцхета и Уджарма, и вся Картлія; явились и похоронили побѣдоносное тѣло ея въ томъ же мѣстѣ Будѣ, селеніи кхоетскомъ ³⁾).

ружающіе просили Нину рассказать свою біографію для назиданія потомства и какъ Нино согласилась на это, а Саломе уджармійская и Перожавра сивніетская стали записывать съ ея словъ жизнь и дѣянія просвѣтительницы Грузіи (К. Ц. 98—99. Н. Г. 127—128). Рассказъ этотъ имѣется и въ нашей хроникѣ, но только не здѣсь, а во второй части. Заключительныя слова вышеуказаннаго параграфа въ К. Ц. изложены такъ: „И поручила царю священника Якова, чтобы послѣ Іоанна тотъ былъ епископомъ“ (К. Ц. 99. М. 107—108. Н. Г. 128).

¹⁾ Объ этомъ письмѣ и дрѣвѣ жизни въ К. Ц., въ данномъ мѣстѣ, не имѣется свѣдѣній.

²⁾ Въ К. Ц. читаемъ: „Тогда епископъ Іоаннъ отслужилъ обѣдню, приобщилъ Нину къ плоти и крови Христа, и она поручила душу свою Царю Небесному на четырнадцатомъ году послѣ своего прихода въ Картлію, отъ Вознесенія Христова въ 338 году, а отъ сотворенія міра въ 5838 году“ (К. Ц. 99. М. 109. Н. Г. 128). Хронологическія данныя К. Ц. болѣе согласны между собою, чѣмъ данныя нашей хроники. Въ самомъ дѣлѣ, 5838 годъ отъ сотворенія міра соотвѣтствуетъ 338 году послѣ Р. Х., если отъ сотворенія міра до Р. Х. считать 5500 л. Четырнадцать лѣтъ послѣ прихода въ Грузію Нины тоже будутъ соотвѣтствовать 338 г. по Р. Х., потому что приходъ Нины въ Грузію, какъ мы выше видѣли, по смыслу нашей хроники, относится къ 324 году.

³⁾ Въ К. Ц. читаемъ, то же самое: „Тогда по причинѣ ея кончи-

Царь Миреанъ и весь народъ вернулись обратно, и построили Верхнюю церковь изъ камня, и окончили ее на четвертомъ году ¹).

Умеръ царь Миреанъ и былъ похороненъ къ сѣверу отъ южной стороны средняго столба, а въ столбѣ этомъ имѣется часть Животворящаго Столба. Въ слѣдующемъ году скончалась жена его Нана и была похоронена къ западу отъ того же столба, гдѣ былъ похороненъ царь Миреанъ ²).

ны заволновались эти два города — Мцхета и Уджарма, и вся Картлія; пришли и похоронили побѣдоносное тѣло ея въ мѣстности эретской (въ спискѣ царицы Маріи: кухетской), въ мѣстечкѣ Бодѣ, ибо, по Божьему указанію, она сама просила царя, чтобы ее тамъ похоронили“ (К. Ц. 99. М. 109. Н. Г. 129—130). Далѣе въ К. Ц. приведенъ рассказъ о высылкѣ царемъ Константиномъ въ Грузію Бакара, сына Миріана, который былъ заложникомъ у него, и о присылкѣ любезнаго письма Миріану. Уджарма—бывшій городъ и крѣпость недалеко отъ берега Іоры, теперь село и почтовая станція на дорогѣ къ Телаву. Въ текстѣ нашей хроники названіе ея всегда приводится въ формѣ Ужарма, Боди, Буди и Бодини различныя транскрипціи теперешняго названія Бодбе, монастыря и мѣста погребенія святой Нины, недалеко отъ города Сигнаха. Мы уже говорили, что Кхоетія приведена въ нашей хроникѣ, вмѣсто формы Кухетія. Кухетія составляла, по Вахушту, часть Кахетіи въ границахъ: съ В. и С. Кахетинскія горы, съ З. рѣки Кура и Арагва, съ Ю. граница Эретіи, или прямая линія отъ Хунана до озера Гулгулы. „Теперь эти земли, продолжаетъ Вахуштъ, носятъ названіе Тіонети, Сагурамо, Грдани (Глдани), Марткопи, Лило, Дидубе, Самъ-гори, Чадивари, Оманисьхеви, Карагаджъ, Нагеби и Карая“ (Description géologique de la Géorgie, p. 283—285).

¹) Въ К. Ц. сказано: „Тогда царь Миріанъ окончилъ епископскую церковь и съ большими почестями отпраздновалъ ея освященіе“ (К. Ц. 100. М. 110. Н. Г. 130). Съ тѣхъ поръ какъ въ Верхней церкви стали сидѣть епископы или, скорѣе, архіепископы карталинскіе, она получила названіе Самтавро, т. е. архіепископской, въ отличіе отъ Нижней церкви, или католикосской, гдѣ сидѣли католикосы Грузіи. Называя Верхнюю церковь епископскою, К. Ц. вводитъ названіе, появившееся гораздо позже.

²) К. Ц.: «И умеръ царь Миріанъ и былъ похороненъ въ Верх-

Царемъ сѣлъ Бакуръ, сынъ Рева ¹⁾). Умеръ епископъ Іоаннъ, и архіепископомъ сѣлъ упомянутый священникъ Яковъ, оттуда же, *изъ Греціи*, пришедшій.

Двадцать три года спустя послѣ воздвиженія Честнаго Креста, Ревъ сдѣлалъ склепъ и приготовилъ себѣ могилу въ Нижней церкви.

Умеръ Ревъ и былъ похороненъ вмѣстѣ съ женою ²⁾). Спустя десять лѣтъ послѣ этого, названный Бакуръ сталъ строить Цилканскую церковь и окончилъ ее черезъ тридцать пять лѣтъ. Умеръ Бакуръ и былъ похороненъ въ Нижней церкви ³⁾).

ней церкви, съ южной стороны отъ средняго Столба, а въ столбѣ этомъ имѣется часть Богомъ воздвиженнаго Столба. Въ слѣдующемъ же году умерла царица Нана и была похоронена къ западу отъ того же столба, гдѣ былъ похороненъ царь Миріанъ“ (К. Ц. 101. М. 111—112. Н. Г. 132).

¹⁾ По К. Ц., Бакаръ или Банкаръ, сынъ Миріана, а не Рева. Мы уже говорили, что этотъ Бакаръ, по К. Ц., былъ заложникомъ у греческаго царя Константина, который потомъ вернулъ его обратно въ Грузію.

²⁾ Въ К. Ц. смерть Рева упоминается раньше смерти Миріана, и затѣмъ прибавлено: „Въ томъ же году заболѣлъ царь Миріанъ, который и умеръ“. О смерти Рева въ К. Ц. сказано слѣдующее: „На двадцать пятомъ году отъ обращенія Миріана въ христіанство умеръ сынъ его Ревъ, зять Трдата, царя армянскаго. Онъ еще при жизни своего отца получилъ отъ него царскую власть. Похоронили Рева въ склепѣ, который имъ же самимъ, Ревомъ, былъ сдѣланъ“ (К. Ц. 100. М. 110. Н. Г. 131).

³⁾ Въ К. Ц. читаемъ: „Этотъ (Бакаръ) построилъ Цилканскую церковь, умеръ и былъ похороненъ рядомъ съ отцомъ (по снискамъ царицы Маріи и Теймураза, рядомъ съ братомъ) своимъ“. Нужно полагать, что вѣрнѣе первый вариантъ, который, согласно нашей хроникѣ, Бакара считаетъ сыномъ Рева, а Ревъ, какъ мы видѣли, дѣйствительно, былъ похороненъ въ Нижней церкви.

Царемъ сѣлъ братъ его Трдать ¹⁾, а архіепископомъ былъ Іовъ, *бывшій* дьяконъ армянскаго католикоса Нерсе ²⁾.

Царь для орошенія провелъ каналъ и положилъ основаніе церкви. При немъ же въ Некресѣ кахетинскомъ была совершенно окончена постройка церкви ³⁾.

Послѣ него царемъ сталъ Варазъ-Бакуръ ⁴⁾. При немъ

¹⁾ По К. Ц., послѣ Бакара царствуетъ Мирдатъ, сынъ Бакара, а не Трдать, братъ Бакура. Трдать, сынъ Рева (и стало быть, по нашей хроникѣ, братъ Бакура или Бакара) тоже извѣстенъ въ К. Ц., но онъ считается третьимъ царемъ послѣ Бакара, а не его наслѣдникомъ. Такое же преемство царей приводится въ армянскомъ переводѣ К. Ц. и въ Хронологической исторіи Мхитара Айриваускаго, армянскаго писателя XII вѣка, который сохранилъ намъ списокъ царей, епископовъ и католиковъ грузинскихъ (Н. Г. 134—135, 260).

²⁾ Въ К. Ц. сказано: „И при немъ (Мирдатѣ) умеръ епископъ Яковъ, и сѣлъ армянинъ Іовъ, *бывшій* дьяконъ католикоса Нерсе.

³⁾ О проведеніи канала Мирдатомъ въ К. Ц. нѣтъ свѣдѣній. Относительно же церковей она сообщаетъ, что Мирдатъ построилъ церковъ въ Тухарисской крѣпости, въ Кларджетскомъ ущельи, и украсилъ церкви Эрушетскую и Цундскую (К. Ц. 102. Н. Г. 135).

⁴⁾ Въ списокѣ царицы Маріи (стр. 113 моего изданія) мы читаемъ: „Умеръ царь Мирдатъ и сѣлъ царемъ сынъ его Варазъ-Бакаръ, и онъ взялъ себѣ двухъ женъ: одну, дочь Тардата, сына (въ оригиналѣ по ошибкѣ: брата) Рева, внука (въ оригиналѣ опять по ошибкѣ: племянника) Миріана; другую, внучку Фероза, правнучку Миріана (въ оригиналѣ приводится такой наборъ словъ: „другую Рева, дочь Фероза и внучки Миріана). Внучка Рева родила ему двухъ сыновей, которыхъ звали Мирдатъ и Тардатъ, а внучка Фероза родила одного сына, котораго звали Фарманъ“ (въ данномъ случаѣ родство передано вѣрно, на основаніи чего мы и исправили вышеприведенныя ошибки въ генеалогіяхъ двухъ женъ Варазъ-Бакара. Замѣтимъ кстати, что подобныя искаженія нерѣдки въ списокѣ царицы Маріи, благодаря невѣжеству переписчика и смѣшенію имъ сходныхъ формъ и буквъ хуцури). Въ спискахъ Вахтанговской Редакціи К. Ц., на основаніи которыхъ сдѣлано изданіе академика Броссе, это мѣсто изложено нѣсколько иначе: «Умеръ царь Мирдатъ и сѣлъ сынъ его Варазъ-Бакаръ, и женился онъ на дочери Тарда-

марзапаны персидскаго царя вступили въ Сивніетію, а самъ

та, сына Рева, внука Миріана, которая была вѣрующая и благодѣтельная“. Далѣе въ этомъ мѣстѣ въ изданіи Броссе приводятся краткія свѣдѣнія изъ Житія святого Петра Грузина, епископа Майумскаго, который былъ сынъ Варазъ-Бакара и носилъ въ мірѣ имя Мурванъ. Мурванъ еще двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ былъ отданъ въ заложники греческому царю Θεодосію Младшему, но скоро покинулъ Константинополь и сталъ подвизаться въ Палестинѣ. Своею примѣрною жизнью, выдающимся добродѣтелями, служеніемъ ближнимъ и строгимъ аскетизмомъ онъ привлекъ всеобщее вниманіе и противъ воли былъ сдѣланъ епископомъ города Майума или, лучше, приморской части ея, Газы, въ Малой Азїи. Этотъ замѣчательный и ученый мужъ игралъ большую роль въ жизни Восточной церкви V вѣка, чреватой ересями и раздорами, и заслужилъ любовь и симпатію всѣхъ партій, одинаково похвально отзывающихся объ немъ (подробности о Петрѣ Грузинѣ см. Н. Марръ. Житіе Петра Ивера царевича-подвижника и епископа Майумскаго, V вѣка. А. Цагарели. Памятники грузинской старины въ Святой Землѣ и на Синаѣ, стр. 33—36). Въ изданіи Броссе краткія свѣдѣнія изъ Житія Петра Грузина приводятся въ двухъ редакціяхъ: одна очень краткая, принадлежитъ списку К. Ц. царевича Теймураза, а другая, болѣе пространная, встрѣчается во всѣхъ другихъ спискахъ Вахтанговской Редакціи въ томъ числѣ и въ вариантахъ Мингрельскаго и Баратова, неизвѣстныхъ академику Броссе. По окончаніи вставки краткихъ свѣдѣній о Петрѣ, изданіе Броссе продолжаетъ: „Такъ какъ этотъ Варазъ-Бакаръ остался безъ сына (ибо Мурванъ, по этой Редакціи, былъ взятъ греческимъ царемъ Θεодосіемъ въ заложники), то онъ полюбилъ сей міръ, удалился отъ добродѣтели, взялъ себѣ вторую жену, дочь сына Фердза (и) дочери Миріана. Эта внучка Фероза родила ему сына, который былъ названъ Фарсманомъ, а внучка Рева, о которой было раньше упомянуто, родила двухъ сыновей, которые были названы Мирдатомъ и Тардатомъ (по Мингрельскому списку, Трдатомъ. К. Ц. 102—105. Н. С. 136—139). Такимъ образомъ, изъ сопоставленія извѣстій списка царицы Марїи съ извѣстіями списковъ Вахтанговской Редакціи о Варазъ-Бакарѣ видно, что въ списокѣ Марїи не только нѣтъ свѣдѣній изъ Житія Мурвана, или Петра Грузина, но даже не упоминается, что у Варазъ-Бакара былъ сынъ подъ именемъ Мурванъ. То же самое замѣчается и въ армянскомъ переводѣ К. Ц. Краткія свѣдѣнія изъ Житія Петра Грузина внесены въ К. Ц. Редакцію Вахтанга VI.

Послѣ него ^Г Хидару. Архіепископомъ былъ тотъ же
взялъ его въ ^Г

Послѣ ^Г Крамъ-Хуаръ-Боръ-Задъ, питахшъ персидскаго
былъ ^Г вступилъ въ городъ-крѣпость Тифлисъ, и Картлія,
шел^Г хитія, Сивніетія и Гуаспураганъ подпали подъ его дань ²).
тв^Г При немъ дворяне выстроили въ Мцхетѣ святую цер-
вѣ^Г и подчинили ее большой церкви со своими деревнями
пс^Г помѣстьями въ Картліи ³).

¹) Въ К. Ц. читаемъ: „При немъ (Варазь-Бакаръ) царь персид-
скій прислалъ эристава съ большимъ войскомъ, чтобы обложить данью
армянъ и грузинъ. Тогда армяне прислали посла къ Варазь-Бакару и
предложили ему соединиться вмѣстѣ съ ними, подкрѣпить себя грече-
скими силами, открыть Кавказскія ворота и, пригласивъ осовъ и ле-
ковъ, оказать сопротивленіе персамъ. Вся знать царя тоже подавала со-
вѣтъ за сопротивленіе персамъ. Но Варазь-Бакаръ не послушался ни
армянъ ни своей знати, ибо былъ человѣкъ слабый и трусливый; онъ
отступилъ къ Кахетинскому ущелью, построилъ крѣпость въ Хидарѣ и,
укрѣпивъ города и крѣпости, приказалъ всѣмъ спрятать кресты“ (К.
Ц. 106. М. 114. Н. Г. 140). Хидаръ, по Вахушту (Description. etc. p.
219), находится на Арагвѣ и называется еще Охеръ-Хида, т. е. Забро-
шенный мостъ.

²) Въ К. Ц. сказано: „Персы пришли сначала въ Арменію и
опустошили ее, потомъ вступили въ Картлію, и эристава персидскій по-
строилъ между тѣсинами (дословно: воротами) *Курь* Тифлисъ съ
тѣмъ, чтобы онъ служилъ крѣпостью противъ Мцхеты“ (ibid.). Та-
кимъ образомъ, основаніе Тифлиса К. Ц. относитъ ко времени Варазь-
Бакура, тогда какъ, по смыслу нашей хроники, Тифлисъ, какъ городъ
и крѣпость, уже существовалъ до него. Имени питахша или эристава
„Крамъ-Хуаръ-Боръ-Задъ“ нѣтъ въ К. Ц.

³) К. Ц. не упоминаетъ о постройкѣ какой-либо церкви азнау-
рами при упомянутомъ царѣ и считаетъ Варазь-Бакара крайне
невѣрующимъ человѣкомъ. „Этотъ Варазь-Бакаръ, читаемъ въ К. Ц.,
былъ человѣкъ невѣрующій и ненавидящій религію, но онъ не осмѣливал-
ся открыто выражать передъ народомъ свою ненависть къ религіи, ибо
Грузія уже была обращена въ христіанство, знать и весь народъ грузинскій
были очень преданы вѣрѣ, а Варазь-Бакаръ, боясь ихъ, не могъ открыто

Послѣ него царствовалъ Бакуръ, сынъ зніетію, а самъ
хіепископомъ былъ Элія. Этотъ *царь* построилъ
Болнисѣ, перешелъ по ту сторону *Курь* и укрѣпилъ агодѣтель-
по причинѣ боязни персовъ ²⁾. краткія

Послѣ него царствовалъ Фарсманъ, сынъ сестры Трдата
а архіепископомъ былъ Свимеонъ ⁴⁾. что-
дкі

оставить свою религію, но онъ нигдѣ не построилъ церкви, а также не при-
бавилъ къ прежде построенной и велъ себя во всѣхъ отношеніяхъ, какъ
невѣрующій“ (К. Ц. 105. М. 114. Н. Г. 139). Такой отзывъ К. Ц.
не оправдывается Житіемъ Петра Грузина, составленнымъ первоначально
на сирійскомъ языкѣ ученикомъ святого Захаріемъ и потомъ переведен-
нымъ на грузинскій языкъ священникомъ Макаріемъ. Въ Житіи, на-
противъ, выставляется на видъ отмѣнное благочестіе Варазъ-Бакара. Ар-
мянскій писатель V вѣка Корюнь современнаго ему грузинскаго царя
Бакура, въ которомъ нельзя не видѣть нашего Варазъ-Бакура, рисуетъ
какъ искренняго радѣтеля христіанскаго просвѣщенія грузинъ (Марръ.
Житіе Петра Ивера и т. д. стр. XII). Наша хроника тоже не говоритъ
объ его невѣріи.

¹⁾ По К. Ц., Тардаты или Трдаты, тестъ Варазъ-Бакара, сынъ
Рева, внукъ Миріана, человекъ вѣрующій, мудрый и разумный. Объ
этомъ Трдатѣ мы выше уже говорили, что онъ въ нашей хроникѣ по-
казанъ царствующимъ послѣ Бакура II. Такимъ образомъ выходитъ,
что наша хроника не знаетъ Мирдата III, царствующаго, по К. Ц., по-
слѣ Бакара I, а К. Ц. не знаетъ, въ свою очередь, Бакура III, цар-
ствующаго, по нашей хроникѣ, послѣ Варазъ-Бакура.

²⁾ Въ К. Ц. объ этомъ царѣ читаемъ: „Онъ (Трдаты) своею
мудростью обуздалъ персовъ, открылъ кресты, украсилъ церкви. При
немъ умеръ епископъ Ювъ, и на мѣсто его онъ поставилъ Элію. Онъ
давалъ дань персидскому царю и, выпросивъ Руставъ, построилъ (тамъ)
церковь. Онъ же построилъ Некреси и, царствуя спокойно, умеръ въ
большой вѣрѣ“ (К. Ц. 106—107. М. 115. Н. Г. 143).

³⁾ По К. Ц., тоже Фарсманъ, но онъ, по К. Ц., не сынъ сестры
Трдата, а сынъ Варазъ-Бакара, правнукъ Фероза, старшій между
братьями.

⁴⁾ Относительно этого архіепископа К. Ц. говоритъ: „И умеръ епи-
скопъ Элія, и поставили Свимеона“. Постройку Болнисской церкви К. Ц. отно-

Послѣ него царствовалъ Мирдаты¹⁾, и питіахшъ Варашъ взялъ его въ Багдадъ, гдѣ онъ и умеръ²⁾.

Послѣ него царствовалъ Арчилъ³⁾, а архіепископомъ былъ Іона. Тогда Нижняя церковь обрушилась. Іона перешелъ въ Гареубанскую церковь и взялъ съ собою Животворящій Столбъ. При немъ же дворяне выстроили на Арагвѣ Степанъ-Цминду, а маги занимались магіею въ Могуетъ, поклоняясь огню⁴⁾.

силь къ этому царю, а не его предшественнику, какъ мы видѣли и въ нашей хроникѣ. Въ К. Ц. сказано: „Онъ, Фарсманъ, умножилъ кресты повсюду въ Грузіи, возобновилъ церкви, построилъ Болнисскую церковь и, царствуя немного времени, умеръ“ (К. Ц. 107. М. 119. Н. Г. 143).

¹⁾ По К. Ц., тоже Мирдаты, братъ царя Фарсмана, сынъ дочери Трдата и Варазъ-Бакара, потомокъ Бакара по отцу и Рева по матери, родственникъ обоимъ сыновей Миріана. Его К. Ц. представляетъ храбрымъ, отважнымъ и полагающимся на свое войско, но невѣрующимъ и не боявшимся Бога (К. Ц. 107. М. 116. Н. Г. 144).

²⁾ О питіахшѣ Варашѣ въ К. Ц. не упоминается. Персидскій эриставъ, пришедшій въ Грузію съ войскомъ, въ К. Ц. извѣстенъ подъ именемъ Убарабъ (по списку царицы Маріи, Убраабъ). Въ К. Ц. читаемъ: „Онъ (Мирдаты) по надменности своей возсталъ и противъ грековъ и противъ персовъ. Отъ грековъ онъ требовалъ Кларджетъ, провинцію Грузіи, а персамъ отказалъ въ дани. Тогда персидскій царь прислалъ съ большимъ войскомъ противъ Мирдата эристава, котораго звали Убарабъ (въ некоторыхъ спискахъ Вахтанговской Редакціи и въ томъ числѣ въ Баратовскомъ—Абрамъ). Мирдаты же не отступилъ передъ превосходствомъ персидскихъ силъ, а по дерзости своей съ небольшимъ войскомъ встрѣтилъ ихъ въ Гардабанѣ, вступилъ въ бой, но былъ разбитъ и попался въ плѣнъ во время боя. Персы вступили въ Грузію, покорили ее и осквернили церкви. Но потомки грузинскихъ царей вмѣстѣ съ епископомъ Свимеономъ спаслись въ Кахетинскомъ ущельи, а Мирдата персы взяли въ Багдадъ, гдѣ онъ и умеръ“ (К. Ц. 107. М. 116. Н. Г. 144).

³⁾ По К. Ц., тоже Арчилъ, сынъ царя Мирдата.

⁴⁾ Архіепископъ Іона въ К. Ц. неизвѣстенъ, но онъ, быть-можетъ, тотъ же самый, который въ списокѣ царицы Маріи показанъ ниже, вмѣсто Іоанна (см. ниже, стр. 34, прим. 1). О паденіи Нижней церкви К. Ц. въ

Въ его же, Арчила, время преставились четыре архіепископа ¹⁾).

Затѣмъ царствовалъ Мирдаты ²⁾, а архіепископомъ былъ Глонокоръ. Этотъ архіепископъ былъ поставленъ, питахшемъ Барзабодомъ, и эриставомъ въ Картліи и Эретіи ³⁾).

данномъ мѣстѣ тоже ничего не говоритъ, только ниже, въ царствованіе Вахтаंगा Горгаслана, замѣчаетъ, что Вахтангъ построилъ церковь Животворящаго Столба и Столбъ помѣстилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ раньше обрушилась церковь Большаго Сіона (см. ниже стр. 36, примѣч. 1). Гаретубанская, или, лучше, Гаретубанская церковь означаетъ такую церковь, которая находится не въ чертѣ города, а въ его предмѣстьи. Въ данномъ случаѣ, вѣроятно, подразумѣвается Верхняя церковь, или Самтавро. Относительно постройки Степанъ-Цминды въ списокѣ К. Ц. царицы Маріи сказано: „Тогда царь Арчилъ построилъ церковь Святаго Степана въ Мцхетѣ, у воротъ Арагвы, гдѣ были укрѣпленныя башни для военныхъ цѣлей, имъ же построенныя (Списокъ К. Ц. царицы Маріи, стр. 118). Въ спискахъ Вахтагановской Редакціи, вмѣсто башни (з^аз^бб^о), написано гробницы (з^уз^бб^о). Предположеніе Броссе, что слово з^аз^бб^о замѣнено переписчиками словомъ з^уз^бб^о, вслѣдствіе сходства составныхъ буквъ обѣихъ словъ въ алфавитѣ хуцури, оправдывается спискомъ царицы Маріи (К. Ц. 109. Н. Г. 142, 147, п. 2).

¹⁾ Имена этихъ католикосовъ сохранились въ К. Ц., въ которой сказано: „При этомъ Арчилъ преставились три католикоса: Іоаннъ (въ списокѣ Маріи—Іона), Григоръ и Василій, а послѣ Василя этотъ же Арчилъ поставилъ епископа, котораго звали Мобиданъ“. Послѣдній епископъ, по словамъ К. Ц., какъ потомъ оказалось, былъ въ душѣ магъ и огнепоклонникъ, но боясь царя и народа, онъ открыто не могъ исповѣдывать свою религію, а тайно писалъ соблазнительныя книги, которыя потомъ были сожжены истиннымъ епископомъ Михаэлемъ, смѣненнымъ за оскорбленіе царя Вахтаंगा. Хронологическая исторія Мхитара Айриванскаго перечисляетъ намъ имена выше приведенныхъ епископовъ согласно К. Ц., только послѣдній епископъ, изъ Мобидана, превратился у него въ Мушидъ вслѣдствіе смѣшенія з (б) и э (ш) хуцури и пропуска въ начертаніи звука „оу“ (у) первой гласной (К. Ц. 110. М. 120. Н. Г. 147).

²⁾ По К. Ц., тоже Мирдаты, сынъ царя Арчила.

³⁾ Архіепископа Глонокора не знаютъ ни Мхитаръ ни К. Ц., равно

Послѣ него царствовалъ Вахтангъ Великій Голгасарь ¹⁾, а архіепископомъ былъ Ювель. Тогда персы взяли Вахтанга, но, спустя нѣсколько времени, онъ вернулся, а архіепископомъ былъ Микаэль ²⁾.

И онъ (Микаэль) ударилъ ногою царя Вахтанга въ лицо; царь отправилъ пословъ въ Грецію и попросилъ у царя и патріарха католикоса ³⁾.

Они же прислали католикоса Петра, и вмѣстѣ съ послѣднимъ находился Самовель, монахъ достойный и святой ⁴⁾. Царь Вахтангъ построилъ Нижнюю церковь и покакъ не упоминается, чтобы архіепископъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ эриставомъ Картли и Эретіи. Питіахшъ Барзабодъ (въ нѣкоторыхъ спискахъ К. Ц. написано: Барзабудъ), по К. Ц., былъ эриставомъ или правителемъ Рана. На дочери его Сагдухтѣ Мирдатъ женился еще при жизни Арчила и далъ ему клятву въ миролюбивомъ къ нему отношеніи (К. Ц. 109—110, М. 119—120. Н. Г. 147—148).

¹⁾ По К. Ц., Вахтангъ Гургасланъ или Гургасаль, воспитанникъ снаспета Саурмага.

²⁾ Микаэль извѣстенъ и въ К. Ц., но Ювель неизвѣстенъ. О взятіи Вахтанга персами въ К. Ц. нѣтъ извѣстій. Она только даетъ подробный рассказъ о томъ, какъ мать Вахтанга, царица Сагдухтъ, отправилась къ отцу своему Барзабоду просить, чтобы онъ оставилъ сына ея въ странѣ своей, не принуждая оставить религію Христа и былъ ходатаемъ за него передъ персидскимъ царемъ. При этомъ К. Ц. замѣчаетъ, что Барзабодъ исполнилъ всѣ просьбы ея, далъ обѣщаніе, что никого не заставитъ отречься отъ Христа силою, а только пошлетъ огнепоклонниковъ въ ихъ городъ и епископа надъ ними. „Тогда, продолжаетъ К. Ц., Барзабодъ прислалъ въ Мцхету огнепоклонниковъ, а епископомъ надъ ними Винкара, и они поселились въ Могвтѣ (К. Ц. 111. М. 122—123. Н. Г. 148—149).

³⁾ По К. Ц., Вахтангъ сначала просилъ католикоса у греческаго царя, и это обстоятельство заставило обиженнаго Макаэля проклясть и оскорбить царя (К. Ц. 144. М. 176—177. Н. Г. 190).

⁴⁾ По К. Ц., Вахтангъ, отправивъ епископа Микаэля въ Константинополь на судъ патріарха, просилъ прислать ему 13 епископовъ, въ томъ числѣ Петра католикосомъ и Самовея епископомъ. Микаэль

садилъ въ ней католикоса Петра. Это было спустя 170 лѣтъ послѣ обращенія Грузіи въ *христианство*, — царей представилось десять, а архіепископовъ тринадцать ¹⁾. Первымъ же католикосомъ былъ Петръ.

былъ осужденъ и отправленъ въ ссылку, а Петра и Самовели отправили къ антиохійскому патріарху для посвященія, ему же предоставили вы- брать отъ себя и другихъ епископовъ, ибо Грузинская церковь въ то время зависѣла отъ Антиохійской. Всѣ эти епископы съ католикосомъ Петромъ во главѣ прибыли въ Грузію вмѣстѣ съ Еленою, дочерью греческаго царя Леона I, которую, по словамъ К. Ц., отецъ выдалъ замужъ за Вахтанга (К. Ц. 145. М. 178—179. Н. Г. 191—192).

¹⁾ Въ К. Ц. читаемъ: „Между тѣмъ царь Вахтангъ построилъ въ Мцхетѣ для католикоса большую, святую, каѳолическую церковь Апостоловъ, Свети-Цховели, Животворящій Столбъ, помѣстивъ самый Столбъ въ южномъ столбѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ раньше обрушилась церковь Большого Сіона. Въ этой церкви посадили католикосомъ Петра, а Самовель былъ посаженъ епископомъ въ Мцхетѣ же, въ епископской церкви“ (ibid.). К. Ц., какъ мы замѣтили, не упоминаетъ раньше, что Нижняя церковь обрушилась, а потому Броссе затруднялся понять это мѣсто (Н. Г. 193, п. 2). Прежняя церковь на мѣстѣ Свети-Цховели, вѣроятно, была безъ купола и потому называлась Сіономъ. Далѣе Баратовскій списокъ К. Ц. (стр. рукописи 172) продолжаетъ: „Отъ обращенія Грузіи въ христианство до постройки Свети-Цховели прошло 170 лѣтъ, — царей преставилось 10, а архіепископовъ 13, съ Вознесенія 501, отъ начала міра 6034 года“. Такая же замѣтка, но безъ указанія года отъ Вознесенія и начала міра, имѣется еще въ одной рукописи, принадлежавшей академику Броссе. Нечего говорить, что разбираемая замѣтка взята изъ нашей хроники, но внесена въ К. Ц. сравнительно поздно, потому она встрѣчается не во всѣхъ спискахъ, а въ Баратовскомъ помѣщена на полѣ, хотя и рукою текста. Изучивъ этотъ списокъ, я пришелъ къ заключенію, что всѣ замѣтки, писанныя на поляхъ, не принадлежатъ первоначальному тексту К. Ц. и даже Вахтанговской Редакціи, а составляютъ позднѣйшую, сравнительно новую, вноскѣ изъ разныхъ источниковъ и, вѣроятно, разныхъ лицъ. Отъ царя Миріана до Вахтанга Горгаслана не будетъ 10 царей, если между ними не считать Рева, сына Миріана. Что касается архіепископовъ, то, по нашей хроникѣ, до Вахтанга ихъ смѣнилось 13, но въ К. Ц. изъ нихъ извѣстны только 10. Въ другомъ

Послѣ него царствовалъ Дачи уджармійскій ¹⁾, а католикосомъ былъ Самовель. При этомъ *царь* люди начали селиться въ Тифлисѣ и построили святую церковь, а католикосомъ былъ Петръ ²⁾.

Послѣ него царствовалъ Бакуръ ³⁾, сынъ Дачи, а католикосомъ былъ Самовель ⁴⁾.

Послѣ него царствовалъ Фарсманъ ⁵⁾, а католикосомъ былъ Тавпачагъ.

мѣстѣ К. Ц. мы имѣемъ такія свѣдѣнія, общія всемъ спискамъ: „Отъ царя Миріана до Вахтауга смѣнилось десять поколѣній и восемь царей (въ списокѣ Маріи—восемь поколѣній и десять царей), годовъ же сто пятьдесятъ семь, а епископовъ, истинныхъ блюстителей закона, преставилось восемь, остальные же были нарушители закона“ (К. Ц. 121. М. 137—138. Н. Г. 161).

¹⁾ По К. Ц., тоже Дачи, сынъ Вахтауга Горгаслана отъ первой жены Балендухты, дочери персидскаго царя. Воцареніе Дачи замѣтка на полѣ Баратовскаго списка (стр. рукоиси 177) относитъ къ 517 году по Р. Х.

²⁾ Католикосъ Самовель извѣстенъ и въ К. Ц., по Петръ II неизвѣстенъ. Послѣдній неизвѣстенъ также и изъ Исторіи Мхитара. Относительно Тифлиса въ К. Ц. читаемъ: „Оль (Дачи) докончилъ постройку стѣнъ Тифлиса и, какъ приказалъ Вахтаугъ, сдѣлалъ его царскою резиденціей“. О постройкѣ церкви въ Тифлисѣ при царѣ Дачи въ К. Ц. нѣтъ извѣстій (К. Ц. 149—150. М. 185—186. Н. Г. 142, 200—201).

³⁾ По К. Ц., тоже Бакуръ, сынъ Дачи. Объ этомъ царѣ и слѣдующемъ въ списокѣ царицы Маріи (стр. 186 моего изданія) сказано только слѣдующее: „Умеръ царъ Дачи, и сѣлъ сынъ его Бакуръ. Умеръ Бакуръ, и сѣлъ сынъ его Фарсманъ“. Списки Вахтауговской Редакціи К. Ц. прибавляютъ, что Бакуръ царствовалъ 13 лѣтъ (К. Ц. 150. Н. Г. 201). Судя по замѣткѣ на полѣ Баратовскаго списка (стр. 178), Бакуръ воцарился въ 529 году по Р. Х.

⁴⁾ Этотъ католикосъ будетъ второй Самовель, котораго К. Ц. и Мхитаръ не знаютъ.

⁵⁾ По К. Ц., какъ видѣли, тоже Фарсманъ, сынъ царя Бакура. Замѣтка на полѣ Баратовскаго списка относитъ воцареніе Бакура (*ibidem*) къ 542 году по Р. Х.

При немъ же былъ Чимага, шестой *католикосъ* ¹⁾. Въ его же, *Фарсмана*, время въ Мцхетѣ наступило владычество персовъ и, потревоживъ Картлію съ городами, пресѣклось ²⁾.

Послѣ него царствовалъ другой *Фарсманъ* ³⁾, а католикосомъ былъ *Дасабія* ⁴⁾, уроженецъ мцхетскій. Съ этого времени два семейства изъ мцхетскихъ уроженцевъ взяли на себя

¹⁾ Объ этихъ католикосахъ въ К. Ц. читаемъ: „Умеръ католикосъ Самовель, и сѣлъ католикосомъ третій католикосъ Тавпечагъ. Умеръ Тавпечагъ, и сѣлъ католикосомъ четвертый католикосъ Чирмагъ“. У Мхитара имена этихъ католикосовъ приводятся въ формахъ: *Tapidchan* и *Zimag* (*ibid*). Счетъ католикосовъ въ К. Ц. другой, потому что она, какъ мы видѣли, не знаетъ двухъ католикосовъ Петра II и Самовеля II, но и самый счетъ не принадлежитъ первоначальной редакціи К. Ц., а составляетъ позднѣйшую вставку съ записей на поляхъ, какъ это отмѣтилъ въ своемъ изданіи и академикъ Броссе (К. Ц. 151, п. 3.). Въ спискѣ царицы Маріи (стр. 186) нѣтъ счета католикосовъ, и католикосъ Тавпечагъ пропущенъ.

²⁾ Въ К. Ц. читаемъ: „Въ царствованіе этого *Фарсмана* пришли персы и опустошили Картлію и Равъ (последнія два слова находятся только въ спискѣ Маріи). Царь же грузинскій *Фарсманъ* просилъ у персидскаго царя не разорять церквей и оставить Картлію въ христіанской вѣрѣ. Ибо греки въ то время были заняты. Противъ нихъ возстали враги на Западѣ, и они не могли помочь грузинамъ и стать въ непріязненныя отношенія къ персамъ. Тогда царь персидскій внялъ его просьбѣ и пощадилъ церкви. *Фарсманъ* далъ письменное обѣщаніе повиноваться и служить ему, и царь персидскій ушелъ“ (К. Ц. 150—151. М. 186—187. Н. Г. 201—202). Вахтанговская Редакція К. Ц. сообщаетъ, что *Фарсманъ* царствовалъ 14 лѣтъ, чего нѣтъ въ спискѣ Маріи (*ibidem*).

³⁾ По К. Ц., тоже *Фарсманъ* (VI), сынъ брата предыдущаго *Фарсмана* (V). Въ спискѣ Маріи, вѣроятно, отъ смѣшенія формъ *ფარს* и *ფარ*, онъ названъ внукомъ *Фарсмана* V (К. Ц. 151. М. 187. Н. Г. 202). Вещаніе *Фарсмана* VI замѣтка на полѣ Баратовскаго списка (стр. рукописи 179) относитъ къ 556 году по Р. Х.

⁴⁾ По К. Ц., *Саба* (Савва). У Мхитара: *Abas catholicos* (*ibid*).

католикосство ¹⁾). При этомъ же царь католикосомъ былъ Евлале ²⁾.

Тогда прибылъ въ Грузію изъ Месопотаміи ассирійской блаженный Іоаннъ Зедазнійскій, и съ нимъ вмѣстѣ прибыло двѣнадцать его учениковъ ³⁾.

¹⁾ Въ К. Ц. читаемъ: „Съ этого времени уже не призывали католикосовъ изъ Греціи, а возсѣдали грузины изъ знатныхъ людей“ (К. Ц. 151, М. 187. Н. Г. 202). Далѣе два списка, Баратовскій и списокъ, принадлежавшій академику Броссе, прибавляютъ: „Между тѣмъ грузины просили у Юстиніана, чтобы католикосами возсѣдали лица изъ грузинъ, тогда какъ (до тѣхъ поръ) католикосы приходили изъ Греціи. Юстиніанъ же написалъ грамоту за своею печатью, чтобы католикосами возсѣдали лица изъ грузинъ и имѣли бы главенство надъ всеми церквами и епископами“ (К. Ц. 151, Н. Г. 202. п. 6. Баратовскій списокъ, стр. рукописи 179). Эти свѣдѣнія, какъ я уже указалъ въ своемъ изданіи, Новый вариантъ Житія св. Пины на груз. языкѣ, стр. XXXVIII—LVII,—внесены въ К. Ц. Вахтанговскою редакціей изъ „Письма Ефрема Младшаго объ источникахъ обращенія Грузинъ въ христіанство“. Самое „Письмо Ефрема“ помѣщено въ указанномъ моемъ изданіи.

²⁾ Въ рукописи написано Евтате (Evthathe), но, это, быть-можетъ, отъ смѣшенія похожихъ другъ на друга буквъ хуцурн ∞ и ∞ , да и начертанія указанныхъ буквъ въ нашей рукописи почти одинаковы, такъ что отъ насъ зависитъ принимать ихъ за ту или другую букву. Мы въ переводѣ допускаемъ форму Евлале по примѣру К. Ц., въ которой имя этого католикоса—Евлавіозъ, въ Баратовскомъ спискѣ и въ спискѣ Броссе—Евлаіосъ, въ спискѣ царицы Маріи въ одномъ случаѣ написано Велати, въ другомъ Влати. Въ Армянской Хроникѣ—Hélathi. У Мхитара Elthai или Héthi. Послѣ этого католикоса Мхитаръ помѣщаетъ Киріона нечестиваго (Ter Cirion Pimpig), котораго ни наша хроника ни К. Ц. не знаютъ (К. Ц. 151. М. 187, 188. Н. Г. 142, 202, п. 7). Итакъ, присутствіе буквы ∞ —th въ имени этого католикоса встрѣчается во всѣхъ древнихъ спискахъ и переводахъ изъ К. Ц.

³⁾ К. Ц. приходъ въ Грузію Іоанна Зедазнійскаго и его учениковъ относитъ также къ царствованію этого Фарсмана. Приведенныя въ спискахъ Вахтанговской Редакціи (К. Ц. 151—159. Н. Г. 203—213) имена сирекскихъ отцовъ и ихъ сокращенныя жизнеописанія не принадле-

Послѣ него царствовали Бакуръ ¹⁾, а католикосомъ былъ Макарій ²⁾; при этомъ же царь былъ питіахшъ Варскенъ, и Шушаника была замучена въ Цуртавѣ ³⁾.

жаты первоначальной редакціи лѣтописи, а внесены въ К. Ц. Вахтагановскою Редакціей. Въ спискѣ царицы Маріи не только нѣтъ жизнеописаній, но даже не указаны имена ихъ, кромѣ Іоанна Зедазнійскаго. Здѣсь мы читаемъ слѣдующее: „При этомъ же Фарсманѣ пришелъ Іоаннъ Месопотамскій (прозванный впоследствии Іоанномъ Зедазнійскимъ), просвѣтитель Грузіи, очиститель вѣры, строитель церквей. Онъ и его ученики совершили много чудесъ и знаменій, которыми поразили всѣхъ грузинъ. Житія и чудеса ихъ были описаны и положены въ церквахъ грузинскихъ; и отъ царствованія царя Миріана до Фарсмана II (послѣ Миріана, онъ, правда, былъ второй, но отъ учрежденія царства онъ былъ шестой подъ симъ именемъ) прошло 250 лѣтъ—царей представилось 14, а католикосовъ послѣ Вахтаганга представилось 8“ (Списокъ Маріи, стр. моего изданія 187—188). Во всѣхъ спискахъ Вахтагановской Редакціи католикосовъ, вмѣсто 8, показано 6. Другіе списки, вмѣсто 250 указываютъ въ этомъ мѣстѣ 200 лѣтъ (К. Ц. 159. Н. Г. 213—214, п. 1). Въ спискахъ Баратовскомъ (стр. рукописи 180), Румянцевскомъ, Мингрельскомъ (стр. рукописи 143) и академика Броссе (К. Ц. 151, п. 6. Н. Г. 203, п. 5) еще раньше этого хронологическаго указанія, а именно передъ началомъ жизнеописанія Іоанна Зедазнійскаго приведена такая замѣтка: „Отъ Миріана прошло 200 лѣтъ, а царей смѣнилось 12“. Въ Армянской Хроникѣ сказано тоже, что отъ Миріана до Фарсмана прошло 200 лѣтъ. Отъ Миріана до Фарсмана VI, дѣйствительно, выходитъ 12 царей. Указаніе 14 царей можно оправдать въ томъ случаѣ, если въ числѣ нихъ считать Миріана и Фарсмана VI. Католикосовъ отъ Вахтаганга Горгаслана до Фарсмана VI въ К. Ц. извѣстно только 6, а въ нашей хроникѣ, какъ видѣли, 8. Замѣтка на полѣ въ Баратовскомъ спискѣ (стр. 179) приходъ въ Грузію Іоанна Зедазнійскаго относить къ 6066 году отъ сотворенія міра и 559 отъ Р. Х. Годы эти не согласуются между собою: разница между ними на единицу.

¹⁾ По К. Ц., тоже Бакуръ, сынъ царя Фарсмана VI.

²⁾ По К. Ц. и Мхитару, тоже Макарій.

³⁾ Шушаника была дочь Вардана, жена вышеупомянутаго Варскена, родомъ армянина. Послѣдній изъ личныхъ расчетовъ отправился

Послѣ Макарія католикосомъ былъ Самовель, а потомъ Семень-Петръ¹⁾. При этомъ Бакурѣ пресѣклась царская власть въ Картліи²⁾.

къ персидскому царю, оставилъ христіанскую вѣру и сдѣлался огнепоклонникомъ, послѣ чего получилъ должность эристава, или питіахша Ранскаго. Набожная Шушаника не захотѣла имѣть послѣ этого ничего общаго съ своимъ мужемъ, и, когда Васкенъ ласками и мольбою ничего не могъ сдѣлать съ нею, то замучилъ ее. Тогда Бакурѣ отправился съ войскомъ на Васкена, сначала плѣнилъ, а потомъ приказалъ изрубить его на куски и повѣсить на деревѣ, а Шушанику съ большими почестями похоронилъ въ Цуртавѣ, что въ провинціи Гугарской. Точное мѣстоположеніе его неизвѣстно (К. Ц. 160. М. 188—189. Н. Г. 214—215. Addition à l'histoire de la Géorgie III).

¹⁾ Католикоса Самовеля при этомъ царѣ не знаютъ ни К. Ц., ни Мхитарѣ. Другой католикосъ въ К. Ц. и у Мхитара носитъ имя просто Петра, но Исторія Багратидовъ Сумбата, какъ увидимъ ниже, называетъ его, согласно нашей хроникѣ, двойнымъ именемъ Свимонь-Петръ.

²⁾ Пресѣченіе царской власти въ Грузіи К. Ц. относитъ ко времени, наступившему послѣ смерти Бакура: „Умеръ царь Бакурѣ, читаемъ въ К. Ц., и остались малолѣтніе его сыновья, которые не могли удержать за собою царской власти. Тогда царь персидскій Урмиздъ далъ сыну своему Каерѣ Амбарвезу Ранѣ и Моваканѣ. Послѣдній пришелъ и сѣлъ въ Бардавѣ. Онъ вошелъ въ переговоры съ картлійскими эриставами, обѣщалъ имъ большія блага, утвердилъ за ними потомственно ихъ эриставства и такимъ образомъ лестью склонилъ ихъ на свою сторону. Каждый изъ эриставовъ объявилъ себя независимымъ и платилъ дань Каерѣ Амбарвезу. Сыновья же Бакура остались въ Мтиулетѣ, въ Кахетіи, а потомки Мирдата, сына Вахтауга (Горгаслана), которые были владѣтелями Кларджета и Джавахетіи, остались въ скалахъ кларджетскихъ. Всю остальную Картлію, Сомхитію и Аспураганѣ покорили себѣ персы и воевали съ греками“ (К. Ц. 160—161. М. 189—190. Н. Г. 214—215).

Тогда¹⁾ Мцхета стала рѣдѣть, а Тифлисъ—обстроиваться; Армазъ сталъ падать, а Кала—возвышаться²⁾.

Персы владычествовали въ Картліи, Сомхитіи. Сивніетіи и Гуаспураганѣ³⁾.

Католикосомъ былъ Самовель, и мало-по-малу стала собираться Картлія, и поставили Гуарама *сначала* эриставомъ, а потомъ куропалатомъ⁴⁾. Гуарамъ положилъ основаніе

¹⁾ Начиная отсюда, текстъ нашей хроники почти слово въ слово повторяется въ Исторіи Багратидовъ Сумбата, сына Давида, и не подлежитъ сомнѣнію, что Обращеніе Грузіи есть одинъ изъ источниковъ Исторіи Сумбата. Но какъ Обращеніе Грузіи, такъ и Исторія Сумбата вмѣстѣ послужили источниками для первоначальной редакціи К. Ц., при чемъ, независимо отъ первоначальной редакціи, свѣдѣнія изъ Исторіи Сумбата вторично были внесены въ К. Ц., какъ я полагаю, Редакціей царя Вахтанга VI, ибо этихъ, вторично внесенныхъ свѣдѣній изъ Сумбата, нѣтъ въ спискѣ царицы Маріи, относящемся къ 1636—1646 г.г. Въ спискѣ Маріи Исторія Багратидовъ Сумбата, сына Давида, выдѣлена въ особую главу, и первоначальный текстъ К. Ц. не испещренъ вторичными вносками фразъ и отдѣльныхъ мѣстъ изъ Исторіи Сумбата, какъ это наблюдается въ спискахъ Вахтанговской Редакціи.

²⁾ Этотъ параграфъ дословно повторяется, какъ въ Исторіи Сумбата, такъ и въ К. Ц., но, по К. Ц., это имѣло мѣсто при эриставѣ Стефаносѣ, сынѣ Гуарама (Списокъ Маріи, стр. 193—194).

³⁾ Этотъ параграфъ также повторяется какъ въ К. Ц. (М. 190), такъ и въ Исторіи Сумбата, но въ послѣднемъ источникѣ прибавлено, что персы владычествовали еще въ Кахетіи и Эретіи“.

⁴⁾ Въ спискѣ царицы Маріи мы читаемъ: „Спустя немного лѣтъ послѣ этого (это служить продолженіемъ текста, приведеннаго нами на стр. 41, во 2 примѣчаніи), въ Персіи произошли большія возмущенія. Царь турокъ вступилъ въ Персію. Греки напали на нихъ въ Месопотаміи и, обративъ въ бѣгство, вступили въ Персію и стали опустошать ее. Тогда Касре Амбарвезъ оставилъ Картлію и Ранъ и отправился на помощь отцу своему. Въ то время, когда персы были заняты такимъ образомъ, эриставы грузинскіе Верхней и Нижней страны, сговорившись между собою, отправили посла къ греческому царю, прося его назначить имъ царя изъ потомковъ грузинскихъ царей, оставивъ эриставовъ не-

церкви Честнаго Креста ¹⁾, и при немъ же католикосомъ былъ другой Самовель. Жители Тифлиса начали строить большую церковь: половину строилъ весь народъ, а другую — эриставы ²⁾. И католикосомъ былъ Бартломе ³⁾.

тронутыми въ своихъ владѣнiяхъ. Тогда кесарь исполнилъ ихъ просьбу и далъ имъ въ цари сына сестры Мирдата, Вахтангова сына отъ греческой принцессы, котораго звали Гуарамъ и который былъ правителемъ Кларджета. Этому Гуараму кесарь далъ титулъ куропалата и послалъ въ Мцхету. Дѣти царя Бакура, потомки Дачи, Вахтангова сына, котораго еще царь Вахангъ назначилъ царемъ, остались въ Кахети и, завладѣвъ Кухетией (въ К. Ц. Кахетiею) и Эрстiей, пачиная отъ Юры, поселились въ Уджармъ и пребывали въ повиновенiи Гуарама куропалата“ (Списокъ Марiи, стр. 190). То же самое мы находимъ и въ изданiи Броссе (К. Ц. 161, 163, Н. Г. 215—216, 220), съ тою только разницею, что въ изданiи Броссе, какъ и во всѣхъ спискахъ Вахтанговской Редакцiи, послѣ словъ: „который былъ правителемъ Кларджета“, вставлено начало Историi Сумбата, заключающее въ себѣ генеалогiю Багратидовъ отъ Адама до нашего Гуарама, перваго грузинскаго Багратида, по Историi Сумбата (К. Ц. 161—163. Н. Г. 216—220).

Итакъ, первоначальный текстъ К. Ц., насколько онъ сохранился въ спискѣ царицы Марiи, внѣ Историi Сумбата, Гуарама не считаетъ Багратидомъ. Въ нашей хроникѣ, т. е. въ Обращенiи Грузiи, тоже нѣтъ никакого намека, чтобы Гуарамъ былъ Багратидъ, хотя не можемъ не замѣтить, что Обращенiе Грузiи вообще совершенно не указываетъ, къ какой династiи принадлежать цари и правители, въ немъ перечисленные. Въ армянскомъ переводѣ К. Ц. въ данномъ мѣстѣ пропускъ, и свѣдѣнiи о Бакурѣ и Гуарамѣ нѣтъ (Addition, р. 46). Изъ грузинскихъ источниковъ Гуарамъ окрещенъ Багратидомъ только въ Историi Сумбата, сына Давида.

¹⁾ По К. Ц., Животворящiй Крестъ до сихъ поръ находился на открытомъ полѣ, и Гуарамъ довелъ постройку церкви Креста до пояса, и возобновилъ основанiе Тифлискаго Сиона (Списокъ Марiи, стр. 192).

²⁾ По Историi Сумбата, другую половину этой церкви, т. е. Сионскаго собора, строила одна какая-то женщина.

³⁾ По К. Ц., Бартломе былъ поставленъ слѣдующимъ эриставомъ Стефаносомъ (М. 193).

Послѣ Гуарама эриставомъ былъ Стефаносъ, сынъ его, братъ Деметре, и онъ продолжалъ постройку церкви Креста.

Тогда прошелъ *черезъ Грузію* Ираклій, царь греческій, и начальникъ крѣпости изъ Калы тифлисской обозвалъ царя Ираклія козломъ. Ираклій же топнулъ ногою, взялъ *книгу* Давиила и нашель слѣдующее слово: „Пришелъ козелъ Запада и сокрушилъ рога восточнаго овна“. Царь сказалъ: „Если это слово относится ко мнѣ, то я воздамъ тебѣ по заслугамъ“; и, оставивъ эристава Джибго для веденія осады, самъ отправился въ Багдадъ восвать съ царемъ Хуасро ¹⁾.

А Джибго этотъ, послѣ немногихъ дней, взялъ Калу, плѣнилъ упомянутаго начальника крѣпости, наполнилъ ему ротъ драканами (драхмами), затѣмъ снялъ съ него живого кожу и послалъ вслѣдъ за царемъ въ Гардабанъ, въ домъ Вараза-Григола.

Ираклій, отправившись, сокрушилъ Багдадъ, взялъ въ плѣнъ царя Хуасро и заставилъ его выдать Животворящій Крестъ ²⁾.

Царь повелѣніемъ своимъ положилъ начало возобновленію Іерусалима, поставилъ патріархомъ Модистоса ³⁾ и вернулся сюда же, *въ Картлію*, на седьмомъ году.

¹⁾ То же самое мы находимъ въ Исторіи Сумбата, между тѣмъ, по К. Ц., Стефаносъ былъ невѣрующій и не боящійся Бога. Церковь Честнаго Креста строилъ его братъ Деметре. При приходѣ Ираклія Стефаносъ остался вѣрнымъ персамъ и каждый день сражался съ греками. Въ одной изъ такихъ схватокъ Стефаносъ былъ убитъ. Ираклій покоришь Тифлисъ, но въ крѣпости Калѣ остались люди, и начальникъ крѣпости ругалъ царя. Далѣе рассказъ переданъ согласно нашей хроникѣ. Существенную разницу составляетъ то, что, по К. Ц., „Ираклій призвалъ сына Бакура, потомка грузинскаго царя Дачи, сына Вахтаंगा, который былъ эриставомъ въ Кахетіи и носилъ имя Адарнасе; онъ далъ ему Тифлисъ и назначилъ его правителемъ Картліи“ (М. 194—195).

²⁾ Свѣдѣнія этихъ двухъ параграфовъ имѣются какъ у Сумбата, такъ и въ К. Ц.

³⁾ Этихъ свѣдѣній нѣтъ въ спискѣ Маріи, но у Сумбата есть.

До его возвращенія въ Тифлисъ, Сіонъ былъ оконченъ жителями, только недоставало немного церкви Креста. Сей Ираклій послалъ глашатаевъ въ Тифлисъ, Мцхету и Уджарму, съ приказаніемъ, чтобы всѣ хрістіане собрались въ городскихъ церквахъ и чтобы всѣ маги и поклонники огня или приняли бы крещеніе, или были бы истреблены ¹⁾).

Но маги не пожелали принять крещеніе и чарами стали дѣйствовать противъ хрістіанъ до тѣхъ поръ, пока царь не пустилъ въ ходъ оружіе; и потоки крови потекли въ церквахъ.

Между тѣмъ Ираклій, очистивъ вѣру Христа, ушелъ, а эриставомъ былъ тотъ же Стефаносъ Великій; католикосомъ же былъ Бартоломе во второй разъ ²⁾).

Затѣмъ былъ эриставомъ Адрнесе ³⁾, и при немъ преставились три католикоса: Іоаннъ, Бабила и Таборъ ⁴⁾).

Послѣ него эриставомъ былъ Стефаносъ, сынъ Адрнесе. Онъ докончилъ церковь Креста и установилъ при Крестѣ

¹⁾ Всѣ эти свѣдѣнія имѣются и у Сумбата, но въ списокѣ Маріи, кромѣ первой фразы, ихъ нѣтъ.

²⁾ Свѣдѣнія этихъ двухъ параграфовъ повторяются и въ Исторіи Сумбата, но въ текстѣ К. Ц. царицы Маріи ихъ нѣтъ. По К. Ц., какъ мы видѣли, Ираклій еще предъ выѣздомъ изъ Тифлиса назначилъ правителемъ Картліи Адарнасе, сына Бакура, вмѣсто навшаго въ бою Стефаноса. Между тѣмъ, по нашей хроникѣ и по Исторіи Сумбата, Стефаносъ еще живъ при возвращеніи Ираклія въ Тифлисъ, и не видно, чтобы онъ дѣйствовалъ противъ него. Католикосъ Бартоломе, упоминаемый въ этомъ мѣстѣ, въ Исторіи Сумбата названъ Вторымъ, а К. Ц. знаетъ только одного Бартоломе (М. 193).

³⁾ Исторія Сумбата считаетъ Адрнесе или Адарнасе сыномъ Стефаноса І. К. Ц., какъ мы видѣли, Адарнасе считаетъ сыномъ Дачи.

⁴⁾ Свѣдѣнія объ этихъ католикосахъ одинаково изложены какъ у Сумбата, такъ и въ К. Ц. (М. 197). Имена ихъ приведены и у Мхитара. Таборомъ (Tharhor) кончается списокъ грузинскихъ католикосовъ у этого писателя (Н. Г. 143).

собрание на одинъ мѣсяць ко времени праздника Креста. Стефаносъ сѣлъ въ Тифлисѣ, а католикосомъ былъ Самовель, при немъ же былъ и Евнонь ¹⁾.

И пришло извѣстie ²⁾, что агаряне заняли Багдадъ. Поэтому греки *сдѣлали опись* страны картлійской, навьючили на муловъ и взяли въ Грецію ³⁾.

Послѣ него эриставами были: Гуарамъ куропалать ⁴⁾; Гуарамъ Молодой ⁵⁾ потомъ Аршуша куропалать ⁶⁾; Варазъ-Бакуръ, апай-патрикiосъ ⁷⁾, который обратилъ въ

¹⁾ То же самое мы читаемъ въ Исторiи Сумбата. Въ К. Ц. нѣтъ упоминанiя о католикосахъ Самовелѣ и Евнонѣ, а относительно церкви Честнаго Креста сообщается, что Стефаносъ окружилъ ее стѣнами, построилъ дворець и учредилъ собранiе по пятницамъ (М. 197).

²⁾ Тутъ два слова выскоблены въ рукописи, какъ кажется, самимъ переписчикомъ.

³⁾ Въ оригиналѣ дословно сказано: „Поэтому греки страну навьючили на мула и взяли въ Грецію“. Но Исторiя Сумбата даетъ возможность исправить это мѣсто нашей хроники. У Сумбата сказано: „При немъ (Стефаносѣ) сдѣлали опись страны картлійской и взяли въ Грецію“.

⁴⁾ У Сумбата тоже Гуарамъ, сынъ Стефаноса II. По К. Ц., у Стефаноса II было два сына: Миръ и Арчилъ, исторiя которыхъ подробно разсказана въ К. Ц. (М. 199—216. К. Ц. 172—184. Н. Г. 237—256). Въ спискахъ Вахтанговской Редакци К. Ц., кромѣ Теймуразовскаго, этотъ Гуарамъ считается сыномъ Стефаноса Перваго, а не Стефаноса Второго (К. Ц. 186. Н. Г. 259).

⁵⁾ Гуарама Молодого не знаютъ ни Исторiя Сумбата ни К. Ц.

⁶⁾ Аршуша куропалать неизвѣстенъ ни въ К. Ц. ни въ Исторiи Сумбата, но онъ, по нашему мнѣнiю, томъ самый, который упоминается въ Житiи Евстафiя Мцхетскаго (VII в.), гдѣ названъ питiахшемъ Картли (см. рукопись Шюмгвмскаго монастыря въ Церковномъ древлехранилищѣ, въ Тифлисѣ, № 170, стр. 113).

⁷⁾ По Сумбату, Варазъ-Бакуръ антипатрикiосъ, сынъ Гуарама II куропалата. По спискамъ К. Ц. Вахтанговской Редакци, Варазъ-Бакуръ антипатрикъ — тоже сынъ Гуарама II куропалата. Нужно полагать, что

христіанство гардабанцевъ, 9; потомъ Нерсе (10)¹⁾ и его сыновья: Филиппъ 11, Стефанось 12, Адрнесе 13, Гуарамъ 14²⁾; Бакуреанъ, сынъ Балдада, 15³⁾; и сыновья Адрнесе: Степанось 15⁴⁾, Ашоть куроалатъ 17 и Гуарамъ 18⁵⁾. Итакъ, они были великими эриставами.

апай-патрикіосъ (въ рукописи—патрикіозъ) представляетъ испорченную переписчикомъ форму антипатрикіосъ.

1) Въ рукописи въ данномъ мѣстѣ не стоитъ, вопреки обыкновенію, числовой буквы, обозначающей 10. Въ нашей хроникѣ и въ Исторію Сумбата не указывается, чей сынъ эриставъ Нерсе. По списку К. Ц. Вахтанговской Редакціи, онъ сынъ Варазь-Бакура антипатрика.

2) Въ числѣ сыновей Нерсе въ Исторіи Сумбата и въ К. Ц. совершенно неизвѣстенъ Гуарамъ (IV), а остальные три извѣстны.

3) Бакуреанъ, сынъ Балдада, неизвѣстенъ ни въ К. Ц. ни у Сумбата.

4) Этотъ Стефанось, четвертый подъ симъ именемъ, неизвѣстенъ ни въ К. Ц. ни у Сумбата.

5) Ашоть куроалатъ хорошо извѣстенъ какъ въ К. Ц., такъ и въ Исторіи Сумбата, но Гуарамъ не упоминается ни въ одномъ изъ двухъ этихъ источниковъ. Зато въ числѣ сыновей Адрнесе или Адарнасе, кромѣ Ашота куроалата, извѣстенъ какъ у Сумбата, такъ и въ К. Ц. Гургенъ, который, повидимому, указанъ вмѣсто нашего Гуарама. По поводу Ашота куроалата списки Вахтанговской Редакціи К. Ц., глѣмъ Теймуразовскаго, приводятъ указанія объ эриставахъ, которые предшествовали Ашоту. Здѣсь мы читаемъ: „Послѣ смерти Адарнасе, Богъ возвеличилъ царствованіе Ашота куроалата, ибо отецъ его Нерсе, сынъ Варазь-Бакура антипатрика, и отецъ этого Варазь-Бакура, по имени Гурамъ, куроалатъ, сынъ Стефаноса Перваго и братъ Деметре;—уже преставились, и братья этого Адарнасе, а именно Филиппъ и Стефанось, тоже умерли“ (К. Ц. 186. Н. Г. 259). Такъ какъ въ спискѣ царицы Маріи этихъ свѣдѣній нѣтъ, то нужно полагать, что указанные свѣдѣнія внесены въ К. Ц. Редакціей царя Вахтанга и изложены на основаніи извѣстій Исторіи Сумбата, при чемъ допущены такія отступленія отъ Исторіи Сумбата, что Нерсе названъ сыномъ предыдущаго эристава, Варазь-Бакура, а Гуарамъ II сыномъ Стефаноса I; тогда какъ

А католикосы, которые были послѣ Евнона, *слѣдующіе*: Тавпачагъ 1, Эвлале 2, Јовель 3, Самовель 4, Георгій 5, Квиріонъ 6, Изидъ-Бозидъ 7, Θεодоръ (Тэ?) ¹⁾ 8, Петръ 9. Эти девять *католикосовъ* были женаты ²⁾).

Потомъ были: Мама ³⁾ 1, Іоаннъ 2, Григоль 3, Клементосъ 4, Сармеанъ 5, Талеле 6, Самовель 7, Квириле 8, Григоль 9, Самовель 10, Георгій 11, Гавріиль 12, Иларіонъ 13, Арсеній 14, Евсукій 15, Василій 16, Микаэль 17, Давидъ 18, Арсеній 19 ⁴⁾).

у Сумбата относительно Нерсе не указано, чей онъ сынъ, а Гуарамъ II считается сыномъ Стефаноса II.

¹⁾ Въ рукописи, вмѣсто слова Θεодоръ, написано *ⲛⲉ*—The, но по нашему мнѣнію, тутъ переписчикомъ пропущено титло, съ титломъ *ⲛⲉ*—Th̅e нужно прочесть *ⲛⲉⲩⲟⲗⲟⲩⲟⲩⲉ*, т. е. Θεодоръ, поэтому полагаю, что имя этого католикоса должно быть Θεодоръ.

²⁾ Эти девять католикосовъ неизвѣстны ни въ К. Ц. ни въ Исторіи Сумбата.

³⁾ „Мама“ въ грузинскомъ языкѣ можетъ означать и собственное имя и нарицательное; въ послѣднемъ случаѣ это слово означаетъ отца. Судя по контексту, въ нашемъ случаѣ интересующее насъ слово нельзя принять за собственное имя, по крайней мѣрѣ, его не считалъ за таковое переписчикъ рукописи, ибо въ рукописи, писанной строчными буквами хуцури, всѣ собственныя имена католикосовъ *ⲛⲉ* начнутся заглавными буквами, асомтаврული, тогда какъ данное слово *ⲛⲉ* написано строчными буквами, и это тѣмъ болѣе бросается въ глаза за, что оно стоитъ въ началѣ списка католикосовъ. Вотъ почему въ первоначальномъ изданіи текста хроники указанное слово я не принялъ за собственное имя. Но, принимая во вниманіе, что въ транскрипціи нѣкоторыхъ словъ въ нашей рукописи встрѣчаются ошибки, а также то, что безъ Мама по счету не выйдетъ 19 католикосовъ, слово это можно принять и за имя католикоса.

⁴⁾ Этимъ кончается первая часть „Обращенія Грузіи“. Перечисленные тутъ 19 католикосовъ неизвѣстны ни по К. Ц. ни по Исторіи Сумбата.

[Глава II].

Между тѣмъ окончила теченіе своей жизни по вѣрѣ Св. Троицы святая и блаженная царица Нино, которая сдѣлалась вѣстницею радости сердець нашихъ и увеселительницею душъ и тѣлесъ нашихъ; она покончила съ однимъ этимъ царствомъ Сѣвера, мцхетскимъ, съ царствомъ царей: научила всѣхъ исповѣданію Отца и Сына и Св. Духа съ крещеніемъ, пришествію Христа и рожденію отъ Св. Дѣвы, крещенію и смерти Христа, воскресенію изъ мертвыхъ, безсмертію и жизни послѣ смерти, второму пришествію на землю Сына Божія, жизни праведныхъ и возмездію грѣшниковъ, и тому, что Его есть царствіе Божіе во вѣки вѣковъ и послѣ, аминь ¹⁾.

Достигнувъ страны кхоетской, мѣстечка Буди, Нино заболѣла болѣзнию, отъ которой и преставилась.

Тогда, *при ея кончинѣ*, собрались цари земные и мтавары ²⁾ съ вельможами, и многое множество народа, ибо всякій человекъ видѣлъ, что лицо Нины было, какъ лицо ангела небеснаго.

И разрывали простую и старую одежду ея, прикладываясь съ вѣрою, и невольно преклонялись предъ нею всѣ, окружающія ее царицы, у которыхъ потоки слезъ текли изъ глазъ по причинѣ отшествія отъ нихъ наставницы, подвижницы и искусной исцѣлительницы больныхъ.

Къ ней обращались съ вопросами царицы—Саломе уджармійская и Перожавра сивніетская, и вмѣстѣ съ ними всѣ мтавары спрашивали ее и говорили: „Кто ты и какъ ты при-

¹⁾ Весь этотъ параграфъ, выраженный въ оригиналѣ однимъ періодомъ, отсутствуетъ во всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ вариантахъ Житія св. Нины.

²⁾ Мтаварами называются владѣтельные князья, главари народа, высшіе сановники.

шла въ нашу страну ради спасенія нашего; или гдѣ ты воспитывалась, царица? Открой намъ дѣло твое, почему ты называешь себя плѣнницею, любезная освободительница плѣнныхъ? Ибо мы узнали отъ тебя, что и прежде бывали пророки до пришествія Сына Божія на землю, а потомъ было двѣнадцать да еще семьдесятъ два апостола, но намъ никого не прислалъ Богъ, кромѣ тебя. И почему ты говоришь: „ибо я плѣнница“, или „ибо я странница?“¹⁾

Тогда Нино начала говорить и сказала: „Жены вѣрующія, угодницы Божіи, царицы мои, вижу васъ всѣхъ, какъ первыхъ тѣхъ святыхъ женъ, *проникнутыхъ* вѣрою и любовью къ Богу; вы хотите узнать пути мои, убогой рабыни вашей, и я повѣдаю вамъ. Вотъ душа моя подступила къ горлу моему, и мнѣ хочется уснуть сномъ вѣчнымъ матери моей. Вы же принесите чернила и перья и запишите убожество мое и жалкую жизнь мою, чтобы вѣдали и сыновья ваши вѣру вашу, благосклонный пріемъ мой и чудеса Божіи, изъ которыхъ вы видѣли немного на горѣ той, на мѣстѣ тѣхъ ежевичныхъ кустовъ, при воздвиженіи Столба, и далѣе, надъ источникомъ; а какія знаменія, явленные съ неба на землю, видѣли очи мои до моего прихода сюда, знаетъ самъ Господь и душа моя“²⁾.

Тогда Саломе улжармійская и Перожавра сивніетская достали чернила и перья, и Нино стала рассказывать, а тѣ

¹⁾ Последнія четыре слова я беру изъ К. Ц., къ которой, какъ и въ другихъ вариантахъ, сказано: *эбу зотанъ уѣбъ*. Въ нашемъ оригиналѣ тутъ текстъ не понятенъ: *эбу обѣлѣтѣтѣ* — или какъ бы въ Индіи (?). Быть-можетъ, мы тутъ имѣемъ ошибочно переданную, вследствие смѣшенія сходныхъ буквъ хуцури, фразу: *эбу зотанъ уѣбъта зобѣтѣ* — или какая нибудь убогая.

²⁾ Отъ словъ „на горѣ той“ нѣтъ въ другихъ вариантахъ.

писали. Она начала о дѣлахъ родителей своихъ, предшествовавшихъ ея рожденію ¹⁾.

[Глава III]. Житіе Святой Нины.

Въ то время когда Георгій Каппадокійскій былъ замученъ за Христа, нѣкій человекъ, равный мтавару, рабъ Божій ²⁾, отправился изъ одного города Каппадокіи въ Римъ, къ царямъ ³⁾, чтобы служить имъ и получать награды.

¹⁾ Весь рассказъ отъ словъ: „Тогда собрались цари земные“ повторяется съ нѣкоторыми варіаціями и въ К. Ц. (см. Н. Г. р. 127—128). Существенную разницу нашего оригинала съ другими варіантами составляетъ то, что во всѣхъ другихъ житіяхъ св. Нины приведенный рассказъ помѣщенъ въ концѣ жизнеописанія ея—тамъ, гдѣ говорится объ обращеніи ея кахетинскихъ владѣтелей въ христіанство, при чемъ списки Житія св. Нины Іоанна Крестительской пустыни и Шюмгвимскаго монастыря, равно какъ и изданіе М. Сабинина „Рай Грузіи“, вводятъ рассказъ объ обращеніи въ христіанскую вѣру кахетинской царицы Суджи съ ея народомъ, приводятъ письмо св. Нины, посланное ею передъ смертью царю Миріану черезъ царицу Суджи, которая, судя по этому рассказу, отправилась въ Мцхету, чудеснымъ образомъ переправилась на глазахъ всего народа черезъ разлившуюся до большихъ размѣровъ Арагву, положила къ Животворящему Столбу и пожертвовала Мцхетскому храму городъ Баратіани и мѣстечко Буди (Рай Грузіи, стр. 149—150. Рукописи Крест., стр. 586—587, Шюмг. стр. 358—359). Этихъ свѣдѣній нѣтъ ни въ К. Ц. ни въ нашемъ источникѣ, какъ мы объ этомъ упоминали отчасти (см. выше, стр. 24, прим. 1). Во всѣхъ другихъ варіантахъ Житіе св. Нины начинается слѣдующими словами: „Сперва упомянемъ о жизни святой и блаженной матери нашей, вѣстницы и просвѣтительницы всей Грузіи, которую она сама желанная рассказала передъ своею смертью и которую записала вѣрующая царица Саломе уджармійская, жена сына царя Миріана, дочь Трдата, царя армянскаго“.

²⁾ Всѣ другіе списки тутъ прибавляютъ: по имени Завулонъ (въ нѣкоторыхъ спискахъ: Забилоуъ М.: Забулоуъ).

³⁾ Въ спискахъ К. Ц. Вахтанговской Редакціи сказано: къ царю Максиміану.

Въ то же самое время въ Коластѣ ¹⁾ жилъ одинъ человекъ, у котораго было двое дѣтей: сынъ и дочь. Имя сыну его было Ювеналій (Юбеналь), а дочери—Сусанна.

Послѣ того какъ названные родители умерли, дѣти ихъ остались сиротами. Они отправились въ святой градъ Іерусалимъ, возложивъ надежду на храмъ Воскресенія, упованіе всѣхъ христіанъ, куда и обратились съ просьбою.

Упомянутый братъ Сусанны получилъ *должность* эконома, а Сусанна служила Міафоръ-Саррѣ, вилеемлянкѣ.

Между тѣмъ молодой каппадокіецъ прибылъ въ Римъ, къ царю. Въ то время бранджи учинили нападеніе на римлянъ на полѣ Питаланскомъ ²⁾. Богъ далъ молодому каппа-

¹⁾ Въ К. Ц., Крест. и Шіом.: въ городѣ Коластрѣ. Въ Армянской Хроникѣ: Клостана. „Peut-être la ville de Colopée ou Colosse“, замѣчаетъ Броссе по поводу названія упомянутого города (H. G. р. 90, п. 4). Если подъ именемъ Коласта подразумѣвается городъ Colossae классическихъ писателей, то онъ находился не въ Капподокіи, а въ Фригійи. Впрочемъ, городъ подъ такимъ названіемъ находился еще въ Лидіи.

²⁾ Неизвѣстно, какой народъ подразумѣвается подъ бранджами, потому что это названіе внѣ Житія св. Нины ни въ одномъ грузинскомъ источникѣ не подается. Царевичъ Вахуштъ въ своей Исторіи Грузіи (изданіе Бакрадзе, стр. 57, прим. 3) говоритъ слѣдующее: „Я полагаю, что бранджи суть жители Барцалоніи (Барцелоніи), города Испаніи въ Каталоніи, ибо названія бранджи и Барцалонъ похожи, а Каталонъ отличается отъ грузинскаго Паталонъ только одною буквою, тамъ же находился глубокая рѣка и поле Паталонское или Каталонское. Кромѣ того, тамъ живутъ баргузы—то же, что грузинскіе бранджи“. Изъ исторіи извѣстно, что Константинъ Великій въ 306 году побѣдилъ на берегу Рейна франковъ и плѣнилъ ихъ царей Аскаррика и Регаиса (Lebeau Histoire du Bas-Empire 1, 42—43), но едва ли объ нихъ здѣсь идетъ рѣчь. Грузинологи, касавшіеся вопроса о бранджахъ, приурочивали этотъ народъ то къ франкамъ, то къ бургундцамъ, то къ фризамъ и британцамъ, то фригійцамъ (Сабининъ Рай Грузіи, стр. 120. М. Джанашивили. Исторія Грузинской Церкви, стр. 19. А. Хахановъ. Источники по введенію христіанства въ Грузіи, стр. 20, прим. 42).

докійцу силу несокрушимую. Онъ сильно боролся съ врагами до тѣхъ поръ, пока не обратилъ ихъ въ бѣгство. Онъ взялъ въ плѣнъ царя бранджовъ вмѣстѣ со многими мтаварями и представилъ римскому царю царя бранджовъ и всѣхъ мтаваровъ. Царь же опредѣлилъ имъ смертную казнь.

Тогда бранджи начали плакать и просили Завулону: „Дай намъ сначала вѣру твою и введи насъ въ храмъ Бога твоего, а потомъ пусть казнятъ насъ, ибо какъ ты плѣнилъ насъ, такъ ты же сдѣлай это намъ и будешь ты тогда неповиненъ въ крови нашей“.

Между тѣмъ Завулонъ, услыхавъ это, немедленно сообщилъ ихъ слова царю и патриарху, и они крестили ихъ подъ воспріемничествомъ Завулону, ввели ихъ въ храмъ Божій, святую церковь, пріобщили тайнъ Христа и показали имъ все величіе святыхъ апостоловъ. Утромъ рано бранджи эти встали, одѣлись въ траурныя одежды, вышли на мѣсто казни, молились и благодарили Бога за крещеніе и причащеніе и говорили: „Мы и въ смерти — безсмертныя, ибо сподобилъ насъ Богъ получить такое величіе и нескончаемую путевую пищу, тѣло и кровь Христа, Сына безсмертнаго Бога, того Владыки, Который превыше всего высокаго и глубже всѣхъ безднъ, яко благословенъ во вѣки вѣковъ, аминь. Только горе дѣтямъ ¹⁾ нашимъ, плодамъ горькимъ, обитателямъ тьмы!“ И восклицали они: „Приходи, палачъ, и отруби намъ головы наши!“ Видя это, Завулонъ встревожился духомъ и плакалъ, ибо они подобно овцамъ выставили головы свои на закланіе, и какъ овцы объ агнцахъ своихъ, такъ и эти заботились о дѣтяхъ своихъ.

Тогда Завулонъ вошелъ къ царю, выпросилъ прощеніе имъ и отпустилъ ихъ съ подарками, но они умоляли Завулону отправиться вмѣстѣ съ ними въ ихъ страну, чтобы дать религію Христа и крестить водою весь ихъ народъ.

¹⁾ Въ Вахт. Ред.: родителямъ.

Завулонъ внялъ ихъ *просьбъ*, испросилъ у патриарха священниковъ и, получивъ позволеніе отъ царя, отправился съ радостью.

Какъ только они приблизились на разстояніи одного дневного перехода, дошло извѣстіе въ *страну бранджовъ*, что царь живъ и ѣдетъ со всеми мтаварами.

Тогда двинулись слѣдующіе десять эриставствъ: Холамай ¹⁾ и Хозабай ²⁾, Хлачай ³⁾, Хенешаги ⁴⁾, Тимгараги ⁵⁾, Закай ⁶⁾, Гвай ⁷⁾, Заргай ⁸⁾, Зардай, Зармай ⁹⁾ и Тмонигони ¹⁰⁾ царскій ¹¹⁾ и встрѣтили ихъ у большой рѣки Гдамары ¹²⁾.

Царь раздѣлилъ народъ и поставилъ по ту и по сю сторону рѣки. Священники освятили рѣку. Весь народъ вошелъ туда и, омывшись, сталъ выходить черезъ одинъ выходъ. Завулонъ возлагалъ на всѣхъ ихъ руку въ продолженіе десяти дней. Въ разбитыхъ тутъ палаткахъ священники служили обѣдню и приобщали *народъ св. таинъ Христовыхъ*.

¹⁾ Въ Вах. Ред. нѣтъ этого слова. М.: Холамъ.

²⁾ Вах.: Хозамо. М.: Хозабъ.

³⁾ Вах.: Гаахладжа. Списокъ Броссе: Гардаджа. Шіомг. и Крест.: Халачай.

⁴⁾ М.: Хенебаги (смѣшеніе буквъ б и ш). Вах.: Хенебага. Шіом. и Кр.: Хенешаги.

⁵⁾ Вах.: Хингирага: Списокъ Броссе: Хиничраги.

⁶⁾ Вах.: Заджа.

⁷⁾ Вах. нѣтъ. I. Кр.: Газай. Шіом.: Газа.

⁸⁾ Вах.: Зага. I. Кр. и Шіом.: Зарга.

⁹⁾ Вах.: Замра. I. Кр. и Шіом.: Зарма. Въ М. пропущено.

¹⁰⁾ Вах.: Тмони. М.: Тмогони. Тмонигони считается, вѣроятно, за собственное владѣніе царя и не входитъ въ число десяти эриставствъ.

¹¹⁾ Вах.: Царствъ.

¹²⁾ М.: Гадмара. Въ Вах. Редакціи *ღაღად* приурочено къ слову *ღაღად*—глубокій, такъ что у Вахтанга это слово не собственное имя, а нарицательное. „И встрѣтили ихъ у большой и глубокой рѣки“. Это исправленіе принадлежитъ безусловно Вахтанговской Редакціи, тѣмъ болѣе, что Шіомгвимскій и I. Крестительскій списки согласены съ нашимъ текстомъ.

И отпустилъ Завулонъ священниковъ, благоустроилъ дѣла христіанства и, благословивъ ихъ, вернулся съ большими дарами въ Римъ.

Затѣмъ онъ возымѣлъ намѣреніе въ сердцѣ своемъ и сказалъ: „Отправляюсь я въ Іерусалимъ“. И далъ нищимъ все имъ пріобрѣтенное. Между тѣмъ упомянутый экономъ былъ уже избранъ патріархомъ; и очень подружились между собою Завулонъ и патріархъ.

Сарра-Міафора сказала патріарху: „Этотъ Завулонъ, отецъ и воспріемникъ бранджовъ,—человѣкъ, исполненный мудрости и страха Божія; дай ему въ супружество сестру твою Сусанну“.

Слова ея понравились св. патріарху. Онъ выдалъ Сусанну замужъ за Завулону, который отправился въ свой городъ Коласы ¹⁾

И только я ²⁾ одна родилась отъ нихъ, и они—родители мои, и воспитала меня мать моя подъ кровомъ своимъ въ безпрестанномъ служеніи нищимъ и днемъ и ночью.

Какъ только мнѣ исполнилось двѣнадцать лѣтъ, родители мои продали все, что имѣли, и отправились въ Іерусалимъ.

Тогда отецъ мой, получивъ благословеніе отъ патріарха, разошелся съ матерью моею, прижалъ меня къ груди своей и, потоками проливая слезы на глаза и лицо мое, сказалъ мнѣ: „Ты, единокровная дочь моя, вотъ я оставляю тебя сиротою и предоставляю Богу небесному, отцу, воспитателю и господну всѣхъ, ибо Онъ—отецъ сиротъ и судья вдовъ. Не бойся, дочь моя! Ты только выкажи рвеніе Маріи Магдалины и сестеръ Лазаря въ любви къ Богу и, если ты такъ же, какъ онѣ, будешь бояться Его, Богъ дастъ тебѣ все, что попросишь и что тебѣ когда-нибудь нужно будетъ отъ Него“. И,

¹⁾ Въ другихъ вариантахъ: Коластры.

²⁾ Во всѣхъ другихъ вариантахъ, кромѣ Армянской Хроники, рассказъ переданъ третьимъ лицомъ.

поцѣловавъ меня поцѣлуемъ вѣчнымъ, отправился за Иордань, къ племенамъ дикимъ. Объ его пребываніи тамъ вѣдаетъ Господь его Іисусъ.

Что касается до моей матери, то патриархъ далъ ее въ служительницы нищимъ, больнымъ женщинамъ, а я находилась въ услуженіи у Міафоры, армянки изъ Двина, два года.

И я распрашивала ее о страданіяхъ Христовыхъ, о распятіи, погребеніи, воскресеніи, объ одеждѣ, о крестѣ, о тканяхъ, о погребальныхъ плащаницахъ Его и обо всемъ постепенно, ибо ни прежде ни тогда никого не было въ Іерусалимѣ равнаго ей по знаніямъ всѣхъ путей завѣтовъ Ветхаго и Новаго.

Она начала рассказывать мнѣ и сказала: „Вижу, дитя мое, силу твою, подобную силѣ львицы, которая возвышаетъ свой голосъ надъ всѣми четвероногими; или подобна ты орлицѣ, которая выше орла поднимается въ высь небесную и зеницей своей, равной небольшой жемчужинѣ, обнимаетъ всю землю, выслѣживаетъ и намѣчаетъ свою добычу и, намѣтивъ взоромъ, подобнымъ огню, съ шумомъ подбираетъ крылья и устремляется на нее. Да будетъ такова жизнь твоя, при руководительствѣ Св. Духа“ ¹⁾.

Глава IV ²⁾, написанная тою же Соломе уджармійскою ³⁾.

„Нынѣ я начну и расскажу все. Когда смертные люди увидѣли безсмертнаго Бога, Который явился на землю, Из-

¹⁾ Весь этотъ рассказъ имѣетъ параллель и въ другихъ вариантахъ (ср. съ Н. Г. р. 90—93).

²⁾ Первые три главы нашего источника не обозначены въ оригиналѣ, но очевидно, что первую главу составляетъ приведенная нами выше краткая хроника (стр. 1—48), вторая и третья главы отмѣчены нами въ скобкахъ (см. выше стр. 49 и 51).

³⁾ Въ другихъ вариантахъ нижеслѣдующій рассказъ примыкаетъ къ предыдущему и не выдѣленъ въ особую главу.

раиль отрекся отъ Него. Онъ призывалъ все чуждые народы, поклоняющіеся инымъ богамъ, ибо желалъ спасти міръ, Имъ же созданный. Онъ же началъ благодѣтельствовать евреямъ: воскрешать мертвыхъ, возвращать зрѣніе слѣпымъ и исцѣлять отъ всехъ болѣзней. Это возбудило въ нихъ зависть и они, сговорившись, разослали стратіотовъ ¹⁾ по всемъ странамъ, чтобы евреи поспѣшно явились; „ибо“, говорили они, „вотъ, мы погибаемъ“.

Тогда собрались изъ всехъ странъ евреи, знатоки Моисеева закона, которые возстали противъ Св. Духа, и что надлежало Христу отъ нихъ, они исполнили: распяли Его и одежду Его кинули жребій; хитонъ же Господа Іисуса достался по жребію людямъ сѣвернымъ, жителямъ Мцхеты. Евреи похоронили Творца своего и запечатали гробъ. Но Онъ воскресъ, какъ предрекъ, а плащаница утромъ была еще въ гробу.

Выждавъ все это, Пилать и его жена пришли ко гробу, нашли плащаницу; жена Пилата взяла ее и поспѣшно отправилась въ Понтъ, къ себѣ домой, и сдѣлалась вѣрующей во Христа ²⁾. Спустя много лѣтъ, плащаница попала въ руки евангелиста Луки, и онъ спряталъ ее, гдѣ, — самъ вѣдаетъ. Саванъ же, какъ и тѣло Христа, не былъ найденъ. Нѣкоторые говорили относительно Петра, будто ему посчастливилось взять и владѣть имъ, но определеннаго объ этомъ, какъ обо всемъ остальномъ, ничего не сказывали. Что же касается до крестовъ, то они зарыты въ этомъ городѣ, но мѣсто ихъ никому неизвѣстно. Когда Богу будетъ угодно, они откроются“.

¹⁾ Отъ слова *στρατιώτης* — воинъ. Въ данномъ случаѣ это слово имѣетъ значеніе курьера.

²⁾ Этотъ параграфъ до этого мѣста не имѣется въ спискахъ К. Ц. Вахтанговской Редакціи, хотя въ спискахъ Маріи, Крест., Шіом. и въ Армянской Хроникѣ есть.

Тогда я воздала хвалу Господу Богу и благодареніе царицѣ моей за весь этотъ разсказъ и снова спросила ее: „Гдѣ та сѣверная страна, или гдѣ та одежда Господа нашего?“

Она сказала мнѣ: „Сѣверная страна находится въ сторону нагорной области Арменіи, она — страна языческая, подвластная грекамъ и ужикамъ“¹⁾.

¹⁾ Въ спискѣ К. Ц. Маріи сказано: Сарра-Ниафора отвѣчала и сказала: „Есть на востокѣ городъ, который носить названіе Мцхета, и — страна Картліи и нагорная область Арменіи, она (Мцхета) пребываетъ въ язычествѣ и подвластна грекамъ (этого слова въ изданіи Броссе нѣтъ) и ужикамъ (см. К. Ц. Маріи, стр. 61—62). Въ Крест. и Шидмг. рукописяхъ мы читаемъ: „На востокѣ находится городъ подъ названіемъ Мцхета и страна Картліи и Арменіи, и нагорная область Арменіи, и языческая страна, въ настоящее время она (Мцхета) подвластна грекамъ и ужикамъ“. Въ одной рукописи хуцури, озаглавленной „Метафрасъ св. Нины“, списанной съ старой рукописи священникомъ Алексѣемъ Бакрадзе (онъ еще живъ) и пожертвованной имъ Тифлисской дворянской школѣ, мы читаемъ (стр. 3): ხოლო იგი ეტყოდა სადა არს მცხეთა. ხოლო მან მიუგო. არს იგი ჩრდილოეთით კერძო რა ღო არს საქართველო და სამრევდრებელი წარმართთა შ.ს სპარსთა და თსეთისა და ქალაქი არს მცხეთა—А она (Нино) спросила: „Гдѣ находится Мцхета?“ Та же (Ниафора) отвѣчала: „Она находится въ странѣ сѣвера, которая есть Сакартвело (Грузія) и владѣніе язычниковъ, между Персією и Осетією, и въ ней находится городъ Мцхета.“ Такое же указаніе на страну сѣвера, языческое государство, между Персією и Осетією, имѣется еще въ одной рукописи Азіатскаго музея (№ 39), какъ видно изъ статьи Н. Марра: Хитонъ Господень въ книжныхъ легендахъ армянъ, грузинъ и сирійцевъ. Изъ Сборника статей учениковъ профессора бар. В. Р. Розена, стр. 7). Кого нужно подразумѣвать подъ ужиками до сихъ поръ въ точности неизвѣстно, но въ догадкахъ нѣтъ недостатка. Ужики встрѣчаются еще въ грузинскомъ переводѣ Дѣяній Апостоловъ, гл. 2, ст. 7, гдѣ сказано: И марты и миды и ужики и эламиты. Въ другихъ переводахъ священныхъ книгъ ужики не упоминаются. Броссе замѣчаетъ: En armenien oujégh signifie „hort vigoureux“; ne serait-ce pas l'origine du mot oujic, indiquant peut-être ici la tyrannie des démons, dont le cult prévalait

Въ тѣ дни прибыла изъ Ефеса одна женщина поклониться св. храму Воскресенія. Міафора спросила ее: „Въ прежней ли тѣмѣ пребываетъ царица Елена, и царствованіе ихъ не отъ Бога?“

Та отвѣчала: „Я раба ихъ и соучастница всѣхъ ея намѣреній, и она имѣетъ сильное желаніе принять религію римлянъ, вѣру Христа, и креститься“.

А я сказала Міафорѣ¹⁾: „Пошли, и я пойду къ царицѣ Еленѣ, быть-можетъ, она допуститъ меня проповѣдать ей

alors en Géorgie?Un géorgien m'a dit que les commentateurs géorgiens de l'Evangile nomment les oujics „chaldeéns“ (Н. Г. р. 94, п. 1). Савва Сулханъ Орбеліани въ своемъ грузинскомъ лексиконѣ подъ Ужикети подразумѣваетъ Багдадъ. Приводя разныя указанія объ ужикахъ П. Иосселіани спрашиваетъ: „Народъ этотъ, извѣстный подъ именемъ ужиковъ въ грузинскихъ книгахъ, не есть ли тѣ ужи, которые принимаются за мадяровъ или маджаровъ и о которыхъ въ первый разъ сталъ упоминать Константинъ Порфирогенитъ въ De administrando Imp. cap. XXVII?“ (П. Иосселіани. Жизнеописаніе святыхъ, прославляемыхъ православною Грузинскою Церковью, стр. 40, прим. 1 см. также у Сабинина. Полное жизнеописаніе святыхъ Грузинской Церкви, стр. 7, прим.). Въ К. Ц. упоминается еще народъ „уджи“, подъ которыми разумѣются турки (Н. Г. 451, п. 4). По мнѣнію А. Хаханова, подъ ужиками, быть-можетъ, нужно подразумѣвать черкесовъ (Источники по введенію христіанства въ Грузію, стр. 22, прим. 45). Послѣ этого параграфа въ указанномъ выше трудѣ М. Сабинина. Полное жизни. святыхъ Груз. Церкви, стр. 7—8, разсказывается, что Богородица во снѣ явилась св. Нинѣ и приказала ей отправиться въ Иверскую страну, въ свой жребій, благовѣствовать тамъ евангеліе, при чемъ вручила ей крестъ изъ виноградныхъ лозъ, который Нино перевязала своими волосами. Ни въ одномъ спискѣ Житія св. Нины, въ томъ числѣ и въ изданіи самого Сабинина Рай Грузіи на грузин. языкѣ, этихъ свѣдѣній нѣтъ. Но въ цитованномъ мною Мегафрасѣ св. Нины (стр. 4) разсказъ этотъ приведенъ. Изъ нашего источника (стр. 19) видно, что крестъ изъ обрѣзковъ виноградныхъ лозъ сдѣлала сама св. Нино въ Мцхетѣ.

¹⁾ Это имя въ другихъ вариантахъ встрѣчается въ формѣ Міафора.

Христа“. Миафора сообщила объ этомъ патриарху, и святой отецъ мой патриархъ, дядя мой по матери, позвалъ меня, поставилъ на ступеняхъ алтаря и, возложивъ руки свои на плечи мои, обратился къ небу, вздохнулъ и сказалъ: „Господи, Боже отцовъ и вѣковъ, въ руки твои предаю сироту эту, дочь сестры моей, и посылаю ее на проповѣдь божества Твоего, чтобы она благовѣствовала Воскресеніе Твое. Всюду, куда Твое благоволеніе направитъ ее, будь ей, Христе, путемъ, спутникомъ, пристанищемъ, учителемъ краснорѣчія, каковымъ Ты былъ для боящихся прежде имени Твоего!“

И *патріархъ* удалилъ меня отъ матери моей, далъ мнѣ крестъ и благословеніе, какъ путевую пищу, и я отправилась вмѣстѣ съ тою женщиной. Когда мы пришли въ ея домъ, тамъ застали одну царицу, изъ царскаго рода ¹⁾, по имени Рипсима, которая ожидала крещенія изъ Іерусалима, сильно желая исповѣдывать Христа. Тогда она отдала меня въ руки Рипсима, которая вмѣстѣ съ 40 домохозяевами приняла крещеніе изъ моихъ рукъ. Мы отправились въ ея домъ и оставались тамъ два года ²⁾.

Тогда Господь призрѣлъ на Грецію: увѣровалъ царь Константинъ, и провозгласили Христа онъ, мать его и весь дворъ ихъ, отъ сотворенія міра въ пять тысячъ четыреста сорокъ четвертомъ году, а отъ Вознесенія Христова въ

¹⁾ Въ оригиналѣ ԹՅՁԳՅՈՒ — евадати. Объ этомъ см. выше, стр. 18 прим. 2.

²⁾ Во всѣхъ другихъ вариантахъ Житія св. Нины тутъ приводится длинный рассказъ о томъ, какъ для римскаго царя искали красивую жену и какъ Трдатъ, царь армянскій, былъ пораженъ красотой Рипсима и хотѣлъ жениться на ней, но когда она этого не захотѣла, замучилъ Рипсима вмѣстѣ съ ея спутницами. Источникомъ этого разсказа всѣ списки называютъ книгу „Обращенія Арменіи въ христіанство, т. е. Ага-ангела (см. Н. Г. р. 96—97).

триста одиннадцатомъ году, и вся Греція преуспѣвала въ христіанствѣ. На седьмомъ году былъ соборъ въ Никеѣ, а на восьмомъ имѣло мѣсто бѣгство наше изъ Греціи. Я, царица Рипсима, Гаіане, кормилица ея, и пятьдесятъ *другихъ* душъ выступили пятнадцатаго числа перваго мѣсяца¹⁾.

И прибыли мы въ предѣлы Арменіи, въ садъ царя Трдата. Онѣ были замучены тамъ тридцатаго числа перваго мѣсяца, въ день пятницы²⁾.

Я же осталась въ розовыхъ кустахъ, ибо розы и миндаль цвѣли тогда. Когда души этихъ святыхъ поднялись, я

¹⁾ Хронологическія свѣдѣнія этого параграфа отсутствуютъ въ другихъ вариантахъ. Мы уже говорили, что эти свѣдѣнія не согласны съ хронологическими указаніями первой части нашего источника (см. выше стр. 16—18). 5444 г. отъ сотворенія міра согласуется съ 311 годомъ послѣ Вознесенія, если считать отъ сотворенія міра до Р. Х. 5100 лѣтъ, а отъ Р. Х. до Вознесенія 33 года ($5100 + 311 + 33 = 5444$), но тогда выйдетъ, что Константинъ принялъ крещеніе въ 344 году послѣ Р. Х., когда его уже не было въ живыхъ. Поэтому выраженіе „послѣ Вознесенія Христова“, какъ мы уже указывали, нужно принять равнозначущимъ выраженію „послѣ Рождества Христова“. Въ грузинскихъ источникахъ за древній періодъ такое значеніе этого выраженія явленіе довольно обыкновенное. Итакъ, принимая во вниманіе, что здѣсь разумѣется принятіе христіанства Константиномъ Великимъ въ 311 г. послѣ Р. Х., а не послѣ Вознесенія, по смыслу разбираемаго мѣста выйдетъ, что Никейскій соборъ былъ въ 318 г. ($311 + 7 = 318$), а Нино бѣжала изъ Греціи со своими спутницами въ 319 году. ($311 + 8 = 319$). На самомъ дѣлѣ, Никейскій соборъ былъ, какъ извѣстно, въ 325 г., а бѣгство Нины, по смыслу первой части нашего источника, имѣло мѣсто въ 324 г. (см. выше стр. 17—18). Мы должны еще замѣтить, что выше, въ первой части нашей хроникки (стр. 28), отъ сотворенія міра до Р. Х. считается 5500 лѣтъ. Другое болѣе прямое указаніе такого рода мы увидимъ ниже.

²⁾ Первымъ мѣсяцемъ тутъ, повидимому, считается мартъ. Въ этомъ смыслѣ мы находимъ разъясненіе въ другихъ спискахъ, какъ увидимъ ниже. Свѣдѣнія разныхъ авторовъ о годѣ мученичества Рипсима и Гаіане см. у Броссе Н. Г. р. 97, п. 1.

увидѣла дьякона въ облаченіи, спускающагося съ неба, со свѣтлымъ ораремъ. Онъ держалъ въ рукахъ своихъ кадило, изъ котораго выступалъ дымъ благоуханія, застилавшій небо. Вмѣстѣ съ нимъ было множество небожителей.

И святыя эти души соединились съ небожителями и съ величіемъ вознеслись на небо.

Тогда я воскликнула: „Господи, Господи, зачѣмъ оставляешь меня среди аспидовъ и ехиднь!“

Услышала я голосъ свыше, который говорилъ мнѣ: „Таково же будетъ взятіе твое, когда это терніе, которое тебя окружаетъ, все превратится черезъ тебя въ красную, благоухающую розу. Ты только встань и отправляйся на востокъ ¹⁾, гдѣ жатвы много, а дѣлателей совѣмъ нѣтъ“. Я же отправилась въ Улопореть ²⁾, гдѣ зимовала въ большомъ затрудненіи.

На четвертый мѣсяць ³⁾ отправилась я къ Джавахетскимъ горамъ, чтобы узнать, по какую сторону находится Мцхета ⁴⁾.

Пришла я къ тѣмъ горамъ ⁵⁾ [и достигла большого

¹⁾ Во всѣхъ другихъ вариантахъ сказано: „на сѣверъ“, что и должно быть на самомъ дѣлѣ.

²⁾ То же самое въ цитованномъ Метафрасѣ Нины. Но въ спискѣ Маріи, вмѣсто Улопореть, — Урбнита; въ Вахт. Ред.: Орбанта; въ Крест.: Орбнита; въ Шюмг.: Урбниси; въ Армянской Хроникѣ — Ourbanis. Приуроченіе этого названія къ Урбнису, каковая тенденція замѣчается въ нѣкоторыхъ спискахъ, не выдерживаетъ критики, потому что Урбниси находится въ центрѣ Карталиніи, а Улопореть, какъ видно, находился внѣ предѣловъ Грузіи, повидимому, въ Арменіи. Въ Урбниси Нино прибыла гораздо позже, и этотъ путь описанъ ниже.

³⁾ Во всѣхъ другихъ вариантахъ прибавлено: „т. е. въ іюнѣ, считая отъ марта“.

⁴⁾ Вся эта четвертая глава въ другихъ спискахъ въ общемъ представляетъ тѣ же варианты, какія мы наблюдаемъ въ К. Ц. (см. Н. С. р. 93 — 99).

⁵⁾ Тутъ въ оригиналѣ недостаетъ одного листа, и то, что нами ниже приводится въ прямыхъ скобкахъ, взято нами изъ К. Ц. и другихъ на-

озера, имѣющаго истокъ, и называемаго Паравана¹⁾). Оглядѣвшись кругомъ, я увидѣла Сѣверныя горы, которыя, не смотря на тѣ лѣтніе дни, были покрыты снѣгами и суровымъ воздухомъ. Я смутилась и сказала такъ: „Господи, Господи, прими душу мою отъ меня!“ Я осталась тамъ два дня, прося пищу у рыбаковъ, ловившихъ рыбу въ томъ озерѣ. Въ тѣхъ мѣстахъ были также пастухи, которые, сторожа свои стада на мѣстѣ ихъ ночной стоянки, считали своими помощниками и покровителями боговъ своихъ, Армаза и Задена, и обѣщивали имъ жертвы, когда они предстанутъ предъ нихъ благополучно. Это они говорили на армянскомъ языкѣ, которому я немного научилась въ началѣ у Ниафоры, и спросила одного изъ этихъ пастуховъ и сказала по-армянски: „Изъ какого вы села?“ Онъ отвѣчалъ и сказалъ мнѣ: „Мы изъ селъ Эларбини, Сапурцли²⁾, Киндзара, Рабата и изъ большого города Мцхеты³⁾, гдѣ боги господствуютъ⁴⁾, и цари царствуютъ“. Я опять спросила: „А гдѣ этотъ городъ Мцхета?“ Онъ отвѣчалъ и сказалъ мнѣ: „Вотъ эта рѣка, выте-

ми указанныхъ списковъ Житія св. Нины, при чемъ для единства мы передаемъ рассказъ первымъ лицомъ, хотя во всѣхъ спискахъ нашъ рассказъ переданъ третьимъ лицомъ (см. Н. Г. р. 99—100). Текстъ К. Ц. въ данномъ случаѣ особыхъ вариантовъ въ сравненіи съ другими списками не представляетъ.

¹⁾ Въ Вахт. Ред.: Паравна. Крест.: Цанавра. Шюмгвимск.: Паравани.

²⁾ Пяти послѣднихъ словъ нѣтъ въ Кр. и Шюмг.

³⁾ Въ Армянской Хроникѣ: изъ Дарба, Лрбика и большого города Мцхеты. Сапурцле и Киндзара у Вахушта показаны (см. Géogr. de la Géorgie. р. 473) недалеко отъ Мцхеты, въ сосѣдствѣ съ Мухраномъ. Положеніе Рабата неизвѣстно. Эларбинъ или Лрбикъ Армянской Хроники Броссе сближаетъ съ лѣтникомъ, народомъ Албаніи по Моисею Каганкатвацци; имя этого народа онъ находитъ въ названіи Лопотисъ-цвали, лѣваго притока Алазани (см. Н. Г. р. 98, п. 7).

⁴⁾ ღმერთობებ, т. е. божествуютъ. Въ Шюмг.: ზღვრებ — видятъ.

кающая изъ озера, протекаетъ черезъ тотъ городъ Мцхету“¹⁾.

Огорченная продолжительностью пути и протяженностью тѣхъ горъ, которыя видѣла, я была въ тревогѣ и, вздыхая, положила себѣ подъ голову вмѣсто изголовья камень и такъ заснула у стока того озера. Во время сна мнѣ представился человѣкъ, среднихъ лѣтъ, съ волосами, спускающимися на половину, который, отдавъ мнѣ запечатанную книгу, сказалъ: „Отнеси это немедленно въ городъ Мцхету, къ царюязычнику“.

Я начала плакать, и съ мольбою сказала ему: „Господи, я женщина нездѣшная и несвѣдущая, не владѣющая ихъ языкомъ²⁾, какъ я приду въ чужую страну, къ людямъ иного племени?“ Тогда человѣкъ тотъ открылъ упомянутую книгу, на которой была печать Иисуса Христа, и было написано въ ней, какъ на каменныхъ скрижаляхъ Моисея, языкомъ римлянъ десять изреченій, и онъ далъ мнѣ ее читать. Таково было начало тѣхъ изреченій:

1. Гдѣ будетъ проповѣдано евангеліе сіе, тамъ будетъ сказано и о женѣ сей.

2. Нѣтъ ни мужескаго пола ни женскаго, ибо всѣ въ одно.

3. Идите и научите всѣ (языческіе) народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа.

4. Свѣтъ къ просвѣщенію язычниковъ и славу народа твоего Израиля.

5. Это евангеліе царства небснаго будетъ проповѣдано во всемъ мірѣ³⁾.

¹⁾ Изъ Тапарванскаго озера вытекаетъ не сама Кура, а правый притокъ ея Тапарванъ-чай, извѣстный у грузинъ подъ названіемъ Джавахетской Куры. Она впадаетъ въ Куру у Хертвиса.

²⁾ Въ Вахт. Ред.: не умѣющая много говорить.

³⁾ Въ Шіомг. это изреченіе пропущено. Оно, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ вариантахъ составляетъ повтореніе перваго въ такой формѣ:

6. Принимающей васъ принимаетъ Меня, а принимающей Меня принимаетъ пославшаго Меня.

7. Ибо Марія была такъ возлюблена Господомъ, что Онъ всегда внималъ истиннымъ словамъ ея.

8. Не бойтесь убивающихъ тѣло ваше, душу же не могутъ убить.

9. Иисусъ сказалъ Маріи Магдалинѣ: иди къ братіямъ моимъ и возвѣсти имъ.

10. Куда ни придете ¹⁾, проповѣдуйте во имя Отца и Сына и Св. Духа.

Какъ только я прочла эти изреченія, стала молиться Богу и, понявъ, что это было видѣніе съ неба, подняла очи къ небу и просила помощи у Бога, пребывающаго въ высотѣ и охраняющаго всѣхъ. Я отправилась и пошла по теченію рѣки, которая вытекаетъ изъ озера] и течетъ къ западу. Я шла по трудной и опасной дорогѣ, испытывая величайшія бѣдствія отъ пути и страхъ отъ дикихъ звѣрей, пока не достигла мѣста, откуда рѣка начинаетъ течь къ востоку.

Съ этого времени началась радость моя: я нашла спутниковъ и достигла предѣловъ Картліи, города Урбниси. Здѣсь я нашла иноплеменный народъ, поклоняющийся неизвѣстнымъ богамъ и обожающей огонь, камни и дерево.

Печалась въ душѣ объ ихъ гибели, я отправилась въ еврейскій кварталъ для изученія еврейскаго языка, гдѣ осталась цѣлый мѣсяцъ, изучая нравы ²⁾ этой страны.

Въ одинъ день сильная и несмѣтная по числу толпа двинулась изъ этого города и отправилась въ большой го-

„Гдѣ будетъ проповѣдано сіе евангеліе царства небеснаго, тамъ будетъ сказано во вселенной“.

¹⁾ Это слово имѣется только въ Шіомг. спискѣ.

²⁾ Въ оригиналѣ сказано *ἰθύνες*—силу.

родъ ¹⁾ Мцхету, резиденцію великихъ царей, имѣя въ виду торговья цѣли и поклоненіе своему богу Армазу.

Я сопровождала ихъ, и мы пришли въ городъ Мцхету, со стороны Могвта, на мосту, и тамъ остановились. Видя народъ, поклоняющійся огню, я плакала объ ихъ магіи, заблужденіи и гибели, и скорбѣла объ одиночествѣ своемъ ²⁾.

Глава VI. Прибытіе Св. Нины въ Мцхету, написанное тою же Саломе уджармійской ³⁾.

На другой день раздались крики и трубные звуки, и выступило безчисленное количество народа, разукрашенное цвѣтами. Раздавался ужасающій шумъ, но царь еще ниоткуда не двигался.

Какъ только наступило условленное время, началась бѣготня: всѣ люди стали скрываться, и каждый прятался подъ кровомъ, ибо гдѣ-то показалась царица Нана.

Когда царица Нана прошла, тогда мало-по-малу сталъ выступать народъ, украшая всѣ улицы разноцвѣтными одеждами и листьями.

Весь народъ сталъ превозносить царя похвалами, и тогда выступилъ царь Миреанъ съ видомъ, необычнымъ для глазъ.

И я спросила одну женщину еврейку: „Что это такое?“ Она отвѣчала мнѣ: „Богъ боговъ ихъ Армазъ предписываетъ это царю, ибо нѣтъ другого такого идола“.

Я отправилась, чтобы видѣть Армазъ. Горы тѣ наполнились знаменами и народомъ. Я успѣла пройти въ Армазскую

¹⁾ Въ Вахт. Ред.: въ главный городъ (აფხა-ქალქად).

²⁾ Этимъ кончается пятая глава нашего оригинала (ср. съ Н, G. p. 99—100). Обозначеніе главы, вѣроятно, имѣло мѣсто на праправшемъ листѣ.

³⁾ Этого заглавія нѣтъ ни въ одномъ вариантѣ.

крѣпость и стала въ разсѣлинѣ скалы, недалеко отъ идола, и видѣла удивительныя и ужасныя зрѣлища. Нельзя выразить словами, съ какимъ это трепетомъ и страхомъ, приводящимъ въ ужасъ, стояли царь и весь народъ.

И видѣла я: вотъ, стссяль человекъ изъ мѣди; на немъ были надѣты золотыя латы, золотой шлемъ и наплечники; ониксы и бериллы украшали его; въ рукѣ своей онъ держалъ острый мечъ, который блестѣлъ и вращался въ рукѣ, какъ бы *показывая*, что если кто прикоснется къ нему, то голова его будетъ обречена на смерть. И *каждый* говорилъ: „Горе мнѣ, если я упустилъ что-нибудь для возвеличенія великаго бога Армаза, если я позволилъ себѣ что-нибудь говорить съ евреями, или довелось мнѣ слушать маговъ, служителей огня, или *тѣхъ*, которые говорятъ по невѣжеству, что есть какой-то великій Богъ небесный! И какъ бы онъ (Армазь) не нашелъ какого-нибудь порока во мнѣ и не поразилъ бы меня своимъ мечомъ, котораго страшится весь свѣтъ!“ И съ трепетомъ падали ницъ предъ нимъ всѣ.

Направо отъ него стоялъ истуканъ изъ золота, и имя его Гацц, а налѣво стоялъ идолъ изъ серебра, и имя его Га¹⁾. *Всѣ эти идолы* изъ Картли²⁾ считались богами у отцовъ вашихъ. Тогда я, обратившись къ Богу, плакала и стонала по поводу заблужденія этой сѣверной страны, сокрытія свѣта и господства тьмы.

Я видѣла, какъ могущественные цари и мтавары живыми были поглощены дьяволомъ, какъ будто они мертвецы ада.

Считая творцами камни, деревья, мѣдь, желѣзо и бронзу³⁾, рельефно выкованную, они поклонялись имъ, какъ Богу, и приписывали имъ сотвореніе неба и земли.

¹⁾ Во всѣхъ другихъ вариантахъ: Гаимъ.

²⁾ Т. е. Армаза, по нашему мнѣнію.

³⁾ *სპაღლი* вообще означаетъ мѣдь и смѣсь мѣди съ другими металлами.

Тогда я вспомнила слова, сказанныя мнѣ святымъ отцомъ моимъ, патриархомъ Ювеналіемъ: „Я посылаю тебя какъ полнаго мужчину, и ты придешь въ чужую страну, къ племенамъ дгевель зефель наркадowelъ; что значить: люди, враждебные Богу, воинственные и непокорные“¹⁾).

Тогда я подняла очи къ небу и сказала: „Господи, Господи, несмотря на Твое могущество, враги эти грѣшатъ противъ Тебя. Это происходитъ отъ великаго долготерпѣнія Твоего, и дѣлають, что вздумается, сія пыль и зола земная, но Ты не оставь ихъ безъ вниманія, ибо челоуѣкъ — образъ Твой, изъ-за котораго одно изъ трехъ лицъ вочелоуѣчилось и спасло весь міръ. Обрати свое благоволеніе и на сей народъ и яви гнѣвъ душамъ этихъ властителей земли и господиновъ тьмы! Боже отца моего и матери моей, дай мнѣ, рабынѣ, рожденной отъ раба Твоего, видѣть, чтобы всѣ концы земные узнали Твое спасеніе, чтобы Сѣверъ возрадовался вмѣстѣ съ Югомъ, и всякій языкъ поклонялся бы Тебѣ одному черезъ Иисуса Христа, Господа нашего, Которому подобаетъ возвеличеніе съ благодареніемъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.“

Не прошло и мгновенія ока, какъ поднялись съ запада буря и вѣтеръ, загремѣлъ громъ съ ужасающимъ шумомъ, появилось быстрое облако, съ страшною примѣтою, и западный вѣтеръ принесъ запахъ горечи и смрада. Тогда всѣ стали убѣгать въ села и города, и время позволило, чтобы люди укрылись въ дома.

И вдругъ ужасное облако приблизилось и разразилось на томъ только мѣстѣ градомъ, равнымъ литрѣ²⁾, который со-

¹⁾ Во всѣхъ другихъ вариантахъ: „дарвелъ, зевели, баркадуль, что значить по-брадижски: люди враждебные Богу и непокорные“. Къ какому языку относятся эти слова, до сихъ поръ не разъяснено.

²⁾ Въ другихъ вариантахъ: градъ, равный такому камню, который

крушилъ эти идола, разломалъ и превратилъ ихъ въ мелкіе куски, а сильный вѣтеръ разрушилъ стѣны и побросалъ ихъ въ овраги, что и вы видѣли, или вѣтъ ¹⁾....

[А я осталась невредимой на томъ же прикрытомъ мѣстѣ, куда вступила и находилась съ самаго начала.

На другой день царь Миріанъ и весь народъ пришли, чтобы искать своихъ боговъ и, не найдя ихъ, они, сильно перепуганные, встревожились и удивились. Большинство народа, жестокосердаго и непреклоннаго, говорило: „Богъ халдейцевъ Итруджанъ и нашъ богъ Армазъ ²⁾ всегда во враждѣ между собою, ибо сей Армазъ когда-то напустилъ на него море, а теперь тотъ отомстилъ и это явилъ на этомъ“.

Нѣкоторые же говорили такъ: „Богъ, силою котораго Трдатъ, царь армянскій, былъ превращенъ въ кабана, а изъ кабана снова превратился въ человѣка, тотъ именно Богъ

съ трудомъ можно кидать двумя руками. Литра по старинному счету равняется одному фунту, теперь въ литрѣ считаютъ 9 фунтовъ.

¹⁾ Тутъ въ оригиналѣ недостаетъ одного листа. Текстъ, приведенный въ прямыхъ скобкахъ нами взятъ изъ К. Ц., съ которою согласны и другіе списки (см. Н. Г. р. 102—103). Но этотъ текстъ далеко не восполняетъ пробѣловъ и не такъ прилагивается къ предшествующему и послѣдующему тексту, какъ это мы видѣли въ аналогичномъ случаѣ выше (см. стр. 62—65). Нѣтъ сомнѣнія, что оригиналъ въ данномъ мѣстѣ заключалъ въ себѣ болѣе пространный и, по всей вѣроятности, нѣсколько отличный отъ нашего текстъ. Что тутъ текстъ долженъ былъ быть болѣе пространный, это видно изъ того, что на одномъ листѣ оригинала обыкновенно помѣщается вдвое больше текста, чѣмъ приведенный нами въ скобкахъ. Что текстъ оригинала представлялъ другой вариантъ, это становится очевиднымъ изъ того, что добавленный нами текстъ не прилагивается къ предыдущему и послѣдующему тексту оригинала, въ особенности послѣдующему.

²⁾ Итруджана Броссе сближаетъ къ Ксисутромъ (т. е. Ноемъ) халдейскаго историка Бероза, на котораго ссылается Моисей Хоренскій (см. новое изданіе стр. 5, 11, 12) и Зеруана того же историка съ Ормуздомъ персовъ, съ нашимъ Армазомъ (см. Н. Г. р. 102, п. 2).

сдѣлалъ и явилъ это, ибо другой богъ не въ состояніи сдѣлать подобное“. Это и въ этомъ родѣ говорили тогда, потому что царь Трдатъ силою Христа, *дѣйствительно*, превратился въ кабана, и силою же Христа снова превратился въ человѣка. Съ того времени похвала и величаніе Христа уже не тайно перевозглашались въ Грузіи, ибо благодать Божія уже начала распространяться на Востокъ]...

И царь со слезами сказалъ: „Да, да, райтъ мебой ходжатъ ста банубъ расуль фсаръ задъ ¹⁾, а переводъ таковъ: „Правду ты говоришь, счастливая царица и посланница Сына Божія“. Когда минула гроза, я вышла изъ разсѣлины скалы, нашла тотъ драгоценный камень берилль, взяла и направилась впередъ къ оконечности той скалы, гдѣ прежде былъ старый городъ; на томъ мѣстѣ прежде была также крѣпость. Тамъ стояло *одно* прекрасное, высокое и развѣсистое дерево „бринджи“ ²⁾. Я пришла подъ то дерево, поставила изображеніе креста Христова и молилась тамъ шесть дней.

Когда вы, множество народа, пришли и искали боговъ, которые произвели несчастіе, и не нашли *ихъ*, — я была тамъ, ибо былъ шестой день того мѣсяца ³⁾, когда Еммануиль показалъ на Оаворѣ образъ отца своего лицамъ какъ живымъ, такъ и мертвымъ.

¹⁾ Эта фраза, имѣющаяся только въ нашемъ оригиналѣ, приведена на новоперсидскомъ языкѣ и, по разъясненію профессора Н. Марра (Н. Марръ. Хитонъ Господень въ книжныхъ легендахъ армянъ, грузинъ и сирійцевъ. Изъ Сборника статей учениковъ профессора барона В. Р. Розена, стр. 6), нѣсколько пострадала, но легко возстановляется, благодаря сопровождающему ее грузинскому переводу. Н. Марръ предлагаетъ эту фразу въ такой транскрипціи:

gasθ megoy qoθasθa banu v gasul[-i] psar[-i] [i]zad.
 правду говоришь, счастливая государыня и посланница Сына Бога.

²⁾ Յճոբջո означаетъ каракасъ или акацію.

³⁾ Во всѣхъ другихъ вариантахъ сказано: „Былъ шестой отъ

Тогда пришла ко мнѣ сестра Шрошана, женщина придворная ¹⁾, посѣтила меня и привела съ собою женщину,

марта мѣсяць августъ, и день шестой, въ каковой день Христось преобразился въ присутствіи пророковъ и своихъ учениковъ“.

¹⁾ სევე-ქლო можетъ означать еще боярскую дочь, царевну. სევე-სეჲне имѣеть въ грузинскомъ языкѣ очень много различныхъ значеній (см. Н. Г. р. 430). Различныя мѣста изъ грузинскихъ источниковъ, въ которыхъ это слово употребляется, собраны Д. Бакрадзе (см. Исторія Грузіи царевича Вахушта, стр. 62, прим. 2). Въ Гуріи, когда на свадьбу сзываютъ много народу, строятъ длинный навѣсъ, въ которомъ вмѣстѣ съ новобрачными сажаютъ и угощаютъ приглашенныхъ. Новобрачныхъ называютъ обыкновенно მევე-დელოზალი—царь и царица, а длинный навѣсъ называется სევე—სეჲნე. Основное значеніе этого слова дворець, сѣни, дворъ. Въ этомъ смыслѣ слово это употребляетъ Шота Руставели въ своей бессмертной поэмѣ „Человѣкъ въ барсовой кожѣ“ (стихъ 615, 1061). Въ соединеніи съ другимъ словомъ სევე пріобрѣтаетъ значеніе прилагательнаго и можетъ означать все, относящееся къ двору и царю, и вообще все высокое, знатное, благородное. Отсюда სევე-კაცი—придворный человѣкъ, царедворецъ, царскій слуга; სევე-ქლო придворная женщина, царевна, боярская дочь; სევის-კვერი—господскій хлѣбъ, просфора; სევე-დროზა—царское знамя; სევე-დარბანი—царскій домъ, дворець; სევე-მწიგნობარი—царскій книжникъ, царскій секретарь, канцлерь; სევე-წული—სეჲნე-тцули, собственно сынъ двора, знать, отрядъ знатныхъ, охраняющій особу царя. Въ послѣднемъ значеніи это слово употребляется, повидимому, у Моисея Хоренскаго, который въ своей Исторіи Арменіи, говоря о государственномъ устройствѣ Вахаршака I, между прочимъ пишетъ: „Вахаршакъ образуетъ четыре полка для охраны дворца, которые всѣ составлены (были) изъ вооруженныхъ (мужей), потомковъ древнихъ царей Хайкидовъ; (мужей) получившихъ въ разныя времена отъ отцовъ въ наслѣдство села и виллы. Впослѣдствіи, какъ я слышу, при парсійскомъ владычествѣ составлены были полки изъ людей другихъ (родовъ) и названы Останомъ (царскими). Не знаю—(потому ли что) вымерло прежнее поколѣніе, или же вслѣдствіе какого-либо возмущенія оно было истреблено и на мѣсто его составлены полки изъ другихъ, подъ названіемъ Дворцовыхъ. Вѣрно то, что первые происходили отъ поколѣнія первыхъ

говорящую по-гречески, и спрашивала о всемъ пути моемъ. Когда же она узнала всѣ дѣла мои, то побуждала меня отправиться съ нею во дворець, но такъ какъ я не согласилась, она ушла. На третій день я спустилась въ городъ Мцхету и подступила къ царскому саду. Пришедъ къ двери сада, я увидѣла небольшой домикъ садоваго сторожа и, войдя въ него, застала эту женщину, Анастось ¹⁾, сидящею. Замѣтивъ меня, она встала и такъ ласково приняла, какъ будто она была знакомая и подруга моя: омыла мои ноги, помазала меня елеемъ и поставила мнѣ кушанье и вино, понуждая ѣсть и пить. Я прожила у ней девять мѣсяцевъ. Она была бездѣтна и печалилась *объ этомъ* вмѣстѣ съ своимъ мужемъ. Я видѣла видѣніе: подошелъ человекъ, похожій на свѣтъ, и сказалъ мнѣ: „Войди въ садъ, *тамъ* подь кедрами небольшое мѣсто отпрысковъ виноградныхъ лозъ, мало обработанное; возьми землю съ того мѣста и дай поѣсть этимъ *супругамъ*, и будутъ у нихъ дѣти“.

Я такъ и поступила, и родилось у нихъ много мальчиковъ и дѣвочекъ, которыхъ и вы сами видите ²⁾).

Въ тѣ же дни, во время легкаго сна моего на колѣняхъ, я два-три раза видѣла одно и то же видѣніе: налетятъ птицы небесныя, опускаются въ рѣку, купаются и прилетаютъ

нашихъ царей, подобно тому какъ теперь въ странѣ Иверовъ—Сеццулъ“. (Н. Эминъ. Исторія Арменіи Моисея Хоренскаго, новый переводъ, стр. 57). Въ старомъ изданіи Эмина (стр. 83) послѣдняя фраза приведена такъ: „(Могу сказать) навѣрное, чтъ первые (происходили) отъ поколѣнія нашихъ первыхъ царей, подобно тому какъ теперь въ Иверіи (мы видимъ) Сепеццулъ“.

¹⁾ Въ другихъ вариантахъ: жену сторожа того сада Анастось (въ Вахт. Ред. — Анастасію).

²⁾ Вся эта VI глава до этого мѣста въ другихъ вариантахъ представляетъ въ общемъ тѣ же разночтенія, какія встрѣчаются въ К. Ц. (ср. съ Н. Г. р. 100—104).

въ садъ, оклевывають листву, потравляютъ цвѣты и дружески зываютъ ко мнѣ, какъ будто тотъ садъ мой, окружаютъ меня съ пискомъ и обращаются ко мнѣ различнымъ способомъ. И было прекрасно видѣніе ихъ и многократно повторялось оно. Объ этомъ я сообщила сестрѣ моей, дочери Авіатара ¹⁾. Она отвѣчала и сказала мнѣ: „Странница, здѣсь не ²⁾ рожденная, плѣнница, избавляющая плѣнныхъ, я знаю, что вмѣстѣ съ тобою наступило новое время, черезъ тебя стали извѣстны старыя дѣянія, совершенныя отцами нашими, незаконное пролитіе невинной крови небеснаго чело-вѣка, которымъ Богъ посрамилъ евреевъ, разсѣялъ ихъ по всему міру, уничтожилъ ихъ царство, лишилъ ихъ св. храма, приобрѣлъ и призвалъ къ себѣ чуждый народъ и возвеличилъ его“. И сказала еще: „Іерусалимъ, Іерусалимъ, какъ ты раскрылъ крылья ³⁾ твои и собираешь подъ твои крылья всѣ народы со всѣхъ концовъ вселенной! Вотъ, и сюда пришла женщина эта, и пусть она измѣнитъ всѣ законы страны этой“.

Потомъ она обратилась ко мнѣ и сказала: „Видѣніе твое означаетъ то, что это мѣсто сада превратится черезъ тебя въ садъ для возвеличенія Бога, Которому принадлежитъ слава и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь“ ⁴⁾.

¹⁾ Тутъ въ рукописи на полѣ внизу почеркомъ текста, заглавными буквами и киноварью имѣется примѣчаніе: „Сія женщина была Сидонія, ученица св. Нины, которая все это описала“.

²⁾ Этого слова нѣтъ въ нашемъ оригиналѣ, но во всѣхъ другихъ спискахъ имѣется.

³⁾ Въ нашемъ оригиналѣ *ἄκρα*—сыновей (?), но во всѣхъ другихъ вариантахъ *ἄκρα*—крылья.

⁴⁾ Послѣдніе два параграфа этой главы въ другихъ вариантахъ помѣщены не здѣсь, а во второмъ разсказѣ Авіатара относительно хитона Іисуса Христа (см. Н. Г. 108—109).

Глава VII, которую написала женщина еврейка, по имени Сидонія, дочь священника Авіатара.

Въ то время когда Богъ милостью своею призрѣлъ на эту забытую, полуночную страну Кавказа, нагорную область Арменіи ¹⁾, горы каковой страны были объаты туманомъ, а долины пламенемъ заблужденія и невѣжества, край этотъ былъ лишень солнца правды и знанія о приходѣ Сына Бога, до правдѣ называеясь полуночнымъ. Не свѣта солнца, на самомъ дѣлѣ, лишень былъ этотъ край, или теперь лишень его. Свѣтъ солнца видять всѣ сущіе подъ небесами, и всѣхъ освѣщаетъ оно, и хотя нѣкоторыя страны лишаетъ жары, но свѣтъ даетъ всякому мѣсту.

Нѣтъ, не для этого страна сія называлась полуночной, но потому, что мы не знали, что прошло столько лѣтъ и было столь много народовъ со временъ Ноя, Эбера и Авраама. Въ числѣ нихъ былъ благородный Іовъ, испытанный Испытателемъ, а также Іосифъ, Моисей, Іисусъ, первосвященники и судьи и затѣмъ по порядку тѣ, которыхъ мы знаемъ по устной передачѣ изъ священныхъ книгъ.

До Рождества Христова *отъ сотворенія міра* прошло 5,500 лѣтъ, отъ Рождества Христова до Распятія 33, отъ Распятія Христа до крещенія Константина, царя греческаго, 311, а спустя 14 лѣтъ *послѣ этого*, явилась въ нашу страну вѣстница истины Нино, царица наша, подобно тому какъ во тьмѣ появляется денница, сумерки исчезаютъ и послѣ того восходитъ великій тотъ владыка дня ²⁾.

¹⁾ Въ оригиналѣ сказано Сомхити. Подъ названіемъ Сомхити или Сомхети у грузинъ извѣстны Арменія и область Грузіи къ югу отъ Тифлиса, сопредѣльная съ Арменіей.

²⁾ По грузинскому счету отъ сотворенія міра до Р. Х. прошло 5604 года, по греческому 5508 лѣтъ. Но по всему видно, что до установле-

Такова была жизнь наша, картвельцы: мы избѣгали свѣта и пребывали во тьмѣ, радовались веселью и отлагали печаль, утѣшителя которой не было, служили гдѣ-то творямъ, а не Творцу.

Вмѣсто Того, Который сидитъ въ колесницѣ херувимовъ, отцы наши поклонялись высокимъ горамъ, Гебалу и Гаризиму, на которыхъ не было ни Бога, ни Моисея, ни ихъ изображеній, а стояли бездушные истуканы изъ камня.

А въ этой странѣ Картліи были двѣ горы и на нихъ два идола, Армазъ и Задень. Отъ нихъ исходилъ запахъ смрада тысячи душъ мальчиковъ-первенцевъ, которыхъ родители ихъ считали *приятною* жертвою для Армаза и Задена, какъ будто они *этимъ* во вѣки избавлялись отъ смерти. Такъ продолжалось до сего времени.

Но были и другіе идолы царскіе, Гац и Га. Имъ приносили въ жертву одну царевну, которую сжигали и пепель ея сыпали на голову истукана ¹⁾.

Послѣ всего этого я расскажу *вамъ* сказаніе отца моего, которое я знаю и изъ чтенія книгъ и изъ разсказа моего отца.

Когда царствовалъ Иродъ, до насъ дошло извѣстіе, что

ніа сначала греческаго, а потомъ грузинскаго счета, въ Грузіи употреблялся александрійскій счетъ, по которому отъ сотворенія міра до Р. Х. считается 5500 лѣтъ. 33 года отъ Р. Х. до Распятія указанъ вѣрно. Что касается обращенія въ христіанство Константина Великаго, то мы уже указывали, что въ первой части нашей хроники то же самое событіе отнесено къ 310 году и что обращеніе Константина служитъ основой другихъ хронологическихъ указаній въ обоихъ частяхъ нашей хроники.

¹⁾ Отъ начала этой главы до сего мѣста нѣтъ ни въ одномъ вариантѣ. Остальная часть имѣется во всѣхъ спискахъ съ небольшими вариациями и приписывается не Сидоніи, а отцу ея Авіатару (Н. Г. р. 106 — 108).

персы завоевали Іерусалимъ, и получено было траурное письмо на имя всѣхъ картлійскихъ евреевъ, жителей Мцхеты, бодійскихъ священниковъ, кодисъ-цкаройскихъ книжниковъ и собійскихъ переводчиковъ изъ Канаана ¹⁾, что двѣнадцать царей пришли завоевать нашъ край. Тогда всѣ приплы въ смятеніе и отправились помочь имъ.

Спустя немного времени, повсюду получено было изъ Іерусалима другое извѣстіе, болѣе утѣшительное, что „персы пришли не для завоеванія страны, а вмѣсто доспѣховъ, оружія и путевой провизіи, они имѣли желтое ²⁾ золото, смирну, быстро исцѣляющую рану, и благовонный ладанъ. Каждый воинъ и каждый царь ихъ имѣлъ по одной ношѣ этого товара. Они искали какого-то поворожденнаго мальчика, сына Давидова, и нашли одного несчастнаго младенца, сына женщины чужестранки, рожденнаго несвоевременно и не на подходящемъ мѣстѣ, какъ это водится у живущихъ внѣ дома.

Они пришли къ тому мальчику, поклонились ему, поднесли всѣ эти подарки, и, перейдя горы, отправились во свои мирно.

Нынѣ не бойтесь, евреи, я, Иродъ, искалъ и не напелъ, ди его ни его мать, но теперь я поражу мечомъ всѣхъ младенцевъ, начиная отъ двухлѣтнаго возраста и ниже, и будетъ убитъ и тотъ младенецъ вмѣстѣ съ ними. Теперь будьте покойны, ибо все это случилось по недоразумѣнію“.

Послѣ этого прошло тридцать лѣтъ. Священникъ Анна написалъ изъ Іерусалима дѣду моему по отцу Озіаю ³⁾: „Тотъ младенецъ, къ которому пришли персидскіе цари съ дарами,

¹⁾ Бодѣ, по мнѣнію Броссе, должно быть то же самое, что Бодбе, мѣсто погребенія св. Нины. Кодисъ-цкаро впадаетъ въ Кумысское озеро, тамъ же деревня Кода. Соба намъ неизвѣстна. Переводъ этого мѣста см. у Броссе (Н. Г. р. 106).

²⁾ Въ другихъ вариантахъ: царское.

³⁾ Это имя въ другихъ вариантахъ отсутствуетъ.

пришелъ въ мѣрный возрастъ, отправился на рѣку Иорданъ къ сыну Захарія. *Туда же* отправились всѣ народы іерусалимскіе и въ числѣ нихъ братъ матери твоего отца Эліозъ¹⁾.

И вотъ, когда небо гремѣло, земля колебалась, горы дрожали, холмы плясали, море стояло *безъ движенія* и рѣки текли вверхъ, сынъ Захарія бѣжалъ. Мы всѣ были поражены ужасомъ, но изъ-за толпы умолчали объ этомъ дѣлѣ, которое, на самомъ дѣлѣ, явно было отъ вѣчнаго Бога“.

На четвертомъ году полученъ былъ изъ Іерусалима приказъ царя Ирода: „Всѣ сыны Іерусалима, разсѣянные по всѣмъ странамъ, чтите единого Бога, имѣете въ виду и внемлите единому закону, уразумите одно слово, сказанное Моисеемъ: „Кто на землѣ объявитъ себя Богомъ, тотъ пусть будетъ распятъ на крестѣ“, да еще сказано имъ: „Пусть будетъ проклятъ всякій, который будетъ распятъ на крестѣ“.

Вотъ, теперь возсталъ одинъ человекъ и имя ему Иисусъ. Онъ объявляетъ себя сыномъ Бога, и будто онъ самъ тоже Богъ. Приходите всѣ на смерть его, и исполнимъ заповѣдь Бога и Моисея“.

И отправился отсюда братъ матери отца моего Эліозъ, человекъ старый. У него была мать, изъ рода священника Илии, и единственная сестра,

Мать умоляла своего сына и говорила: „Иди, сынъ, на волю царя и постановленія закона, только пусть разумъ твой, чадо мое, вовсе не присоединится къ замыслу тѣхъ, ибо Отецъ есть слово пророковъ и притча мудрыхъ, таинство, сокровенное отъ евреевъ, а для язычниковъ свѣтъ и вѣчная жизнь“.

И Эліозъ и всѣ евреи отправились изъ Картліи, и совершилось все, что теперь мы знаемъ отъ Нины, евангелистки во Христѣ.

¹⁾ Въ оригиналѣ по ошибкѣ *зωμβ*—„Втосъ“, что, вѣроятно, происходитъ отъ смѣшенія буквъ *χουρι* *ζ* съ *ζ* и *ω* съ *ο*.

А риза та досталась по жребію этой странѣ, и Эліозъ взялъ ее.

Между тѣмъ, когда палачъ ударилъ въ Іерусалимѣ молотомъ кузнеца, пригвождая Христа къ кресту, мать Эліоза услышала здѣсь стукъ, и горько крикнувъ, сказала: „Прощай, царство Іудейское, ибо вы убили спасителя и избавителя своего и одѣлались отнынѣ врагами Создателя. Горе мнѣ, что я не умерла раньше, чтобы не слышать этого, и что мнѣ не осталось прожить еще немного, чтобы видѣть свѣтъ, просіявшій на явчниковъ, и славу народа Израиля!“ И съ этими словами почилъ эта женщина, мать Эліоза.

Между тѣмъ Эліозъ принесъ ту ризу Спасителя Іисуса Христа, въ Мцхету, въ домъ нашъ, и узналъ, что мать его умерла съ памятными словами. Ему вышла навстрѣчу сестра его, обогрѣнная слезами, какъ бы кровью. Она обняла брата своего, взяла у него ризу ту Іисуса и, прижавъ ее къ груди своей, тотчасъ испустила духъ вслѣдствіе трехъ слѣдующихъ горестей: вслѣдствіе смерти матери, еще болѣе вслѣдствіе печали по смерти Христа и вслѣдствіе вождеденія къ той ризѣ.

Въ то время въ Мцхетѣ было большое смятеніе царей, мтаваровъ и всего народа. Царь Амазаеръ¹⁾, видя ризу ту Іисуса, пожелалъ отобрать ее, но ужасъ обрѣтенія ея умершею женщиною испугалъ его, и онъ не рѣшился.

Эліозъ схоронилъ сестру свою, которая въ рукахъ своихъ имѣла ту ризу. А мѣсто ея погребенія знаетъ Богъ и мать моя Нино, но не говоритъ, потому что нынѣ еще не слѣдуетъ говорить.

Но для учениковъ Наны и вѣрующихъ во Христа до-

¹⁾ Во всѣхъ другихъ вариантахъ: Адеркъ.

статочнo знать, что мѣсто то находится по близости кедра, привезеннаго изъ Дивана и посаженнаго въ Мцхетѣ ¹⁾.

Кромѣ того я слышала отъ отца своего, что въ нашемъ обладаніи ²⁾ въ этомъ городѣ, въ камняхъ подѣ твердынею алтаря, пребываетъ до поры до времени безъ гніенія ³⁾ и другая *святѣня*, облеченная силою, сугубая епанча Иліи.

Мать моя Нино много разъ поручала мнѣ узнать подробности отъ отца моего о мѣстѣ той одежды. Отецъ такимъ образомъ освѣдомилъ меня и, *указывая*, сказалъ: „здѣсь — мѣсто погребенія ея“. Это то мѣсто, на которомъ языки людскіе не умолкаютъ возносить хвалы Богу, это какъ бы мѣсто видимой лѣстницы Якова, возвышающійся до неба, отнынѣ и до вѣки вѣковъ не лишенное величія и похвалы ⁴⁾.

¹⁾ Въ армянскомъ переводѣ Исторіи Михаила Сирійца мы находимъ слѣдующія указанія о хитонѣ:

„О немшецкомъ хитонѣ Господа святой Ефремъ говоритъ, что бросилъ жребій войны, чтобы не раздирать его, и хитонъ вышелъ по жребію одному воину, подручному Лонгина (Гунгіана); взялъ его сотникъ Лонгинъ и принесъ его въ Галатію, въ свой городъ Максимъ, гдѣ и чтится онъ (хитонъ) до днесь.

Другой сотникъ лазъ, свою долю одежды принесъ въ свой городъ Поти (Нудъ), въ столицу Мингреліи (страны Егерской); положили (эту часть облаченія) въ стеклянный сосудъ, и находится онъ на вѣсу въ церкви, недоступный ни для кого, съ крышкой на отверстіи склянки, и зримъ всеми. И этотъ немшецкий хитонъ соткала жена Авгаря и отправила Господу нашему рукою гонца Ананіи“ (Н. Марръ. Хитонъ Господень въ тнижыхъ легендахъ армянъ, грузинъ и сирійцевъ, стр. 13—14). Приводи переводъ съ текстомъ этихъ отрывковъ, Марръ замѣчаетъ, что въ цитованномъ отрывкѣ какъ будто вошли два преданія о хитонѣ, одно о галатійскомъ, другое о лазскомъ.

²⁾ Дословно: въ нашихъ рукахъ.

³⁾ Во всѣхъ другихъ вариантахъ вмѣсто этихъ двухъ словъ: невидимо.

⁴⁾ Эта глава отъ словъ: „послѣ всего этого я расскажу“ (стр. 75) имѣется во всѣхъ другихъ вариантахъ съ тѣми отступленіями, какія на-

Глава VIII, сказанная женщиною Сидонією же ¹⁾.

Я, дочь Авіатара, Сидонія видѣла св. Нину у начала крѣпости прежней Мцхеты, около высокой башни, подъ деревьями „бринджи“. Она сидѣла на мѣстѣ сѣни и отдохновенія царя Братмана, послѣ того какъ Господь ужасающимъ гнѣвомъ устъ своихъ сокрушилъ Армаза и другихъ идоловъ, о чемъ написано выше въ предсмертномъ разсказѣ Нины ²⁾.

А до признанія царицею Наною Христа Бога Сыномъ Божиимъ, блаженная и св. Нина пребыла шесть лѣтъ, какъ это сама говоритъ въ бытіи своемъ.

И въ тѣ времена она сдѣлала насъ семь женщинъ послѣдовательницами своей религіи, ибо она совершала много исцѣленій тайно до тѣхъ поръ, пока провидѣніемъ Божиимъ она не начала открыто исцѣлять царицу Нану. Богъ показалъ силу свою черезъ Нину сначала на мѣстѣ тѣхъ ежевичныхъ кустовъ. Молитвою своею она исцѣлила Нану отъ ея тяжелой болѣзни, которую искусство человѣческое не могло исцѣлить ³⁾.

блюдаются въ К. Ц. Поэтому для сравненія я отсылаю читателя къ Н. Г. р. 106—108.

¹⁾ Этого заглавія нѣтъ ни въ одномъ другомъ вариантѣ.

²⁾ Свѣдѣнія этого параграфа въ иной формѣ повторяются въ другихъ вариантахъ (см. Н. Г. р. 103).

³⁾ Въмѣсто этихъ двухъ параграфовъ, въ другихъ вариантахъ имѣется довольно подробный разсказъ о первыхъ послѣдовательницахъ и послѣдователяхъ св. Нины, объ исцѣленіи ею одного отрока и самой царицы Наны (см. Н. Г. р. 109—110). Послѣдній разсказъ въ общемъ совершенно подходитъ къ разсказу церковнаго историка Руфина объ обращеніи иверійцевъ въ христіанство. Совпадая съ повѣствованіемъ Руфина тѣмъ самымъ упомянутый разсказъ совпадаетъ и съ повѣствованіями Сократа, Созомена и Θεодорита по тому же предмету, потому что послѣдніе свои повѣствованія заимствовали у перваго.

Послѣ нея заболѣлъ одинъ знатный магъ, персіянинъ.

Объ исцѣленіи отрока и царицы Наны въ другихъ вариантахъ согласно рассказывается слѣдующее: „Тогда былъ нѣкій отрокъ, одержимый тяжкою болѣзною. Мать носила его изъ дому въ домъ, чтобы найти кого-нибудь знающаго врачеваніе, который могъ бы помочь ему. Всѣ осмотрѣли его, но не нашли никакихъ средствъ къ его излѣченію. Врачи объявили этой женщинѣ, что „ничего не въ состояніи помочь отроку“. А женщина эта была жестокосердая язычница, часто бранила христіанскую религію и не переставала удерживать другихъ ходить и учиться у св. Нины. Но такъ какъ она разочаровалась въ врачахъ, пришла и бросилась передъ Ниной, умоляя ее исцѣлить ея сына. Тогда св. Нина сказала: „Никакихъ врачеваній, которыя исходятъ отъ человѣка, я не совершу, но Богъ нашъ, Христосъ, которому я служу, дастъ исцѣленіе этому отроку, ибо онъ оставленъ всѣми“. Она приказала положить больного на власяницу, на которой св. Нина всегда молилась, сама начала молить Господа, и отрокъ тотчасъ исцѣлился. Она отдала его, удивленнаго и веселаго, его матери. Мать же отрока увѣровала въ Христа и сказала: „Нѣтъ другого Бога, кромѣ Христа, Котораго проповѣдуетъ Нина“. И она стала ученицею св. Нины, пошла по ея слѣдамъ и прославляла Бога.

Въ то-же время царица Нана впала въ тяжкую, серьезную и сильную болѣзнь, исцѣлить которую никто не былъ въ состояніи. Хотя искусные врачи истощили всѣ свои средства, но не могли исцѣлить ее, остались безсильными и разочаровались. Между тѣмъ нѣкоторые доложили царицѣ, что „молитвами женщины той римлянки, плѣнницы, которую зовутъ Нина, исцѣляются многія болѣзни“. Тогда она приказала слугителямъ своимъ, чтобы привели Нину. Слуги царицы пошли и нашли Нину подъ кущею ежевики. Она стояла на молитвѣ въ шестомъ часу. Слуги передали приказаніе царицы, но св. Нина отвѣчала: „Мнѣ не велѣно оставить мѣсто моего пребыванія (лагеря), но пусть царица придетъ сюда, въ мое истинное обиталище и исцѣлится силою Христа“. Слуги доложили царицѣ сказанное Ниною. Тогда царица съ сердечнымъ желаніемъ сказала имъ: „Приготовьте мнѣ ложе и понесите меня къ ней!“ Между тѣмъ слугители тѣ вмѣстѣ съ сыномъ ея Ревомъ и множествомъ народа понесли ее на ложѣ. Придя въ обиталище св. Нины, они положили царицу на той же власяницѣ. Св. Нина стала молиться и долго просила Бога, потомъ взяла крестъ, который имѣла, и коснулась имъ головы, ногъ и плечъ ея, изобразивъ форму креста, и вдругъ она исцѣлилась и, оживъ,

Хуара, который сильно бѣсновался отъ нечистыхъ силъ и

встала. Она увѣровала въ Христа и сказала: „Нѣтъ Бога, кромѣ Христа, Котораго проповѣдуетъ эта плѣнная женщина“. Съ тѣхъ поръ она сдѣлала ее своей домашней подругой, часто спрашивала и входила въ подробности небесной христіанской вѣры, а св. Нино и Авіатаръ, новый Павелъ, и дочь его Сидонія поучали ее. Царица сдѣлалась вѣрующей и признала истиннаго Бога. Царь спрашивалъ царицу: „Какъ это ты вдругъ исцѣлилась?“ Царица рассказала все то, что съ ней было, какъ она исцѣлилась безъ лѣкарства молитвой Нины и прикосновеніемъ креста, а многочисленный народъ, который былъ свидѣтелемъ этого, подтверждалъ слова царицы“ (К. Ц. стр. 82—84. М. 84—86. Крест. 568—570. Шюмг. 345—346. Рай Грузіи, стр. 135—137). Разсказъ этотъ имѣется и въ армянскомъ переводѣ К. Ц. (Броссе. Additions p. 25).

Отсутствіе вышенаведеннаго разсказа въ нашемъ источникѣ, списокъ котораго восходитъ къ X вѣку, и появленіе его во всѣхъ другихъ спискахъ, сравнительно поздней редакціи, показываетъ, по нашему мнѣнію, что разсматриваемый разсказъ внесенъ въ Житіе св. Нины позже появленія на свѣтъ нашего оригинала. Источникомъ разсказа, по всей вѣроятности, послужило (посредственно или непосредственно) извѣстіе по тому же предмету церковнаго историка конца IV вѣка Руфина, у котораго мы читаемъ слѣдующее: „Per idem tempus etiam Iberorum gens, quae sub axe Pontico jacet, verbi Dei foedera et fidem futuri susceperat regni. Sed huius tanti boni praestitit causam mulier quaedam captiva, quae apud eos reperta, cum fidelem et sobriam satis ac pudicam duceret vitam, totisque diebus ac noctibus obsecrationes Deo pervigiles exhiberet, in admiratione esse ipsa rei novitas barbaris coepit et, quid hoc sibi velit, curiosius perquirebant. Illa, ut res erat, simpliciter Christum se Deum hoc ritu colere fatebatur. Nihil ex hoc amplius barbari praeter novitatem nominis mirabantur. Verum (ut fieri solet) ipsa perserverantia curiositatem quandam mulierculis inferebat, si quid emolumenti ex tanta devotione caperetur. Moris apud eos esse dicitur, ut si parvulus aegrotet, circumferatur a matre per singulas domus, quo, scilicet si quis experti aliquid remedii noverit, conferat laboranti. Cumque mulier quaedam parvulum suum per omnes circumtulisset ex more, nec aliquid remedii, cunctas domos lustrando, cepisset, venit etiam ad captivam, ut, si quid sciret, ostenderet. Illa se humani quidem remedii nihil scire

быль при смерти. Этотъ вельможа приходилъся дядею по

testatur, Deum tamen suum Christum, quem colebat, dare ei desperatam ab hominibus posse salutem confirmat. Cumque cilicio suo parvulum superposuisset, atque ipsa desuper orationem fudisset ad Dominum, sanum matri reddidit infantem. Sermo defertur ad plures, factique fama magnifici usque ad aures reginae perlabitur. Quae, dolore quodam gravissimo corporis afflicta, in desperatione maxima erat. Rogat ad se captivam deduci. Illa ire abnuit, ne praesumere amplius aliquid quam sexus sineret videretur. Ipsam se regina deferri ad captivae cellulam jubet. Quam similiter supra cilicium suum positam, invocato Christi nomine, continuo post precem, sanam et alacrem fecit exurgere: Christumque esse Deum, Dei summi Filium, qui salutem hanc contulerit, docet: eumque quem sibi auctorem suae sciret esse incolumitatis et vitae, commonet invocandum. Ipsum namque esse, qui et regibus regna distribuat et mortalibus vitam. At illa cum laetitia domum regressa, marito percontanti causam tam subitae sanitatis aperuit, quique cum pro salute conjugis laetus, mulieri munera deferri juberet, illa: horum, inquit, o rex, nihil captiva dignatur: aurum despicit, argentum respuit, jejunio quasi cibo pascitur: hoc solum ei muneris dabimus, si eum, qui me illa invocante sanavit, Christum Deum colamus. (Разсказъ этотъ, взятый изъ Potrologiae Mign' a т. XXI, я привожу по выпискѣ А. Хаханова въ статьѣ: „Источники по введенію христіанства въ Грузію“, такъ какъ подлиннаго изданія Mign' a у меня нѣтъ подъ руками).

Что разсказъ К. Ц. и другихъ вариантовъ объ исцѣленіи Ниною отрока и самой царицы взято изъ Руфина видно изъ того, что слово *cilicium* — власяница, войлокъ, два раза повторяемое въ приведенномъ отрывкѣ, оба раза оставлено въ грузинскомъ языкѣ безъ перевода и приведено въ формѣ оригинала: „კილიკის ზედა—на киликѣ“. Моисей Хоренскій о распространеніи христіанства въ Грузію даетъ свѣдѣнія въ общемъ близкія съ грузинскими источниками, ибо у него одного изъ иностранныхъ авторовъ виновница просвѣщенія Грузіи названа собственнымъ именемъ Нунé=груз. Нино, упоминается престольный городъ Мцхита=Мцхета и правитель страны носить названіе Михранъ=Миреанъ, но онъ ничего не говоритъ объ исцѣленіи отрока, а также не приводитъ подробностейъ объ исцѣленіи самой царицы, какъ это мы видѣли у Руфина и въ указанныхъ грузинскихъ источникахъ (выписку изъ Хоренскаго см. ниже, стр. 104, прим. 3)

матери царицѣ Нанѣ¹⁾).

Тогда обратились съ просьбою къ матери моей Ницѣ царица Нана, а также царь, который видѣлъ мало-по-малу дѣла Нины и притворно сказалъ ей: „Силою какого Бога совершаешь ты сіи дѣла исцѣленія? Не дочь ли ты Армаза, или дщерь Задена, которая пришла какъ чужестранка, была стѣснена, просила у нихъ помощи и они дали тебѣ силу врачеванія, чтобы ты могла жить въ этой чужой странѣ? Пусть они будутъ возвеличены вѣчно! А ты будь всегда предо мною, какъ одна изъ кормилицъ, уважаема въ этой странѣ, но не проповѣдуй чужое слово, ложную ту религію Рима, и совсѣмъ не изволь говорить *объ этомъ* здѣсь, ибо, вотъ, боги, дающіе великіе плоды, и міродержатели, разстилающіе лучи солнца и посылающіе дождь, выраставающіе плоды земные, *кормители* Картліи, Армазъ и Задень, изслѣдователи всѣхъ тайнъ, и древніе боги отцовъ нашихъ, Гац и Га, пусть они будутъ главными *богами* для тебя²⁾ и предметомъ почитанія для людей! Нынѣ же, если ты исцѣлишь этого вельможу, я обогащу тебя и поселю въ Мцхетѣ на служеніе Армазу. Онъ хотя и былъ сокрушенъ пертурбаціей воздуха, но мѣсто его непоколебимо. Этотъ Армазъ и богъ халдейцевъ Итрушана³⁾ постоянно во враждѣ: этотъ напустилъ море на него, а тотъ это ничтожное *дѣло* причинилъ этому⁴⁾, какъ это въ обычаѣ у міродержателей. Пусть достаточно будетъ тебѣ это мое приказаніе!“

¹⁾ Во всѣхъ другихъ вариантахъ: этотъ вельможа былъ изъ родственниковъ царя Миріана.

²⁾ ოპი ზებო дословно: голова твоя.

³⁾ Въ другихъ вариантахъ имя этого бога Итруджанъ.

⁴⁾ და ამახ ამახ ზედა ურთი ბურა ამჟ მთაწობს. Въ К. Ц., вмѣсто ბურაამჟ, ურუამ — бѣдствіе. Значить, вся фраза будетъ: а тотъ причинилъ этому одно это бѣдствіе.

Блаженная Нино отвѣчала царю и сказала: „Царь, ты живи вѣчно! Во имя Христа и молитвами святой матери Его и вмѣстѣ съ нею всѣхъ святыхъ Богъ, творецъ неба и земли, родитель всѣхъ рожденныхъ, явилъ тебѣ отъ великихъ благъ и безчисленныхъ щедротъ своихъ, какъ искру изъ пещи горящей, одно ¹⁾ изъ благъ своихъ, чтобы ты позналъ и уразумѣлъ правду ²⁾ неба и свѣтъ солнца, глубину моря и основанія его, широту вселенной и основы ея, и чтобы ты, царь, зналъ, кто одѣваетъ небо облаками, *снабжаетъ* громъ раскатами воздуха, отъ свирѣлости котораго дрожить земля и раскаты грома идутъ по его слѣдамъ и возжигаютъ огни яростью своею; *чтобы ты зналъ*, что, когда тотъ великій китъ, который находится въ морѣ, пошевелится, то вся земля приходитъ въ такое колебаніе, что рушатся твердо-стояція горы и скалы ³⁾. Я научу тебя всему этому подробно: ибо есть Богъ въ небесахъ, но самъ Онъ невидимъ ни для кого изъ рожденныхъ, за исключеніемъ Того, Который исходитъ отъ Него. Этотъ послѣдній явился на землю, какъ человѣкъ, исполнилъ все, для чего пришелъ, и возшелъ опять на высоту Отца своего. Онъ одинъ видѣлъ Его и Онъ одинъ вмѣстѣ съ Нимъ, Который кроткихъ видитъ, а гордыхъ издали узнаетъ ⁴⁾.

Нынѣ же, о царь, близко твое приближеніе къ Богу. Я знаю, что въ этомъ городѣ имѣется одно знаменіе, риза Сына Бога, а нѣкоторые говорятъ, что и епанча Или находится здѣсь, и много здѣсь чудесъ, о которыхъ самъ Богъ повѣдаетъ тебѣ.

¹⁾ Въ оригиналѣ по ошибкѣ *ꙋбо* — народъ, вмѣсто *ꙋбоо* — одно.

²⁾ Въ К. Ц. и въ другихъ вариантахъ: высоту.

³⁾ Эти любопытныя свѣдѣнія, знакомяція насъ съ народнымъ представленіемъ о нашей землѣ и причинахъ землетрясенія, не сохранились въ другихъ спискахъ Житія св. Нины. Но въ армянскомъ переводѣ К. Ц. сказано, что земля дрожитъ отъ великаго кита (Additions, p. 26).

⁴⁾ Дословно: низкихъ видитъ, а высокихъ издали замѣчаетъ.

А я исцѣлю этого вельможу силою Христа моего и крестомъ страданій Его, какъ это царицу Нану исцѣлялъ Богъ отъ тяжкой болѣзни ея; а то, что я повѣдалъ ей, она сдѣлаетъ, чтобы просвѣтить душу свою и приблизить народъ свой къ Богу“.

Тогда привели вельможу, и Нино взяла его, меня и царицу Нану въ садъ. Она поставила его подъ кедрами, *лицомъ* къ востоку, и заставила поднять руки *къ небу* и сказать трижды: „Отрекаюсь отъ тебя дьяволъ и предаю себя Христу, Сыну Бога“. И св. Нино плакала со вздохами изъ *глубины* души своей и просила Бога помочь этому человѣку. Мы *были* съ нею цѣлый день ¹⁾. Злой духъ тотчасъ исчезъ, и этотъ вельможа и весь домъ его стали учениками св. Нины ²⁾ и величали Бога Отца и Сына и Св. Духа, Которому принадлежитъ слава во вѣки вѣковъ, аминь ³⁾.

Глава IX, сказанная ею же ⁴⁾.

Въ одинъ лѣтній день, мѣсяца іюля, дня 20-го, въ

¹⁾ Во всѣхъ другихъ вариантахъ: одинъ день и двѣ ночи.

²⁾ Въ другихъ вариантахъ: Онъ своимъ домомъ и народомъ сталъ послѣдователемъ ея.

³⁾ Вся эта глава, какъ уже замѣтили, ни въ одномъ вариантѣ не выдѣлена, и послѣдніе шесть параграфовъ составляютъ продолженіе разсказа Авіатара, а не ея дочери Сидоніи (ср. съ Н. Г. р. 111—113).

⁴⁾ Въмѣсто этого заглавія въ другихъ вариантахъ читаемъ: „Сказаніе женщины Сидоніи, которая была ученица св. Нины, которая видѣла и написала объ обращеніи въ *христіанство* царя Миріана посредствомъ чуда и о подчиненіи его Нинѣ, объ исновѣданіи Христа, водруженіи Креста, построеніи церковей и о чудесахъ въ нихъ *совершившихся*. Глава VII“. Обозначенія главы нѣтъ въ спискахъ Вахтанговской Редакціи К. Ц., кромѣ, впрочемъ, Теймуразовскаго, да и въ списокѣ Марри, равно какъ и въ Теймуразовскомъ, только одна эта VII глава в

день ¹⁾ [субботній, царь отправился на охоту въ сторону Мухрана. Врагъ невидимый и злой, дьяволъ враждующій, присталъ и возбудилъ въ немъ любовь къ идоламъ и огню, такъ что царь сталъ размышлять о всяческомъ служеніи имъ и объ истребленіи мечомъ всѣхъ христіанъ, и сказалъ четыремъ совѣтникамъ своимъ: „Мы отъ боговъ нашихъ достойны всякаго зла, потому что у насъ въ пренебреженіи служеніе имъ, зато мы допустили христіанъ чародѣевъ проповѣдывать свою религію въ нашей странѣ, ибо они творять чудеса чародѣйствомъ. Теперь мое рѣшеніе таково, чтобы мы безжалостно истребили всѣхъ, поклоняющихся распятому на крестѣ, и съ большимъ усердіемъ приступили бы къ служенію боговъ, владѣтелей Картліи. Я заставлю жену свою Нану раскаяться и отречься отъ вѣры распятаго на крестѣ, и если она не послушается, то я забуду о любви къ ней и погублю ее вмѣстѣ съ другими“. Совѣтники одобрили намѣреніе царя, ибо они тоже самое давно желали, такъ какъ были ревностны къ тому дѣлу, но не рѣшались объявлять объ этомъ.

Между тѣмъ царь, объѣхавъ всѣ мѣста Мухрана, поднялся на высокую гору Тхоти, чтобы оттуда посмотрѣть въ сторону Каспи и Уплись-цихе. Около полудня солнце затмилось для нихъ и стало такъ темно, какъ будто наступила вѣчная ночь. Темнота покрыла всѣ окрестности и мѣста, и свита царя отъ бѣдствія и заботъ о *себѣ* разбрелась въ разныя стороны. Царь остался одинокъ и блуждалъ въ дубравѣ горь.

Обозначена, но и она, какъ видимъ, не совпадаетъ съ VII главой нашего источника, а соответствуетъ IX главѣ.

¹⁾ Тутъ въ оригиналѣ недостаетъ одного листа. То, что нами приведено въ прямыхъ скобкахъ, взято изъ К. Ц., съ которою согласны и другіе списки Житія св. Нины (см. Н. Г. р. 113—114). То обстоятельство, что добавленный текстъ вполне прилаживается къ тексту нашего оригинала, заставляетъ думать, что утраченный текстъ въ общемъ мало отличался отъ добавленнаго.

Объятый страхомъ и ужасомъ и потерявъ надежду на спасеніе, онъ остановился на одномъ мѣстѣ и, придя въ себя, сталъ думать такъ въ умѣ своемъ: „Вотъ я призывалъ боговъ своихъ и не нашель утѣху себѣ; не могутъ ли нынѣ крестъ и Распятый на крестѣ, о которыхъ проповѣдываетъ Нино и совершаетъ исцѣленія упованіемъ ихъ, спасти меня отъ несчастія? ибо я живой нахожусь въ аду и не знаю, для всего ли міра случилась эта катастрофа, и свѣтъ превратился въ тьму, или только для меня *одною*. Теперь, если это несчастіе для меня только, Боже Нины, освѣти мнѣ эту ночь, покажи мнѣ домъ свой, и я исповѣдую имя Твое, воздвигну древо креста и поклонюсь ему, построю себѣ домъ для молитвы и буду послушанъ Пинѣ относительно религіи римлянъ!“

Какъ только онъ все это сказалъ, разсвѣло и солнце просіяло. Царь слѣзъ съ лошади, сталъ на томъ мѣстѣ, лицомъ къ востоку и, воздѣвъ руки къ небу, сказалъ: „Ты — Богъ надъ всѣми богами и Господь надъ всѣми господами, Богъ, Котораго проповѣдываетъ Нино, Твое имя должно быть прославляемо рожденными на землѣ и подъ небесами, ибо Ты спасъ меня отъ бѣдствій и просвѣтилъ тьму мою. И вотъ, я позналъ, что Ты хочешь спасти меня, дать утѣху и приблизить меня къ Себѣ. Боже благословенный, на этомъ мѣстѣ я воздвигну древо креста, чтобы тѣмъ величалось Твое имя и вспоминалось это дѣло и знаменіе во вѣки вѣковъ!“ Царь, намѣтивъ ту мѣстность, направился обратно, а разсѣянный народъ, увидя свѣтъ, собрался. Царь же громко зывалъ: „Воздайте, всѣ люди, славу Бгу Нины, ибо Онъ одинъ Богъ вѣковъ и Ему одному подобаешь величаніе во вѣки!“

Между тѣмъ царица Нана, весь народъ и] ¹⁾ *цѣлый* го-

¹⁾ Нужно полагать, что на пропавшемъ листѣ часть разсказа Сидоніи, заключеннаго нами въ скобкахъ, была выдѣлена въ особую, деся-

родъ вышли навстрѣчу царю, ибо сначала они слышали, что царь погибъ, а потомъ, — что онъ благополучно возвращается. Они встрѣтили царя въ Киндзарѣ и Гартѣ ¹⁾, и было большое ликованіе по поводу его благополучнаго возвращенія. А блаженная Нино по обыкновенію стояла на вечерней молитвѣ въ кущѣ ежевики, и мы пятьдесятъ душъ были вмѣстѣ съ нею.

Во время вѣзда царя весь городъ пришелъ въ смятеніе, а царь громогласно кричалъ: „Гдѣ та женщина чужестранка, которая есть мать моя, а Богъ ея избавитель мой?“

Когда царь услышалъ, что „она здѣсь въ кущѣ изъ ежевики и молится“, онъ повернулъ и прибылъ къ ней со всѣмъ войскомъ, слѣзъ съ лошади и говорилъ Нинѣ: „Достойнъ ли ²⁾ я теперь призывать Бога твоего и Спасителя моего?“ А святая Нино поучала его и заставила тотчасъ поклониться въ сторону востока Христу, Сыну Бога. Тогда весь народъ началъ гремять и плакать, ибо они видѣли у царя и царицы льющіяся слезы отъ радости и великаго того чуда, которое совершилось.

На другой день царь отправилъ пословъ въ Грецію ³⁾, а блаженная Нино днемъ и ночью поучала всѣхъ людей истинному пути вѣры ⁴⁾.

тую по счету главу, ибо ниже десятая глава не обозначена. Всего вѣроятно, что X глава начиналась съ первой строки послѣдняго параграфа, со словъ, „между тѣмъ царица“.

¹⁾ О Киндзарѣ мы уже говорили выше (см. стр. 63, прим. 3). Гарта или Гартисъ-Кари находится въ Мцхетѣ, выше Самтаврскаго монастыря.

²⁾ Въ другихъ вариантахъ: удостой меня.

³⁾ Всѣ другіе варианты тутъ прибавляютъ то, что нами приведено выше на стр. 20, въ прим. 3.

⁴⁾ Послѣ этого въ другихъ вариантахъ нижеслѣдующій текстъ имѣеть особое заглавіе: Сказаніе ея же Сидоніи о постройкѣ церкви. (Н. Г. 115).

До приѣзда священниковъ изъ Греціи, послѣ того какъ царь и весь народъ быстро укрѣпились въ христіанствѣ, царь имѣлъ разговоръ съ Ниной о постройкѣ церкви.

Вѣрующій царь спросилъ св. Нину: „Гдѣ мнѣ построить домъ Богу?“ А блаженная та отвѣтила: „Гдѣ угодно будетъ твердому разуму царей“ ¹⁾ Царь же сказалъ: „Я люблю сію твою кущу изъ ежевики и желаю тамъ по разумѣнію своему. Но нѣтъ, я не пощажу царскій садъ и высоту кедровъ, плодობиліе листвы и благоуханіе цвѣтовъ, но въ немъ построю храмъ для моленія своего, который будетъ стоять вѣчно.

Тотчасъ достали доски ²⁾ и начали строить *церковь*, срубили тотъ кедръ, приготовили изъ него столбъ, а на основаніи его положили фундаментъ.

Удивительны были на видъ тотъ столбъ и фундаментъ, о которомъ выше написано ³⁾. Когда пришло время возставить столбъ, раньше упомянутый, плотники начали поднимать его, но не могли.

Тогда собралась безчисленная толпа. Съ нимъ находился и царь. Они начали прибѣгать къ различнымъ средствамъ и приготовленію машинъ, но не только возставить, но и сдвинуть съ мѣста не могли его, и всякая мудрость и средство человеческое были напрасны. *Это было для того*, чтобы чудеснымъ поднятіемъ того столба былъ бы прославляемъ Богъ, а люди болѣе укрѣпились бы въ вѣрѣ.

Такъ какъ они не могли поднять *столбъ*, и не удалось

¹⁾ Дословно: гдѣ разумъ царей твердъ. Въ другихъ вариантахъ, вмѣсто царей, сказано мтаваровъ.

²⁾ Въ оригиналѣ: доску.

³⁾ Эта ссылка на вышесказанное заставляеть думать, что на одномъ изъ пропавшихъ листовъ оригинала, отмѣченныхъ нами на своихъ мѣстахъ, были приведены свѣдѣнія о воздвиженіи Животворящаго Столба.

имъ это дѣло, царь и весь народъ, увѣрившись въ неудачѣ, разошлись, горюя объ этомъ.

Только блаженная Нино и двѣнадцать другихъ женъ остались на мѣстѣ. А желанная Нино рыдала и проливала слезы на тотъ столбъ. И какъ только наступила полночь, двѣ эти горы, Армазь и Задень, обрушились и, повидимому, такъ свалились, что запрудили обѣ эти рѣки. Кура выступила изъ береговъ и уносила сильно затопленный городъ. Оттуда поднялись ужасные и душу раздирающіе крики плача и бѣгства.

Точно также и Арагва вышла изъ берега выше крѣпости, и стали раздаваться сильные удары. Жены тѣ и я вмѣстѣ съ ними испугались и бѣжали. Блаженная же св. Нино громко взывала: „Не бойтесь, сестры мои, горы тѣ стоятъ на своихъ мѣстахъ, и рѣки тѣ текутъ въ своихъ руслахъ, а народъ весь спитъ. Но это видимое разрушеніе горъ на самомъ дѣлѣ показываетъ, что горы невѣрля разрушились въ Картліи; остановка же рѣкъ значить, что остановилась кровь дѣтей, приносимая въ жертву дьяволамъ, а голоса плача—это вопли многочисленныхъ дьяволовъ, которые оплакиваютъ свое разореніе, ибо они изгоняются изъ этого мѣста Всевышнею силою и крестомъ Христа. Вернитесь, дѣти, и помолитесь Богу!“ И вдругъ стихли голоса, и ничего не было слышно.

И св. Нино продолжала опять стоять и, воздѣвъ руки свои къ небу, а глаза къ Богу, молилась и просила, чтобы врагъ не помѣшалъ этому дѣлу религіи, за которое ревностно взялись царь и весь народъ.

Не успѣлъ еще пропѣть пѣтухъ, какъ сильное войско ударило въ набатъ у всѣхъ трехъ воротъ. Городскія ворота были сокрушены, и городъ наполнился персидскимъ войскомъ. Внезапно началась рѣзня народа при крикахъ и душу раздирающемъ шумѣ, кровь лилась какъ бы *рѣкою* и наполнила

собою всё мѣста. Толпа съ крикомъ и мечами направилась на насъ, и тѣла наши растаяли и души изсякли.

Я же плакала объ отцѣ и родственникахъ своихъ и вдругъ услышала раздающійся громкій голосъ: „Такъ приказываетъ царь персидскій Хуара и царь царей Хуаранъ-Хуара: избавьте всякаго еврея отъ острія меча!“

Когда я это услышала, пришла въ себя. Я и десять тѣхъ женъ со мною ободрились. Меченосцы приблизились, поражая и убивая всѣхъ кругомъ насъ, и раздался сильный голосъ, что „царя Миреана взяли въ плѣнъ“. Неутомимая та подвижница *Нино* оглянулась кругомъ и сказала: „Знаю, что обречень на смерть *тотъ, кто кричитъ*, ибо онъ въ очень затруднительномъ положеніи“. И она благодарила Бога за то, что это было знаменіе гибели ихъ, спасенія Картліи и возвеличенія этого мѣста. Св. *Нино* утѣшала насъ, какъ искусная наставница, и не только истинная наставница, но и вѣстница Христа. Обратившись къ народу, шедшему на насъ, она сказала: „Гдѣ цари персидскіе Хуара и Хуаранъ-Хуара? Вчера только выступили изъ Сабастана? Рано пришли. Вѣроятно гдѣ-нибудь по близости находится *другое* большее, болѣе безчисленное войско, нежели вы. Сильно разгромите этотъ городъ! Поражьте мечомъ вѣтеръ и зефиръ! Удалитесь во мракъ сѣвера, по направленію горъ! Сюда пришелъ Тотъ, отъ Котораго вы бѣжите!“ И пошевелила десницу свою и изобразила рукою знаменіе креста.

Вдругъ исчезло все это множество народа и стало очень тихо. Мы же прославляли Бога и вождедѣли къ святой и блаженной *Нинѣ*.

Когда заря приходила къ концу, сестры ¹⁾ мои немного задремали, я же бодрствовала, а св. *Нино* стояла съ воздѣтыми къ небу руками. И вотъ, предсталъ предъ ней одинъ юноша,

¹⁾ Во всѣхъ другихъ вариантахъ: матери.

облаченный въ лучезарный свѣтъ и завернутый въ огненный плащъ, и сказалъ блаженной Нинѣ какія-то три слова. Она же упала лицомъ на землю, а юноша схватилъ рукою тотъ столбъ, взялъ за конецъ, поднялъ и унесъ въ высь небесную. Я съ удивленіемъ приблизилась и сказала блаженной царицѣ: „Что это такое?“ Она же преклонила мою голову къ землѣ, и я начала плакать отъ этого ужаса. Спустя немного времени, та блаженная встала, подняла также и меня, и мы отошли отъ того мѣста.

Между тѣмъ тѣ женщины опять отсутствовали, и вотъ я видѣла, какъ тотъ столбъ, въ огненномъ видѣ, опустился и приблизился къ основанію своему и, опустившись, сталъ надъ основаніемъ на разстояніи двѣнадцати локтей отъ земли, понемногу спускаясь къ своему пню, ибо пень служилъ основаніемъ, отъ котораго Животворящій тотъ Столбъ былъ отрѣзанъ.

Не успѣла еще появиться заря, какъ царь всталъ озабоченный неудачею и посмотрѣлъ въ садъ, на начатую имъ церковь, ибо тамъ были сосредоточены мысли его. Онъ увидѣлъ въ саду свѣтъ, наподобіе молніи, поднимающійся до небесъ. Онъ сталъ бѣжать, чтобы поскорѣе притти, и съ нимъ поспѣшила толпа цѣлаго народа. Когда они пришли, увидѣли, что сей необыкновенный, блистающій свѣтомъ Столбъ спустился, сталъ какъ бы прямо надъ своимъ основаніемъ и утвердился неподдерживаемый человѣческими руками ¹⁾.

¹⁾ О затменіи дня царю во время охоты и утвержденіи столба посредствомъ чуда мы находимъ свѣдѣнія и у Руфина, но, конечно, не въ такой пространной формѣ, какъ въ нашемъ источникѣ. „Ad hoc, продолжаетъ Руфинъ (см. выше, стр. 83—84, прим.), tunc rex segnior fuit et interim distulit, saepius licet ab uxore commonitus, donec accidit quadam die venante eo in silvis cum comitibus suis, obscurari densissimis tenebris diem, et per tetrae noctis horrorem.

Блаженно то время, когда это случилось! Городъ Мцхета

luce subducta, caecis iter gressibus denegari. Alius alio diversi ex comitibus oberrant: ipse solus densissima obscuritate circumdatus, quid ageret, quo se verteret, nesciebat: cum repente anxios salutis desperatione animos cogitatio talis ascendit. Si vere Deus est Christus ille, quem uxori suae captiva praedixerat, nunc se de his tenebris liberet, ut ipsum ex hoc omissis omnibus coleret. Ilico ut haec nondum verbo, sed sola mente devoverat, reddita mundo dies, regem ad urbem perducit incolumem. Quique reginae rem protinus ut gesta est pandit. Evocari jam jamque captivam et colendi ritum ut sibi tradat, exposcit: neque se ultra alium Deum quam Christum veneraturum esse confirmat. Adest captiva, edocet Deum Christum: supplicandi ritum venerandique modum, in quantum de his aperire feminae fas erat, pandit. Fabricari tamen Ecclesiam monet, formamque describit. Igitur rex totius gentis populo convocato, rem ab initio quae erga se ac reginam gesta fuerat, exponit fidemque edocet et nondum initiatus in sacris fit suae gentis apostolus. Credunt viri per regem, feminae per reginam: cunctisque idem volentibus Ecclesia extruitur instanter: et elevato jam perneciter murorum ambitu, tempus erat quo columnae collocari deberent. Cumque erecta prima vel secunda, ventum fuisset ad tertiam, consumptis omnibus machinis et boum hominumque viribus cum media jam in obliquum fuisset erecta et pars reliqua nullis machinis erigeretur, repetitis secundo et tertio ac saepius viribus, ne loco quidem moveri attritis omnibus potuit. Admiratio erat totius populi, regis animositas hebescebat: quid fieri deberet, omnes simul latebat. Sed cum interventu noctis, omnes abscessissent, cunctique mortales et ipsa opera cessarent, captiva sola in oratione pernoctans mansit intrinsecus: cum ecce matutinus et anxius cum suis omnibus ingrediens rex, videt columnam, quam tot machinae ac tot populi movere non quiverant, erectam et supra basim suam librate suspensam nec, tamen superpositam, sed quantum unius pedis spatio in aëre pendentem! Tunc vero omnes populi contuentes et magnificentes Deum, veram esse regis fidem et captivae religionem praesentis miraculi testimonio perhibebant. Et ecce mirantibus adhuc et stupentibus cunctis in oculis eorum sensim supra basim suam, nullo contingente, columna deposita, summa cum libratione consedit. Post

исполнился страха и радости, потоки слезъ текли у царей, мтаваровъ и всего народа отъ сердечныхъ рыданій своихъ, и они прославляли Бога и вождельли къ св. Нинѣ. Въ тѣ дни совершались многочисленныя чудеса.

Глава XI, сказанная ею же ¹⁾.

Первое чудо. Пришелъ нѣкій еврей, слѣпой по рожденію, приблизился къ Животворящему Столбу и тотчасъ прозрѣлъ, и прославлялъ Бога.

Одинъ отрокъ, язычникъ ²⁾, изъ придворныхъ ³⁾, лежалъ больнымъ въ продолженіе восьми лѣтъ. Мать принесла его съ вѣрою и положила на ложе предъ тѣмъ Столбомъ свѣта, дѣйствительно облеченнымъ въ свѣтъ, и, умоляя блаженную Нину, говорила: „Призри, царица, на этого моего сына, близкаго къ смерти, ибо я знаю, что Тотъ, Которому ты служишь и намъ проповѣдуешь есть Богъ боговъ“. Тогда бла-

hoc reliquis numerus columnarum tanta facilitate suspensus est, ut omnes quae superfuerant, ipsa die locarentur. Postea vero quam Ecclesia magnifice constructa est, et populi et fidem Dei maiore ardore sitiebant, captivae monitis ad imperatorem Constantinum totius gentis legatio mittitur: res gesta exponitur: sacerdotes mittere oratur, qui caeptum erga se Dei munus explerent. Quibus ille cum omni gaudio ex honore transmissis, multo amplius ex hoc laetatus est, quam si incognitas Romano imperio gentes et regna ignota iunxisset. Haec nobis ita gesta, fidelissimus vir Bacurius, gentis ipsius rex, et apud nos Domesticorum comes (cui summa erat cura et religionis et veritatis) exposuit cum nobiscum Palaestini tunc limitis Dux, in Hierosolymis satis unanimiter degeret“.

¹⁾ Ни въ одномъ вариантѣ нижеприведенный рассказъ не выдѣленъ въ особую главу.

²⁾ Этого слова нѣтъ въ другихъ вариантахъ, но зато прибавлено: по имени Амзаспани,

³⁾ სკვპ-წუჯო. Объ этомъ см. выше, стр. 71, прим. 1. Этимологию этого слова см. у Н. Марра. Зап. Вост. Огд. Им. Русск. Арх. Общ. т. V.

женная Нино приложила руки свои къ Животворящему Столбу, а *потомъ* возложила *ихъ* на того отрока и сказала: „Вѣруешь ли ты въ Иисуса Христа, Сына Бога живого, пришедшаго во плоти для спасенія всего міра?“ Отрокъ тотъ сказалъ: „Да, царица, вѣрую въ Иисуса Христа, Спасителя рожденных“.

Тогда св. Нино сказала ему: „Исцѣлися отнынѣ и прославляй Того, силою Котораго ты исцѣлился!“ И вдругъ отрокъ тотъ всталъ, какъ будто и не былъ боленъ, и большой страхъ напалъ на царя и на толпу народа.

Приходили и *другіе*, одержимые разными болѣзнями, и исцѣлялись, пока царь не сдѣлалъ вокругъ Столба деревянный футляръ и не закрылъ его отъ взоровъ.

Но и въ такомъ положеніи люди касались къ тому навѣсу и немедленно получали исцѣленіе, и прославляли Бога, производящаго знаменія. Царь же приступилъ къ постройкѣ церкви въ томъ саду съ ревностью и великою радостью ¹⁾.

Тогда вернулись изъ Греціи послы съ священно-служителями, священниками и дьяконами, и, какъ написано выше, приступили къ крещенію всего народа.

Глава XII, сказанная Авіатаромъ, который былъ первосвященникомъ въ святилищѣ евреевъ въ Мцхетѣ и принялъ крещеніе изъ рукъ Нины ²⁾.

Я, Авіатаръ, былъ по очереди священникомъ надъ свя-

¹⁾ Въ другихъ вариантахъ: „Царь приступилъ и быстро кончилъ постройку церкви въ томъ саду“. Далѣе приводятся подробности приёма пословъ Константиномъ и Еленою, возвращенія пословъ и крещенія грузинъ, которыя въ нашемъ источникѣ кратко изложены выше (см. стр. 20 и Н. Г. 118).

²⁾ Во всѣхъ вариантахъ имѣется такое заглавіе: Сказаніе священника Авіатара, который сдѣлался ученикомъ святой и блаженной Нины (см. Н. Г. р. 105).

щенниками въ томъ году, когда эта блаженная женщина Нино пришла въ Мцхету. Въ то время мною уже были получены письма изъ Рима, Египта и Вавилона отъ священниковъ и книжниковъ еврейскихъ ¹⁾, въ которыхъ написано было такъ:

„Богъ разрушилъ царство Іудейское и, вотъ, умоляли пророки, ибо тѣ, которыхъ призывалъ Духъ, всѣ умерли, мы разсѣялись по всѣму міру, и римляне покорили подъ свою власть страну нашу, потому что мы согрѣшили во всемъ и разгнѣвали Творца своего.

„Теперь ты разсмотри книгу Моисея, который заповѣдалъ намъ слѣдующее: „Тотъ, который объявитъ на землѣ себя Богомъ, пусть будетъ распятъ!“ Или мы уже согрѣшили, убивъ Іисуса Назарянина? ибо я знаю, что когда прежніе отцы наши грѣшили предъ Богомъ и совершенно забывали Его, Онъ предавалъ ихъ могущественному царю и плѣну. Но когда они обращались и вzywали къ Богу, Онъ немедленно отвращалъ отъ нихъ бѣдствіе. И мы знаемъ изъ Писанія, что такъ случилось семь разъ. Но съ тѣхъ поръ какъ *отцы наши* наложили руку на сына убогой женщины и убили его, Богъ отвратилъ руку свою отъ насъ, разрушилъ царство *наше*, удалил насъ отъ храма Божія и совершенно пренебрегъ нашъ родъ.

Нынѣ же прошло триста лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Онъ пересталъ слушать моленія наши и не заботится о нашемъ спасеніи *болѣе*. Я полагаю, что человекъ тотъ былъ съ неба“.

И многое въ этомъ родѣ было написано: Когда же я узналъ обо всемъ этомъ, сталъ спрашивать о Христѣ у женщины той Нины, кто Онъ былъ или по какой причинѣ Богъ сдѣлался человекомъ? Тогда блаженная Нино отверзла уста свои подобно колодцу бьющемуся и подобно ключу непрерывному. Она начала отъ начала вѣковъ, рассказала наи-

¹⁾ Во всѣхъ другихъ вариантахъ: мною получены были письма изъ Антиохіи отъ еврейскихъ священниковъ.

зустъ *содержаніе* моихъ книгъ, разъяснила его, пробуждала меня какъ бы спящаго, просвѣщала меня неразумнаго, возбуждала во мнѣ жалость къ отцамъ нашимъ и убѣждала меня перемѣнить вѣру *до тѣхъ поръ*, пока я не увѣровалъ вслѣдствіе ея словъ въ Христа, Сына Бога, въ страданія Его, въ воскресеніе со славою, во второе пришествіе со страхомъ, и что воистину Онъ есть чуждѣніе язычниковъ.

Въ то время я и дочь моя удостоились крещенія священной водою, кропила и чистилища грѣховъ, котораго желалъ пророкъ Давидъ, но не достигъ; и услышалъ я еще голосъ пѣвцовъ новой религіи, котораго желалъ тотъ же Давидъ, но не удостоился.

Я же удостоился приобщиться истиннаго тѣла и крови Агнца Божія, принесеннаго въ жертву за грѣхи міра, вкушеніе котораго сладостно.

И въ этомъ *убѣжденіи* Господь да удостоитъ меня оставить тѣло мое, ибо во дни свои много чудесъ видѣли очи мои отъ Нины въ Мцхетѣ ¹⁾).

Что касается до дома Эліоза, онъ находился въ западной части города, у воротъ Могуеты, на берегу Куры. Тамъ было небольшое святилище и кладбище ихъ, на которомъ св. Нино водрузила крестъ Христа и крестила тамъ, за городомъ, руками священника Якова и архидіакона Просилы нѣкоторыхъ сыновей мтаваровъ. Мѣсто это получило названіе Купели мтаваровъ и очень чтилось въ наши дни, хотя оно представляло изъ себя поле безъ *всякаго* строенія.

Въ тѣ же дни мцхетскіе евреи сильно возстали противъ меня, срубили то сладкокорное ²⁾ дерево, которое стояло у

¹⁾ Эта 12-ая глава отъ начала до этого мѣста приведена и въ другихъ вариантахъ съ тѣми отступленіями, какія наблюдаются въ К. Ц. см. Н. Г. р. 105—106).

²⁾ *ჰოლძობო*. Въ словарѣ Д. Чубинова *ჰოლძობო* означаетъ сладкій корень, солодковый папоротникъ. *Polipodium vulgare*.

воротъ святилища и которое украшало то мѣсто, ибо вѣтви его покрывали всѣ притворы святилища; они начали выселяться въ прежнія свои мѣста, за исключеніемъ только семейства Барабы, домъ котораго въ числѣ пятидесяти душъ принялъ крещеніе и обосновался въ Мцхетѣ. Царь Миреанъ подарилъ имъ одно мѣстечко, которое называется Цихе-диди, и они были возвеличены предъ царемъ и всѣми христіанами благостью блаженной Нины и ученіемъ ея ¹⁾).

Въ то время ²⁾ получено было письмо изъ Рима отъ святаго патріарха *на имя* блаженной Нины, царя Миреана и всего народа грузинскаго. Приѣхалъ также къ ней архидіаконъ бранджскій съ тѣмъ, чтобы прославлять и благословить ее и *въ свою очередь* взять отъ блаженной Нины благословеніе и сдѣлаться соучастникомъ ея благодати. Онъ имѣлъ письмо отъ царя бранджовъ къ блаженной Нинѣ, ибо бранджи были уже крещены отцомъ ея Завулономъ, и обо всемъ этомъ вѣсти дошли до нихъ изъ Іерусалима, Рима и Константинополя, *а именно*, что въ полуночную ту страну ³⁾ достигло солнце правды, свѣтъ, исходящій отъ Отца, Христось.

Поэтому тотъ и написалъ любезное письмо, чтобы онъ былъ увѣдомленъ о дѣлахъ и знаменіяхъ, о чудесахъ отъ того Столба и ежевичной кущи, и о силѣ врачеванія *Нины*. Все

¹⁾ Отъ словъ: „что касается дома Еліоза“ нѣтъ въ другихъ вариантахъ, только нѣкоторыя свѣдѣнія этихъ параграфовъ въ иной формѣ сообщаются въ другомъ мѣстѣ, а именно въ разсказѣ Сидоніи о постройкахъ церквей, тамъ гдѣ говорится о крещеніи царя Маріана и всего народа (см. Н. Г. р. 120).

²⁾ Въ другихъ вариантахъ разсказъ начинающійся этими словами имѣетъ заглавіе: Письмо, которое написалъ патріархъ римскій и царь бранджовъ Нинѣ, царю и всему народу Картліи (см. Н. Г. р. 125).

³⁾ Во всѣхъ другихъ вариантахъ, вмѣсто послѣднихъ четырехъ словъ, написано: въ страну Картліи.

это увидѣлъ тотъ архидіаконъ, который, въ удивленіи *своемъ* прославляя Бога, взялъ письма и уѣхалъ ¹⁾).

Глава XIII. О Честномъ Крестѣ, которое написалъ Яковъ ²⁾.

Когда было срублено то дерево честнаго и побѣдоноснаго креста, оно было несомо на рукахъ съ вѣтками и листьями десятию десятками людей и внесено въ городъ.

¹⁾ Во всѣхъ другихъ вариантахъ послѣ этихъ словъ приведенъ рассказъ о путешествіи Нины, обращеніи ея въ христіанство грузинъ-горцевъ и кахетинцевъ, о смерти Нины въ Бодѣ и погребеніи ея, о чемъ въ нашемъ источникѣ рассказано выше, на стр. 23—27, 49—50.

²⁾ Во всѣхъ другихъ вариантахъ имѣется такое заглавіе: „О воздвиженіи Честнаго Креста“ и глава эта приписывается не Якову, а Сидоніи. Въ началѣ главы въ другихъ вариантахъ приведенъ рассказъ, который отсутствуетъ въ данномъ мѣстѣ нашего источника. Вотъ этотъ рассказъ: „Въ тѣ времена, когда приняли крещеніе царь, царица, дѣти ихъ и вмѣстѣ съ ними весь народъ, стояло одно дерево на одномъ мѣстѣ, на скалѣ недоступной. Дерево это было очень красиво и ароматно. Оно имѣло удивительное свойство: если подходилъ къ нему звѣрь, раненный стрѣлою, и вѣлъ листья его или упавшіе съ него плоды, онъ избавлялся отъ смерти, если бы даже рана была смертельна. Это очень удивляло первыхъ тѣхъ язычниковъ, и они рассказали епископу Іоанну объ этомъ деревѣ. Епископъ же сказалъ: „Вотъ, поистинѣ, страна эта изначала была предназначена Богомъ для служенія Себѣ, и Богъ взростилъ то дерево и сохранилъ для этого времени. Теперь, такъ какъ благодать Божія распространилась по Картліи, слѣдуетъ изъ этого дерева сдѣлать честный крестъ, которому бы поклонялся весь народъ грузинскій. И отправились Ревъ, сынъ царя, епископъ и вмѣстѣ съ ними множество народа, срубили то дерево и взяли вмѣстѣ съ вѣтками; оно было несомо“... Далѣе рассказъ совпадаетъ съ нашимъ оригиналомъ. (К. Ц. 93—94. М. 100—101. Н. С. 122). Ниже мы увидимъ, что приведенный рассказъ о свойствахъ дерева, изъ котораго были сдѣланы кресты, имѣется и въ нашемъ источникѣ, а именно въ предсмертномъ письмѣ царя Миріана (см. ниже, стр. 113—114).

Народъ валилъ *смотреть* зеленѣющія листья его въ началѣ лѣта ¹⁾, когда всякое другое дерево было сухо, между тѣмъ какъ оно было съ неопавшими листьями, благоухающе и красиво на видъ. Тогда поставили его на своемъ корнѣ у южной двери храма, и вѣтерокъ, дующій съ рѣки, шелестилъ листьями и шевелилъ вѣтки его, и было видѣніе его прекрасно и пріятно *подобно тому*, какъ это мы знаемъ по наслышкѣ о томъ деревѣ кипариса ²⁾.

Мы ³⁾ срубили его 25 марта мѣсяца, въ день пятницы, и въ продолженіе тридцати семи дней листья его нисколько не измѣнились, какъ будто то дерево стояло на своихъ корняхъ у источника, пока всѣ деревья дубравы не одѣлись въ листья и плодовые деревья не украсились цвѣтами. Тогда, мѣсяца мая перваго, были приготовлены эти кресты, а седьмого того же мѣсяца воздвижены приложеніемъ руки царя и при радости и страстномъ желаніи всего города ⁴⁾.

Во время пребыванія этихъ крестовъ въ церкви, всѣ жители города наблюдали, какъ въ каждую ночь спускался огненный крестъ, увѣнчанный сверху короною изъ звѣздъ, и становился надъ храмомъ до разсвѣта, и въ виду этого всѣ прославляли Бога.

Къ утру, при наступленіи зари, отъ него отдѣлялись двѣ звѣзды. Одна изъ нихъ уходила къ востоку, другая къ западу, а самая крупная изъ нихъ блистательно стояла на мѣстѣ и мало-по-малу уходила по ту сторону Арагвы и оста-

¹⁾ Въ спискахъ К. Ц. Вахтанговской Редакціи: зимы.

²⁾ Тутъ, по нашему мнѣнію, дѣлается намекъ на то дерево, изъ котораго, по апокрифическому сказанію, былъ приготовленъ крестъ страданія Спасителя.

³⁾ Во всѣхъ другихъ вариантахъ: рассказъ переданъ третьимъ лицомъ.

⁴⁾ Въ Вахт. Ред.: всего народа Картліи.

навливалась сверху надъ скалистымъ холмомъ, по близости того источника, который былъ вызванъ *изъ земли* слезами св. Нины, а оттуда поднималась къ небу ¹⁾).

Это дарованіе вѣчной жизни нашимъ отъ Бога много разъ наблюдалось всѣмъ народомъ. Тогда мы начали спрашивать блаженную Нину, что это такое, что *звѣзды* выдѣляются изъ лучей *короны* и уходятъ на востокъ и западъ?

А святая сказала царю и всему народу: „Разошлите людей по высокимъ горамъ, на востокъ до горъ кахетинскихъ, и на западъ до границъ твоего владѣнія ²⁾, и когда эти свѣтила озарятся, пусть наблюдаютъ, гдѣ они остановятся, и на тѣхъ мѣстахъ поставьте эти два креста на храненіе всѣмъ христіанамъ и въ сокрушеніе врага“. Царь же такъ и сдѣлалъ и занялъ вершины горъ по порядку въ продолженіе десяти дней. *И вотъ*, въ ночь съ пятницы на субботу, было то же самое знаменіе и случилось то же самое, что всегда случалось. На другой день пришли посланные на западъ, которые стояли на горѣ, называемой Квабта-тави ³⁾, и сказали царю, что „звѣзда та остановилась на горахъ Тхоти, спустилась къ Кргви ⁴⁾ и Каспи, остановилась на одномъ мѣстѣ, и постепенно сдѣлалась невидимою. Точно также пришли посланные на востокъ и сказали: „Мы увидѣли ту звѣзду,

¹⁾ Источникъ, вызванный по преданію изъ земли слезами св. Нины, существуетъ около монастыря Креста и носитъ названіе Дзудзусъ-цкали, т. е. родникъ груди, и, по убѣжденію мѣстныхъ жителей, имѣетъ свойство возвращать пропавшее молоко матерямъ.

²⁾ Во всѣхъ другихъ вариантахъ: до окрестностей этого города.

³⁾ Квабта-тави буквально значитъ голова или вершина пещеры. Это то мѣсто, гдѣ нынѣ находится извѣстный въ Грузіи Квабташевскій монастырь.

⁴⁾ ყრგვი. Этого слова нѣтъ ни въ одномъ вариантѣ и неизвѣстно, какое названіе тутъ подразумѣвается.

направляющуюся отсюда, и она остановилась надъ мѣстечкомъ Боди, въ странѣ кахетинской“.

Тогда блаженная Нино приказала, чтобы взяли эти два креста и поставили—одинъ на Тхоти, гдѣ Богъ показаль царю свою силу, а другой отдали бы Саломѣ уджармійской, истинной рабынѣ Божіей, съ тѣмъ чтобы она поставила его въ городѣ Уджармѣ, дабы мѣстечко Боди не сдѣлалось соперникомъ города царей, ибо тамъ народу много. „Мѣстечко же Боди, сказала она, желанное мѣсто Бога, мы сами еще увидимъ“. И мы сдѣлали такъ, какъ приказала намъ св. Нино.

Что касается до Честнаго Мцхетскаго Креста, явленнаго намъ небесными знаменіями, то мы понесли его человѣческими руками. пришли подъ холмъ, къ названному источнику, провели ночь въ бдѣніи и молились Богу. А блаженная Нино сливала свои слезы съ источникомъ, и были великія исцѣленія и знаменія. На другой день мы поднялись на ту скалу. Блаженная Нино, подойдя, упала на камняхъ холма и плакала. Съ нею вмѣстѣ плакали царь, всѣ мтавары и все множество народа, отцы и матери, и пискъ грудныхъ дѣтей смѣшивался съ эхомъ горъ.

И св. Нино положила руку на одинъ камень и сказала мнѣ: „Приди, это подобаетъ тебѣ, и благослови крестнымъ знаменіемъ сей камень!“ Я такъ и сдѣлалъ, и тамъ воздвигли тотъ крестъ съ царскимъ величіемъ. Царь, всѣ мтавары и все множество народа пали на колѣни и поклонились чудодѣйственному кресту и признали распятаго Іисуса Христа истиннымъ Богомъ и Сыномъ Животворящаго Бога, и всѣ увѣровали въ Бога въ трехъ лицахъ величаемаго, Которому приличествуетъ слава во вѣки вѣковъ, аминь.

Между тѣмъ жены мтаваровъ ¹⁾ никуда не отходили отъ святой церкви, свѣтоноснаго столба и животворящаго креста,

¹⁾ Въ К. Ц. и въ другихъ вариантахъ: великіе мтавары.

ибо онѣ видѣли безчисленные чудеса и невыразимыя исцѣленія ¹⁾).

Тогда св. Нино оставила городъ Мцхету и отправилась къ мтеульцамъ для возвѣщенія истины звѣроподобнымъ ²⁾ тѣмъ людямъ и для сокрушенія ихъ идоловъ ³⁾).

¹⁾ Вся эта двѣнадцатая глава до этого мѣста повторяется во всѣхъ вариантахъ въ общемъ съ тѣми отступленіями, какія наблюдаются въ К. Ц. (см. Н. Г. р. 122—124).

²⁾ Этотъ эпитетъ мтеульцевъ встрѣчается и въ другихъ вариантахъ (см. выше, стр. 23, прим. 2).

³⁾ Моисей Хоренскій въ своей Исторіи Арменіи о Нинѣ, распространеніи христіанства въ Грузіи и о Мцхетскомъ Крестѣ даетъ слѣдующія свѣдѣнія подъ заглавіемъ: „Блаженная Нунѣ, виновница спасенія иверійцевъ“ (глава 86, новый переводъ Эмина стр. 132—133):

„Нѣкая женщина, по имени Нунѣ, изъ разсѣявшихся подругъ святой Рипсимы, убѣжавъ, прибыла въ землю иверійцевъ въ ихъ первопрестольный городъ, Мцхиту. Вслѣдствіе строгой жизни она получила даръ исцѣленія, которымъ исцѣляла многихъ недужныхъ, какъ и жену Михрана, правителя Иверій. Поэтому, когда Михранъ спросилъ ее: „какою силою творишь ты эти чудеса?“ узналъ, что черезъ проповѣданіе Евангелія Христова. Выслушавъ ее охотно, онъ разсказалъ (о томъ) своимъ сатрапамъ съ большою похвалою. Вслѣдъ за тѣмъ дошла до него вѣсть о чудесахъ, совершенныхъ въ Арменіи надъ царемъ и нахарарами и о подругахъ блаженной Нунѣ. Изумленный Михранъ разсказываетъ о всѣхъ этихъ чудесахъ блаженной Нунѣ, которая подтверждаетъ ихъ еще съ большими подробностями.

Въ тѣ дни пришлось Михрану выѣхать на охоту. Въ трудныхъ переходахъ заблудился онъ въ горахъ въ пасмурное время, но не вслѣдствіе видѣнія, ибо сказано: „голосомъ призываетъ мракъ“, и еще: „день въ ночь помрачаетъ“. Такимъ-то мракомъ былъ окруженъ, которому онъ послужилъ причиною вѣчнаго свѣта; ибо, изумленный (этимъ), онъ вспомнилъ разсказанное о Трдатѣ, котораго, когда собирался онъ на охоту, постигли пораженія отъ Господа. Михранъ думалъ, что съ нимъ то же самое можетъ случиться. Обуянный страхомъ, онъ въ молитвахъ просилъ, чтобы прояснился воздухъ и чтобы можно было ему возвратиться съ миромъ, обѣщаясь поклоняться Богу Нунѣ.—Просьба его услышана—и онъ исполняетъ обѣщаніе.

А здѣсь она оставила священника Авіатара, бывшаго

Блаженная Нунé потребовала вѣрныхъ людей, которыхъ отправила къ святому Григорію спросить—что онъ отнынѣ прикажетъ ей дѣлать; ибо иверійцы охотно приняли проповѣданіе Евангелія. И получаетъ она приказаніе сокрушить идоловъ по его собственному примѣру и воздвигнуть знаменіе честнаго Креста до того дня, когда Господь дастъ пастыря на управленіе ими. Она немедленно сокрушила изображеніе громовержца Араматда, стоявшее за городомъ, отъ котораго его раздѣляла великая рѣка. Жители имѣли обыкновеніе рано по утрамъ съ кровель своихъ домовъ поклоняться тому изображенію, возвышавшемуся передъ ихъ глазами; желавшіе же приносить ему жертву переходили рѣку и передъ храмами совершали закланія.

Сатраны города возстали, говоря: „Кому же будемъ поклоняться вмѣсто идоловъ?“—„Знаменію Креста Христова“, получили отвѣтъ. Сдѣлали его и воздвигли на востокъ отъ города на красивомъ холмѣ, который также отдѣлялся отъ города небольшой рѣкой. Съ наступленіемъ утра всѣ жители, по обыкновенію, поклонились ему съ кровель своихъ домовъ. Но когда взошли на холмъ и увидали обтесанное не художественной рукой дерево, многіе съ презрѣніемъ сказали, что всѣ лѣса ихъ поля подобнымъ деревомъ, и потому разошлись. Но Богъ въ своей благодати воззрѣвъ на ихъ соблазнъ, послалъ съ небесъ облачный столпъ и вся гора наполнилась благоуханіемъ: раздался сладкозвучный голосъ множества псалмопѣвцевъ, и показался свѣтъ съ изображеніемъ креста въ мѣру и подобіе креста деревяннаго; оно стало съ двѣнадцатью звѣздами надъ послѣднимъ. Всѣ увѣровали и поклонились. — Съ тѣхъ поръ отъ того креста много было исцѣленій.

Но блаженная Нунé отправилась наставлять пречистыми своими устами и другія области Иверіи; проходила всюду въ одеждѣ величайшей простоты, не имѣя ничего лишняго, чуждая міру, всему мірскому, или лучше сказать, пригвожденная ко Кресту, изощряя свою жизнь въ постоянной смерти, словомъ исповѣдующая Слово Божіе и готовностью своею увѣчанная, какъ бы кровавымъ вѣнкомъ; дерзаемъ сказать—она, ставъ апостоломъ, проповѣдывала, начиная отъ Кхарчовъ (Кхарджк—въ Гугарской области, что въ Великой Арменіи) близъ Аланскихъ Воротъ (т. е. Дарьяльскихъ воротъ) и Касбовъ до предѣловъ Маскутовъ (т. е. Массаетовъ), какъ повѣствуетъ тебѣ Агаангелъ“. Ссылка М. Хоренскаго на Агаангела, къ сожалѣнію, не оправдывается; ибо дошедшіе до

еврея, который былъ второй Павелъ и который не переставалъ проповѣдывать днемъ и ночью Христа и величіе Его, пока не былъ прогнанъ евреями. Только относительно святилища *Нино* побуждала царя не трогать зданія его, а прибавить еще строевіе, ибо, до тѣхъ поръ пока на сей землѣ не было еще новой благодати, въ немъ прославлялось имя Бога вѣчнаго. Царь пощадилъ его за свое время, и въ немъ оставались родственники Эліоза священниками надъ евреями ¹⁾.

Глава XIV. Воздвиженіе Честнаго Мцхетскаго Креста и затѣмъ новое явленіе его ²⁾.

Когда вся Картлія была обращена въ христіанство, священники, пришедшіе изъ Греціи, рѣшили поставить знаменіе креста. Священники эти сказали царю Миреану: „Нужно и слѣдуетъ поставить знаменіе креста Господня“. Царю и всему народу понравилось *это* и съ радостью приняли они слова и совѣтъ священниковъ. Царь Миреанъ приказалъ приготовить древо креста. Плотники отправились и срубили одно статное дерево. Царь же приказалъ сдѣлать изъ него крестъ.

А священники объясняли *плотникамъ* форму креста. Когда же крестъ былъ готовъ, плотники пришли и сказали

насъ армянскіе и греческіе тексты Агаангела (см. Langlois: *Collection des historiens de l'Arménie*. Paris 1869, t. I) разсказа о Нинѣ не содержатъ въ себѣ, равно какъ мы не находимъ его и въ грузинскомъ переводѣ Агаангела, имѣющемся въ рукописи грузинскаго Общества грамотности въ Тифлисѣ № 350.

¹⁾ Свѣдѣній этихъ двухъ параграфовъ въ данномъ мѣстѣ не имѣется въ другихъ вариантахъ. Только относительно Авіатара, что онъ былъ новый Павелъ, сказано въ разсказѣ о хитонѣ Христа (см. G. N. p. 109, 110).

²⁾ Ни въ одномъ вариантѣ нѣтъ этого заглавія, и добрая половина нижеприведеннаго текста отсутствуетъ въ другихъ спискахъ.

царю Миреану: „Мы сдѣлали крестъ такъ, какъ научили насъ эти священники“.

Царь тотчасъ приподнялся отъ радости, и весь народъ увидѣлъ форму того креста и, рассматривая очень внимательно, прославлялъ Бога.

Тогда царь, вникая въ дѣло, вспомнилъ, какъ ему на горѣ день превратился въ тьму, какъ онъ увидѣлъ великій лучезарный свѣтъ наподобіе креста и *теперь*, видя *крестъ*, узналъ его. Тогда царь сталъ рассказывать священникамъ и всему народу о томъ видѣніи, какъ изображеніе креста озарило ему тьму предъ его глазами.

Тогда, услышавъ слова царя, народъ еще болѣе увѣровалъ въ Иисуса Христа и въ знаменіе креста Его, и всѣ вмѣстѣ съ радостью поклонились ему и величали Бога.

Тогда царь спрашивалъ совѣта у всего народа, на какомъ мѣстѣ воздвигнуть знаменіе креста. Каждый предлагалъ, гдѣ находилъ болѣе удобнымъ, но *окончательно* нигдѣ не могли выбрать. Въ то время царь Миреанъ сталъ молиться и говорилъ:

„Господи, Иисусе Христе, въ Котораго мы вѣруемъ черезъ эту плѣнницу и по ученію этихъ Твоихъ іереевъ! Ты, Иисусе Христе, Который унижилъ Себя самого и принялъ образъ раба по смиренности Твоей, Который снизошелъ съ благословеннаго лона Отца, Который ради насъ оставилъ престолы, права и силы и вошелъ въ чистую утробу Дѣвы, потомъ принялъ распятіе на крестѣ при Понтійскомъ Пилатѣ, былъ похороненъ въ нѣдра земли и воскресъ на третій день, исполнилъ все сказанное пророками, вознесся на небо и сѣлъ одесную Отца, и намѣренъ снова притти, судить живыхъ и мертвыхъ, и оставилъ намъ знаменіе креста Твоего для разрушенія невидимыхъ козней враговъ, — мы же, боящіеся Тебя, приняли крестъ за знамя, чтобы имъ избавиться отъ лица дьявола, отъ котораго находились въ гибели

ли. Нынѣ же Ты, Господи Боже и Спаситель нашъ, соизволь указать мѣсто, на которомъ мы бы воздвигли крестъ Твой, дабы ненавидящіе насъ, видя его, стыдились, ибо Ты, Господи, помогъ и утѣшилъ насъ!“

Въ ту же ночь, какъ только наступили сумерки, ангель Господень сталъ надъ царемъ Миреаномъ въ видѣніи и, указывая ему на одинъ холмъ за Арагвою, по близости Мцхеты, сказалъ ему: „Это мѣсто выбрано Богомъ, на этомъ водрузи знаменіе креста!“ Какъ только разсвѣло, царь Миреанъ разсказалъ священникамъ объ этомъ видѣніи ангела и о словахъ, которыя тотъ сказалъ, и о томъ холмѣ, на который онъ указалъ.

Услышавъ объ этомъ видѣніи и ознакомившись съ тѣмъ мѣстомъ, весь народъ нашелъ тотъ холмъ удобнымъ, и всѣ вмѣстѣ съ большою радостью и пѣніемъ взяли тотъ крестъ и водрузили побѣдоносное знаменіе креста на томъ холмѣ, по близости Мцхеты, прямо къ востоку отъ нея, въ день воскресный, черезъ недѣлю послѣ Пасхи.

Какъ только знаменіе креста было водружено въ странѣ Картліи, тотчасъ безъ замедленія всѣ идолы, находящіеся въ предѣлахъ Картліи, пали и разбились, храмы же ихъ разрушились. Когда увидѣли это необыкновенное дѣло и чудо, которое совершило побѣдоносное знаменіе креста надъ идолами, еще больше дивились этому дѣлу, величали Бога и съ радостью поклонялись Честному Кресту. Въ тотъ же день царь Миреанъ и весь мцхетскій народъ сдѣлали большое пожертвованіе Честному Кресту¹⁾, и вся Картлія учредила праздникъ побѣдоноснаго Креста черезъ недѣлю послѣ Пасхи, въ воскресный день, *каковой* совершается по днесь и *бу-*

¹⁾ Вся эта четырнадцатая глава отъ начала до этого мѣста отсутствуетъ во всѣхъ вариантахъ, нижеслѣдующій же разсказъ составляетъ продолженіе предыдущей главы (Н. Г. р. 124—125).

детъ продолжаться во вѣки вѣковъ. Черезъ нѣсколько времени, послѣ Пятидесятницы, въ среду, наблюдали большое и необыкновенное чудо:

Вотъ, столбъ свѣта въ видѣ креста стоялъ надъ тѣмъ крестомъ и двѣнадцать ангеловъ вѣнчали его кругомъ. Такимъ же образомъ двѣнадцать звѣздъ составляли корону *его*, а холмъ, на которомъ стоялъ тотъ крестъ, курился весь блауханіемъ. Видя такое чудо, многіе безбожники обращались *въ христіанство*, принимали крещеніе и строили церкви. Вѣрующіе же болѣе укрѣплялись въ вѣрѣ и прославляли Бога.

Затѣмъ увидѣли другое чудо отъ Честнаго Креста: Надъ верхнею частью креста горѣлъ какъ бы огонь и пылало пламя въ три раза свѣтлѣе солнца, и подобно тому какъ отъ огня обильно поднимаются вверхъ искры, точно также ангелы восходили и нисходили къ тому Честному Кресту. Холмъ же *подъ* крестомъ сильно дрожалъ ¹⁾; земля вся колебалась; дымъ благоуханія восходилъ къ небу отъ горъ, холмовъ и овраговъ; скалы рушились, и страна вся наполнилась запахомъ аромата. Это *наблюдалось* не только поверхностно и временно, но постоянно; и слышны были громкіе голоса, весь народъ замѣчалъ это, прислушивался къ голосу пѣнія, боялся и въ сильномъ удивленіи со страхомъ и трепетомъ поклонялся Честному Кресту, съ великою радостью прославляя Бога.

Черезъ нѣсколько времени, какъ тѣ знаменія и видѣнія прекратились, такъ и эти большія и страшныя колебанія *почвы* пріутихли. Послѣ этого другія, болѣе многочисленныя, знаменія и чудеса, явленныя свыше, совершались надъ Честнымъ Крестомъ. Весь народъ наблюдалъ это и со страхомъ

¹⁾ Въ нашемъ источникѣ: ликовалъ, но во всѣхъ другихъ—дрожалъ.

и трепетомъ подходилъ усердно поклониться Честному Кресту и съ радостью прославлялъ Бога ¹⁾).

Въ то время былъ одинъ богобоязливый человекъ, сынъ царя, котораго звали Ревъ. Сынъ Рева былъ боленъ и находился при смерти. Онъ былъ единственный у отца. Отецъ взялъ его и положилъ предъ Честнымъ Крестомъ и со слезами сказалъ: „Если ты вернешь мнѣ этого сына, я построю часовню ²⁾ для твоего пребыванія“.

Пока онъ горько и безобидно плакалъ передъ Честнымъ Крестомъ, тотъ мальчикъ немедленно исцѣлился. Отецъ взялъ его съ радостью, прославляя Бога и Честный Крестъ.

Затѣмъ Ревъ, царя сынъ ³⁾, приступилъ къ выполнению своего обѣта: выражая свое благодареніе и большую радость, онъ съ ревностью построилъ часовню въ Мцхетѣ и, приходя изъ года въ годъ, совершалъ служеніе Честному Кресту. Съ тѣхъ поръ все больше и больше приходили многочисленныя больныя и разслабленныя и, получая исцѣленія, съ радостью прославляли Бога и Честный Крестъ.

Былъ одинъ неизвѣстный человекъ, у котораго оба глаза были слѣпы. Онъ пришелъ и прибѣгъ къ Честному Кресту, ревностно молясь предъ нимъ. Черезъ семь дней у него открылись глаза, и онъ съ радостью восхвалялъ Бога и Честный Крестъ.

Была нѣкая женщина, одержимая нечистой силой. Она настолько бѣсновалась, что когда ее заставляли прикасаться

¹⁾ Обо всѣхъ этихъ чудесахъ, переданныхъ въ послѣднихъ трехъ параграфахъ, сравнительно кратко упоминается въ К. Ц. и въ другихъ вариантахъ. Нашъ текстъ гораздо пространнѣе (ср. Н. Г. р. 124).

²⁾ Во всѣхъ другихъ вариантахъ: футляръ. Въ нашемъ текстѣ зრծծծ собственно куполь, а затѣмъ сводъ вообще. Здѣсь по смыслу подъ сводомъ нужно разумѣть часовню.

³⁾ Въ нашемъ оригиналѣ сказано: „затѣмъ сынъ Рева“, что совершенно невѣрно, ибо обѣтъ былъ данъ Ревомъ.

къ Кресту, она обдирала ризу съ Креста. Черезъ четырнадцать дней эта женщина получила исцѣленіе и сама ушла пѣшкомъ ¹⁾, съ радостью восхваляя Бога и Честный Крестъ.

Была еще нѣкая другая женщина. У нея былъ сынъ, *который* вдругъ истекъ кровью ²⁾. Мать взяла его и положила предъ Честнымъ Крестомъ. Истекшій тотъ отрокъ лежалъ предъ Честнымъ Крестомъ съ утра до вечера. Между тѣмъ мать того отрока со слезами молилась предъ Честнымъ Крестомъ. Окружающіе говорили: „Онъ уже умеръ, возьми и похорони его, и не досаждай!“

Но она не отчаивалась въ надеждѣ, а болѣе жалостно плакала и просила помощи. Къ наступленію сумерекъ отрокъ сталъ снова дышать и открылъ глаза. Черезъ три дня ³⁾ мать взяла его совершенно здороваго, прославляя Бога и Честный Крестъ.

Такъ какъ всѣ видѣли эти великія чудеса Честнаго Креста, многіе бездѣтныя приходили, прося его дарованія дѣтей, и, удовлетворенные роженіемъ дѣтей, прославляли Бога и приносили дары и благодареніе Честному Кресту. Онъ давалъ просимое не только тѣмъ, которые приходили къ нему, но и тѣмъ, которые паходились вдали.

Если кто въ пылу битвы призывалъ Честный Мцхетскій Крестъ, тотчасъ побѣждалъ враговъ съ помощью Честнаго Креста и съ великою радостью приходилъ благодарить Честный Крестъ.

¹⁾ Въ К. Ц. и въ другихъ вариантахъ: „Потомъ была одна женщина, настолько одержимая нечистыми силами, что она была лишена силы и разума въ продолженіе восьми дѣтъ. Она раздирала свою одежду. Когда привели и заставили ее приложиться къ Честному Кресту, она исцѣлилась послѣ двѣнадцати дней и собственными ногами ушла“ (Н. Г. 125).

²⁾ Въ К. Ц. и въ другихъ вариантахъ, вмѣсто этихъ двухъ фразъ: Потомъ былъ маленькій мальчикъ, который сразу упалъ и умеръ (К. Ц. 96. М. 105 Н. Г. 125).

³⁾ Въ К. Ц. и въ другихъ вариантахъ: черезъ семь дней.

Многіе безбожники, впавшіе въ болѣзни, какъ только съ вѣрою призывали Честный Крестъ Мцхетскій, тотчасъ избавлялись и съ великою радостью приходили поклониться Честному Кресту, принимали крещеніе и съ радостью славословили Бога и Честный Крестъ.

Но и многіе другіе, впавшіе въ разныя бѣдствія, избавлялись обращеніемъ къ Честному Кресту. И много больныхъ, одержимыхъ разными болѣзнями, приходятъ съ мольбою къ Честному Кресту и получаютъ исцѣленія по днесь. Бывали и другія чудеса, явленныя Богомъ съ неба, предъ Честнымъ Крестомъ, которыя не описаны въ книгѣ сей. Только написано это немногое въ прославленіе Бога и въ возвеличеніе Честнаго Креста, дабы мы всѣ славословили Отца и Сына и Св. Духа, Которому принадлежитъ слава и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь ¹⁾).

Письмо, которое написалъ передъ смертью царь Картліи Миреанъ, рукою архіепископа Якова, и далъ Саломѣ уджармійской, женѣ своего сына, которая была поистинѣ свѣдуща во всемъ ²⁾).

Въ то время когда Господь возвръль на эту сѣверную страну, помраченную грѣхами и полную искушеніями дьявола, мы были подобны овцамъ, обреченнымъ на закланіе.

Ибо я понынѣ тридцать шестой царь съ тѣхъ поръ, какъ отцы наши появились. Они обрекали своихъ дѣтей и невинный народъ этой страны въ жертву мерзкимъ идоламъ. Отцы наши косили, какъ сѣно, дѣтей своихъ, чтобы

¹⁾ Свѣдѣнія о чудесахъ Честнаго Креста имѣются во всѣхъ вариантахъ въ общемъ съ тѣми варіаціями, которыя наблюдаются въ К. Ц. (см. Н. Г. р. 124—125).

²⁾ Ни въ одномъ вариантѣ нѣтъ ни этого заглавія ни письма подъ симъ заглавіемъ приведеннаго.

угодить идоламъ и главнымъ образомъ двумъ этимъ горамъ, Армазу и Задену, которыхъ даже камни пропитаны кровью грудныхъ дѣтей. Горы эти достойны быть уничтоженными огнемъ гнѣва Божія.

Между тѣмъ, когда наступило время, пришла эта желанная женщина, посланница и вѣстница Бога, св. Нино. Сначала она пришла, какъ плѣнница, какъ странница, какъ убогая, какъ безпомощная, какъ глухая и нѣмая, нынѣ же плѣнница эта сдѣлалась для меня царицею, странница — матерью недосыгаемою, предметомъ поклоненія всѣхъ, а нѣмая эта — замѣчательною проповѣдницею и знающею сокровенныя мои думы.

Святая эта зажгла въ сердцѣ моемъ свѣтильникъ правды, и около полуночи озарило меня лучезарное солнце, Христосъ Богъ нашъ, свѣтъ Котораго неизсякаемъ во вѣки.

Она сдѣлалась моею учительницею; приобщила меня при посредствѣ святого крещенія и поклоненіемъ Честному Кресту къ сонму Христа, дала мнѣ новую вѣру жизни и радости и удостоила меня приобщиться нетлѣнныхъ тайнъ неба. Исполняя ея велѣнія, я сдѣлалъ *все*, чему она научила: построилъ церковь для моленія въ саду отцовъ моихъ, поставилъ въ ней тотъ столбъ свѣта, который я не могъ *поднять* никакими силами и знаніями человѣческими, но Всевышній Богъ *ниспослалъ* одного изъ своихъ служителей, который моментально поднялъ его съ земли къ небу.

Вы сами видите собственными глазами необыкновенныя и удивительныя знаменія его, а затѣмъ и исцѣленія отъ него.

Когда она указала мнѣ о воздвиженіи *крестовъ*, я послалъ плотниковъ искать дерево. Они нашли одно дерево, стоящее одиноко на скалѣ, къ которому не прикасалась *человѣческая* рука, но мы знали по рассказамъ охотниковъ объ его чудѣ, ибо олень, пораженный стрѣлою, подходилъ подъ скалу, на которой стояло то дерево, поспѣшно вѣлѣ

плоды, упавшіе съ того дерева, и избавлялся отъ смерти ¹⁾).

Такъ мнѣ рассказывали, и я былъ удивленъ. Въ виду этого я срубилъ то дерево и сдѣлалъ изъ него три креста: одинъ этотъ, Мцхетскій, надъ которымъ совершилось небесное знаменіе, другой водрузилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ прозрѣлъ отъ Господа, на горѣ Тхоти, а третій, который взялъ Саломе, былъ водруженъ въ городѣ Уджармѣ.

И построилъ я церковь на мѣстѣ ежевичной кущи Нины, гдѣ совершилъ невидное дѣло, но явно возвеличивающее тѣ кусты ежевики, ибо я не тронулъ ни одного листа отъ нихъ, но оставилъ ихъ вмѣстѣ съ корнями снаружи, потому что я видѣлъ много чудесъ въ нихъ и большія исцѣленія.

И построилъ Верхнюю церковь изъ камня для себя и для многочисленнаго народа, ибо Нижняя церковь называлась святою святыхъ, и я не осмѣливался постоянно открывать ея двери, развѣ только въ воскресный день, и никто не отваживался входить, кромѣ священниковъ, которые пѣли въ ней.

Ибо великій страхъ былъ распространенъ отъ этого Животворящаго Столба на всѣхъ людей, и всякій видѣлъ въ томъ Столбѣ силу Божию; человекъ не въ состояніи былъ смотрѣть даже на его кровлю, что и мы сами видимъ. Я не осмѣлился предъ нимъ вырыть землю для своей могилы, чтобы бревенные останки мои были похоронены предъ нимъ, ибо я грѣшный боялся его; *поэтому* приготовилъ себѣ могилу въ Верхней церкви, чтобы быть вдали отъ его глазъ и приобщиться его благъ *въ день* всеобщаго воскресенія.

Когда я по благодати Божіей приготовилъ себѣ *могилу* на случай моей смерти, я высказывалъ желаніе предать душу свою матери моей, св. Нинѣ.

¹⁾ Рассказъ объ этомъ чудесномъ деревѣ въ другихъ вариантахъ помѣщенъ, какъ мы видѣли, въ главѣ: „О воздвиженіи Честнаго Креста“ (см. выше, стр. 100, прим. 2).

Но святая сама предала безгрѣшную душу свою въ руки Творца своего. Ибо она исполнила всѣ заповѣди Божіи и наставленіе св. дяди своего, отца нашего, патріарха, и оставила насъ, новорожденныхъ, младенцевъ несвѣдущихъ, сиротами. Я сильно сокрушился духомъ, и весь сѣверный народъ исполнился печали. Ибо только что взошло солнце, правды и истина распространилась, между тѣмъ облако скрыло отъ насъ св. Нину. Но святая та постоянно пребываетъ въ свѣтѣ и отовсюду освѣщаетъ насъ.

А я рѣшилъ взять съ большимъ благоговѣніемъ святое тѣло ея сюда, предъ Честнымъ Крестомъ, но не нашелъ совершенно никакихъ средствъ, ибо двѣсти челоуѣкъ не могли сдвинуть небольшое ложе ея, на которомъ успокоилась святая и блаженная Нино.

Тогда мы похоронили св. тѣло ея, вѣчно великой, въ Бодѣ, мѣстечкѣ кахетинскомъ, и совмѣстно съ цѣлымъ царствомъ нашимъ оплакивали сиротство наше въ продолженіе тридцати дней.

И построилъ я церковь надъ ея могилою, очень украсилъ ее, и упованіемъ ея питаю надежду на Сына Божія и вѣру въ безпредѣльнаго Бога Отца, всеильнаго Сына и животворящаго и безсмертнаго Духа.

И ищю и чаю воскресенія мертвыхъ, и поручаю душу свою Христу царю, Котораго есть слава, крѣпость и сила и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь!

Завѣщаніе царя Миреана сыну своему Реву и супругѣ своей Нанѣ¹⁾.

Вотъ, отхожу я, который пришелъ! Но ты, Нана, если

¹⁾ Этого заглавія нѣтъ въ другихъ вариантахъ, хотя самое завѣщаніе приводится, даже въ болѣе пространномъ видѣ, чѣмъ наше (ср. Н. Г. р. 131). Однако по К. Ц. завѣщаніе касается сына Миріана Бакара, а не Рева.

тебѣ позволить время жизни послѣ моей смерти, раздѣли пополамъ царскія сокровища мои и удѣли половину могилѣ Нины для поддержанія на вѣчныя времена, чтобы во вѣки вѣковъ мѣсто это было непоколебимо, ибо оно не есть резиденція царей, а представляетъ изъ себя незначительное мѣсто.

Точно также я прошу архіепископа, чтобы онъ возвеличилъ то мѣсто, ибо оно достойно почестей.

А сына своего онъ поучалъ такъ: „Вотъ, тьма наша замѣнилась свѣтомъ и смерть жизнью. Нынѣ, гдѣ только найдешь въ твоей странѣ виновниковъ страданія Картліи, идиловъ искушенія, сожги огнемъ и пепелъ ихъ заставь пить тѣхъ, которые по нимъ будутъ печалиться. То же самое передай дѣтямъ твоимъ, ибо я знаю, что идолы на Кавказѣ не скоро переведутся. Ты же поступай такъ: предай себя Столбу, возвеличенному свыше, и Честному Кресту, прославленному въ небесахъ, и возвращеніе твое въ землю, къ сну вѣчному, пусть будетъ по вѣрѣ Св. Троицы, аминь!“

Книгу „Обращеніе Грузіи“⁶, каковымъ обращеніемъ Богъ явилъ свѣтъ, основу процвѣтанія святыхъ церквей, [цвѣтъ хора небесныхъ силъ, непоколебимую стѣну, Христа, Спасителя нашего отъ грѣховъ и утѣшителя] души, — какъ талантъ, сокрытый пастырями; мы нашли по прѣшествіи многаго времени и *многихъ* лѣтъ¹⁾.

¹⁾ То, что здѣсь заключено въ скобкахъ, въ оригиналѣ сильно попорчено, и чтеніе текста въ данномъ мѣстѣ гадательное, по общій смыслъ этой интересной приписки, исполненной въ оригиналѣ рукою текста и новарью, ясенъ и изъ уцѣлѣвшихъ строкъ.

II. Жизнь и извѣстіе о Багратидахъ, царяхъ нашихъ грузинскихъ, откуда они явились въ эту страну, или съ какого времени владѣютъ они царствомъ Грузинскимъ, которое написалъ Сумбать, сынъ Давида ¹⁾.

1. Адамъ родилъ Сеита, Сеитъ родилъ Еноса, Еносъ ро-

¹⁾ Исторія грузинскихъ Багратидовъ Сумбата, сына Давида, подъ приведеннымъ заглавіемъ сохранилась въ видѣ отдельной главы только въ списокъ Картлисъ-цховреба царицы Маріи, который переписанъ въ 1636—1646 г.г. и который представляетъ изъ себя единственный списокъ, безусловно предшествующій Вахтагвской редакціи по крайней мѣрѣ на полъ-вѣка. Все другіе, до сихъ поръ извѣстные, списки принадлежатъ Вахтагвской редакціи Картлисъ-цховреба. Исторія Сумбата послужила матеріаломъ редакціи Вахтагва для пополненія нѣкоторыхъ свѣдѣній текста К. Ц., начиная отъ появленія Багратидовъ до начала царствованія Баграта IV. Съ этою цѣлью редакціей Вахтагва внесены въ К. Ц. какъ отдѣльныя, болѣе или менѣе пространныя, выписки изъ Исторіи Сумбата, такъ и отдѣльныя фразы и предложенія, и выказано стараніе слить текстъ Сумбата съ текстомъ К. Ц. Не во всѣхъ, впрочемъ, спискахъ К. Ц. Вахтагвской редакціи внесено одинаковое количество выписокъ изъ Исторіи Сумбата. Всего больше ихъ мы находимъ въ списокъ царевича Теймураза, нынѣ принадлежащемъ Императорской Академіи Наукъ въ Петербургѣ. Въ послѣднемъ списокѣ почти цѣликомъ можно прослѣдить текстъ Исторіи Сумбата въ видѣ пространныхъ выписокъ и отдѣльныхъ фразъ и предложеній, вклеенныхъ тамъ и сямъ въ первоначальный текстъ К. Ц. Этотъ важный для нашего изданія списокъ, по любезности Академіи Наукъ, присланъ мнѣ изъ Петербурга, и имъ я пользуюсь въ рукописи при печатаніи этого труда. Изъ другихъ списковъ К. Ц. у меня имѣются, кромѣ изданнаго мною варианта царицы Маріи, три списка, принадлежащіе грузинскому Обществу грамотности въ Тифлисѣ: Мингрельскій (№ 354), Баратовскій (№ 25) и Чубиновскій (№ 43). Послѣдній когда-то тоже принадлежалъ царевичу Теймуразу и снабженъ имъ предисловіемъ. Кромѣ того, я пользуюсь спискомъ К. Ц. Церковнаго Музея въ Тифлисѣ № 131, принадлежащаго прежде Иоанно-Крестительской пустыни. Имѣя Исторію Сумбата въ видѣ отдельной главы, мы легко можемъ возстановить дру-

диль Каинана, Каинанъ родиль Малела, Малель ¹⁾ родиль
Гареда, Гаредъ родиль Еноха, Енохъ ²⁾ родиль Маеусала,
Маеусаль родиль Ламеха, Ламехъ родиль Ноя, Ной родиль
Сема ³⁾, Семъ родиль Арфаксада, Арфаксадъ родиль Каинана,

той текстъ этой Исторіи изъ перечисленныхъ списковъ К. Ц. Такимъ образомъ возстановленный текстъ Сумбата послужитъ намъ для сравненія съ нашимъ текстомъ, какъ его вариантъ, при чемъ разночтенія Теймуразовскаго списка мы отмѣчаемъ отдѣльно, а другихъ списковъ, если они сходятся съ изданіемъ Броссе, буквами К. Ц., какъ это мы дѣлали и раньше для Обращенія Грузіи. Но Исторія Сумбата послужила источникомъ не только для Вахтанговской редакціи, но и для первоначальной редакціи К. Ц., по крайней мѣрѣ той редакціи, какую мы находимъ въ текстѣ списка царицы Маріи, въ Исторіи Сумбата. Для выясненія того, что взято изъ Исторіи Сумбата для первоначальной редакціи К. Ц., намъ придется нашъ текстъ сравнить съ текстомъ списка царицы Маріи, такъ какъ этотъ единственный списокъ намъ даетъ возможность узнать, каковъ былъ текстъ К. Ц. отъ появленія Багратидовъ до начала царствованія Баграта IV безъ вторичнаго внесенія въ него Исторіи Сумбата. Дѣленіе на параграфы текста Сумбата принадлежитъ намъ. Что касается приведеннаго нами заглавія Исторіи Сумбата, то изъ всѣхъ списковъ Картлисъ-цховреба, кромѣ списка царицы Маріи въ отдѣлѣ Исторіи Сумбата, это заглавіе сохранилъ только списокъ царевича Теймураза (листъ рукописи 104 recto), въ которомъ оно исполнено киноварью. Академикъ М. Броссе, приводя переводъ этого заглавія, замѣчаетъ: „Cette rubrique serait importante, si l'on pouvait croire qu'elle donnât un nom d'auteur; mais vraisemblablement il s'agit d'un simple copiste“... (Hist. de la Géorgie t. 1, p. 217, n. 1). Предположеніе совершенно невѣрное, такъ какъ рѣчь идетъ именно объ авторѣ Исторіи Багратидовъ, а не о переписчикѣ.

¹⁾ Въ К. Ц. и Т.: Малелаель. Здѣсь и ниже, когда собственное имя повторяется, примѣчаніе указываетъ начальную форму транскрипціи и предыдущаго слова.

²⁾ Въ К. Ц. и Т.: Енукъ.

³⁾ До этого мѣста родословіе взято изъ книги Бытія, см. гл. V. Мы удерживаемъ въ текстѣ грузинскую транскрипцію нѣкоторыхъ собственныхъ именъ.

Каинанъ родилъ Салу, Сала родилъ Ебера, Еберъ родилъ Фалега, Фалегъ родилъ Рагава, Рагавъ родилъ Серука, Серукъ родилъ Нахора, Нахоръ ¹⁾ родилъ Өару, Өара родилъ Аврама ²⁾, Аврамъ ³⁾ родилъ Исаака, Исаакъ ⁴⁾ родилъ Іакова, Іаковъ родилъ Іуду, Іуда родилъ Фареза, Фарезъ родилъ Есрома, Есромъ родилъ [Арама, Арамъ родилъ] ⁵⁾ Аминадаба́, Аминадабъ родилъ [Наасона, Наасонъ родилъ Салмона, Салмонъ родилъ Бооса, Боосъ родилъ Іобеда, Іобедъ родилъ] Іесе, Іесе родилъ царя Давида, царь Давидъ родилъ Соломона, Соломонъ родилъ Робоама, Робоамъ ⁶⁾ родилъ Абію, Абія родилъ Асу, Аса ⁷⁾ родилъ Іосафата, Іосафатъ родилъ Іорама, Іорамъ родилъ Озію, Озія родилъ Іотама, Іотамъ ⁸⁾ [родилъ] Аказа, Аказъ родилъ Езекію, Езекія родилъ Манасе, Манасе родилъ Амона, Амонъ родилъ Іосію, Іосія родилъ Іоакима, Іоакимъ родилъ ⁹⁾ Іехонію, Іеховія родилъ Салатаела, Салатаелъ ¹⁰⁾ родилъ Зорабабеля, Зорабабель родилъ Абіуда, Абіудъ родилъ Еліакима, Еліакимъ родилъ Авора, Аворъ родилъ Садука, Садукъ родилъ Акима, Акимъ родилъ Еліуда, Еліудъ родилъ Еліазара, Еліазаръ родилъ

¹⁾ Въ оригиналѣ Накуръ, что произошло, безъ сомнѣнія отъ смѣшенія буквы **О** (о) хуцури съ буквою **О**, (у). Такихъ примѣровъ ниже будетъ много.

²⁾ Отъ Сема до Аврама родословіе взято изъ XI книги Бытія.

³⁾ Въ оригиналѣ: Абрамъ, въ Т.: Абраамъ.

⁴⁾ Въ оригиналѣ: Исакъ.

⁵⁾ Слова, заключенныя въ прямыхъ скобкахъ здѣсь и ниже, пропущены въ оригиналѣ и добавляются нами изъ Картлисъ-цховреба, преимущественно изъ Теймуразовскаго варианта.

⁶⁾ Въ нашемъ оригиналѣ и въ Т.: Робуамъ.

⁷⁾ Въ нашемъ оригиналѣ Асафъ. Въ Т. и К. Ц.: Аса.

⁸⁾ Въ Т.: Іоатамъ.

⁹⁾ Въ К. Ц. и въ Т. нѣтъ трехъ послѣднихъ словъ.

¹⁰⁾ Въ К. Ц.: Салатіель.

Матаѳана, Матаѳанъ ¹⁾ родилъ Іакова, Іаковъ родилъ Іосифа, Іосифа ²⁾ мужа Маріи ³⁾, [и] брата Іосифа ³⁾ Клеопу ⁴⁾, Клеопа родилъ Наома, Наомъ родилъ Салу, Сала родилъ Робуама, Робуамъ ⁵⁾ родилъ Мохтара, Мохтаръ ⁶⁾ родилъ Еліакима, Еліакимъ родилъ Веніамина, Веніаминъ родилъ Робема, Робемъ ⁷⁾ родилъ Моисея, Моисей родилъ Іуду, Іуда родилъ Еліазара, Еліазаръ родилъ Лева, Левъ родилъ Іарома, Іаромъ ⁸⁾ родилъ Манасе, Манасе родилъ [Іакова, Іаковъ родилъ Микію, Микія] родилъ Іоакима, Іоакимъ ⁹⁾ родилъ Робуама, Робуамъ ¹⁰⁾ родилъ Аврама, Аврамъ родилъ Іова, Іовъ родилъ Ахава, Ахавъ родилъ Свимона, Свимонъ родилъ Изикара, Изикарь родилъ Абію, Абія родилъ Гаада, Гаадъ ¹¹⁾ родилъ Асера, Асеръ родилъ Ісаака, Ісаакъ родилъ Дана, Данъ родилъ Соломона, Соломонъ родилъ семь братьевъ, которыхъ даровалъ ему Богъ во время плѣна.

2. Эти семь братьевъ, сыновья названнаго Соломона, прибыли въ Еклець ¹²⁾ передъ царицею Ракаэль ¹³⁾ и приняли

¹⁾ Въ К. Ц. и въ Т.: Матаѳанъ.

²⁾ Это слово не повторяется въ К. Ц. и въ Т.

³⁾ Отъ Аврама до Іосифа, отца Маріи, родословіе взято изъ I главы евангелія, отъ Матаѳея.

⁴⁾ Во всѣхъ спискахъ К. Ц. сказано: Іаковъ родилъ Іосифа, мужа Маріи и брата Клеопы.

⁵⁾ Въ К. Ц. и въ Т.: Робуамъ.

⁶⁾ Въ К. Ц. и въ Т.: Мухтаръ.

⁷⁾ Въ К. Ц. и въ Т.: Іеробемъ.

⁸⁾ Въ К. Ц. и въ Т.: Іарамъ.

⁹⁾ Въ К. Ц. и въ Т.: Іоакимъ.

¹⁰⁾ Въ К. Ц.: Іерубемъ. Въ Т.: Іуробемъ.

¹¹⁾ Въ К. Ц.: Гадъ.

¹²⁾ Еклець, по мнѣнію Сенъ-Мартена, то же самое, что Акилисене, провинція Верхней Арменіи, у истоковъ Евфрата, извѣстная у армянъ подъ названіемъ Егегеатсъ или Егегетсъ (см. S.-Martin: Mémoire sur l'Arménie. t. I, p. 45). Броссе сближаетъ еще эту провинцію съ провинціей Егегикъ или Егегнадзоръ, лежащей въ центрѣ Сюніи, гдѣ царевичъ Вахуштъ отмѣчаетъ рѣчку Еклекисъ-цкали на картѣ № 4 своей Географіи Грузіи. Названіе Еклекци встрѣчается еще въ К. Ц. три раза (см. Н. Г. р. 218. п. 3, 40, 162, 322, п. 3).

¹³⁾ Царица эта въ исторіи неизвѣстна.

крещеніе отъ нея ¹⁾). Они остались въ странѣ армянской, и съ тѣхъ поръ до настоящаго времени сыновья ихъ владычествуютъ въ Арменіи. Четыре брата ихъ пришли въ Картлію. Одного изъ нихъ, по имени Гуарама ²⁾, поставили эриставомъ ³⁾, и эти грузинскіе Багратиды суть потомки ⁴⁾ и родственники того Гуарама. Братъ же Гуарама, по имени Саакъ ⁵⁾, отправился въ Кахетію и посредствомъ брака породнился съ Персесомъ, а два другихъ брата ихъ, по имени Асамъ и Варза-Вардъ ⁶⁾ отправились въ Кабечанъ ⁷⁾, убили они персидскаго спасалара, покорили Камбечанъ и остались тамъ жить въ Хорнабуджѣ ⁸⁾. Сыновья ихъ до сего времени владычествуютъ въ немъ. Но съ тѣхъ поръ какъ сыновья Горгаслана лишились царской власти, съ того времени до этихъ Багратидовъ власть въ Картліи принадлежала азнаурамъ (дворянамъ), но и власть азнауровъ грузинскихъ пресѣклась по причинѣ не-

¹⁾ Эта часть Исторіи Сумбата, кромѣ заглавія, отъ начала до сего мѣста имѣется во всѣхъ спискахъ Вахтанговской редакціи К. Ц., но въ спискѣ царицы Маріи, въ Исторіи Сумбата, этой части хроники нѣтъ.

²⁾ Въ Т. и К. Ц. это слово, какъ здѣсь, такъ и во многихъ другихъ случаяхъ приводится въ формѣ Гурамъ.

³⁾ Т. прибавляетъ: Онъ и есть эриставъ Картліи и родоначальникъ Багратидовъ.

⁴⁾ Въ оригиналѣ შვილი-შვილები — собственно сыновья сыновей т. е. внуки, но въ данномъ случаѣ это слово нужно понимать въ смыслѣ потомки.

⁵⁾ Транскрипція этого слова въ оригиналѣ საკე — Саакъ, въ Т. საკე — Саакъ.

⁶⁾ Въ нашемъ оригиналѣ: Варзъ-Вардъ, но ниже Варза-Вардъ. Въ Т. тоже Варза-Вардъ.

⁷⁾ Камбечанъ Камბოჭანი Стравона, область между Іорою и Алазанью, известная у грузинъ еще подъ названіемъ Кизикія. Названіе происходитъ, вѣроятно, отъ грузинскаго слова კამბეჩი (камбечи) буйволъ.

⁸⁾ Эта форма Т. Въ нашемъ оригиналѣ: въ Харнабуджѣ. Хорнабуджъ былъ главнымъ городомъ Камбечюана, или Кизикія.

честивыхъ ихъ дѣлъ ¹⁾).

3. Въ то время въ Мцхетѣ католикосомъ былъ Свимонъ-Петръ, и Мцхета стала рѣдѣть, а Тифлисъ населяться, Армазъ сталъ падать, а Кала возвышаться. Персы властвовали въ Картліи, Кахетіи, Эрети, Сомхитіи, Сивнетіи ²⁾ и Аспораганѣ ³⁾. Къ тому времени католикосомъ въ Мцхетѣ былъ Самовель, и собралась вмѣстѣ вся Картлія и выбрали эриставомъ Гуарама ⁴⁾, изъ потомковъ Давида, пришедшаго вмѣстѣ съ своими братьями, Осамомъ ⁵⁾ и Варва-Вардомъ, о которыхъ мы выше упоминали.

4. Эти братья евреи, пришедшіе изъ плѣна, изъ страны филистимской, направились сюда въ Картлію изъ Еклеца. Въ Еклецѣ же они были крещены царицею Ракаэль, которая тремъ изъ нихъ измѣнила имена, ибо одного назвала Мошале ⁶⁾, другого Багратомъ (онъ же и есть отецъ Багратидовъ), а третьяго Абгаваромъ; одного взяла себѣ зятемъ, а двухъ другихъ породнила посредствомъ брака съ царями Арменіи.

5. Эти четыре брата, какъ мы выше упомянули, направились въ Картлію и Гуарама ⁷⁾ сдѣлали эриставомъ ⁸⁾, а царь

¹⁾ Относительно пресѣченія царской власти въ Грузіи см. выше стр. 41, прим. 3.

²⁾ Въ нашемъ текстѣ *Սոսբյոնե* — Саванетіи, въ Т. *Սոսբյոնե* — Сивнетіи. Сивнетія это сюнийская провинція Великой Арменіи, владѣніе Орбеліановъ (см. S.-Martin. *Mémoires sur l'Arménie* t. I, p. 142).

³⁾ Въ оригиналѣ сказано: Аспораганѣ. Должно быть Аспораканѣ или Васпураканѣ. Это Аспорахън или Васпарахън грековъ, одна изъ провинцій Великой Арменіи, которая простиралась отъ горъ къ югу отъ озера Вана до Аракса (S.-Martin. *Mémoire sur l'Arménie*, t. I, p. 123).

⁴⁾ Этотъ параграфъ до этого мѣста есть повтореніе текста Обращенія Грузіи (см. выше, стр. 42).

⁵⁾ Т.: Асамомъ.

⁶⁾ Т.: Одного назвала Мушель.

⁷⁾ Т.: Гурама.

⁸⁾ Часть Исторіи Сумбата отъ словъ „они остались въ странѣ

греческій далъ ему въ знакъ почета титулъ куропалата ¹⁾.

6. Этотъ, *Гуарамъ*, положилъ основаніе церкви Креста, которая находится въ Мцхетѣ ²⁾.

7. Между тѣмъ три другихъ брата отправились въ Кахетію, и Саакъ породнился посредствомъ брака съ Бакуромъ, сыномъ Нерсеса, а Усамъ ³⁾ и Варза-Вардъ отправились въ Камбечоанъ ⁴⁾, возмутили народъ противъ Везана, эристава [Барамъ-Чубина, убили Везана] ⁵⁾ и покорили Камоечанъ.

8. Католикосомъ въ то время въ Мцхетѣ былъ Самовель, и при немъ жители Тифлиса стали строить церковь, половину которой строилъ весь народъ, а другую—одна какая-то

армянской“ до этого мѣста сохранилась, кромѣ нашего текста, еще въ Теймуразовскомъ спискѣ безъ измѣненія какъ продолженіе предыдущаго (см. листы рукописи 104—105 verso). Въ другихъ спискахъ К. Ц. цѣльнаго отрывка нѣтъ, а отдѣльныя фразы вклеены тамъ и сямъ въ текстъ К. Ц.

¹⁾ Т.: „Этому Гураму кесарь далъ въ знакъ почета титулъ куро-палата и прислалъ въ Мухету“. Этой фразѣ въ спискѣ Т. предшествуетъ киноварное заглавіе: Тридцать девятый (царь) Картліи, куропалатъ Гурамъ, Багратидъ. Но этотъ Гурамъ былъ по матери Хосроидъ, а по отцу Багратидъ, и эти (грузинскіе) Багратиды суть потомки и родственники того Гурама куропалата (л. 405 verso).

²⁾ Этотъ параграфъ составляетъ повтореніе текста Обращенія Грузин (стр. 42—43). Указаннаго параграфа въ данномъ мѣстѣ нѣтъ въ Теймуразовскомъ спискѣ, а подъ заглавіемъ, приведеннымъ въ предыдущемъ примѣчаніи, слѣдуетъ текстъ К. Ц., а не Сумбата (Н. Г. р. 219—222).

³⁾ Т.: Асамъ. Выше въ нашемъ текстѣ было Осамъ. Здѣсь опять смѣшеніе О, и Ог.

⁴⁾ Т.: Камбечанъ.

⁵⁾ То, что здѣсь заключено въ прямыхъ скобкахъ, составляетъ добавленіе К. Ц., которое имѣется и въ Теймуразовскомъ спискѣ.

женщина ¹⁾), и католикосомъ былъ въ Мцхетѣ Бартломе ²⁾.

9. Послѣ этого Гуарама эриставомъ былъ сынъ его Стефаносъ, братъ Деметре, и онъ продолжалъ постройку церкви Креста въ Мцхетѣ ³⁾. При немъ Ираклій, царь греческій, за-

¹⁾ Этотъ и предыдущій параграфъ Исторіи Сумбата цѣликомъ повторяется только въ спискѣ Теймураза, въ другихъ спискахъ К. Ц. Вахтагановской редакціи отдѣльныя части и фразы этого мѣста хроники вклеены тамъ и сямъ въ текстъ К. Ц. и въ отдѣльности цѣльнаго текста нельзя прослѣдить. Теймуразовскій списокъ, желая какъ бы связать предыдущій параграфъ съ текстомъ Сумбата, прерваннымъ рассказомъ К. Ц. о Гуарамѣ; приводитъ обычную въ такихъ случаяхъ фразу: „но мы вернемся къ первому (т. е. прерванному) рассказу“ (л. рукописи 106 verso).

²⁾ Въ К. Ц. этотъ католикосъ упоминается при сынѣ и преемникѣ Гуарама Стефаносѣ. Разбираемый параграфъ повторяется и въ „Обращеніи Грузіи“, только въ послѣднемъ источникѣ сказано, что другую половину церкви строили эриставы (см. выше стр. 43).

³⁾ Выше мы привели переводъ текста списка царицы Маріи относительно пресѣченія царской власти въ Грузіи и назначенія Гуарама эриставомъ Картліи со стороны греческаго императора (см. стр. 41, прим. 2 и стр. 42, прим. 4). Тутъ же мы замѣтили, что какъ Обращеніе Грузіи, такъ и текстъ К. Ц. списка Маріи, въ исторіи Сумбата, Гуарама не считаютъ Багратидомъ. Дальнѣйшая исторія грузинскихъ эриставовъ до этого Стефаноса въ спискѣ Маріи, въ Исторіи Сумбата, представлена въ такомъ видѣ: „Тогда кесарь (это служить продолженіемъ текста списка Маріи, приведеннаго на 42 стр. въ 4 примѣчаніи) прислалъ Гуараму куропалату большую сумму денегъ и приказалъ вывести на эти деньги съ сѣвера войска [присоединить къ нимъ войска Картліи] и отправить ихъ въ Персію. Гуарамъ исполнилъ порученіе. Онъ привелъ осовъ, урдзуковъ (въ К. Ц. дурдзуковъ) и дидойцевъ и далъ имъ въ предводители эриставовъ Картліи. Войска вступили въ Адарбадаганъ и начали опустошать его. Когда такія бѣдствія и заботы были причинены персамъ, въ странѣ ихъ появился человекъ, котораго звали Барамъ-Чубиномъ. Онъ сразился съ турками, вступившими въ Персію, какъ это ясно написано въ лѣтописи персовъ, убилъ царя турокъ и обратилъ въ бѣгство ихъ полки. Между тѣмъ греческія войска, которыя

вернулъ по пути въ [Грузію] и пришелъ въ Тифлисъ. Онъ

были посланы въ Персію, вернулись и пришли домой, а посланные Гуарамомъ куропалатомъ сѣверяне, [оставшись одни], тоже вернулись домой, ибо они побоялись персовъ, послѣ того какъ послѣдніе освободились отъ турокъ; грузинами *тоже* овладѣли боязнь и страхъ передъ персами. Гуарамъ куропалатъ началъ укрѣплять замки и города. Богъ снова явилъ милость христіанамъ, и другого рода бѣдствію подвергся царь персидскій, [ибо тотъ же Барамъ-Чубинъ отложился отъ него] и выжгли глаза царю Урмизду [и] его шуринамъ. Началась борьба между Чубиномъ и Касре [Амбарвезомъ]. Касре потерпѣлъ поражение и отправился въ Грецію. Кесарь Маврскій выдалъ за него замужъ свою дочь, снабдилъ его войскомъ и отправилъ противъ Чубина. *Побѣжденный* Чубинъ бѣжалъ въ Персію, [и Касре Амбарвезъ овладѣлъ всей страной]. Тогда кесарь Маврскій возымѣлъ заботу о грузинахъ предъ Касре и сказалъ ему: „Съ тѣхъ поръ какъ грузины оставили идолопоклонство, они пребывали въ повиновеніи у грековъ, и только во время могущества вашего Картлія была опустошена *вами*, и никакого другого права вы не имѣете на нее. Такъ какъ мы отнынѣ по волѣ Божіей пребываемъ въ любви другъ къ другу, то Картлія пусть будетъ между нами свободной и мирной, [ибо] я защитникъ и помощникъ всѣхъ грузинъ и всѣхъ христіанъ“. Тогда царь персовъ принялъ предложеніе кесаря, грузины сдѣлались независимыми, и Гуарамъ куропалатъ пребывалъ въ повиновеніи у грековъ. Гуарамъ былъ человекъ вѣрующій и строитель церквей. Онъ началъ церковь Честнаго Креста (крестъ же до сего времени находился на открытомъ полѣ) и довелъ ее до пояса. Онъ царствовалъ мудро и мирно, но картлійскихъ эриставовъ не могъ смѣнить съ своихъ мѣстъ, такъ какъ послѣдніе имѣли грамоты относительно закрѣпленія за ними [ихъ эриставствъ] какъ со стороны царей персидскихъ, такъ и со стороны греческихъ императоровъ. Но эриставы пребывали въ повиновеніи Гуарама куропалата. [У этого Гуарама куропалата было два сына, изъ которыхъ одного звали Стефаносъ, а другого Деметре]. И умеръ католикосъ Свимонъ, и сѣлъ Самовель, и умеръ католикосъ Самовель, и посадили католикосомъ Самовеля же. Этого же [Гуарамъ] куропалатъ возобновилъ фундаментъ Тифлискаго Сіона, [который былъ оконченъ послѣ этого Гуарама, во время мтавара Адарнаса Перваго; половина была построена какою-то женщиной-вдовой, а другая—всѣмъ народомъ. Адарнасъ въ свою очередь при-

расположился противъ крѣпости Калы. Начальникъ крѣпости, направивъ голосъ къ Ираклію, закричалъ ему изъ крѣпости ¹⁾: „У тебя борода козла и [шея] злого козла“ ²⁾. Тогда царь

нялъ участіе въ постройкѣ его], ибо родственники благочестиваго царя Миріана всѣ были строителями церквей. (Въ изданіи Броссе, какъ и въ другихъ вариантахъ К. Ц. Вахтанговской редакціи, часть разсказа отъ словъ: „Онъ царствовалъ мудро“ до словъ: „Этотъ же Гуарамъ куропалатъ возобновилъ“ помѣщается послѣ этого мѣста нашего текста).

И умеръ Гуарамъ куропалатъ, и сѣлъ вмѣсто него сынъ его Стефанось. Но и этотъ Стефанось, боясь персовъ и грековъ, не позволялъ себѣ титуловаться царемъ, а его считали мтаваромъ (т. е. главою) ариставовъ. И умеръ католикосъ Самовель, и названный Стефанось посадилъ католикосомъ Бартоме. Этотъ Стефанось былъ невѣрующій и не боящійся [Бога]. Онъ ничѣмъ не послужилъ Богу; не споспешествовалъ вѣрѣ и не умножалъ церквей. Въ его время въ Греціи произошли большія смуты, ибо воинъ Фока возсталъ противъ кесаря Маврикія, убилъ его и его дѣтей и покорилъ Грецію. Тогда царь персидскій Касре, зять кесаря, сталъ мстить за кровь тестя своего и шуриновъ; онъ вступилъ въ Грецію и подвергъ ее опустошенію. Онъ такъ усилился надъ греками, что кесарь Фока не могъ устоять противъ него. Между тѣмъ Стефанось, мтаваръ Картліи, боясь персидскаго царя, отложился отъ грековъ и присоединился къ персамъ. Тотъ же царь Касре въ то же самое время разгромилъ Іерусалимъ и взялъ съ собою Древо жизни, послѣ чего милость рукъ Божіихъ покинула его. Онъ былъ схваченъ своимъ сыномъ и посаженъ въ [мрачную] темницу, гдѣ онъ и умеръ отъ тяжкой болѣзни. При этомъ Стефанось Мцхета стала убывать, а Тифлисъ усиливаться, Армазъ сталъ падать, а Кала возвышаться. Братъ Стефаноса Деметре продолжалъ постройку церкви Честнаго Креста, но одержимый тяжкою болѣзью онъ не могъ докончить дверь церкви“ (Списокъ царицы Маріи, мое изданіе, стр. 190—194. Слова и фразы, заключенныя въ прямыхъ скобкахъ, составляютъ дополненія изданія Броссе и другихъ списковъ К. Ц. Вахтанговской редакціи).

¹⁾ Т.: ругать царя Ираклія и сказалъ.

²⁾ Въ нашемъ текстѣ сказано: ჯვ-ბორცისა—злого козла. Въ текстѣ списка Маріи тоже самое: ჯა ჯვ-ბორცისა კისერო გათქს—

Ираклій, услышавъ это, исполнился гнѣва противъ него и вычиталъ изъ книги пророка Давиила слѣдующее слово: „Пришелъ козелъ Запада и сокрушилъ рога восточнаго овна“. Царь сказалъ ¹⁾: „Если это слово относится ко мнѣ, то я, за дерзость по отношенію ко мнѣ, воздамъ тебѣ двойное наказаніе“. И, оставивъ въ Тифлисѣ для завоеванія крѣпости эристава Джибгу ²⁾, самъ направился въ Багдадъ ³⁾, пришелъ въ Гардабанъ къ Варазу-Гагелу ⁴⁾ и расположился лагеремъ

шея злого козла, но въ Теймуразовскомъ спискѣ и въ изданіи Броссе читаемъ болѣе правильную редакцію: *და ვაც-ბორღოცისა კისერნი ვაქუს* — и шея козла-вожака. Форма *ვაც-ბოტი* подтверждается и Обращеніемъ Грузіи: *უგბო ჰერაკლეს ვაც-ბოტობით* — обозвалъ Ираклія козломъ, но *ვაც-ბოტი* собственно значитъ козелъ для приплода, козелъ-вожакъ.

¹⁾ Т. прибавляетъ: ругателю своему.

²⁾ Т.: „Оставилъ въ Тифлисѣ эристава, котораго звали Джибгу, и приказалъ ему взять крѣпость Калу“.

³⁾ Этотъ параграфъ Исторіи Сумбата до этого мѣста есть повтореніе текста Обращенія Грузіи съ нѣкоторыми варіаціями (см. выше, стр. 44).

⁴⁾ Здѣсь въ нашемъ текстѣ, равно какъ во всѣхъ спискахъ К. Ц., какъ здѣсь такъ и ниже, это имя приводится въ формѣ Варазъ-Гагелъ, но въ Обращеніи Грузіи (стр. 44) стоитъ форма Варазъ-Григолъ. Ниже нашъ текстъ тоже приводитъ форму Варазъ-Григолъ. Поэтому слѣдуетъ отдать предпочтеніе послѣдней формѣ, тѣмъ болѣе, что армянскій писатель Моисей Каганкатваци, повидимому, имѣетъ въ виду этого Варазъ-Григола, когда упоминаетъ о Варазѣ-Григорѣ въ генеалогіи племени Михра или Михрана, происшедшаго изъ рода Сассанида Хозроя и сдѣлавшагося владѣтельнымъ въ Албаніи или въ Агованіи армявъ. Сынъ Михрана, по Моисею, былъ Армаэль, сынъ Армаэля Вардъ, сынъ Варда храбрый Варданъ, который въ три года построилъ крѣпость Гардманъ, сынъ Вардана Вардъ. Вардъ родилъ Варазмана, госпожу Шушикъ и Варазъ-Григора, первою князя агванскаго, который принялъ крещеніе отъ Виро, католикоса агванскаго. У Варазъ-Григора было четыре сына: Варазъ-Перожъ, Джаванширъ, Езудъ-Хозровъ и Варазманъ (Паткановъ. Исторія Агванъ Моисея Каганкатваци, стр. 135—137. Въ другомъ мѣстѣ у автора повторяется эта генеалогія съ прибавленіемъ другихъ

въ мѣстности, извѣстной подъ названіемъ Хузашени. Ираклій крестилъ Вараза-Григола ¹⁾ и весь его народъ и приступилъ къ постройкѣ церкви, которая блистательнѣе всѣхъ церквей. Отсюда онъ отправился въ Бердуджъ, остановился посреди деревни, воздвигъ каменный крестъ, положилъ основаніе церкви Пресвятой Богородицы и кончилъ *постройку* ея купола ²⁾.

10. Между тѣмъ Джибгу взялъ Тифлисскую крѣпость ³⁾,

потомковъ, см. стр. 276—270. Генеалогическую таблицу Михракановъ, составленную Паткановымъ по Моисею, см. на стр. 342). Впрочемъ, мы не думаемъ, чтобы одно изъ двухъ прозвищъ Вараза, встрѣчающееся въ нашемъ источникѣ, было ошибочное, потому что Григоль, или Григоръ, должно было быть имя, а Гагелемъ (т. е. изъ Гага) онъ назывался, вѣроятно, какъ житель и обладатель Гагской крѣпости.

¹⁾ Т.: эристава Вараза-Гагела. Нужно полагать, что Варазъ былъ Григоріанской вѣры и Ираклій привелъ его въ православіе (Н. Г. р. 228, п. 5).

²⁾ Эта часть Исторіи Сумбата отъ словъ: „пришелъ въ Гардабанъ“ не имѣется ни въ Обращеніи Грузіи ни въ текстѣ К. Ц. списка царицы Маріи, конечно, ни въ Исторіи Сумбата.

³⁾ Т.: „Между тѣмъ эриставъ Джибгу въ продолженіе немногихъ дней овладѣлъ Калой и завоевалъ Тифлисскую крѣпость“. Этотъ Джибгу былъ предводитель, или хаканъ хазарскаго войска, явившійся на помощь Ираклію и имѣвшій свиданіе съ нимъ подъ стѣнами Тифлиса въ 626 году. Византійскіе писатели называютъ его Зибелемъ, а армянскіе Джембухомъ (см. Себеосъ, Исторія Императора Иракла, переводъ Патканова гл. XVIII и XIX) и Джебу-Хаганомъ (Исторія Агванъ Моисея Каганкатвацц, пер. Патканова, кн. II, гл. 11 и 12). Еще въ VI вѣкѣ, при Хосроѣ Нуширванѣ, турецкій хаканъ называется у Менадра Зилзибуль, у Табари Синджибу. Приводя эти имена, Паткановъ замѣчаетъ, что „Зибель VII вѣка и Зилзибуль VI вѣка, кажется, тождественны какъ титуль, а не какъ собственныя имена, и что слѣдовательно, въ Джембу мы также должны видѣть званіе, а не собственное имя лица“ (Ванскія надписи и значеніе ихъ для исторіи передней Азіи. О древней грузинской хроникѣ, стр. 262—264).

Въ Житіи грузинскихъ святыхъ Давида и Константина, рассказы

плѣнилъ начальника крѣпости и наполнилъ ему ротъ дра-

вается, что Ираклій поѣхалъ въ страну комановъ или кипчаковъ и далъ свою дочь въ супруги ихъ царю, котораго взялъ съ собою на помощь съ многочисленнымъ войскомъ и отправился въ Персію (см. рукопись Шюмгвим. Церковнаго музея № 170, стр. 155. Рай Грузіи Сабинина, стр. 323).

Подробности объ осадѣ Тифлиса хазарами и иракліемъ мы читаемъ въ Исторіи Агванъ Моисея Каганкатваца, который, упомянувъ о разграбленіи Агованіи хазарами подъ предводительствомъ Джебу-Хагана, продолжаетъ:

„Послѣ всего этого потоки бурной рѣки поднялись и устремились противъ Иверіи, окружили и осадили изиѣженный, торговый, славный и великій городъ Тифлисъ. Узнаетъ о томъ и великій императоръ. Собравъ всѣ войска своего могущества, онъ немедленно пришелъ къ сподвижнику своему; и послѣ взаимныхъ даровъ и приношеній, они весьма радовались при видѣ другъ друга.

Тамъ надо было видѣть ужасы людей заключенныхъ въ крѣпости; ихъ постигли несчастіе за несчастіемъ. Но такъ какъ еще не настало время, то Хозрой, узнавъ о прибытіи двухъ великихъ государей къ городу, прежде чѣмъ началась осада, поспѣшилъ прислать къ нимъ на помощь и на защиту города искуснаго и храбраго воителя, полководца своего Шаргапага, и съ нимъ около 1000 человекъ избранныхъ всадниковъ изъ тѣлохранителей и стражи своей. Увидя присланныхъ къ нимъ на помощь соратниковъ мощныхъ и искусныхъ, жители города ободрились и стали насмѣхаться надъ обоими царями. Хотя они и видѣли несмѣтное множество войска Сѣвера и Запада, которые подобно громамъ устроились около города махины четырехъ-колесныя и другія разнообразныя, изобрѣтенныя римскими инженерами орудія, которыми они мѣтко поражали стѣны и отламывали огромные камни; хотя они видѣли также огромные надутые бурдюки, наполненные камнемъ и пескомъ, которыми они обращали назадъ въ городъ рѣку Куръ, омывающую одну часть города, но, не страшась ничего, ободряли другъ друга и разрушенное ими снова задѣлывали и укрѣпляли.

Послѣ того какъ войска обоихъ царей были ослаблены, отражены и утомлены, когда немалое число пѣхоты ихъ пало въ битвѣ, цари разсуждали между собою и говорили: „Къ чему намъ губить войска наши; не правда ли, если мы свяжемъ сильнаго, то домъ его разграбимъ, какъ намъ угодно“.

Тогда великій и мстительный императоръ Ираклій обдумалъ и

конами. Это за то, что тотъ сказалъ хвалу царю Ира-

устроилъ какъ надо было поступить, и сказалъ мужу, пришедшему къ нему на помощь: „Возвратись съ миромъ съ войсками своими въ нынѣшнемъ году на мѣсто свое, ибо мы видимъ утомленіе ваше. Вы не въ состояніи во время этого лѣтнаго зноя достигнуть страны ассирійской, гдѣ у великой рѣки Тигра стоитъ столица персидская. При наступленіи слѣдующаго года, по истеченіи жаркихъ мѣсяцевъ, немедленно выступи сюда, и мы исполнимъ желаніе наше. Я между тѣмъ не перестану воевать съ царемъ персидскимъ и подвергать опасности страны и подданныхъ его, и до тѣхъ поръ буду употреблять хитрость, пока его умертвятъ свои же!“ Услышавъ объ ихъ утомленіи и отступленіи, жители города еще болѣе возгордились въ сердцахъ своихъ, и сыграли игру своей гибели: они принесли огромную тыкву, нарисовали на ней изображеніе царя гунновъ, аршинъ въ ширину и аршинъ въ длину; вмѣсто рѣсницъ нарисовали нѣсколько обрѣзанныхъ вѣтвей, которыхъ никто не могъ видѣть; мѣсто бороды оставили безобразно голымъ; мѣсто ноздрей носа шириной въ локоть, рѣдкіе волосы на усахъ. Едва-ли кто нибудь могъ узнать его.

Они принесли это и поставили на стѣнѣ противъ нихъ и кричали: „Вотъ, царь-государь вашъ, возвратитесь, поклоняйтесь ему; это Джебухакантъ“, и взявъ въ руки копья, кололи и пронзали тыкву, изображающую лицо его; также издѣвались и насмѣхались надъ другимъ царемъ, называя его сквернымъ и мужеложникомъ. Увидя и слыша то, цари досадовали, приходили въ ярость, собирали злобу въ сердцахъ своемъ, качали головой и великими проклятiями клялись, что: ни одна душа не останется въ царствѣ ихъ, пока они не выместятъ злобы своей за оскорбленія, которыя нанесены были имъ. И обративъ лица свои, оба царя ушли съ тѣми же угрозами“ (Исторія Агванъ, стр. 107—109).

Второй походъ хазаръ и взятіе Тифлиса тотъ же Моисей описываетъ такъ: „Выступилъ хищный звѣрь сѣверный (т. е. хазарскій царь) съ кровожаднымъ орленкомъ своимъ Шатомъ. Онъ прежде всего обратилъ лицо свое противъ Иверіи и города Тифлиса, и никого не нашелъ въ немъ изъ прежнихъ храбрыхъ мужей, а нашелъ удобный случай отмстить за прежнія ихъ оскорбленія. Когда онъ окружилъ городъ и сталъ битвами притѣснять жителей его, то и они (т. е. жители города Тифлиса) обратились противъ него, и жестоко бились въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, тщетно борясь противъ смертнаго приговора; страхъ проли-

кляю ¹⁾), а за оскорбленіе царя онъ снялъ съ него кожу и по-

тѣ крови ихъ, долженствующій наступить скоро, сильно терзалъ ихъ.

Тогда зарычалъ ужасный звѣрь надъ ними, плѣвилъ и потопилъ многихъ изъ черни; лѣса свои наполнилъ дичью, а войска свои грабежомъ. Педнявъ мечи свои, они всѣ устремились на стѣны, и все это множество, нагромоздясь другъ на друга, поднялось выше стѣнъ, и мрачная тѣнь пала на бѣдственныхъ жителей города; отвалились суставы членовъ ихъ, ослабили руки ихъ; они были побѣждены, отступили отъ стѣнъ, и какъ птички, захваченныя тенетами охотниковъ, въ недоумѣніи, многіе изъ нихъ не могли дойти до дому своего, чтобъ принести страшную и печальную вѣсть, приказать скрыться любимой супругѣ, или похлопотать о рожденіяхъ чрева своего; родителямъ нѣкогда было думать о родительскихъ обязанностяхъ. Напротивъ того, столкнувшись, они старались скрыться, нѣкоторые на кровляхъ домовъ, другіе въ трубахъ. Но многіе устремились подъ святыя своды церкви, и ухватились за уголь алтаря. Стоны и вопли матерей къ дѣтямъ раздавались, подобно бляннію многочисленнаго стада овецъ къ ягнятамъ своимъ. За ними вслѣдъ бросались жнецы немилосердые; руки ихъ проливали потоки крови; ноги ихъ давили трупы; глаза ихъ смотрѣли на падшихъ, какъ на груды града. Когда прервались голоса, вопли и стоны, и когда ни одинъ не остался въ живыхъ, тогда только узнали они (хищники), что насытились мечи ихъ. Тогда привели и двухъ правителей, изъ которыхъ одинъ былъ намѣстникомъ со стороны Персіи, другой изъ настоящихъ жителей города, изъ племени князей иверскихъ. Схвативъ ихъ, привели связанныхъ предъ царя, который приказалъ выколоть имъ глаза, потому что они нарисовали портретъ его слѣпымъ, желая его оскорбить, и потопилъ ихъ въ страшныхъ мученіяхъ.

Содравъ съ нихъ кожу, выдѣлавъ и наполнивъ ихъ сѣномъ, повѣсили ихъ съ верху стѣнъ.

Тогда хищники простерли свои руки къ сундукамъ награбленныхъ сокровищъ; все безчисленное войско, тяжело нагружившись, приносило предъ своего повелителя груды и громады сокровищъ, и такъ много они принесли, что утомительно было глядѣть на несмѣтное количество талантовъ золота и серебра. Но кто въ состояніи рассказать объ украшеніяхъ церквей, объ утвари, унизанной жемчугомъ?“ (ibid. стр. 119—120)

¹⁾ Т.: Это за то, что словамъ его кесарь обрадовался, ибо онъ сказалъ хвалу царю Ираклію.

слалъ въ догонку царю въ Гардабанъ, къ Варазу-Григолѣ¹⁾.

11. Изъ Гардабана царь перешелъ въ Лаль; позвалъ къ себѣ правителя мецекевнцевъ и крестилъ его²⁾. [Отсюда] онъ отправился въ Багдадъ³⁾, завоевалъ Багдадъ, плѣнилъ царя Хуасро и заставилъ его выдать Древо жизни⁴⁾. Онъ приступилъ къ возобновленію Іерусалима, поставилъ тамъ патріархомъ Модистоса и направился обратно сюда и прибылъ въ Грузію на седьмомъ году [послѣ своего отъѣзда].

12. До возвращенія Ираклія тифлисская [Сіонская] церковь была уже окончена, недокончена была только церковь Креста. И царь Ираклій разослалъ проповѣдниковъ въ Тифлисъ, Мцхету и Уджарму, чтобы всѣ христіане вошли въ церкви и всѣ маги и поклонники огня, которые не крестятся, были умерщвлены. Послѣдніе не только не захотѣли креститься, но коварствомъ напустились на христіанъ. Противъ всѣхъ ихъ былъ пущенъ въ ходъ мечъ, и потоки крови потекли въ церквахъ. Очистивъ вѣру Христа, Бога нашего, царь Ираклій отправился обратно въ свое царство. Эриставомъ въ Грузіи былъ тотъ же Стефаносъ Великій. При немъ же былъ католикосомъ другой Бартломе⁵⁾.

¹⁾ Этотъ параграфъ есть повтореніе текста Обращенія Грузіи (см. выше, стр. 44).

²⁾ Этотъ параграфъ до сего мѣста отсутствуетъ въ Обращеніи Грузіи.

³⁾ Этотъ параграфъ до этого мѣста отсутствуетъ въ Т. и Б. Ц., въ которыхъ вмѣсто этого сказано: Но царь Ираклій вступилъ въ Персію.

⁴⁾ Т. прибавляетъ: и убилъ царя Хуасро и взялъ Древо жизни.

⁵⁾ Мы уже видѣли выше, что Обращеніе Грузіи этого Бартломе не называетъ Вторымъ, а замѣчаетъ, что Бартломе былъ католикосомъ во второй разъ (см. выше, стр. 45).

Ходъ походовъ Ираклія противъ персовъ, по извлеченіямъ Броссе изъ Лебо, былъ таковъ: Императоръ выступилъ въ походъ въ 622 г., вступилъ въ Арменію и въ началѣ зимы вошелъ въ Понтъ; въ 623

13. Послѣ него эриставомъ былъ Адарнасе, сынъ Стефаноса. При немъ смѣнились три католикоса: Иоаннъ, Бабила и Таборъ.

14. Послѣ этого [умеръ эриставъ Адарнасе ¹⁾] и сѣлъ

г., въ концѣ похода, онъ прошелъ Адербейджанъ и остался зимовать въ Албаніи; въ 1624 г. его покинули лазы, абазы и иверійцы, которые были въ большомъ количествѣ въ его арміи; въ 626 г. Ираклій вступилъ въ Лазикъ, чтобы дѣйствовать противъ персидскаго полководца Сайса, и произвелъ тамъ большія опустошенія; въ томъ же году онъ имѣлъ свиданіе подъ стѣнами Тифлиса съ Зибелемъ, хаканомъ хазаровъ, на виду персовъ, которые занимали городъ. Извѣстіе К. Ц. (см. выше, стр. 44, прим. 1), что Стефаносъ былъ убитъ въ борьбѣ съ Иракліемъ, если вѣрно, должно было бы имѣть мѣсто въ это время. Впрочемъ, византійскіе источники не упоминаютъ о Стефаносѣ, но зато сообщаютъ, что иберійскій архонтъ Барзамузесь, примкнувшій къ персамъ, попался въ руки Ираклія, послѣ того какъ послѣдній побѣдилъ враговъ недалеко отъ р. Заба 12-го декабря 627 года. Въ 628 г. Хосрой былъ низвергнутъ съ престола его сыномъ Кобадомъ-Сируэ, который заключилъ миръ съ греками и возвратилъ имъ Древо жизни. Возвратясь съ 6-го своего похода, Ираклій прошелъ черезъ Арменію, которая, казалось, одно время была какъ будто расположена принять постановленія Халкидонскаго собора. Наконецъ въ 629 г. императоръ вернулся въ Константинополь, на 7-ой годъ послѣ своего отъезда (Н. Г. р. 225 п. 4, 226, п. 1. Lebeau, t. XI pp. 91, 102, 105, 114, 118, 134, 160),

¹⁾ Моисей Катанкатвацц, вѣроятно, имѣетъ въ виду этого Адарнаса, когда упоминаетъ, что Джеванширъ, правитель Агованіи, послѣ взятія Ктезифона (въ 645 г.), возмущился противъ персовъ и, разбивъ ихъ сначала къ сѣверу отъ города Перозаната (Фируза-Кабада Абуль-Касема), а потомъ въ области Капичанъ (т. е. въ Камбечанъ нашей хроники), внѣ предѣловъ своего родного участка раненый въ голову отдыхалъ на границахъ Иверіи. Тамъ, продолжаетъ нашъ авторъ, многоуважаемый мужъ Атриерсехъ, владѣтель страны, получившій тройной титулъ отъ царя греческаго, пришелъ къ нему и самъ обвязывал ему раны, радуясь великой побѣдѣ его. Заключивъ съ нимъ нерушимый союзъ мира, Джеванширъ взялъ себѣ на помощь войска иверскія, бы стро пошелъ на область Ути и предалъ мечу всѣхъ, кого только встрѣ

эриставомъ] Стефанось, сынъ его. Онъ докончилъ церковь [Креста], учредилъ тамъ собраніе при Крестѣ ¹⁾ и сталъ жить въ Тифлисѣ. Католикосами были Самовель и Енонь. Приемъ же сдѣлали опись страны картлійской и взяли въ Грецію. И пришло извѣстіе, что агаряне заняли Багдадъ ²⁾.

15. Послѣ этого Стефаноса былъ эриставомъ сынъ его Гуарамъ куропалатъ ³⁾, послѣ него — Варазъ-Бакуръ, сынъ его, антипатрикозь, который обратилъ въ христіанство гардабанцевъ; потомъ — Нерсе и его сыновья: Филиппъ, Стефанось и Адарнасе ⁴⁾, и сыновья Адарнасе: Гургенъ эриставъ, Апотъ куропалатъ ⁵⁾.

тилъ изъ войска персидскаго“. Далѣе авторъ сообщаетъ, что, видя славныя побѣды надъ персами Джеваншира, вельможи Арменіи и Иверіи хотѣли избрать ему жену изъ своихъ родовъ, но тотъ взялъ себѣ жену изъ рода Гарухчанъ, дочь князя сисаканскаго, къ вѣчной радости сюнийцевъ. (Исторія Агванъ, стр. 141—143. Н. Г. р. 231, п. 7).

¹⁾ Начиная отъ словъ: „и католикосомъ былъ въ Мцхетѣ Бартоме“ (§ 8) до этого мѣста во всѣхъ спискахъ К. Ц., не исключая и Теймуразовскаго, текстъ Исторіи Сумбата перемѣшанъ съ текстомъ К. Ц., и цѣльнаго текста Сумбата ни въ одномъ спискѣ нельзя прослѣдить. Теймуразовскій списокъ, впрочемъ, содержитъ и въ этомъ мѣстѣ больше фразъ, взятыхъ изъ Сумбата, но въ общемъ и онъ не выдѣляется.

²⁾ Часть Исторіи Сумбата отъ словъ: „отсюда онъ отправился въ Багдадъ“ (§ 11 до) сего мѣста составляетъ повтореніе текста Обращенія Грузинъ съ незначительными варіаціями (см. выше, стр. 44—46). Часть этого параграфа отъ словъ: „и сталъ жить въ Тифлисѣ“ до этого мѣста имѣется только въ Т. (л. 109 verso). Въ другихъ спискахъ К. Ц. эта часть отсутсвуетъ.

³⁾ Послѣ этого Гуарама Обращеніе Грузинъ, какъ мы видѣли, указываетъ еще двухъ эриставовъ (см. выше, стр. 46): Гуарама Молодого и Армушу куропалата, о которыхъ въ нашемъ спискѣ Исторіи Сумбата не упоминается.

⁴⁾ Обращеніе Грузинъ, какъ мы видѣли (стр. 47), въ числѣ сыновей Нерсе указываетъ еще Гуарама, котораго нашъ списокъ Исторіи Сумбата и К. Ц. не знаютъ.

⁵⁾ Мы уже указывали выше (стр. 47, прим. 4 и 5), что Обра

16. Что касается Ашота куроपालата, то онъ былъ вла-

щеніе Грузіи сыновьями Адарнаса считаетъ Стефаноса IV, Ашота куро-
палата и Гуарамъ. Въ Теймуразовскомъ спискѣ К. Ц. совсѣмъ нѣтъ
свѣдѣній объ эриставахъ, перечисленныхъ въ послѣднемъ параграфѣ, а
въ другихъ спискахъ Вахтанговской редакціи приведены тѣ свѣдѣнія,
которыя нами указаны на стр. 47, въ 5 примѣчаніи. Этимъ парагра-
фомъ кончаются свѣдѣнія, вошедшія изъ Обращенія Грузіи въ Исторію
Багратидовъ Сумбата, сына Давида.

Въ спискѣ царицы Маріи, начиная отъ Стефаноса (см. выше, стр. 126,
прим.), до Ашота куроपालата мы находимъ такой рассказъ:

„Стефаносъ былъ мтаваромъ всей Картліи; онъ сѣлъ въ Тифлисѣ
и пребывалъ въ повиновеніи у персовъ. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ
этого, въ Греціи появился человекъ, изъ родственниковъ кесаря Маври-
кія, по имени Ираклій. Онъ убилъ кесаря Маврикія и завладѣлъ всей
Греціей. Сдѣлавшись могущественнымъ, Ираклій призвалъ съ запада ту-
рокъ, собралъ безчисленное войско и во главѣ ихъ выступилъ противъ
Персіи, чтобы вернуть Животворящее древо. Прибывъ сначала въ
[Верхнюю] Картлію, [въ Самцхе, онъ услышалъ о чудесахъ, соверша-
емыхъ иконою, которая была написана Пресвятою Богородицею и дана
ею Андрею Первозванному, и которую послѣдній привезъ въ Ацкуръ и
поставилъ въ маленькой часовнѣ. Пришедъ, чтобы лицезрѣть и покло-
ниться этой иконѣ, кесарь Ираклій въ то же самое время приступилъ къ
закладкѣ фундамента и постройкѣ большой церкви въ Ацкурѣ, которая
затѣмъ была окончена благочестивыми людьми, и съ тѣхъ поръ сдѣла-
лась каедрою епископа. Тогда] названный Стефаносъ, не желая отло-
житься отъ персовъ, укрѣпилъ замки [и города] и расположился въ
Тифлисѣ. Царь Ираклій, придя, окружилъ Тифлисъ. Но Стефаносъ
былъ храбрый и доблестный воинъ; онъ ежедневно выходилъ за ворота-
ми города и сражался съ греками. Тогда въ одной изъ такихъ схва-
токъ Стефаносъ былъ сраженъ и убитъ, и кесарь овладѣлъ Тифлисомъ.
Но въ крѣпости Калѣ остались люди, которые не явились съ покор-
ностью къ Ираклію. Начальникъ крѣпости, ругая царя изъ крѣпости,
сказалъ: „У тебя борода козла и шея злого козла“. Тогда царь, [услы-
хавъ эти слова, сильно разгнѣвался и] сказалъ: „Хотя эготъ человекъ
и назвалъ меня злымъ козломъ для брани, но слово его недурное“. И
онъ взялъ книгу [пророка] Даниила и напелъ въ ней слѣдующее писа-
ніе: „Пришелъ козелъ Запада и сокрушилъ рога восточнаго овна“. Тогда

дѣтелемъ въ этой странѣ, и мѣстопробываніе его было въ

царь обрадовался и убѣдился, что во всемъ предстоитъ ему удача. Затѣмъ кесарь призвалъ сына Бакура, царя грузинскаго, потомка Дачи, Вахтангова сына, который былъ эриставомъ въ Кахетіи и носилъ имя Адарнасе. Онъ далъ ему Тифлисъ и назначилъ мтаваромъ Картліи. вмѣстѣ съ нимъ Ираклій оставилъ эристава, котораго звали Джибгу, съ приказаніемъ взять [крѣпость] Калу, и самъ отправился [въ Багдадъ]. Спустя немного дней, [эриставъ Джибгу и Адарнасе, мтаваръ Картліи] взяли [крѣпость] Калу и плѣнили начальника крѣпости. Эриставъ Джибгу сначала наполнилъ ему ротъ драканами за то, что кесарь обрадовался его словамъ, затѣмъ снялъ съ него кожу и послалъ вслѣдъ за кесаремъ въ Гардабанъ. Это онъ сдѣлалъ за то, что тотъ осмѣлился ругать царя. Такого рода смерти подверглись Стефаносъ и его слуги. Богъ причинилъ это Стефаносу вслѣдствіе того, что онъ жилъ не по волѣ Его, былъ врагъ благочестивыхъ людей и другъ невѣрующихъ.

Тогда греки снова захватили пограничныя области Картліи, Сперъ, нижнюю часть Кларджета и Приморскую область. Сыновья Стефаноса остались въ скалахъ кларджетскихъ; всю остальную Картлію подчинилъ себѣ Адарнасе, сынъ Бакура, въ качествѣ мтавара, но титуловаться царемъ и онъ не рѣшался. Эриставы же оставались въ своихъ эриставствахъ, владѣли ими прочно и повиновались Адарнасу.

Между тѣмъ царь Ираклій вступилъ въ Персію, убилъ царя Хуасро, завоевалъ Багдадъ и взялъ Животворящее древо. На седьмой годъ послѣ своего отъѣзда онъ вернулся въ Картлію. Къ тому времени церковь Честнаго Креста и тифлисскій Сіонъ уже были окончены мтаваромъ Адарнасомъ. Тогда царь Ираклій захватилъ съ собою изъ Манглиса и Эрүшетіи гвозди и доску, на которой были положены ноги Господа нашего Иисуса Христа, и которыя были подарены Константину царю Миріану. Опечаленный этимъ мтаваръ Адарнасе умолялъ кесаря не отнимать этихъ Божескихъ сокровищъ, но кесарь не внялъ его просьбѣ и захватилъ ихъ съ собою.

При этомъ Адарнасъ представились три католикоса: Іоаннъ, Бабила и Таборъ. Умеръ Адарнасе, и сѣлъ мтаваромъ сынъ его Стефаносъ. Этотъ Стефаносъ былъ благочестивѣе всехъ грузинскихъ царей и мтаваровъ, очиститель вѣры и строитель церквей. Онъ окружилъ стѣнами церковь Честнаго Креста, построилъ тамъ дворецъ и предписалъ всѣмъ священнослужителямъ собираться по пятницамъ предъ Честнымъ Крестомъ.

Бардавѣ и Тифлисѣ, и владѣлъ онъ землями, которыя нахо-

И тамъ собирались все епископы и священники того района съ католи-
косомъ во главѣ и съ торжествомъ справляли пятницу, какъ Великую
Пятницу. Въ католикосской церкви были собранія по четвергамъ, и спра-
вляли праздникъ, въ возвеличеніе св. Сіона, наподобіе Великаго Чет-
верга, съ принятіемъ св. даровъ, тѣла и крови Христа. По вторникамъ
были собранія въ Мцхетѣ же, въ епископской церкви, гдѣ поминали
Первомученика Стефана и всехъ мучениковъ, а также и тѣхъ, которые
были замучены во время могущества персовъ, и въ числѣ послѣднихъ
Абибоса, некресскаго епископа, который обратилъ въ христіанство боль-
шую часть мтіульцевъ къ востоку отъ Арагвы, а честное его тѣло было
положено въ епископской церкви въ Мцхетѣ, въ склепѣ, предназна-
ченномъ для епископовъ. Въ день праздника въ честь него собраніе бывало
болѣе многочисленное, чѣмъ во все другіе праздники, равно какъ и слу-
женіе Богу болѣе торжественное.

Въ тѣ времена уже появился Магометъ, потомокъ Исмаила (въ
нашемъ текстѣ по ошибкѣ Соломона), основатель вѣры сарацинъ, и,
покоривъ всю Аравію и Іаманетъ, умеръ. Ему наследовалъ Абу-Бекиръ
(въ нашемъ текстѣ Або-Бикарь), который вступилъ въ Персію, ибо въ
Персіи, послѣ того какъ Ираклій пошелъ походомъ и разгромилъ ее, не
было никого, кто бы могъ противостоять ему. Этотъ Абу-Бекиръ агаря-
нинъ покорилъ Персію, вступилъ въ Багдадъ, силою принудилъ боль-
шинство населенія отречься отъ огнепоклонства и принять вѣру сара-
цинъ. Умеръ Абу-Бекиръ, и наследовалъ ему Омаръ (въ нашемъ текстѣ
отъ смѣшенія буквъ о и у написано Умаръ), который сдѣлался еще болѣе
могущественнымъ. Царю Ираклію доложили, что агаряне уже вступили въ
Шамъ и Джазиретъ, т. е. въ (Сирію) и Месопотамію, и Ираклій вы-
ступилъ въ Палестину, чтобы тамъ дать имъ сраженіе. Но тутъ нахо-
дился одинъ монахъ, человекъ Божій, и онъ сказалъ царю: „Бѣгите на-
задъ [удаленные Сарою или удалившіеся отъ нея], ибо Господь отдалъ
Востокъ и Югъ сарацинамъ, что въ переводѣ значитъ „собака Сары“
(грузинская форма этого слова სარკინოზი — саркинози происходитъ отъ
греческихъ словъ Σαρῆς κόβω). Со словъ того монаха это сказали Ира-
клію астрологи и пророчатели. Ираклій же воздвигъ столбъ и написалъ
на немъ: [Прощай] Месопотамія и Палестина, до тѣхъ моръ пока прой-
дутъ семь седмицъ“. Что касается опредѣленія количества времени
седмицы, то философы нашли въ книгѣ Римсь-Тросаманъ-Иджиитона

дятся вокругъ него. Но тогда усилилось владычество ага-

(по поводу этого названія Броссе замѣчаетъ: *Ce nom est évidemment une altération de celui d'Hermès-Trismégiste. Н. Г. р. 235, п. 1*), что для сарацинъ она равняется двумъстамъ пятидесяти годамъ, а отъ Александра (Македонскаго) до появленія Магомета прошло девятьсотъ двадцать семь лѣтъ.

Тогда всѣ именитые греки стали прятать въ землѣ свои сокровища, чтобы легко найти ихъ, когда они вернутся, и избавиться отъ возни увозить ихъ съ собою и потомъ снова привозить. Царь же Ираклій направилъ свой путь на Рани и вторично прибылъ въ Картлію. Онъ сказалъ персамъ, которые бѣжали сюда отъ сарацинъ: „Если вы знаете, что царство ваше кончилось, оставьте сѣверъ и приходите къ намъ“. И они оставили страну эту и спрятали въ землю сокровища свои. Одни отправились вмѣстѣ съ нимъ, другіе остались и составили гуджары всему своему имуществу. Написавъ гуджары, они составили списокъ всѣхъ своихъ родственниковъ и земель и положили вмѣстѣ со своими сокровищами, чтобы, когда греки придутъ, на основаніи этихъ гуджаровъ могли отыскать ихъ родственниковъ и раздѣлить между ними сокровища и земли.

У Стефаноса было два сына, Арчилъ и Миръ. Онъ раздѣлил между ними все богатство царской своей казны, золота, серебра и драгоценныхъ камней. Половину этого богатства онъ взялъ въ страну Егриса (Мингрелію), куда взялъ съ собою старшаго своего сына Мира, а другую половину своего имущества онъ далъ Арчилу, младшему своему сыну“ (Списокъ царицы Маріи, стр. 194—199).

Далѣе въ спискѣ Маріи приведены: исторія Мира и Арчила (стр. 199—211), мученичество св. Арчила (стр. 211—216) и исторія сыновей Арчила, Юнна и Джуаншера (216—219). Во всѣхъ этихъ разсказахъ свѣдѣній объ эриставахъ и Багратидахъ, имѣющихъ отношеніе къ Исторіи Сумбата, сравнительно немного. Въ одномъ мѣстѣ (стр. 208) сказано, что Арчилъ одну изъ дочерей умершаго брата своего Мира „далъ въ супруги сыну сына дяди своего по отцу (въ Румянцевскомъ спискѣ: сыну дяди своего по отцу) Гуараму, владѣтелю Кларджета и Джавахетіи“.

Въ другомъ мѣстѣ (стр. 209) сказано, что „когда Арчилъ пріѣхалъ изъ Егриса (Мингреліи) и сѣлъ въ Хидарѣ, гдѣ раньше была крѣпость, тогда къ нему пришелъ одинъ мтаварь, который былъ изъ

рянъ, и стали они преслѣдовать Ашота куропалата; Ашотъ не

потомковъ пророка Давида, по имени Адарнасе, сынъ брата (въ нашемъ текстѣ сынъ сестры) Адарнаса Слеплого, отецъ котораго породился посредствомъ брака съ Багратидами и былъ назначенъ греками эриставомъ въ Армянской странѣ, но во время разгрома со стороны (Мурвана) Глухого онъ прибылъ въ Кларджетъ къ сыновьямъ потомка Гуарама куропалата и остался тамъ. [Этотъ Адарнасе] просилъ Арчила и сказалъ ему: „Если ты желаешь, сдѣлай меня твоимъ подданнымъ и дай мнѣ земли“. И Арчилъ далъ ему Шулаверъ (въ изданіи Броссе Шолаверъ) и Артанъ“. Здѣсь мы имѣемъ первое упоминаніе о Багратидахъ въ спискѣ К. Ц. царицы Маріи. Затѣмъ упоминается (стр. 210), что Арчилъ женился на дочери Гуарама куропалата, который происходилъ отъ сыновей царя Вахтанга (Горгаслана) со стороны греческой принцессы.

Далѣе на стр. 210 мы читаемъ, что „сыновья брата Адарнаса Слеплого, которые выжили глаза лядѣ своему по отцу, пришли изъ Тарона въ Шакхъ въ числѣ трехъ братьевъ и поселились тамъ по приказанію Арчила, ибо мѣста, прилегающія къ Кавказу со стороны Рана, были безлюдны, а Эретія и Кахетія сохранили населеніе, благодаря своимъ лѣсамъ и чащамъ, и три эти брата, поселившись тамъ, заняли страну до Гулгулы“.

Въ описаніи мученичества Арчила мы находимъ свѣдѣнія, подтверждающія его генеалогію по редакціи списка Маріи. Здѣсь сказано, что, когда Асимъ, воевода арабовъ, держалъ Арчила въ тюрьмѣ, „къ Асиму пришелъ одинъ мтаваръ изъ Гардабана, уже принявшій вѣру сарацинъ, дядя по отцу котораго былъ убитъ царями; по убійцы его были оставлены безнаказанными дѣдомъ Арчила, царемъ Адарнасомъ. Поэтому гардабанецъ тотъ отомстилъ за это и сказалъ Асиму: „Развѣ ты не знаешь, кто такой этотъ Арчилъ? Онъ сынъ Стефаноса, родственникъ царя Вахтанга Великаго, который былъ потомокъ Миріана, сына Касре. Онъ присутствовалъ при отцѣ, когда тотъ пряталъ въ землѣ сокровища царства грузинскаго, онъ знаетъ и о той казнѣ, которую царь Ираклій зарылъ въ землю, ибо Ираклій показывалъ ему, куда онъ ее зарывалъ“.

О женѣ Джуаншера, сына Арчила, въ томъ же спискѣ царицы Маріи имѣются такія свѣдѣнія:

„Между тѣмъ Джуаншеръ привелъ жену, родственницу Багратидовъ, дочь Адарнаса, по имени Латавру. Мать упрекала его за то, что

былъ въ состояніи устоять противъ нихъ и, избѣгая ихъ, собрался уѣхать въ Грецію ¹⁾. При немъ были мать, жена и два старшихъ, но еще малолѣтнихъ сына, Адарнасе и Багратъ, а младшаго сына, по имени Гуарама, у него еще не было. Мало было также при немъ народа своего, и то были съ женами и дѣтьми. Изнемогши отъ пути, они прибыли къ Джавахетскимъ горамъ, къ берегу большаго Параванскаго озера и расположились на отдыхъ на берегу этого озера. Подкрѣпивъ себя пищею, они вздремнули немного, но на нихъ спящихъ напали многочисленныя войска сарацинъ. [Тогда]

онъ привелъ ее, ибо какъ оказалось, она не совсѣмъ хорошо была освѣдомлена, что Багратиды родственники пророка Давида, который получилъ названіе тѣлеснаго отца Бога. Но когда она увидѣла жену своего сына, полюбила ее и, пожелавъ ей счастья, благословила. Спустя много лѣтъ послѣ этого, пришелъ эмиръ агарянинъ, по имени Хуасро, который былъ правителемъ Сомхити, Картліи и Эрегии. Онъ отстроилъ городъ Тифлисъ, разрушенный хазарами. Между тѣмъ, когда греки ослабѣли, отложился отъ нихъ анхазскій эриставъ, по имени Леонъ, сынъ брата эристава Леона, которому дана была во владѣніе Анхазія. Этотъ Леонъ Второй былъ сынъ дочери царя хазаровъ, при помощи ихъ силъ [отложился отъ грековъ], покоришь Анхазію и Егриси (Мингрелію) вплоть до Дихи (т. е. Дихскихъ, или Сурамскихъ горъ) и сталъ титуловаться царемъ анхазовъ, ибо эристава Іоанна уже не было въ живыхъ, а Джуаншеръ былъ старъ. Затѣмъ умеръ и Джуаншеръ. Но еще при жизни Джуаншера Багратидъ Адарнасе вернулъ себѣ треть Кларджета, Шавшета, Адчаріи, Нигала, Исиспра (вѣроятно Испиріи, въ изданіи Броссе Асиспора), Артана, Нижняго Тао и крѣпостей, которыя были у внуковъ (потомковъ) Вахтанга Горгаслана. [Послѣ этого] Адарнасе ушелъ въ Кларджетію, гдѣ и умеръ" (Списокъ Маріи, стр. 217—219). Далѣе слѣдуетъ разсказъ объ Аштѣ, но объ этомъ см. ниже, стр. 143, прим.

¹⁾ Этотъ параграфъ до этого мѣста сохранился безъ измѣненія только въ Т. (л. 129 recto), въ другихъ спискахъ эти свѣдѣнія Исторіи Сумбата отдѣлены отъ нижеслѣдующаго длинной вставкою изъ текста К. Ц. (Н. Г. р. 260—262).

Богъ помогъ Ашоту куропалату и небольшому войску его. Онъ далъ имъ побѣду надъ врагами, и убили они несмѣтное количество ихъ.

17. Двинувшись оттуда, они пришли въ Шавшетское ущелье. Но ущелье Шавшетское, кромѣ немногихъ деревень, тогда было неустроено, ибо во время владычества персовъ, когда Глухой Багдадецъ уничтожилъ всѣ крѣпости и прошелъ по Шавшетіи и по горамъ Гадо, оно было опустошено. Кромѣ того, повальная дезинтерія опустошила потомъ Шавшетъ и Кларджетъ, и только коегдѣ осталось немного людей. Но оставшееся шавшетское населеніе приняло Ашота радостно и съ любовью. Онъ поселился тамъ, и Богъ далъ ему успѣхъ и власть надъ Шавшетъ-Кларджетомъ. Онъ нѣкоторыя деревни приобрѣлъ покупкою, другія, разоренныя возстановилъ; *такимъ образомъ*, Ашотъ куропалатъ умножилъ деревни въ тѣхъ странахъ. Богъ помогъ и утвердилъ власть его по волѣ треческаго царя.

18. Въ лѣсахъ кларджетскихъ Ашотъ нашелъ одну скалу ¹⁾, на которой впервые Вахтангъ Горгасланъ построилъ крѣпость подъ названіемъ Артануджъ. Она была уничтожена со временъ Глухого Багдадца. Ашотъ возобновилъ ее и опять сдѣлалъ крѣпостью. Впереди, подъ нею, онъ построилъ городъ. Въ крѣпости же онъ воздвигъ храмъ въ честь святыхъ апостоловъ Петра и Павла и, приготовивъ въ немъ свою усыпальницу, сталъ жить въ той крѣпости. Затѣмъ Ашотъ снова завладѣлъ и остальною страной вплоть до воротъ города Бардава, и много разъ Богъ даровалъ Ашоту куропалату побѣду и великую славу въ войнахъ.

19. Въ одно время Ашотъ вышелъ, чтобы собрать войско для войны съ сарацинами. Онъ пришелъ въ одно мѣсто и разослалъ

¹⁾ Въ Т., вѣроятно по ошибкѣ: одинъ лѣсъ.

оттуда сборщиковъ войска. Но, пока войска собирались около него, вдругъ на него напали сарацины и обратили его въ бѣгство. Ашотъ, повернувъ, пришелъ въ Нигальское ущелье и сталъ искать людей, чтобы увеличить свое войско. Тѣ, которымъ Ашотъ приказалъ явиться, направились къ нему, но только для того, чтобы убить его ¹⁾. Пока они не подошли къ его воротамъ, Ашотъ ничего не подозрѣвалъ объ ихъ зломъ умыслѣ. И не было у него войска, кромѣ незначительнаго количества, съ [которымъ] онъ не могъ противостоять противъ нихъ. Поэтому Ашотъ куропалатъ укрылся въ церкви, но его убили мечомъ въ алтарѣ ²⁾, и алтарь тотъ обогрился кровью, ибо его зарѣзали тамъ, на ступеняхъ алтаря, какъ агнца, и кровь, имъ пролитая, ясно видна и по днесъ ³⁾. Услыхавъ объ этомъ дѣлѣ, а именно, что государь ихъ Ашотъ убитъ руками сыновей Орозъ-Мороза, народъ Ашота, находившійся въ Долисъ-Канѣ, выступилъ изъ Долисъ-Каны и погнался за убійцами государя своего. Они настигли ихъ въ ущельи Чороха и съ злостью вырѣзали всѣхъ, такъ что не осталось ни одного изъ нихъ, трупъ же Ашота куропалата взяли и похоронили въ усыпальницѣ его, въ крѣпости Артануджеской, въ церкви святыхъ апостоловъ [Петра и Павла]. Ашотъ куропалатъ былъ убитъ ⁴⁾ въ 6830 году отъ сотворенія міра, въ 46-ой корониконъ тринадцатаго обращенія, мѣсяца января 29.

20. Ашотъ оставилъ трехъ сыновей: старшаго Адарнаса,

¹⁾ Тутъ К. Ц. и Т. прибавляютъ: Когда они подошли къ его дверямъ, тогда онъ понялъ, чего они хотѣли.

²⁾ Т. прибавляетъ: „Въ Гардабанѣ въ церкви“. Эти слова прибавлены въ рукописи Т. сверху строки и относятся, какъ мы увидимъ ниже (стр. 143, прим.) къ тексту К. Ц., а не Исторіи Сумбата.

³⁾ Т.: Кровь его, которая тамъ была пролита, видна и по днесъ, какъ свѣжая“. Это также составляетъ редакцію К. Ц., а не Сумбата.

⁴⁾ Списки К. Ц. Броссе и Баратовскій тутъ прибавляютъ: „отъ мингрельцевъ (?)“. Корониконъ соотвѣтствуетъ 826 году по Р. Х.

слѣдующаго за нимъ Баграта (эти двое уже были у него тогда, когда онъ прибылъ въ Шавшетъ-Кларджетскую область) и младшаго Гуарама, который родился послѣ прибытія его въ Артануджъ. Послѣ смерти Ашота, дѣти его, такъ какъ были малолѣтніе, лишились всѣхъ внѣшнихъ земель своихъ, которыя у нихъ отняли сарацины. Когда же они стали совершеннолѣтними, Богъ снова далъ имъ все отцовское владѣніе. Въ малолѣтствѣ своемъ дѣти Ашота росли въ Артануджской крѣпости, и всѣ ущелья Шавшета, Кларджета и Нигала платили дань сарацинамъ¹⁾). Потомъ они завладѣли

¹⁾ Часть Исторіи Сумбата, начиная отъ словъ: „и стали они преслѣдовать Ашота куроалата“ (стр. 139) до этого мѣста внесена во всѣ списки К. Ц. Вахтанговской Редакціи съ тѣми незначительными вариантами, какіе нами указаны въ примѣчаніяхъ, но въ спискѣ царицы Маріи, въ Исторіи Сумбата, этого длиннаго разсказа нѣтъ. Въ спискѣ Маріи объ Ашотѣ сказано только слѣдующее: „Послѣ смерти Адарнаса Богъ возвеличилъ царствованіе Ашота куроалата, и онъ овладѣлъ Картліей въ своихъ границахъ, ибо въ то время Маслама вступилъ въ Грецію, но вернулся назадъ обезсиленный и измученный (въ изд. Броссе осрамленный). Тогда царь греческій пожаловалъ Ашоту *титулъ* куроалата. Сарацины были обезсилены, и Ашотъ куроалатъ усилился. Между тѣмъ въ Тифлисъ никого не осталось изъ сарацинъ, кромѣ Али, сына Шуаба. Григоль же былъ мтаваромъ въ Кахетіи. Въ то время (изданіе Броссе прибавляетъ: въ слѣдующемъ году) Ашотъ куроалатъ выступилъ въ походъ. На помощь ему явился Θεодосій, царь апхазскій, сынъ Леона II, который былъ зятемъ Ашота куроалата. Изъ Кахетіи прибылъ Григоль, которому помогали мтиульцы (горцы), царяры и тифлисскій эмиръ. Ашотъ и Григоль сразились на р. Ксани, но Григоль, мтаваръ Кахетіи, былъ обращенъ въ бѣгство и лишился земель, раньше отошедшихъ ему отъ Картліи, а Ашотъ овладѣлъ страной, начиная отъ Кларджета до р. Ксани. Послѣ этого пришелъ Халиль, сынъ Изида, изъ Аравіи и покорилъ Сомхитію, Картлію и Эретію. Ашотъ куроалатъ заперся въ церкви въ Гардабанѣ, гдѣ его зарѣзали мечомъ, и кровь его, тамъ пролитая, видна и понынѣ, какъ свѣжая. Сарацины же овладѣли Картліею (см. Списокъ царицы Маріи, мое изданіе, стр. 219—220). Эти свѣдѣнія имѣются и въ спискахъ К. Ц. Вахтанговской Редакціи,

всѣмъ тѣмъ, чѣмъ владѣль ихъ отецъ по сю сторону Артануджи; Баграта поставили куропалатомъ, и Богъ далъ успѣхъ владычеству ихъ ¹⁾).

21. А у Адарнаса, старшаго ихъ брата, сына Ашота, было три сына: Гургень, котораго при старости лѣтъ поставили куропалатомъ, и братья его Ашотъ-Кекела и Сумбатъ Артануджскій; послѣдняго во время его правленія сдѣлали антипатосъ-патрикомъ.

22. Багратъ куропалатъ имѣлъ трехъ сыновей: Давида, который послѣ своего отца былъ поставленъ куропалатомъ, Адарнаса и Ашота.

23. А у Гуарама, младшаго сына Ашота, было два сына: Насръ и Ашотъ. Ашотъ-Кекела, сынъ Адарнаса, умеръ въ корониконъ 87—867 и оставилъ Гургена, котораго впоследствии поставили куропалатомъ, и Сумбата Артануджскаго; антипатрика ²⁾).

24. Ашотъ, сынъ мампала Гуарама, умеръ раньше своего отца, въ корониконъ 89—869, и не оставилъ сына.

25. Адарнасе, сынъ Баграта куропалата, умеръ въ корониконъ 94—874, при жизни отца своего, и не оставилъ

но они тамъ не совсѣмъ кстати перемѣшаны съ текстомъ Исторіи Сумбата (см. Н. Г. р. 260—261), ибо Исторія Сумбата совсѣмъ не упоминаетъ похода Масламы въ Грецію и не приурочиваетъ жизнь Ашотъ къ этому времени, какъ это мы видимъ въ текстѣ К. Ц. Между тѣмъ извѣстно, что Маслама вступилъ въ Грецію въ 717—718 гг., а Ашотъ куропалатъ умеръ въ 826 году. Въ данномъ случаѣ въ анахронизмъ впадаетъ К. Ц., а не Сумбатъ.

¹⁾ Конецъ этого параграфа отъ словъ: „потомъ они“ до этого мѣста имѣется только въ Т., въ другихъ спискахъ К. Ц. Вахтанговской Редакціи въ этомъ видѣ и въ данномъ мѣстѣ отрывокъ этотъ не встрѣчается. Итакъ, въ списокѣ Т. рассказъ нашъ цѣликомъ можно прослѣдить, начиная отъ словъ: „Что касается Ашота куропалата“ (пар. 16) до этого мѣста (л. рукописи 123 recto—125 recto).

²⁾ Этого слова нѣтъ въ Т.

сына. Отецъ его куропалать Багратъ, сынъ куропалата Ашота, умеръ въ корониконъ 96—876 и оставилъ сына Давида, котораго послѣ него сдѣлали куропалатомъ; онъ былъ убитъ рукою сына дяди своего ¹⁾ Насра, сына Гуарама, при жизни же Гуарама, въ корониконъ 101—881 ²⁾. Но Гуарамъ мампаль, дядя его, отецъ Насра, не былъ причастенъ къ крови куропалата Давида. Убитый Давидъ оставилъ молодого сына Адарнаса, еще юнаго лѣтами. Насръ же, убійца, бѣжалъ въ царственный городъ Константинополь и оставался тамъ много лѣтъ.

26. Послѣ этого поставили куропалатомъ Гургена, сына Адарнаса, сына куропалата Ашота Великаго.

27. Умеръ Гуарамъ мампаль, сынъ Ашота Великаго, отецъ Насра, въ корониконъ 102—882.

28. И умеръ Ашоть, сынъ куропалата Баграта, въ корониконъ 105—885 ³⁾.

29. Послѣ этого Насръ вышелъ изъ царства греческаго и пришелъ въ Абхазію. Абхазскимъ царемъ былъ тогда Ба-

¹⁾ Какъ въ нашемъ оригиналѣ такъ и въ Теймуразовскомъ списокѣ въ данномъ мѣстѣ написано, очевидно, по ошибкѣ: рукою сына брата своего.

²⁾ Въ данномъ мѣстѣ въ нашемъ оригиналѣ прибавлено: ზუგუძისა: ზისა: ზუგუძისა, чего нѣтъ въ Т. Последнее слово ზუგუძისა, вѣроятно, есть ошибочная передача ზუგუძისა. Тогда вся фраза составитъ повтореніе предыдущей фразы: при жизни же Гуарама.

³⁾ Въ спискахъ К.-Ц. Вахтанговской редакціи, кромѣ Теймуразовскаго, свѣдѣнія пяти послѣднихъ параграфовъ представлены въ такомъ видѣ:

Умеръ Адарнасе, братъ Гуарама и сынъ куропалата Ашота.

Умеръ куропалать Багратъ, братъ этого Адарнаса, въ корониконъ 96—876, и оставилъ трехъ сыновей: Давида, Ашота и Адарнаса.

Умеръ этотъ Адарнасе въ корониконъ 94—874.

Умеръ Ашоть, братъ этого Адарнаса и сынъ куропалата Баграта, въ корониконъ 105—885 (см. К. Ц. 191. Н. Г. 269).

гратъ, сынъ сестры Насра, и царь абхазскій помогъ ему большимъ войскомъ. Оттуда Насръ перешелъ въ Самцхе, гдѣ собралъ другое, болѣе многочисленное войско. Между тѣмъ Адарнасе, сынъ убитаго куропалата, вышелъ противъ него на сраженіе. На помощь Адарнасу пришли куропалатъ Гургень и его сыновья. Они дали большое сраженіе и битву Насру, и Богъ помогъ немногочисленнымъ сторонникамъ Адарнаса: они побѣдили Насра, обратили его въ бѣгство; *потомъ* поймали и убили его въ долину Самцхійской ¹⁾, въ деревнѣ Аспиндзѣ ²⁾, въ корониконъ 108—888. Насръ не оставилъ сына, и память объ немъ совершенно изгладилась.

30. Адарнасе, сынъ убитаго куропалата Давида, былъ поставленъ царемъ грузинами. Этотъ Адарнасе, сынъ убитаго Давида, построилъ Бану рукою Квирикѣ Банели, который былъ сдѣланъ первымъ епископомъ Баны ³⁾.

31. Мампаль Сумбатъ Артануджскій, сынъ Адарнаса, сына Ашота Великаго, умеръ въ корониконъ 109—889, и оставилъ двухъ сыновей: Баграта Артануджскаго мампала [и Давида мампала] ⁴⁾. Еще при жизни Сумбата Артануджскаго

¹⁾ Въ нашемъ оригиналѣ по ошибкѣ: Мцхетской, въ Т.: Самцхійской.

²⁾ Въ Т.: въ деревнѣ, которая называется Аспиндзой.

Аспиндза, извѣстная по геройской побѣдѣ Ираклія II надъ полчищами лезгинъ въ 1784 году, дѣйствительно находится въ Самцхійской области.

³⁾ Бана—обширный монастырь великолѣпной архитектуры въ бассейнѣ р. Чороха, въ Ольгинскомъ округѣ, въ деревнѣ, нынѣ носящей названіе Пенякъ. Монастырь теперь въ развалинахъ.

⁴⁾ Слова, заключенныя въ прямыхъ скобкахъ, мы добавляемъ изъ Теймуразовскаго списка, въ которомъ сказано: и оставилъ двухъ сыновей: Баграта мампала и Давида мампала.

Константинъ Порфирогеннетъ въ своемъ трудѣ *De administrandō impēriō* упоминаетъ о нѣкоторыхъ Багратидахъ Тао, начиная отъ Сумбата (*Σομφάτιος*) Артануджскаго, но отца послѣдняго онъ не называ-

Насръ былъ убитъ¹⁾, и землями его завладѣли другіе мтавары. Между тѣмъ куроपालать Гургенъ изъ своего владѣнія Тао-Калмаха перешелъ на житье въ Шавшетъ и Артанъ. Послѣ этого стали врагами другъ друга и собрали войска другъ противъ друга, съ одной стороны, куроपालать Гургенъ и его, народъ, съ другой стороны, Адарнасе, царь грузинскій, и Багратъ Артануджскій. Они сошлись въ Артанскомъ ушельѣ, въ деревнѣ Мглинави, и сразились тамъ другъ съ другомъ. Куроपालать Гургенъ былъ обращенъ въ бѣгство [раненъ и взятъ въ плѣнъ; и умеръ]²⁾, куроपालать Гургенъ, сынъ Адарнаса, сына Ашота Великаго, отъ раны въ корониконъ 111—891, оставивъ двухъ сыновей: Адарнаса [и Ашота] эристава эриставовъ³⁾.

32. *Адарнасе умеръ* послѣ смерти отца своего куроपालата Гургена, въ корониконъ 116—896, и оставилъ двухъ маленькихъ сыновей: Давида, эристава эриставовъ, и Гургена, который впослѣдствіи былъ великимъ эриставомъ эриставовъ.

еть. По Константину, у Сумбата было три сына: магистръ Багратъ, который женился на своей двоюродной сестрѣ, Давидъ Великій, который также былъ женихъ на своей двоюродной сестрѣ, и Мампаль (Μάμπας), т. е. Святѣйшій. Мампаль однако не есть собственное имя, а титулъ, который носили тао-кларджетскіе Багратиды того времени, и вовсе не означаетъ Святѣйшій. Мампаль მამპალი происходитъ отъ грузинскихъ словъ მამა უბალი—отецъ господинъ, равно какъ и დედოუბალი (дедопали)—царица отъ დედა უბალი—мать госпожа. Поэтому правъ Броссе, когда вноситъ поправку, что союзъ „и“ тутъ надо выбросить и слово Мампаль отнести какъ титулъ къ Давиду (Brosset. Additions, p. 148, n. 2 et p. 154. См. также у Гана, Извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ, ч. II, стр. 8).

1) Въ Т.: когда Насръ былъ убитъ.

2) Слова, заключенныя въ скобкахъ, добавлены изъ Т.

3) Т.: „Адарнаса и Ашота, котораго потомъ поставили эриставомъ эриставовъ“. Свѣдѣнія трехъ послѣднихъ параграфовъ внесены во все списки К.-Ц. Вахтангской редакціи (см. К. Ц. 194—195. Н. Г. 173—174) и перемѣшаны со свѣдѣніями первоначальнаго текста.

33. И умеръ мампалъ Багратъ Артануджскій, сынъ Сумбата, въ корониконъ 129—909, мѣсяца апрѣля 20-го, въ день Пасхи¹⁾, и оставилъ четырехъ сыновей: Адарнаса, который сдѣлался монахомъ и названъ былъ Василиемъ, эристана Гургена, Ашота и Давида²⁾.

34. Эриставъ Давидъ, сынъ мампала Баграта Артануджскаго, сына Адарнаса, братъ куропалата Гургена (Великаго Гургена)³⁾, умеръ въ корониконъ 128—908, не оставивъ сына.

35. Ашотъ, эриставъ эриставовъ, сынъ куропалата Гургена, по прозванію Кухъ, построилъ Тбетъ въ Шавшетѣ, снабдилъ его всѣмъ необходимымъ и, по указанію Духа Святого, поставилъ въ немъ первымъ епископомъ блажен-

¹⁾ Въ 909 г. Пасха приходилась, по вычисленіямъ Броссе, на 16 апрѣля.

Въ этомъ параграфѣ нарушена хронологическая послѣдовательность событій, ибо ниже указанъ фактъ 908 года. По этой причинѣ, а также въ виду того, что Пасха 20 апрѣля приходилась въ 906 г., О. Жорданія полагаетъ, что смерть Баграта Артануджскаго послѣдовала въ 906, а не въ 909 году (О. Жорданія. Хроника и друг. мат. на груз. яз. т. 1, стр. 83—84).

²⁾ Константинъ Порфирогеннетъ уже въ цитованномъ нами сочиненіи не упоминаетъ о Давидѣ, хотя трехъ другихъ братьевъ называетъ въ числѣ сыновей Баграта. По Константину, у Баграта была еще дочь, которая вышла замужъ за своего двоюроднаго брата Сумбата, сына Давида Великаго. Изъ сыновей Баграта, по Константину, куропалатъ Адарнасе (Αδρανάσσηρ) женился на дочери Давида, своей двоюродной сестрѣ, магистросъ Гургенъ (Κοορχένος) женился на дочери Ашота Кискаса, своей племянницѣ, патрицій Ашотъ Кискасъ (Ἀσώτιος Κισκάσης) женился на сестрѣ Георгія, царя абхазскаго (Additions, p. 154, Гана, Извѣстія... II, стр. 8).

³⁾ Отецъ эристана Давида, мампалъ Багратъ Артануджскій, какъ видно изъ предыдущаго параграфа, былъ сынъ Сумбата Артануджскаго, а не Адарнаса. Въ этомъ смыслѣ тутъ, по нашему мнѣнію, допущена ошибка.

наго Стефана. Названный Ашотъ Кухъ умеръ въ корониконъ 138—918, не оставивъ сына. Послѣ него поставили эриставомъ эриставовъ Гургена, сына его брата Адарнаса.

36. Давидъ, сынъ Баграта Артануджскаго, умеръ въ корониконъ 142—922 ¹⁾, оставивъ сына въ утробѣ жены своей, который былъ названъ Багратомъ.

37. Адарнасе, царь грузинскій, сынъ убилаго Давида, умеръ въ корониконъ 143—923, оставивъ четырехъ сыновей: Давида, который послѣ отца своего слѣдался грузинскимъ царемъ, куропалата Ашота, магистра Баграта и Сумбата, котораго послѣ его братьевъ поставили куропалатомъ.

38. [Гургенъ] ²⁾ эриставъ, сынъ Баграта Артануджскаго, умеръ въ корониконъ 143—923, въ тотъ же годъ, въ который умеръ царь грузинскій Адарнасе. Этотъ Гургенъ оставилъ въ утробѣ жены своей сына, котораго назвали Гургеномъ же, именемъ отца его ³⁾.

39. Умеръ Давидъ, царь грузинскій, сынъ грузинскаго ⁴⁾ царя Адарнаса, въ корониконъ 157—937, не оставивъ сына.

40. Умеръ Ашотъ, сынъ Баграта Артануджскаго, въ корониконъ 159—939, мѣсяца іюня, не оставивъ сына ⁵⁾.

41. Умеръ Гургенъ Великій, эриставъ эриставовъ, сынъ Адарнаса, который больше всѣхъ своихъ предковъ отличался храбростью и воинственностью и подчинилъ себѣ всѣхъ

¹⁾ Списки Вахтанговской редакціи К. Ц., кромѣ Теймуразовскаго, смерть Давида относятъ къ 908 году (см. ниже, стр. 152, прим.)

²⁾ Это слово добавлено нами изъ Т.

³⁾ По Константину, Гургенъ не оставилъ потомка.

⁴⁾ Этого слова нѣтъ въ Т.

⁵⁾ Упоминаемый въ этомъ параграфѣ Ашотъ тотъ самый, который извѣстенъ у Константина подъ названіемъ Кискаса, вѣроятно отъ грузинскаго слова ჯიბჯიბო живой, дѣятельный, храбрый (См. Additions p. 164, n. 5). Однако, по Константину, Ашотъ оставилъ потомство въ лицѣ дочери, жены магистра Гургена.

своихъ сосѣдей, въ корониконъ 161—941, мѣсяца февраля 14-го, не оставивъ сына.

42. Мампалъ Давидъ, сынъ Сумбата Артануджскаго, умеръ въ монашествѣ, въ корониконъ 163—943, мѣсяца февраля 20-го, и оставилъ сына своего Сумбата, котораго сдѣлали эриставомъ эриставовъ.

43. Магистросъ Багратъ, сынъ Адарнаса, царя грузинскаго, умеръ въ корониконъ 165—945, мѣсяца марта, и оставилъ сына Адарнаса, который послѣ отца своего сдѣлался магистросомъ, а послѣ дядей своихъ по отцу—куропалатомъ. Въ тотъ же годъ, т. е. въ годъ смерти магистроса Баграта, умеръ монахъ Василій Кларджъ ¹⁾, сынъ мампала Баграта.

44. Умеръ куропалатъ Ашотъ, сынъ Адарнаса, царя грузинскаго, въ корониконъ 174 ²⁾,—954, не оставивъ сына. Въ этотъ же годъ умеръ Ашотъ, сынъ Сумбата, не оставивъ сына ³⁾.

45. Послѣ куропалата Ашота поставили куропалатомъ Сумбата. Этотъ куропалатъ Сумбатъ, сынъ Адарнаса, царя грузинскаго, умеръ въ корониконъ 178—958, оставивъ двухъ сыновей: Баграта Регвени ⁴⁾, эристава эриставовъ, котораго поставили царемъ грузинскимъ, и куропалата Адарнаса.

46. Умеръ сынъ магистроса Баграта [Адарнасе] въ корониконъ 181—961. Его поймали его же сыновья и постригли въ монахи. Онъ умеръ, насильно облаченный въ рубище, и оставилъ сыновей: Баграта и Давида, эристава эриставовъ.

¹⁾ Василій Кларджъ въ мѣрѣ носилъ названіе Адарнаса (см. стр. 148). По Константину, у него было четыре сына: куропалатъ Ашотъ (Асотій), магистросъ Давидъ, магистросъ Багратъ (Панкратій) и четвертый сынъ, имя котораго не упоминается (см. Additions, стр. 154).

²⁾ Тутъ какъ въ нашемъ оригиналѣ такъ и въ Т. отъ смѣшенія *О₁* (о) съ *О₂* (у) написано: *ჟამბზბოზამბზ* „ზუდ“, вмѣсто „ზოდ“. Такая же очевидная ошибка повторяется ниже подъ 948 годомъ.

³⁾ Неизвѣстно, о какомъ Ашотѣ и Сумбатѣ тутъ идетъ рѣчь.

⁴⁾ Регвени значитъ молодой, неопытный, глупый.

47. Умеръ этотъ Багратъ, эриставъ эриставовъ, сынъ куропалата Адарнаса, въ корониконъ 186—966, и братъ ¹⁾ его куропалатъ Давидъ сдѣлался великимъ ²⁾.

48. Умеръ Гургенъ, сынъ Гургена, сына мампала Баграта, въ корониконъ 188—968.

49. Умеръ Адарнасе, сынъ куропалата Сумбата, братъ Баграта Регвени, въ корониконъ 203—983, и оставилъ молодого сына Давида.

50. Умеръ Сумбатъ Артануджскій, эриставъ эриставовъ, человекъ справедливый, сынъ мампала Давида, въ корониконъ 208—988, и оставилъ двухъ сыновей: Давида и Баграта. Въ сороковой день послѣ его смерти умеръ сынъ его Багратъ, оставивъ двухъ сыновей: Сумбата и Гургена ³⁾.

¹⁾ Въ нашемъ оригиналѣ по ошибкѣ написано: сынъ, вмѣсто брата. Въ Т. правильно написано: братъ.

²⁾ Списки Вахтагвской редакціи К. Ц., кромѣ Теймуразовскаго, смерть упомянутого въ этомъ параграфѣ Баграта относятъ къ 969-ому году, а брата его Давида къ 966-ому (см. ниже, стр. 153, прим.), но, очевидно, тутъ въ Вах. ред. по ошибкѣ переставлены года, ибо, судя по нашему тексту, Давидъ жилъ еще послѣ смерти Баграта и получилъ титулъ великаго куропалата.

³⁾ Свѣдѣнія относительно большинства указанныхъ эриставовъ, начиная отъ 23 §, внесены во все списки К. Ц. Вахтагвской редакціи, но безъ хронологической послѣдовательности. Вотъ эти свѣдѣнія:

„Къ тому времени Насръ, сынъ мампала Гуарама, заманилъ куропалата Давида, сына Баграта, сына дяди своего по отцу, и убилъ его въ корониконъ 101—881. Послѣдній оставилъ сына Адарнаса, который сдѣлался царемъ послѣ отца своего.

А Ашотъ Кекела, сынъ Адарнаса, сына Ашота Великаго, умеръ въ корониконъ 87—867.

Сумбатъ Артануджскій, мампалъ, братъ Ашота Кекелы и сынъ Адарнаса, сына Ашота Великаго, умеръ въ корониконъ 109—889.

Умеръ сынъ этого Сумбата, мампалъ Давидъ, сдѣлавшійся монахомъ, въ корониконъ 163—943.

Умеръ Сумбатъ, эриставъ эриставовъ, сынъ мампала Давида, мо-

51. Умеръ Сумбатъ, сынъ Баграта Регвени, царя грузинскаго, въ корониконъ 212—992, и не было у него сына.

наха, въ корониконъ 208—988 (въ Баратовскомъ списокѣ, отъ смѣшенія буквъ хуцури ზ и ლ, показанъ 230 корониконъ, т. е. 1010 г.) и оставилъ двухъ сыновей: Давида и Баграта.

Умеръ этотъ Баграть, сынъ Сумбата и братъ Давида, въ корониконъ 208—988 (въ Мингрельскомъ списокѣ опять 230 корониконъ), въ тотъ же годъ, въ который умеръ отецъ его Сумбатъ, оставивъ двухъ сыновей: Гургена и Сумбата. А Гургенъ оставилъ одного сына, по имени Деметре; и Сумбатъ оставилъ тоже одного сына, по имени Баграта.

Умеръ куропалатъ Гургенъ, братъ мампала Сумбата Артануджскаго и сынъ Адарнаса, сына Ашота Великаго, въ корониконъ 111—891.

Умеръ Ашотъ Кухъ, который построилъ Тбетъ, кафедрю епископа, сынъ названнаго куропалата Гургена, въ корониконъ 138—918.

Умеръ Адарнасе, эриставъ эриставовъ, сынъ куропалата Гургена, братъ Ашота Куха, въ корониконъ 116—896, оставивъ двухъ сыновей: Давида, эристава эриставовъ, и Гургена, эристава эриставовъ.

Умеръ этотъ Гургенъ, эриставъ эриставовъ, братъ Давида, эристава эриставовъ, въ корониконъ 161—941.

Умеръ мампаль Баграть Артануджскій, сынъ мампала-антипата Сумбата Артануджскаго, сына Адарнаса, и братъ мампала Давида, сдѣлавшагося монахомъ, въ корониконъ 129—909.

Умеръ Адарнасе, сдѣлавшійся монахомъ подъ именемъ Василия, сынъ названнаго мампала Баграта Артануджскаго, въ корониконъ 165—945.

Умеръ Ашотъ, братъ Адарнаса, сдѣлавшагося монахомъ, и сынъ мампала Баграта Артануджскаго, въ корониконъ 159—939.

Умеръ Давидъ, эриставъ эриставовъ, сынъ мампала Баграта Артануджскаго, братъ Адарнаса, въ монашествѣ Василия, въ корониконъ 128—908.

Умеръ эриставъ Гургенъ, братъ названнаго Давида, эристава эриставовъ, въ корониконъ 143—923.

Умеръ Гургенъ, сынъ названнаго эристава Гургена, сына мампала Баграта Артануджскаго, (въ корониконъ) 188—968“ (см. К. Ц. 192—193. Н. Г. р. 271—272).

Далѣе свѣдѣнія о тао-кларджетскихъ Багратидахъ продолжены въ другомъ мѣстѣ въ такомъ видѣ:

52. Умеръ Давидъ, сынъ Сумбата, эристава; эриста-

„Георгій, царь абхазскій, отдалъ Картлію старшему своему сыну Константину, ибо тогда уже не было въ живыхъ царя Адарнаса, который умеръ въ корониконъ 143—923.

И умеръ сынъ этого царя Адарнаса, куропазатъ Ашотъ, въ корониконъ 174—954.

Умеръ братъ этого куропазата Ашота, царь Давидъ, въ корониконъ 157—937.

Умеръ братъ ихъ и сынъ царя Адарнаса, Багратъ, магистрось-куропазатъ, въ корониконъ 165—945.

Умеръ сынъ этого Баграта, куропазатъ Адарнасе, въ корониконъ 181—961.

Умеръ Багратъ, сынъ этого куропазата Адарнаса, въ корониконъ 189—969.

Умеръ магистрось Давидъ (этого слова нѣтъ въ спискѣ Церковнаго музея), эристава эриставовъ, братъ названнаго Баграта, въ корониконъ 186—966“ (К. Ц. 197. Н. Г. 280).

Оканчиваются свѣдѣнія о тао-кларджетскихъ Багратидахъ слѣдующимъ:

„Умеръ Сумбатъ, царь-куропазатъ, сынъ царя Адарнаса и братъ царя Давида, въ корониконъ 178—958 (въ Баратовскомъ спискѣ 177 корониконъ), оставивъ двухъ сыновей: Баграта, или Давида (последнихъ двухъ словъ нѣтъ ни въ одномъ вариантѣ, кромѣ изданія Броссе) Регвени, который сдѣлался царемъ послѣ отца своего, и куропазата Адарнаса.

Умеръ этотъ куропазатъ Адарнасе въ корониконъ 203—983.

Умеръ сынъ этого Адарнаса, Давидъ Великій, куропазатъ, исполненный добродѣтелей (исторія котораго будетъ ясна въ нижеприведенномъ разсказѣ) въ корониконъ 221—1001.

Умеръ дядя по отцу этого куропазата Давида и сынъ Сумбата, царя-куропазата, царь Багратъ Регвени, въ корониконъ 214—994.

Умеръ сынъ этого царя, Баграта Регвени, Сумбатъ, въ корониконъ 212—992, не оставивъ сына“ (К. Ц. 201. Н. Г. 280).

Всѣ эти свѣдѣнія въ такомъ видѣ внесены во всѣ списки К.-Ц. Вахтанговской редакціи и вклеены, какъ видимъ, въ безпорядкѣ въ первоначальный текстъ К. Ц. Въ Теймуразовскомъ вариантѣ въ указанныхъ мѣстахъ ихъ нѣтъ, потому что этотъ списокъ отдѣльно даетъ въ

вовъ, человѣка великаго ¹⁾ и справедливаго ²⁾).

53. Умеръ Багратъ Регвени, царь грузинскій, сынъ благословеннаго куропалата Сумбата, въ корониконъ 214—994, и оставилъ сына первенца Гургена, котораго называли царемъ царей. У этого Гургена былъ сынъ Багратъ, племянникъ по матери царей абхазскихъ, Деметрія и Θεодосія. До воцаренія Гургена этотъ Багратъ былъ сдѣланъ царемъ въ Абхазіи. Поэтому Гургенъ [былъ названъ] царемъ царей ³⁾).

54. Умеръ Давидъ Великій, куропалатъ, сынъ куропалата Адарнаса, въ корониконъ 221—1001, не оставивъ сына ⁴⁾), и

другомъ мѣстѣ цѣльную выписку, почти во всемъ согласную съ Исторіей Сумбата, о тѣхъ же тао-кларджетскихъ Багратидахъ.

¹⁾ Въ оригиналѣ შიგებულისა, вмѣсто დიდებულისა. Этого слова нѣтъ въ Т.

²⁾ Въ Т., вмѣсто четырехъ послѣднихъ словъ, сказано: человѣкъ справедливый. Тутъ корониконъ не указанъ; нужно полагать, что это событіе относится къ предыдущему короникону, т. е. 992 году или 993-му.

³⁾ Начиная отъ словъ: „а у Адарнаса, старшаго ихъ сына“ (стр. 144, пар. 21), до этого мѣста текстъ Исторіи Сумбата внесемъ въ Теймуразовскій списокъ Картлисъ-Цховреба (лл. рукописи 135 recto—137 verso).

⁴⁾ Куропалатъ Давидъ, правда, не оставилъ сына, но имъ былъ усыновленъ Багратъ III, сынъ своего племянника Гургена. Багратъ еще при жизни Давида сдѣлался царемъ въ Абхазіи въ 979 г., а въ 985 г. занялъ престолъ Карталиніи. Такимъ образомъ въ лицѣ Баграта послѣ смерти Давида объединились въ одно царство Абхазія, Карталинія и Тао (Н. Г. I, р. 287, 294). Исторія Сумбата не упоминаетъ объ услугѣ, оказанной куропалатомъ Давидомъ царю Василю, въ борьбѣ его противъ бунтовщика Варда Склира, о которой армянскій историкъ Асохикъ рассказываетъ слѣдующее: „Когда воцарился въ 425—976 году Василій [II Булгароктопъ], какъ мы выше сказали, Вардъ, по прозванію Склерось, отложившись, сталъ царствовать въ джаханской и мелитинской странахъ. Вардъ былъ мужъ храбрый и свѣдущій въ военномъ дѣлѣ. Склонивъ на свою сторону армянскую конницу, бывшую въ Греціи, онъ раздѣлилъ греческое царство на двѣ части, прошелъ до Вивиніи, не переставая воевать съ царемъ Василюемъ въ продолженіе 4 лѣтъ и обагрять кровью

область Тао по ту сторону была опустошена, ибо пришелъ Ва-

всю страну. Царь Василій, собравъ [съ своей стороны] войска византійскія, еракійскія и македонскія со всѣми западными народами, отправилъ ихъ противъ тирана Варда. Вардъ пошелъ противъ нихъ войною; армянское войско сражалось мужественно; сыновья князя таронскаго— Григоръ и Багарать, и князь мокекій Аираникъ, навели ужасъ на греческое воинство, которое, приведенное въ смятеніе какъ бы вихремъ, частью погибло подъ ихъ мечами, частью же было захвачено. Въ этомъ сраженіи былъ убитъ [греческій] полководецъ, евнухъ Петраносъ (вѣроятно Петръ Фока, по замѣчанію переводчика). Но Вардъ сжалился надъ остальными, какъ надъ христіанами, и даровалъ имъ жизнь. Такимъ образомъ не въ двухъ, не въ трехъ, но во многихъ сраженіяхъ они одержали верхъ надъ западною арміею, и война распространилась по всей Греціи такъ, что деревня съ деревней и городъ съ городомъ вели бой, и кровь проливалась всюду. Жестокій голодъ распространился по всему царству; съ каждымъ днемъ число труповъ увеличивалось на дорогахъ и на площадяхъ; оставшіеся въ живыхъ винушали болѣе жалости, нежели умершіе, и хищные волки, привыкшіе къ трупамъ, терзали даже живыхъ...

Послѣ всѣхъ этихъ событій царь греческій Василій, вызвавъ полководца Торника, родомъ иверійца, монашествовавшаго на Святой горѣ, отправилъ его къ куропалату тайкекому, Давиду, съ предложеніемъ уступить послѣднему Хахто-таритчъ съ Келе-Сиріей, Чормайри и Каринъ, Басенъ и крѣпостцу Севукъ въ Мардахи, Харкѣ и Анахуникъ—, что и уступилъ въ самомъ дѣлѣ,—если Давидъ пришлетъ ему на помощь войско. Куропалатъ Давидъ, собравъ иверійскія войска подъ начальство князя князей Джоджика, отправилъ съ Торникомъ на войну противъ тирана Варда. Начиная съ земли таронской, они начали опустошать страну греческую, подвластную тирану. Царь [Василій], освободивъ изъ темницы Варда, названнаго также Фокой, сбланнаго киръ-Жаномъ на островъ, далъ ему всю западную армію греческую и вмѣстѣ съ иверійскими войсками отправилъ противъ тирана Варда съ двумя лагерями. Тиранъ вступилъ въ бой съ однимъ изъ этихъ лагерей и уже обратилъ было его въ бѣгство, какъ подоспѣлъ другой лагерь и снова завязался бой. Тиранъ Вардъ, устрашенный этимъ, обратился въ бѣгство. Вышедъ изъ Греціи, онъ пошелъ за помощію къ эмиру багдадскому Иби-Хосрову"... (Всеобщая Исторія Степаноса Таронскаго, Асохика по прозванію, писателя XI столѣтія, переводъ Н. Эмина. Москва 1864, стр. 133—134).

силій, царь греческій, и азнауры Давида отдали ему крѣпости. Царь Василій покорилъ владѣніе куропалата Давида, и пред-

Разсказа о пораженіи Склероса при помощи грузинскаго войска нѣтъ не только въ Исторіи Сумбата, но и въ К.-Ц. списка царицы Маріи. То, что объ этомъ приведено въ изданіи Броссе по списку царевича Теймураза (см. Н. С. Р. 293. К.-Ц. стр. 206), взято изъ Житія грузинскихъ святыхъ Евѳимія и Георгія и внесено въ К.-Ц., по нашему миѣнію, Вахтанговской редакціей. Изъ упомянутаго разсказа между прочимъ узнаемъ, что Василій далъ Давиду „Верхнія области Греціи“, т. е. области греческой Арменіи, пожизненно, а не потомственно. Нежеланіе разстаться съ этими областями не разъ вызывало войны между преемниками куропалата Давида и греческими императорами. Впрочемъ изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ, что когда послѣ пораженія Склероса побѣдитель послѣдняго, Варда Фока, возмутился противъ Василія, то Давидъ помогъ Фокѣ войскомъ, чѣмъ вызвалъ противъ себя неудовольствіе Василія. Чтобы загладить свою ошибку, куропалатъ Давидъ, какъ передаютъ, на случай своей смерти, завѣщалъ свое владѣніе царю Василію. Довольно подробныя свѣдѣнія объ этомъ мы находимъ у антиохійскаго историка Яхъи. Упомянувъ о побѣдѣ Василія надъ Фокою съ помощью русскихъ войскъ при Хрисополисѣ лѣтомъ 988 года, Яхъи продолжаетъ:

„И побѣдили они (русскіе и греки) Фоку и завладѣлъ царь Василій приморскою областью, захвативъ всѣ суда, которыя были въ рукахъ Фоки. И уже послалъ царь Василій, послѣ того какъ войска Фоки расположились въ окрестностяхъ города Константинополя и завладѣли областью востока, магистра Таронита моремъ въ Трeбизондъ. И собралъ онъ людей и направился къ берегу Евфрата. И послалъ Варда Фока своего сына Никифора кривого къ Давиду, царю Грузіи, владѣтелю города ал-Тай (читай Тайкской области), чтобы просить у него помощи противъ Таронита. И отправилъ Давидъ съ нимъ одного своего раба съ тысячею всадниковъ и пошли съ нимъ также оба сына Бакрѣта, патриція, владѣтели ал-Хѣлидіата, съ тысячею всадниковъ и столкнулись съ Таронитомъ и разбили его. И дошла до нихъ въ эту пору вѣсть о побѣдѣ войскъ царя Василія надъ Фокою на морѣ въ Хрисополѣ. И вернулся рабъ Давида грузинскаго со своими людьми и также оба сына Бакрѣта во свояси и оправдывались передъ нимъ тѣмъ, что они уже исполнили то, чего онъ отъ нихъ требовалъ, то есть разбили Таронита. И разбрелось то войско, которое было при Никифорѣ, сынѣ Фоки, и

стали передъ нимъ Баграть, царь абхазскій, и отецъ его Гургенъ. Царь Василій одарилъ въ знакъ почета Гургена титуломъ магистроса, а Баграта титуломъ куропалата ¹⁾). Это лукавое

самъ онъ пошелъ къ своей матери; она же пребывала въ томъ замкѣ, въ которомъ былъ заключенъ Склиръ“. (Извлеченія изъ Лѣтописи Яхъи Антиохійскаго, барона В. Р. Розена, стр. 24). Далѣе о Давидѣ Яхъя повѣствуетъ:

„И гнѣвался царь Василій на Давида, царя грузинъ, владѣтеля ал-Тайя, и на двухъ сыновей Бакрѣта, владѣтелей ал-Халидѣата, за то, что они помогали Фокѣ, и послалъ войско для войны съ ними подъ начальствомъ одного патриція, именуемаго Джак-русомъ. И пошелъ онъ на сыновей Бакрѣта и убилъ старшаго изъ нихъ и сослалъ младшаго. И просилъ Давидъ, царь грузинъ, у царя Василія прощенія и пощады и обѣщалъ ему повиновеніе и покорность, и что его владѣнія, послѣ его смерти, будутъ присоединены къ его (Василія) государству, такъ какъ онъ самъ дряхлый старикъ и не имѣетъ ни сына ни другихъ наслѣдниковъ, и просилъ царя разрѣшить ему прислать своихъ сановниковъ ко двору его, чтобы *царь* могъ взять съ нихъ (клятвы) и заручиться обязательствами съ ихъ стороны, что они сдадутъ города по смерти ихъ государя. И понравился образъ дѣйствія его царю Василію, и едѣлалъ онъ его куропалатомъ и послалъ ему платя съ драгоценными украшеніями. И надѣлъ онъ ихъ и велѣлъ въ странѣ своей молиться за царя Василія, и отправилъ каеволикоса грузинъ ко двору *царя* съ многими сановниками государства. И роздалъ имъ царь титулы и оказалъ имъ милости, и возвратились они все къ Давиду“ (ibidem; стр. 27).

По словамъ того же Яхъя, въ 1000 году въ январѣ Василій, назначивъ Никифора Урана правителемъ Антиохіи, самъ отправился въ Тарсусъ и Массису и въ этихъ областяхъ оставался шесть мѣсяцевъ: „И дошла до него вѣсть, продолжаетъ Яхъя, о смерти Давида куропалата, царя грузинъ, въ городѣ ал-Тай. И пошелъ царь туда и послѣдовалъ за нимъ магистръ, правитель Антиохіи, съ войсками. И принялъ царь все страны грузинъ и назначилъ надъ ними отъ себя правителей изъ грековъ“ (ibid. стр. 41).

¹⁾ Армянскій писатель начала XI вѣка Асохикъ даетъ свѣдѣнія не только согласныя съ свѣдѣніями этого параграфа, но и болѣе подробныя и обстоятельныя. Вотъ что пишетъ Асохикъ:

средство онъ пустилъ въ ходъ для того, чтобы отца и сына сдѣлать врагами другъ друга. Но Гургенъ былъ человѣкъ

„Я счелъ бы долгомъ распространить плачевный свой рассказъ о смерти великаго куропалата Давида, если бъ не побоялся, что это завлечетъ меня далеко, и потому вмѣсто панегирика ограничусь краткимъ упоминашемъ. Кротостью и миролюбивымъ нравомъ онъ превосходилъ всѣхъ государей, живущихъ въ наше время. Онъ былъ виновникомъ мира и благоустройства всѣхъ восточныхъ странъ, въ особенности же Арменіи и Иверіи. Онъ прекратилъ войны, безпрестранно со всѣхъ сторонъ возникавшія, восторжествовавъ надъ всѣми окрестными народами, такъ что всѣ государи добровольно покорялись ему. Скончался онъ въ глубокой старости, удрученный лѣтами, въ великій день спасительной Пасхи, въ 449—1000 году. Такъ какъ у него не было ни сына ни брата, который бы могъ наследовать престолъ его владѣнія, поэтому онъ поручилъ своихъ вассаловъ греческому царю Василию, который, получивъ извѣстіе о смерти Давида въ Тарсѣ киликійскомъ, успѣшилъ прибыть въ страну нашу“.

Указавъ въ дальнѣйшемъ рассказѣ подробный маршрутъ Василія, Асохикъ продолжаетъ:

„Направляя далѣе свой путь, царь достигъ горы Хав-тчитча и городъ того же имени, гдѣ онъ былъ встрѣченъ Багаратомъ, царемъ анхазскимъ, и отцомъ его Гургеномъ, царемъ иверійскимъ. Василій, сдѣлавъ великолѣпный пріемъ анхазскому царю, пожаловалъ его въ достоинство куропалата, а отца его въ магистры—и отпустилъ въ ихъ землю“.

Далѣе Асохикъ передаетъ о слѣдующемъ кровавомъ инцидентѣ, имѣвшемъ мѣсто между иверійскими войсками и русскимъ отрядомъ, сопровождавшимъ Василія:

„Въ самый день отъѣзда послѣдняго (Гургена) въ греческомъ лагерѣ произошла сильная схватка изъ-за ничтожной причины. Князья и вассалы куропалата Давида, прибывшіе туда, стояли недалеко отъ греческаго лагеря. Изъ пѣхотнаго отряда рузовъ (т. е. русовъ) какой-то воинъ несъ сѣно для своей лошади. Подошелъ къ нему одинъ изъ иверійцевъ и отнялъ у него сѣно. Тогда прибѣжалъ къ рузу на помощь другой рузь. Иверіецъ кликнулъ къ своимъ, которые, прибѣжавъ, убили перваго руза. Тогда весь народъ рузовъ, бывший тамъ, поднялся на бой: ихъ было 6000. человѣкъ пѣныхъ, вооруженныхъ

честный и справедливый ¹⁾), и Василий не могъ возбудить въ сердцѣ его *зависть* ни этимъ лукавствомъ ни другими средствами ²⁾.

коньями и щитами, которыхъ просилъ царь Василий у царя рузовъ въ то время, когда онъ выдалъ сестру свою замужъ за послѣдняго. Въ это же самое время рузы увѣрвали во Христа. Всѣ князья и вассалы тайкскіе выступили противъ нихъ и были побѣждены. Тутъ погибли: великій князь князей, по имени Патріархъ (должно быть Патрикій), два сына Очопентре—Габріель и Иоаннесъ, Чортванель, внукъ Абу-Харба, и многіе другіе, ибо гнѣвъ Божій тяготѣлъ надъ ними за ихъ высокомеріе“.

Затѣмъ, по извѣстіямъ Асохика, царь Василий отправился въ городъ Ухтикъ, покорилъ подъ власть свою всѣ крѣпости и неприступныя мѣста, давъ ихъ въ руки вѣрнымъ людямъ; остальныхъ же тайкскихъ дворянъ взялъ съ собою, чтобы поселить ихъ въ землѣ греческой, и самъ возвратился черезъ [Каринъ и] Хахтоаритчъ въ Константинополь“ (Всеобщая Исторія Степаноса Таронскаго, Асохика по прозванію, переводъ Н. Эмина, Москва 1864 г., стр. 198—201).

¹⁾ Въ К. Ц.: искренній.

²⁾ Весь этотъ параграфъ внесенъ во всѣ списки К. Ц. Вахтанговской редакціи (см. К. Ц. 209—210. Н. Г. р. 297).

Однако царемъ Василиемъ, судя по Асохику, Гургенъ остался очень недоволенъ. Вотъ что рассказываетъ объ этомъ Асохикъ:

„Царь иверійскій Гургенъ, считая для себя униженіемъ достоинство магистра, пожалованное ему царемъ Василиемъ, какъ человекъ отъ природы ограниченный, отложился отъ него и, со всѣмъ своимъ войскомъ напавъ на тайкскую страну, завладѣлъ ею. Осадивъ небольшую крѣпость Ухтикъ, малѣйшаго вреда не могъ причинить не только ей, но и никакой другой крѣпости, и потому стянулъ всѣ свои войска въ Мамруанской долины, гдѣ и расположился лагеремъ. Царь Василий, узнавъ это, приказалъ магистру идти на Гургена, который той же дорогой пришелъ, расположился въ басенскомъ округѣ въ 450 году армянскаго лѣтосчисленія [—1001]. Обѣ [непріятельскія] стороны провели въ этихъ мѣстахъ цѣлый годъ до наступленія зимы. Тогда Капикль вступилъ съ Гургеномъ въ переговоры, говоря, что императоръ согласенъ исполнить его желаніе. Магистръ и Гургенъ съѣхались на лѣсной горѣ Метцобацъ въ деревнѣ, называемой Сурб-астуатцагацинъ [св. Богородица] по имени нахо-

55. Умеръ ¹⁾ этотъ Гургенъ, царь царей, сынъ грузинскаго царя Баграта, въ корониконъ 228—1008 ²⁾, оставивъ упомянутаго сына своего Баграта, царя абхазскаго, великаго куропалата. Багратъ получилъ Тао, владѣніе свое, и покорилъ подъ свою власть весь Кавказъ отъ Джикети до Гурганскаго моря ³⁾; а Адарбадаганъ и Ширванъ онъ обложилъ данью въ качествѣ армянскаго царя. Правя спокойно, онъ мудростью и могуществомъ своимъ персидскаго царя сдѣлалъ другомъ и преданнымъ себѣ болѣе чѣмъ своихъ домочадцевъ. Боялся его также постоянно и царь греческій ⁴⁾.

56. Этотъ куропалатъ Багратъ пригласилъ къ себѣ на свиданіе въ крѣпости Фанаскертской кларджетскихъ государей, Сумбата и Гургена, сыновей Баграта Артануджскаго, сыновей сестры отца своего ⁵⁾, плѣнилъ ихъ тамъ, срылъ ихъ города ⁶⁾ и крѣпости, ихъ самихъ заточивъ въ Тмогвской крѣпости. И здѣсь, въ Тмогвской крѣпости, умеръ Сумбатъ Артануджскій въ корониконъ 231—1011. Въ томъ же году умеръ также Гургенъ, братъ Сумбата, въ корониконъ 232—1012.

57. Между тѣмъ сыновья ихъ Багратъ, сынъ Сумбата, и

дѣющейся въ ней церкви: свидѣвшись другъ съ другомъ, они заключили между собою миръ и разъѣхались каждый въ свою сторону“ (Всеобщая Исторія Асохика, стр. 201—202).

¹⁾ Въ К. Ц.: черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого умеръ.

²⁾ Этотъ параграфъ до этого мѣста внесенъ во все списки К.-Ц. Вахтагановской редакціи (К. Ц. 210. Н. Г. 297).

³⁾ Въ нашемъ текстѣ по ошибкѣ сказано: до Горагетіи; въ Т. до Гургена. Гургенское море иначе Каспійское море.

⁴⁾ Этотъ параграфъ отъ словъ: „Багратъ получилъ“ внесенъ во все списки К.-Ц. Вахтагановской редакціи (К. Ц. 212. Н. Г. р. 301).

⁵⁾ Этихъ четырехъ словъ нѣтъ въ К. Ц. Значитъ, Багратъ Артануджскій (†968) былъ женатъ на дочери Баграта-Регвени, сестрѣ Гургена и Сумбата, Впрочемъ въ Т. сказано, вѣроятно по ошибкѣ: кромѣ сыновей сестры отца.

⁶⁾ Въ нашемъ оригиналѣ: земли.

Деметре, сынъ Гургена, отпразднелись въ Константинополь, къ царю Василию. Дѣти же ихъ, царей кларджетскихъ, которые остались въ этой странѣ, всѣ кончили жизнь въ заточеніи ¹⁾.

58. Послѣ этого [царь] Багратъ объѣхалъ все свое царство, Абхазію, Эретию, Кахетію, пришелъ и остался зимовать въ ущельяхъ Тао, а съ наступленіемъ весны, на третій годъ, пріѣхалъ въ ту же Фанаскертскую крѣпость и въ ней умеръ этотъ Багратъ въ корониконъ 234—1014, мѣсяца мая 7, въ день пятницы ²⁾, и оставилъ сына своего Георгія, который сѣлъ царемъ, имѣя 18 лѣтъ отъ роду ³⁾.

59. Между тѣмъ какъ [только] Георгій сѣлъ царемъ, правители ⁴⁾ Эрети и Кахети отложились отъ этой страны, и, благодаря измѣнѣ азнауровъ, эриставы тѣхъ странъ были

¹⁾ Последніе два параграфа внесены во всѣ списки К. Ц. Вахтанговской редакціи съ такимъ добавленіемъ въ началѣ: „Но мы расскажем и то, что изъ Багратидовъ, о которыхъ мы выше писали какъ о царяхъ и куропалатахъ, нѣкоторые царствовали въ Картліи, другіе въ Самцхѣ и въ Тао до тѣхъ поръ, пока воцарился этотъ Багратъ. Когда же царемъ сдѣлался упомянутый Багратъ, нѣкоторыхъ изъ Багратидовъ уже не было въ живыхъ, другіе умерли при немъ, такъ что къ концу его времени никого не осталось изъ другихъ Багратидовъ, кромѣ Сумбата и брата его Гургена, сыновей Баграта Артануджскаго, которые царствовали въ Кларджетѣ и о смерти которыхъ мы выше писали: Сумбата подъ 231—1011 короникономъ, а брата его Гургена подъ 232—1012. Смерть же ихъ произошла такимъ образомъ: Разъ этотъ царь-куропалатъ Багратъ пригласилъ къ себѣ“... (дальше приводится слово въ слово нашъ текстъ Истории Сумбата. К. Ц. 213. Н. Г., р. 302). Приведеннаго нами добавленія нѣтъ въ Теймуразовскомъ спискѣ.

²⁾ По Армянской Хроникѣ, Багратъ царствовалъ 36 лѣтъ и умеръ въ корониконъ 235, т. е. въ 1015 г. Этотъ же самый годъ указываетъ Аристархъ, по извѣстіямъ котораго Багратъ умеръ въ 464 году армянскаго лѣтосчисленія, что соотвѣтствуетъ тому же 1015 году.

³⁾ Этотъ параграфъ тоже цѣликомъ внесенъ во всѣ списки К. Ц. Вахтанговской редакціи (см. К. Ц. 213. Н. Г., р. 302—303).

⁴⁾ Это слово имѣется только въ Баратовскомъ вариантѣ лѣтописи.

схвачены, и вмѣсто нихъ водворились прежніе ихъ владѣтели¹⁾.

60. Въ седьмой годъ царствованія названнаго Георгія, Василій, царь греческій, выступилъ противъ него. Съ своей стороны и этотъ Георгій вышелъ навстрѣчу ему съ большимъ войскомъ. Обѣ стороны расположились лагеремъ въ Басіанской области и оставались неподвижно много дней, не завязывая битву другъ съ другомъ. Между тѣмъ Георгій отступилъ, пришелъ и сжегъ городъ Олтиси. Царь греческій пошелъ за нимъ по пятамъ. Какъ только авангардъ царя Василія и аррьергардъ Георгія сошлись, завязалась большая битва въ деревнѣ, которая называется Ширимта, и много пало съ обѣихъ сторонъ. Тутъ между прочимъ были убиты великіе эриставы [царя Георгія]—Рать, сынъ Липарита, и Хурсъ²⁾. Какъ только царь Георгій услышалъ шумъ битвы, пришелъ въ ярость, двинулся и пришелъ къ тому мѣсту, гдѣ было сраженіе. Туда же подступилъ съ большимъ войскомъ и царь Василій. И съ той и съ этой стороны подступили другъ къ другу, и произошло тутъ большое сраженіе. Много великихъ грековъ пало здѣсь, и войска Георгія взяли много добычи. Сраженіе было настолько сильное, что царь Василій думалъ уже бѣжать, но сторонники Георгія выказали малодушіе, ибо они, отступивъ, ушли. Между тѣмъ Василій, слѣдуя за ними, пришелъ въ Артанъ, сжегъ его и взялъ въ плѣнъ, кого нашелъ, Георгій же черезъ Нигаль направился въ Самцхе, за нимъ туда же черезъ Джавахетію двинулся и Василій, опустошая все. Георгій перешелъ въ Триалетію, и Василій поспѣшилъ за нимъ туда же. Когда они *тутъ* снова сошлись, Георгій былъ *сильно* подкрѣпленъ войсками, ибо онъ привелъ на помощь цанаровъ и шаковъ. Какъ только это замѣтилъ Василій, повер-

1) Этотъ параграфъ внесенъ во всѣ списки К. Ц. Вах. редакціи.

2) Т. прибавляетъ: и знатные.

нудъ изъ Триалетіи, обошелъ Джавахетію и Артанъ во время зимы и, еще больше прежняго опустошивъ ихъ, ушелъ и сталъ зимовать въ странѣ Халдійской, въ городѣ Трепизондѣ. И послы съ предложеніемъ мира и союза ходили между двумя государями и съ той и съ этой стороны ¹⁾.

¹⁾ По Аристокэсу Ластивертаци, когда умеръ абхазскій царь Багратъ въ 464 г. армянскаго лѣтосчисленія (1015 г.), сынъ его Георгій сдѣлался царемъ вмѣсто него. Последнему царь Василій написалъ грамоту слѣдующаго содержанія: „То, что я отдалъ отъ владѣнія куропалата (Давида) твоему отцу, какъ подарокъ, это оставь и будь княземъ только твоего отечества“. На это Георгій не согласился и, уповая на свою молодость, отвѣтилъ ему: Изъ того, чѣмъ владѣлъ мой отецъ, ни одного дома никому не дамъ“. Получивъ такой отвѣтъ, Василій послалъ большое войско, чтобы силой покорить эту страну. Противъ нихъ вышли храбрыя тайскія войска около города Ухти (Ухтикъ) и обратили римское войско въ бѣгство, но городу и другимъ населеннымъ мѣстностямъ они никакого вреда не причинили. Это было, замѣчаетъ Аристокэсъ, начало паденія тайскаго дома.

Затѣмъ, по Аристокэсу, въ 470 г. армянскаго лѣтосчисленія (1021 г.) Василій съ большимъ войскомъ отправился на Востокъ и, остановившись на обширной равнинѣ Карина (Эрзерума), отправилъ пословъ къ владѣтелю грузинъ Георгію, чтобы онъ пришелъ и покорился ему, ибо одинъ епископъ, родомъ грузинъ, который сидѣлъ въ Валанакертѣ, выйдя навстрѣчу Василю, увѣрилъ его въ слѣдующемъ: „Какъ только ты явишься въ Екегіацъ или придешь въ Каринъ, онъ (Георгій) явится къ тебѣ навстрѣчу“. Василій, повѣривъ его словамъ и будучи убѣжденъ, что Георгій придетъ, ждалъ его пріѣзда на каждой станціи. Но Георгій не соглашался явиться на зовъ царя, ибо многіе изъ его людей страшили его, говоря: „Какъ только онъ тебя увидитъ, велитъ убить тебя или взять въ плѣнъ, и ты не получишь почести“. Василій, придя въ Басенъ, послалъ къ Георгію двухъ или трехъ пословъ, ибо онъ очень желалъ миромъ кончить свой походъ и оставить страну невредимой. Но потомъ, когда переговоры не увѣнчались успѣхомъ, онъ приказалъ опустошить огнемъ, мечомъ и плѣномъ большой городъ, который называется Окомы, и тѣ деревни и помѣстья, которыя находятся въ этой мѣстности. Забравъ плѣнныхъ, Василій велѣлъ увезти ихъ въ Халдійскую провинцію, и самъ направилъ свой путь черезъ Басенъ и

61. Въ то время въ Греціи случилось большое возмущеніе, ибо спасеть Василія [Ксифенъ] и Царвизъ ¹⁾), сынъ

пришелъ въ Ванандъ, или Поракъ (по варианту: „въ провинцію Красный Поракъ“). Георгій же, найдя удобный случай, пошелъ на гор. Ухти и приказалъ своимъ воинамъ уничтожить огнемъ красивыя зданія города и разграбить его, но людямъ никакого вреда не причинять. Узнавъ объ этомъ, Василій еще больше разсердился и направился противъ Георгія. Войска встрѣтились около озера, которое называется Палакаціосъ. Они кинулись другъ на друга (тутъ Аристокэсъ даетъ картинное описаніе битвы въ духѣ другого историка Егише Вардапета). Смотри на сраженіе, самъ Василій удивлялся храбрости сражающихся, ибо они были подобны волнамъ, ударяющимся о скалы и возвращающимся назадъ. Такимъ образомъ войска римскія, сражаясь съ ними, подались назадъ. Въ этомъ сраженіи палъ великій князь Ратъ, ибо его лошадъ, встрѣтивъ болото, не могла перейти его; и, напавъ на этого славнаго вождя, убили его, что доставило большое огорченіе тайкскому дому. Георгій со своими войсками удалился въ абхазскую крѣпость, а царь Василій, пославъ войска въ разныя стороны этой земли, строго приказалъ имъ опустошить все и не щадить ни старыхъ, ни молодыхъ, ни дѣтей, ни мужщинъ, ни мужей, ни женъ и вообще никого, и такимъ образомъ онъ разорилъ двѣнадцать округовъ (идеть картинное описаніе въ библейскомъ духѣ разоренія дворцовъ, замковъ, опустошенія страны и звѣрской расправы съ людьми со стороны греческихъ войскъ, которыя, по словамъ автора, были дикаго нрава, потому что состояли изъ разныхъ дикихъ племенъ). Разрушивъ все до наступленія зимы, Василій, по словамъ Аристокэса, цвѣтущую страну превратилъ въ безплодную пустыню и вернулся на зимовку къ берегамъ Понта и остановился въ странѣ Халди (Исторія Аристокэса Ластивертаци на арм. яз. гл. I и II. Эти и другія свѣдѣнія, приведенныя мною изъ Аристокэса, извлечены изъ подстрочнаго перевода, продиктованнаго мнѣ Н. Р. Карамяномъ, которому долгомъ считаю выразить свою благодарность за содѣйствіе. Перевода Prud'homme'a, Histoire d' Arménie, Revue d' Orient 1864, и отдѣльно, у меня не было въ рукахъ. Отрывки изъ Аристокэса можно прочесть и у Броссе. Additions, p. 216—218).

¹⁾ Царвизомъ у грузинскихъ и армянскихъ авторовъ извѣстенъ Никифоръ Фока, сынъ Варды Фоки. Подъ спасетомъ, т. е. военачальникомъ Василія подразумѣвается Ксифенъ или Ксифіасъ.

отложившагося Фоки, стоворились вмѣстѣ; царемъ сдѣлался Ксифень, и они переманили на свою сторону всю страну Востока. Но Богъ оказалъ милость сильно перепугавшемуся Василию, ибо Ксифень отложился отъ Царвиза и всѣ его приверженцы *разбрелись*. *Самого Царвиза* окружили въ крѣпости, поймали и представили передъ Василиемъ, который послалъ его въ заточеніе на одинъ островъ и многихъ приверженцевъ его обезглавилъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ Шерисъ, сынъ Джоджика, грузинъ ¹⁾).

¹⁾ Т.: Шеризъ, сынъ Джоджика, родомъ изъ Тао, другіе же были греки.

По Аристакэсу возстаніе Никифора Фоки произошло весной слѣдующаго 1022 года, когда Василій, покончивъ зимовку на берегахъ Понта, снова выступилъ въ Тайкъ и разбилъ свой лагерь въ Басенѣ. Такъ какъ многіе изъ византійскихъ князей, которыхъ царь въ разное время изъ-за разныхъ причинъ лишилъ титуловъ и владѣній, разбили отдѣльно лагерь, объявили императоромъ Никифора и стали угрожать Василию, то Василій сильно перепугался и укрѣпился въ замкѣ, который называется Маздаты. Такимъ образомъ по Аристакэсу выходитъ, что первое столкновеніе Василія съ Фокой имѣло мѣсто въ Басенѣ. Послѣ подавленія бунта, о которомъ Аристакэсъ подробно рассказываетъ, Василій снова пришелъ въ Басенъ и оттуда послалъ отрядъ языческихъ всадниковъ, чтобы захватить возставшаго Шерса. Самъ онъ разбилъ лагерь, который окружилъ ровомъ, у границъ Басена, въ мѣстности, которая называется Салькора, гдѣ пробылъ мѣсяць или больше. Посланные императора, схвативъ Шерса и зятя его Андроника, сообщника Шерса, привели ихъ къ хутору, противъ замка Хахто-іаритчъ, на границѣ Карина (Эрзерума), гдѣ тамъ отрубили имъ головы. Такъ имъ было приказано отъ императора, потому что они, возставъ, были соучастниками абхазца и обѣщали послѣднему предоставить владѣніе до этого мѣста, ибо Давидъ куропалаты прежде владѣлъ этимъ, но это не было его отцовское наслѣдіе, а подарокъ отъ императора за его вѣрноподданность, и куропалаты обѣщали послѣ своей смерти уступить эту провинцію императору. Но они (бунтовщики) объ этомъ не думали, а стали щедрыми въ раздачѣ того, что имъ не принадлежало. Поэтому и велѣлъ царь, чтобы имъ головы отрубили на этомъ мѣстѣ (Исторія

62. Царь Василій снова выступилъ въ походъ, пришелъ въ Басіанъ и требовалъ отъ царя Георгія крѣпостей и земель, обѣщавъ ему союзъ и миръ. Между тѣмъ царь Георгій выслалъ предъ собою Звіада съ большимъ войскомъ. Звіадъ въ свою очередь расположился лагеремъ съ этой стороны на границѣ Басіана, какъ будто на зимовку. Самъ царь Георгій выступилъ за нимъ съ большимъ и сильнымъ войскомъ, но съ желаніемъ мира. Но коварные люди и съ той и съ этой стороны не допустили Георгія заключить миръ, ибо они не желали его, подстрекали царя къ битвѣ и поощряли идти на Василія, который думалъ и ожидалъ, что они придутъ для заключенія мира и союза. Между тѣмъ войска Георгія начали битву и обратили въ бѣгство часть войска Василія. Тогда царь Василій приказалъ привѣсить къ оконечности копья письмо¹⁾, написанное ему нашимъ Георгіемъ относительно вѣрности и союза, поднялъ его такимъ образомъ оконечностью копья вверхъ и, обративъ его къ Богу, сказалъ: „Взгляни, Господи, на это письмо ихъ и на дѣла, которыя они теперь совершаютъ“. Затѣмъ царь Василій взялъ Животворящее древо, обвернутое въ чистое покрывало, бросилъ его на землю и сказалъ такъ: „Если ты отдашь меня въ руки враговъ моихъ, я никогда больше не буду поклоняться тебѣ“. Какъ только онъ это сдѣлалъ и сказалъ, тотчасъ были побѣждены и обратились въ бѣгство войска Георгія, которыя при-

Аристокеса, глав. III). Что бунтовщики находились въ сношеніи съ Георгіемъ, это видно и изъ византійскихъ источниковъ (Lebeau, t. XIV p. 222).

¹⁾ О письмѣ въ предыдущемъ разсказѣ ничего не упоминается у нашего историка. По Аристокесу, какъ увидимъ ниже, письмо дѣйствительно было написано и дано грузинскому епископу Валашкерта Захарію для отнесенія къ Василію, но на дорогѣ посланные Георгія отобрали письмо у Захарія. Тутъ, быть-можетъ, рѣчь идетъ о другомъ письмѣ.

шли раньше туда. И съ той стороны выступили отряды царя, русскіе¹⁾, и не осталось ни одного изъ прибывшихъ раньше,

¹⁾ Это упоминаніе о русскихъ отрядахъ принадлежитъ исключительно Исторіи Сумбата и отсюда внесено въ Теймуразовскій списокъ К. Ц. Вахтанговской редакціей. Въ списокъ Маріи, какъ увидимъ изъ приведеннаго ниже отрывка, о русскихъ не упоминается. Изъ другихъ грузинскихъ источниковъ раньше этого о русскихъ упоминаетъ приписка одного кинклоса подь 991 годомъ. Указанная приписка гласитъ: Въ корониконъ 211 (=991 г.), отъ сотворенія міра въ 6595 (=по грузинскому счету 991 г.). Въ этотъ годъ (дословно здѣсь) явились русскіе“ (Θ. Жорданія, хроники, т. 1, стр. 132). Относительно участія русскаго отряда въ войскѣ Василия, когда онъ послѣ смерти куропалата Давида (въ 1001 г.) прибылъ въ Грузію, мы уже указывали со словъ Асохика (см. выше, стр. 153, прим.). Можно полагать, что и упоминаніе о появленіи русскихъ въ приведенной припискѣ имѣетъ связь съ походами Василия, ибо изъ приведеннаго нами (см. стр. 153, прим.) отрывка антиохійскаго лѣтописца Яхьи мы узнаемъ, что 990 г. царь Василій, гнѣваясь на куропалата Давида за помощь, оказанную послѣднимъ Вардѣ Фокѣ, отправилъ противъ него съ войскомъ нѣкоего патриція Джѣк-руса. Ученый переводчикъ и комментаторъ Яхьи баронъ В. Р. Розень ничего общаго не находитъ между именемъ или прозвищемъ Джѣк-русъ (въ послѣднемъ слогѣ авторъ видитъ греческое окончаніе—рос) и именемъ народа русъ (см. Яхья, стр. 27 и прим. 178, стр. 226), но если самъ Джѣк-русъ не былъ русскимъ, то, по всей вѣроятности, отрядъ его состоялъ главнымъ образомъ, если не исключительно, изъ русскихъ. Вѣдь русскій отрядъ, впервые участвовавшій въ сраженіи при Хрисополѣ противъ Варды Фоки въ 988 г., надолго не покидалъ грековъ и своимъ появленіемъ рѣшалъ битвы. Другіе авторы ничего не говорятъ намъ объ экспедиціи Джѣк-руса, только Асохикъ упоминаетъ о нѣкоемъ Жанѣ Портезѣ, отправленномъ Василиемъ противъ Чортванела. „Изъ числа отложившихся, говоритъ Асохикъ, вмѣстѣ съ Фокою Вардомъ еще оставались нѣкоторые, какъ напр. магистръ Чортванель, племянникъ (по брату) монаха Торника, засѣвшій въ странахъ Держана и Тароца. Царь Василій послалъ на него патрика Жана, онъ же Портезъ, который, пришедъ, далъ ему два сраженія, въ послѣднемъ изъ которыхъ онъ убилъ Чортванела на равнинѣ багаринджской въ держанскомъ округѣ въ 439—990 году. Съ той поры вся Греція, поко-

за исключеніемъ немногихъ, ибо самъ царь Георгій и болѣе сильное его войско пока еще совсѣмъ не подходили *туда*. Въ этотъ день были убиты и тѣ, которые не желали заключенія мира. Всѣ были обращены въ бѣгство; безчисленное множество погибло отъ меча; другіе бѣжали. Греки взяли большую добычу и цѣликомъ все царское сокровище, которое они (грузины) имѣли при себѣ.

63 Царь Василій подвинулся немного впередъ по слѣдамъ [царя Георгія] и завелъ снова попрежнему переговоры о мирѣ и союзѣ, ибо онъ боялся новаго возстанія въ Греціи. Тогда они заключили миръ и союзъ. Царь Георгій далъ въ заложники сына своего Баграта, младенца трехъ лѣтъ, и уступилъ двѣнадцать ¹⁾ крѣпостей и земли, которыми владѣлъ куропалатъ Давидъ въ Тао, Басіанѣ, Джавахетіи и Шавшетѣ. Такимъ образомъ царь греческій Василій уѣхалъ и взялъ съ собою Баграта, юнаго младенца, но обѣщалъ Георгію выслать обратно Баграта черезъ три года ²⁾.

ренная подъ власть Василія, стала наслаждаться миромъ (Асохикъ, пер. Эмпа, стр. 180). Относительно этого похода Жана, баронъ Розенъ замѣчаетъ, что это, можетъ-быть, одинъ изъ эпизодовъ похода нашего Джак-руса (Яхья, прим. 178, стр. 226). Разница на одинъ годъ между указаніемъ похода Джак-руса по свидѣтельству Яхьи и указаніемъ приписки упомянутаго кинклоса не имѣетъ существеннаго значенія, такъ какъ разница на одинъ годъ въ припискахъ кинклосовъ явленіе довольно обыкновенное, да и самъ Яхья, впрочемъ, не всегда можетъ претендовать на безусловную хронологическую точность.

¹⁾ Въ К. Ц.: четырнадцать.

²⁾ Современникъ походовъ Василія съ Георгіемъ Яхья Антиохійскій такъ описываетъ эти походы: „Что касается до того, что случилось съ царемъ Василіемъ послѣ занятія имъ Болгаріи, то дѣло вотъ въ чемъ: когда онъ былъ занятъ тамъ, усердно воюя съ ними, Георгій, царь абхазовъ, возымѣлъ намѣреніе нанести ему вредъ въ областяхъ сосѣднихъ съ его владѣніями. И овладѣлъ онъ крѣпостями и областями изъ тѣхъ, которыя дядя его, куропалатъ Давидъ, уступилъ царю Василію. И когда царь

64. По прошествіи трехъ лѣтъ, царь Василій, по обѣ-

дстигъ своей цѣли въ Болгаріи и покорилъ ее и вернулся въ Константинополь, то Георгій этотъ, царь абхазовъ, не счелъ нужнымъ исправить свою ошибку и воздержаться отъ своихъ дѣйствій и заявилъ ему свою преданность, какъ это дѣлали его отецъ и дядя, но возгордился и сталъ упорствовать въ своемъ заблужденіи и вступилъ въ переписку съ ал-Хâкимомъ о томъ, чтобы имъ соединиться другъ съ другомъ для войны съ *царемъ* и чтобы каждый изъ нихъ пошелъ на него изъ своей страны. И дошло это до царя Василія, и онъ преисполнился изъ-за этого гнѣвомъ противъ него и пошелъ изъ Константинополя въ Филомилиі (Φιλομίλιον грековъ, въ Писидіи, недалеко отъ Антиохіи писидійской, нынѣ Ак-Шехръ), не сказавъ никому, что онъ имѣетъ въ виду, а объявивъ приготовленія къ походу въ сирійскія земли. И направилъ онъ провіантъ, фуражъ и оружіе въ Антиохію, какъ приготовленіе къ этому походу, и не сомнѣвался никто въ томъ, что онъ пойдетъ на Сирію. И въ то самое время, когда царь былъ въ Филомилиі, случилось исчезновеніе ал-Хâкима; и пошелъ онъ воевать абхазовъ. И когда узналъ объ этомъ абхазецъ, то онъ собралъ свои войска и призвалъ на помощь кого только могъ изъ чужихъ и выступилъ въ самыя окраины своихъ владѣній, желая столкновенія съ *царемъ* и сраженія съ нимъ. И когда приблизился къ нему царь и обнаружилась ему сила его войскъ и могущество его рати, то абхазецъ обратился въ бѣгство безъ боя. И преслѣдовалъ его царь, пока онъ не нашелъ защиты за рѣкой, черезъ которую не могли переправиться греческія войска. Тогда онъ сжегъ его селенія и разграбилъ всѣ находившіеся тамъ припасы и увелъ изъ его странъ и убилъ и ослѣпилъ болѣе двухсотъ тысячъ человекъ его подданныхъ, и опустошилъ всѣ принадлежавшія ему области и селенія, кромѣ тѣхъ, которыя лежали въ мѣстностяхъ за той рѣкой, за которой онъ искалъ убѣжища и черезъ которую не могли переправиться (греческія) войска. И наступила зима, и ушелъ царь Василій въ Требизондъ, чтобы войска тамъ провели зимнее время и чтобы затѣмъ вернуться въ походы. И въ это время уступилъ Сеннахарибъ, царь Асфарагана, всѣ свои крѣпости, земли и всю страну асфараганскую царю Василію. И уступилъ ему Ибн-ал-Дайрани, сосѣдъ *перваго*, свои крѣпости и замки, и присоединилъ *царь* все это къ своему государству. И было число ихъ болѣе сорока, крѣпостей и замковъ. И сдѣлалъ царь изъ нихъ особое катепанство и помѣстилъ въ крѣпостяхъ воиновъ и поставилъ надъ ними правителей.

щанію, прислалъ изъ города Константинополя Баграта, сына

Сеннахарibu же и Иби-ал-Дайрани съ ихъ семействами и родственниками онъ далъ въ вознагражденіе обширныя имѣнія, большія деньги и высокіе титулы. И съ прибытіемъ царя въ Трeбизондъ онъ началъ хлопотать объ отправкѣ флота моремъ въ страну абхазовъ. И прибылъ къ нему отъ царя ихъ, Георгія, посоль, черезъ котораго онъ старался склонить его къ милости и извинился за свой поступокъ и обѣщаль, что уступить ему всѣ крѣпости и всѣ владѣнія, которыя принадлежали его дядѣ куропалату Давиду, и отдасть ему въ заложники сына своего, Бакрата, и неизмѣнно и неуклонно останется, пока онъ живъ, въ покорности ему и преданности. И внялъ царь Василій нeмy, чего онъ просилъ, и принялъ отъ него то, что онъ обѣщаль, и отправилъ вмѣстѣ съ его посломъ многихъ сановниковъ и судей. И взяли они всякія крѣпкія клятвы въ честномъ исполненіи обѣщаннаго и условленнаго съ Георгія абхазскаго и каболикоса—это глава духовенства его земли—со всѣхъ епископовъ и другихъ сановниковъ и высокопоставленныхъ его поданныхъ. И взялъ онъ (Василій) себѣ съ нихъ такое обезпеченіе клятвами, какое беретъ съ лицъ исповѣдующихъ (разныя) религіи. И пошелъ царь тогда, чтобы принять крѣпости и области, которыя ему обѣщаль абхазецъ, и взять его сына. И дошло въ то самое время до царя Василія, что патрицій Никифоръ, извѣстный подъ именемъ Ксифія, правитель области Анатолика, соединился съ Никифоромъ кривошейнымъ, сыномъ Варды Фоки, и сговорился съ нимъ возстать противъ него. (Тутъ слѣдуетъ подробный рассказъ о возстаніи Ксифія и Никифора кривошейна и о томъ какъ Ксифій изъ зависти измѣнически убилъ Никифора 15 августа 1022 г. и голову его послалъ Василію, но самъ былъ схваченъ Теофилактомъ Далассиномъ). И когда узналъ абхазецъ о возстаніи, происшедшемъ въ землѣ грековъ, то онъ вновь почувствовалъ себя сильнымъ и отрекся отъ того, что обѣщаль. И когда прибыла голова Фоки къ царю Василію, то онъ успѣшилъ послать ее Георгію абхазскому, чтобы дать ему ясно понять, что онъ ему не довѣряетъ. И стало тогда яснымъ царю, что все, что дѣлалъ абхазецъ, и переговоры его съ нимъ были лишь обманомъ. Дѣло въ томъ, что одинъ его визирь, Р-фâд-с (онъ, по догадкѣ барона Розена, быть-можетъ, тождественъ съ Липаритомъ Кедрина) по имени, совѣтовалъ ему пользоваться клятвами именемъ Божиимъ и обязательствами, данными имъ, какъ средствомъ для устройства западни царю Василію. Царь же, повѣривъ клятвамъ абхазца и отправившись въ его страну для принятія областей и

Георгія. Багратъ прибылъ въ Тао и вступилъ въ свое владѣніе въ Бану. Катабанъ ¹⁾ Востока сопровождалъ Баграта до границъ его владѣнія ²⁾.

крѣпостей, которыя тотъ обѣщалъ ему, и для взятія его сына, одержалъ верхъ лишь потому, что взялъ съ собою храбрѣйшихъ и лучшихъ воиновъ столько, сколько счелъ нужнымъ для покоренія себѣ абхазца силой въ случаѣ, еслибъ тотъ уклонился отъ заключеннаго между ними договора и не исполнилъ его. И подумалъ абхазецъ, что задуманное имъ противъ царя дѣло ему вполне уже удалось. И когда онъ приблизился къ нему, то онъ и напалъ на войска царя, чтобы обратить ихъ въ бѣгство и погубить ихъ. И сразился съ нимъ царь и убилъ и взялъ въ плѣнъ великое множество изъ войска абхазца. И бѣжали абхазецъ и его визирь и кто послѣдовалъ за нимъ изъ его людей разбитыми. И захватило войско царя всѣ деньги абхазца и припасы и кромѣ того весь скарбъ его людей, и угнали греки скотъ ихъ, верховой и вьючный. И сталъ тогда абхазецъ опять унижаться передъ царемъ и выражать свою покорность предъ нимъ и упрашивать его, пока онъ не принялъ его сына и не принялъ крѣпостей и городовъ выше упомянутыхъ и не условился съ нимъ, чтобы его сынъ оставался въ столицѣ царя два года, по истеченіи которыхъ царь пришлетъ его назадъ къ нему. И ушелъ царь изъ страны абхазца, направляясь въ страну грековъ. И было это въ сорокъ восьмомъ году его царствованія, то есть 414 гиджры (26 марта 1023—14 марта 1024). И схватилъ царь послѣ убіенія Фоки всѣхъ участвовавшихъ въ возстаніи и конфисковалъ ихъ имѣнія и убилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и ослѣпилъ другихъ и заключилъ въ тюрьму третьихъ, Ксифія же омонашилъ и назначилъ ему мѣстомъ жительства одинъ монастырь внѣ Константинополя, принявъ во вниманіе прежнюю службу его ему, когда онъ вмѣстѣ съ нимъ былъ въ походахъ въ Болгаріи. И по той причинѣ также, что у него по временамъ получалъ перевѣсъ элементъ черной желчи—вслѣдствіе чего у него являлась иногда нѣкотораго рода меланхолія—онъ пощадилъ его жизнь, а деньги и имѣнія конфисковалъ“ (Извлеченія изъ Лѣтописи Яхьи Антиохійскаго барона В. Р. Розена, стр. 61—63, 65—66).

¹⁾ Обыкновенная форма этого слова катаманъ (катепанъ), который въ устахъ грузинъ превратился въ катабана.

²⁾ По Аристакесу, когда Василій былъ въ Салькора, онъ потребовалъ отъ Георгія три замка съ ихъ землями, которыми Гургенъ за-

65. Но, какъ только катанъ повернулъ назадъ,

владѣль неправильно отъ владѣнія куропалата. Василій, отправивъ пословъ къ Георгію, написалъ ему въ сладкихъ выраженіяхъ: „Оставь то, что не твое отцовское наслѣдство, и живи въ мирѣ въ твоихъ владѣніяхъ и не будь мнѣ препятствіемъ на пути въ Персію“. Когда на это Георгій не согласился, царь отправилъ потомъ Захарія, епископа Валашакерта, о которомъ уже было вскользь упомянуто. Захарій, прийдя къ Георгію, обманулъ его убѣдительными словами, и Георгій согласился написать императору, что даетъ то, что онъ просилъ. Захарій, взявъ это письмо, отправился обратно съ радостью. Но, пройдя однодневную дорогу, на станціи, гдѣ онъ долженъ былъ остановиться, его догнали посланные Георгія и потребовали обратно письмо, заявивъ, что Георгій, какъ безумный, раскаивается въ этомъ, и, взявъ письмо, вернулись назадъ. Епископъ же пришелъ къ царю и рассказалъ ему о случившемся. Тогда царь сталъ спрашивать его о войскахъ и о готовности Георгія къ войнѣ, Захарій, отвѣчая ему, сказалъ, что у Георгія больше войскъ, чѣмъ у кого-либо, и что эти войска сильны и готовы къ войнѣ. Услышавъ это, царь разсердился и сказалъ епископу: „И ты со стороны возставшихъ пришелъ ко мнѣ и нагоняешь страхъ, на меня“. Онъ приказалъ отправить его въ Константинополь, сказавъ ему: „Иди, оставаясь тамъ, пока я какъ бѣглець приду къ тебѣ“; а людямъ, которые должны были сопровождать его, царь приказалъ отрѣзать ему языкъ. Захарій пошелъ и не возвращался больше на свое мѣсто, оставаясь тамъ до своей смерти. Послѣ этого Василій оставилъ свой лагерь въ Салькора, двинулся съ войсками впередъ и пришелъ къ мѣстности, называемой Шегрпна. Пока Василій еще не укрѣпился въ лагерь, Георгій прибѣгнулъ къ такой хитрости: онъ послалъ въ качестве посла одного изъ главныхъ своихъ епископовъ и самъ позади него двинулся со своими войсками, чтобы напасть на нихъ врасплохъ и, нагнавъ страхъ, обратить ихъ въ бѣгство. Въ этихъ видахъ конные воины Георгія, опережая другъ друга, такъ спѣшили, какъ будто они устремлялись не на войну, а на добычу (слѣдуютъ библейскія сравненія, такъ частыя у нашего автора). Когда войска Георгія достигли до греческаго лагеря, они были утомлены и изнурены отъ быстроты ѣзды и длинныхъ переходовъ, такъ что они легко были окружены греками и избиты въ большомъ количествѣ. Остальные со своимъ царемъ убѣжали и укрѣпились въ абхазскомъ замкѣ. До заката солнца греки преслѣдовали грузинъ

его встрѣтили мандатуры ¹⁾ съ письмомъ, въ которомъ было написано такъ: „Царь Василій, братъ мой, умеръ, и я [Константинь] сдѣлался царемъ всей Греціи, и нынѣ, до какого бы мѣста царства нашего ²⁾ ни достигъ сынъ Георгія Багратъ, верни его назадъ немедленно и представь предъ нами!“

66. Какъ только это вычиталъ катабанъ, тотчасъ повернулъ назадъ и погнался за Багратомъ, но не могъ ничего сдѣлать, ибо онъ, пришедъ въ свое владѣніе, подкрѣпилъ себя войсками, воевать съ которыми катабанъ не былъ въ состояніи. Поэтому онъ, повернувъ, уѣхалъ назадъ. О великая и удивительная милость Божія, какъ правдивый ушелъ изъ рукъ плѣнителей и враговъ своихъ, въ корониконъ 245—1025!

67. И пріѣхалъ Багратъ къ отцу своему царю Георгію и

и многихъ убили. Императоръ обѣщалъ за каждую голову непріятели по одному дагекану (=груз. драканъ) и войны, ища всюду головы павшихъ, собирали ихъ на одномъ мѣстѣ. Императоръ приказалъ разставить ихъ кучами по сторонамъ дороги на удивленіе и страхъ зрителей. Послѣ этого Георгій, видя, что у него никакихъ надеждъ нѣтъ, просилъ императора о мирѣ. Василій сжалился надъ нимъ и написалъ ему слѣдующее: „Не думай, что я, будучи побѣдителемъ, больше буду требовать отъ тебя, чѣмъ прежде; дай мнѣ только мое отцовское наслѣдіе, которое оставилъ мнѣ куропалатъ, и дай твоего сына въ заложники и послѣ этого будетъ миръ между нами“. Георгій согласился на это, и Василій, назначивъ правителей надъ этими землями, раздѣлилъ между ними дома, села и помѣстья, какъ было прежде. Послѣ этого Василій взялъ заложниковъ, но обѣщалъ вернуть ихъ черезъ три года, и двинулся черезъ Арменію на равнину Іѳра (Эрети). Вся персидская земля была въ страхѣ, но жестокая зима, подробно описанная нашимъ авторомъ, заставила Василія бросить лагерь и черезъ Аспураганскую провинцію вернуться въ Константинополь. Черезъ три года Василій съ большими подарками возвратилъ на родину сына абхазца и самъ умеръ (Аристаксъ, глава IV).

¹⁾ Мандатуръ значитъ полицейскій чиновникъ, слуга царя.

²⁾ Въ оригиналѣ: твоего.

матери своей царицѣ Маріи въ резиденцію ихъ Кутаисъ. Такимъ образомъ, собравшись вмѣстѣ, они благодарили и славословили Бога за то, что Онъ сподобилъ ихъ такого блага.

68. Спустя два года послѣ этого, Георгій, отецъ названнаго Баграта, умеръ въ Триалетіи, въ мѣстности, которая называется Мкинвари, въ корониконъ 247—1027, мѣсяца августа 16-го, и похоронили его въ Кутаисѣ.

69. Послѣ него царемъ сѣлъ сынъ его Багратъ 9 лѣтъ. Между тѣмъ азнауры Тао отправились въ Грецію. Ваче Каридчисдзе, епископъ Баны [Іоаннъ] и вмѣстѣ съ ними большинство азнауровъ Тао,—одни владѣтели крѣпостей, другіе не имѣвшіе ихъ,—отложились отъ Баграта и предались брату Василя, царя греческаго, Константину, который сдѣлался царемъ послѣ Василя.

70. Во второй ¹⁾ годъ своего царствованія царь Константинъ прислалъ паркиманоса ²⁾ своего съ несмѣтными силами своего войска и большимъ количествомъ денегъ. Силы его были гораздо больше, чѣмъ таковыя царя Василя. Паркиманосъ прошелъ и еще болѣе опустошилъ тѣ области, которыя раньше были опустошены Василюмъ, ибо онъ пришелъ въ Триалетію, къ крѣпости Клде-Кари, гдѣ тогда стояли азнауры Баграта. Произошло небольшое сраженіе, и азнауры снова отложились и сдали крѣпости. Чанчухъ ³⁾, эриставъ Шавшета, сдалъ Цептскую крѣпость. Сами азнауры ушли въ Грецію ⁴⁾.

¹⁾ Въ списокѣ Маріи и во всѣхъ другихъ рукописяхъ сказано: „по прошествіи года“, только Т. считаетъ нужнымъ прибавить еще: и на третій годъ.

²⁾ Греческая транскрипція этого слова *παρὰκλιμαίνος*.

³⁾ Въ оригиналѣ: Чанчахъ.

⁴⁾ Начиная отъ 60 §, текстъ Исторіи Сумбата не представляетъ особыхъ варіантовъ сравнительно съ текстомъ К. Ц. списка Маріи, по

71. Между тѣмъ Саба, епископъ тбетскій, построилъ крѣпость близъ Тбетскаго монастыря и назвалъ ее Свети (Столбъ). Онъ собралъ въ этой крѣпости свою паству. Туда же вступили, кромѣ самого Сабы, епископа тбетскаго, Езра, епископъ Анчи, и азнауры Шавшета и укрѣпились въ ней.

72. А паркиманосъ прислалъ сюда съ большимъ войскомъ хартуларя ¹⁾ Иоанна, названнаго Валангомъ, и отправилъ съ нимъ Деметре, сына Гургена Кларджетскаго, для того, чтобы переманить на свою сторону мѣстныхъ жителей, что дѣйствительно такъ и случилось, ибо деревенскіе жители, неразумные и наивные по уму и понятіямъ, перешли на ихъ сторону. Свети Тбета былъ окруженъ войсками, которыя сражались сильно и всѣми средствами. Но Богъ благодатью и ходатайствомъ святыхъ апостоловъ и молитвами этихъ священнослужителей укрѣпилъ *духомъ* оставшихся въ Светѣ, ибо они, какъ преданные и истинные мученики Божіи, обрели свои головы на погибель и готовы были, по словамъ апостоловъ, пожертвовать собою и пролить кровь ради земного господина, мужались и говорили всѣмъ: „Да не прельстятъ насъ эти льстивыя слова и богатства, скоро преходящія, но да приобрѣтемъ мы благодать вѣрности и вѣнецъ мужества!“⁴ Дѣйствительно, воители, окружавшіе ихъ,

есть небольшая разница въ подробностяхъ разсказа, въ отдѣльныхъ фразахъ и словахъ. Все что недоставало К. Ц. сравнительно съ Исторіей Сумбата Вахтанговская редакція внесла изъ послѣдняго источника въ первый. Обиліе такихъ мѣстъ въ списокѣ Т и нѣсколько другое распределение ихъ въ другихъ, намъ извѣстныхъ, спискахъ происходитъ отъ того, что списокъ Т представляетъ не вполне доконченную и обработанную редакцію Вахтанга. Много, что было внесено въ Т сначала, Вахтангу, видимо, потомъ показалось излишнимъ для К. Ц. и было имъ выкинуто, равно какъ продолжено было исправленіе и редактированіе второй части К. Ц., совершенно нетронутой въ списокѣ Т.

¹⁾ Въ К. Ц.: хартулари. Хартуларъ значитъ секретарь.

прельщали ихъ обѣщаніями, ожиданіями добра и богатствъ ¹⁾).

73. Между тѣмъ какъ Востокъ, охваченный волною, претерпѣвалъ такія невзгоды, вдругъ разразилось несчастіе надъ безразсуднымъ царемъ Константиномъ наподобіе невѣрнаго Юліана, за то, что онъ такъ немилостиво обошелся съ нашимъ царемъ Багратомъ, и опустошилъ его владѣнія. Онъ послѣшно предписалъ своему паркиманосу-проэдросу ²⁾ немед-

¹⁾ Эти два параграфа изложены въ Т въ двухъ редакціяхъ: въ редакціи списка Маріи и Исторіи Сумбата (листы рукописи 145 verso и 146 verso). Обѣ редакціи помѣщены рядомъ другъ съ другомъ и даже не раздѣлены новой строкой. О смерти Георгія и первыхъ годахъ царствованія Баграта IV Яхья рассказываетъ слѣдующее:

„Царь Василій за нѣкоторое время и до смерти, отпустилъ Баграта, сына Георгія, царя абхазскаго, и отправилъ его обратно къ его отцу. И послѣ его прибытія умеръ Георгій, его отецъ, уже въ царствованіе царя Константина, и воцарился его сынъ, Бакратъ. И былъ онъ тогда еще молодъ и несовершеннолѣтенъ, а дѣлами его заправляла его мать, дочь Сеннахароба, который уступилъ царю Василю Асфараганъ. И представляли ему его придворные дѣломъ выгоднымъ потребовать возвращенія ему тѣхъ крѣпостей, которыя отецъ его уступилъ царю Василю, и занять ихъ. И отправилъ царь Константинъ своего слугу Николая паракимомена въ Абхазію съ войсками въ 3-мъ году своего царствованія. И тотъ опустошилъ ее и жегъ и убивалъ и уводилъ въ плѣнъ изъ нея несмѣтное множество. И спаслись остальные въ недоступныя горы и укрѣпленныя мѣста, куда войска не проникали. И вышли къ нему многіе изъ вождей ихъ. И просили царица, дочь Сеннахароба, и ея сынъ Бакратъ простить и извинить происшедшее и обѣщали полное повиновеніе и искреннюю преданность царю Константину, и что они всегда будутъ исполнять его желанія и что никто изъ нихъ болѣе не будетъ дѣйствовать наперекоръ ему. И было дѣло между ними покончено къ взаимному удовольствію, и возвратился Николай паракимомень“ (Извлеченія изъ Лѣтописи Яхьи Антиохійскаго, стр. 70—71).

²⁾ Проэдрось греческій титулъ, одинаково даваемый какъ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ лицамъ, и можетъ означать президентъ, прелатъ и т. д. (Н. Г. р. 312, п. 5).

ленно вернуться назадъ со своимъ войскомъ и поспѣшить въ Константинополь. Получивъ такой *приказъ*, паркиманось ушелъ; [но до его прибытія] царь Константинъ умеръ¹⁾, оставивъ царство послѣ себя Романозу, родственнику и стороннику своему²⁾.

1) По Аристакэсу, когда послѣ Василя воцарился Константинъ, правитель Васпуракана, Коміанось, или Коминась, который былъ извѣстенъ своей храбростью, вздумалъ воцариться на Востокѣ, для чего заключилъ союзъ съ Георгіемъ. Но войны изъ Капутака (капутакцы) напали на него врасплохъ и заключили въ тюрьму въ 475 г. армянскаго лѣтосчисления (=1026 г.). Черезъ годъ императоръ, узнавъ истину, прислалъ палача, который ослѣпилъ его и его сообщниковъ, въ числѣ восьми. Въ началѣ второго года своего царствованія императоръ Константинъ отправилъ на Востокъ правителемъ внука Никитома, который пришелъ въ Грузію и обманчивыми словами многихъ изъ дворянъ вывелъ изъ своего отечества и послалъ императору. Константинъ, видя ихъ, очень обрадовался и вмѣстѣ съ большими подарками и княжескими достоинствами каждому по его рангу отдалъ селенія и города съ грамотами за печатью на вѣчное владѣніе. Въ началѣ третьяго года пришелъ на Востокъ, паркиманось, внукъ Семень, съ большими войсками. Онъ прибылъ въ Грузію, но не успѣлъ ничего сдѣлать, такъ какъ извѣстіе о смерти императора за нимъ же послѣдовало. Услышавъ объ этомъ, онъ немедленно съ своими войсками возвратился въ Константинополь. (Аристакэсъ, гл. V).

2) Мы уже говорили выше (см. стр. 42, прим. 1 и стр. 118, прим.), что Исторія грузинскихъ Багратидовъ Сумбата, сына Давида, послужила источникомъ не только для редакціи Вахтанга, но и для первоначальной редакціи К. Ц., но крайней мѣрѣ той ея редакціи, которая сохранилась въ спискѣ царицы Маріи, виѣ Исторія Сумбата. Но нигдѣ связь текста К. Ц. съ Исторіей Сумбата не видна съ такою очевидностью, какъ въ разказахъ о войнахъ греческихъ императоровъ Василя и Константина съ грузинскими царями Георгіемъ I и Баграторомъ IV. Иначе говоря, Исторія Сумбата, начиная отъ 60 § до самаго конца почти цѣликомъ совпадаетъ съ текстомъ К. Ц. царицы Маріи. Текстъ Маріи, конечно, представляетъ нѣкоторые варианты, но эти варианты сравнительно очень незначительны и нисколько не противорѣчатъ нашему заключенію. Въ

74. На третій годъ послѣ этого желанная царица Ма-

спискахъ К. Ц. Вахташговской редакціи, не исключая и Теймуразовскаго, текстъ Исторіи Сумбата слить съ текстомъ К.-Ц. и фразы Сумбата чередуются съ фразами К.-Ц. списка Маріи. Въ списокъ Маріи, начинающій отъ царствованія Георгія I, до отиравленія царицы Маріи, матери Баграта IV, въ Константинополь, которымъ оканчивается Исторія Сумбата, мы читаемъ слѣдующее:

„Послѣ него, *Баграта*, царемъ сдѣлался сынъ его Георгій, который также былъ исполненъ всѣхъ добродѣтелей. Онъ сдѣлался обладателемъ всего своего царства и страны еще въ дѣтствѣ и молодости своей, ибо въ то время, когда онъ сѣлъ царемъ, имѣлъ отъ роду всего шестнадцать (по другимъ спискамъ 18) лѣтъ.

Но въ седьмой годъ царствованія Георгія Василій, царь греческій, выступилъ противъ него со всѣми войсками греческими и безчисленными иноплемениками. Съ своей стороны и царь Георгій вышелъ противъ него съ большимъ войскомъ. Они оба расположились лагеремъ въ Басіанской области и оставались неподвижно много дней, не завязывая битву другъ съ другомъ. Царь же Георгій отступилъ, пришелъ и сжегъ городъ Олтиси; оттуда онъ пришелъ въ Колу (въ нашемъ оригиналѣ, вѣроятно по ошибкѣ, *კოლსა* вмѣсто *კოლახსა* К. Ц.). Василій, царь греческій, пошелъ за нимъ по пятамъ. Какъ только авангардъ царя Василія и аррьергардъ Георгія сошлись, завязалась большая битва въ деревнѣ, которая называется Ширимта, и много пало съ обѣихъ сторонъ. *Тутъ* были убиты великіе эриставы: Ратъ, сынъ Липарита, и Хурсъ. Царь Георгій поздно узналъ, что съ аррьергардомъ его завязали битву. Онъ тотчасъ отдалъ приказъ войску, и воины поснѣшно взяли за оружіе. Царь Георгій, лично выступилъ *въ бой*, ибо онъ былъ смѣлъ и неустрашимъ во всемъ, какъ будто не имѣлъ тѣла, и съ нимъ вмѣстѣ выступило многочисленное его войско. Съ той стороны вышелъ царь Василій со всѣмъ своимъ войскомъ. И съ той и съ этой стороны подступили другъ къ другу. Произошло большое сраженіе. Много грековъ пало. Войска [Георгія] взяли добычу. Сраженіе длилось такъ долго, что царь Василій приготовился къ бѣгству, но грузины выказали малодушіе: они отступили и ушли. Василій пошелъ вслѣдъ за ними, поражая многихъ остриемъ меча. Войска Василія достигли Артана, положили и опустошили его. Когда же царь Георгій пошелъ въ Триалетію, Василій двинулся за нимъ, опустошилъ Джавахетскую область и снова перешелъ въ Триалетію. *Здѣсь цари* опять подступили другъ къ другу, ибо

рія, мать царя Баграта, набралась смѣлости и мужества, ибо

царь Георгій получилъ подкрѣпленіе: онъ привлекъ на свою сторону силы Кахетіи и Эретіи. Но ему отсовѣтовали вступить въ битву во второй разъ. Царь Василій повернулъ изъ Тріалетіи, обошелъ Джавахетію и Артанъ и, опустошивъ ихъ еще съ большею местию, ушелъ и сталъ зимовать въ странѣ Халдійской, близъ города Тренизонда. И послы съ предложеніями мира и любви ходили между ними. Въ то время въ Греціи случилось большое возмущеніе. Спаспеть и Царвизъ стоворились между собою и перетянули на свою сторону страну Востока, и царь Василій сильно былъ испуганъ этимъ. Но Богъ оказалъ ему милость: Ксифе[нъ] убилъ Царвиза, и отложились отъ него тѣ, которые раньше пристали. Но Ксифень былъ отомщенъ за измѣну Царвизу, ибо его заманили въ Даласонскую крѣпость, арестовали за убійство сына Фоки и привели къ царю Василю. Послѣдній отправилъ его въ ссылку на какой-то островъ и многихъ его приверженцевъ обезглавилъ. Въ числѣ прелѣднихъ былъ Пшерисъ (въ нашемъ текстѣ Пhezисъ), сынъ Джоджика, родомъ изъ Тао, а остальные были греки. Василій снова выступилъ въ походъ и пришелъ въ Васапъ. Онъ требовалъ отъ [царя Георгія] земель и крѣпостей, обѣщавъ ему союзъ и миръ. Узнавъ объ этомъ, царь Георгій послалъ эристава Звіада (въ нашемъ текстѣ по ошибкѣ Закада) съ войскомъ, приказавъ ему, занявъ временно позицію подъ видомъ мира. Самъ онъ выступилъ за нимъ съ сильнымъ войскомъ и думалъ такъ: если царь Василій захочетъ миръ, пусть будетъ миръ, а если онъ захочетъ сразиться, мы будемъ готовы для этого. Но тѣ, которые не желали мира, начали потовиться къ битвѣ и пошли на царя Василя, расположившагося въ лагерѣ въ порядкѣ, извѣстномъ подъ названіемъ свиндаксаръ (вѣроятно, *συνταξις* грековъ, см. Н. Г. р. 308, п. 5), завязали битву и обратили въ бѣгство нѣкоторые изъ его войска. Разгнѣванный царь Василій приказалъ принести Животворящее древо и, положивъ его на землю въ чистомъ покрывалѣ, сказалъ: „Если ты отдашь меня въ руки враговъ, я больше не буду поклонникомъ твоимъ“. И когда сраженіе снова возобновилось между ними, грузинскія войска показали тылъ, предались бѣгству, и безчисленное множество изъ бѣжавшихъ погибло отъ острія меча. *Греки* взяли большую добычу и царское сокровище, которое было при грузинахъ. Царь Василій пошелъ за ними, но снова завелъ попрежнему переговоры о мирѣ, ибо онъ очень боялся *новаго* возмущенія въ Греціи. И заключили они между собою миръ и союзъ. Царь Георгій далъ въ залож-

она происходила отъ блистательныхъ, сильныхъ и великихъ

ники сына своего Баграта, трехъ дѣтъ, и крѣпости, которыя раньше были даны азнаурами; вернулъ и другія крѣпости, раньше уступленныя, и наконецъ пятнадцать (въ К. Ц. 14) крѣпостей и земли, которыми владѣлъ Давидъ куроналатъ въ Тао, Колѣ-Артанъ и Джавахетіи. Уступивъ царю Георгію въ свою очередь нѣкоторыя церкви, села и земли этихъ областей, *Василій* уѣхалъ и взялъ съ собою въ качествѣ заложника царевича Баграта, сына царя нашего Георгія, давъ обѣщаніе клятвенно, что черезъ три года пришлетъ его обратно. Три года Багратъ пробылъ въ царственномъ градѣ Константинополѣ, и черезъ три года Василій выслалъ его обратно, какъ обѣщалъ. Когда онъ прибылъ въ свое владѣніе и царство, съ нимъ находился катанъ Востока, сопровождавшій его до границъ его владѣнія. Какъ только катанъ повернулъ назадъ, немедленно встрѣтилъ его мандатуръ и далъ ему письмо царя Константина, въ которомъ написано было въ такомъ видѣ: „По волѣ Божіей почилъ желанный братъ мой, царь Василій, и взаменъ его я сдѣлался царемъ во всей Греціи. Нынѣ, до какого бы мѣста владѣнія нашего ни достигъ Багратъ, сынъ абхазскаго государя Георгія, верните его съ большою поспѣшностью, чтобы онъ предсталъ предъ нами!“. Прочитавъ приказъ, катанъ рѣшилъ вернуть его назадъ по приказанію царя; онъ поспѣшно повернулъ назадъ и погнался за Багратомъ. Когда онъ догналъ его, увидѣлъ громадное количество встрѣтившихъ его (Баграта) вельможъ, эриставовъ, азнауровъ Тао, месховъ и грузинъ, которымъ не было счета по многочисленности ихъ. Онъ повернулъ назадъ и сказалъ тому мандатуру, который прибылъ къ нему: „Если ты въ состояніи, верни его, но мнѣ теперь это невозможно сдѣлать“. О великая и удивительная милость Божія, какъ правдивый быстро ушелъ изъ рукъ тѣхъ, которые желали коварствомъ вернуть его! Если кто изъ васъ желаетъ знать необыкновенныя благодѣянія Божіи, посмотрите и вникните въ неисчислимыя блага, явленныя Богомъ надъ этимъ Великимъ Багратомъ, царемъ абхазскимъ, подобныя которымъ никому изъ другихъ царей не были оказаны и о которыхъ время отъ времени вы будете узнавать изъ нижеслѣдующаго разсказа. Когда онъ уже прибылъ къ отцу своему, царю Георгію, въ резиденцію его [Кутаисъ], родители его нашли сына преисполненнымъ необыкновенныхъ и невыразимыхъ добродѣтелей, которыя человѣку невозможно описать. Увидѣвъ сына, они исполнились несказанной радости и воздали благодареніе Богу. Въ то время корониконъ былъ 245—1025.

царей Аршакидовъ и отправилась въ Константинополь

Спустя два года [послѣ приѣзда Баграта], умеръ царь Георгій, еще юный лѣтами, исполненный всѣхъ добродѣтелей. Среди его предковъ никого не было, равнаго ему въ мужествѣ, въ храбрости, въ доблести, въ статности, въ красивомъ очертаніи лица, въ проникательности и въ полнотѣ знанія управленія государствомъ. Онъ умеръ въ 247—1027 корониконѣ, мѣсяца августа 16-го, въ Триалетской области, въ мѣстности, которая называется Мкинвари или Ицрони, и оставилъ плачь и печаль всѣмъ жителямъ страны и государства своего. Всѣ оплакивали его за его добродѣтель, мужество и храбрость. *Тѣло* его взяли и похоронили въ церкви въ Кутаисѣ. У него было четверо дѣтей: сыновья—Багратъ и Деметре, и дочери—Гурандухтъ и Ката. Марта, пятое дитя его, уже умерла.

Сейчасъ послѣ смерти великаго того государя, Багратъ сдѣлался царемъ всего государства и страны своей, Верхней и Нижней, имѣя отъ роду десять (во всѣхъ другихъ вариантахъ 9) лѣтъ.

Въ то же время азнауры Тао, Ваче Каречидзе, епископъ Баны Иоаннъ и вмѣстѣ съ ними множество азнауровъ Тао, отправились въ Грецію. Между тѣмъ царь Константинъ, по прошествіи года, прислалъ паркиманоса съ безчисленнымъ войскомъ. Паркиманосъ, придя, вступилъ и опустошилъ тѣ же области, которыя были раньше опустошены царемъ Васиіемъ. Онъ прибылъ въ Триалетію, къ крѣпости Клде-Кари, которой тогда владѣлъ Липаритъ, эриставъ эриставовъ, сынъ Липарита. Липаритъ присоединилъ къ себѣ другихъ азнауровъ, *которые* устояли противъ подкупа (ἄρξῆς ἄρξῆς). Греки сразились подъ крѣпостью, но, когда паркиманосъ увидѣлъ, что онъ никакого вреда не можетъ причинить, ушелъ назадъ. Въ то время Чанчухъ Фалель перешелъ на сторону грековъ, сдалъ крѣпость Гаврилобскую (К. Ц. Гаврольбскую) и уѣхалъ въ Грецію, а Арджеванъ Ололасдзе сдалъ грекамъ же крѣпость Центскую (Церептскую). Когда тбетскій епископъ Саба увидѣлъ, что въ Шавшетѣ нѣтъ другихъ средствъ, построилъ крѣпость выше Тбета и удержалъ Шавшетскую область. Онъ выказалъ большую вѣрность Баграту, абхазскому царю. Богъ помогъ ему, и враги не могли завладѣть страной. Тогда паркиманосъ-проэдрось (въ нашемъ текстѣ патрикось и проидросъ), прислалъ эристава Баны, хартуляря, котораго сопровождалъ Вазангъ (К. Ц. Витангъ) съ большимъ войскомъ (это мѣсто въ нашемъ оригиналѣ представляетъ изъ себя такой наборъ словъ, въ которомъ трудно разобраться), и назначилъ при немъ Деметре Кларджетскаго, сына Сумбата, чтобы переманить

къ царю Романозу ¹⁾, просить его, чтобы онъ умиротворилъ Востокъ и не было бы войны между греками и грузинами, чтобы нищіе были успокоены и жили въ тишинѣ и чтобы сынъ ея Багратъ получилъ почеть по достоинству своего сана ²⁾.

на свою сторону жителей страны. По этой причинѣ многіе изъ простолюдиновъ этой страны перешли на ихъ сторону. Езра Анчели и азнауры, которые остались вѣрными *Баграту*, вступили и укрѣпились въ той же *Тбетской* крѣпости. Артануджской же крѣпостью владѣлъ [эриставъ] Иоаннъ Абусерь. Въ то время въ этихъ мѣстностяхъ происходили битвы, споры и усиленныя броженія. Когда страна сія такъ волновалась, Богъ снова оказалъ милость Баграту, царю абхазовъ и грузинъ: царь Константинъ заболѣлъ смертельною болѣзнію и предписалъ паркиманосу-проэдросу вернуться назадъ. Паркиманосъ немедленно отправился, но до его возвращенія царь Константинъ умеръ. Предъ смертью онъ посадилъ царемъ другого, по имени Романоза, и далъ ему въ супруги дочь свою Зою. Затѣмъ, на третій годъ, царица Марія, мать царя абхазскаго, отправилась въ Грецію, чтобы искать мира и, кромѣ того, чтобы выпросить для своего сына въ знакъ почета титулъ куропалата, какъ это въ обычаѣ и въ порядкѣ въ ея домѣ, и, наконецъ, чтобы привести жену ему“ (Списокъ царицы Маріи, стр. 246—257).

¹⁾ Марія происходила не изъ Аршакидскаго дома, а изъ дома Арцруни, и была дочь васпураканскаго царя Сенехерима, который звѣщалъ свое владѣніе царю Василию и о которомъ не разъ упоминалось въ предыдущихъ примѣчаніяхъ. Въ надписи на стѣнахъ Мармашена Марія называетъ себя царицей абхазовъ, дочерью Сенехерима, внучкой Гагика, царя армянскаго, и Каты (Н. Г. р. 314, п. 1).

²⁾ Тутъ прерывается Исторія Багратидовъ Сумбата, сына Давида. Дальнѣйшая исторія царствованія Баграта IV подробно разсказана въ К. Ц. (Н. Г. р. 328—341. Списокъ Маріи стр. 256—277).

III. Хроника Месхійской Псалтири ¹⁾.

(Глава I. Агапы).

1. Храброму и въ бояхъ непоколебимому царю, благочестивому владѣтелю Баграту, въ монашествѣ Барнабѣ, да будетъ вѣчная память и благословеніе! ²⁾

2. Царицѣ и владѣтельницацѣ Еленѣ да будетъ вѣчная память и благословеніе! ³⁾

3. Сыновьямъ ихъ, взрощеннымъ наподобіе побѣговъ рая, прелестнымъ по лицу и глазамъ, непоколебимымъ въ

¹⁾ Отъ такъ называемой Месхійской Псалтири (рукопись Общества грамотности № 947) до насъ дошло всего 15 листовъ, изъ которыхъ четыре листа заключаютъ въ себѣ отрывки псалмовъ, а остальные 11 историческія записи или хроника. Агапы, или поминальныя записи, въ нашей рукописи приведены не въ началѣ хронологическихъ записей, а на двухъ слѣдующихъ отъ начала страницахъ (стр. 10 и 11). Историческія записи начинаются съ 9-ой страницы, но въ началѣ записей недостаетъ по крайней мѣрѣ одного листа. Мы помещаемъ эти агапы въ началѣ, какъ особый родъ записей нашей рукописи, при чемъ лица, упоминаемая въ этихъ агапахъ, имѣютъ тѣсную связь съ лицами историческихъ записей, какъ ихъ близкіе родственники и сообщники въ политическихъ дѣлахъ. Ихъ мы часто встрѣтимъ въ историческихъ записяхъ нашей рукописи. Почеркъ этихъ агаповъ другой, чѣмъ разнообразный почеркъ историческихъ записей и скорѣе подходит къ почерку оригинала, которымъ писаны дошедшіе до насъ отрывки псалмовъ рукописи, чѣмъ почерку историческихъ записей. Агапы писаны, конечно, раньше историческихъ записей. Дѣленіе на главы и параграфы принадлежитъ намъ.

²⁾ Багратъ былъ сынъ карталинскаго царя Константина III. Онъ сдѣлался владѣтелемъ Мухрана въ 1512 г. Постригся въ монахи подъ именемъ Барнабы и умеръ въ 1539 г. Отъ Баграта идетъ мухранская вѣтвь грузинскихъ Багратидовъ.

³⁾ Елена, супруга упомянутаго перваго мухранскаго владѣтеля Баграта, въ генеалогической таблицѣ Броссе не показана (Н. G. II, 1, p. 626).

бояхъ, царю и владѣтелю Ерекле и брату его владѣтелю Ашоту да будетъ вѣчная память и благословеніе! ¹⁾)

4. Сестрѣ ихъ, владѣтельницѣ Θεодорѣ, да будетъ вѣчная память и благословеніе! ²⁾)

5. Ионатану, Гулдфарѣ, Ионатану ³⁾) да будетъ вѣчная память и благословеніе!

6. Внука Великаго Константина, Богомъ вѣнчаннаго царя царей грузинъ, сына царя Баграта, владѣтеля Арчила ⁴⁾), да удостоитъ Богъ долголѣтія, аминь!

7. Дѣтей ихъ, Ерекле и Елену ⁵⁾), взрости и сохрани Боже, аминь!

9. Также и владѣтелю Вахтангу да будутъ долгіе годы жизни! ⁶⁾)

¹⁾ Ерекле и Ашотъ сыновья Баграта и Елены.

²⁾ Θεодора—дочь Баграта и Елены въ генеалогической таблицѣ Броссе не показана.

³⁾ Ионатанъ и Гулдфаръ тоже сыновья Баграта и Елены у Броссе не показаны.

Въ этой записи два раза повторяется слово Ионатану. По нашему мнѣнію, авторъ записи во всякомъ случаѣ по ошибкѣ написалъ Ионатану вмѣсто Іоту или Іотаму, ибо изъ одной надписи на кіотѣ креста Кацхскаго монастыря извѣстно, что у Баграта былъ сынъ Іотъ или Іотамъ (Опись памятниковъ древности въ некоторыхъ храмахъ и монастыряхъ Грузіи Н. Кондакова и Д. Бакрадзе, стр. 141. Археологическая экскурсія по Квирильскому ущелью Г. Церетелі. Изъ VII вып. Моск. Арх. Общ. стр. 5). Въ упомянутой надписи перечислены все дѣти Баграта и Елены.

⁴⁾ Арчилъ сынъ Баграта и Елены.

⁵⁾ Изъ дѣтей Арчила Ерекле показанъ въ генеалогической таблицѣ Броссе, но Елена не показана.

⁶⁾ Вахтангъ—сынъ Баграта и Елены, который наследовалъ своему отцу. Итакъ, въ этихъ агапахъ перечислены все дѣти Баграта и Елены, кромѣ дочери ихъ Дедисъ-имеди. Дедисъ-имеди въ буквальный переводъ значитъ «надежда матери». Она вышла замужъ за атабега Кайхосро II около 1545 года. Въ числѣ сыновей Баграта Броссе указываетъ еще Александра, который въ нашихъ записяхъ неизвѣстенъ (Н. Г. II, 1, р. 626).

(Глава II. Хроника).

1. въ 11 день луны ¹⁾).

2. Въ корониконъ 247—1559, марта 23, въ день ²⁾. . .
родился сынъ владѣтеля Арчила Ерекле.

3. Апрѣля 18, въ день пятницы, въ 6 часовъ дня, въ четвертый день луны, въ корониконъ 249—1561, родилась Тамара въ Ацкурѣ ³⁾.

4. Саба ⁴⁾. Родился въ Ацкурѣ патронъ ⁵⁾ Іанко мѣсяца.

¹⁾ Этимъ начинается первый сохранившійся листъ (стр. 9) историческихъ записей, впереди недостаетъ по крайней мѣрѣ одного листа.

Приведенныя ниже записи не слѣдуютъ другъ за другомъ въ хронологическомъ порядкѣ, а писаны на разныхъ страницахъ. Мы располагаемъ ихъ въ порядкѣ хронологическомъ, но въ примѣчаніяхъ укажемъ, какимъ почеркомъ и гдѣ онѣ писаны. Эти замѣчанія касаются впрочемъ записей первыхъ листовъ, дальше записи идутъ, какъ увидимъ, въ хронологическомъ порядкѣ по корониконамъ.

²⁾ Остальное было написано на полѣ, которое отрѣзано. Арчилъ былъ сынъ перваго мухранскаго владѣтеля Баграта, въ монашествѣ Барнабы. Рожденіе Ерекле въ генеалогической таблицѣ Броссе отнесено къ 9 марта 1560 г. (Н. Г. II, 1, р 626). Этотъ параграфъ написанъ сейчасъ послѣ агаповъ (стр. 11) мелкимъ почеркомъ и отчасти поблекшими чернилами.

³⁾ Тамара—дочь атабега Кайхосро II и супруги его Дедисъ-имеди, дочери перваго мухранскаго владѣтеля Баграта. Броссе не могъ утвердительно сказать, Тамара дочь ли Кайхосро II, или Манучара II, хотя считалъ болѣе вѣроятнымъ, что она дочь перваго, что и оправдалось (Н. Г. II, 1, р. 640). Этотъ параграфъ слѣдуетъ въ рукописи послѣ перваго параграфа и писанъ одинаковымъ съ нимъ почеркомъ.

⁴⁾ Это слово въ оригиналѣ начинается съ прописной буквы, стоитъ въ началѣ записи и отдѣляется отъ слѣдующаго слова тремя точками. Въ нашемъ оригиналѣ попорченные края листовъ подправлены прозрачной бѣлой бумагой и листы въ такомъ видѣ пришиты другъ къ другу. Нужно полагать, что на попорченной части края листа въ данномъ мѣстѣ была вертикальная записъ (для горизонтальной едва ли хватило бы мѣсто), которая кончалась словомъ Саба. Иначе Сабу и Іанко придется считать близнецами и рожденіе ихъ отнести къ одному времени, но для такого предположенія нѣтъ основаній.

⁵⁾ *Հըճառեմ*—патрони (patronus), неразлучный эпитетъ въ актахъ.

апрѣля 29, въ день четверга, въ 6 часовъ дня, въ 7-й день луны, въ корониконъ 251—1563 ¹⁾).

5. Въ корониконъ 252—1564, іюня 6-го, въ день вторника, въ 27-ой день луны, съ помощью Бога и св. Николая патронъ Кваркваре ²⁾ обвѣнчался въ Одишѣ съ дочерью Дадіана Марехъ ³⁾).

6. Василій и Бека-Павле ⁴⁾ родились въ Цихисъ-джуа-

и записяхъ грузинскихъ царей и царицъ и ихъ дѣтей, равно какъ владѣтелей отдѣльныхъ областей, ихъ женъ и дѣтей. Другое слово, также часто употребляемое въ нашей хроникѣ, есть ბატონი батони, которое происходитъ отъ слова патрони; оно теперь употребляется въ смыслѣ господина, но въ примѣненіи къ царямъ и владѣтелямъ, равно какъ къ ихъ женамъ и дѣтямъ означаетъ то же самое, что патрони, и соответствуетъ слову владѣтель, государь. Броссе эти слова переводитъ черезъ слово принцъ. Я слово патронъ оставляю въ формѣ оригинала, а батони замѣняю словомъ владѣтель, владѣтельница.

¹⁾ Іанко—сынъ атабега Кайхосро II и Дедисъ-имеди въ генеалогической таблицѣ Броссе не показанъ. Іанко, по нашему мнѣнію, то же самое что Иванъ, который въ надписяхъ Вале и Кацха упоминается въ числѣ сыновей Дедисъ-имеди. Этотъ параграфъ писанъ мелкимъ почеркомъ, совершенно отличнымъ отъ почерка I и 3 §§, но похожимъ на почеркъ 2 § и довольно поблекшими чернилами.

²⁾ Здѣсь идетъ рѣчь о Кваркварѣ V, сынѣ Кайхосро II и Дедисъ-имеди. Этотъ параграфъ начинается сейчасъ за предыдущимъ, первыя шесть словъ написаны въ строку, остальные писаны на полѣ вдоль, въ 4 строки. Почеркъ этого параграфа совершенно не походитъ ни на одинъ почеркъ предыдущихъ параграфовъ. Чернила, черныя ясныя.

³⁾ Вахуштъ даетъ то же самое свѣдѣніе объ этомъ дѣлѣ (Dates recueillies par Vakhoucht. Hist. de la Géorgie, t. II, livr. 1, p. 388). Этотъ параграфъ слѣдуетъ послѣ предыдущаго, писанъ почеркомъ отличнымъ отъ предыдущихъ и поблекшими чернилами.

⁴⁾ Слово Павле прибавлено тою же рукою сверху, и поставленъ знакъ, указывающій, что слово надо вставить въ этомъ мѣстѣ.

рѣ¹⁾ августа 12-го, въ день субботній, въ 2 часа ночи, въ 6-ой день луны, въ корониконъ 252—1564.

7. Въ корониконъ 253—1565, іюля 7-го, въ день воскресный, при[везли] владѣтельницу Марехъ въ Цка[ростави]..²⁾

8. Патронъ Кайхосро выѣхалъ въ Казминъ изъ Мгелъцихе къ шаху Шахъ-Тамазу марта 3-го, въ день пятницы, въ корониконъ 258—1570³⁾.

9. Патронъ Мзе-тчабукъ⁴⁾, 22-хъ лѣтъ, женился и привезъ дочь Ростома Гуріели, патронессу, по имени Родамъ⁵⁾, и жилъ съ ней одинъ годъ и два мѣсяца. 11-го января, въ день пятницы, въ 6 часовъ дня, разгнѣвался Богъ на родителей его, и Мзе-тчабукъ переселился изъ этого міра въ міръ вѣчнаго покоя 23-хъ лѣтъ; недоставало ему до *церковнаго* совершенствѣнія двухъ мѣсяцевъ. Онъ былъ совершенъ, безъ недостатка въ нравѣ, съ дѣтства любящій Бога, воспитанный въ вѣрѣ Христа; совершенный книжникъ, пѣвецъ и риторъ; съ превосходнымъ голосомъ, сладкорѣчивъ; къ церквамъ

1) Изъ этой записи видно, что Василій и Бека, сыновья Кайхосро II и Дедисъ-имеди, были близнецы. Цихисъ-джуары—село и крѣпость въ Боржомскомъ ущелинѣ, въ Салгерской долинѣ, на Черной рѣчкѣ.

2) Части словъ, заключенныя въ скобкахъ, были написаны на отрѣзанныхъ поляхъ. Относительно упомянутаго событія Вахуштъ пишетъ: Въ корониконъ 253—1565 Кваркваре привезъ Марехъ въ Самцхе (Н. Г. II, 1 р. 388). Этотъ параграфъ писанъ почеркомъ и чернилами § 5.

3) У Вахушта: Въ корониконъ 258—1570 атабегъ Кайхосро поѣхалъ въ Казминъ къ Шаху-Тамазу (*ibid.* р. 389). Мгелъцихе находится въ Самцхѣ, выше Аспидзы и къ сѣверу отъ нея (Вахуштъ. Description р. 91). Этотъ параграфъ писанъ почеркомъ, отчасти напоминающимъ почеркъ 6 §, но буквы здѣсь тоньше, чернила поблекшія.

4) Мзе-тчабукъ въ переводѣ значитъ солнце-юноша, солнце-богатырь. Упомянутый Мзе-тчабукъ былъ сынъ Кайхосро II и Дедисъ-имеди.

5) Въ генеалогической таблицѣ Броссе Родамъ значится дочерью Гуріели Георгія II, а не Ростома (Н. Г. II, 1, р. 640).

и боголюбивымъ людямъ относясь почтительно, онъ умѣлъ читать и писать по-персидски, зналъ языки турецкій (татарскій), персидскій и арабскій; онъ же былъ *отмѣнный* игрокъ въ мячъ и наѣздникъ. На землѣ еще не появлялся подобный ему. Онъ умеръ въ корониконъ 260—1572 ¹⁾.

10. Родился сынъ владѣтеля Вахтанга ²⁾ Багратъ іюля 16-го, въ день среды, въ первый часъ дня, въ корониконъ 260—1572 ³⁾.

11. Мая 27-го, въ день четверга, въ корониконъ 261—1573, мы отправились въ Ахалцихъ и взяли съ собою владѣтеля Тваль-швеніера ⁴⁾ съ тѣмъ, чтобы проводить его въ Казвинъ. Іюня 17-го, въ день среды, мы покинули Ахалцихъ, а сентября 7-го, въ среду, покинули Цкарось-тави ⁵⁾. Въ

¹⁾ Вахуштъ относитъ смерть Мзе-тчабука къ этому же году, а женитьбу его на Родамъ къ 1571 году (ib. p. 389). Но, принимая во вниманіе, что Мзе-тчабукъ жилъ съ своей женой одинъ годъ и два мѣсяца, нужно заключить, что онъ женился въ концѣ 1570 года. Этотъ параграфъ въ рукописи начинается снизу предыдущаго, на 9 страницѣ, на которой помѣщены 5 строкъ, продолжается на слѣдующей 10 страницѣ ниже агановъ; на этой страницѣ приведены три строки, остальные 5 строкъ помѣщены на 11 страницѣ, опять таки внизу. Между окончаніемъ этой записи на 11 страницѣ и 10 §, который, кстати сказать, слѣдуетъ за 1 параграфомъ, имѣется въ оригиналѣ пустое мѣсто. Почеркъ разбираемаго параграфа мелкій и не подходитъ на почеркъ предыдущихъ параграфовъ, чернила черныя, ясныя.

²⁾ Вахтангъ былъ сынъ перваго мухранскаго владѣтеля Баграта, который наследовалъ своему отцу. Онъ приходился братомъ Дедисъ-имеди.

³⁾ Вахуштъ указываетъ этотъ же годъ (ibid.). Этотъ параграфъ писанъ послѣ 2-го поблекшими чернилами и почеркомъ, напоминающимъ 8 §.

⁴⁾ Тваль-швеніери въ переводѣ значить прекрасноглазый. Онъ былъ сынъ Кайхосро II и Дедисъ-имеди.

⁵⁾ Цкарось-тави—село, извѣстное своимъ знаменитымъ монастыремъ, находится въ Карсской области, въ 15 вер. отъ Ахалкалаки.

пятницу меньшіе братья и сестры простились другъ съ другомъ у Ква-каци¹⁾, и мы остановились въ Чалѣ; октября 11-го, въ воскресный день, мы, мать и братья, и ратники (войска), покинули другъ друга; въ тотъ же день Твальшвеніеръ прибылъ въ Гори, а мы пріѣхали въ Джамаспъ. Оказалось, что онъ (Твальшвеніеръ) выѣхалъ изъ Эривани 20 октября, въ день вторника. Дальнѣйшія дѣла зависятъ отъ Бога²⁾.

12. Гнѣвъ Божій обрушился въ Казминѣ на именитаго и отъ Востока до Запада прославленнаго, несравненнаго, преисполненнаго добротою, многократнаго побѣдителя, храбраго и мужественнаго, въ бою непоколебимаго, *истиннаго* христіанина и благочестиваго патрона Кайхосро, и оставилъ онъ сіи непостоянные дни сентября 29-го, во вторникъ, въ 9 часовъ, во второй день луны, въ корониконъ 261—1573 (ему минулъ бы 51 годъ 13-го февраля), и переселился онъ въ вѣчную жизнь царства небеснаго къ Отцу и Сыну и Св. Духу. Да будетъ ему вѣчная память и благословеніе!³⁾

¹⁾ Ква-каци въ переводѣ значитъ камень-человѣкъ.

²⁾ Вышеприведенныя свѣдѣнія отъ начала до этого мѣста не внесены ни въ *Chronique géorgienne*, ни въ *Suite des annales*. Вахуштъ воспользовался только тѣми, которыя нами указаны въ примѣчаніяхъ. Разбираемый параграфъ начинается въ рукописи послѣ 9 § на стр. 11 и продолжается на слѣдующей. Онъ писанъ рукою и чернилами того же 9-го параграфа.

³⁾ Рѣчь идетъ объ атабегѣ Кайхосро II, супругѣ Дедисъ-имеди. Если Кайхосро былъ бы 51 годъ 13 февраля 1574 г., какъ нужно полагать по смыслу нашей записи, то, значитъ, онъ родился 13 февраля 1523 года. Начиная съ этого параграфа Хроника Месхійской Цсалтири, помимо Исторіи Грузіи царевича Вахушта, послужила источникомъ двухъ грузинскихъ хроникъ, такъ называемой *Chronique géorgienne* и другой, извѣстной подъ названіемъ Продолженіе Хроники, *Suite des annales*. Рукопись первой хроники имѣется только въ Парижѣ,

13. Октября 22-го, въ четвергъ, патрона Арчила отправили изъ Казмина въ Ширазъ, въ корониконъ 261—1573 ¹⁾.

14. По волѣ Божіей и помощью Ацкурской и Вардзійской Божіей Матери патронъ Кайхосро, сынъ патрона Кваркваре, родился въ Ацкурѣ въ ночь на понедѣльникъ де-

текстъ которой вмѣстѣ съ французскимъ переводомъ былъ изданъ въ Парижѣ въ 1831 году М. Броссе, впоследствии русскимъ академикомъ. Французскій переводъ Броссе переиздалъ съ исправленіями въ 1841 г. въ Петербургѣ (см. Mémoires de l'Académie Imp. VI-me série, t. 5, p. 220—245). Вторая хроника, составляющая продолженіе Картлисцховреба, имѣется во многихъ позднихъ спискахъ Вахтанговской редакціи К. Ц. и обязана своему происхожденію, по всей вѣроятности, царю Вахтангу VI. Переводъ этой хроники помѣщенъ М. Броссе во II томѣ его Histoire de la Géorgie. Первую, или Парижскую, хронику мы для краткости будемъ указывать буквами П. Х., а другую, составляющую продолженіе К. Ц., буквами Прод. И въ той и въ другой хроникѣ свѣдѣнія разбираемаго нами параграфа Месхійской Псалтири внесены кратко въ такой формѣ: „Въ корониконъ 261—1563 патронъ атабегъ Кайхосро (ему былъ бы 51 годъ 13 февраля) умеръ въ Казминѣ сентября 29-го, во вторникъ, въ 9 часовъ, во 2-й день луны“. Неизвѣстно, почему М. Броссе, зная это извѣстіе указанныхъ хроникъ, отнесъ смерть Кайхосро къ 1575 году (Н. Г. II, 1, p. 640).

¹⁾ П. Х. и Прод.: „Въ этотъ же (261) корониконъ Арчила, сына мухранскаго владѣтеля патрона Баграта, отправили изъ Казмина въ Ширазъ, октября 22-го, въ четвергъ“. Далѣе П. Х. прибавляетъ:

„Въ корониконъ 266—1578 царь кахетинскій Леонъ умеръ. Въ этотъ же корониконъ царь кахетинскій Александръ и сыновья его брата сразились въ Чаурѣ; царь Александръ побѣдилъ и сыновья его брата были убиты. Въ этотъ же корониконъ кизилбаши опустошили Оцхе“. Прод. Хроники объ этихъ дѣлахъ болѣе подробно рассказываетъ (см. К. Ц. т. II, стр. 287—289. Н. Г. II, 1, p. 354—356).

Почеркъ двухъ послѣднихъ параграфовъ 12 и 13-го крупный сравнительно съ предыдущими и отличный отъ нихъ, чернила черныя, ясныя. Оба параграфа несомнѣнно писаны одной рукой.

вятаго ноября, ко времени пѣнія пѣтуха, въ 14-й день луны, въ корониконь 261—1573 ¹⁾).

15. Марта 20-го, въ воскресный день, въ вечернюю пору, въ корониконь 263—1575, въ девятый день луны, разгнѣвался Богъ на патрона Янко, возвеличеннаго до неба, сына государя, потеряннаго [рая] ..., прекраснаго по лицу и глазамъ, пріятнаго на видъ и представительнаго, новаго цвѣтка рая, сына, составляющаго гордость двухъ государствъ; разгнѣвался Богъ и наступило для его родителей [невыразимое горе]; апрѣля 29-го [ему было бы] двѣнадцать лѣтъ ²⁾).

16. Въ корониконь 264—1576, мая 15 го, въ день субботній, шахъ Шахъ-Тамазъ умеръ. Устаджалуаны и Али-Ханъ-Султанъ ³⁾, сынъ Ютама, захотѣли сдѣлать государемъ Айдаръ-Мирзу⁴⁾. Джаргазъ, Шамхаль авшаровъ и тѣ, которые бы-

¹⁾ Последняя буква короникона въ оригиналѣ закрыта приклеенной тонкой бумагой, но сквозь свѣтъ она ясно видна, поэтому неправы тѣ, которые меня упрекали въ искаженіи этого короникона. Свѣдѣній разбираемаго параграфа нѣтъ ни въ П. Х. ни въ Прод. Противъ этого параграфа въ рукописи на полѣ написано рукою текста: Захарія. Не онъ ли авторъ этой записи?

²⁾ Слова, поставленныя въ прямыхъ скобкахъ, были писаны на поляхъ, которыя теперь отрѣзаны, и нами добавляются по смыслу. Янко, какъ мы видѣли выше, родился 29 апрѣля 1563 г., такъ что 29 апрѣля 1575 г. ему дѣйствительно было бы 12 лѣтъ. Изъ этого можно усмотрѣть, съ какими точными историческими записями мы имѣемъ дѣло въ нашей хроникѣ. П. Х. и Прод. свѣдѣній разбираемаго параграфа не содержатъ въ себѣ. Почеркъ этого параграфа, писаннаго передъ предыдущимъ, разнится отъ него и не такой крупный.

³⁾ Али-Ханъ-Султанъ былъ родомъ грузинъ, равно какъ и Салу-Зааль-Ханъ, который тоже былъ на сторонѣ Айдаръ-Мирзы, но котораго наша записъ не упоминаетъ (Hammer. Histoire de l'Empire Ottoman, t. VI p. 70).

⁴⁾ Онъ былъ пятый сынъ Шахъ-Тамаза.

ли подвластны¹⁾ ему, напавъ, убили Айдаръ-Мирзу, истребили Устаджалуановъ и отправили гонца, чтобы вывести Исмаиль-Мирзу²⁾. Въ этотъ же корониконъ и этого же мая 22-го, во вторникъ, сына его (Шахъ-Тамаза), Шаха-Исмаила, вывели изъ крѣпости Калки, въ которой онъ сидѣлъ узникомъ, и 26 онъ пріѣхалъ въ городъ Ардавелъ (Ардебиль), а 28-го выѣхалъ по направленію Казмина³⁾.

17. Въ этотъ же годъ, въ іюнѣ, атабегъ патронъ⁴⁾ Кваркваре, братъ его⁵⁾ патронъ Манучаръ и сынъ дяди его царевичъ⁶⁾ патронъ Ерекле выѣхали въ Мгель-цихе⁷⁾, чтобы отправить посла къ шаху. Всего вмѣстѣ⁸⁾ ихъ сопровождало

¹⁾ *şahşadlı onmaхи*—турецкое слово можетъ означить еще по смыслу единомышленника. Въ словарь Д. Чубинова сказано, что такъ называются шамшадильскіе крестьяне; мужланъ.

²⁾ Отъ слова „Устаджалуаны“ запись нечпнается на полѣ, продолжается *vice-versa* между началомъ этого параграфа и предыдущимъ и заканчивается на другомъ полѣ. Начало этой записи на полѣ теперь закрыта приклеенной тонкой бумагой, но сквозь свѣтъ видна.

³⁾ Подробности объ этихъ событіяхъ см. у Hammer'a (*Histoire de l'Empire Ottoman*, t. VП, p. 70—74).

П. X. и Прод. тутъ прибавляютъ: И посадили шахомъ Шаха-Исмаила. Онъ освободилъ царя Свимона изъ Аламутской крѣпости, приказалъ привезти въ Казминъ, можаловалъ ему во владѣніе Карталицію и много другихъ милостей. Онъ же помогъ ему пріобрѣсть все царскія украшенія изъ фабрикъ. Когда объ этомъ дѣлѣ узналъ царь Давидъ, сидѣвшій въ Тифлисѣ, разсердился и послалъ къ султану курьера просить войска (П. X. стр. 11, К. Ц. т. П, стр. 289). Начиная съ этого 16 параграфа записи въ рукописи идутъ въ хронологическомъ порядкѣ. Почеркъ 14 и 16 §§ одинаковый. Чернила черныя, ясныя.

⁴⁾ Этого слова нѣтъ ни въ П. X. ни въ Прод.

⁵⁾ Здѣсь и въ подобныхъ случаяхъ въ оригиналѣ обыкновенно стоитъ „ихъ“, *pluralis maiestatis*.

⁶⁾ П. X. и Прод.: сынъ мухранскаго владѣтеля Арчила.

⁷⁾ Мгель-цихе буквально значить волчья крѣпость.

⁸⁾ *şahşadlı onmaхи* буквально плохихъ и хорошихъ.

до шестидесяти человекъ. Мы остановились въ Самбцутъ-геле¹⁾. Изъ Оладисъ-кваби²⁾ Шеданишвили³⁾ Ясоцъ даль знать Варазашвили Коколъ, его брату Лашкаръ и его дядь Гургаку. Они взяли съ собою сына Ели Діасамидзе Автандила, его брата Шермазана, Аматакишвили Аматака, сына Ростома, и Абдукапара; сына брата ихъ Ростома и Аматакишвили Сехнію. До пятисотъ человекъ приготовились и выступили. Переправившись черезъ мостъ Ортвалисъ-хиди⁴⁾, они прибыли въ Боргъ. Тамъ Джирасонъ⁵⁾, сынъ Юба Панаскертели, встрѣтилъ ихъ и случайно присутствовалъ при разговорѣ *одного* человека, что „они на самомъ дѣлѣ отправляются чтобы напасть и перебить владѣтелей“. Онъ отправился и сообщилъ Кандуръ-Али, сыну Уйубо⁶⁾ Доленджишвили, что „они на самомъ дѣлѣ собираются убить владѣтелей, и чтобы онъ немедленно донесъ имъ *объ этомъ*“. Кандуръ-Али отправился и сообщилъ владѣтелямъ. Пѣтухъ уже пропѣлъ. Патроны встали *и всѣ*, которые были при нихъ, взяли за оружіе. Было около двадцати вооруженныхъ людей. Они навьючили вещи; долгое время вращались около того же мѣста, но *никто* не являлся, *потомъ* отступили къ крѣпости Охерать-тави⁷⁾. Юня 30-го, въ субботу на разсвѣтѣ, тѣ учинили нападеніе на мѣсто ихъ *прежней* стоянки⁸⁾, но ничего не на-

1) Самцубтъ-геле буквально значитъ Самцубская ложбина, оврагъ.

2) П. Х.: Олтисъ-кваби. Кваби значитъ пещера.

3) П. Х. и Прод.: Беданишвили. У Вахушта правильно (Н. Г. II, 1, р. 219)..

4) Оръ-твалисъ хиди значитъ мостъ о двухъ пролетахъ.

5) П. Х.: Джараханъ.

6) П. Х. и Прод.: Угубо. Въ оригиналѣ разбираемое слово написано сверху строки, впереди стерта одна буква, которая, повидному, была Д.

7) Охерать-тави, или Охеръ-тави, значитъ безпріютная голова.

8) ბეზპრეტა ვილი значитъ мѣсто прежней стоянки, жилья. Броссе принялъ это слово за *nomen loci* и переводитъ черезъ Nasadgomew (Mémoires de l'Acad. VI-me série, t. 5, p. 230).

шли, кромѣ палатки и вещей Тухарелей, которыя и растащили, но муловъ вернули назадъ. Наши и ихъ люди повздорили, и наши одного убили и одного взяли въ плѣнъ. Тѣ вернулись назадъ не солоно хлѣбавши и похвастались: „Если бы они не ушли до нашего прихода, мы бы сняли съ нихъ головы, тѣла бы изрубили на куски и при этомъ и дѣтей бы не оставили въ живыхъ“. Разнеслась молва *объ этомъ*, и войско наше стало собираться. Патронъ Кваркваре, патронъ Манучаръ и Ерекле выступили во имя Бога, и мы прибыли въ Зеда-Тмогви, опустошили городъ Тмогви и туда же въ Зеда-Тмогви ¹⁾ вернулись. Мать ихъ, патронесса Дедисъ-имеди, въ монашествѣ Дебора, прибыла сюда же. Въ понедѣльникъ мы подступили къ Ванисъ-кваби ²⁾, въ среду взяли его приступомъ, а въ пятницу снялись съ мѣста, спустились внизъ, присоединили къ себѣ Рчеуловыхъ; въ воскресенье взяли Оладисъ-кваби ³⁾, поднялись и остановились въ Карцахѣ.

¹⁾ Зеда-Тмогви значить Верхній Тмогви. Тмогви дѣлился рѣчкой на двѣ части. Нижній Тмогви, или городъ въ собственномъ смыслѣ, лежалъ на лѣвомъ берегу рѣчки, а Верхній Тмогви находился на скалѣ, на правомъ берегу рѣчки (см. Dubois de Montpéroux, Voyage autour du Caucase t. II, p. 312). Вахуштъ, отмѣчая крѣпость въ Тмогви на скалѣ, говоритъ, что Тмогви прежде былъ городомъ, а теперь представляетъ изъ себя мѣстечко (Description, p. 91). Дѣленіе Тмогви на Верхній и Нижній сохранилось до настоящаго времени.

²⁾ Ванисъ-кваби значить пещера Ваны. Вана монастырь на отрогѣ Гурійскаго хребта въ Самцхѣ, около которой Вахуштъ отмѣчаетъ и пещеры (Description, p. 89).

³⁾ П. X.: Олдисъ-кваби. Олдисъ-кваби, т. е. Олдійская пещера находилась, вѣроятно, въ Джавахетіи на Олдамисъ-цкали, притокѣ Гокисъ-цкали; послѣдняя рѣчка впадаетъ въ Джавахетскую Куру (Description, p. 99).

18. Юля 19, въ четверг¹⁾, въ корониконъ 264—1576²⁾, мы вооружили Ерекле³⁾ 16-ти лѣтъ, трехъ мѣсяцевъ и трехъ недѣль, напали на Посо⁴⁾, сожгли и опустошили дома⁵⁾, напустили войско, забрали въ плѣнъ семьи разоренныхъ домовъ, взяли добычу, вернулись и расположились у озера Палакаціо. Оттуда, въ окрестностяхъ Тетръ-цихе⁶⁾, мы сожгли Албутъ⁷⁾ и Камароани⁸⁾ и отправили посла къ шаху. Въ этомъ же іюлѣ мѣсяцѣ, числа 28-го, въ день субботній, сынъ Зембеда Шаликашвили взялъ назадъ *крѣпость* Отисъ-цихе⁹⁾, которая раньше принадлежала ему. Татары (турки) явились *посредниками* между нами. Мы повернули, направились къ Мгелъ-цихе, остановились у источника Шераншайановъ и затѣмъ отправились въ Ацкуръ.

¹⁾ Прод. не сохранило этого слова, кромѣ списка Мингрельскаго.

²⁾ Этотъ корониконъ не указанъ въ П. Х., а въ Прод. онъ отмѣченъ только въ списокѣ Мингрельскаго.

³⁾ П. Х. и Прод. прибавляютъ тутъ: сына владѣтеля Мухрана Арчила.

⁴⁾ Посо — провинція Джавахетин на р. Пососъ-цкали, впадающей въ Карцахское озеро. На этой рѣчкѣ находится знаменитый Цкароставскій монастырь (Description, p. 99).

⁵⁾ Въ оригиналѣ домъ.

⁶⁾ Тетръ-цихе, или Агджа-Кала, значитъ бѣлая крѣпость. Она находится на Агабабской горѣ, отдѣляющей Карскую область отъ Джавахетин (Description, p. 139 et 151).

⁷⁾ П. Х.: Алабети. То же самое въ текстѣ Прод., кромѣ Мингрельскаго списка, который точно воспроизводитъ названіе оригинала, т. е. нашей хроники.

⁸⁾ П. Х. и Прод.: Камроани. Албутъ и Камароани не обозначены у Вахушта. Они, видимо, находились около Тетръ-цихе.

⁹⁾ П. Х. и Пр.: Олтисъ-цихе. Деревня Ота находилась на Аспиндзисъ-хеви, въ Самцхе. По словамъ Вахушта (Description, p. 91—93), въ Отѣ находятся пещеры, куда люди прячутся во время нашествій.

19. Въ этотъ же корониконъ, августа 31-го, измѣнили Варнетской крѣпости¹⁾ изъ Мгелъ-цихе, а четвертаго сентября Діасамидзе послалъ [а]знауровъ [и] мсахуровъ²⁾, чтобы взять измѣной Дем[от]исъ-цихе³⁾; но [измѣ]на не удалась и сем[надцать] *человѣкъ* были захвачены въ плѣнъ начальникомъ крѣпости [Са]джаромъ Шалвашвили⁴⁾. Патронъ Манучаръ и сынъ дяди ихъ, патронъ Ерекле, были въ Мгелъ-цихѣ и напали на азнауровъ Шаликовыхъ. Азнауры бѣжали, Ерекле догналъ ихъ, убилъ человѣка и взялъ *въ добычу* хорошую лошадь. Мы также прѣѣхали изъ Самцхе и расположились у источника Шераншайановъ⁵⁾.

20. Въ этотъ же 264—1576 корониконъ, іюня⁶⁾ 24-го, патронъ Арчилъ, какъ мы узнали, прибылъ изъ Шираза въ

¹⁾ Варнетская или Варешетская крѣпость находится на рѣчкѣ Варнетисъ-хеви, притокѣ Кўры, выше Асвиндзы. Вахушты отмѣчаетъ (*ibidem* р. 93), что тутъ находится на скалѣ сильная крѣпость.

²⁾ Мсахури составляли классъ людей ниже азнауровъ (дворянъ), но выше крестьянъ. Ихъ обязанностью было сопровождать господина исполнять порученія, но они были свободны отъ всякой черной работы.

³⁾ Демотисъ-цихе у Вахушты помѣщается на р. Курѣ, къ западу отъ Квабисъ-хеви, въ Самцхе (*Description*, р. 83).

⁴⁾ Прод.: Шаликашвили. Мингрельскій списокъ согласенъ съ нашимъ источникомъ. Слова и буквы, заключенныя въ скобкахъ въ этомъ параграфѣ, были писаны въ оригиналѣ на отрѣзанныхъ теперь поляхъ. Но когда составители П. Х. и Прод. пользовались нашимъ источникомъ, поля тогда, какъ нужно полагать, еще не были отрѣзаны. Поэтому у нихъ эти слова читаются безъ пропусковъ.

⁵⁾ Начиная съ 17-го параграфа, до этого мѣста текстъ рукописи писанъ однимъ почеркомъ и черными ясными чернилами.

⁶⁾ *გზებდას თუზის*—мѣсяца Іоанна. Такъ называютъ обыкновенно іюнь мѣсяць. Въ предыдущихъ параграфахъ рассказывается о событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ августѣ 1576 г.; здѣсь авторъ возвращается къ происшествію въ іюнь мѣсяць того же года. Такое кажущееся нарушение хронологической послѣдовательности можно объяснить такимъ соображе-

Казминъ съ семействомъ. Потомъ мы двинулись далѣе, опустошили Посо, отправили посла къ шаху и, повернувъ назадъ, прибыли въ Самцхе.

21. Въ корониконъ 265—1577, въ мартѣ, Коккола сдѣлалъ нападеніе и отнялъ у насъ Ахчись-кваби¹⁾. Владѣтель Манучаръ отправился и тотчасъ отобралъ назадъ. Ерекле былъ вмѣстѣ съ нимъ. Затѣмъ Гургакъ отложился отъ сына своего брата, Коколы, и поклялся *въ вѣрности* владѣтелю Манучару. Онъ взялъ себѣ Каджись-цихе. Потомъ переступилъ клятву и опять отложился отъ Манучара. Патронъ Манучаръ вернулся назадъ; весною мы опять послѣдовали въ походъ, вступили въ переговоры, но онъ не присоединился къ намъ. Мы опустошили Посо, отправили посла и вернулись назадъ. Въ этотъ же корониконъ, въ половинѣ сентября, именемъ Христа Бога мы выступили въ походъ и подступили къ Каджись-цихе²⁾. Второго октября Гургакъ присоединился къ намъ и далъ Вели. Мы повернули оттуда, взяли крѣпость Уртись-цихе съ своей церковью; она (крѣпость) была на сторонѣ Коколы. Крѣпость мы разрушили, укрѣпленія, какія были, сожгли, церковь оставили. Мы опустошили Посо, отправили посла къ шаху, и, повернувъ назадъ, прибыли въ Мгелъ-цихе. Мата Бостоганишвили убилъ старшаго своего брата, по имени Ата-Мирзу. Владѣтель Манучаръ отправил-

ціемъ: авторъ записи узналъ о прибытіи Арчила изъ Шираза въ Казминъ послѣ августа 1576 года, когда предыдущіе параграфы были уже написаны, и тогда вставилъ это извѣстіе въ свои записи.

¹⁾ Т. е. Ачхійскую пещеру.

²⁾ Каджись-цихе, буквально крѣпость лѣшихъ, дивовъ, находится въ Джавахетіи, на Джавахетской Курѣ, при впаденіи въ нее Гокійсь-цкали. Она, по словамъ Вахушта, прежде называлась Цуни (Цунда), потомъ армянами была названа Каджта-тунни, а впослѣдствіи получила названіе Каджись-цихе (Description, p. 99). Постройку крѣпости и города Цунды К. Ц. приписываетъ мифическому Джавахосу, сыну Мцхетоса.

ся, схватилъ Мату и выжегъ глаза ему и людямъ, бывшимъ вмѣстѣ съ нимъ. Владѣтель Манучаръ вернулся и приѣхалъ въ Мгель-цихе. Владѣтель Кваркваре и патронъ Манучаръ остались тамъ, а владѣтельница Дедисъ-имеди выѣхала и прибыла въ Ахалцихъ. 17-го декабря получено было извѣстіе, что Шахъ-Исмаилъ умеръ. Мы ужъ не разошлись, въ день Рождества отправили посла къ владѣтелю Твалъ-швеніеру, смерти шаха не вѣрили. 28-го декабря пришелъ человекъ отъ Твалъ-швеніера и принесъ извѣстіе, подтверждающее смерть шаха; какъ оказалось, Шахъ-Исмаилъ умеръ 23-го ноября¹⁾.

22. Декабря 31-го, во вторникъ, владѣтель Кваркваре и владѣтель Манучаръ подступили къ Тмогви. Января 5-го, въ воскресенье²⁾, въ корониконъ 266—1578, патронесса Дедисъ-имеди и владѣтель Бека подступили къ Квели³⁾. Того же января, числа 8-го⁴⁾, въ среду⁵⁾, тамъ они взяли Тмогви, а здѣсь мы въ тотъ же день взяли Квели

¹⁾ Свѣдѣнія этого параграфа недословно внесены, вопреки обыкновению, въ П. Х. и Прод. Въ П. Х. мы читаемъ: „Въ корониконъ 266—1578 появилась комета, подобную которой никогда никто не видѣлъ, и кизилбаши (персы) отравили ядомъ Шаха-Исмаила ноябрю 23-го и сдѣлали государемъ его же брата Шаха-Худабаду“. Въ Прод. сказано: „Въ корониконъ 266 появилась комета, подобную которой никто никогда не видѣлъ. Такъ какъ Шахъ-Исмаилъ былъ человекъ безжалостный и кровопійца, поэтому персы не захотѣли господства его, при томъ его подзрѣвали въ суннитствѣ; на шестомъ мѣсяцѣ, 23-го ноябрю, кизилбаши отравили Шаха-Исмаила, и сдѣлали государемъ его же брата Шаха-Худабаду. Этотъ Шахъ-Худабада былъ человекъ безсильный и слѣпъ глазомъ и не могъ какъ слѣдуетъ повести свои дѣла.

²⁾ Двухъ послѣднихъ словъ нѣтъ въ П. Х.

³⁾ Квелись-цихе находится въ Самихе, на р. Джакисъ-икали (Description, p. 89).

⁴⁾ П. Х.: 5-го.

⁵⁾ Прод.: въ понедѣльникъ. Мингрельскій списокъ согласенъ съ нашимъ текстомъ.

23. Въ среду, 7-го ноября, у владѣтеля Ерекле упала лошадь; она такъ ужасно разбила его, что положеніе стало критическимъ, но онъ избавился отъ страшной опасности. Черезъ тринадцать дней, отправившись опять на охоту, онъ сидѣлъ у подошвы скалы. Сброшенный имъ же камень, упавъ и отрѣзавъ ему палецъ съ костью, ужасно размозживъ его. Въ два мѣсяца едва онъ вылѣчился ¹⁾. Поэтому онъ не былъ ни въ Тмогвѣ ни въ Квели. Кокола, соединившись съ Кара-Ханомъ, выступилъ на помощь Тмогви, но не подоспѣлъ: крѣпости обѣ были уже взяты. Владѣтельница Дедисъ-имеди отправилась изъ Квели въ Тмогви. Оттуда владѣтель Манучаръ отправился въ Джавахетію. Онъ разграбилъ Посо и Джавахетію, и снабдилъ Каждисъ-цихе провизіей для Гургакъ. Владѣтель Кваркваре и владѣтель Манучаръ выѣхали въ Ахалцихъ, а владѣтельница Дедисъ-имеди осталась въ Тмогви. Всѣ припасы ²⁾, какіе нужны были для Тмогви, она распорядилась привезти, обильно снабдила его припасами и отправила посла къ Тваль-швеніеру. Она сообщила ему о пріобрѣтеніи крѣпостей и извѣщала о движеніи урумовъ (турокъ). Молва о движеніи урумовъ быстро распространилась. Патронесса Дедисъ-имеди пріѣхала въ Ахалцихъ къ сыновьямъ. Патронъ Манучаръ и патронъ Ерекле собрали войско, отправились и стали лицомъ къ лицу съ урумами. Патрону Кваркваре немного нездоровилось. Онъ не могъ поѣхать.

¹⁾ Очевидно изъ разсказа, что все это приключилось съ Ерекле въ 1577 году. Авторъ вставилъ здѣсь этотъ разсказъ для того, чтобы разъяснить непонятное безъ этой оговорки отсутствіе Ираклія при занятіи крѣпостей Тмогви и Квели. Въ П. X. послѣдняя фраза приведена въ такой формѣ: *ორს თვეს ჰკალი გუბოეღდა*—въ два мѣсяца исцѣлилась ему кость. Здѣсь по ошибкѣ, вмѣсто слова оригинала *ჰეღდა*—едва, попалъ въ П. X. *ჰკალი*—кость, отчего и смыслъ фразы совершенно другой.

²⁾ *დახირა*, въ П. X. по ошибкѣ *ზახირა*; поэтому Броссе по непонятности оставилъ это слово безъ перевода (*Mémoires*, t. 5, p. 234).

Мы прибыли въ Згудеръ¹⁾). Между тѣмъ 26-го февраля, въ среду, восемь тысячъ османовъ напали на Кара-Хана. Онъ подался назадъ, чтобы изыскать средства²⁾). Урумы пустились за нимъ и убили около десяти человекъ; *затѣмъ* они повернули назадъ, сожгли у него Гори³⁾ и расположились въ томъ же Зарिशатрѣ. Кара-Ханъ повернулъ назадъ, съ нимъ было шестьсотъ человекъ; напалъ на урумовъ, истребилъ ихъ и обратилъ въ бѣгство именемъ Бога. Кара-Ханъ, побѣдивъ, взялъ много богатства и оружія. Владѣгель Манучаръ повернулъ назадъ и пріѣхалъ въ Адкуръ⁴⁾).

24. Въ корониконъ 266—1578, мая 21-го, въ среду, патронъ⁵⁾ Ерекле поѣхалъ въ Сурамъ къ царицѣ карталинской⁶⁾. Царица пребывала въ бѣдности. Онъ поѣхалъ, чтобы жить вмѣстѣ съ ней⁷⁾).

¹⁾ Згудеръ—деревня, упоминается Вахуштомъ въ долинѣ Ліахвы въ Карталинѣ (Description, p. 477). Въ Самцхе-Саатабаго деревня подъ такимъ названіемъ, очевидно, существовала, но въ географическомъ описаніи Вахушта мы ея не находимъ.

²⁾ Такъ я перевожу слова оригинала: გუდრუკა საილათოდ.

³⁾ Подъ Гори здѣсь, конечно, нельзя подразумѣвать вымышленный городъ Гори при слияніи р. Ліахвы съ Курой, а другое мѣсто или вѣрность въ Самцхе, хотя таковая не указана въ географіи Вахушта.

⁴⁾ Прод. тутъ прибавляетъ: „Въ этотъ же корониконъ выступили войска султана и покорили Тавризь, Эривань, Ганджу, Карабагъ вплоть до Султаніи и весь мѣста Адарбадагана“.

⁵⁾ Въ П. Х. и Прод., вмѣсто этого слова, написано: сынъ мухранскаго владѣтеля Арчила.

⁶⁾ П. Х. и Прод. прибавляютъ: Нестанъ-Дареджанъ.

⁷⁾ П. Х. и Прод. прибавляютъ тутъ такія свѣдѣнія: „Въ этотъ же корониконъ умеръ католикосъ абхазскій Евдемонъ Чхетидзе. Въ этотъ же корониконъ умеръ сынъ царя царей Георгіи Багратъ, мѣсяца мая 22-го, и мать ихъ, урожденная Шарвашидзе, царица Русуданъ, умерла 4-го августа“.

25. Въ этотъ же корониконъ, августа 7-го, въ четвергъ, войско султана и Лала-Паши подступили къ крѣпости Мгелъ-цихе; сразились; до вторника сраженіе возобновлялось каждый день. Защитниками крѣпости были Гогоришви Ройнъ, его братъ, монахъ изъ Ерушети, сынъ брата его Зурабъ и ихъ люди. Съ помощью Бога они прогнали *турокъ*, и крѣпость за нами осталась; наши одержали побѣду. Въ пятницу, 8-го августа, урумы отняли у насъ Каджисъ-цихе, Вели¹⁾ и Тетръ-цихе; гарнизонъ Каджисъ-цихе весь былъ перебитъ²⁾.

Въ субботу, 9-го числа, утромъ, прибыли между Дзурданомъ и Цинцаломъ азрумскій (эрзерумскій) и ванскій паши. Султанъ³⁾, Кара-Ханъ Базуклу, да еще владѣтель Мугалла сошлись тамъ вмѣстѣ. Магмадъ-Султанъ занялъ высокій холмъ и держалъ при себѣ всѣхъ своихъ. Остальные владѣтели дали сраженіе урумамъ. Сначала взяли верхъ кизил-баши, но потомъ одолѣли и одержали побѣду урумы. Магмадъ-Султанъ бѣжалъ и скрылся⁴⁾.

Въ то же воскресенье, 10-го августа, патронъ Манучаръ встрѣтилъ *турокъ* въ Каджисъ-цихе; онъ не подоспѣлъ ни къ сраженію главныхъ силъ, ни къ взятію крѣпостей⁵⁾. Коіаръ

1) Вели—крѣпость, у Вахушта не указана, она находилась, вѣроятно, около Артаана.

2) Занятіе этихъ крѣпостей турками у Hammer'a (t. VII, p. 75) отнесено къ 9 августу 1578 г.

3) Рѣчь идетъ о предводителѣ персовъ Токма-Ханѣ. По Hammer'у, когда титулъ „султанъ“ примѣняется къ персидскимъ сановникамъ, должно писать „солтанъ“.

4) Рѣчь идетъ о Чилдирской битвѣ, гдѣ персы подъ начальствомъ Токма-Хана были разбиты турками 9-го августа 1578 г. (Hammer, t. VII, p. 81)

5) По Hammer'у (t. VII, p. 85), Манучаръ еще за нѣсколько недѣль до Чилдирской битвы передался туркамъ. Ему дали Ацкурское санджакство, а брату его Кваркварѣ Олты.

Амилахоришвили встрѣтилъ Лала-Пашу въ Артанѣ 2-го августа и передалъ ему двѣ крѣпости въ видѣ подарка. Точно также оказалось, что Арфаксадъ еще раньше обѣщался передаться съ шестью крѣпостями; и онъ поднесъ ему въ подарокъ Хертвисъ и пять другихъ крѣпостей. Онъ сопровождалъ патрона Манучара; его тотчасъ отдѣлили *отъ свиты*, приняли отъ него крѣпости и дали ему Хахульское санджакство. Патронъ Манучаръ 17-го того мѣсяца отдалъ Лала-Пашѣ крѣпость Тмогви; Ахалкалаки, гдѣ стоялъ гарнизонъ Коколы, паша отнялъ раньше; поэтому онъ и далъ Тмогви. Паша двинувшись, направился къ Тифлису, который *передъ тѣмъ* сжегъ Даутъ-Ханъ и удалился. Паша прибылъ въ Лоре, а *оттуда* въ Тифлисъ; *тамъ* (въ Тифлисѣ) онъ посадилъ пашу, а въ Гори санджака ¹⁾).

26. Сынъ патрона Баграта ²⁾, патронъ Вахтангъ, эриставъ Элизбаръ и Амилахори Бардзи[мъ] соединились вмѣстѣ. Лала-Паша послалъ войско противъ царицы и всей Картлини. Но явились они (патроны) и, благодаря имъ, войска были отозваны назадъ, страна не была опустошена. Имъ (патронамъ) отдали опять ихъ владѣнія и вернули назадъ, не задержавъ даже и четыре дня. Они возвратились въ свои владѣнія.

Сомхитскія *войска* причинили много вреда *туркамъ*. Лала-Паша выслалъ войска, которыя двинулись черезъ Картлію, но имеретинны преградили имъ дорогу и страшно истребили. Во второй разъ Ерекле, сынъ патрона Арчила, оказался за-

¹⁾ П. Х. и Прод. прибавляютъ тутъ: Даутъ-Ханъ отправился къ султану, гдѣ ему оказали большой почетъ. Два пашалыкства дали на кормленіе, а самого держали при дворѣ. Два сына его, Баграть и Хосровъ, не послѣдовали за отцомъ. Царевичъ Баграть былъ зять кахетинскаго владѣтеля. Онъ поселился у тестя. Меньшой братъ Хосровъ-Мирза тоже поселился вмѣстѣ съ своимъ братомъ и подъ конецъ поѣхалъ ко двору Шаха.

²⁾ П. Х. и Прод. : „Когда въ Тифлисѣ посадили пашу, а въ Гори санджака, сынъ владѣтеля Мухрана“.

пертымъ среди боя, но вышелъ побѣдителемъ. Онъ выказалъ чудеса храбрости въ бою. Подъ нимъ была убита лошадь; шестнадцать ударовъ было нанесено на его шлемъ и до сорока стрѣлъ попали въ него, но ни кольчуга ни шлемъ не были пробиты. Одинъ ударъ шашки попалъ на его кинжалъ, рукоятка кинжала была перерѣзана. Шестъ его азнауровъ были тяжело ранены, изувѣчены, но побѣда осталась за Ерекле; турки бѣжали, большинство было убито и уничтожено. Имеретины дали сраженіе и одержали побѣду перваго сентября, а карталинцы и Ерекле сразились и страшно истребили 10-го сентября.

27. Пріѣхалъ Оравжандашвили и спровадилъ Манучара къ пашѣ. Изъ Ахалкалакъ паша и патронъ Манучаръ поѣхали въ Картлію, а сюда (въ Самцхе) онъ (Манучаръ) прислалъ Кайхосро Оравжандашвили. Въ конрониконъ 266—1578, четвертаго¹⁾ сентября, въ четвергъ, мы обвинчали съ нимъ (съ Оравжандашвили) дочь патрона Тамару²⁾. *Св. Троица* и страшная *Ацкурская Божія Матерь* и [св. Николай] да сдѣлаютъ счастливымъ ихъ бракъ! Изъ боязни турокъ пиръ былъ въ Агуріани. Не веселая, конечно, для насъ была свадьба.

28. Кахетинскій царь, патронъ Александръ, сынъ патрона Леона, также явился къ Лада-Пашѣ. Онъ встрѣтилъ и присоединился къ нему въ Сатисъ-Чалѣ, и они отправились на Шакъ и Ширванъ.

¹⁾ П. X.: двадцатаго.

²⁾ Эта Тамара, вѣроятно, дочь Кайхосро II и Дедисъ-имеди, сестра Манучара II, которая потомъ вышла замужъ за Вахтаंगा Гуріели (1583 г.), а затѣмъ (1592 г.) за Манучара Дадіани. Она родилась, какъ мы видѣли выше (см. стр. 185), 18 апрѣля 1561 года. Броссе, приводя это мѣсто, дѣйствительно не совсемъ ясное, остается въ недоумѣніи, съ кѣмъ Тамара обвинчалась и чья она была дочь (*Mémoires et cetera*, p., 237). Въ другомъ мѣстѣ Броссе обвинчалъ Тамару съ патрономъ Ерекле (Н. G. II, 1, p. 361).

29. Въ это время прѣхалъ отъ шаха Шераншавили, который былъ при Тваль-швеніерѣ. Онъ принесъ слѣдующее извѣстіе: „Шахъ, узнавъ о переходѣ Манучара къ Лала-Пашѣ, послалъ людей къ Тваль-швеніеру, которые вывели его изъ дому и передали корчибашу. Тваль-швеніеръ былъ арестованъ 26-го августа, въ понедѣльникъ“.

30. Татары заняли Ширванъ, построили крѣпость ¹⁾, поставили въ ней Османъ-Пашу со своимъ войскомъ и вернулись назадъ. Сынъ Александра сопровождалъ ихъ до Арагвы и вернулся. Лала-Паша расположился въ Мухранѣ и укрѣпилъ Гори ²⁾.

31. Карталинскій царь патронъ Свимонъ былъ въ плѣну. Шахъ отпустилъ его. Его больного привезли на паланкинѣ. Онъ привезъ съ собою патрона ³⁾ Арчила съ однимъ сыномъ и со множествомъ плѣнныхъ. Прибылъ онъ въ половинѣ октября ⁴⁾. Шахъ Худабанда отпустилъ его ⁵⁾.

32. Лала-Паша стоялъ опять въ Картліи. Онъ прибылъ въ Сомхитію, завелъ переговоры. Царь былъ боленъ; поэто-

¹⁾ Въ П. Х., вмѣсто этихъ двухъ фразъ: Татары заняли ширванскую крѣпость“.

²⁾ Продолженіе хроники тутъ прибавляетъ: „Ввѣсть объ этомъ дѣлѣ дошла до шаха Худа-Банды. Тогда мать шаха Худа-Банды, дочь Отара Шаликшавили, вывела царя Свимона и, какъ подобаетъ грузинской женщинѣ, такъ поступила. Она прислала ему личакъ, покрывало жеуское, съ такими словами: „Это я наматываю на рукоятку твоего меча; поступи такъ, какъ знаешь и какъ подобаетъ твоему мечу. Мы жалуемъ тебѣ твое царство, Грузію, и много другихъ даровъ, иди и защити Грузію, чтобы османы не завоевали ее, и будь помощникомъ и вѣрнымъ государству нашему“. Ему дали безчисленные подарки, и такимъ образомъ царь Свимонъ выѣхалъ (К. Ц. т. II, стр. 293).

³⁾ Въ П. Х. и Прод., вмѣсто этого слова, сказано: сына владѣтеля Мухрана Баграта.

⁴⁾ П. Х. : 15-го октября.

⁵⁾ Последней фразы нѣтъ въ П. Х. и Прод.

му онъ не могъ видѣться съ нимъ. Войска снялись 1-го октября, въ пятницу, и начали прибывать *къ намъ*. Мы находились въ Ацкурѣ. Въ понедѣльникъ Лала-Паша отпустилъ Манучара. Онъ пріѣхалъ раньше *нами*, во вторникъ ¹⁾. Патронъ Кваркваре встрѣтилъ его. Пріѣхалъ и самъ Лала-Паша и расположился по ту сторону на Леки ²⁾. Въ четвергъ патронесса Дедисъ-имеди вышла изъ крѣпости и посѣтила Лала-Пашу. Нельзя было счесть, столь много было войска и верблюдовъ. Въ субботу, на зарѣ, *Лала-Паша* снялся и ушелъ. Патронъ Кваркваре, обманутый имъ, отправился вмѣстѣ съ нимъ и не возвращался. Патронъ Манучаръ тоже сопровождалъ пашу. Десять дней едва хватило, чтобы войско ушло. Во вторникъ получено было извѣстіе, что патронъ Кваркваре не возвращается. Патронесса Дедисъ-имеди погналась за нимъ, доѣхала до Джаки, но не могла догнать; потомъ она пустила въ погоню азнауровъ, но не могла вернуть его. Такъ онъ и уѣхалъ, не простившись съ матерью и съ семействомъ. Ему дали Олтинское санджакство; онъ туда и пріѣхалъ. Патронъ Манучаръ вернулся назадъ и пріѣхалъ въ Ацкуръ ³⁾.

¹⁾ Двухъ послѣднихъ словъ нѣтъ въ П. X.

²⁾ ლეკი леки—грузинское названіе лезгина. Авторъ записи, какъ видно, находился въ Ацкурѣ. Лала-Паша туда же и прибылъ, какъ можно заключить по смыслу записи. По всей вѣроятности около Ацкура было небольшое поселеніе лезгинъ, прежнее или современное автору записи, около котораго, вѣроятно, и остановился Лала-Паша. О горѣ Лукуиѣ, которая раздѣляетъ долину Машаверы отъ долины Зуртакеты, по нашему мнѣнію, тутъ не можетъ быть рѣчи (Броссе. Mémoires... t. 5. p. 238, n. 5).

Выраженіе «по ту сторону» означаетъ по ту сторону Куры, на которой находится Ацкуръ. Это, вѣроятно, сторона противоположная Ацкурской крѣпости.

³⁾ П. X. и Прод. тутъ прибавляютъ: „Царь Свимонъ, взявъ Горы, сдѣлался могущественнымъ въ Картліи. Изъ тѣхъ, которые измѣнили

33. Въ день Введенія во храмъ царь патронъ Свимонъ плѣнилъ патрона Вахтауга, брата Дедисъ-имеди ¹⁾, и посадилъ его узникомъ въ крѣпости Кехви.

34. Лала-Паша прислалъ войско и Мирдза-Али къ патрону Манучару, побуждая его отправиться въ Картлію. Въ Картлію они не могли пробраться; остановились въ Садгерѣ, опустошили его, *при чемъ* погребло сокровище *церкви* св. Георгія ²⁾. Во второй разъ онъ (паша) прислалъ сан-джаковъ. Патронъ Манучаръ присоединился къ нимъ, напалъ на Верхнюю Картлію и опустошилъ ее.

35. Къ патрону Кваркваре пріѣхалъ вѣстникъ. Его уже не оставили въ Олты, а взяли въ Азрумъ (Эрзерумъ). Онъ былъ взятъ наканунѣ Рождества.

36. Супруга шаха Худа-Банды, Бегумъ, напала на Ширванъ. Произошло сраженіе. Кизилбаши уничтожили *турецкія* войска, крѣпость сожгли и разрушили, казну всю захватили, Татаръ-Хана схватили и отправили плѣнникомъ въ Казминъ. *Словомъ*, кизилбаши одержали верхъ. Османъ-Паша остался въ Демукафѣ (Дербендѣ). Бегумъ пріѣхала въ

царицѣ и царевичу Георгію, одни уѣхали въ Турцію вмѣстѣ съ царемъ Давидомъ, другіе бѣжали въ Имеретію и Кахетію. Одна часть владѣнія каспскаго эристава была дана царицѣ Нестанъ-Дареджанѣ въ вознагражденіе безчестія, ей причиненнаго, другая часть была отдана царевичу (Георгію). Каспи, принадлежавшій Амилахвару, пожертвовали Животворящему Столбу (т. е. Мцхетскому собору), азнауры были объявлены принадлежащими царю, а управление Гори отдано Сулхану Турманидзе (П. Х. грузин. текстъ, стр. 21. К. Ц. т. II, стр. 294).

¹⁾ П. Х. и Прод.: плѣнилъ мухранскаго владѣтеля Вахтауга, сына владѣтеля Мухрана.

²⁾ Садгеръ въ Боржомскомъ ущельѣ. Церковь св. Георгія сохранилась до настоящаго времени въ нѣсколько реставрированномъ видѣ. Она безъ купола. Стѣны украшены барельефными изображеніями св. Георгія и его подвиговъ.

Казминъ. Побѣдительницу Бегумъ схватили ¹⁾ и, по приказанію шаха, убили, равно какъ и Татаръ-Хана ²⁾).

37. Въ корониконъ 267—1579, марта 23-го, патронъ Манучаръ поѣхалъ въ Арзрумъ ³⁾. Изъ Арзрума патронъ Кваркваре и патронъ Манучаръ поѣхали въ Константинополь. Они выѣхали въ понедѣльникъ, 20-го апрѣля.

38. Послѣ этого получено было извѣстіе, что „патрона Тваль-швеніера арестовали 23-го августа, и октября 1-го, въ понедѣльникъ, заключили узникомъ въ Аламутскую крѣпость“ ⁴⁾).

39. Наступила моровая язва. Мая 31-го, въ субботу вечеромъ, заболѣлъ ⁵⁾ въ Саканапѣ Хосита, сынъ патрона Кваркваре, но съ Божіей помощью онъ перенесъ. Юня 19-го заболѣлъ патронъ Бека и съ Божіей помощью и онъ перенесъ. У насъ заболѣли многіе, но никто не пострадалъ.

40. Лала-Паша пришелъ во второй разъ и построилъ

¹⁾ Въ оригиналѣ написано: დაიჭირეს ბეგუმ გამარჯვებულს ჯ ლთა—схватили побѣдительницу Бегумъ рукою. Въмѣсто ჯ ლთა въ П. Х. написано ჯ ლთა=саблюю, что произошло отъ неправильнаго раскрытія титла. Поэтому Броссе перевелъ: *cette femme (Бегумъ) tout à l'heure victorieuse périt par le glaive (Mémoires... t. 5, p. 240).*

²⁾ П. Х. и Прод. тутъ прибавляютъ: Послѣ смерти жены шаха Худа-Банды, персы были унижены. Урумы заняли Азербейджанъ и Ширванъ. Ганджійскій ханъ Шаверди-Султанъ пріѣхалъ въ Кахетію просить помощи у патрона Александра. Послѣдній приказалъ схватить просящихъ и послалъ ихъ султану (П. Х. стр. 22. К. Ц. т. II, стр. 294).

³⁾ Семи послѣднихъ словъ нѣтъ ни въ П. Х. ни въ Прод. Въ оригиналѣ эти слова написаны сбоку, на полѣ.

⁴⁾ Аламутская крѣпость находилась въ Персіи, около Казвина. Она служила мѣстомъ заключенія всѣхъ именитыхъ узниковъ Персіи.

⁵⁾ Въ оригиналѣ вездѣ, гдѣ упоминается о заболѣваніи моровою язвою, сказано: გააცხელა дословно—бросило въ жаръ, въ горячку.

Кари (Карсъ); въ Тифлисъ онъ прислалъ войско и распорядился внести провіантъ ¹⁾.

41. Августа 26-го, въ четвергъ, заболѣла патронесса Дедисъ-имеди, а въ *слѣдующій* понедѣльникъ получено было извѣстіе, что „монахъ патронъ Василій заболѣлъ моровою язвою“. Какъ оказалось, онъ заболѣлъ въ Сапарѣ, на Сабуртало ²⁾. Патронесса Дедисъ-имеди тотчасъ поѣхала къ нему. Оба, мать и сынъ, легли въ одной палаткѣ ³⁾. 3-го сентября, въ ночь съ четверга на пятницу, разгнѣвался Богъ, и въ два часа ночи умеръ патронъ Василій, 15-ти лѣтъ и 22-хъ дней. Патронесса Дедисъ-имеди выступила на паланкинѣ и прибыла въ Згудеръ. Въ октябрѣ пріѣхалъ вѣстникъ изъ Ускудара (Скутари) съ извѣстіемъ объ освобожденіи патроновъ ⁴⁾.

42. Въ этотъ же корониконъ, въ ноябрѣ, патронъ Манучаръ пріѣхалъ изъ Константинополя. Султанъ произвелъ его въ паши и вернулъ ему все его владѣніе, а патрона Кваркваре султанъ задержалъ два мѣсяца въ Тортомѣ, не отпустивъ его ⁵⁾.

¹⁾ Сабуртало значитъ мѣсто, гдѣ играютъ въ мячъ. Мѣсто подь такимъ названіемъ, какъ извѣстно, находится и около Тифлиса. Василій, видимо, какъ монахъ, проживалъ въ извѣстномъ Сапарскомъ монастырѣ, что въ 7 верстахъ отъ Ахалциха.

²⁾ Возобновленіе крѣпости Карса у Hammer'a (t. 7, p. 104) отнесено къ августу 1579 г.

³⁾ Въ оригиналѣ $\text{ჰაპარის მონასტრის პალატაში}$ въ палаткѣ, въ шалашѣ. Въ П. X. написано: ერთი კამარაში —въ одну недѣлю. Это произошло опять таки отъ неправильнаго раскрытія титла въ словѣ оригинала.

⁴⁾ Параграфы 21—41 писаны однимъ почеркомъ и одинаковыми чернилами. Почеркъ отличается отъ предыдущаго.

⁵⁾ Манучаръ принялъ въ Константинополѣ магометанство и получилъ названіе Мустафы-Паши. Кваркваре же, названный въ турецкихъ источникахъ Грегуаромъ, отказался отъ мусульманства (Hammer, p. 102).

43. Въ корониконъ 268¹⁾—1580, 8-го²⁾ января, мы отправили патрона Беку изъ Вале³⁾. Оказалось, что Лала-Паша уѣхалъ, и Бека остался въ Олтахъ.

44. Патронъ Кваркваре, непосрамленный предъ Богомъ и людьми, одолѣлъ борца въ присутствіи султана и былъ отпущенъ грузиномъ же⁴⁾, и возвращено было ему все его владѣніе; онъ пріѣхалъ въ мартъ.

Въ половинѣ іюня онъ позвалъ Беку, и оба патрона отправились на Лоре, и, опустошивъ его, вернулись побѣдителями.

45. Затѣмъ, въ слѣдующій годъ, пришелъ Синанъ-Па-

¹⁾ П. X. Ошибочно приводитъ 265 корониконъ.

²⁾ П. X.: 5-го. Прод.: 7-го, но въ Мингрельскомъ вариантѣ это число указано вѣрно.

³⁾ Вале теперь большая деревня въ 12 верстахъ отъ Ахалциха. Въ Вале церковь, возобновленная Дедисъ-имеди и снабженная ею обстоятельною надписью на колоннѣ внутри церкви. Я посѣтилъ Вале лѣтомъ 1895 года и привожу тутъ переводъ надписи, часто искажаемой изслѣдователями: „Волею Божьею, я Богомъ вѣнчаннаго Іесея, Давидова, Соломонова, Багратонова, царя царей Константина внука, дочь царя Баграта, невѣстка атабегъ-амирснасаларскаго дома, Дедисъ-имеди, во второй разъ построила сію святую Твою, соперница небесъ, Валійская Божія Матерь, церковь, дабы ты была защитницею и покровительницею въ всей и будущей жизни мѣ и супругу моему атабегу Кайхосро. Дѣтей нашихъ: Кваркваре, Мзе-тчабука, Манучара, Твалъ-швеніера, Ивана и Тамару сохрани въ долгоденствіи, аминь; сестру ихъ Елену утверди въ царствѣ небесномъ. Отца моего Баграта и супругу его Елену да помилуетъ Богъ. Братьевъ моихъ, Ерекле и Ашота, да помилуетъ Богъ. Сестру мою Θεодору да помилуетъ Богъ, аминь. Вахтанга и Ерекле сохрани въ долгоденствіи, аминь; а брата моего Арчила, плѣннаго и соблазненнаго агарянами, освободи и вновь окружи его прежнимъ почетомъ, аминь».

⁴⁾ Здѣсь слово грузинъ, конечно, нужно понимать въ смыслѣ религіи, т. е. христіанина православнаго. Вахуштъ тоже сообщаетъ, что Кваркваре поборолъ выставленнаго противъ него борца и за это былъ отпущенъ султаномъ (Н. Г. II 1. р. 225).

ша и отправился на Тифлисъ. Оба патрона сопровождали его, но патрона Кваркваре онъ вернулъ изъ Триалетіи и отправилъ посломъ въ Имеретію, а патрона Манучара взялъ съ собою.

46. Въ корониконъ 268¹⁾—1580. Богъ разгнѣвался на патрона Вахганга, и умеръ онъ ²⁾).

47. Въ корониконъ 269—1581, въ февралѣ, патронъ Манучаръ короновался ³⁾).

48. Въ началѣ іюня, въ корониконъ 269—1581, Беку взяли въ Константинополь. Въ этотъ же корониконъ, четвертаго августа, патронъ Арчилъ вернулся въ Ацкуръ и послѣ долгой разлуки мы, сестра и братья, сошлись вмѣстѣ. Въ октябрѣ ⁴⁾ онъ уѣхалъ.

49. Въ корониконъ 269—1581, 25-го⁵⁾ ноября, разгнѣвался Богъ на патрона Кваркваре и на патрона Арчила, и они умерли ⁶⁾).

¹⁾ Въ П. X. опять ошибочно приведенъ 265 корониконъ.

²⁾ Курсивомъ приведенныхъ словъ нѣтъ въ оригиналѣ. Въ нашемъ текстѣ слово умеръ обыкновенно замѣняется выраженіемъ: разгнѣвался Богъ. П. X. и Прод.: умеръ владѣтель Мухрана Вахтаугъ, сынъ мухранскаго владѣтеля Баграта, въ началѣ іюня. Последнія три слова относятся къ 48 параграфу и ошибочно отнесены сюда въ указанныхъ источникахъ. Параграфъ этотъ писанъ въ оригиналѣ отдѣльно на полѣ.

³⁾ Манучаръ короновался, конечно, въ атабеги, владѣтели Самцхе-Саатабаго.

⁴⁾ Въ П. X. ошибочно приведено: ოზბობის ოვი — въ іюнь. Броссе, вмѣсто того чтобы объяснить это ошибкой переписчика, старается доказать, что ოზბობის ოვი есть названіе октября мѣсяца. Между тѣмъ ოზბობის ოვი, т. е. мѣсяць св. Іоанна, соответствуетъ всегда іюню мѣсяцу, а не октябрю, который у грузинъ носить названіе ოზბობის ოვი, т. е. мѣсяць вина. Этотъ параграфъ, какъ видно, былъ уже написанъ, когда вздумали писать 46 и 47 параграфы, и такъ какъ не было мѣста, ихъ помѣстили на поляхъ, первый сбоку, а второй внизу.

⁵⁾ П. X.: 26-го.

⁶⁾ П. X. и Прод.: „Патронъ Кваркваре и сынъ мухранскаго владѣ-

50. Въ корониконъ 270¹⁾—1582 урумы измѣнили патрону Манучару, но патронъ спасся; оба паши, получивъ тяжкія раны, бѣжали, и страна осталась за нѣми. Шахъ пріѣхалъ въ Ганджу и далъ въ подарокъ патрону Манучару Чалабутъ, а патронессѣ Дедисъ-имеди пять большихъ деревень.

51. Въ корониконъ 27[1]²⁾—1583 Тваль-швені[ера] вывели изъ ямы и привели къ шаху.

52. Въ корониконъ 271⁴⁾—1583, 24-го марта, въ Вербное воскресенье, патронъ Манучаръ привезъ патронессу Елену, дочь царя царей, патрона Свимона.

теля Баграта, Арчилъ, умерли“. Далѣе П. X. прибавляетъ: Въ этотъ же корониконъ царь Свимонъ и царь кахетинскій Александръ сразились въ Марткобъ, въ мѣстности Чотормъ, и царь Свимонъ одержалъ верхъ. Въ этотъ же корониконъ пришелъ сардаръ съ войскомъ, по имени Махмадъ-Паша. Царь Свимонъ встрѣтилъ его въ Мухранъ; произошло сраженіе, и царь Свимонъ побѣдилъ. Паша, обращенный въ бѣгство, прибылъ въ Тифлисъ (П. X. стр. 24—25). Продолженіе хроники даетъ болѣе пространныя свѣдѣнія объ этихъ дѣлахъ (см. К. Ц., т. II, стр. 295—297 = Н. Г. II, 1, р. 364—366).

¹⁾ Тутъ въ оригиналѣ въ числовыхъ буквахъ вмѣсто „*Ե՛Մ*“ стоитъ „*Ե՛ՄՄ*“; П. X. и Прод. эту ошибку исправляютъ и ставятъ „*Ե՛Մ*“, только Мингрельскій списокъ К. Ц. послѣднюю букву принимаетъ за *ճ*, такъ какъ *Մ* и *ճ* асомтаврული въ нашемъ текстѣ одинаково выражаются черезъ *Մ* и ставятъ „*Ե՛ճ*“.

²⁾ Въ оригиналѣ видно только *Ե՛ՄՄ*. Этотъ параграфъ написанъ на полѣ, которое немного отрѣзано, и потому нѣсколькихъ буквъ недостаетъ. П. X. и Прод. *Ե՛ՄՄ*. Минг. списокъ *Ե՛ճճ*.

⁴⁾ Первая цифра короникона писана буквою, а двѣ послѣднія словами. Въ предыдущихъ двухъ случаяхъ авторъ затруднялся, видимо, передать буквами корониконы, поэтому, во избѣжаніе недоразумѣнія, онъ противъ обыкновенія прибѣгаетъ къ словамъ, какъ бы указывая этимъ, что онъ знаетъ, какой долженъ быть корониконъ, но не умѣетъ его выражать буквами.

53. Въ корониконъ 272¹⁾—1584 прѣхалъ сардаръ Варадъ-Паша въ Ахалцихъ для возведенія укрѣпленій, но не могъ удержаться и уѣхалъ; страна осталась за нами ²⁾.

54. Въ корониконъ 275—1587 цирюльникъ убилъ Амза-Мирзу, сына Худабанды.

55. Въ этотъ же корониконъ отправили въ Константинополь Мацк[вереля] (Адкурскаго епископа) и знатныхъ [людей] [выдали] въ качествѣ заложниковъ. *Эти были:* Эдишеръ Шаликашвили, Елія Шаликашвили и [Кои]аръ Амилахоршвили. Заложники были задержаны, *поэтому* патронъ Манучаръ не довѣрился имъ (туркамъ) ³⁾.

¹⁾ Въ оригиналѣ опять ошибочно *სამბ*. П. Х. и Прод. исправляютъ и ставятъ *სამ*, въ Мингр. спискѣ *სუბ*.

²⁾ Подъ 1584 годомъ Прод. Хроники сообщаетъ еще слѣдующее: „Умеръ Бараташвили католикосъ Николаозъ, и волею и повелѣніемъ Божиимъ католикосомъ сдѣлался сынъ кахетинскаго царя Леона, 28-го февраля, въ субботу (К. Ц. II, стр. 297). Далѣе П. Х. даетъ такія свѣдѣнія:

Въ корониконъ 273—1585 царь Свимонъ и лорійскій паша сразились. Царь побѣдилъ и убилъ многихъ, приблизительно до 473-хъ *человѣкъ*.

Въ этотъ же корониконъ царь Свимонъ взялъ лорійскія пещеры, числомъ до 9-ти.

Въ этотъ же корониконъ, 1-го апрѣля, царь Свимонъ подступилъ къ крѣпости Лоре и взялъ его 10-го іюня. Въ этотъ же корониконъ шахъ опустошилъ Самцхе.

Въ корониконъ 274—1586 царь Свимонъ и тифлисскій паша Гасанъ сразились въ Таба-хмелѣ. Царь побѣдилъ и убилъ многихъ, приблизительно до 500 *человѣкъ*. Въ этотъ же корониконъ царь взялъ тифлисскую ограду и Уканъ-цихе (Заднюю крѣпость). Mémoires. t. 5, p. 242—243. П. Х., стр. 25—26).

³⁾ Эти два параграфа написаны на полѣ, которое немного отрѣзано, поэтому въ нѣкоторыхъ словахъ недостаетъ буквъ, которыя однако легко дополнить изъ П. Х. и Прод. Когда составители этихъ хроникъ пользовались нашимъ источникомъ, поля, какъ видно, еще были цѣлы.

56. Въ корониконь 275')—1587, въ августѣ, урумы построили Ахалцихъ и Гори, отъ сотворенія міра въ семь тысячъ девяносто четвертомъ году ²⁾. Царь Свимонъ явился на помощь, но месхи удержали его отъ битвы. Опустошивъ страну, онъ ушелъ. Много разныхъ измѣнниковъ явилось у патрона Манучара. Онъ не могъ устоять и, взявъ жену, уѣхалъ въ Ахаль-Дабу ³⁾. Патронесса Дедисъ-имеди и патронъ Кайхосро, сынъ патрона Кваркваре, поселились въ крѣпости Саканафе. Еліа Діасамидзе приставилъ Савалиншвили къ Демотской крѣпости для измѣны. Измѣна удалась. Крѣпость взяли и много богатства и драгоценностей забрали. Бежанъ Гогоршвили снова взялъ Цихисъ-джуаръ и передалъ пашѣ. Приставили къ намъ измѣнниковъ, поэтому и мы не могли остаться и уѣхали въ Ахаль-Дабу.

57. Въ половинѣ марта, весною, выступилъ Абасъ-Мирза, сынъ шаха Худабанды, и прибылъ въ Ардавелъ (Ардебиль). Въ Хорасанѣ Озбеги учинили возстаніе; поэтому онъ ⁴⁾ по[вернулъ назадъ и уѣхалъ туда, взявъ съ собою Тваль-швеніера. Когда онъ прибылъ въ Тавризь, тамъ произошла битва ⁵⁾. Тваль-швеніерьъ три раза принялъ участіе въ бою и три раза побѣдилъ; многихъ убилъ, многихъ взялъ

¹⁾ Въ нашемъ источникѣ написано опять таки по ошибкѣ 275, вмѣсто 274.

²⁾ П. X.: 7092. Годъ отъ сотворенія міра нашего источника соответствуетъ 1586 году.

³⁾ Деревни и мѣстечки подъ названіемъ Ахаль-Дабы (Новое мѣстечко) имѣются въ Карталииніи, Кахетіи, Сомхетіи и Имеретіи, но здѣсь рѣчь идетъ объ Ахаль-Дабѣ Ксанскаго ущелья.

⁴⁾ Здѣсь кончается дошедшая до насъ Хроника Месхійской Псалтири. То, что нами приводится, ниже въ прямыхъ скобкахъ, взято изъ П. X. Начиная отъ 42 параграфа, до этого мѣста текстъ рукописи писанъ однимъ почеркомъ, но не одинаковыми чернилами.

⁵⁾ Отъ словъ „взявъ съ собою“ иѣтъ въ Прод., изданномъ Д. Чубиновымъ (К. Ц. т. II, стр. 299), но въ Баратовскомъ спискѣ Б. Ц. имѣется.

въ плѣнъ и отослалъ къ шаху. Шахъ одарилъ его большимъ имѣніемъ и подарками. Затѣмъ патронъ Манучаръ не могъ довѣриться *урумамъ*. Онъ не могъ придумать никакихъ средствъ. Тѣ стали вести переговоры съ нами. Онъ (Манучаръ) послалъ въ Ахалцихъ къ папѣ наканунѣ Рождества патронессу Дедисъ-имеди и патрона ея сына ¹⁾ Кайхосро] ²⁾...

Е. Такай-швили.

¹⁾ Въ Прод. Хроники сказано: патронессу Дедисъ-имеди и патрона *моего внука*. Тутъ въ обѣихъ редакціяхъ должна быть ошибка. У Дедисъ-имеди не было сына Кайхосро, а потому выраженіе *ея сына* не умѣстно. Съ другой стороны, въ началѣ фразы не сказано: *послалъ меня патронессу Дедисъ-имеди*, чтобы можно было оправдать выраженіе и патрона *моего внука*. Броссе и Чубиновъ совершенно правильно предлагаютъ тутъ чтеніе *შვილის შვილი* внука, вмѣсто *შვილი* сына. Значитъ, нужно читать:.. „послалъ.. патронессу Дедисъ-имеди и патрона ея внука Кайхосро“. Кайхосро былъ сынъ Кваркваре и, стало быть, внукъ Дедисъ-имеди (К. Ц. т. II., сар. 299, прим. 1. Н. Е. II, 1, р. 336, п. 6).

²⁾ Далѣе тексты II. X. и Прод. сильно расходятся между собою въ повѣствованіяхъ, но заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что ни одна изъ упомянутыхъ хроникъ дальше этого мѣста разсказа о дѣлахъ Саатабаго не приводитъ. Въ виду этого мы должны заключить, что приведеннымъ мѣстомъ кончалась Хроника Месхійской Псалтири или, по крайней мѣрѣ, ко времени составленія вышеупомянутыхъ хроникъ остальная часть нашей хроники, если таковая и существовала когда-нибудь, была утрачена, и составители лишены были возможности продолжать выписки. Впрочемъ, историкъ Вахуштъ даетъ далѣе нѣкоторыя свѣдѣнія, которыя, судя по изложенію, повидимому взяты изъ продолженія разбираемой хроники. „Въ корониконъ, 278 — 1588, марта 15-го, сказано у Вахушта, мы истребили нашихъ измѣнниковъ и съ помощью вспомогательнаго войска царя Свимона покорили цѣликомъ Самцхе, заключили миръ съ турками и отправили человѣка къ султану. Султанъ утвердилъ Манучара атабегомъ, позволивъ ему остаться христіаниномъ“ (К. Ц. т. II, стр. 166. Н. Г. II, 1, р. 227. Тамъ же у Вахушта можно прочесть дальнѣйшую исторію Самцхе),

ОПЕЧАТКИ И ПОПРАВКИ

<i>Стр.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть.</i>
7	15 сверху	руи	руй
25	19 —	кхоетницевъ	кхоетинцевъ
44	13 —	драканами (драхмами)	драканами
46	7 снизу	томъ	тотъ
55	8 —	господнну	господину
56	12 —	Соломе	Саломе
63	10 —	Цанавра	Панавра
83	14 —	нѣтъ	нѣтъ
89	8 —	въ Мцхетѣ	близъ Мцхеты
120	20 —	отца	мужа
129	6 сверху	иракліемъ	Иракліемъ
129-130	1 —	драконами	драканами *)
147	5 —	и его,	и его
—	11 —	умеръ,	умеръ
193	3 —	Варазшвили	сыну Варазы
—	6 —	Аматакишвили	сына Аматаки
195	9 —	Зембеда	Зембада
200	6 —	въ томъ же Зарिशатрѣ	у того же Заринатша
208	3 снизу	принялъ	принялъ

Первое примѣчаніе 201 страницы должно быть изложено такъ: Вели—деревни въ Чилдырскомъ приставствѣ, Карской области, съ церковью, построенной въ 954 г. Гургеномъ или Гурамомъ. Въ Вели и до сихъ поръ говорятъ по-грузински (Исторія Бакрадзе на грузинск. языкѣ, стр. 234).

*) Драканъ—золотая монета въ 1 р. 50 к.

Оглавленіе трехъ хроникъ.

	<i>Стр.</i>
I. Обращеніе Грузіи (въ христіанство)	1—116
1. (Глава I). Хроника Обращенія Грузіи	1— 48
2. (Глава II). Вступленіе въ Житіе Св. Нины	49— 50
3. Глава III. Житіе Св. Нины	51— 56
4. Глава IV, написанная тою же Саломе уджармійскою	56— 66
5. Глава V. Прибытіе Св. Нины въ Мцхету, написанное тою же Саломе уджармійскою	66— 73
6. Глава VII, которую написала женщина еврейка, по имени Сидонія, дочь священника Авіатара	74— 79
7. Глава VIII, сказанная женщиною Сидоніею же	80— 86
8. Глава IX, сказанная ею же	86— 95
9. Глава XI, сказанная ею же	95— 96
10. Глава XII, сказанная Авіатаромъ, который былъ первосвященникомъ въ святилищѣ евреевъ въ Мцхетѣ и принялъ крещеніе изъ рукъ Нины	96—100
11. Глава XIII. О Честномъ Крестѣ, которое написалъ Яковъ	100—101
12. Глава XIV. Воздвиженіе Честнаго Мцхетскаго Креста и затѣмъ новое явленіе его	106—112
13. Письмо, которое написалъ передъ смертію царь Картліи Миреанъ, рукою архіепископа Якова, и далъ Саломѣ уджармійскою, жень своего сына, которая была поистинѣ свидуща во всемъ	112—115
14. Завѣщаніе царя Миреана сыну своему Реву и супругѣ своей Нанѣ	115—116
II. Жизнь и извѣстіе о Багратидахъ, царяхъ нашихъ грузинскихъ, откуда они явились въ эту страну, или съ какого времени владѣютъ они царствомъ Грузинскимъ, которое написалъ Сумбатъ, сынъ Давида	117—182
III. Хроника Месхійской Псалтири	183—214
1. Глава I. Агапы	183—184
2. Глава II. Хроника	185—214

ВЪ ГОРАХЪ

БОЛЬШОГО И МАЛОГО КАРСУЯ (ИСТОКИ КУБАНИ)
ПУТЕШЕСТВИЕ БУЧЕНИКОВЪ ЕКАТЕРИНОДАРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Въ горахъ Большого и Малаго Карачая.

(Источники р. Кубани).

Путешествіе 26-ти учениковъ Екатеринодарской гимназіи.

Съ рисунками автора.

Предисловіе.

Характеръ, отличительный признакъ индивида, есть относительно единственная и постоянная манера чувствовать, мыслить, желать. Основанія нашей нравственной индивидуальности скрываются въ глубинѣ нашего организма, и нашъ характеръ является выраженіемъ той суммы чувствованій и побужденій, которыя уже равнѣ свойственны всей совокупности нашихъ клѣтокъ ¹⁾). Воздѣйствіе физическихъ причинъ—климата, мѣстности, почвы, продуктовъ потребленія—сказывается на характерѣ и темпераментѣ какъ цѣлыхъ народовъ, такъ и индивидовъ. И въ дѣлѣ воспитанія чувствованій главенствующая роль принадлежитъ могущественному вліянію природы, ландшафта. Англичане первые изъ европейскихъ народовъ обратились за помощью къ природѣ въ дѣлѣ воспитанія сильнаго и жизнерадостнаго юношества, справедливо считая, что «школа должна, въ одно и то же время, расширять и кругозоръ дѣтей, и ихъ грудную клѣтку» ²⁾); что «человѣкъ не есть отрѣщенный разумъ, но разумъ, связанный съ тѣ-

¹⁾ А. Фулье. Характеръ и темпераментъ. М. 1896., стр. 5—6.

²⁾ Новая школа. Изд. К. П. Побѣдоносцева. М. 1898. Стр. 112.

ломъ, — поэтому нужно также развивать энергию, волю, физическую силу, умѣлость рукъ, ловкость...» ¹⁾ И образцовая новая англійская школа, основанная д-ромъ Редди въ 1889 г., въ Аббатгольмѣ (Дербишайръ), расположена среди сельскаго простора, среди обширнаго имѣнія, что составляетъ одно изъ существенныхъ условій новой системы воспитанія. Программа школы намѣренно отмѣчаетъ, что по близости нѣтъ большаго города. ²⁾

Невольно приходятъ на память слѣдующія слова К. Д. Ушинскаго: «А воля, просторъ, а природа, прекрасныя окрестности городка, а эти душистые овраги и колыхающіяся поля, а розовая весна и золотистая осень — развѣ не были нашими воспитателями? Зовите меня варваромъ въ педагогикѣ, но я вынесъ изъ впечатлѣній моей жизни глубокое убѣжденіе, что прекрасный ландшафтъ имѣетъ такое огромное вліяніе на развитіе молодой души, съ которымъ трудно соперничать вліянію педагога; что день, проведенный ребенкомъ посреди рощъ и полей, когда его головою овладѣваетъ какой-то упоительный туманъ, въ теплой влагѣ котораго раскрывается все его молодое сердце для того, чтобы беззаботно и безсознательно впитывать въ себя мысли и зародыши мыслей, потокомъ льющихся изъ природы, — что такой день стоитъ многихъ недѣль, проведенныхъ на учебной скамьѣ».

Мы знаемъ, какое властное вліяніе оказывала природа, особенно Кавказа, на вдохновеніе Пушкина, Лермонтова, Л. Толстого, Полонскаго, заставляла Тургенева заглядывать въ ея душу болѣе глубокимъ и проницательнымъ взоромъ, чѣмъ даже въ душу людей. Съ чувствомъ нѣкотораго удивленія читаешь, какъ житель современнаго Вавилона, изобразитель душевныхъ язвъ и пороковъ современныхъ парижанъ, Э. Зола, утомленный городской суетой, восклицаетъ: «О мои чудные

¹⁾ Ibidem. Стр. 30.

²⁾ Ibidem. Стр. 34.

загородные воскресные дни, когда мнѣ было двадцать лѣтъ! они остались для меня самыми дорогими воспоминаніями. Позднѣе—я знавалъ другія радости, но ничто не замѣнитъ мнѣ молодости и чувства свободныхъ дней, проведенныхъ на просторѣ, въ лѣсу». И не мало найдется людей зрѣлаго возраста, которымъ память донесла изъ золотого дѣтства нѣскольکو роскошныхъ картинъ многообразной матери-природы. Иногда изъ хаоса мыслей всплываетъ и проясняется тотъ чудный ландшафтъ, которымъ человекъ безсознательно любовался въ дѣтствѣ, съ которымъ у него соединяются воспоминанія о чемъ-то счастливомъ, радостномъ, благоуханномъ.

Что живое чувство природы можетъ быть еще въ отроческомъ возрастѣ глубоко развито, что пониманіе ея формъ красоты, умѣнье отдѣлать прекрасное, типичное отъ случайнаго вполне доступно вдумчивому отроку,—доказываетъ слѣдующій отрывокъ изъ дневника пятнадцатилѣтняго ученика гимназіи: «Вечеръ. Зелено-голубыя волны моря бѣгутъ къ берегу и разсыпаются жемчугомъ, оставляя на пологомъ, густо-усыпанномъ пестрыми, гладко обточенными камешками берегъ полоску бѣлой пѣны. Вонъ темный корпусъ парохода; яркими точками блестятъ на мѣдныхъ фонаряхъ, на окнахъ каютъ косые лучи заходящаго тамъ, вдали, за бѣлой колонной маяка, солнца; золотистыя лодочки сплываютъ отъ парохода къ набережной уже порозовѣвшаго городка. На небѣ все ясно, розово. Вонъ на берегу, за кустами барбариса, бѣлѣтъ дача. Родная семья собралась на балконѣ. Въ воздухѣ душно. Хочется побѣжать въ тѣнистый садъ, гдѣ висятъ кисти винограда, рдѣютъ яблоки, сквозь зелень просвѣчиваетъ золотая айва, но нужно пока сидѣть за столомъ да еще въ сосѣдствѣ съ блестящимъ, пышущимъ жаромъ самоваромъ. Вотъ чай оконченъ. Всѣ пустились въ садъ... Надъ пароходомъ взвилось розовое облачко пара, гудокъ звонко прокатился по бухтѣ.... Дѣти уже мчатся изъ сада на кремнистый берегъ смотрѣть, какъ

отойдетъ пароходъ, а онъ медленно повернулъ и плавно скользить по розовой глади уже заснувшаго моря. Горстями летять голыши, шурша падаютъ въ прозрачную воду; дѣтскій смѣхъ далеко несется по водѣ, до самаго парохода: оттуда кто-то машеть платкомъ... Смѣхъ разгорается пуще, разгорается и огнистое море заката. Отчетливо слышится мѣрное бульканье мощнаго пароходнаго винта, и дѣтскіе глазки съ наслажденіемъ слѣдятъ за удаляющимся морскимъ гигантомъ».

Безконечно жаль тѣхъ дѣтей, что обречены проводить дни въ городѣ, лишенномъ растительности, какъ напр., въ Баку: по словамъ директора тамонней гимназій, среди учениковъ найдется не мало такихъ, что никогда не видали—страшно-сказать—лѣса, нашини. Эти дѣти будутъ лишены массы благотворныхъ впечатлѣній, щедро раздаваемыхъ природою. И одною изъ важнѣйшихъ задачъ современной школы будетъ восстановление связи между ребенкомъ и природою: лѣтнія колоніи, земледѣльческія фермы при учебныхъ заведеніяхъ, ученическія санаторіи, путешествія, пѣшеходныя экскурсіи въ ближайшемъ будущемъ займутъ, вѣроятно, видное мѣсто среди средствъ, направленныхъ къ развитію въ Россіи здороваго и бодрaго молодого поколѣнія. Пока же въ распоряженіи воспитателей этого поколѣнія находится могущественная педагогическая мѣра — лѣтнія *пѣшеходныя* экскурсіи. Въ Россіи практиковались доселѣ кратковременныя прогулки пѣшкомъ; изрѣдка предпринимались болѣе отдаленныя путешествія въ вагонѣ желѣзной дороги. Но такія эфемерныя знакомства съ природою, пассивное разсматриваніе ея картинъ изъ оконъ быстро катящагося вагона всегда казались намъ полумѣрою. Юная душа должна сливаться съ природою; юноша долженъ итти пѣшкомъ, преодолевать трудности пути, часто останавливаться, жить подъ открытымъ небомъ, почуя то въ лѣсу, то въ полѣ, то на вершинѣ хребта, то на берегу рѣки или моря, долженъ всматриваться шагъ за шагомъ въ неясныя

сначала картины, вслушиваться въ смутные пока шумы, звуки, — словомъ, юноша долженъ чувствовать, а затѣмъ и понимать жизнь природы — и тогда, быть-можетъ, будетъ «ему звѣздная книга ясна», и станетъ «говорить съ нимъ морская волна».

Въ такихъ путешествіяхъ развивается и воля, гармонія между словомъ и дѣломъ, въ такихъ путешествіяхъ немедленно послѣ труда слѣдуетъ и наслажденіе имъ: вы два часа подъ палящими лучами солнца взбираетесь на гору, вамъ хочется сѣсть въ этой тѣни, отдохнуть, заснуть, но вы побѣждаете трудности дороги, овладѣваете горой — вы на вершинѣ! Далекая перспектива океана горъ, лучистыя дали, золотыя облака, голубыя ущелья — чудесный видъ для глазъ, свѣжій вѣтерокъ — для груди, горделивое побѣдное чувство наполняетъ вашу душу: вы не жалѣете объ испытанныхъ трудностяхъ подъема... И тысячи мелкихъ препятствій долженъ преодолѣть молодой путешественникъ. Дома, быть-можетъ, капризный баловень, — здѣсь онъ самъ упаковываетъ утромъ свою постель, моетъ кружку для чая, чашку для супа, мажетъ касторовымъ масломъ ботинокъ, моетъ и полощетъ въ рѣкѣ собственное бѣлье, чинитъ одежду, разбиваетъ, окапываетъ и складываетъ палатку, разводитъ костеръ, подталкиваетъ телѣгу, стоитъ на часахъ по ночамъ. Такое путешествіе, подъ руководствомъ людей интеллигентныхъ, будитъ пытливость молодого ума, развертываетъ передъ нимъ картину быта обитателей проходимыхъ мѣстностей, позволяетъ собирать поэтическія сказанія ихъ, составлять естественно-историческія коллекціи, производить метеорологическія наблюденія; при этомъ путешественникъ обязанъ вести дневникъ: это осмысливаетъ, во-первыхъ, въ его глазахъ все путешествіе, такъ какъ онъ, необходимо, долженъ въ концѣ каждого дня пробѣгать мысленно его происшествія; мало того, мысль его приучается быстро отдѣлять общее отъ частнаго, группировать впечатлѣнія, на-

блюдать; во-вторыхъ, это хорошее ежедневное упражненіе въ сочиненіи.

Въ такомъ путешествіи физическая жизнь юноши идетъ ускореннымъ темпомъ: въ тѣлѣ вызывается усиленный обмѣнъ веществъ, оно закаляется противъ холода, ¹⁾ легкія и сердце дѣлаются болѣе сильными, мускулатура укрѣпляется, — слѣдствіемъ всего этого является бодрое, жизнерадостное настроеніе духа, предприимчивость, легкость исполненія, свѣтлый взглядъ блестящихъ глазъ, быстрый разговоръ, энергичныя движенія.

Нѣтъ сомнѣнія, что присутствіе нѣкоторыхъ препятствій въ пути—перевалы, необходимость помогать обозу, нѣкоторыя лишенія въ комфортѣ, особенно низкая степень культурности проходимой мѣстности—весьма желательно для осуществленія въ полной мѣрѣ цѣли подобныхъ путешествій.

Лѣтомъ 1897 года я предпринялъ, съ разрѣшенія директора Екатеринодарской гимназіи, А. А. Топоркова, и одобренія попечителя Кавказскаго учебнаго округа, К. П. Яновскаго, первое путешествіе подобнаго характера съ 15 учениками названной гимназіи. Насъ сопровождалъ служитель гим-

¹⁾ Если приять въ расчетъ, пишетъ проф. Тархановъ, что простужаемость организма является источникомъ частыхъ и разнообразныхъ заболѣваній человѣка, то закаливаніе къ холоду, вѣрнѣе всего гарантирующее отъ простуды, должно быть самымъ желательнымъ явленіемъ для каждаго; кромѣ того, мы знаемъ, что холодъ, усиливая сердечную и дыхательную дѣятельность, является своего рода полезной гимнастикой для нихъ; что, повышая газовый обмѣнъ веществъ въ тѣлѣ, онъ способствуетъ усиленію теплообразованія и повышенію всѣхъ жизненныхъ функцій, и, согласно съ этимъ, наружный холодъ повышаетъ мышечный тонусъ, облегчаетъ мышечныя движенія, повышаетъ нервныя функціи, освѣжаетъ умственную работу, вслѣдствіе чего учащиеся занимаются обыкновенно послѣ холодныхъ купаній и холодныхъ воздушныхъ ваннъ съ большимъ вниманіемъ и прилежаніемъ. Это все факты, наблюденныя съ большою тщательностью и прямо доказывающіе огромное значеніе закаливанія человѣческаго организма къ холоду какъ для физическаго его здоровья, такъ и для физической и умственной его дѣятельности. („О закаливаніи человѣческаго организма“—Журналь журналовъ, 1898, № 12, стр. 478).

нази и нанятый извозчикъ съ телѣгою, на которой везли палатку, котлы, съѣстные припасы и проч. Изъ Екатеринодара путь нашъ лежалъ на мѣстечко Горячій Ключъ (50 верстѣ), отсюда, черезъ рядъ небольшихъ хребтовъ, на майкопо-туапсинское шоссе (58 верстѣ) и далѣе, черезъ станицу Хаджиженскую, Гойтхскій переваль, на мѣстечко Туапсе (76 верстѣ); здѣсь сѣли на пароходъ, который доставилъ насъ въ Сухумъ; тутъ мы осмотрѣли всѣ окрестности (29 верстѣ) и прошли на Новый Афонъ (25 верстѣ); отсюда на пароходѣ вернулись въ Новороссійскъ и далѣе по желѣзной дорогѣ въ Екатеринодаръ. Такимъ образомъ, иѣшкомъ было пройдено 240 верстѣ, а на пароходѣ и по желѣзной дорогѣ проѣхали 670 верстѣ. Въ теченіе всего пути было собрано бабочекъ и другихъ насѣкомыхъ 218 экз., растений—89 видовъ, отмѣчена температура воздуха и воды въ 28-ми мѣстахъ, сфотографировано видовъ и группъ 34. Экскурсанты въ теченіе всего путешествія, продолжавшагося 20 дней, пользовались превосходнымъ здоровьемъ, были въ самомъ жизнерадостномъ настроеніи духа, что весьма ярко отразилось на содержаніи ихъ дневниковъ. ¹⁾

Настоящая книга является слѣдствіемъ второго путешествія, предпринятаго мною въ сообществѣ двухъ преподавателей Екатеринодарской гимназіи, С. И. Борчевскаго и В. М. Сысоева, 26 учениковъ той же гимназіи и двухъ студентовъ, лѣтомъ 1898 года къ верховьямъ Кубани.

По цѣлямъ своимъ это путешествіе весьма мало отличалось отъ предыдущаго; зато оно было значительно труднѣе и интереснѣе.

А. Дьячковъ-Тарасовъ.

4-го декабря 1898 года.
Екатеринодаръ.

¹⁾ Подробное описаніе этой экскурсіи см. въ брошюрѣ—прибавленіи къ № 2 циркуляра по управленію Кавказскимъ учебнымъ округомъ за 1898 годъ.

Отъ Екатеринодара до Баталпашинска.

Сборы. Отъездъ. Затменіе. Тихорѣцкая. Невинномысская. Первый привалъ. Ночлегъ на берегу Кубани. Ночное приключеніе. Прибытіе въ Бѣломечетскую. Баталпашинскъ. Концертъ въ темнотѣ.

Необычайное оживленіе наблюдалось съ 2 часа дня 21 іюня 1898 года въ коридорахъ Екатеринодарской гимназіи. Около тридцати юношей съ веселыми, раскраснѣвшими лицами тащили по лѣстницамъ свои дорожныя вещи. Молодые голоса звонко пелись по опустѣвшимъ заламъ. Въ одной изъ нихъ на длинномъ столѣ былъ приготовленъ для путешественниковъ чай. Вновь приходившіе устремлялись въ большой классъ, гдѣ былъ сложенъ весь багажъ; въ одномъ углу высилась пирамида изъ чайныхъ ящиковъ съ провизіей, въ другомъ были сложены брезенты, фонари, свѣчи, боченки для воды и вина, переносная складная желѣзная печь, гамаки, флаги для двухъ палатокъ, складныя стулья, корзины, котлы, кастрюли и блестящія металлическія чашки, кухонныя мелкія принадлежности, желѣзные таганы, аптечная корзина. Приносимыя учениками вещи подвергались осмотру: въ саквояжѣ или въ нарочно сшитомъ по данному образцу дорожномъ мѣшкѣ съ отдѣленіями должно было быть мыло для стирки бѣлья, для рукъ и лица, иголки, нитки, пуговицы, запасная пара ботинокъ, бѣлье, чистая пара одежды, зимняя блуза, фуфайка, записная книжка для веденія дневника, же-

лѣзпый наконечникъ для Alpen-stock, финскій ножъ или кинжалъ.

Выступление было назначено въ 5 часовъ. Вещи были уложены на трое дрогъ. Въ назначенный часъ барабанъ ударилъ сборъ. Дроги съѣхали со двора. Кусковъ (VII кл.) построилъ путешественниковъ въ ряды, Топорковъ (VI кл.) забарабанилъ, и всѣ бодро зашагали по мостовой, направляясь къ желѣзнодорожной станціи, гдѣ насъ ожидалъ отдѣльный вагонъ. Мигомъ онъ былъ занятъ. Минуть черезъ десять внезапно полилъ сильный дождь. Многочисленная публика родныхъ и знакомыхъ поспѣшила искать убѣжища на вокзалѣ, въ нашемъ вагонѣ. Туча прошла. Воздухъ очистился. Все засверкало. Веселѣе звенѣли голоса юношей. Родители давали послѣднія наставленія; гимназистки лукаво шутили. Отъѣзжающіе держали себя съ достоинствомъ заправскихъ путешественниковъ. Вагонъ шумѣлъ, какъ улей. Смѣхъ, остроты, шутки перекрещивались въ воздухѣ. Второй звонокъ!... Поцѣлуи, пожеланія, рукопожатія, родительскія наставленія!... Дверцы на платформѣ вагона захлопнуты... Третій звонокъ, свистокъ паровоза,—и вагонъ, дрогнувъ, мягко покотился по рельсамъ: толпа провожавшихъ уплывала назадъ; руки, махавшія платками, быстро мелькали одна за другой... Поѣздъ прибавилъ ходу. Колеса мѣрно постукивали. Потянулись мимо ряды товарныхъ вагоновъ, съ шипѣніемъ промелькнулъ гигантскій паровозъ,—и поѣздъ мчался уже по широкой стени. Близилась ночь. Западъ горѣлъ краснымъ пламенемъ. Изрѣдка проносились мимо будка сторожа, и самъ онъ съ бѣлымъ огнемъ въ рукахъ на мгновеніе мелькалъ въ окнѣ вагона. Круглая мѣднокрасная луна стала подыматься надъ фіолетовымъ горизонтомъ. На сѣверѣ темнѣла уходящая туча.

— Доктора, доктора скорѣе! кто-то крикнулъ въ вагонъ. Всѣ обернулись.

— Смотрите, что съ луною дѣлается: умираетъ! доктора!

На луну надвигалось что-то темное. Любопытный феноменъ надолго занялъ вниманіе всѣхъ. С. И. Борчевскій ¹⁾ подробно объяснилъ столпившимся у окна ученикамъ явленіе затменія.

Во всѣхъ отдѣленіяхъ нашего вагона начались тихіе разговоры. Наши „контрабандисты“ (такъ прозвали группу изъ 5 мальчиковъ, только что перешедшихъ въ 5 классъ и попавшихъ въ число участниковъ экскурсіи, благодаря неотступнымъ просьбамъ ихъ самихъ и ихъ родителей) устроились въ уголку и, мирно бесѣдуя, принялись за ужинъ.

Въ полночь вагонъ затихъ. На Тихорѣцкой его отцѣпили: насъ долженъ былъ захватить съ собою ростовскій поѣздъ. Я вышелъ на платформу. Очистившаяся отъ пятна луна высоко парила въ небесахъ,плыли рядами далекія перистыя облака, въ темной синевѣ прогалицъ мерцали звѣзды. Ночь была тихая, влажная. По платформѣ бродили одинокія фигуры. Вскорѣ подошелъ переполненный пассажирами поѣздъ на Минеральныя Воды. Нашъ вагонъ прицѣпили къ его хвосту, и мы покатали теперь на юго-востокъ.

Въ 4 часа путешественники стали просыпаться. Я взглянулъ въ окно. „Сѣрое небо блѣднѣло, розовѣло, краснѣло“, вспомнилась фраза изъ „Бѣжина Луга“. По дорогѣ, бѣжавшей за линіей телеграфныхъ столбовъ, мѣстами бѣлѣли лужи.

— И здѣсь былъ дождь, пробормоталъ кто-то съ неудовольствіемъ.

— Если въ Невинномысской то же,—какъ же мы пойдемъ? грустно добавилъ другой.

Вдали показался городъ: то было богатое полурусское, полуармянское селеніе Армавиръ, грязное, имѣющее одну мощеную улицу, однако со всѣми атрибутами города; богатство свое этотъ городокъ-селеніе пріобрѣлъ торговлей хлѣбомъ и земледѣльческими орудіями.

¹⁾ Преподаватель физики и математики.

Здѣсь отъ насъ временно отдѣлился В. М. Сусоевъ, ¹⁾ желавшій проѣхать въ станицу Псебайскую, гдѣ, по его указаніямъ, производилась раскопка древняго кургана.

Вагонъ зашумѣлъ, словно улей. Вещи упаковывались въ свертки. Черезъ часъ мы должны были прибыть на ст. Невинномысскую, откуда намъ предстояло уже пѣшкомъ направиться въ горы. Быстро работали 52 руки, и у насъ задолго до прибытія на станцію все было готово: по всѣмъ скамьямъ лежали аккуратно свернутые и связанные тючки.

Въ семь часовъ прибыли на желанную станцію. Здѣсь насъ встрѣтили улыбающіяся фізіономіи Федота, служителя гимназій, и Егора, извозчика, за недѣлю посланныхъ мною изъ Екатеринодара съ двуконной телѣгой, на которую были уложены столбы отъ двухъ нашихъ палатокъ и другія громоздкія вещи—котлы, таганы, колья.

Вагонъ въ двѣ минуты былъ очищенъ; на платформѣ воздвиглась гора мѣшковъ, чемоданчиковъ. Къ вещамъ было приставлено два часовыхъ.

Пока производилась укладка на телѣги (я нанялъ еще двухъ извозчиковъ) нашихъ палатокъ, ящиковъ съ провизіей и прочаго, мы занимались чаеніемъ: въ двухъ большихъ чайникахъ была принесена съ вокзала горячая вода, съ базара, прилежавшаго непосредственно къ станціи, бабы принесли нѣсколько кувшиновъ молока. Укладкой завѣдывалъ служитель Корнѣй, сопровождавшій насъ въ прошлогоднюю экскурсію. Все укладывалось въ извѣстной системѣ: съѣстные припасы въ ящикахъ помѣщались на одной телѣгѣ; на второй—2 палатки на 36 человекъ, котлы и другія кухонныя принадлежности, боченокъ съ виномъ, боченокъ съ водой, цыновки, которыми выстилался полъ палатокъ; на третьей телѣгѣ—дорсажныя вещи экскурсантовъ, четыре фотографиче-

¹⁾ Преподаватель греч. языка и предсѣдатель Общества любителей изученія Кубанской области.

скихъ аппарата, два складныхъ стула, непромокаемые плащи, бурки. Наконецъ, все уложено, покрыто брезентами, увязано.

— Готово! Стронуться скорѣе! приказывалъ Кусковъ (VII кл.), назначенный командиромъ нашей роты. Всѣ быстро выполнили приказаніе: впереди стали трубачъ и барабанщикъ, сзади шесть человѣкъ съ ружьями, изъ которыхъ одно было берданкой со значкомъ, далѣе остальные юноши, студентъ новороссійскаго университета Сопотовъ, С. И. Борчевскій и я. — Шагомъ маршъ! скомандовалъ Кусковъ. „Грянули“ барабанъ и корнетъ, и нашъ отрядъ весело двинулся въ далекій путь. Станичные мальчишки провожали насъ версты три. По дорогѣ на базарѣ купили хлѣба, овощей, двухъ барановъ. Вскорѣ вышли въ поле. Путь нашъ лежалъ на югъ. Вдали бѣлымъ облакомъ стоялъ Эльбрусъ. Широко разбѣгавшаяся цѣпь холмовъ на горизонтѣ сужалась; по долину текла Кубань, покрытая зелеными островами. Недалеко отъ нея, въ полуверстѣ отъ четырехъ палатокъ мѣстной казачьей команды мы рѣшили остановиться на обѣдъ: было уже 11 часовъ; кромѣ того, многіе изъ путешественниковъ отъ волненія не спали ночью: имъ слѣдовало отдохнуть. По примѣру прошлаго года, нашъ походный день распредѣлялся слѣдующимъ образомъ: маршъ отъ 7 до 11¹/₂ часовъ; до 4¹/₂ часовъ обѣдъ и отдыхъ, а затѣмъ до 7 часовъ опять маршъ. Средняя скорость марша была 4³/₄ версты въ часъ; при подъемахъ она понижалась до 3 версты, при спускахъ доходила до 6.

Быстро была разбита помѣстительная палатка на 30 человѣкъ. Разбивка ея требовала около 10 минутъ. Окопанная извиѣ канавкою, причѣмъ землю бросали во внутреннюю сторону, она превращалась въ покойное жилище, почти недоступное вліянію вѣтра и холода. Вечеромъ сверху спускался, въ качествѣ люстры, большой фонарь съ двумя свѣчами. Обѣдъ готовился въ трехъ котлахъ, ставившихся на желѣзные таганы. Главнымъ поваромъ былъ служитель Федотъ, а

метрдотелемъ, завѣдующимъ раздачею хлѣба, сахару и порцій, Корнѣй. Въ дѣлѣ кулинарномъ намъ оказалъ большое подспорье говяжій сгущенный бульонъ и прессованная зелень: они сдабривали нашъ ежедневный бараній супъ или щи, съ крупой, макаронами, рисомъ и картофелемъ. Послѣ этого слѣдовало второе блюдо — баранина съ картофелемъ, или пловъ съ бараниной, или сладкій съ изюмомъ, или молочная каша. Десертомъ служило монпансье. Послѣ обѣда тотчасъ же пили чай, въ виду чего заблаговременно ставились на огонь три большихъ чайника; иногда, въ сырую погоду, въ чай вливалось изъ боченка, черезъ гуттаперчевую трубку, вино.

— Обѣдъ готовъ! доложилъ «метрдотель».

Ученики, заранѣе разбившіеся на группы по 4 человекъ въ каждой, приготовились обѣдать; дежурный отъ каждой группы ходилъ съ блестящей металлической чашкой за обѣдомъ, за «прибавкой», за хлѣбомъ. Въ палаткѣ и вокругъ нея можно было видѣть восемь живыхъ крестовъ, въ центрѣ которыхъ стояло по чашкѣ, куда опускалась ложка за ложкой. Въ тѣхъ же чашкахъ подавалось и второе блюдо. Чай всѣ пили изъ эмалированныхъ кружекъ, которыя каждый носилъ на поясѣ. Обѣдъ оконченъ. Часть путешественниковъ отправилась бродить по полю, но большинство отдыхало въ палаткѣ и на травѣ въ тѣни. Сильный вѣтеръ, съ шумомъ проносившійся надъ палаткой, смягчалъ дѣйствіе жары. Одни читали, другіе записывали кое-что въ дневникъ, третьи спали. У спавшаго Альтшулера сползли съ носа очки, раскрылся ротъ. Его сосѣдъ и пріятель Карамаленко былинкой тронулъ его языкъ: спавшій съ изумленіемъ раскрылъ глаза, плюнулъ, разсердился и, повернувшись на другой бокъ, опять заснулъ.

— Васъ казакъ спрашиваетъ, сообщилъ Корнѣй, подходя къ палаткѣ.

— Зови сюда.

Плотный казакъ шагнулъ въ палатку, широко раскрылъ глаза и вытянулся.

— Чего тебѣ? спросилъ я.

— Г. начальникъ мѣстной команды приказали сказать, чтобы ваша команда не ходила въ расстрепанныхъ чувствахъ.

Казачій офицеръ, завѣдывающій пересылкой арестантовъ, вѣроятно, принялъ насъ, благодаря барабану, ружьямъ, значку и палаткѣ, за солдатъ, а безпорядокъ въ костюмѣ—многіе ходили разстегнувшись, безъ поясовъ,—за нарушение своихъ прерогативъ, какъ мѣстнаго коменданта.

Давъ «должный» отвѣтъ, я отправилъ казака. Своеобразное посольство не повторялось. Черезъ два часа по сигналу, данному корнетомъ, всѣ принялись за сборы: палатка была снята и свернута, котлы, посуда, цыновки уложены на телѣги, и мы стали взбираться на высоты по прямой линіи, черезъ луга. Черезъ полчаса мы очутились на вершинѣ невысокаго хребта. Легкій вѣтерокъ пріятно освѣжалъ лицо. Туманная даль полей золотилась въ лучахъ низкаго солнца; въ долини дымились селенія и большая Невинномысская станица; широкими зигзагами серебрилась Кубань, изрѣдка прерываемая рощами; съ частыми остановками взбирались на гору наши тяжелыя телѣги. Теперь нашъ путь лежалъ по вершинѣ хребта. Бодрые юноши шли весело. Кое-кто собиралъ цвѣты. Студентъ Сопотовъ толковалъ что-то о дилувіальной эпохѣ, но его не всѣ слушали.

— «Господа! стройтесь въ одну линію! бей въ барабанъ!» крикнулъ кто-то.

Путешественники перегородили дорогу длинною, живою и веселою изгородью. Звонко трещалъ барабанъ, пугая встрѣчавшихся лошадей. Барабанъ зачастилъ,—шаги тоже. Шеренга побѣжала, и крикъ «ура» огласилъ потемнѣвшую лощину. Маленькое войско «штурмомъ» взяло «укрѣпленную позицію,» вершину невысокаго перевала. Обозъ былъ далеко позади. Мил-

леръ протрубилъ ему «сборъ». Мы прошли одиннадцать верстъ; до мѣста ночлега оставалось три версты. Окрестность уже тонула въ сумракъ; внизу заблестѣлъ огонекъ. Дождавшись обоза, мы спустились, перешли по мосту небольшую рѣчку, и очутились среди хутора. Ночь царила на небѣ и на землѣ. Гдѣ-то залаяла собака. Луна слабо освѣщала холмъ, на вершинѣ котораго мы опять поджидали наши телѣги. Многие, лежа на спинѣ, молчали, мечтательно слѣдя узоры создвѣздій.

— Какое могущественное вліяніе оказываетъ на человѣка созерцаніе звѣздъ, задумчиво, какъ бы про себя началъ Покатиловъ: какимъ маленькимъ, ничтожнымъ кажешься себѣ, а все-таки чувствуешь, будто расширяется твой мозгъ, вотъ такъ и чувствуешь, какъ какія-то крылья подхватываютъ твою душу и силятся поднять въ высъ... Тамъ Марсъ съ таинственными каналами, Сатурнъ съ загадочнымъ кольцомъ, о которыхъ намъ читалъ въ залѣ женской гимназіи лекцію профессоръ Глазенапъ... Любопытное созданіе человѣкъ.

— Скажи лучше: любознательное, поправилъ кто-то.

Покатиловъ не отвѣчалъ и задумался. Черезъ минуту онъ вполголоса продекламировалъ:...

... «Сквозь вѣчные туманы,

Познанья жадный, онъ слѣдилъ

Кочующіе караваны

Въ пространствѣ брошенныхъ свѣтилъ».

— Данько! про кого это сказано? прервалъ онъ самого себя.

— Не знаю, равнодушно отвѣчалъ тотъ (V кл.).

— Про Демона, глупый, про Демона... А вѣдь ты, Данько, порядочнымъ неучемъ растешь: только бороться и любишь. Скажи-ка, ты читалъ «Демона» Лермонтова?

— Не читалъ, но прочту, недовольнымъ тономъ замѣтилъ Данько.

— Кто поидеетъ на рекогносцировку? прервалъ я неприятный разговоръ: нужно отыскать на берегу Кубани чистое,

нѣсколько покатою мѣсто, открытое на далекое пространство.

— Я пойду! я! я! раздалось со всѣхъ сторонъ.

На развѣдки былъ посланъ студентъ Сопотовъ съ ружьемъ и Воскобойниковъ (IV кл.). Они тотчасъ же исчезли въ темнотѣ.

— А. П., а почему же «открытое мѣсто»? полюбопытствовалъ Рохлинъ.

— Да потому, что на открытомъ мѣстѣ мы будемъ въ большей безопасности: луна будетъ свѣтить всю ночь, и часовые могутъ во-время замѣтить что-либо подозрительное.

Разговаривая объ обязанностяхъ часовыхъ, мы подошли къ высокому, обрывистому берегу Кубани. Бѣлесоватый свѣтъ луны, тускло глядѣвшей сквозь облака, не далъ возможности обойтись безъ фонарей. Палатки были быстро разбиты на удобномъ, покатою мѣстѣ, — обстоятельство, весьма важное на случай дождя, — окопаны, полъ былъ покрытъ цыновками. Наши три телѣги были поставлены амфитеатромъ, въ центрѣ котораго были сложены нужныя вещи, разведенъ костеръ, на желѣзномъ таганѣ кипятились три чайника. Съ сосѣдняго хутора намъ принесли ведро молока: многіе, вмѣсто чаю, выпили по кружкѣ молока.

Путешественники, мало снавпие въ теченіе прошлой ночи, опьяненные свѣжимъ воздухомъ и прошедшіе четырнадцать верстъ, спѣшили на покой. Сильный вѣтеръ съ горъ заставлялъ палатки вздрагивать; но столбы были основательно укрѣплены, веревки туго натянуты. Я вошелъ въ нашъ временный полотняный домъ. Ученики лежали рядами. Здѣсь было тихо и душно: навѣтренная сторона была тщательно окопана, и всѣ щели закрыты землей. Изъ большого числа желающихъ караулить лагерь было отобрано шестеро; они должны были смѣняться каждые два часа, начиная съ 10¹/₂. Паролемъ былъ «Эльбрусъ». Первая пара часовыхъ немедленно обошла всѣхъ безъ исключенія, сообщая его. Лагерь затихъ. Только вѣтеръ колебалъ полотно палатокъ, да шуршали въ тра-

въ шаги часовыхъ, одѣтыхъ въ черныя бурки и маршировавшихъ по обѣимъ сторонамъ лагеря, съ такимъ расчетомъ, чтобы одновременно подходить къ противоположнымъ концамъ. На островъ въ заросляхъ кричалъ меланхолическій сычъ.

Часа въ два я открылъ глаза: передо мной стояла какая-то фигура въ буркѣ съ ружьемъ въ рукахъ. Это былъ Сопотовъ.

— А. Н.,—началь онъ взволнованнымъ шопотомъ, одного изъ извозчиковъ нѣтъ,—онъ куда-то скрылся. Я съ Топорковымъ обыскалъ весь лагерь, всѣ окрестности—а его нѣтъ... Нѣтъ ли здѣсь шайки? Не пошелъ ли онъ сообщить ей о насъ?... Вѣдь это возможно же, А. Н.?

— Онъ, вѣрно, сторожитъ лошадей и заснулъ гдѣ-либо въ травѣ.

Я вышелъ изъ палатки. Вѣтеръ по прежнему былъ силенъ. Одинокая фигура часового торчала на бѣлесоватомъ фонѣ пронизанныхъ луннымъ свѣтомъ облаковъ. Шагахъ въ пятистахъ неясно чернѣли какія-то фигуры: то были пасшіяся лошади. Въ поискахъ за мимопропавшимъ извозчикомъ, я дѣлалъ круги. Сопотовъ ходилъ по пятамъ. Вдругъ мы наткнулись на свернувшася калачикомъ человекъ. Я его тронулъ рукою: онъ вскочилъ. «Брусъ! брусъ! пробормоталъ отыскавшійся извозчикъ, вообразивъ, что мы спрашиваемъ у него пароль—«Эльбрусъ». Мѣстные жители зовутъ величайшую гору европейскаго континента Шать-горою, карачаевцы же—Менгитау (тысячная гора): поэтому-то нашъ извозчикъ, мѣстный житель, и исковеркалъ «пароль».

— Спи! спи! успокоилъ я его и вернулся въ палатку, оставивъ переконфуженнаго Сопотова продолжать дежурство.

Утромъ проснулись поздно. Многіе выкупались въ одномъ изъ мелкихъ и многочисленныхъ въ этомъ мѣстѣ ручавовъ Кубани. Въ 8 часовъ выступили въ дальнѣйшій путь, въ станцію Бѣломечетскую (13 верстъ). Шли группами по 4

— 5 человекъ. Было душно. Со стороны Главнаго хребта надвигалась туча; видны были тонкія полосы дождя, погромыхивалъ громъ; изрѣдка вѣяла струйка холодка. Въ 11 1/2 часовъ мы остановились на обѣдѣ. Пока онѣ приготавлился, мы спустились къ берегу Кубани, гдѣ въ одномъ изъ протоковъ глубиною въ аршинъ былъ устроенъ „маскарадъ“: ученики, намазавъ тѣло чернымъ иломъ, изображали чертенятъ, съ крикомъ и смѣхомъ носились по зеленому берегу съ тѣмъ, чтобы сейчасъ же съ шумомъ броситься въ воду и плыть, цѣпляясь руками за илистое дно и взметывая ногами высокіе фонтаны, блестящія на солнцѣ всеми цвѣтами радуги. После обѣда была устроена, подѣ моимъ руководствомъ, стрѣльба въ мишень изъ берданокъ и магазинки. Пальма первенства досталась студенту Соколову и Топоркову (VI кл.). Было выпущено около 20 пуль. Лучистая радость сіяла въ глазахъ побѣдителей, когда пуля попадала въ черный кругъ. Въ 5 часовъ корнетъ пропѣлъ сигналъ къ выступленію. Сталъ накрапывать мелкій дождь, и путешественники въ мгновеніе ока преобразились въ капюциновъ, надѣвъ гуттаперчевые плащи съ капюшонами, выписанные нами для нашей экскурсіи изъ Москвы. Нѣсколько разъ они оказывали намъ цѣнныя услуги во время ливней подѣ Главнымъ хребтомъ: мы были неуязвимы для дождя.

Дорога быстро портилась, такъ что передѣ вступленіемъ въ ст. Бѣломечетскую намъ уже приходилось часто останавливаться и стряхивать съ ботинокъ большіе комья грязи.

Вдали показались бѣленькія хатки, общественный хлѣбный магазинъ, кладбище, затѣмъ— бѣжавшіе навстрѣчу нашему барабану мальчишки и „дивчата“ Въ ставицу вошли стройно, рядами. Остановились на церковной площади. Дождь сѣялъ, какъ сквозь сито. Я послалъ Корнѣя „въ правленіе“ за станичнымъ атаманомъ. Видимъ: бѣжитъ казакъ. Отдалъ „честь“

Поздоровался. Это былъ помощникъ атамана, отлучившагося „по дѣламъ службы“.

— Писалъ вамъ про насъ что-нибудь атаманъ отдѣла?

— Такъ точно, писали: приготовить квартиры и подводы.

— Ни того ни другого отъ васъ не потребуется. Расскажи-ка, какъ пройти въ Мансуровскій аулъ.

— Лучше здѣсь оставайтесь, в. б., переночевать: тамъ очень неспособно будетъ: грязно живутъ абазинцы, да и дождь большой будетъ.

— Прекрасно; значить, ты предлагаешь намъ здѣсь гостепріимство. Спасибо—воспользуемся.

— Никакъ нѣтъ, поспѣшно сказалъ казакъ: онъ, видно, вообразилъ, что съ „гостепріимствомъ“ будетъ тѣсно связано и „угощеніе“. Мальчики засмѣялись; казакъ пуше сконфузился.

— Я пошутилъ, успокоилъ я его: мы остановимся въ школѣ, и у насъ все запасено. Веди насъ туда.

Школа была тутъ же, на площади. Едва мы размѣстились въ двухъ низкихъ классахъ старенькаго зданія, сдвинувъ въ стороны ветхія парты, какъ полпль ливень. Корнѣй съ трудомъ приготовилъ намъ чай. Ночь прошла спокойно. Утро было свѣжее, облачное. Мы поспѣшили выбраться изъ грязныхъ улицъ станицы. Перешли по мосту черезъ узкую, бѣшено несшую свои желтыя воды Кубань, пересѣкли низину, залитую вчерашнимъ дождемъ, и поднялись на плато; на горизонтѣ подымался холмикъ. Вскорѣ онъ былъ усѣянъ бѣлыми точками: то были передовые изъ нашего отряда. Справа, среди тянувшихся по Кубани садовъ, бѣлѣли домики, подымалась мечеть Мансуровскаго аула. Мы рѣшили туда не заходить: хотѣлось сегодня же дойти до Баталпашинска, главнаго пункта отдѣла. ¹⁾ Долина сужалась. Справа видны бы-

¹⁾ Кубанская область дѣлится на 7 частей, называемыхъ отдѣлами.

ли остатки старинной башни: здѣсь нѣкогда былъ турецкій окошъ съ башнею — Хаджи-кале; здѣсь жили, по преданію, турецкіе чиновники, наѣзжавшіе сюда изъ Сухумъ-кале; сюда направлялся въ 1790 г. турецкій „трехбунчужный“ генераль Баталь-паша, бывшій командиромъ войскъ, расположенныхъ въ Анапѣ и Суджукъ-кале (нынѣ Новороссійскъ): онъ желалъ объединить западнгорскія черкесскія или адигейскія племена, сблизить ихъ съ кабардинцами и другими восточно-горскими народцами, и, поднявъ, такимъ образомъ, весь Кавказъ, отбросить русскихъ на сѣверъ. Съ этою цѣлью онъ послалъ кабардинцамъ письмо, гдѣ сообщалъ о своемъ намѣреніи весною 1789 г. явиться съ войсками на Кубань, занять и укрѣпить Хаджи-кале. Дѣйствительно, въ сентябрѣ 1790 г. онъ съ 28-тысячнымъ отрядомъ, съ пушками, въ сопровожденіи тысячъ конныхъ черкесовъ явился на берегахъ Лабы. Навстрѣчу ему послѣдшилъ изъ Георгіевской крѣпости генераль Германъ съ трехтысячнымъ отрядомъ. Мы теперь шли по театру военныхъ дѣйствій: вонъ по ту сторону Кубани былъ Кубанскій редуть, гдѣ Германъ въ волненіи поджидалъ подкрѣпленій и не зналъ, куда направятся турки и скопища горцевъ; вонъ вдали сипѣютъ Тохтамышскія высоты, прикрываясь которыми онъ сдѣлалъ ночью молодецкій переходъ и дерзко преградилъ путь Баталь-пашѣ...

Солнце сіяло надъ нашими головами въ синемъ небѣ и горячо лобзало наши лица (шеи были защищены «назатыльниками», что дѣлало насъ похожими на закаспійскую пѣхоту): осязательно чувствовалось, что понимали древніе греки подъ «золотыми стрѣлами Аполлона». Къ 11 часамъ Тохтамышскія высоты значительно приблизились; въ дымкѣ, насвозь пронизанной солнечными лучами, мы стали различать бѣлыя точки — дома Баталпашинска. За двѣ версты отъ города мы неожиданно очутились въ абазинскомъ ¹⁾ аулѣ Дару-

¹⁾ Абазинцы, раньше называвшіеся русскими „шестиродными“, (ал-

кохть. Желая сократить путь, мы спустились къ берегу Кубани, въ ауль; тутъ мы заблудились: пришлось безъ излишнихъ церемоній перелѣзть черезъ заборы, переходить по дворахъ, такъ какъ улицъ здѣсь не было. Абазинки съ удивленіемъ смотрѣли на насъ, стоя у пороговъ саклей; нѣкоторыя смотрѣли въ щелки на незваныхъ гостей. До Баталпашииска оставалось всего съ версту; но мы, перейдя большой мостъ черезъ бурную Кубань, съѣхали съ дороги и остановились на обѣдъ: насъ соблазнила веселая лужайка, осѣненная ивами, пышно росшими по берегамъ быстрого рукава Кубани. Пройдя 24 версты, мы съ наслаженіемъ раскинулись на мягкой травѣ; усталость и журчаніе воды быстро усыпило многихъ. Обѣдъ скоро посиѣлъ. Едва мы его окончили, какъ хлынулъ ливень: гимназисты тотчасъ превратились въ монаховъ, надѣвъ свои блестящіе плащи, соединились въ тѣсную группу и обернули спины къ косому дождю. Составился хоръ, руководимый С. И. Борчевскимъ.

Мы живемъ среди полей и лѣсовъ дремучихъ!

Мы счастливыѣй, веселѣй всѣхъ вельможъ могучихъ!

Гей цыгане! гей цыганки!...

Живо! веселѣ!...

Намъ покровъ—небесный сводъ

И земля—постеля!...—

Звенѣли молодые голоса, подъ аккомпанементъ трескотни дождя о гуттаперчевую твердую ткань плащей.

Гой ты, Днѣпръ! ты, мой широкій!

Лейся быстрою волной!...

Надъ нашими головами неумолкаемо грохоталъ громъ, сверкала молнія, «лился волной» дождь. Посиѣвшая Кубань угрюмо шумѣла. Однако, юные путешественники чувствовали себя какъ нельзя лучше. Прижавшись другъ къ другу, они

ты-кесекъ-абаза), принадлежать къ обширному племени абхазцевъ, населяющихъ Сухумскій округъ (древніе абазги).

цѣли. Пѣсня обладаетъ удивительною объединяющею, бодрящею силою: каждый, сливая свой голосъ съ хоромъ, чувствуетъ себя нераздѣльною частью цѣлаго... Изъ-подъ плаща высокаго Миллера выглядывалъ маленькій Рохлинъ, словно цыпленокъ, спаснійся подъ крылышко матери: онъ не успѣлъ достать своего плаща во-время.

Дождь пересталъ, и мы двинулись въ путь. Перейдя нѣсколько потоковъ и ручьевъ, мы остановились подъ городомъ на мосту черезъ одинъ изъ рукавовъ Кубани, нѣсколько побчистились, дождались обоза, стали рядами, и съ барабаннымъ боемъ вступили въ Баталпанинскъ, представляющій изъ себя не что иное, какъ большую станицу, съ нѣкоторою претензіею казаться городкомъ, благодаря нѣсколькимъ лавкамъ, аптекѣ и большой каменной церкви. На площади мы замѣтили единственное двухъэтажное зданіе: это было шестиклассное городское училище. Сюда-то мы и направились. У входа насъ встрѣтилъ инспекторъ его, г. Потаповъ, заранѣе насъ пригласившій къ себѣ. Въ огромномъ классѣ въ изобиліи были настланы вороха душистаго сѣна. Радостно жужжа, путешественники стали размѣщаться на импровизированныхъ постеляхъ. Послѣ ужина часть отправилась осматривать городъ. Большинство же пѣжилось на сѣнѣ.

Въ станицѣ я рѣшилъ сдѣлать дневку, чтобы дать своимъ спутникамъ возможность оправиться отъ пятидесятиверстнаго пути; кромѣ того, у трехъ человекъ были ссадины на ногахъ. На обувь нами было обращено серьезное вниманіе. На основаніи прошлогодняго опыта, я рекомендовалъ ученикамъ имѣть двѣ пары ботинокъ изъ мягкой кожи. Послѣ перехода по грязи, когда вода пробиралась даже внутрь обуви, являлась необходимость въ запасной парѣ, въ то время какъ промокшая обувь высушивалась и густо смазывалась касторовымъ масломъ. Передъ походомъ ноги смазывались вазелиномъ съ небольшою примѣсью формалина, обертывались кускомъ бязи и

въ этомъ видѣ отправлялись въ обувь; защищенные такимъ образомъ, онѣ были недоступны вышнимъ ударамъ и, благодаря формалину, не выдѣляли пота, что исключало возможность получить ссадины и водяные пузыри: поэтому ногами болѣли мало, и то въ началѣ путешествія. Въ дѣлѣ лѣченія небольшихъ ссадинъ намъ очень помогало oleum Rosæ: кусокъ гигроскопической ваты, наитанный этимъ лѣкарствомъ, накладывался на обмытую растворомъ борной кислоты ранку; затѣмъ все забинтовывалось, и къ утру ранка была уже покрыта кожей; новый кусокъ ваты съ лѣкарствомъ, тщательное бинтованіе, — и безболѣзненное путешествіе на весь день.

Въ десять часовъ только неутомимые путешественники улеглись спать на ворохахъ душистаго сѣна; однако, заснувши, по словамъ Покатилова (V кл.), не скоро. У него въ дневникѣ записано слѣдующее. «Ученики не могли утомиться. Кто-то потушилъ лампу, но и это не подѣйствовало: успокоятся на секунду, — вдругъ кто-нибудь или запищитъ или захрапитъ «по особенному», и раздастся общій смѣхъ; опять начинается болтовня; слышались недовольные голоса: «перестаньте! спать не даете! вотъ услышите А. Н.!». Ничто не помогало. Наконецъ, нашелся одинъ благодѣтель и придумалъ усыпить насъ: «Росляковъ! сыграй что-нибудь: авось, заснутъ». Тотъ охотно уступилъ общей просьбѣ, вынулъ свою скрипку. Едва раздались въ темнотѣ первые аккорды, — все смолкло. Чистые, сильные звуки наполнили комнату; то они трепетали, то лились едва слышной волной, то вдругъ, могучіе и громкіе, содрогали наши сердца... О святое наслажденіе звуками! что можетъ быть выше тебя! Всѣ мы, затаивъ дыханіе, въ умиленіи слушали эти звуки, эту гармонію, ласкавшую нашъ слухъ, успокаивавшую и сглаживавшую все рѣзкое и грубое...

Уснули и мы, убаюканные баркаролой Чайковского, и яркія звѣзды глядѣли въ окна съ темныхъ небесъ... Подобное отношеніе моихъ товарищей къ такому искусству, какъ

музыка, было весьма пріятнымъ явленіемъ: оно показывало, что они юноши довольно развитые, и грубое сейчасъ же у нихъ исчезало, какъ нѣчто непривычное, разъ только появлялось что-либо изящное... Усну и я: еще проснется мой пріятель Альтшулеръ, съ своей менторской миной, и на меня посыплется упреки въ «многоглаголаніи»...

Спокойной ночи, добрые товарищи!»

День 25-го іюня былъ посвященъ отдыху. Осматривали шелковичныхъ червей въ червоводнѣ при училищѣ; объясненія давалъ одинъ изъ бывшихъ воспитанниковъ.

Благодаря любезности атамана отдѣла, г. Браткова, мы ни въ чемъ не терпѣли недостатка. Вечеромъ мы посѣтили убогій заѣзжій циркъ. Вернувшись домой, мы были пріятно удивлены, встрѣтивъ на порогѣ Игнатьева (VIII кл.): онъ не могъ своевременно присоединиться къ товарищамъ, такъ какъ лѣчилъ въ Майкопѣ ушибленную при паденіи ногу; теперь онъ выздоровѣлъ и на перекладной догналъ насъ. Всѣмъ было пріятно, что «нашего полку прибыло».

Отъ Баталпашина до Хумары.

Битва съ Баталь-пашою. Переходъ по „Долинѣ грязи“. Ночлегъ близъ минеральнаго источника. Посѣщеніе Николаевскаго укрѣпленія. Угольные копи. Прибытіе въ Осетинскій поселокъ. Шоанинскій храмъ XI вѣка. Балъ.

В

ъ 6 часовъ утра улей зашумѣлъ, а въ 7½ путешественники, распростившись съ любезными хозяевами, двинулись дальше въ горы. Бойко трещалъ барабанъ, бодро шли свѣжіе, отчасти приспособившіеся къ путешествію юноши; позади гремятъ три высоконагруженные телѣги. Миѣ пришлось остаться по дѣламъ, и я только въ 12 часовъ могъ выѣхать на почтовыхъ, захвативъ кулъ съ мукой.

Хумаринскій храмъ XI вѣка.

Въ семи верстахъ отъ станицы находилось поле знаменитаго сраженія ген. И. И. Германа съ Баталь-нашею, 30-го сентября 1790 года. Русскіе въ числѣ 4 тысячъ человекъ, имѣя всего 18 пушекъ, преградили путь турецкой тридцатитысячной арміи съ 31 пушкой. Турки, въ сопровожденіи скопищъ конныхъ горцевъ, двигались изъ-за рѣки Зеленчука, направляясь къ Георгіевской крѣпости. Ген. Германъ смѣло преградилъ имъ путь: озадаченные турки тотчасъ же окопались въ своемъ лагерѣ на берегу Кубани (слѣды окоповъ и теперь ясно видны), и тогда вышли въ поле. Русскіе храбро ударили на оба крыла непріятельскаго войска: турки не выдержали и, преслѣдуемые конницей, бросились въ лагерь; при этомъ многіе были взяты въ плѣнъ, въ томъ числѣ одинъ паша. Горскіе народцы, увидѣвъ, что перевѣсъ клонится на сторону русскихъ, отъѣхали нѣсколько назадъ и, остановившись на окружающихъ поле битвы высотахъ, смотрѣли, чья возьметъ; увидѣвъ же, что турки разбиты, черкесы исчезли въ горахъ. День клонился къ вечеру, когда Германъ со своими войсками двигался мимо непріятельскаго лагеря, дѣлая видъ, что хочетъ обойти его; затѣмъ, круто повернулъ и ударилъ на правый, слабо укрѣпленный флангъ лагеря. Началась штыковая работа: самъ Баталь-паша со свитою, много пороку, свинцу, инструментовъ, разныхъ припасовъ, 31 пушка достались побѣдителямъ. «Такъ кончился день», пишетъ въ своемъ «журналѣ» самъ Германъ, «который останется навсегда памятнымъ жителямъ Кавказа, съ коимъ исчезли навсегда дальновидныя непріятельскіе планы, такъ что и слѣдовъ не осталось послѣ оныхъ». Дѣйствительно, цѣною жизни 142 русскихъ солдатъ было куплено спокойствіе Сѣвернаго Кавказа, и навсегда отнята у турокъ охота посылать сюда свои экспедиціи. Грустно поинкъ бы головою смѣлый русскій генералъ, если бы узналъ, что главный населенный пунктъ обширнаго отдѣла названъ именемъ трусливаго и бездарнаго ту-

рецаго наши, а имя Германа неизвѣстно большинству жителей даже Баталпашинска. Миновавъ Джегутинскій поселокъ, перемѣнивъ лошадей въ Джегутинской станицѣ, я покатилъ по значительно сузившемуся кубанскому ущелью: справа, за рѣкою, возвышался мощный лѣсистый хребетъ, слѣва—высокіе холмы. Скоро дорога побѣжала карнизомъ надъ глубоко внизу шумѣвшей Кубанью. Моросившій дождь пересталъ. Вдругъ изъ-за одного изъ многочисленныхъ поворотовъ я увидѣлъ latter путешественниковъ. Съ высоты 80 сажень покатилося внизъ «ура»: то меня привѣтствовали наши «альпинисты», поднявшіеся на вершину хребта. Немедленно же былъ данъ сигналъ къ походу: солнце готовилось скрыться за хребетъ, между тѣмъ какъ намъ предстояло пройти одну подозрительную долину; дождь испортилъ дорогу, почевать же необходимо было на сухомъ мѣстѣ.

Дорога дѣлалась, однако, съ каждымъ шагомъ живописнѣе: мы вступили въ царство горъ. Внизу Кубань съ шумомъ несла воды прямо къ подножію сѣраго утеса, часть котораго, въ видѣ обелиска, лежала въ водѣ; изумруднаго цвѣта островки казались длинными ладьями, у носа которыхъ клубилась пѣна. Разорванныя оранжевыя и голубыя облака на минуту закрывали солнце. Долину окружали высокія причудливыхъ очертаній горы; по нимъ ползали другія облака, длинныя, молочно-голубыя, и подымались къ вершинамъ; тутъ ихъ поджидали лучи скрывающагося солнца, и они горѣли розовымъ и краснымъ огнемъ. Длинныя тѣни побѣжали по зеленой долинѣ, куда мы спустились. Здѣсь прошелъ грандіозный ливень. По дорогѣ, на вершокъ покрытой водою, было итти затруднительно: юноши шли по высокой травѣ, сочно ступая. Ноги промокли; вода переливалась въ ботинкахъ; итти было жарко, всѣ устали; но останавливаться на ночлегъ здѣсь было невозможно: мы должны были добраться, какъ рѣшили, до источника минеральной воды. Нашъ барабанщикъ,

Топорковъ (VI кл.), замѣтивъ нѣкоторую молчаливость въ столь веселыхъ недавно товарищахъ, ударилъ въ барабанъ: всѣ зашлепали по водѣ въ тактъ, рядомъ съ барабанщикомъ, образовалась шеренга, молча и сосредоточенно шагавшая; барабанщикъ иногда спотыкался въ лужахъ, на кочкахъ, сбивался съ такта, но тотчасъ поправлялся и съ самоотверженіемъ колотилъ нѣмѣющими руками въ спасительный барабанъ. Трели его далеко неслись впередъ, въ темнѣющую даль ущелій, откуда уже подулъ свѣжій сумеречный вѣтерокъ.

— Это вѣтеръ изъ Карачая, господа! ледниковый вѣтеръ, свѣжій! дышите имъ! Глубже вздохи!... кричалъ восторженный Покатиловъ. Прибавь шагъ! скорѣй изъ этого болота!... Обозъ-то, обозъ! какъ отсталъ!

Дѣйствительно, дорога затрудняла движеніе тяжелыхъ телѣгъ: онѣ отстали на цѣлую версту. Впереди послышался шумъ потока: мы быстро поднялись на возвышенность. Тамъ, въ извилистомъ, глубоко прорѣзанномъ каменномъ ложѣ бѣжалъ пѣнистый ручей. Каменный мостъ былъ разрушенъ напоромъ воды. Большіе камни, лежавшіе посреди потока, позволили намъ переправиться черезъ воду. Ночь спускалась. Надо было торопиться, и Миллеръ протрубилъ на корнетѣ сигналъ обозу «ускорить шагъ». Мѣстность стала волнистой, овраги, крутые склоны попадались чаще. Впередъ были посланы развѣдчики отыскать минеральный источникъ. Стемнѣло. Бѣлыя фигуры путешественниковъ смутно виднѣлись въ темнотѣ. «Исто-ó-чникъ здѣсь!» послышался откуда-то изъ темноты голосъ С. И. Борчевскаго.

Громкое «ура!» прокатилось по тихому ущелью. Всѣ кинулись на голосъ. Опасаясь дождя, я выбралъ мѣсто для палатки на склонѣ; множество камней усѣивало землю. Свистокъ призывалъ всѣхъ къ исполненію своихъ обязанностей. Зажглись фонари, десятка два рукъ очистили мѣсто подъ палатку отъ камней; звенѣли лопаты, коная водоотводныя канавы; стуча-

ли топоры, забивающіе кольца для веревокъ; еще одно мгновение—и быстро поднялся высокій полотняный домъ на 30 человекъ. Тѣмъ временемъ каждый поочередно подходилъ къ телѣгѣ, гдѣ былъ боченокъ съ бургундскимъ виномъ, и вышивалъ стаканчикъ. Скоро былъ готовъ чай. Закусивъ, усталая армія сняла обувь, смазала ноги вазелиномъ и надѣла сухіе носки и запасные ботинки, затѣмъ тѣсно улеглась въ палаткѣ на циновкахъ, закутавшись въ бурки и пальто. Черезъ полчаса въ палаткѣ температура значительно повысилась: на лбу появилась испарина. Вдругъ все затихло и подняли головы: изъ-за рѣки неся грохотъ за грохотомъ: то были земляные и каменные обвалы, слѣдствіе бывшего ливня. Часовые были назначены, и первая смѣна, надѣвши бурки, заняла свои мѣста на видномъ мѣстѣ. Дружный храпъ неся изъ палатки. Теплоота заставила многихъ раздѣться, усталость быстро усыпила: Михайловъ спалъ, держа въ одной рукѣ кусокъ хлѣба, въ другой—сыру. Корнѣй и Федотъ спали, забравшись подъ телѣги. Одинъ только неутомимый студентъ Сопотовъ, босой, высоко засучивъ панталоны, съ фонаремъ и лопатой, до разсвѣта провозился около минеральнаго источника, приводя его въ порядокъ. Настало утро, радостное, солнечное. Лагерь весело шумѣлъ. Собирается въ походъ не торопились. Было прохладно, какъ весною, и такъ же, какъ весною, радостно на душѣ. У соляно-щелочнаго источника устроилось засѣданіе; все, сидя на камняхъ, съ интересомъ слѣдили, какъ съ темнаго, илистаго дна круглаго колодца подымались серебристые пузырьки газа; каждый старался побольше набрать ихъ въ кружку. С. И. Борчевскій и Сопотовъ вели разговоръ о химическомъ составѣ воды, о сходствѣ его съ эссендукскимъ № 17; затѣмъ они наполнили нѣсколько лимонадныхъ бутылокъ; захваченныхъ съ собою специально для собиранія образцовъ воды минеральныхъ ключей. Сопотовъ долженъ былъ ихъ отвезти для анализа въ химическую лабораторію Ново-

россійскаго университета. Студентъ добродушно улыбался, когда мальчики съ усмѣшкой разспрашивали его о дѣйстви воды на желудокъ: оказалось, что нашъ химикъ, желая испытать качества воды, выпилъ 4 чайныхъ кружки воды и пострадалъ. Сопотовъ былъ полезнѣйшимъ членомъ экспедиціи: принадлежа къ типу фанатиковъ—естественниковъ, онъ по цѣлымъ часамъ читалъ охотникамъ лекціи по естествознанію; добродушіе, вмѣстѣ съ серіознымъ знаніемъ предмета, привлекало къ нему симпатіи всѣхъ. Проработавъ у источника всю ночь, выстоявъ, кромѣ того, два часа въ качествѣ часового, Сопотовъ, усталый, съ головою болью, слегка простуженный почвымъ холодомъ, не измѣнялъ своего жизнерадостнаго настроенія, и его маленькіе сѣрые, быстрые, какъ мыши, глаза попрежнему весело смотрѣли на собесѣдника.

Въ 9 часовъ снялись съ лагера, и тотчасъ стали подыматься на высокую равнину. Вдали заблѣлись полуразрушенныя башни старинной крѣпостцы. Направо, по ту сторону Кубани, у подножья высокаго хребта съ красными осынями, ютилась бѣдная станица Красногорская (бывшая Николаевская). Это послѣдняя станица на нашемъ пути: дальше начинались инородческія поселенія. Жители ея занимаются хлѣбопашествомъ, но оно мало способствуетъ ихъ благосостоянію: слишкомъ мало земли, слишкомъ далека станція желѣзной дороги; къ тому же, жители ея потомки негоднаго элемента другихъ станицъ, нарочно выславшихъ въ первую линію всѣхъ, отъ кого они хотѣли избавиться.

Подойдя къ укрѣпленію, внутри котораго теперь помѣщается обывательская почтовая станція, путешественники мигомъ взобрались на башню, гдѣ и были сфотографированы въ моментъ, когда, махая въ воздухъ фуражками, кричали побѣдное «ура!» Грустно смотрѣли эти закопченныя стѣны съ зубцами и бойницами; нѣкогда грозная, башня теперь служила хлѣвомъ для телятъ... Кто-то замурлыкалъ:

Гдѣ прежде въ Капитоліи судилися цари,—

Тамъ въ наши времена живутъ пономари...

Сигнальный свистокъ, барабанъ затрещалъ, и мы покинули крѣпостцу. Вдали открылась далекая перспектива сибирскихъ горъ. Широкая равнина, по которой мы шли, сужалась: тамъ вдали сибирли ворота въ Карачай, предметъ нашихъ давнишнихъ возжеланій; отдѣльно отъ прочихъ стояла столпообразная моавинская гора съ церковью XI вѣка; у подошвы ея что-то бѣлѣло во мглѣ дали: это былъ георгиевско-осетинскій поселокъ и Хумаринское укрѣпленіе, станъ приставы, завѣдующаго Карачаемъ. Отсюда-то и начинался Карачай; здѣсь мы должны были отдохнуть, оставить часть запасовъ въ укрѣпленіи и, облегченные такимъ образомъ, двинуться дальше въ глубь горъ, въ Малый Карачай.

Итти было легко. Навстрѣчу съ бѣлосибирскихъ вершинъ Главнаго хребта несея прохладный, прямо весенній вѣтерокъ. Дорога шла подъ уклонъ. Вдали показалась кучка строеній и рядъ тополей: это были утяковскія каменно-угольныя копи. Дорога теперь живописно вилась по скалистому боку горы, то уклоняясь въ сосѣднія ущелья, то вновь выбѣгая на долину Кубани, стремительно несшей пѣнистыя волны въ глубокомъ скалистомъ ложѣ. Начались поросли дубняка, орѣшника, боярышника, прозрачныя водонады падали на дорогу. Эта часть дороги носила названіе Мышиной тропы; въ рыхломъ плитнякѣ склоновъ горы мѣстами чернѣли прослойки каменнаго угля. Путешественники шли группами. Синяя блуза Сопотова мелькала тамъ и сямъ: онъ съ геологическимъ молоточкомъ въ рукахъ постукивалъ по скаламъ, отбивая по кусочку; Телѣга (VI кл.), нашъ «энтотомологъ», собравшій въ прошлую экскурсію 218 экземпляровъ бабочекъ, шелъ нижею дорогою съ своимъ сачкомъ; Шиллингъ (IV кл.), маленький ботаникъ, несъ подъ мышкой папку съ пропускной бумагой, куда бережно, по-нѣмецки, укладывавалъ найденныя

имъ самимъ или принесенныя товарищами растенія; Михайловъ (VII), Мова (VI) и Игнатьевъ (VIII) остановились и что-то дѣлали, окруживъ С. И. Борчевскаго. Былъ полдень, и наша метеорологическая передвижная коммиссія остановилась для отмѣтки температуры мѣста, а также и высоты его, по превосходному анероиду. Благодаря С. И. Борчевскому, термометрическія и барометрическія наблюденія велись съ болѣею точностью въ теченіе всего пути: они могутъ послужить интереснымъ матеріаломъ къ опредѣленію рельефа этой мало изученной мѣстности.

Въ половинѣ перваго мы остановились передъ небольшою группою зданій; прекрасный огородъ, окруженный высокими тополями, примыкалъ къ хозяйскому дому. На нашъ призывный крикъ вышелъ владѣлецъ коней, въ настоящее время почти прекратившихъ свою дѣятельность, но раньше дававшихъ болѣе милліона пудовъ угля въ годъ. Крутая гора нависла надъ домомъ. Ее пересѣкали двѣ горизонтальныхъ параллельныхъ полосы каменнаго угля, толщиною въ 8 вершковъ. Пока варился обѣдъ, любезный хозяинъ пригласилъ насъ въ садъ, гдѣ подъ деревьями мы и расположились на своихъ цыновкахъ. Наша собака, знаменитый Боксъ, залѣзла въ малинникъ, спасаясь отъ жары; но любезность хозяина простиралась такъ далеко, что онъ просилъ собаку тамъ и оставить, несмотря на то, что она изрядно помяла растенія; однако, Боксъ съ позоромъ былъ извлеченъ изъ своего убѣжища. Утяковскія копи знали лучшее время, когда ихъ эксплуатировало военное вѣдомство съ помощью даровой солдатской силы; теперь же, съ проведеніемъ Ростово-Владикавказской желѣзной дороги, когда донецкій уголь вытѣснилъ потребленіе утяковского, производительность коней свелась почти-что на нѣтъ. Продолжая свое повѣствованіе, хозяинъ сообщилъ намъ, что на вершинѣ горы есть остатки какого-то древняго укрѣпленія. Съ легкой руки академика

Абиха, нѣкоторые приписываютъ его пекрасовцамъ, бѣглымъ донскимъ казакамъ, позднѣе бѣжавшимъ въ Турцію; но это мнѣніе не имѣетъ подъ собою ни малѣйшаго основанія. Путь, по которому мы теперь двигались, былъ издревле извѣстенъ: здѣсь проходили византійцы; по преданіямъ здѣсь былъ Левъ Исаврянинъ; сюда, въ Хумару, ссылали византійскихъ преступниковъ, здѣсь были обширныя поселенія, остатки которыхъ мы должны были завтра увидѣть близъ осетинскаго поселка и устья р. Теберды; въ Хумарѣ была кафедра епископа Хумаринской епархіи; быть-можетъ, сюда заходили позднѣе генуэзцы, какъ это еще позже дѣлали турки,—но чтобы здѣсь жили пекрасовцы—сомнительно; карачаевцы, въ пріѣздъ мой сюда въ 1896 году, говорили мнѣ, что здѣсь жилъ народъ „тамъ-лала“, невѣдомо куда исчезнувшій; что онъ-то и построилъ это укрѣпленіе. Такъ, въ ожиданіи обѣда, проводили мы время въ экскурсахъ въ область исторіи. Послѣ обѣда, отдохнувъ, отправились осматривать шахты. Поднявшись на высоту семидесяти футовъ, мы остановились передъ запертой дверью въ шахту; пока хозяинъ посылалъ за забытымъ ключомъ, мы любовались живописной панорамой мѣстности: причудливыя, зубчатыя горы, будто ряды замковъ и башенъ, защищавшихъ входъ въ Карачай, раздвигались. Направо за этими воротами начиналось великолѣпное Тебердинское ущелье, тянувшееся на 70 верстъ; по немъ-то намъ и надлежало пройти, подняться къ ледникамъ Главнаго хребта, полюбоваться на его вершинѣ озеромъ, покрытымъ плавающими льдинами, и затѣмъ перевалить оттуда черезъ рядъ хребтовъ въ долину Кубани, въ Большой Карачай; на это требовалось двѣ недѣли.

— Господа! допотопное дерево желаете видѣть? провозгласилъ хозяинъ.

Сопотовъ стремглавъ бросился впередъ. Изъ-подъ рыхлыхъ камней торчалъ большой кусокъ окаменѣвшаго дерева,

достаточно рыхлаго для того, чтобы отрывать куски его руками.

Эта находка дала Сопотову повод прочесть лекцію объ образованіи каменнаго угля, а также сообщить гипотезу о періодическомъ поднятіи и опусканіи Кавказскаго хребта.

У входа въ шахты лежали груды блестящаго и легкаго каменнаго угля; по словамъ хозяица, онъ даетъ много дыму и сильный жарь. Принесли ключъ. Мы зажгли свѣчки и вошли въ прохладную штольню. Летучая мышь вырвалась изъ щели. Воздухъ былъ чистъ; пламя свѣчей горѣло ярко. Штольня имѣетъ въ длину 120 сажень; однако далеко я не пустилъ своихъ спутниковъ, хотя хозяинъ и увѣрялъ въ полнѣйшей безопасности.

Здѣсь С. И Борчевскій насъ сфотографировалъ при помощи вспышки магнія, и мы двинулись назадъ, спѣша выйти на свѣтъ Божій, тусклымъ пятномъ видѣвшійся вдали. Рѣзкій переходъ отъ холода къ теплу неприятно поразилъ насъ по выходѣ: казалось, мы вошли въ гигантскую печь; но черезъ минуту тѣло согрѣлось, и неприятное ощущеніе прошло.

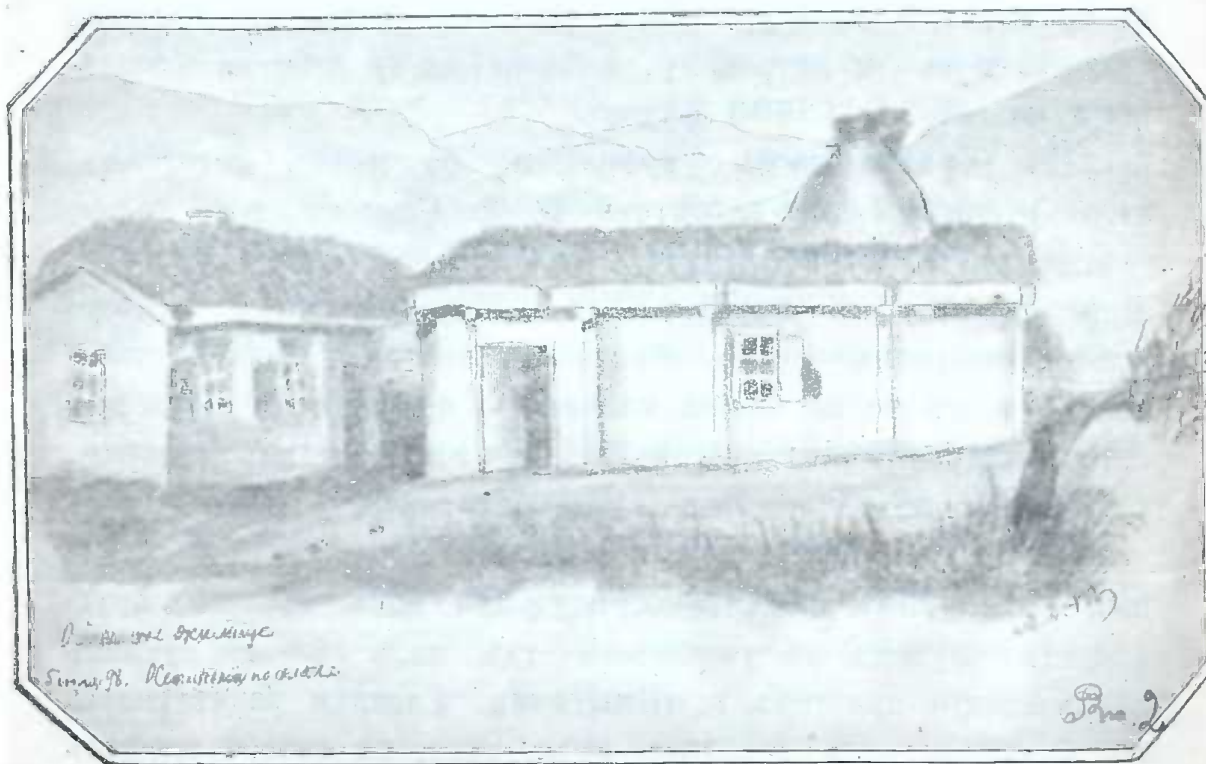
Намъ надо было спѣшить: оставалось до почлега 6 верстъ, а солнце уже спряталось. Давши свисткомъ сигналъ обозу выступать и распроставившись съ хозяиномъ, мы быстро спустились въ Хумаринскій ауль, населенный выходцами изъ Кабарды. Напугавъ трескомъ барабана и громкой пѣсней аульное стадо, мы прошли мимо большой толпы кабардинцевъ, сбѣжавшихся посмотреть на „урусъ салдусъ“ (русскихъ солдатъ); въ числѣ зрителей видѣлись даже древніе старцы. Вечерняя прохлада, продолжительный послѣобѣденный отдыхъ возстановили наши силы: шли быстро; дорога была теперь хорошая, ровная. Вдали зажглись огни. Въ передней группѣ что-то пѣли. Надъ головами чудесно сверкали звѣзды: казалось, будто съ неба кто-то снялъ слой дымки, такъ

ярки были онѣ, — явное слѣдствіе значительной высоты мѣстности надъ уровнемъ моря. Вотъ почему теперь обсерваторіи предпочитаютъ строить на вершинахъ горъ, напр., на Монбланѣ. Профессоръ Глазенанъ мечтаетъ объ устройствѣ такой же на кратерѣ Эльбруса. Безъ сомнѣнія, волшебное зрѣлище представилось бы астроному, наблюдающему небо съ обсерваторіи на высотѣ 18500 футовъ.

Въ Хумаринскомъ укрѣпленіи, по моимъ расчетамъ, насъ должны были встрѣтить В. М. Сысоевъ, если только онъ вернулся съ псебайскихъ раскопокъ, и студентъ Миллеръ, отправившійся въ Карачай для этнографическихъ изслѣдованій. Необходимо было оживить притихшихъ путешественниковъ и въ то же время извѣстить пристава и друзей о своемъ приближеніи: пророкотало два выстрѣла изъ берданки, и залился корнетъ. Насъ услышали: черезъ полчаса насъ окликнули: это былъ студентъ Миллеръ, вышедшій съ мѣстнымъ лѣсничимъ намъ навстрѣчу; они насъ провели кратчайшимъ путемъ въ укрѣпленіе, гдѣ насъ любезно принялъ карачаевскій приставъ г. Шмыткинъ. Ученики размѣстились въ большой залѣ горскаго суда. Остатокъ вечера прошелъ незамѣтно въ разговорахъ.

Слѣдующее утро было посвящено приведенію въ порядокъ туалета, записыванію впечатлѣній, обозрѣванію осетинскаго поселка. Весьма зажиточные люди, осетины этого поселка отличаются далеко не симпатичными качествами: къ религіи они относятся весьма пассивно: въ церковь ходятъ преимущественно старики и женщины; обмануть, ограбить не прочь; они банкиры несчастныхъ карачаевцевъ и берутъ съ нихъ проценты прямо чудовищные. Живутъ они здѣсь всего около 20 лѣтъ. Съ 1896 г., когда я поселокъ увидѣлъ впервые, онъ значительно разросся, такъ что теперь ему не къ лицу официальное названіе „поселокъ“. Мы видѣли двѣ-три лавочки, гдѣ продаютъ преимущественно водку,

хлѣбъ, иногда баранину. Путешественникъ, попавшій сюда, долженъ заранѣе запастись молокомъ, главнымъ продуктомъ мѣстнаго пропитанія, — иначе, ему придется голодать, такъ

какъ къ 11 часамъ въ сагли уже дымятся: варится знаменитый на Кавказѣ осетинскій сыръ. Женщины ходятъ съ открытыми лицами, и нигдѣ вы не замѣтите дикой пугливости карачаевскихъ женщинъ и дѣтей.

Главною цѣлью нашей прогулки по поселку и его окрестностямъ былъ осмотръ древней шоаншской церкви, построенной въ X—XI вѣкѣ. Нѣкогда вся эта территория была заселена какимъ-то христіанскимъ народомъ, по нѣкоторымъ признакамъ, предками нынѣшнихъ осетинъ, отгѣсненными впоследствии татарскими и адигейскими племенами въ глубь горъ. Въ горахъ и лѣсахъ Карачая разбѣяны развалины каменныхъ часовенъ, церквей; изъ послѣднихъ только наиболѣе солид-

ныя по размѣрамъ сохранились довольно хорошо. Къ нимъ принадлежать хумаринскій (шоанинскій) и сентинскій храмы.

Роскошный видъ вознаградила насъ за подъемъ на высокую и крутую гору, вѣриѣе, скалу. Внизу, словно на ландшафтѣ, лежалъ аулъ со своими прямыми улицами; направо уходили къ сѣловымъ вершинамъ лѣнстыя, кудрявыя ущелья, серебряными полосками вилась горныя ручьи и рѣчки; ближе, на насъ надвигался амфитеатръ средневѣковыхъ башенъ, зубчатыхъ стѣнъ. Древняя церковь, при которой находится скитъ Зеленчукскаго мужскаго монастыря и живутъ нѣсколько монаховъ, теперь нѣсколько реставрирована: исправлена крыша, штукатурка, поставленъ иконостасъ, не низкій, византийскій, а высокій подъ куполъ, русскій. Нѣкогда здѣсь была каѳедра епископа, по словамъ грузинскаго историка царевича Вахушта. Внизу, у подножя скалы, съ которой мы любовались горнымъ пейзажемъ, видны остатки обширнѣйшаго кладбища. Произведенные тутъ В. М. Сысоевымъ раскопки въ 1896 г. показали, что народъ, здѣсь жившій, былъ не богатъ, и только: все „поросло травой забвенья“, и археологи недоумѣваютъ, что за народъ здѣсь жилъ. Полюбовавшись видомъ съ остраго утеса, на который вели шаткія ступеньки и гдѣ лежали колокола съ деревянной колокольни, за нѣсколько дней до нашего прихода разбитой молніей; напившись вдоволь чаю у радушныхъ монаховъ, не знавшихъ, куда посадить молодежь, — мы двинулись въ обратный путь. Дорогою мы забавлялись тѣмъ, что соединенными усилиями сдвигали съ мѣста каменную глыбу и пускали ее катиться внизъ. Громкій смѣхъ сопровождалъ гигантскія параболы и гиперболы, которыя продѣлывалъ стремглавъ несшійся внизъ камень. Внизу шумѣла рѣчка, и камень съ глухимъ стукомъ исчезалъ въ водѣ, веѣнивъ на мгновеніе ея поверхность. Пора была обѣденная, и мы поспѣшили спуститься съ горы, усталые, голодные, но веселые и довольные началомъ „настоящаго“ горнаго

путешествія. Нѣкоторые и послѣ обѣда не утомнились, и отправились на сосѣдную гору, гдѣ уже встрѣтили альпійскую флору: сосну, березу и массу цвѣтовъ среди высокой, густой травы. Всѣ ботаническіе трофеи были переданы маленькому, аккуратному Шиллингу. У воротъ укрѣпленія насъ ожидалъ сюрпризъ въ видѣ В. М. Сысоева, вернушагося изъ Псебайскаго укрѣпленія; онъ пересѣкъ полосу ливней и съ трудомъ добрался до насъ на обывательскихъ, такъ что мы считали себя счастливыми, испытавъ только два дождя. Вечеромъ на дворѣ укрѣпленія нами былъ пущенъ маленькій фейерверкъ, на который г-жа Шмыткина отвѣчала тѣмъ, что прислала большое блюдо широжковъ. Передъ ужиномъ устроили довольно шумные танцы, что свидѣтельствовало о полномъ возстановленіи „мускульной энергіи“ моихъ спутниковъ. Въ виду того обстоятельства, что В. М. Сысоевъ предполагалъ произвести археологическія раскопки не въ Хумарѣ, а въ Сентахъ, я рѣшилъ выступить далѣе на другой день утромъ. Въ селеніи мы закупили сыру, заказали нѣсколько пудовъ хлѣба, который былъ позднѣе доставленъ въ женскій Сентинскій монастырь. Часть вещей, особенно громоздкихъ, мы оставили въ укрѣпленіи для того, чтобы впослѣдствіи за ними прислать, когда опустошимъ въ достаточной мѣрѣ свои запасы. Въ 10 часовъ была пропѣта молитва, и въ укрѣпленіи воцарилась тишина; только наши фотографы долго еще возлились въ душной, наглухо занертой комнатѣ пустой казармы, „проявляя“ рядъ сдѣланныхъ ими снимковъ.

Настало облачное утро. Поднявшееся солнце быстро разогнало легкую дымку, заволакивавшую небесную синеву. Путешественники умывались, фыркая и плескаясь. Корнѣй съ Егоромъ, Федотомъ и двумя осетинами, нанятыми мною, вмѣсто невинномысскихъ извозчиковъ, систематически укладывали связанные тщательно и снесенныя хозяевами въ одно мѣсто дорожныя вещи. Топорковъ барабанилъ сборъ, Миллеръ

на корнетъ ему аккомпанировалъ. Этотъ адскій шумъ разбудилъ бы мертваго, не только любившихъ доспать Мову, Карамаленку, Альтшулера.

Напившись чаю, закусивъ и распрощавшись съ милою семьею пристава, обѣщавшаго догнать насъ на перекладной, нашъ отрядъ стройно, рядами, съ барабаннымъ боемъ вышелъ изъ воротъ укрѣпленія.

III.

Отъ Хумары до Сентовъ.

Географія Карачая. Тебердинская долина. Исторія Карачая. Завоеваніе его русскими. Первая ученая экспедиція въ Карачай. Обѣдъ на берегу Теберды и ловля форели. Сенты. Прибытіе въ Сентинскій женскій монастырь. Лагерь. Окрестности. Древній храмъ XI вѣка. Фрески его. Прошлое храма. Археологическія раскопки. Черепъ. Курманлыкъ.

Свѣжій утренній вѣтерокъ весело рвалъ значокъ на штывкѣ берданки Петрова. Громко и въ тактъ стуча каблуками, мы перешли мостъ надъ метавшейся и ревѣвшей въ фельзитъ-порфировыхъ берегахъ Кубанью. Населеніе поселка успѣяло крутой берегъ и долго провожало насъ глазами, а мы, разсыпавшись по широкой зеленой долинѣ, носившей слѣды обширнаго древнѣйшаго поселенія, успѣянной грудями могильныхъ камней позднѣйшаго происхожденія, весело шагали въ «неизвѣстныя страны». Вонъ передовая группа стремится уйти подальше: то «альпинисты» Гороховцевъ, Шанька и Карамаленко; вотъ человекъ двадцать выстроились въ шеренгу, съ барабанщикомъ посрединѣ, и шагаютъ въ тактъ; сзади, стараясь дѣлать побольше шагъ, торопятся «контрабандисты», Шиллингъ, Морозовъ и Рохлинъ; вотъ шеренга приближается къ табуну и стаду коровъ: животные насторожились, слушаютъ и не понимаютъ никогда ими не слышаннаго звука барабаннаго боя; вотъ они шарахнулись въ сторону и несутся съ развѣвающимися гривами и хвостами, но тотчасъ останавли-

ваются, оборачиваются и широко раскрытыми глазами смотреть на приближающуюся шеренгу съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же продолжать бѣгство. Особенный эффектъ на животныхъ произвела атака съ громкимъ «ура».

Нашего барабана боялись, впрочемъ, не одни животныя. Позднѣе, одинъ старикъ мнѣ рассказывалъ, что у карачаевцевъ существуетъ повѣрье: когда загремитъ барабанъ въ горахъ Карачая, послѣднему придетъ конецъ. Насъ почти вездѣ въ аулахъ принимали за солдатъ, посланныхъ забирать свободныхъ горцевъ на военную службу.

Вотъ и мостъ черезъ свѣтлую, бѣшеную Теберду, тутъ же вливающуюся въ Кубань. Отсюда начинается Большой (на лѣво) и Малый (направо) Карачай— такъ называется треугольникъ, образуемый водораздѣлами кубано-кумскимъ, тебердо-зеленчукскимъ и Главнымъ хребтомъ, и населенный смѣшаннымъ тридцатитысячнымъ племенемъ, говорящимъ на татарскомъ нарѣчьи— карачаевцами, живущими въ этой мѣстности, по ихъ преданіямъ, около 500 лѣтъ; хребты эти покрыты сначала дубомъ, ясенемъ, карагачемъ, тисовымъ деревомъ (порода, вымирающая въ Европѣ: группу тисовыхъ деревьевъ мы встрѣтили на шоанинской горѣ), березою; далѣе идетъ сплошной пихтовый, сосновый и еловый лѣсъ. Вдоль этихъ хребтовъ лежатъ глубокія то сужающіяся, то расширяющіяся долины, развѣтвляющіяся подъ Главнымъ хребтомъ; по лѣвой долинѣ бѣжитъ Кубань, образуемая изъ двухъ рѣчекъ, Хурзука и Учъкулана, принимая въ себя пѣнистый Худесъ и быстрый Доуть; по правой же несется Теберда, состоящая изъ „Тебердинки“ и Куначкира, вытекающей изъ озера на Клухорскомъ перевалѣ. Пространство между этими долинами заполнено двумя огромными малодоступными хребтами и массою ихъ побочныхъ отроговъ. Въ большомъ Карачаѣ 4 старинныхъ аула (Картджуртъ—столичный аулъ, Учъкуланъ и Хурзукъ), въ Маломъ же самыми крупными

аулами являются Сенты и Теберды, колоніи первыхъ, основанныя въ 60 гг. Нашъ путь теперь лежалъ по Тебердинской долинь на Клухорскій переваль (9600 футовъ); вернувшись оттуда на 37 верстъ назадъ, мы хотѣли попытаться перевалить, если возможно, черезъ хребты въ Большой Карачай; обозъ же долженъ былъ вернуться назадъ въ Хумару, захватить нужныя вещи и, проѣхавъ вверхъ по Кубанскому ущелью, присоединиться къ намъ уже въ аулъ Учъкуланъ, у истоковъ Кубани.

Мѣстность рѣзко измѣнила свой характеръ. Справа и слѣва надвигались на дорогу гигантскія, причудливыя скалы, сѣрыя, розоватыя, сизыя; на нихъ росли вѣковыя деревья; лѣсъ подступилъ ближе, спустился къ Тебердѣ; между деревьями мелькали развалины какого-то древняго поселенія. Вотъ приближается къ намъ великолѣпная отвѣсная скала футовъ въ 600. Два года тому назадъ я въ нее стрѣлялъ, чтобы послушать многократное эхо. Рассказываютъ, что одинъ карачаевскій охотникъ, подымаясь на нее, встрѣтился на узкомъ карнизѣ съ медвѣдемъ: ни тотъ ни другой не могли повернуть назадъ; мишка сталъ пятиться. Долго выбиралъ охотникъ моментъ, чтобы убить звѣря и не потерять его шкуры. Выстрѣлилъ, и съ досадой увидѣлъ, какъ бѣдное животное, подпрыгнувъ, свалилось въ бездну; жалкіе остатки нашелъ онъ, спустившись внизъ. Направо амфитеатромъ разступались горы; на одной изъ ихъ вершинъ мы съ В. М. Сысоевымъ нашли въ 1896 г. каменную надгробную статую грубой работы; я ее зарисовалъ въ альбомъ; особенное наше вниманіе привлекло изображеніе сѣкиры, близко напоминавшее древнія западно-европейскія рыцарскія сѣкиры. Кто-то изъ учениковъ пожалѣлъ, что мы не идемъ по той сторонѣ: хотѣлось бы взглянуть на статую; по это было невозможно: бѣлая отъ пѣны Теберда служила непреодолимымъ препятствіемъ.

Горы сузились. Мѣстами попадались веселыя ущелья; изъ каждаго неизмѣнно стекалъ въ Теберду стремительный ручей.

Вдали кучка передовыхъ надъ чѣмъ-то остановилась; оказалось, ученики отыскиали игрунечную карачаевскую мельницу: ручей перегораживался горизонтально положеннымъ колесомъ съ лопастями; оно неистово вертѣлось подъ напоромъ прозрачной, какъ горный хрусталь, струи родниковой воды, бѣжавшей по желобу изъ древесной коры. Мельницы у карачаевцевъ самаго первобытнаго устройства; вода вертитъ колесо, лежащее плашмя. Около каждаго аула встрѣтите нѣсколько водяныхъ мельницъ, къ нимъ издалика проведены канавы отъ рѣки. Карачаевцы въ дѣлѣ искусственнаго орошенія большіе мастера, какъ и всѣ восточныя народы.

Малый Карачай только съ 70-хъ годовъ получилъ это названіе, когда послѣ освобожденія крестьянъ нѣсколько тысячъ карачаевскихъ рабовъ уздеи Большой Карачая получили свободу и были водворены въ Тебердинской долинѣ. Происхожденіе карачаевцевъ теряется въ сумракѣ древности. Мнѣ приходилось много бесѣдовать съ карачаевскими стариками, записывать ихъ поэтическія преданія, былины, сказанія о происхожденіи народа и самаго имени „Карачай“¹⁾. Вкратцѣ про карачаевцевъ можно сказать слѣдующее. Группа бѣглецовъ изъ Крыма, подъ начальствомъ силача Карчи, около 500 лѣтъ назадъ поселилась близъ Сухума; спасаясь оттуда отъ преслѣдованій, послѣ долгихъ скитаній по бассейну Лабы и Кубани, она попала въ Кабарду, на Баксанъ; отсюда эти бѣглецы переселились въ верховья Кубани. О послѣднемъ событіи девяностолѣтній старикъ въ Картджуртѣ разсказывалъ мнѣ такъ: карачаевскій охотникъ, по имени

¹⁾ См. мой „Замѣтки о Карачаѣ и карачаевцахъ“ (XXV выпускъ „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племень Кавказа“, изд. Кавказскаго учебн. округа).

Боташъ, съ двумя товарищами, преслѣдуя раненаго оленя, спустились въ долину р. Уллукама (близь Эльбруса); вкругъ лежали дремучіе лѣса, изобилующіе дичью; нигдѣ не было видно слѣдовъ человѣка. Охотники поставили себѣ на полянкѣ, близь „Боташева камня“, шалаши изъ вѣтвей, покрыли его шкурами туровъ и оленей. Здѣсь они прожили пятнадцать дней и осмотрѣли долину Хурзюка, Учъкулана и Кубани. Въ „газыряхъ“ одного оказались зерна ячменя; Боташъ горной палкой съ желѣзнымъ наконечникомъ вскопалъ немного земли и посѣялъ зерна. На слѣдующій годъ они посѣтили названную мѣстность и увидѣли, что посѣянный ячмень далъ превосходный урожай. Тогда весь народъ рѣшилъ переселиться сюда, въ ущелье Кубани, чтобы быть подальше отъ набѣговъ кабардинцевъ и осетинъ. Поселились карачаевцы на мѣстѣ теперешняго Картджюрта, который тогда назывался Эль-тюбе (Нижнее селеніе), въ отличіе отъ хуторовъ Хурзюка и Учъкулана; когда же послѣдніе обратились въ аулы, Эль-тюбе переименовали въ Картджюртъ (Старое селеніе). Вся земля была раздѣлена на три части — по числу ауловъ. Боташъ, при дѣленіи, захотѣлъ взять себѣ лучшую часть и въ возникшей ссорѣ былъ убитъ. „Съ тѣхъ поръ прошло 587 лѣтъ“, заключилъ свой рассказъ старый карачаевецъ.

Что касается борьбы съ русскими, то весьма вѣроятно, что карачаевцы участвовали уже въ сраженіи ген. Германа съ Баталъ-пашою въ 1790 г.; въ 1828 г. они принимали дѣятельное участіе въ битвѣ ген. Антронова съ кабардинцами у ст. Незлобной. Въ томъ же году ген. Георгій Арсеньевичъ Эммануэль, сербъ родомъ, поборилъ ихъ. Онъ въ „Извѣстіи жителямъ Кавказской области“ такъ повѣствуетъ объ этомъ покореніи: „Ставрополь, октября 30 дня 1828 года: Термоцилы Сѣвернаго Кавказа взяты нашими войсками, и оплотъ Карачаева, у подошвы Эльбруса, для всѣхъ горскихъ племенъ, враждебныхъ Россіи, помощью Божіею и храбростью

войскъ, подъ личнымъ моимъ предводительствомъ разрушенъ. Сраженіе съ карачаевцами произошло сего октября 20 числа; оно началось въ 7 часовъ утра и кончилось въ 7 же вечера; съ овладѣніемъ послѣдней высоты. Побѣда покрыла новою славой Россійское воинство, въ семь дѣлъ участвовавшее. Потеря наша, при пораженіи непріятели, состояла въ убитыхъ: оберъ-офицерахъ—3, унтеръ-офицерахъ—2 и рядовыхъ—32; ранены: Горскаго казачьяго полка майоръ Верзилинъ ¹⁾, оберъ-офицеровъ—3, унтеръ-офицеровъ—13 и рядовыхъ—103. Послѣ сей важной для Кавказской области побѣды, войско наше 21 октября достигло уже безъ бою и малѣйшаго сопротивленія Картджурта, и до прибытія еще къ оному, почти въ одно время съ нарочно посланнымъ къ намъ, прибылъ и отъ оныхъ повѣренный съ просьбою о милосердіи и пощадѣ, съ обѣщаніемъ исполнить все требованія; почему ихъ ауль и огражденъ былъ карауломъ отъ всякаго разоренія. 22 октября представлялся лично мнѣ ихъ повелитель, Валій Исламъ Крымъ-Шамхаловъ, со всеми старшинами, и подалъ прошеніе, при семъ предлагаемое, именемъ всего народа, которое было принято. 23 октября какъ опъ со всеми старшинами, равно какъ и весь карачаевскій народъ присягалъ на вѣрность подданства Государю Императору, съ представленіемъ отъ него, Крымъ-Шамхалова, равно и отъ трехъ еще первѣйшихъ фамилій, аманатовъ ²⁾. За окончаніемъ, такимъ образомъ, сего важнаго дѣла для будущей безопасности и спокойствія Кавказской области, войско выступило 24 октября въ обратный путь, и я прибылъ въ Ставрополь 29 октября. Подписалъ: генераль-отъ-кавалеріи Эммануэль“.

Валій Исламъ Крымъ-Шамхаловъ произнесъ слѣдующую рѣчь въ присутствіи генерала и офицеровъ: „Счастливы вы,

¹⁾ Отецъ барышень, съ которыми былъ знакомъ Лермонтовъ и Мартыновъ, убившій поэта.

²⁾ Заложниковъ.

что удалось вамъ проникнуть въ скрытыя жилища наши; мы такъ увѣрены были въ невозможности этого, что даже во время сраженія никто изъ насъ не почиталъ нужнымъ отправить женъ и дѣтей въ безопасное мѣсто; но ваше счастье насъ одолѣло. Мы были самыми вѣрными приверженцами Порты Оттоманской и никогда ей не измѣняли, — она измѣнила намъ, оставивъ насъ безъ защиты и не умѣвъ удержать крѣпости своей Апапы. Будьте же теперь нашими повелителями: мы не измѣнимъ своему слову. Вы оградили наши семейства, даже имущество отъ разоренія, и тѣмъ приобрѣли уже нашу признательность“.

Въ 1829 г. ген. Эммануэль предпринялъ развѣдочную экспедицію въ Карачай, пригласилъ участвовать въ ней и ученыхъ: Академія Наукъ командировала адъюнкта Ленца (физика), адъюнкта Дерптскаго университета Мейера (ботаника), хранителя зоологическаго кабинета Академіи Менетриэ (зоолога), чиновника горнаго департамента Вансовича (геолога). Двадцать девятаго іюня отрядъ выступилъ изъ Пятигорска. Карачаевцы всполошились, но генералъ успокоилъ ихъ, объяснивъ цѣль экспедиціи. Въ горахъ она была встрѣчена проливными дождями, такъ что только 8 іюля отрядъ добрался до истоковъ Малки, гдѣ и расположился лагеремъ. Девятаго іюня академики начали подъемъ, но десятаго вернулись въ лагерь, не одолѣвъ трудностей пути; только Ленць съ казакомъ и двумя горцами продолжалъ подыматься, но и онъ, не дойдя 600 футовъ до вершины, повернулъ назадъ. Между тѣмъ отыскался кабардинецъ, по имени Килларъ, который подымался отдѣльно отъ прочихъ; въ 11 часовъ утра онъ показался на вершинѣ Эльбруса. Генералъ Эммануэль первый замѣтилъ его на вершинѣ и приказалъ стрѣлять изъ орудій. Килларъ получилъ 400 р. награды. Двадцать перваго іюня экспедиція была уже въ Пятигорскѣ; результатами ея были богатыя минералогическія, ботаническія и геологическія кол-

лекціи; далѣе, академики открыли свинцовую руду на Худесѣ, залежи каменнаго угля и много другихъ минеральныхъ залежей. Словомъ, край былъ всесторонне изслѣдованъ.

Возвратимся, однако, къ нашему путешествію. Мы уже проходили 14-ую версту, какъ сзади послышался звонъ почтового колокольчика, всѣ оглянулись: насъ догоняла почтовая телѣжка, тамъ сидѣли двѣ бѣлыхъ фигуры: то были г. Шмыткинъ и лѣспой ревизоръ. Имъ, очевидно, не хотѣлось съ нами разстаться такъ скоро: безъ сомнѣнія, мы внесли свѣжую струю въ ихъ однообразную жизнь въ заброшенномъ въ горахъ укрѣпленіи, въ обществѣ осетинъ и карачаевцевъ. Пройдя еще версты двѣ, мы остановились „на обѣдъ“ подъ большими деревьями. Одни изъ путешественниковъ распаковывали вещи, другіе дѣлали изъ сучьевъ мостъ черезъ ручей, третьи принялись ловить удочками форель; извозчики выпрягли лошадей, и уставшія животныя принялись весело кататься по изумрудной травѣ, чтобы затѣмъ, встряхнувшись, съ жадностью ее щипать. Большая группа съ любопытствомъ слѣдила, какъ низкорослый пожилой карачаевецъ съ маленькимъ сыномъ ловили бреднемъ форель. Кирпичъ съ Оедотомъ гремѣли посудой, устанавливали котлы на таганахъ, то показываясь, то исчезая въ голубыхъ облакахъ дыма, который, цѣпляясь за вершины деревьевъ, улеталъ въ высь. Вонъ осетины поволокли бѣднаго барана въ кусты. Мы купили у карачаевца за двугривенный весь его уловъ, штукъ 20 форели, и передали по принадлежности Оедоту, съ наставленіемъ варить въ соленой водѣ и подольше, потому что эта рыба, недостаточно проваренная, вызываетъ боли въ желудкѣ. Приставъ, страстный рыболовъ, вызвался наловить бреднемъ форели еще; къ нему присоединился и Сопотовъ. Въ сопровожденіи толпы зрителей они отправились къ маленькому заливчику и храбро полѣзли въ прохладную воду; удача сопровождалась громкимъ поощреніемъ зрителей. Наконецъ, Со-

потовъ запросилъ пардону: „Отпустите душу на покаяніе“, взмолился онъ: „очень больно ходить по камнямъ!“ Тѣмъ временемъ въ мелкомъ заличикѣ всѣ успѣли перекутаться и, освѣщенные, послѣшили на призывные звуки миллеровскаго корнета, сообщавшіе, что обѣдъ готовъ и ждетъ насъ. Сегодня, въ видѣ предъобѣденной закуски, былъ предложенъ осетинскій сыръ и отварная форель, затѣмъ слѣдовали щи съ прессованной зеленью, соусъ изъ баранины и картофеля; десертъ замѣнило монпансье; за обѣдомъ слѣдовалъ чай. Не всегда, впрочемъ, были такіе обѣды: иногда приходилось ограничиваться и однимъ блюдомъ; тогда съ неудовольствіемъ вспоминалась поговорка: *à la guerre comme à la guerre!*...

Полчаса спустя послѣ *dolce far niente*, раздался сигналъ запрягать; вскорѣ рѣзкій звукъ корнета созвалъ разбрѣдшихся путешественниковъ, и мы, простившись съ веселымъ и любезнымъ приставомъ, двинулись далѣе.

Ущелье, чѣмъ дальше, тѣмъ становилось живописнѣе.

Вонъ вдали оно, казалось, замыкается: итти дальше некуда; надъ нимъ громоздятся синіе, розовые хребты, одинъ выше другого; кое-гдѣ на вершинахъ горятъ темнымъ золотомъ полоски снѣга. Чувствуется приближеніе къ сердцу горъ, къ «медвѣжьимъ угламъ». Но вотъ хитрая дорога дѣлаетъ поворотъ, и вашему восхищенному взору открывается новая сіяющая долина, по ней змѣится быстрая Теберда. Снова впереди смыкаются синія горы, покрытыя темными лѣсами; вверху уже горитъ на облакахъ вечерняя заря... Вокругъ—горная тишь, красиво отбѣняемая глухимъ рокотомъ рѣки. Далеко-далеко дрожитъ въ воздухѣ мотивъ русской хоровой пѣсни: то развлекается группа нашихъ быстроходовъ, поджидая остальныхъ. Вотъ карачаевцы везутъ въ бочкахъ деготь и скипидаръ со смолотуренныхъ заводовъ въ сосновыхъ рощахъ за Тебердинскимъ ауломъ; вотъ они свернули почтительно съ дороги и проускаютъ насъ мимо, съ любопытствомъ погля-

дывая на насъ изъ-подъ своихъ пушистыхъ папахъ; маленькіе круторогіе бычки, такіе же дикіе, какъ и ихъ хозяева, метнулись въ сторону, испугавшись нашего вѣрнаго пса Бокса, стремглавъ посившагоо взадъ и впередъ и пугавшаго пичужекъ. Вонъ кто-то быстро скачетъ верхомъ, съ двумя осѣдланными лошадьми: оказывается, старшина Сентовъ, предупрежденный приставомъ о нашемъ пріѣздѣ, распорядился, въ видѣ особой чести, выслать для желающихъ лошадей. С. И. Борчевскій и Миллеръ тотчасъ же помчались впередъ и быстро скрылись изъ глазъ.

Солнце уже сѣло, когда мы подошли къ Сентамъ. Кусковъ командовалъ своей ротѣ, и путешественники, прошедшіе 21 версту, стройно замаршировали подъ звуки барабана и рожка: желаніе «не посрамить себя передъ карачаевцами» заставляло забыть усталость. Все населеніе аула сбѣжалось посмотреть на насъ. Типы были самыя разнообразныя, господствовали, конечно, смуглые, но часто попадались бѣлое личико дѣвушки, бѣлокурый ребенокъ; нѣсколько совершенно нагихъ дѣтей вертѣлось у ногъ женщинъ. Запахъ бараньяго сала несся изъ толпы. «Ну и ароматы!» слышалось въ нашихъ рядахъ. Остановились у крыльца аульнаго правленія. Здѣсь насъ встрѣтило начальство: старшина съ помощниками и писарь-старикъ, отставной кавалерійскій унтеръ-офицеръ. Намъ предлагали гостепріимство, квартиры, но мы поблагодарили и отказались отъ перспективы предать себя на всю ночь въ жертву насѣкомымъ въ жилищахъ удивительно нечистоплотныхъ карачаевцевъ. Давши старшинѣ денегъ, я попросилъ его доставить намъ нѣсколько барановъ въ женскій монастырь, гдѣ мы рѣшили провести два дня. Быстро спустившись къ рѣкѣ, въ сопровожденіи всего аульнаго населенія, желавшаго посмотреть на «урусъ салдусъ», мы перешли по мосту черезъ Теберду и стали подыматься на крутизну; многіе запыхались, но никто не отставалъ: таково увлекающее

вліяніе барабана и массового ритмическаго движенія. На первомъ взгорьи остановились, поджидая обозъ, чтобы оказать ему помощь, потому что намъ казалось почти невозможнымъ втащить наши три тяжело нагруженныя телѣги; но дѣло было сдѣлано быстро: телѣги дружно вкатили наверхъ. Снова затрещалъ барабанъ, и мы черезъ нѣсколько минутъ увидѣли себя въ небольшомъ густо заросшемъ горномъ уголкѣ; направо, среди зелени большихъ деревьевъ, бѣлѣло три домика самой примитивной архитектуры, подъ желѣзными, однако, крышами. Мы остановились у открытыхъ дверей одного изъ нихъ, ближайшаго. Изъ раскрытыхъ оконъ несло стройное женское пѣніе, тускло блистали въ темнотѣ красные огоньки, чувствовался запахъ ладана и кипариса. Насъ встрѣтила знакомая уже намъ мать Екатерины. Умные сѣрые глаза ея пронзительно смотрѣли сквозь стекла золотыхъ очковъ; черты лица были рѣзки и энергичны. Привѣтствуя насъ, она сказала, что отвела въ наше полное распоряженіе домикъ, гдѣ жилъ недавно уѣхавшій монастырскій священникъ, обѣщала прислать намъ молока, хлѣба и всего, что потребуется. „А теперь“, прибавила она съ улыбкой, „я пойду помолюсь“. Мѣстечко, гдѣ намъ предстояло прожить два дня, было нѣкогда покрыто каменными постройками, на что указывали кучи камней, заросшихъ травой, кустиками; кое-гдѣ росли буковыя деревья; подъ однимъ изъ нихъ пріютился маленькій домикъ о двухъ комнатахъ. Невозможно было помѣстить въ немъ даже половину путешественниковъ, — поэтому было приказано разбить обѣ палатки. Всѣ быстро принялись за работу, и чрезъ четверть часа въ полутьмѣ забѣлѣла наша громадная палатка, недалеко отъ нея подъ деревомъ пріютилась маленькая, на шесть человѣкъ, гдѣ помѣстились „контрабандисты“. Собирались тучи. Потянуло холодкомъ. Тамъ, гдѣ мы обѣдали, въ синей мглѣ сверкала молнія, и оттуда несся гулъ: поэтому вокругъ палатокъ были сдѣланы водосточныя канавки; дорожныя вещи, цыновки, плащи перета-

щили въ палатки, въ домикъ, а ящики съ припасами были оставлены на телѣгахъ, амфитеатромъ окружившихъ нашъ лагерь; ихъ закрыли брезентами и увязали. Яркій огонь пылалъ подѣ деревомъ: то была импровизированная кухня; темныя фигуры мелькали туда и сюда. Около домика суетилась надъ самоваромъ послушница. Всѣ наши фонари были зажжены, и лагерь приобрѣлъ мирный, уютный видъ. Сотни свѣтляковъ, словно золотыя мухи, замелькали въ кустахъ, между палатками, исчезали въ безднѣ. Телѣга (VI кл.) наловилъ ихъ штукъ двадцать, положилъ въ стеклянную трубочку и на примѣрѣ доказалъ, что при этомъ фосфорическомъ свѣтѣ весьма удобно читать. Послѣ чаю, молока и закускѣ, всѣ собрались въ кружокъ, начались разговоры о пережитомъ, строились планы на будущій день; изрѣдка слышался смѣхъ, но не бурный, раскатистый, а тихій, сдержанный: никто не забывалъ, что находимся въ монастырѣ. „Контрабандисты“ мирно похрапывали въ комнаткѣ: имъ не было пока разрѣшено ночевать въ палаткѣ, въ виду грозившаго дождя. Настоятельница намъ жаловалась на вороватость карачаевцевъ, на то, что въ окрестностяхъ много волковъ: это заставило меня назначить часовыхъ, и первая смѣна, какъ обыкновенно, въ два человѣка, должна была начать дежурство съ 11 часовъ. Около двухъ часовъ ночи я вышелъ къ часовымъ. Шанька ко мнѣ тотчасъ же подошелъ и сообщилъ, что онъ слышалъ, что какое-то животное или человѣкъ бродить въ кустахъ за ручьемъ. Я разрѣшилъ ему выстрѣлить вверхъ. Блеснулъ огонь, и грянулъ выстрѣлъ, эхо умерло гдѣ-то вдали. И тишина стала еще таинственнѣе. Настоятельница на другой день благодарила насъ: «Это безпремѣнно былъ волкъ», говорила она: «намедни онъ у меня зарѣзалъ большущаго барана».

Утро мы посвятили осмотру окрестностей и подъему зигзагами, среди густого лѣса, на высокую скалистую гору. Дорога туда недавно разработана самими сестрами, которыхъ здѣсь

набирается иногда до 100 человекъ, отчасти богомольцами. Чудный альпійскій видъ вознаграждаетъ труды путника, забравшагося на эту высоту. Прямо высится огромный хребетъ, внизу бѣжитъ бѣлая Теберда, тотчасъ же исчезающая за поворотомъ. Подъ горою растянулся аулъ; карачаевцы варятъ, вѣрно, сыръ; почти надъ каждой саклей вьется дымокъ и сливается съ легкою мглою, стоящею надъ ауломъ; ее насквозь пронизываютъ лучи солнца. Вонъ въ ущельи надулось и, словно лебедь, поплыло по склону облачко, вонъ оно зацѣпилось за деревья; теперь оно попало въ слой теплаго воздуха и быстро начинаетъ таять, вонъ расплзлось уже клочками среди зелени деревьевъ, еще мгновенье—и слѣдовъ его уже нѣтъ. Вамъ душно. Еще одно усиліе, и вы видите нѣсколько ниже себя, на краю бездны, старинный сѣраго цвѣта храмъ, увѣнчанный золотымъ шаромъ и крестомъ. Свѣжій вѣтеръ обвѣиваетъ лицо со всѣхъ сторонъ, шелеститъ листьями деревьевъ, выросшихъ изъ древнихъ гробницъ близъ церкви, шевелитъ красную занавѣсь въ царскихъ вратахъ темнаго лакированного иконостаса, подарка московскихъ богомолковъ. Вы среди тишины высокихъ арокъ византійскаго храма X—XI вѣковъ, современника знаменитаго Мстислава, «иже зарѣза Редедю предъ полки касожьскими», основателя перваго русскаго храма на Кавказѣ—церкви Богородицы въ «Тмутороканѣ». Сѣдая древность глядитъ на васъ съ этихъ каменныхъ стѣнъ, покрытыхъ изображеніями святыхъ; ничѣмъ не напоминаютъ они вамъ о земномъ; строія ихъ лица говорятъ вамъ о молитвѣ и постѣ. Византійская живопись до половины IX вѣка (конца иконоборства) отличалась извѣстною свободою и правильностью рисунка, колоритъ былъ яркій, живой. Затѣмъ авторитетъ церкви стѣснилъ свободу творчества, фантазія художника не смѣла выйти изъ сторога опредѣленныхъ церковью рамокъ, и живописцы стали искусными малярами, изображавшими формы тѣла сухими, худыми, фигуры непропорціональ-

по длинными, лица изможденными, со впалыми щеками, сухимъ, обострившимся носомъ, продолговатыми глазами; положеніе тѣла было странно искусственно: фигуры шли широкими легкими шагами, приподнявшись на носкахъ, одежды, плотно прилежавшія къ тѣлу, были расположены симметричными угловатыми складками; въ расположеніи фигуръ царствовала тоже строгая симметрія; краски были самыя великопостыныя: бѣлизна, яркость, румянецъ щекъ навсегда были изгнаны—ихъ замѣнили темно и свѣтлокориичневые тона. Обратившись къ фрескамъ ¹⁾ сентинскаго храма, мы должны признать, что ихъ писала твердая, увѣренная рука, никакого отступленія отъ схоластическихъ образцовъ себѣ не позволявшая, да, вѣроятно, и не умѣвшая писать иначе, какъ навывкла. Здѣсь мы видимъ тотъ же шаблонный рисунокъ, тѣ же коричневые тона, изрѣдка оживляемые голубоватымъ фономъ, ту же симметричность композиціи, удлиненныя фигуры, искусственныя складки одеждъ,—словомъ, сентинскія фрески—типичныя церковныя изображенія, прототипы которыхъ и способъ исполненія не могли быть выработанными ранѣе второй половины IX вѣка (въ Византіи)—обстоятельство, дающее намъ нѣкоторое основаніе относить постройку нашего храма къ концу IX и началу X вѣка.

Фресковыя изображенія сентинскаго храма сохранились въ весьма незначительномъ числѣ. Расположены они двумя ярусами, между которыми пролегаетъ широкій орнаментъ чисто греческаго стиля. Справа отъ главнаго входа видимъ на стѣнѣ, въ верхнемъ ярусѣ, изображеніе сраженія: щиты, вооруженіе, грозящая рука съ мечемъ; въ нижнемъ помѣщено 4 изображенія отцовъ церкви (см. рис. 1). Далѣе, на правой западной стѣнѣ—въ верхнемъ ярусѣ—входъ Господень въ Іеру-

¹⁾ Фресковая живопись (al fresco) производилась водяными красками по только-что наложенной штукатуркѣ, что давало возможность краскамъ проникать въ толщу ея.

салимъ, внизу волнистая линия облаковъ; въ нижнемъ ярусѣ изображенія отцовъ церкви (рис. 2). Южная стѣна, верхній ярусъ—двѣ картины: Преображеніе, справа, и благословляющій Спаситель, слѣва (рис. 3); нижній ярусъ—воинъ въ панцырѣ, съ копьемъ: молодое лицо опушено вьющеюся бородою, въ правой рукѣ копье (рис. 4). Алтарь: справа—воинъ въ панцырѣ и съ копьемъ, знаменующій собою охранителя алтаря (рис. 5); далѣе 4 изображенія отцовъ церкви, съ евангеліями (рис. 7); большое запрестольное изображеніе Богоматери, плохо сохранившееся (рис. 8); слѣва—одинъ изъ немногихъ хорошо сохранившихся ликовъ—старца восточнаго типа (рис. 11); далѣе, повидимому, изображено Рождество Богородицы (рис. 12). Лѣвая западная сторона—остатки изображеній—два женскихъ и одно мужское (рис. 13). Лѣвая сѣверная стѣна (у входа) изображеніе, повидимому, царицы Елены и Богоматери (рис. 15). Западная стѣна (надъ входомъ) два воина и сидящій старецъ (рис. 16). Орнаментъ (рис. 17) слѣдуетъ признать чисто греческимъ, ибо грузинскій отличается излишней витіеватостью, хитросплетенными узлами ¹⁾.

На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ мы думаемъ, что край, въ которомъ мы находились, былъ нѣкогда подъ сильнымъ вліяніемъ византійско-грузинской культуры: 1) царевичъ Вахуштъ среди епархій, подвѣдомственныхъ католикосу западно-грузинской церкви; упоминаетъ и хумаринскую; 2) онъ же говоритъ, что абхазо-грузинскимъ царямъ были «подвластны не только сваны, но и аланы и люди по ту сторону горъ»; 3) самыя имена «Шоана», «Хумара», «Сенты» (испорченное Свети) суть грузинскія: первое означаетъ средину, второе—шута, третье—столбъ, колонну; 4) тебердинская долина была весьма оживленнымъ путемъ изъ Севастополя (Сотирополиса—города Спасителя, грузинскаго Цхоми, нынѣшняго Сухума) въ

¹⁾ Подробности см. въ моей брошюрѣ: „Святинскій храмъ и его фрески“. Екатеринодаръ, 1899. Изданіе Кубанскаго статистич. комитета.

землю аланъ и адиге (черкесовъ). Это предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что Клухорскій перевалъ, куда мы теперь держали свой путь, доступенъ былъ и ранѣе для прогона скота и перевозки товаровъ; Севастополь былъ весьма богатымъ городомъ для того, чтобы не привлекать взоровъ обитателей верховьевъ Кубани: римляне, по словамъ Плиція, содержали въ немъ до 300 переводчиковъ для разныхъ племенъ, торговавшихъ въ этомъ мѣстѣ; «императоръ Юстиніанъ», сообщаетъ Проконій (De aedificiis), «сей самый Севастополь, который прежде былъ не болѣе, какъ крѣпость, возобновилъ, и стѣнами и другими способами такъ укрѣпилъ, что онъ теперь (около 565 г.) неприступенъ, и украсилъ его разными постройками, такъ что городъ этотъ по обширности и богатству сталъ однимъ изъ первыхъ на Черноморскомъ побережьи».

Два дня мнѣ пришлось провести среди этихъ 800-лѣтнихъ стѣнъ, ерисовывая акварелью фрески, предохраненныя отъ окончательнаго разрушенія энергичной матерью Екатериной, реставрировавшей храмъ въ прошломъ году. Фрески необходимо какъ можно скорѣе реставрировать, что, думается, будетъ не особенно трудно выполнить, если художникъ, которому будетъ поручена эта важная работа, ознакомится со множествомъ фресковыхъ изображеній, недавно открытыхъ академикомъ Сусловымъ подъ штукатуркой повгородскаго Софійскаго собора, относимыхъ имъ къ XI в. и исполненныхъ греческими художниками, какъ о томъ повѣствуетъ лѣтопись: ... «и устроивъ церковь (Софійскій соборъ), привелъ иконныхъ писцовъ изъ Царя-града, и начаша подписывати во главѣ». Зодчіе и живописцы того времени и въ Россіи и на Кавказѣ были греки, ни на іоту не отступавшіе, какъ я сказалъ ранѣе, отъ выработанныхъ и санкціонированныхъ церковью формъ: слѣдовательно, художники, расписавшіе стѣны сентинскаго храма и повгородскаго Софійскаго собора, должны были имѣть тѣ же образцы, ту же технику XI вѣка.

Много столѣтій прошло съ тѣхъ поръ, какъ тутъ возносились хвалы Богу. Храмъ былъ въ полномъ запустѣннн и тихо разрушался; горцы изрѣдка загоняли въ него свое стадо и сами прятались въ непогодъ. Въ 1891 году сюда заглянула монастырская послушница, бывшая сестра милосердiя, Евдокiя Макарова, нынѣ мать Екатерина, игуменья Септинской Спасо-Преображенской пустыни.

«Дороги къ церкви не было; я пробралась на вершину, хватаясь за кусты, за деревья», повѣствовала она намъ, когда мы вечеромъ въ ея бесѣдкѣ въ цвѣтникѣ пили чай, созерцая три убогихъ монастырскихъ домика и все несложное ея хозяйство. «Вѣрите ли, сердце сжалось, когда я увидѣла, какъ храмъ оскверненъ: на сажень отъ полу навалено было всякаго мусору. Фрески тогда были явственнѣе видны. Теперь мы пристроили тамъ сторожку; поселила я туда старичка, а то карачаевцы сломали разъ замокъ и унесли изъ храма нѣсколько вещей... Дорогу-то туда мы своими силами разработали, я сдѣлала нивелировку, сестры и кое-кто изъ богомольцевъ намъ помогли; сами мы и домики эти строили. Здѣсь мы вытерпѣли разъ нападенiе со стороны карачаевцевъ: была произведена у меняotrava: я задержала быковъ. Такъ что же вы думаете? Весь аулъ пришелъ сюда. Я велѣла сестрамъ вооружиться кольями. Мы заперлись въ домѣ и ждали нападенiя. Уже стемнѣло. Вдругъ стукъ въ двери! Ну, думаю, насталъ конецъ всѣмъ: карачаевцы ломаются. Стала я читать молитву. «Отворите!» закричали по-русски. Такъ отъ сердца и отлегло. Отворили дверь: то была помощь отъ хумаринскаго пристава, которому я послала тайкомъ записку... Теперь мы живемъ въ ладу: они даже посылаютъ къ намъ своихъ дѣвочекъ, а мы ихъ учимъ рукодѣлью». Официально пустынь открыта 8-го октября 1897 года.

Археологическiя развѣдки около храма произвелъ В. М. Сысоевъ, членъ московскаго археологическаго общества: съ

помощью нанятых карачаевцев, отчасти учеников онъ изслѣдовалъ гробницы, сложенные изъ хорошо отесанныхъ камней; оказалось, что гробница уже давно подверглась грабежу; найденный костякъ былъ въ полномъ безпорядкѣ. Черепъ взяли съ собою. Въ соседней гробницѣ, еще лучше сохранившейся, было найдено около десяти череповъ и множество костей. Одинъ черепъ привлекъ всеобщее вниманіе: на затылкѣ была глубокая впадина съ трещиной, образовавшаяся, по всеѣмъ признакамъ, при жизни субъекта отъ сильнаго удара; замѣчательно было то, что скважина начинала уже зарубцовываться, какъ раненый умеръ. Все удивлялись, какъ могъ человекъ жить съ такою страшною ранюю. Черепъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Нѣкоторые брезгливо отвертывались. «Это былъ храбрый князь того селенія, что лѣтъ 700 тому назадъ существовало тамъ вблизи, господя!» началъ импровизировать одинъ изъ новорожденныхъ «археологовъ». «А что онъ былъ княземъ, это доказывается тѣмъ, что его похоронили здѣсь и въ гробницѣ: простыхъ смертныхъ сюда, на такую кручь, не носили, а хоронили подъ горою. Вотъ этотъ-то князь отпавилея на войну: тамъ, въ схваткѣ, его и оглушилъ ударомъ кистеня по шишаку какой-нибудь боець; посмотрите: его спасъ шлемъ—не то бы «черепъ врозь раздался», какъ сказалъ дѣдушка Крыловъ. Нашего воина привезли въ забытій домой, вонъ туда, гдѣ курятся за Тебердой карачаевскія сакли. Жена встрѣтила его съ воплемъ. Старый князь созвалъ знахарей для сына, тѣ стали прикладывать къ головѣ лѣкарственныя травы. Стало князю легче: видите, кость стала срастаться: прошло, стало-быть, около мѣсяца. Но князь ничего не понималъ, ничего не говорилъ; приходилъ къ нему отсюда въ селеніе священникъ, читалъ молитвы—ничто не помогало, и князь такъ въ забытій и скончался. Съ плачемъ завернули его тѣло въ пестрый коверъ, принесли всеѣмъ народомъ сюда и погребли въ этой гробницѣ, по-

ложили съ нимъ лукъ, стрѣлы и саблю. Прошли столѣтія. Его покой караулила эта молчаливая церковь. Пришелъ какой-то дикій народъ, широкоскулый, узкоглазый, сжегъ селеніе, истребилъ мужчинъ, увелъ съ собою женщинъ и дѣтей. И обратились въ пустыню эти лѣсистыя ущелья, пріютъ волковъ и медвѣдей. Прошли еще столѣтія, и показались здѣсь дикіе овцеводы—карачаевцы. Позднѣе появилась здѣсь русская женщина, привела съ собою русскихъ дѣвушекъ, и стали онѣ пустыню обращать въ благословенный край: проводить дороги, завели ферму, огороды, цвѣтники; звуки колокола понеслись по этой голубой долинѣ туда, къ «престоламъ вѣчныхъ свѣтовъ». Наконецъ, тутъ рассказчикъ усмѣхнулся, пришли безусые русскіе юноши и потревожили его сонъ.

— «Да вѣдь это же для науки, ὦ θαυμασιώτατε ἄνθρωπε!» сказалъ одинъ изъ слушателей. «Вѣдь только антропология и археология и могутъ опредѣлить народность, нѣкогда обитавшую въ этихъ горахъ; съ помощью сравнительной антропологии могутъ по даннымъ измѣренія черепа опредѣлить принадлежность его къ тому или другому племени. Тебѣ развѣ не любопытно знать, кто здѣсь жилъ? Василій Михайловичъ, смотри, вонъ набралъ штукъ шесть череповъ, пишетъ на нихъ что-то, затѣмъ онѣ эти черепа отправить въ Москву, гдѣ уже есть и абхазскіе и осетинскіе и адигейскіе черепа, которыхъ лицевые углы и прочія антропологическія особенности уже извѣстны. Эти черепа также подвергнутся тщательнымъ измѣреніямъ, и вдругъ добытыя цифры совпадутъ съ цифрами измѣренія осетинскихъ череповъ. Стало-быть, можно будетъ предположить, что здѣсь жили предки теперешнихъ осетинъ, знаменитые въ исторіи аланы; а если бы В. М. нашелъ бы здѣсь еще и бусы, пуговицы, оружіе, да все это оказалось тождественнымъ съ открытымъ раньше въ Осетіи,—тогда уже и сомнѣнія не будетъ, что здѣсь жили эти самые аланы. Понялъ? Если понялъ, такъ не сентиментальничай».

Въ монастырѣ намъ жилось чудесно: монахини съ охотою стирали намъ бѣлье, пекли хлѣбы, носили молоко; карачаевцы исправно доставляли барановъ по недорогой цѣнѣ. Къ десерту подавались чайныя кружки, наполненныя ярко-красной земляникой, въ изобиліи росшей между сосѣдними кустами. Нѣсколько человекъ были посланы, по просьбѣ настоятельницы, побродить съ ружьями по окрестностямъ и попутать волковъ.

Рис. 3

Маленькій карачаевецъ—Магометъ Кабаловъ.

Изрѣдка слышались изъ лѣсу выстрѣлы нашихъ охотниковъ, стрѣлявшихъ по сойкамъ, въ изобиліи водившимся здѣсь. Вечеромъ мы были приглашены аульнымъ старшиною на «курманлыкъ» — званый вечеръ. Намъ были приведены верховыя лошади, и мы торжественно спустились въ долину. Проводникъ провелъ насъ черезъ узкій тупикъ на небольшой дворикъ, окруженный домами на подобіе сараевъ; изъ маленькихъ отверстій, замѣняющихъ двери, выглядывали дѣти и женщины. Хозяинъ насъ пригласилъ въ кунацкую, стѣны

которой были покрыты коврами, увѣшаны оружіемъ, на полкѣ стояла стеклянная и фаянсовая посуда. Прислужникъ принесъ намъ чаю въ грязныхъ стаканахъ, темнаго хлѣба, наръзаннаго гигантскими ломтями, и нѣсколько кусковъ холодной баранины. Это угощеніе сдабривалось любезностью хозяина, интересовавшагося нашимъ здоровьемъ. Весь разговоръ шель черезъ переводчика, длиннаго черноглазаго юношу, воспитанника кубанской учительской семинаріи. Старшина жаловался намъ на игуменью, будто она хочетъ отнять у нихъ около 3-хъ тысячъ казенной земли подъ выпасъ своего скота. «Теперь намъ некуда дѣваться со своимъ скотомъ: придется переселяться», добавилъ онъ. Черезъ полчаса мы вернулись въ лагерь, предоставивъ лошадей въ распоряженіе любителей верховой ѣзды

На лужайкѣ, осѣненной буками, на скамейкѣ С. И. Борчевскій и Сопотовъ разложили добытые за день минералы. Были принесены разныя кислоты, и наша многочисленная аудиторія съ интересомъ слѣдила за объясненіями и демонстраціями лекторовъ, поливавшихъ кислотами камни, которые отъ этого шипѣли.

Выступленіе было назначено на утро: всѣ занялись, поэтому, приведеніемъ въ порядокъ своего имущества; чемоданы, сумки увязывались, добытые черепа, кости и мелкіе предметы укладывались въ особый ящикъ; фотографы занялись «проявленіемъ» пластинокъ и «заряжаніемъ» кассетъ.

Въ девять часовъ все спало, кромѣ часовыхъ.

VI.

Отъ Сентовъ до вершины Главнаго хребта
(Клухорскій переваль).

Прощаніе съ монастыремъ. „Испанскіе броненосцы“. Ауль Теберды. Экономическое состояніе тебердинцевъ. Ночлеги на берегу лермонтовскаго „Джемата“. Приключеніе съ упрямою лошадыю. Дачи Кузовлева и Кондратьева. Дегтярное и скипидарное производство. На берегу Гидже-Муруджа. Ночь близъ устья Купачкира. Зубры, серны и туры. Подъемъ на первый переваль. Карачаевскій „кошъ“—лѣтовье. Карачаевскія овцы. Встрѣча съ карачаевцами. Озеро тумановъ. У подошвы Главнаго хребта. Прибытіе въ „конторку“. Горные ландшафты.

Дня 4

Настало утро, теплое, солнечное. На росистой лужайкѣ закипѣла жизнь: около телѣгъ видѣя тонкой струйкой дымокъ — готовился чай; фыркали отдохнувшія лошади, шумѣли и рвались въ путь бодрые путеше-

ственники; въ сторонѣ блеялъ барабанъ. Послѣдній визитъ къ настоятельницѣ, наилучшія пожеланія, — и выстроившіеся юноши продефилировали передъ группою монастырскихъ обитательницъ, вѣжливо приподымая фуражки. Едва загремѣлъ нашъ барабанъ, какъ вблизи загудѣлъ большой колоколъ, ему весело отвѣтили колокола сверху, и торжественный перезвонъ понесся далеко по глубокому ущелью. Мы были уже внизу, въ верстѣ отъ монастыря, а звонъ все еще дрожалъ въ воздухѣ: настоятельница любила, по ея словамъ, наслаждаться звономъ колоколовъ. «Подойду, когда очень скучно станетъ, когда всѣ дѣла передѣлаешь, подойду и начну звонить, — и на душѣ легче станетъ: глушь ужъ очень здѣсь большая», говорила она.

Дорога шла будто по парку: высокіе буки, чинары, дубы осѣняли насъ; по скаламъ уже стояли группами стройныя сосенки; изъ каждаго ущелья выбѣгаль бѣлый потокъ и съ разбѣгу бросался въ прозрачную Теберду. Черезъ полчаса насъ обогнала почтовая телѣжка съ В. М. Сысоевымъ и матерью Екатериной: они ѣхали осматривать затерянную въ лѣсу на горной вершинѣ древнюю разрушенную уже часовню. Скоро ущелье раздвинулось. Вдали сверкнуло серебро снѣговыхъ горъ; синѣли ущелья, ближе скалистыми уступами громоздились горы; высочія сосны съ зонтиковидными вершинами чинно стояли рядами. Пройдя еще нѣсколько верстъ, мы увидѣли на лужайкѣ, у самой рѣки, среди высокой травы распряженную телѣгу. Ямщикъ указалъ направленіе, по которому отправились на гору наши изслѣдователи старины. Гуськомъ поднялись мы на первую террасу, прокладывая себѣ путь въ высокой, по грудь, травѣ.

— «Степь чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась прекраснѣе»... началъ кто-то сзади меня, пробираясь «по зеленой дѣвственной пустынѣ». Вокругъ насъ, дѣйствительно, «брызнули миллионы разныхъ цвѣтовъ», на ихъ длинныхъ стебляхъ кача-

лись пчелы, кое-гдѣ сверкала крыльями бабочка, тоже похожая на летающій цвѣтокъ. Голова Телѣги, нашего энтомолога, показывалась тамъ и сямъ. Однако неутомимый В. М. Сысоевъ и энергичная старушка-настоятельница нигдѣ не обнаруживали своего присутствія, несмотря на наши дружные, по командѣ, крики. Миллеръ затрубилъ, я выстрѣлилъ—и ни звука въ отвѣтъ, только пчелы жужжали вокругъ. Тщательный осмотръ окрестностей въ бинокль не открылъ присутствія ни одного живого существа. Вернувшись къ обозу, я велѣлъ отпрячь лошадей и готовить обѣдъ. Пока же «общество» расположилось на травѣ подъ деревьями, у самага берега рѣки; съ кусками бутербродовъ въ рукахъ, всѣ въ линію разсѣлись у воды; она кипѣла буграми, милліарды пузырьковъ обращали рѣку въ бѣлую поверхность, надъ которой съ шипѣніемъ взлетали струи ледниковой воды; часто слышались какіе-то глухіе раскаты: то ударялись другъ о друга катившіеся по дну рѣки камни—кругляки.

Покатилову пришло въ голову развеселить пуще плескавшуюся у рѣчки компанію. Пройдя сотню шаговъ вверхъ по теченію, онъ столкнулъ въ воду сваленное бурей дерево.

— Караульте! броненосецъ идетъ! извѣстилъ всѣхъ его трубный гласъ.

— Батареи, приготовься! Паръ двадцать пять рукъ уже держали по булыжнику.

— Идетъ! идетъ!

Изъ-за мыса показалось, ныряя и вздрагивая сухими вѣтками, большое полустгнившее дерево и быстро понеслось въ стремнинѣ. Камни полетѣли тучей въ «испанскій броненосецъ», какъ его окрестили самозванные «американцы»; снонами летѣла вѣрхъ вода, камни рикошетировали, глухо барабанили по дереву. Стовъ и вопль стоялъ въ воздухѣ. Еще мгновеніе, и «броненосецъ» былъ внѣ сферы выстрѣловъ.

— Караульте!! донесся издалека отчаянный вопль Покатилова.

«Публика» пританлась, ждетъ. Дерево ближе, ближе. Залпъ, вой и вопль. Самые степенные изъ юношей до нельзя увлеклись забавой: раскрасѣлись, суетились, бѣжали по берегу, стараясь на перебой попасть лишній разъ въ уплывавшее бревно.

Черезъ полчаса вернулась археологическая комиссія, видимо, уставшая. Мать Екатерина красная, запыхавшаяся, съ трудомъ опустила на разостланную бурку.

Мы ей предложили раздѣлить съ нами обѣдъ, но она спѣшила въ монастырь: «дѣла ждутъ — нельзя; и рада бы — хозяйскій глазъ вездѣ нуженъ».

Снявъ шапки, всѣ съ ней низко раскланялись, провожая ее. Она сѣла въ свою телѣжку и быстро скрылась за деревьями.

Мы собрались уже обѣдать, какъ гдѣ-то звякнулъ опять колокольчикъ, и изъ-за этихъ же деревьевъ выкатилась такая же телѣжка, только на ней сидѣлъ уже г. Шмыткинъ. Онъ пріѣхалъ «узнать о нашемъ здоровьи.» Встрѣченъ онъ былъ, какъ старый знакомый. Послѣ обѣда я съ г. Шмыткинымъ поѣхали впередъ въ аулъ Теберды, чтобы условиться относительно найма вьючныхъ лошадей для перевала въ большой Карачай и пригласить проводника для дальнѣйшаго восхожденія на вершину Главнаго хребта, къ Тебердинскому горному озеру. Быстро проѣхали мы широкой долиной къ небольшому аулу, пріютившемуся у подножья гигантскаго хребта: по мѣрѣ приближенія къ Главному хребту, всѣ направленные къ нему подъ прямымъ угломъ горные хребты постепенно увеличиваются въ своихъ размѣрахъ и, наконецъ, незамѣтно сливаются съ магистральной линіей.

Въ «правленіи» насъ встрѣтили старшина и писарь. Мнѣ нужно было нѣсколько фунтовъ стеариновыхъ свѣчей: при-

глашенный приставомъ горскій еврей-лавочникъ (въ Карачаѣ обычай запрещаетъ туземцамъ торговать, — поэтому вся торговля, преимущественно мѣшковая, находится въ рукахъ евреевъ) запросилъ съ меня по 50 коп. за фунтъ.

— Какъ тебѣ не совѣстно драть такую цѣну, когда въ Баталпашинскѣ 26 коп.?! а ты 50!.. сердился приставъ на почтеннаго по наружности, прямо Натава Мудраго, торговца.

— Онъ говоритъ: за перевозку надо же взять, перевелъ намъ старшина отвѣтъ Натава.

Въ концѣ концовъ, онъ согласился сбавить на фунтъ гривенникъ.

Пока мы пили чай, я разспрашивалъ старшину, молодого, смышленнаго карачаевца, про житье-бытье его одноаульцевъ.

— Ничего: живемъ пока недурно. Только ужъ очень мы глупы: трудно прививается новое дѣло. Напр., вы замѣтили, что нашъ аулъ лишенъ совершенно растительности?

Я посадилъ противъ своей сакли сосенки. Говорю тебердинцамъ: сдѣлайте и вы такъ — тѣнь будетъ. «Хорошо,» говорятъ, и не дѣлаютъ. Дома наши видѣли? Какъ триста лѣтъ назадъ строили, такъ и сейчасъ. ¹⁾ Не лѣчатся и женъ не лѣчатъ. Торговля, сами видѣли, въ рукахъ евреевъ. Земли пахатной у насъ мало; лѣсовъ — порядочно. Но что съ ними дѣлать? Везти? — Далекое. Можно бы было деготь и скипидаръ гнать, а мы только смотримъ, какъ это другіе дѣлаютъ... ²⁾ Очень мы необразованы, закончилъ горецъ.

Меня удивила, признаюсь, такая ясность взглядовъ. Приставъ, казалось, цонялъ мою мысль.

¹⁾ Карачаевскія сакли состоятъ изъ суставчатыхъ срубовъ изъ претолстыхъ бревенъ; крыши земляныя, двускатныя, поросшія густой травой; на вершинѣ подобнаго холма торчатъ, вмѣсто трубы, плетенка, обмазанная глиной.

²⁾ Въ нѣсколькихъ верстахъ выше мы встрѣтили два дегтярно-скипидарныхъ завода, инженера Кондратьева и Утякова. И это на весь Карачай!

— «Онъ очень способный и умный человекъ», сказалъ онъ мнѣ, когда старшина вышелъ, чтобы разыскать намъ проводника. «Много у него враговъ: не позволяетъ воровать лѣсъ — сажаетъ и штрафуетъ».

— Какъ бы не убили его.

— Нѣтъ, карачаевцы на этотъ счетъ не мастера: это не закавказскіе татары, а робкіе потомки бѣглецовъ, укрывшихся отъ преслѣдованія въ этой глуши. Украсть, обмануть, солгать — карачаевецъ мастеръ, но на убійство — нѣтъ, онъ не пойдетъ. Въ ссорахъ, правда, убійства случаются; но это дѣло темперамента... Вонъ наши идутъ, замѣтилъ онъ, посмотрѣвъ въ окно. Дѣйствительно, по дорожѣ въ аулъ спустились къ мосту черезъ Теберду бѣлыя точки.

Вотъ все скрылись подь горою... Прошло четверть часа, и гдѣ-то въ аулѣ послышался рокотъ барабана. Изъ саклей, словно муравьи, вылѣзало населеніе аула и сиѣшило на странные звуки. Громъ барабана ближе. Вонъ въ концѣ улицы изъ-за угла показался барабанщикъ, за нимъ свергнуло на солнцѣ нѣсколько ружей, и, стройно колыхаясь, змѣей потянулись остальные ряды. Сзади, не отставая, гремѣли три высоко нагруженные телѣги.

Путешественники выпили по стакану чаю, кое-кто побѣждалъ къ Натану Мудрому.

Солнце уже скрылось за высоко вѣзавшейся въ небо горой. Долина темнѣла, и видно было, какъ зубчатая тѣнь подымалась выше и выше по ея лѣвому хребту. Ночлегъ былъ назначенъ на рѣчкѣ Джемаатъ: оставалось всего 2¹/₂ версты, которыя мы должны были пройти быстро, чтобы еще засвѣтло разбить нашъ лагерь. Звуки корнета понеслись въ тихомъ воздухѣ, пролетѣли надъ ауломъ, долетѣли до скалъ за рѣкою и вернулись къ намъ слабымъ эхомъ. Все быстро собрались, и мы тотчасъ же выступили дальше. Широкая долина слетка повышалась; кое-гдѣ попадались холмики, груды

камней, нигдѣ ни кустика ни дерева: видно было, что пѣкогда здѣсь были поселенія. И все исчезло, а имя географическое «Теберды» осталось. Нѣтъ ничего консервативнѣе географической номенклатуры: имена эти часто переходятъ безъ измѣненія отъ одного народа къ другому — вспомните имена Москвы, Кавказа: часто языкъ исчезаетъ, народъ стирается съ лица земли, а географическое имя остается невредимымъ и, словно маякъ, бросаетъ снопы лучей въ сумрачную даль древности.

Ночь быстро наступала. Впереди голубая дымка уже протянулась надъ лѣсами. Розовые огни пока еще горѣли на колоссальной снѣговой вершинѣ Аманъ-ауза, уже видны были синѣющіе ледники. Одинокая сосна, росшая близъ дороги, красиво рисовалась на свѣтломъ фонѣ горнаго ландшафта своею зонтичною кроною, краснымъ прямымъ стволомъ. Мы подошли къ ущелью; оттуда подулъ легкій вѣтерокъ; съ шумомъ выбѣгала бѣлая рѣчка: то былъ бѣшеный Джемаатъ. Милліарды крупныхъ пузырьковъ, эта кипящая прозрачная вода производили впечатлѣніе потока зельтерской воды, выпущенной чьей-то могучею рукою тамъ гдѣ-то, въ ущельи, изъ гигантскаго сифона.

— Чжуръ Джемаатъ чохъ яхши, ¹⁾ говорилъ нашъ проводникъ. На лужайкѣ близъ рѣки мы указали мѣсто для лагеря. Мигомъ закипѣла работа: рылись ямки для столбовъ, стучали топоры; забѣлѣли временные дома; запылалъ костеръ, огонь котораго, по мѣрѣ того какъ приближалась ночь, сверкалъ все ярче и ярче. Звѣзды сіяли здѣсь еще ярче, чѣмъ въ Хумарѣ: мы были на высотѣ уже 5 тысячъ футовъ. Въ десяти часамъ лагерь затихъ: утомленные жаркимъ днемъ, усыпленные говоромъ потока юности спали крѣпкимъ, здоровымъ сномъ. Вокругъ палатокъ и обоза ходили часовые.

— Многие-ли знаютъ родину лермонтовскаго Хаджи-аб-река? думалось мнѣ. Насколько помню, никто изъ лермонтов-

¹⁾ Вода въ Джемаатѣ очень хороша.

скихъ комментаторовъ не указалъ на мѣсто нахождения аула Джемата, имя котораго извѣстно каждому гимназисту. Кто не декламировалъ звучныхъ стиховъ:

Великъ, богатъ ауль Джемать.
Онъ никому не платитъ дани,
Его стѣна—ручной булатъ,
Его мечеть—на полѣ браши,
Его свободные сыны
Въ огняхъ войны закалены;
Дѣла ихъ громки по Кавказу,
Въ народахъ дальнихъ и чужихъ,
И сердца русскаго ни разу
Не миновала пуля ихъ..?

Мы остановились на ^{Джеме 5} мѣстѣ этого нѣкогда знаменитаго

аула, населеннаго абреками изъ абхазскаго воинственнаго племени цебельдинцевъ, живущихъ по ту сторону горъ и до 60-хъ годовъ упорно сопротивлявшихся русскимъ. Лѣтъ 40—50 назадъ, говоритъ мѣстное преданіе, аулъ посѣтилъ моръ и увнесъ большую часть жителей. Дѣйствительно, за Джематомъ мы увидѣли на другой день обширное кладбище, огороженное изъ чувства благочестія карачаевцами; версты на полторы мы видѣли кучи камней, остатки бывшихъ саклей. Слава о джемаатскихъ удалцахъ далеко распространилась. Шагахъ въ двухстахъ отъ нашего лагеря карачаевцы показали намъ двѣ гробницы. «Это сыновья князя джемаатскаго Чепелю Урусбиева—Эль-мирза и Алхазъ; знаменитые джигиты были,» говорили карачаевцы. «А отецъ ихъ старый князь Урусбиевъ былъ самый умный, самый храбрый джигитъ». Когда его сыновья умерли отъ страшной болѣзни, старый князь бросилъ это мѣсто и пошелъ подъ Эльбрусъ, гдѣ и поселился въ теперешнемъ Урусбиевскомъ аулѣ».

По рассказамъ баталпашинскаго старожила, полковника Кузовлева, Урусбиевы посѣщали русскій лагерь, и Лермонтовъ, жившій «на линіи» и въ Пятигорскѣ, могъ слышать и отъ нихъ кровавый сюжетъ своей поэмы. Что-же касается разницы въ произвошеніи между тебердинскимъ Джематомъ и лермонтовскимъ Джематомъ, то ее легко объяснить условіями стиха: Лермонтовъ практиковалъ иногда стяженіе двухъ гласныхъ: напр., Бешту, вмѣсто Бештау. Теперь все «поросло травой забвенья», и имя аула должно навсегда сохраниться въ великолѣпныхъ стихахъ поэта:

Сюда, наѣздники Джемата!

Откройте удалъ мнѣ свою!

Кто знаетъ князя Бей-Булата?

Кто возвратитъ мнѣ дочь мою?...

Sic transit, подумалъ я, когда вышелъ въ полночь изъ палатки. Темныя фигуры часовыхъ, закутавшихся въ бур-

ки и неподвижно стоявшихъ, зашевелились. Вдали надъ Тебердой лежалъ густой туманъ; изъ джемаатскаго ущелья тянулъ холодный почной вѣтерокъ. Температура низко упала, даже въ 7 часовъ утра было 7° С. Въ палаткѣ учениковъ, наглухо закрытой, было тихо и тепло.

— Озябли? спрашиваю часовыхъ.

— Да, есть немного! улыбаясь и пожимаясь отъ холода, отвѣчали они. Скоро смѣнимся.

— Спать хотите?

— Нѣтъ. Мы съ вечера уснули два часа—не хочется.

— Ничего подозрительнаго не замѣтили?

— Нѣтъ, только четыре карачаевца проѣхали верхомъ.

Я находилъ весьма полезнымъ полувойенный режимъ, котораго держался. Для насъ весьма легко было подражать приемамъ русскихъ солдатъ—завоевателей этихъ самыхъ горъ, ибо почти всѣ изъ насъ были кавказскими уроженцами, сыновьями, внуками этихъ завоевателей, всѣ читали исторію Кавказской войны, всѣ слышали много драматическихъ рассказовъ изъ устъ участниковъ кровавой борьбы съ горцами. Всякій изъ насъ понималъ, что эта война заставила выработать цѣлесообразные способы путешествія въ горахъ, среди инородцевъ, а слѣдовательно, сознавалъ необходимость ими пользоваться. Понятно, поэтому, почему у насъ по ночамъ были часовые по всѣмъ правиламъ воинскаго устава. Подобный режимъ вносилъ извѣстный порядокъ въ общую жизнь экспедиціи. Всякій съ удовольствіемъ и внимательно исполнялъ возложенное на него порученіе, чувствовалъ себя тѣсно связаннымъ съ этой маленькой группой людей, затерянной въ глубинѣ Кавказскихъ горъ. Съ чувствомъ благоговѣнія каждый вступалъ на часы, понимая, что въ этотъ полуночный часъ его вниманію поручено спокойствіе, а можетъ-быть, и жизнь спящихъ глубокимъ сномъ товарищей; несомнѣнно, те-
перь-то впервые зарождалось въ глубинѣ молодой душъ ча-

сового *отеческое* чувство къ этимъ молчаливо лежащимъ, закутаннымъ въ плащи юношамъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что это сознание возлагаемой серьезной обязанности, въ связи съ тайнственностью полуночныхъ или предразсвѣтныхъ часовъ въ лѣсу, въ горахъ, и было причиной того, что мнѣ приходилось уже наблюдать очередь при назначенiи «на часы»: такъ много было желающихъ караулить лагерь.

Востокъ уже алѣлъ, когда я вторично проснулся. Облачка, надувшись, словно паруса, плыли по склонамъ близкихъ и высокихъ горъ. Барабанъ пробилъ „зорию“. Густой дымъ костра столбомъ подымался перпендикулярно и на высотѣ саженой десяти тянулся въ сторону. Всѣ горы были еще сини; высокiя облака начинали горѣть розовымъ огнемъ. Умывшись холодной водой Джемаата, закусивъ и напившись чаю, мы покинули мѣсто ночлега. Едва мы перешли черезъ мостъ, какъ я принужденъ былъ дать сигналъ къ остановкѣ: большая бѣлая лошадь, ходившая раньше „подъ верхомъ“, а теперь везшая одну изъ нашихъ телѣгъ, заупрямилась и, несмотря на удары, не хотѣла итти, взвивалась на дыбы, била задними ногами. Кое-какъ, подталкивая телѣгу сзади, поднялись на пригорокъ. Лошади побѣжали. „Ура! перестала упрямиться! теперь пойдетъ! это она со сна!“ шутили мальчики, бѣгомъ сопровождая телѣгу со злополучною лошадейю. Дорогу пересѣкалъ широкой и тонкой ручей, одинъ изъ многочисленныхъ искусственныхъ ручьевъ, орошавшихъ поляну. Вдругъ по самой срединѣ его телѣга съ упрямою лошадейю крякнула и остановилась. Возница выбился изъ силъ: снявши обувь, онъ полѣзъ въ холодную, какъ ледъ, грязь, но усилiя одного человека не могли сдвинуть высоко нагруженную телѣгу, поступицы завязшую въ грязи. Я велѣлъ Корнѣю пропустить подъ телѣгу запасную веревку, по дышлу, и закрѣпить ее. Длинный оставшiйся конецъ подали намъ, и десятка два рукъ ухватились за нее и потянули; веревка натянулась, какъ стру-

на, и грозила лопнуть: пришлось пропустить еще одну. „Теперь выдержитъ!“ кто-то одобрительно замѣтилъ. „Разъ! два!“ — и мы дружно потянули. Возъ колыхнулся и выкатился на берегъ. Не выпуская изъ рукъ длинной веревки, мы бѣжали передъ возомъ, и упрямая лошадь «силою обстоятельствъ» была увлекаема нами вмѣстѣ съ возомъ: сначала она нехотя переставляла ноги, затѣмъ увлеклась и охотно повезла телѣгу. Однако, я рѣшилъ сложить на дачѣ г. Кондратьева часть вещей и разстаться съ беспокойнымъ животнымъ, къ крайнему сожалѣнію ея хозяина.

Скоро мы вышли изъ веселаго бѣло-зеленаго березняка и вступили въ царство темнозеленыхъ сосенъ и стройныхъ величественныхъ пихтъ. Остановившись отдохнуть на одной полянкѣ, мы и не подозрѣвали, что расположились близъ культурнаго уголка. Болѣе десяти лѣтъ назадъ бывший баталпанинскій уѣздный начальникъ полк. Кузовлевъ построилъ здѣсь большую двухъэтажную съ мезониномъ дачу; сюда стали прїѣзжать слабогрудые и чахоточные. Дѣйствительно, это мѣсто могло быть превосходной климатической станціей: климатъ ровный, вѣтровъ мало, чудесный горный воздухъ, напоенный испареніями дѣвственныхъ сосновыхъ и пихтовыхъ лѣсовъ. Пройдя сажень 50, мы очутились на аллеѣ, осѣненной высочайшими мачтовыми соснами, слѣва на дорогу лился серебристыми струями ручей. У всѣхъ неожиданно вырвался крикъ восторга: въ рамкѣ изъ двухъ гигантскихъ пихтъ блеснуло небольшое озеро, въ стеклѣ котораго, словно сказочный дворецъ, отражалась красивая со шпирцами и балконами дача г. Кузовлева; у противоположнаго берега стояла лодочка. Озеро было прозрачное и темное; окрестныя сосны силились закрыть его глубину отъ жаркихъ лучей солнца, уже вышедшаго изъ-за зубчатыхъ скалистыхъ вершинъ. Призывный свистокъ остановилъ укатившій впередъ обозъ. Мы хотѣли осмотрѣть зарождающійся курортъ, нѣсколько оправить-

ся, познакомиться съ дегтярнымъ и скипидарнымъ производствомъ. Необыкновенно пріятное впечатлѣніе производятъ эти культурные уголки среди дикой природы, среди страны дикарей-пастуховъ. Мнѣ невольно пришли на память англійскіе *gesthus*, устроенные, по словамъ д-ра Елизѣева, по всей Индіи и Цейлону: это небольшія гостиницы—постоялые дворы, снабженные всёю необходимыми, вполне благоустроенные; въ *gesthus* можно заказать обѣдъ, закуску, чай, получить небольшую комнатку, снабженную кисейнымъ пологомъ, умывальникомъ, бѣльемъ; но заживаться въ нихъ болѣе 3 сутокъ не полагается. За все забранное, какъ и за ночлегъ, платится по особой вывѣшенной на видномъ мѣстѣ таксѣ.

Безъ сомнѣнія, настанетъ время, когда локомотивъ, выбрасывая облака пара, съ шумомъ промчится по этой тихой долинѣ, пролетитъ въ тоннель подъ нависшими снѣгами и ледниками Амаць-ауза (Злой ротъ) и спустится въ роскошную подтроицкую область Сухума; настанетъ время, когда за локомотивомъ потянутся «предприниматели», и не одинъ отель для слабогрудыхъ заблѣдетъ между красными соснами и темными пихтами,—пока же русскіе мальчики должны надѣяться на собственные силы, рискуя оставаться на почъ подъ дождемъ въ виду казенной пустой казармы для рабочихъ, которую не рѣшается отпереть дорожный мастеръ «безъ записки инженера», какъ это чуть было не случилось съ нами на Клухорскомъ перевалѣ, въ сосѣдствѣ снѣга и ледниковъ. Но объ этомъ далѣе. Теперь мы встрѣтили на дачѣ г. Кондратьева, сосѣдней съ кузовлевской, самый радушный пріемъ; хозяинъ, нашъ старый знакомый, предложилъ ученикамъ къ чаю душистаго меду, добытаго его пчелами съ окрестныхъ альпійскихъ луговъ. Полакомившись медомъ, закусивъ и напившись чаю, мы осмотрѣли производство дегтя и скипидара. Нѣсколько карачаевцевъ занимались трудной работой распиливанія большою цилою сосновыхъ пней; размельченные въ

щепки, они кладутся въ печь, наглухо закрываемую; печь снизу подогрѣвается; пары, проходящiе изъ печи по трубамъ въ чанъ съ водою, охлаждаются и, въ видѣ дегтя и воды, стекаютъ по жолобу въ бочки; то же продѣлывается и для добыванiя скипидара, только сосновые пни замѣняются уже березовою корою.

Впервые у насъ оказался больной — Бажановъ (IV кл.): онъ чувствовалъ сильную головную боль и жаръ: на сцену немедленно же явилась походная аптечка: прiемъ фенацетина и холодные компрессы облегчили головную боль; чай съ виномъ, а затѣмъ бурка вызвали обильную испарину, и къ вечеру больной совершенно выздоровѣлъ; причиною заболѣванiя было, очевидно, холодное утро, проведенное нами на Джематѣ, несмотря на то, что всѣ, по отданному съ вечера приказанiю, были въ зимнихъ блузахъ, пальто и буркахъ. Сложивъ вещи въ пустой комнатѣ дома г. Кондратьева, заказавъ нѣсколько пудовъ хлѣба, который мы должны были взять на обратномъ пути, мы, въ сопровожденiи хозяина, вышли на прежнюю дорогу къ водопаду. По приглашенiю пристава, мы зашли на сосѣдную дачу, гдѣ г-жа Потапова, супруга инспектора баталпашинскаго училища, угостила насъ айраномъ, вкуснымъ кислымъ напиткомъ изъ коровьяго молока, похожимъ на кефиръ. Освѣжившись еще разъ, мы продолжали путь. Молочно-бѣлыя, пушистыя облака высоко плыли по воздушной синевѣ. Вѣтра не было. Сосны стояли неподвижно; длинныя мохнатыя лапы пихтъ тянулись другъ къ другу черезъ узкую дорогу, то подымавшуюся вверхъ, то спускавшуюся къ рѣчкѣ, шумѣвшей за деревьями. Мы встрѣтили пожарище. Длинные черныя стволы сосенъ лежали среди молодыхъ побѣговъ, словно обгорѣлые трупы великановъ, и протягивали въ сторону зеленѣющихъ собратьевъ, стѣною стоявшихъ вдали, свои черныя, какъ смола, руки. Мы то скрывались въ чащѣ, то выходили на полянку. Кое-гдѣ видны были свѣже-срубленные сосны для сплава по Тебердѣ. Въ сторонѣ отъ до-

роги, въ чащѣ мелькнулъ „базъ“, загородка для скота, куда карачаевцы загоняють иногда телятъ; повѣяло запахомъ скота и навоза. Всѣ бодро шагали впередъ. Чувствовалось, что мы въ сердцѣ горной пустыни, что жилища людей остались уже далеко позади, и мы должны надѣяться на себя; чувствовалось, какъ васъ обнимаетъ природа: что-то счастливое, чарующее вливалось въ душу, васъ неудержимо влекла къ себѣ мощь природы; грудь глубоко дышала, словно хотѣла, чтобы до тайниковъ ея достигъ этотъ смолистый воздухъ.

Впереди мелькнуло нѣсколько коровъ. У кого-то явилась мысль пошутить и погнать ихъ дальше: коровы, небольшія, поджарыя, съ короткими острыми рогами, сначала бѣжали впереди, но затѣмъ ловко взобрались на крутизну, нависшую на дорогу; неугомонные мальчики согнали ихъ оттуда и до тѣхъ поръ регулировали ихъ движенія, пока животныя не подчинились человѣку и не побѣжали по дорогѣ.

— Каково-то ихъ доить будемъ? спрашивали любители молока.

— Ни за что не удастся это безъ телятъ, да и опасно: рога острые.

Въ лѣсу встрѣтили чернобородыхъ карачаевцевъ пасшихъ стадо.

— Айранъ варь? спрашиваемъ.

— Варь, варь, отвѣчаютъ, и приносятъ въ небольшомъ коземъ мѣхѣ айранъ; развязавъ одну изъ ножекъ, лѣсной человѣкъ наполнилъ кружку ваниткомъ, похожимъ на сметану. Айранъ оказался старымъ и очень кислымъ: мы его не купили. Жара усиливалась. Усталость давала себя знать. Приближался обѣденный часъ. Далеко въ лѣсу слышался шумъ водопада. То была рѣчка Гидже-Муруджа. Остановившись на переброшенномъ черезъ нее мосту, мы не могли слышать разговора сосѣда: такъ былъ силенъ ревъ потока. Выбравъ лужайку, осѣненную гигантскими пихтами, мы разо-

стлали цыновки, на которыхъ съ радостнымъ рычаніемъ разлеглись путешественники, но сейчасъ же вскочили и съ громкими криками накинулись на рдѣвшую среди зелени землянику: чайныя кружки быстро наполнились; многіе, насытившись, набрали еще на десертъ, принесли намъ; кое-кто вскрикивалъ, когда за ногу (многіе сняли обувь) кусали большіе черные муравьи; земляники было такъ много, что не нужно было переходить съ мѣста на мѣсто: стоило прилечь, и класть въ ротъ. Пригнанныя нами коровы остановились близъ лагеря и принялись пастись. Мальчики разбрелись по лѣсу, вверхъ и внизъ по ручью; фотографы отиравились снимать виды. Обѣдъ, состоявшій изъ щей съ бараниной, рагу съ картофелемъ, десерта, монпансье и земляники, кружки чая, былъ конченъ къ 4 часамъ. Поужившись еще около часу среди этой чудной природы, мы двинулись дальше по сосновой и пихтовой аллеѣ. Кто пѣлъ, кто подбиралъ землянику; Сопотовъ, по обыкновенію, читалъ лекцію по геологіи. Солнце рано скрылось за высокія горы сузившагося ущелья. Лѣсъ погружался въ тѣнь. Пора была подумать о мѣстѣ ночлега. По словамъ нашего проводника, симпатичнаго молодого карачаевца, все время ѣхавшаго на бѣлой лошади, недалеко должна была быть такъ называемая «Круглая поляна». Справившись съ картою, мы увидѣли, что это урочище находится недалеко отъ сліянія Теберды съ Куначкиромъ, вверхъ по которому мы должны были подыматься до конечнаго пункта нашего путешествія по Малому Карачаю, Клухорскаго перевала (9600 ф.), находящагося въ 20-ти верстахъ отъ устья этой рѣчки.

Дневной жаръ смѣнился пріятной свѣжестью. Дышалось легко, хотѣлось пѣть. Кто-то догадался, затанулъ, остальные подхватили, и стройные звуки покатались впередъ, понесли за рѣку, подымались вверхъ къ скаламъ, призывали оставшихъ; даже нашъ поваръ Федотъ не выдержалъ и присоединилъ свой теноръ къ хору. Чувствовалось полное сближеніе,

родственность: каждый понималъ, какъ жутко было бы итти одному, и невольно съ благодарностью, съ чувствомъ искренняго довѣрія взглядывалъ на группу въ 35 человекъ. Внезапно мы вышли на большую поляну: высокіе старые буки,

Въ лѣсу близъ р. Куначкира сосны, березы, пихты окаймляли ее со всѣхъ сторонъ: поляна, дѣйствительно, оправдывала названіе «Круглой». Посреди нея росло нѣсколько деревьевъ. Слева высилась гигантская стѣна скалистаго отрога. Приказавъ разбивать палатку, я счелъ нужнымъ извѣстить о нашемъ приходѣ четвероногихъ обитателей этихъ сумрачныхъ дебрей, среди которыхъ мы должны были провести ночь, и позволилъ, подь своимъ наблюдениемъ, выстрѣлить вверхъ, въ скалу, нѣсколько разъ изъ берданокъ и магазинокъ; выстрѣлъ за выстрѣломъ гремѣлъ и умиралъ вдали въ ущельяхъ, во мглѣ.

— Кто хочет костеръ разводить—за дровами!

Человѣкъ пятнадцать сейчасъ отправились въ лѣсъ за валежникѣмъ, и скоро посреди поляны воздвигся костеръ, годный для сожженія древняго русса съ его ладьей. Въ темнотѣ бѣлѣла большая палатка, около обоза готовился чай.

— Зажигать костеръ! крикнулъ Покатиловъ. Тотчасъ же огромное пламя длинными языками взвилось до половины бука, стоявшаго близъ костра; тысячи золотыхъ пчелъ летѣли въ темнѣющую высоту неба; огонь трещалъ и шумѣлъ, ярко освѣщенные фигуры юношей, словно въ канибальскомъ танцѣ, окружали костеръ. У другого бука С. И. Борчевскій собралъ свой хоръ.

Засвистали козаченьки въ походъ съ полуночи,—

Заплакала Марусенька свои ясны очи!...

полилась малороссійская пѣсня, ее смѣнила другая, третья. Пѣли около часу. Затѣмъ костеръ погасъ, пѣсни смолкли, лагерь заснулъ, лѣсная тишина вступила въ свои права, только шаги часовыхъ шуршали въ травѣ; рѣдкія звѣзды мигали въ черныхъ прогалинахъ между тучъ.

Настало утро, сѣрое, мокрое, но теплое. Роса крупными каплями покрывала листья. Тихо стояли колоссальныя, съ глубокими трещинами, сѣдыя скалы, тихъ былъ вѣковой лѣсъ; изрѣдка между деревьями мелькала красноносая альпійская галка да высоко надъ ущельемъ плавно пролеталъ орелъ, ища себѣ завтрака. Густыя облака дыма неслись прямо вверхъ.

— Сегодняшній день будетъ хорошъ, замѣтилъ кто-то: дымъ идетъ прямо—хорошая погода.

— Не хвались еще заранѣ:

Вонъ на югъ-то, въ туманѣ,

Что-то видно, братъ, — народировалъ другой изъ лермонтовскаго „Спора“.

Въ самомъ дѣлѣ, на югъ изъ ущелій лѣзли массами облака, закрывая льды и утесы горъ. Непромокаемые плащи

и бурки пришлось положить поверхъ воевъ, чтобы имѣть ихъ подь рукою. Передь выступленіемъ устроили стрѣльбу въ цѣль: огромное бѣлесоватое безъ коры дерево служило мишенью. Студентъ Соиотовъ тщательно отмѣчалъ каждый удачный выстрѣлъ; наконецъ, былъ сдѣланъ дружный залпъ изъ шести ружей. Пороховой дымъ медленно таялъ въ воздухѣ; изъ ущелій донеслись слабые отвѣтные залпы. Корнетъ зацѣль: телѣги, перекачиваясь, выѣхали на ровную дорогу, и мы опять вступили въ лѣсъ, который съ каждою минутою дѣлался вся гуще и диче. Мы покинули теперь долину Теберды и взяли влѣво, въ узкое ущелье Куначкира, на два шага съ высоты 9500 футовъ; рокоть, шинь и гуль рѣчки теперь на три дня долженъ былъ быть нашимъ спутникомъ. Дорога то спускалась къ самой водѣ, то подымалась на огромную высоту. Впереди насъ ожидалъ небольшой, но трудный перевалъ.

По ту сторону потока подымался дѣвственный вѣковѣчный казенный хвойный лѣсъ. Только нога рѣдкаго въ этихъ мѣстахъ охотника бродила по этимъ дебрямъ.

— Тамъ много есть домбай, ¹⁾ сообщилъ намъ нашъ проводникъ, указывая на лѣсистыя пространства. Однако, говорятъ, что зубръ перекочевалъ отсюда и начинаетъ водиться только съ верховьевъ р. Марухи и далѣе на западъ, до истоковъ р. Бѣлой. Кавказскій зубръ — большое животное, напоминающее бизона; у самцовъ густая грива, которая въ періодъ линіянія — конецъ мая и начало іюня — почти отсутствуетъ; живутъ кавказскіе зубры обыкновенно небольшими группами, головъ 6—8; старые быки держатся, впрочемъ, чаще штуки по 2 вмѣстѣ или же поодиночкѣ. Питаются зубры травой, корою осины, вербы, ольхи, пихты; кромѣ того, они поѣдаютъ въ большомъ количествѣ листья папоротниковъ, которые не ѣсть ни одно изъ водящихся здѣсь животныхъ; поэтому,

¹⁾ Зубръ.

встрѣтивъ въ лѣсу объѣденные папоротники, охотникъ можетъ смѣло сказать, что въ немъ водятся зубры; зубры любятъ соленую воду и къ соленымъ источникамъ издалика прокладываютъ свои тропы. Зубрята рождаются въ концѣ мая. Живутъ зубры преимущественно въ лѣсахъ, но часто выходятъ на ихъ опушки и поляны; отдыхать они любятъ подъ густыми, тѣнистыми елями, а также на разрыхленной и непокрытой травой землѣ у корней вывороченныхъ бурей деревьевъ. ¹⁾ Въ проходимой нами мѣстности, по рассказамъ карачаевцевъ, водится множество сернь и туровъ; послѣдніе ростомъ съ молодого быка, отличаются огромными рогами, два экземпляра которыхъ мы затѣмъ приобрѣли въ Большомъ Карачаѣ; эти роги служатъ животнымъ въ качествѣ пружинъ: при прыжкѣ съ большой высоты туры, говорятъ, стараются упасть на рога, которые смягчаютъ силу удара; туры бродятъ стадами, штукъ по 40, подъ предводительствомъ старого быка, по неприступнымъ скаламъ и съ изумительной быстротою скрываются изъ глазъ неосторожнаго охотника.

Сталъ накрапывать дождь, когда мы подошли къ Куначкирскому перевалу: намъ предстояло подняться на высоту 600 футовъ. Дорога, удовлетворительная до этого мѣста, здѣсь доставила намъ нѣсколько непріятныхъ минутъ. Представьте себѣ почти отвѣсную гору, на которую въ нѣсколько зигзаговъ взбирается узкая дорожка: разѣхаться никакъ нельзя; но съ этимъ мириться, пожалуй, можно; но что было для насъ неудобно — это невозможность свободно проѣхать на поворотѣ: приходилось всему нашему народу хвататься за заднія колеса, за задки нашихъ тяжелыхъ телѣгъ и, при дружныхъ крикахъ, напягая всѣ силы, заносить эти задки въ сторону; тогда только телѣга могла двигаться къ слѣдующему повороту, гдѣ продѣлывалась та же исторія. Подняв-

¹⁾ Н. Динникъ. Нѣсколько словъ о Кавказскомъ зубрѣ. Журналъ „Естествознаніе и географія“, 1899, № 2.

шись на высоту, мы думали, что избавились отъ докучнаго рева потока, мѣшавшаго говорить; но скоро пришлось разочароваться: впереди снова послышался приближавшійся шумъ Куначкира: онъ, вмѣстѣ съ нами, поднялся на высоту; съ громомъ и шипомъ лизаль онъ бѣлыми языками гладкія черныя скалы глубокой расщелины, прорѣзанной несущейся вѣками водою. Пушистые ковры яркозеленаго мха стлались по его берегамъ и исчезали въ темнотѣ пихтоваго лѣса; иногда лучъ, пробившійся сквозь вѣтви, зажигалъ здѣсь и тамъ изумрудный пламень на этомъ мхѣ, обращалъ въ кучу алмазовъ кипящій водяной бугоръ, скользилъ по отвѣсной стѣнѣ карниза, по которому медленно двигалась наша процессія. Облака низко опустились, или, вѣрнѣе, мы поднялись къ нимъ; видно было, какъ облачко въ одномъ мѣстѣ, гдѣ температура была выше, таяло, въ другомъ, похолоднѣе, мало-по-малу уплотнялось, дѣлалось сѣровато-бѣлымъ и уже въ видѣ тучи плыло, цѣпляясь за зубчатыя вершины пихтъ и елей; здѣсь была колыбель облаковъ и потоковъ. Дождь усилился, но дорога, осѣненная пихтами, была суха. Надвинувъ на глаза капюшоны плащей, блестящихъ отъ дождя, юноши молча шагали, слушая справа неумолчный шумъ воды, а слѣва—таинственную лѣсную тишь. Я послалъ нашего проводника купить гдѣ-нибудь на «кошѣ» барана. Онъ весело улыбнулся, съ видимымъ удовольствіемъ взмахнулъ плетью, и исчезъ за поворотомъ: ему, очевидно, наскучило ѣхать шагомъ вслѣдъ за нами. Сдѣлавъ десятиминутную остановку, мы закусили хлѣбомъ съ сыромъ и двинулись дальше. Дождь пересталъ.

Вышли на большую поляну; здѣсь увидѣли гигантскій монолитъ съ большою природною пещерою, свалившійся, можетъ-быть, во время вздрагиванія Кавказа при изверженіяхъ Эльбруса. Далѣе, въ лѣсу, мы отыскивали слѣды древняго поселенія: курганы, насыпи. Вдругъ въ лѣсу залаяла собака, къ ней присоединился, словно серебряный колокольчикъ, лай

ценка; мы подошли къ карачаевскому «кошу», лѣтовью. Тамъ что-то варили: или айранъ, или сыръ. Мы увидѣли нѣсколько длинныхъ закопченныхъ сараевъ, безъ оконъ, съ земляной крышей, сложенныхъ изъ длинныхъ пихтовыхъ бревенъ. Въ этихъ лачугахъ карачаевецъ проводитъ съ семьей мѣсяца 4—5 въ году. Иногда онъ бываетъ вынужденъ переходить со своимъ скотомъ съ одного мѣста на другое; тогда все имущество тянется на первобытной арбѣ, которая, скрипя, подымается Богъ знаетъ на какія высоты. По приѣздѣ на мѣсто, горецъ вбиваетъ въ землю три палки и накидываетъ бурку съ сѣверной стороны,—это будетъ жилище; затѣмъ вбивается 4 кола и кладется деревянная жердь—„четынъ“; тутъ же раскладывается кошее имущество: кадки для сыра и масла, „чиликъ“—подойникъ, „чолну“—сосуды, куда разливается молоко; „бышляхъ-тапха“—сосудъ для сыра; „кыбытъ“ козьи мѣшки, куда вливается „айранъ“, „капиръ“, „чикиръ“; „хазанъ“—котелокъ; „тегине“—корыто для собакъ, которыхъ очень много въ каждомъ кошѣ.

На изгороди виситъ вяленое мясо, которое подносится вамъ на подносѣ—«амляу»; айранъ льютъ изъ «аяка». Такова обстановка коша.

Приближалось обѣденное время, а мы шли, несмотря на то, что дождь не переставалъ, и дорога размокла; однако, идти было удобно, благодаря твердому грунту; мѣстами мы перепрыгивали черезъ прозрачные, какъ слеза, ручьи, пересѣкавшіе дорогу и падавшіе съ нашего карниза внизъ, чтобы затѣмъ соединиться съ кипящимъ Куначкиромъ.

— Господа! смотрите, какая длинная полоса снѣгу протянулась съ верху до низу горы! крикнулъ Морозовъ. Подходя ближе, мы увидѣли, что это ледниковый ручей, каскадами срывавшійся со скалы на скалу; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вода, вслѣдствіе силы паденія, фонтанами била вверхъ, превращаясь въ пыль; видно было, какъ отъ ручья отдѣля-

ся туманъ. Пора была обѣденная, но мѣста были очень неудобныя, дорога узка. Пришлось остановиться посреди нея. Около стволонъ сосенъ было сухо, и многіе, прикрывшись плащами, заснули подъ ихъ сѣнью. Подъ большимъ кустомъ по ту сторону дороги затрещалъ огонь, и Федотъ, стоя у огромнаго камня, служивнаго ему кухоннымъ столомъ, чистилъ и крошилъ картофель и зелень для щей, мылъ рисъ для плова, въ то время какъ Корнѣй съ карачаевцемъ и осетиномъ потрошили барана; здѣсь же сидѣлъ въ буркѣ и шапкѣ стройный красивый брונетъ лѣтъ 30, хозяиномъ и пастухомъ сотни черныхъ овецъ, бродившихъ по мокрой лужайкѣ; покуривая махорку изъ маленькой трубки, онъ спокойно слѣдилъ за манипуляціями нашихъ поваровъ. У него-то мы и купили барана. Карачаевскія овцы давно уже славятся вкусовыми качествами своего мяса; руно же ихъ въ почетѣ у всѣхъ горцевъ; средняго роста, на короткихъ ножкахъ, длиннотѣлая, настоящія карачаевскія овцы отличаются бѣлымъ, длиннымъ, глянцевитымъ руномъ; у барановъ виситъ изъ-за щекъ, почти до самыхъ колѣнъ, густая шерсть, что придаетъ имъ очень красивый видъ; на хвостахъ они иногда нагуливаютъ до 23 фунтовъ сала. Овцы хорошо переносятъ мѣстную зиму, вполне приспособились къ этимъ каменистымъ склонамъ; однако, въ концѣ зимы, особенно затянувшейся, путешественникъ можетъ видѣть грустную картину, какъ истощавшій скотъ пробиваетъ копытами слежавшійся по склонамъ снѣгъ и добываетъ прошлогоднюю траву; овцы же не въ силахъ дѣлать то же, и гибнуть тогда сотнями.

Ландшафтъ затянуло бѣлесоватой завѣсой тумана и облаковъ; послѣднія саженья въ двадцати ползали надъ головой по синимъ скаламъ. Всѣ притихли. Иногда слышался храпъ. Дождь навелъ на всѣхъ уныніе. Для подкрѣпленія падающихъ всѣмъ было дано послѣ обѣда по стаканчику вина.

Передъ самымъ выступленіемъ случилось маленькое происшествіе: уже давно слышались вдали какіе-то пѣвучіе звуки на разные лады: словно кто-то плакалъ, нылъ и стоналъ; вдругъ изъ-за поворота выѣхала семейка, возвращавшаяся изъ коша: двѣ арбы и нѣсколько ословъ, навьюченныхъ козьими мѣхами съ айраномъ; на арбахъ вздрагивали огромные воловьи бурдюки, наполненные молокомъ. Скрипъ прекратился: опытный глазъ отца семейства издали замѣтилъ, что разѣхаться невозможно, свернуть съ дороги тоже нельзя, — *rather familias* явился на рекогносцировку. Сказавши привѣтствіе по-русски, онъ просилъ черезъ переводчика отодвинуть наши телѣги къ стѣнѣ; получивъ согласіе, онъ съ двумя помощниками ловко осадилъ ихъ, открывъ, такимъ образомъ, проходъ, едва позволявшій провезти арбы. Пискъ и вой снова начался. Рядомъ съ первою арбою, бросая на насъ косые взгляды, шла смуглая дѣвушка съ благообразнымъ лицомъ; изъ-подъ высоко приподнятой грязной пестрой юбки виднѣлись широкія шальвары, на головѣ былъ черный платокъ; далѣе на ослахъ ѣхало четверо малышей; съ страхомъ поглядывали на насъ ихъ черные, какъ у джейрановъ, глазки. Мнѣ вспомнилась, въ силу закона контраста, Швейцарія, ея живописные жители, отели, шоссе, желѣзныя дороги, а передъ глазами былъ дѣвственно-дикій великолѣпный Карачай, какая-то военная трона, дикари-номады, туманы, синія скалы и безконечные пихтовые лѣса!... И то прогрессъ! думалось мнѣ: лѣтъ пять назадъ сюда заѣзжалъ, по великой нуждѣ, какой-нибудь топографъ, верхомъ, а теперь цѣлая „армія“ въ 36 человекъ, съ обозомъ, свободно идетъ. Недолго осталось безмолвствовать этой величественной пустынѣ: пробѣгутъ рельсы, промчится со свистомъ паровозъ: уйдутъ въ дальнія дебри зубры и медвѣди, разбѣгутся серны и туры, пробѣжитъ стремглавъ вслѣдъ за испуганнымъ стадомъ овецъ лѣсной житель — карачаевецъ.

До «конторки,» такъ называлось жилище дорожнаго мастера близъ Клухорскаго перевала, оставалось 12 верстъ. Дождь не переставая моросилъ: дорога сдѣлалась грязной, нога уже перестала разбирать, гдѣ сухо, гдѣ мокро. На четвертой верстѣ мы встрѣтили маленькій переваль черезъ отрогъ. Куначкирь отошелъ куда-то вправо. Облака сѣли такъ низко, что мы съ трудомъ различали бѣлыя полосы потоковъ, свергающихся съ крутыхъ склоновъ. Вдали залаяли собаки: «вѣрно, кошъ», подумалъ каждый. Спустившись, мы увидѣли себя на перекресткѣ трехъ ущелій. Впереди виднѣлись бѣло-голубые снѣга низко спустившагося въ долину ледника (см. заглавную вѣньетку).

— Вонъ, господа, ледникъ, уже близко! Я вижу волнистыя полосы на поверхности! сказалъ С. И., смотря въ бинокль.

Мы должны были оставить шоссированную тропу, такъ какъ она давно уже была размыта каскадомъ, падающимъ съ большой высоты и образующимъ небольшое унылое озерцо съ зеленымъ дномъ «Туманлы-гель» (Туманное озеро): «если на немъ есть туманъ—погода будетъ хорошая», пояснилъ намъ проводникъ. Въ данный моментъ «тумана» не было. Звукъ трубы, быть-можетъ, впервые послѣ византійской «трубы», въ VI—VII вѣкѣ, прокатились по ущельямъ: карачаевскія собаки въ испугѣ отбѣжали на далекое разстояніе и оттуда продолжали яростно лаять. Мы подождали отставшихъ съ обозомъ и стали взбираться на гору. Отсюда начинался непосредственно подъемъ на Главный хребетъ. Лошади устали, и возы медленно подвигались вверхъ по наклонной плоскости: на дорогѣ не было и признаковъ щебня: все дѣло ограничивалось тѣмъ, что рабочій набрасывалъ на колеи свѣжей землицы. Куначкирь, зигзагами разбѣжавшійся по зеленой мокрой долиинѣ, уходилъ все ниже и ниже отъ насъ. Вонъ кошъ: подъ нами, среди долины, мерцали костры; насъ, очевидно,

замѣтили: мальчики съ крикомъ мчатся по зеленому лугу къ подошвѣ горы, по которой мы поднимаемся; все пестрое народонаселеніе коша смотрѣло на небывалыхъ гостей въ мѣстахъ, гдѣ сами карачаевцы - то бываютъ гостями въ теченіе 4 мѣсяцевъ: по словамъ ветеринарнаго врача, слѣдящаго за перегономъ скота изъ Закавказья, въ среднихъ числахъ октября долина эта уже завалена снѣгомъ, и всякое сообщеніе прекращается.

Мокрая земля большими кусками прилипла къ обуви и тяготила ноги, утомленныя большимъ дневнымъ переходомъ. Было 7 часовъ. Вечернія тѣни и туманъ придавали предметамъ неясность, граничащую съ фантастичностью. Видъ близкаго снѣга, свѣжій вѣтерокъ, дувшій изъ бѣлаго ущелья, необычная обстановка путешествія, молодые лица, высокія ели, картинно рисовавшіяся зубчатыми силуэтами на бѣлосоватомъ фонѣ тумана и любовно протягивавшія надъ дорогой, навстрѣчу намъ свои мохнатыя вѣтви—все напоминало зиму, святки: казалось, сейчасъ сверкнетъ изъ-за пелены тумана рождественская первая звѣздочка!... вонъ тамъ въ лѣсу насъ ждетъ кутья и блестящая елка....

Часть путешественниковъ ушла впередъ: «конторка» была въ полуверстѣ, и всѣ спѣшили поскорѣе достигнуть жилища. Лошади тяжело дышали и часто останавливались. Мы уже верстѣ пять подымались. Дождь припустилъ, и гимназисты тотчасъ преобразились въ капуциновъ: у иного торчалъ сзади уродливый горбъ, благодаря ружью, тщательно оберегаемому отъ дождя; иной подбиралъ отяжелѣвшую отъ дождя бурку и шель согнувшись. Брезенты на телѣгахъ набухли, но дождя не пропускали. Наконецъ, изъ-за сосновыхъ стволовъ мелькнуло деревянное строеніе, красная крыша, голубой дымокъ.

— Конторка!... наконецъ!... отовсюду слышались радостные возгласы. Чайку бы поскорѣй! отдохнуть!

Телѣги быстро поднялись по зигзагу до «конторки». Здѣсь мы встрѣтили впервые весьма пелюбезный пріемъ, заставившій насъ невольно вспомнить англійскіе *resthus* въ дебряхъ Индіи и Цейлона. Почти на вершинахъ снѣговыхъ горъ русскіе гимназисты должны были бы почевать подъ дождемъ, въ палаткѣ, между тѣмъ какъ рядомъ съ ними стояла пустая запертая казарма для рабочихъ: ни рекомендательныя предписанія атамана области, ни атамана отдѣла не могли удовлетворить толстаго «конторщика», не хотѣвшаго насъ впускать, пока, наконецъ, рѣзко сказанное слово не заставило его отпереть ворота. Всѣ тридцать два чловѣка сбились въ одной комнатѣ и разлеглись на циновкахъ; одинъ Сопотовъ, босой, сноваль взадъ и впередъ, приспособляясь къ ночлегу. Корнѣй съ Оедотомъ пріютились въ лачужкѣ у гигантскихъ елей и готовили намъ чай, который затѣмъ подавали черезъ окно. Сиротливо стояли на дворѣ наши телѣги, тщательно прикрытыя брезентами. Уже давно наступила ночь, но ни одной звѣздочки не виднѣлось за этимъ надвигающимся на васъ со всѣхъ сторонъ туманомъ; только внизу, по ту сторону ущелья, гдѣ шумѣлъ неизмѣнный Куначкирь, бѣлѣло нѣсколько полосокъ снѣга; чувствовалось, что здѣсь, гдѣ-то вблизи, за этимъ досаднымъ туманомъ, лежатъ снѣговыя ледяныя массы, сообщавшія о своемъ присутствіи тонкими влажными струями холода. Мы заснули подъ трескотню дождя по желѣзной крышѣ.

Передъ разсвѣтомъ я вышелъ изъ казармы. Небо очистилось и сіяло звѣздами. Открылись огромные, остроконечныя, зубчатые массивы спящихъ кавказскихъ великановъ; бѣлыми полянами лежали снѣга, синѣли спустившіеся уже въ долины ледники. Хотѣлось свѣта, солнечныхъ лучей, чтобы согрѣть, освѣтить, разбудить это горное царство, спящее вѣковѣчнымъ сномъ... Въ казармѣ было тепло. Мальчики спали, иногда кто-нибудь бормоталъ во снѣ, иной неистово принимался чесать бока. «Жусаются!» подумалъ я.

IV.

Клухорскій переваль (Кюль-хара, по-карачаевски).

Общій видъ перевала. Подъемъ. Ледники. Озеро на вершинѣ Кавказскаго хребта. „Канонада“. Венеціанская и грузинская карты. Состояніе перевальной „тропы“. Возвращеніе на дачу г. Кондратьева. Дневка. Трудность предстоящаго путешествія въ Большой Карачай. Англійскій путешественникъ.

На утро армія проснулась свѣжей, веселой. «А, солнце!» слышались радостные возгласы. Слышу: Карамаленко передаетъ впечатлѣнія минувшей ночи: «только что я начну засыпать, какъ черная кавалерія начнетъ дѣлать маневры на моей спинѣ: я и проснусь. Часовъ въ 11 только уснулъ». Миллеръ, оживленно жестикулируя, рассказывалъ, какъ кто-то съ лежанки, на которой помѣстилось четверо, уронилъ прямо ему на лицо краюшку хлѣба и какъ онъ, разразившись упреками по адресу спящаго мертвымъ сномъ нарушителя его покоя, машинально сталъ грызть эту самую краюшку. Сопотовъ сжегъ на кострѣ свои сапоги: скоро высушить захотѣлъ; когда его объ этомъ спрашивали, онъ усмѣхался тонкими губами, моталъ головой и, заикаясь, говорилъ: у меня другіе есть!

Черезъ часъ мы должны были начать свой подъемъ на высшую точку перевала. Къ великому сожалѣнію Рохлина, Морозова и Шиллинга, я ихъ не рѣшился взять съ собою: они были моложе всѣхъ, устали за вчерашній день, а сегодняшній головоломный пятнадцативерстный подъемъ и такой-же спускъ могъ ихъ сдѣлать непригодными для завтрашняго обратнаго путешествія.

Запасшись Alpen-stock'ами, не разъ оказавшими намъ серьезные услуги, а на этотъ разъ бывшими крайне необходимыми, захвативъ бутербродовъ, непромокаемые плащи и лошадь, на которую навьючили фотографическіе аппараты, мы тронулись въ путь. Едва мы вышли изъ лѣска, въ которомъ пряталась «конторка», какъ нашимъ взорамъ предстало два хребта, которые образовывали горный уголь, по дну котораго, прыгая съ плиты на плиту, мѣстами обрываясь на нѣсколько саженой, бѣжалъ все тотъ же Юначкиръ. Правый хребетъ, Главный кавказскій, являлъ собою цѣнь самыхъ прихотливыхъ пиковъ, черныхъ, сѣрыхъ, тонувшихъ въ облакахъ, прорывавшихъ ихъ мѣстами, — и тогда казалось, что плыветъ въ воздухѣ остроконечный обломокъ скалы; въ расщелинахъ бѣлѣли снѣга, ниже синѣли ледники. Лѣвый же, тоже скалистый, но болѣе низкій былъ точно изрѣзанъ длинными штрихами съ версту; штрихи эти зигзагами подымались къ вершинѣ и, наконецъ, исчезали за горою: это была тропа на перевалѣ. Намъ предстояло около двѣнадцати верстъ карабкаться на эту гору, по узкому карнизу: пройдемъ съ версту — поворотъ, и двигаемся обратно саженой на 15 выше прежняго, и такъ разъ десять. Всѣ сердились: до «конторки» по прямой линіи версты четыре, а по тропѣ 15. Но все наше негодованіе исчезало безслѣдно всякій разъ, какъ мы останавливались перевести духъ и бросали взглядъ на бездны, разверзавшіяся подъ нашими ногами, на смѣлые, высоко взметавные пики. Поднявшись на высоту 9500 футовъ, мы долго созерцали рѣдкое, никогда невиданное нами зрѣлище: гигантскія пирамиды, обелиски громоздились одинъ на другой, вопъ высочайшая скала, словно титанъ, добиравшійся до Зевса, высоко взметнулъ головою и такъ застылъ навѣки, пораженный перуномъ громовержца. Тонкими полосками лежалъ снѣгъ, внизу его было больше; еще ниже изъ-за колоссальнаго массива выплывало ледниковое море: зеленый ледъ, кое-

гдѣ прикрытый яркимъ снѣгомъ, былъ усѣянъ трещинками; на поверхности ледника было мало моренъ (камней, упавшихъ на ледникъ и образующихъ правильныя гряды по бокамъ и посрединѣ); кое-гдѣ торчали скалы; слѣва изъ ущелья огромныя ледяныя массы грозили обрушиться на нижнія снѣговыя скопленія, образовавшіяся отъ многочисленныхъ обваловъ. Всѣ эти огромныя залежи льду и снѣга ослѣпительно блестѣли на солнцѣ, синѣли и голубѣли въ тѣни. До ледника по прямой линіи было версты четыре; изъ снѣговой пещеры вытекалъ ручей, который стремглавъ несся и впадалъ въ Куначкирь. Иногда по неприступнымъ скаламъ, глубокимъ расщелинамъ скользили тѣни облаковъ, спѣшившихъ послѣ полудня перебраться съ одной вершины на другую. У нашихъ ногъ, въ глубинѣ долины стало что-то бѣлѣть, еще и еще; скоро десятки облаковъ поплыли по долинѣ и заслонили ледникъ отъ нашихъ глазъ и стали подыматься выше, добираясь уже до насъ. Мы спѣшили, мы почти бѣжали отъ тумана. Вотъ уже близко конецъ подъему. «Сюда! сюда! озеро здѣсь!» послышались громкіе крики впереди. Пройдя еще одинъ зигзагъ, пробравшись по снѣгу, завалившему тропу, мы увидѣли амфитеатръ высокихъ скалъ, огромный ледникъ, прикрытый снѣгомъ, вверху еще одинъ ледникъ, а внизу, у нашихъ ногъ, лежало круглое большое озеро; карачаевцы его называютъ Куначкирскимъ, русскіе — Тебердинскимъ, по ошибкѣ принимая Куначкирь за Теберду. Странное впечатлѣніе производилъ этотъ безлюдный, безмолвный пейзажъ, достойный кисти Дорэ, въ качествѣ сюжета для какой-нибудь главы изъ Дантова «Ада»: груды скалъ, кое-гдѣ яркозеленая трава, снѣгъ, ледъ, скалы, таинственно-неподвижное, синезеленое глубокое озеро, множество плавающихъ льдинъ на немъ, длинныя полосы водопадовъ, стекающихъ въ это «мертвое озеро», и эти назойливыя облака, отовсюду лѣзшія на васъ. Мы поспѣшили разогнать жуткое ощущеніе тѣмъ, что открыли по ска-

ламъ «кононаду», не боясь потревожить горнаго духа. Рокоть выстрѣловъ нарушилъ покой нѣсколькихъ десятковъ красноносыхъ альпійскихъ галокъ. Избытокъ воды озера находитъ себѣ выходъ черезъ небольшой каналъ: это и есть начало Кувачкира, а по другимъ, Теберды, между тѣмъ какъ древніе это считали началомъ самой Кубани. Теперь только, глядя на плавающія льдины (температура воды была 3° С.), и понялъ, почему на старинной венеціанской картѣ (1367 года), Франциска Пицигани, Кубань изображена вытекающей изъ озера, усѣяннаго точками: послѣднія должны были означать льдины, а Кувачкиръ съ Тебердою—верховья Кубани; кромѣ того, на картѣ царевича Вахушта Кубань течетъ по теперешней Тебердинской долинѣ. Все это случилось потому, что торговый путь шелъ черезъ Клухорскій переваль, и купцы были больше знакомы съ Тебердой, чѣмъ съ дѣйствительными верховьями Кубани.

Отсалоутовавъ Кавказскому хребту, юноши принялись скатывать внизъ огромные камни, въ изобиліи усѣивавшіе крутые склоны: сдвинувъ съ мѣста камень, всѣ съ жадностью слѣдили за его увеличивающеюся скоростью, за козлиными прыжками, за тѣмъ, какъ онъ, коснувшись поверхности озера, разбрасывалъ широкія струи воды на нѣсколько сажень.

В. М. Сысоевъ хотѣлъ было добраться до математически высшей точки перевала, но принужденъ былъ вернуться, встрѣтивъ стѣну снѣговыхъ залежей, подъ которыя уходила трона.

Какое же значеніе можетъ имѣть эта трона? думалось мнѣ. Торговое? Но теперь 6 іюля, разгаръ лѣта, а снѣгъ не очищенъ, и скотъ въ Закавказье прогоняютъ прямо черезъ ледникъ, какъ объ этомъ мнѣ сообщалъ ветеринарный врачъ на дачѣ г. Ковдратьева: скотъ, при этомъ, часто обрывается и падаетъ въ расщелины; съ октября же мѣсяца перевалы закрываются. Стратегическое? военное? Но и это невозможно при такихъ завалахъ. Инспектирующему дорогу приходится

сначала проѣхать изъ Сухума до Клухорскаго перевала, затѣмъ объѣхать вокругъ Кавказа и уже изъ Баталпашинска подъѣхать къ тому же Клухорскому перевалу. Да иначе и нельзя. Путешественникъ остается въ недоумѣннн передъ названіемъ «перевальная дорога»: переваль-то загроможденъ снѣгами—и дороги нѣтъ. Строить дорогу для того, чтобы путешественникъ могъ доѣхать до высшей точки перевала, и повернуть назадъ?!... Чудесно!

Сдѣлавъ нѣсколько фотографическихъ снимковъ, хорошо отдохнувъ, мы двинулись обратно, и къ 6 часамъ были въ „конторкѣ“. Пообѣдавъ, всё предалися *far niente*. На другой день рано выступили въ походъ. Назадъ было итти очень удобно—„подъ горку“, и мы въ тотъ же день были уже на дачѣ г. Кондратьева; въ пути мы встрѣтили послѣдній дождь, но зато «основательный», съ молніей и громомъ. Здѣсь я рѣшилъ устроить дневку. Болѣе сутокъ было посвящено отдыху, починкѣ платья, стиркѣ бѣлья въ Тебердѣ, сну, прогулкамъ въ Кузовлевскомъ паркѣ, записыванію въ дневникъ событій и впечатлѣній: А. Д. Кондратьевъ любезно отдалъ въ полное наше распоряженіе флигель о трехъ комнатахъ съ мебелировкой, снабжалъ столовою зеленью, такъ что мы быстро забыли невзгоды, испытанныя за послѣднія два дня. Утромъ я отправилъ Корнѣя съ обѣими телѣгами въ ауль Учъкуланъ, находившійся за двумя хребтами, которые мы намѣревались перевалить, чтобы посѣтить Большой Карачай. Съ собою мы оставили самыя необходимыя вещи, которыя должны были помѣститься на 8 вьючныхъ лошадяхъ, заказанныхъ въ Тебердинскомъ аулѣ. Предстоящій переходъ черезъ два перевала меня сильно беспокоилъ: намъ предстояло итти иногда безъ дороги, по тропинкамъ, проложеннымъ карачаевскимъ скотомъ, побывать въ такихъ мѣстахъ, куда, кромѣ карачаевца да, быть-можетъ, топографа, никто не заглядывалъ; одинъ изъ хребтовъ былъ выше 9000 футовъ. Однако, намъ пред-

стоялъ еще болѣе трудный путь изъ Большого Карачая черезъ рядъ хребтовъ Бечесынъ и Бермамытъ перевалить въ Кисловодскъ: поэтому, переходъ въ Большой Карачай могъ быть для этого хорошей подготовкой: съ другой стороны, думалось, что тамъ, гдѣ проѣхалъ карачаевецъ, почему не могъ бы пройти крѣпкій русскій юноша.

Опасно? Но почему же не испытать опасности? Русскіе дѣти и юноши слишкомъ мало подвергаются «опасностямъ», чтобы можно было отъ нихъ требовать находчивости, неустрашимости и настойчивости. Не то у англичанъ. Примѣръ былъ у насъ на лицо. Спустившись однажды въ Сентинскомъ монастырѣ съ горы, гдѣ въ храмѣ я срисовывалъ фрески, я увидѣлъ четырехъ верховыхъ лошадей и двухъ путешественниковъ съ двумя же проводниками, отдохавшихъ недалеко отъ лагеря подъ деревомъ.

— А. Н., англичанинъ пріѣхалъ съ русскимъ судейскимъ чиновникомъ, сейчасъ же сообщили мнѣ.

Обѣдъ уже былъ готовъ, и я пригласилъ „дорожныхъ людей“ къ столу. Одинъ изъ нихъ былъ, дѣйствительно, 19-тилѣтній англичанинъ, плохо говорившій по-русски, сынъ издателя провинціальной газеты, воспитанникъ знаменитой Итонской школы. Онъ только годъ тому назадъ кончилъ курсъ средняго образованія и теперь приготовлялся въ Оксфордъ.

— А затѣмъ хочу пойти по дипломатіи, прибавилъ онъ.

Глядя на эту невысокую фигуру, на молодое простоватое безусое лицо, я не могъ повѣрить, чтобы этотъ юный сынъ Альбіона, никѣмъ не гошимый, рѣшился проѣхать въ Москву, чтобы затѣмъ, прокативъ въ вагонѣ до Кисловодска, вмѣстѣ со случайнымъ московскимъ знакомцемъ нанять тамъ за полтораста рублей проводниковъ, и безъ карты, верхомъ, рискнуть перевалить черезъ ледники Клухорскаго перевала, спуститься въ Сухумъ, на пароходѣ проѣхать въ Севастополь и вернуться обратно въ Москву. Однако, истина была

на лицо. Худенькій англійскій гимназистъ и дебри кавказскихъ горъ! Что общаго?

— Изучаете Кавказъ въ качествѣ арены будущей вашей дипломатической дѣятельности? не удержался я, чтобы не кольнуть будущаго дипломата.

Юноша усмѣхнулся, набивая изъ гуттаперчеваго кисета свою коротенькую трубочку-носогрѣйку.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: я случайно сюда заѣхалъ, хотя очень доволенъ, что повидаль эту дикую страну, этихъ карачаевцевъ.

— А не боитесь вы ѣхать? обратился я къ его не менѣе молодому спутнику, помощнику секретаря московскаго суда.

— У насъ револьверы есть.

— А изъ Москвы же вы куда?

— Домой.

— А онъ?

— Онъ въ Лондонъ.

Такъ просто и такъ умно; отправить юношу-сына въ незнакомую страну, предоставить его собственной инициативѣ, подвергнуть, быть-можетъ, ряду опасностей, и получить назадъ готовымъ гражданиномъ всесвѣтной владычицы.

Угостили мы этихъ симпатичныхъ путешественниковъ на славу и разстались довольные другъ другомъ.

У.

Изъ Малаго въ Большой Карачай (Перевалы Эпчикъ и Эль-Эпчикъ).

Поѣздка къ подножію Эльбруса. Посѣщеніе рудниковъ общества
„Эльбрусь“.

На слѣдующій день, 9 іюля, распрощавшись съ А. Д. Кондратьевымъ, въ сопровожденіи 8 вьючныхъ лошадей и столькихъ же погонщиковъ, мы двинулись къ устью Джемата. Сначала все шло хорошо. Вотъ и старый знакомый Джематъ, вверхъ по ущелью котораго мы должны направить свой путь; вотъ остатки лермонтовскаго аула, гробницы джигитовъ, вотъ слѣды окоповъ нашихъ палатокъ, холодный пепель костра.

— Прощай, Тебердинская долина! никогда, быть-можетъ, тебя не увидимъ! сказалъ кто-то. Всѣ оглянулись. Долина пряталась уже за выступъ горы. Однако, скоро новые ландшафты, одинъ красивѣе другого, заставили забыть ея прелесть.

Всѣ стремились впередъ: верстахъ въ 10 былъ желѣзисто-углекислый источникъ, „нарзанъ“. Солнце жгло, а подъемы и спуски слѣдовали одинъ за другимъ. Шли гуськомъ по тропинкѣ, иногда исчезавшей въ высокой душистой травѣ, иногда прятанной въ тѣни сосенъ, дикихъ вишенъ, березы... Жара дѣлалась съ часу на часъ чувствительнѣе, многіе устали. Наконецъ, мы увидѣли мостикъ черезъ ручей, за нимъ лужайку, на которой уже были наши вьючныя лошади. «Нарзанъ!» радостно ухмыляясь, привѣтствовалъ насъ

помощникъ аульнаго старшины. За деревьями блестѣлъ пещный склонъ Джемаатъ. Гигантскій стволъ, принесенный могучимъ потокомъ, соединялъ оба его берега. Многие подолгу сидѣли на этомъ бревнѣ, глядя на эту словно газированную воду. На другой сторонѣ, подъ купой деревьевъ, изъ-подъ мшистаго камня билъ холодный желѣзисто-кислый источникъ, обильно насыщенный углекислымъ газомъ; вкусомъ онъ близко напоминалъ кислородскій нарзанъ, отличающійся большею примѣсью желѣза, что было хорошо замѣтно по ржаво-красной грязи, окружавшей его. Мы тотчасъ же принялись за «каптированіе» источника, очистили его отъ листьевъ, обложили камнями, прорыли каналъ для стока воды и, вдоволь напившись нарзану, сѣли обѣдать. Солнце было высоко, и намъ предстояло перевалить высокій, болѣе 9000 футовъ, хребетъ Эпчикъ. Покинувъ долину Джемаата, мы сначала безъ дороги принялись карабкаться вверхъ по ущелью притока этой рѣки. Вскорѣ мы очутились выше пояса деревьевъ. Глазамъ нашимъ открылись безлѣсныя горныя вершины, тамъ и сямъ бродили стада; кое-гдѣ были длинные рубленныя сараи, съ земляными крышами, на которыхъ росла трава: то были коши. Кто-то вздумалъ выстрѣлить: гдѣ-то высоко-высоко залаяли собаки, изъ ближайшаго коша выбѣжали женщины и дѣти; когда же Миллеръ затрубилъ—они попрятались.

Мы подымались все выше и выше. Начинало смеркаться. Облако за облакомъ зарождалось въ долинѣ и ползло вверхъ за нами. Мы торопились, но подъемъ надорвалъ наши силы, и мы принуждены были присѣсть на пригоркѣ недалеко отъ пестраго стада коровъ; всѣ съ ожесточеніемъ принялись ѣсть сыръ и галеты. Вдругъ на насъ налетѣло большое облако, и мы очутились въ густомъ туманѣ. Четырехъ человекъ не было: они отстали. Вотъ тутъ-то труба Миллера со-служила намъ вѣрную службу. Каждая полминуты рѣзкіе

звуки прорѣзывали сплошную пелену тумана. Наконецъ, внизу слышались голоса, и отставшіе присоединились къ намъ. Началось опять движеніе вверхъ. Вотъ уже приближаются полосы снѣга, вотъ мы уже выше нихъ, а конечной точки перевала все нѣтъ.

— Вонъ тамъ! показалъ старшина на сѣдловину въ облакахъ: тамъ переваль. Ежеминутно насъ догоняло огромное облако, иногда даже перегоняло, и мы шли въ густомъ туманѣ; но едва оно подходило саженой на 40 къ вершинѣ перевала, какъ имъ словно овладѣвалъ страхъ: оно быстро отступало назадъ, затѣмъ снова начиналось то же наступленіе: очевидно, здѣсь боролись два воздушныя теченія. Достигнувъ вершины перевала, всѣ радостно вздохнули. Стемнѣло. Гдѣ-то далеко внизу мерцалъ одинокій огонекъ: то былъ лежавшій въ 6 верстахъ аулъ Доуть. Въ темнотѣ идти было трудно и опасно, и мы, спустившись нѣсколько шаговъ внизъ, рѣшились переночевать на перевалѣ. О чаѣ нечего было и думать: вокругъ не было ни вѣточки. Разостлавъ брезенты, всѣ вповалку легли и быстро заснули. Ночь была очень холодная: въ 6 часовъ утра было 6, 3° С. Я проснулся въ три съ половиной часа. Выглянувши изъ-подъ бурки, я вскочилъ отъ удивленія на ноги. Небо, земля, путешественники еще спали, но на розово-желтоватомъ фонѣ востока синими силуэтами тихо стояли кавказскіе великаны, словно приготовившіеся слушать царя европейскихъ горъ, гигантскою тѣнью подымавшагося высоко къ небу.

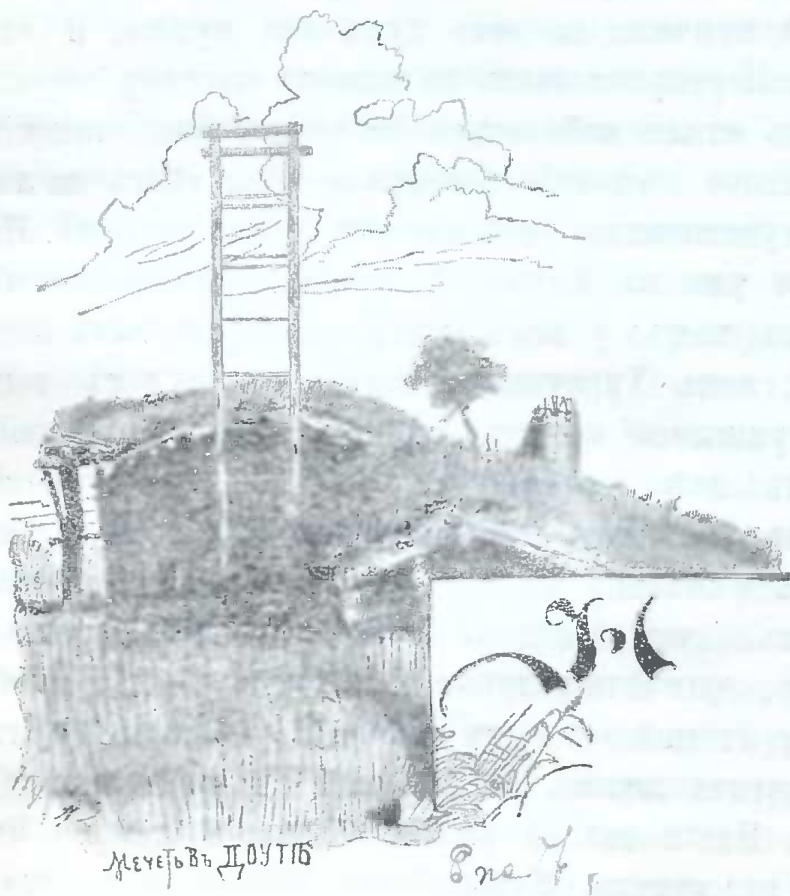
— Вставайте! Эльбрусъ виденъ! закричалъ я. Родіоновъ! аппаратъ скорѣе!

Заспанные лица приподнимались, въ недоумѣніи оглядывались, и затѣмъ ихъ глаза не отрывались отъ рѣдкаго зрѣлища. Нигдѣ я не ощущалъ такой необъятности пространства, такой мощи природы, какъ здѣсь. Не съ Бермамыта, не у подножья горы, мы уразумѣли во всей полнотѣ вели-

чіе этой двуглавой громады скалъ, льда и снѣга, но съ высоты девяти тысячъ футовъ Элчикскаго перевала.

Быстро собрались мы и къ 8 часамъ были уже въ небольшомъ аулѣ Доутѣ, расположенномъ на рѣчкѣ того же имени. Здѣсь мы вдоволь напились айрану, чаю, пообедали, посѣтили домъ богатаго карачаевца, послушали, какъ съ минарета на перебой кричали на весь аулъ два муллы, и отправились дальше. Переправившись по живому мостику черезъ Доутѣ, мы тотчасъ стали взбираться на крутой Эльэчикскій перевалъ. Болѣзненное состояніе заставило меня сѣсть на лошадь, и я не почувствовалъ всей тягости этого подъема. На перевалѣ мы были уже въ 6 часовъ вечера. Великолѣпный видъ насъ ожидалъ тамъ: у насъ, какъ на картѣ, былъ весь Большой Карачай: вонъ Хурзукская долина съ ауломъ того же имени, растянувшимся на три версты; вонъ Учъкуланская долина; вонъ двѣ серебристыя ленточки соединяются около аула Учъкулана и даютъ небольшую рѣчку, носящую уже имя Кубани; вонъ уходящія въ синее небо серебряныя вершины Эльбруса со свитою облаковъ, золотыхъ, фіолетовыхъ, оранжево-розовыхъ, дымчато-голубыхъ. Спускъ былъ длиннѣе подъема. Уже стемнѣло, когда прибыли въ большой аулъ Учъкуланъ. Мы расположились въ большой съ колоннами залѣ горскаго суда. Наши телѣги уже прибыли, и мы ни въ чемъ не терпѣли недостатка. Здѣсь была назначена дневка, посвященная отдыху, ѣдѣ и купанью. Такъ какъ Учъкуланъ рѣчка довольно быстрая, то желающихъ купаться я привязывалъ къ крѣпкой веревкѣ и, держа ее за конецъ, разрешалъ итти въ воду. Толпа карачаевцевъ, всюду слѣдовавшая за нами, съ удивленіемъ смотрѣла на это зрѣлище. Вечеромъ былъ данъ въ залѣ суда концертъ на двухъ скрипкахъ, ріссолю, барабанѣ, корнетѣ, тростниковой дудкѣ и... двухъ гребешкахъ. Концертъ для карачаевскаго уха оказался превосходнымъ, что ясно было видно по сіяющимъ лицамъ

и довольнымъ улыбкамъ многочисленныхъ слушателей, которыхъ вскорѣ безъ излишнихъ церемоній выпроводили, ибо передъ сномъ требовалось очистить залу отъ всевозможныхъ запаховъ, принесенныхъ горцами, у которыхъ чистоплотность не въ числѣ добродѣтелей.

а слѣдующее утро было приведено около 60 лошадей. Мои спутники достаточно походили пѣшкомъ:

хотѣлось теперь доставить имъ возможность прокатиться верхомъ. Восторгамъ не было границъ, когда привели лошадей, весьма смирныхъ и маленькихъ; каждый старался отыскать себѣ побольше да посылнѣе. Полчаса продолжалась пригонка подругъ, стѣмень. Только двое не выдержали экзамена въ верховой ѣздѣ; имѣя въ виду сегодняшній 65-верстный перегонъ къ Эльбрусу и обратно, я ихъ отослалъ къ обозу, который во время нашего отсутствія долженъ былъ переѣхать въ столицу Большого Карачая, аулъ Картджуртъ. Быстро про-

ѣхали мы старинный ауль Хурзукъ, имѣющій за собою, по крайней мѣрѣ, четыре столѣтія, взяли влѣво мимо древней башни Маміа, построенной на головоломной высотѣ, Садырла, проѣхали мимо знаменитаго Боташева камня, близъ котораго Боташъ, нѣкогда открывшій эту мѣстность, посадилъ сѣмена ячменя, и втянулись въ ущелье рѣчки Уллу-Хурзукъ.

Проѣхавъ верстѣ 20 по узкой тропинкѣ, тянувшейся вдоль рѣчки, вытекающей непосредственно изъ-подъ ледниковъ Эльбруса, мы остановились около коша, въ двухъ верстахъ отъ подошвы «сѣдовласаго Шата». Здѣсь мы купили 4 барановъ, ибо нужно было угостить сопровождавшихъ насъ многочисленныхъ карачаевцевъ; заказавши обѣдъ à la Сага-тсшај и поручивши надзоръ за его приготовленіемъ помощнику старшины, мы предприняли поѣздку къ самому подъему къ ледникамъ. ѣхали мы до тѣхъ поръ, пока не наткнулись на глубокое, промытое водою ложе, за которымъ начинался одинъ изъ склоновъ Менги-тау (карачаевское названіе Эльбруса). Сопровождавшій насъ учькуланскій учитель попытался подняться выше, но вскорѣ принужденъ былъ вернуться. Долго сидѣли мы у одного изъ многочисленныхъ ключей нарзана, разсѣянныхъ по эльбрусскимъ ущельямъ, пили вкусную воду и слѣдили за пузырьками газа, подымавшимся со дна.

На Эльбрусъ же какъ-то мало обращалось вниманія: величественная, издали, гора обращалась въ неуклюжую кучу снѣга, льда и скалъ, вблизи. Вдали показался всадникъ. „Обѣдъ готовъ!“ закричалъ онъ, подѣхавъ ближе. Немедленно весь „кавалерійскій отрядъ“ былъ на лошадяхъ и крупной рысью направился къ становищу. Здѣсь насъ на полномъ ходу сфотографировалъ С. И. Видно было, что пиршество предполагалось на славу: дымъ подымался въ трехъ мѣстахъ. Изъ-подъ ногъ лошадей суетливо убѣгали въ норы неуклюжіе суслики, которыхъ здѣсь было неисчислимое ко-

личество; но стоило только всаднику проѣхать мимо, какъ хитрое животное выскакивало изъ норки, становилось на заднія лапки и свистало вслѣдъ. Тотчасъ послѣ нашего приѣзда къ кошу, намъ подали большое корыто сомнительной чистоты, наполненное кусками мяса, разложенными въ извѣстномъ порядкѣ: голова, курдюкъ, ребра, ноги. Самою почетною частью былъ курдюкъ; старшина предложилъ его мнѣ, но я уклонился отъ этой „чести,“ и тотчасъ же сталъ очевидцемъ, какъ огромные куски жира исчезали одинъ за другимъ во рту старшины; затѣмъ намъ подали маленькія деревянныя чашки, наполненныя айраномъ съ толченымъ лукомъ; мясо макали въ этотъ соусъ и отирали въ ротъ. Если прибавить къ нашему аппетиту своеобразный пейзажъ съ Эльбрусомъ посрединѣ, 25-верстный перегонъ и желаніе попробовать карачаевскій обѣдъ, то наше кушанье показалось многимъ очень вкуснымъ. Въ 8 часовъ вечера мы были въ Хурзукѣ, гдѣ сдѣлали визитъ сопровождавшему насъ услужливому старшинѣ Байрамукову. Въ 9 часовъ, оставивъ влѣво огни Учъкулана, мы въѣзжали въ Картджуртъ. Насъ ждали. Окна школы были ярко освѣщены. На дворѣ пылалъ костеръ, на которомъ Корнѣй съ Федотомъ готовили намъ ужинъ. Школьный учитель суетился и хлопоталъ, желая доставить путешественникамъ всяческія удобства.

На слѣдующій день, послѣ ранняго обѣда, мы отправились осматривать Худесскіе серебро-свинцовыя рудники, принадлежавшіе акціонерному обществу „Эльбрусъ“, къ несчастію, за недостаткомъ средствъ года два какъ прекратившему свою дѣятельность. Урочище, гдѣ находятся серебро-свинцовыя «выработки», называется Тохтаулъ-Чолганъ и лежитъ въ 8 верстахъ отъ Картджурта, внизъ по Кубани. Грустныя чувства и мысли возбуждаютъ эти шахты и штольни, построенныя по всѣмъ правиламъ инженернаго искусства, полотно не оконченной надземной желѣзной дороги, электро-

литическій заводъ, гдѣ цинкъ долженъ былъ осаждаться на пластинкахъ, черезъ которыя пропускался токъ. Былъ здѣсь и телефонъ, проведенный за десять верстъ до индышскаго рудообогатительнаго завода, гдѣ руда, добытая на Тохтаулъ-Чолганѣ, перерабатывалась и упаковывалась; этотъ заводъ могъ перерабатывать до 4000 пудовъ въ сутки; на рудникѣ и заводѣ населеніе доходило до 2000 человѣкъ; для шахтеровъ, кузнецовъ и слесарей былъ введенъ 8-мичасовой рабочей день; для выплавки металловъ производились серіозныя подготовленія по добычѣ каменнаго угля, огнеупорной и простой глины и выдѣлкѣ кирпичей, по заготовкѣ строительнаго камня, извести, лѣса; на рудникахъ была лучшая на Сѣверномъ Кавказѣ лабораторія, прекрасный минералогическій кабинетъ, множество капитальныхъ построекъ; общество начало прокладывать прекрасную дорогу на Кисловодскъ; выработало уже изъ двѣнадцати обрабатываемыхъ жилъ болѣе 500 куб. сажень сырой руды,—и дѣло лопнуло, акціи пали: акціонеры, затративъ на оборудованіе дѣла около 400,000, вмѣсто 1,040,000 р., хотѣли получать барыши 100 на 100. Между тѣмъ, по заявленію и начальника Кавказскаго горнаго управленія и профессора Мушкетова, карачаевское свинцовое мѣсторожденіе принадлежитъ къ самымъ богатымъ въ мірѣ: до сего времени самымъ богатымъ считалось Брукенъ-гильское (въ Австраліи), содержащее 260 пудовъ чистаго свинца въ 1 кубической сажени жильной массы,—въ нашемъ же рудникѣ на 1 куб. сажень приходится 281 пудъ чистаго свинца; серебра же 0,16‰. Пока найдено 58 жилъ. У меня есть кусокъ свинца изъ худесскихъ штоленъ, подаренный мнѣ еще въ 1896 г. С. Н. Степановымъ, извѣстнымъ электрикомъ, директоромъ Худесскихъ рудниковъ: толщина жилы, по этому куску, равна 1 вершку, 1 линіи, въ минералогическомъ же кабинетѣ рудника намъ приходилось видѣть монолиты въ 6—7 вершковъ толщины. Подойдя къ рудникамъ,

мы долго стучали въ ворота, чтобы намъ отперли. Наконецъ, пришла какая-то баба и впустила насъ. Вездѣ слѣды запустѣнія, сорная трава. Залаяла одинокая собака, изъ одного изъ безчисленныхъ флигелей вышелъ старикъ-сторожъ.

Отъ него мы узнали, что сторожей здѣсь только 4; жалованья они не получаютъ, а присылаютъ имъ по 2 пуда ржаной муки ежемѣсячно.

— Сколько же тебѣ общество должно? спросилъ я у другого старика, пока его товарищъ старческою рысцой побѣжалъ ставить самоваръ.

— «Да 400 рублей должно», конфузливо отвѣчалъ полуодичавшій въ этихъ дѣбряхъ старикъ и усмѣхнулся потомъ: «ждемъ все—не уходимъ, чайкомъ да хлѣбцемъ пробаваемся; форельки наловимъ, накоптимъ—тѣмъ и живемъ».

Пока мы угощались чаемъ, копченой форелью и только-что сорванной, будто припудренной малиной, одинъ изъ сторожей открылъ ставни минералогическаго кабинета, гдѣ всеобщее вниманіе привлекли огромные куски серебро-свинцовыхъ самородковъ, образцы цинковой руды, рѣдкій кристаллическій свинецъ, мѣдный колчеданъ, мѣдная сишь и зелень, охра, известковый шпатель, сѣрный колчеданъ; тутъ же были вѣсы для опредѣленія удѣльнаго вѣса руды, печка для плавки, разныя колбы и реторты, на стѣнѣ висѣла карта Худесскихъ рудныхъ мѣсторожденій. Затѣмъ, сторожъ, бывший раньше надсмотрщикомъ въ штольняхъ, зажегъ особую масляную лампочку и повелъ насъ осматривать «выработки»; штольня (горизонтальная галлерей) была высока, такъ что итти можно было почти не сгибаясь; надъ головою у васъ блестѣла широкою, въ вершокъ, полосою серебро-свинцовая жила; въ штольнѣ было тихо, сухо и холодно; путешественники дошли до шахты, вертикальной галлерей, и вернулись назадъ. На рудничной улицѣ въ большихъ деревянныхъ ящикахъ была насыпана мелкая «порода» съ свинцовыми и мѣдными вкращеніями; каждый

взялъ оттуда себѣ что-нибудь на память. Давши „на чай“ (водки негдѣ тутъ кушитъ) бѣднякамъ-старикамъ, мы покинули печальный рудникъ. Въ 7 часовъ мы были уже дома.

VI.

Въ аулѣ Картджюртѣ.

Народныя забавы. Сакли. Арабская школа. Характеръ народа: его бытъ, преданія. Былина объ партѣ Сосрукъ и эмегецъ Пятиголовомъ.

Весь слѣдующій день мы посвятили разпросамъ о житьѣ-бытьѣ карачаевцевъ, смотрѣли устроенные для насъ распорядительнымъ Боташевымъ пляски, хороводы, скачку, «умыканіе» невѣсть. Въ танцахъ приняли участіе мѣстные аристократки, княжны Крымшамхаловы, въ шелковыхъ, вышитыхъ серебряными узорами костюмахъ, отличающихся необычайной величины и формы рукавами; движенія не отличались разнообразіемъ; все дѣло заключалось въ «променажѣ» и въ «артикулахъ» ступни. Музыку составляли три пары палокъ, которыми въ тактъ ударяли другъ о друга, и полога желѣзнаго, похожаго на ружейный стволъ цилиндра, въ который особеннымъ образомъ дулъ пожилой карачаевецъ. Всеобщее вниманіе привлекла скачка, заключавшаяся въ слѣдующемъ: посреди живой улицы, образовавшейся изъ раздвинувшейся толпы, рыли небольшую ямку, куда клали данный мною полтинникъ, завернутый въ бумагу, и засыпали землей. Нѣсколько молодыхъ карачаевцевъ на полномъ скаку опрокидывались съ лошади, держась ногами за стремяна и одной рукой за гриву, между тѣмъ какъ другой старались схватить деньги. Особенною ловкостью отличился одинъ широкоплечій джигитъ русскаго типа, выхватившій изъ ямки три полтинника. Танцорамъ было поднесено угощеніе въ видѣ нѣсколькихъ фун-

товъ простыхъ ярмарочныхъ конфетъ. Вечеромъ Боташевъ пригласилъ меня съ товарищами на «курманлыкъ», гдѣ фигурировалъ неизмѣнный «карачаевскій барашекъ» во всѣхъ видахъ и нѣчто въ родѣ молочнаго супа. Особенное вниманіе мы обратили на картджуртскія сакли: всѣ онѣ построены

срубамъ изъ бревенъ до 12 вершковъ въ діаметръ; крыши двускатныя, съ легкимъ наклономъ, покрыты толстымъ слоемъ земли, дающимъ обильную растительность: если смотрѣть на Картджуртъ съ сосѣдней вершины, аулъ представится въ видѣ зеленаго луга, пересѣченнаго черными и сѣрыми полосами—дворами и переулками; улицъ нѣтъ, ибо дома строились не по опредѣленному плану, но сообразно съ условіями рельефа мѣстности. Внутренность дома дѣлится на мужскую и женскую половины. Чтобы проникнуть въ первую, путешественникъ долженъ согнуться насколько возможно, и толь-

ко тогда онъ перешагнетъ полъаршинный порогъ узкой овальной двери и увидитъ себя въ кунацкой. Закопченный потолокъ подпертъ столбами; прохладно и темно: свѣтъ проникаетъ черезъ широкій раструбъ очага, спускающійся довольно низко; оттуда торчитъ крюкъ на желъзной цѣпи, на которомъ виситъ черный котелъ; вверху, у потолка, пробиты узкія щели, заслоняемыя зимою дощечками; широкія нары, идущія вдоль стѣнъ, покрыты коврами. Я вошелъ въ одинъ изъ такихъ домовъ близъ мечети: это оказалась арабская школа. Въ маленькой комнатѣ, увѣшанной коврами, среди которыхъ висѣла также бѣлая воловья кожа, на которой учитель, быстроглазый брюнетъ, творитъ свой намазъ, толпилося десятка два дѣтей и подростковъ. Я взялъ у одного изъ нихъ книжку; это былъ рукописный арабскій букварь съ маленькими фразами для упражненій (аитъек). «Послѣ этой книги мы читаемъ кур'анъ», объяснялъ учитель: „потомъ идетъ теджютъ—церковные стихи; далѣе, катехизисъ, и наконецъ, терсиф—толкованіе на кур'анъ“. Дѣти занимаются отъ 8 до 12 часовъ утра.

— А хорошо они учатся? не шалятъ? спросилъ я.

Учитель, вмѣсто отвѣта, съ улыбкою показалъ на короткую толстую палочку, бывшую въ его рукахъ, уже залакировавшуюся отъ употребленія. Я просилъ его продолжать урокъ. Ученики упражнялись въ хоровомъ чтеніи церковныхъ стиховъ. Миѣ хотѣлось удостовѣриться, сознательно ли они читаютъ: я просилъ перевести одно-другое слово,—въ большинствѣ случаевъ ученики не умѣли этого сдѣлать: арабскіе стихи заучивались, очевидно, наизусть механически.

Карачаевцы большіе любители ничегонедѣланія: по цѣлымъ часамъ они простанваютъ на перекресткахъ, дѣлясь новостями; останавливаютъ прохожихъ, втягиваютъ ихъ въ разговоръ; если же карачаевецъ встрѣтитъ гдѣ-нибудь на дорогѣ чиновника, въ сопровожденіи всадника, онъ немед-

ленно присоединяется и не отстанет до тѣхъ поръ, пока не узнаетъ кто, куда, зачѣмъ ѣдетъ, хотя бы ему пришлось вернуться на мѣсто отправленія; все узнанное передается каждому встрѣчному земляку: неудивительно, поэтому, что каждая малѣйшая новость облетаетъ весь Карачай. Въ этомъ отношеніи они похожи на цезаревскихъ галловъ.

По адату, карачаевцы не могутъ заниматься торговлею; это обстоятельство также увеличиваетъ ихъ досугъ. Всѣ лавки принадлежатъ горскимъ евреямъ изъ Джегутинскаго поселка. Торговля производится мѣновымъ способомъ: на яйца, масло, сыръ, шерсть, овецъ; лошадь рѣдко идетъ въ обмѣнъ на товаръ: стыдно. Мужчины рѣдко заходятъ въ лавки: это дѣло женщинъ. Послѣднія работаютъ гораздо больше сильнаго пола: прядутъ шерсть, валяютъ бурки, шьютъ черкески, папахи, вышиваютъ, но ковровъ дѣлать не умѣютъ: ихъ привозятъ изъ Имеретіи. Положеніе женщины вообще довольно свободное, самостоятельное, что обуславливается, конечно, характеромъ народа, его исторіей, мирнымъ его трудомъ. Карачаевцы не отличаются ни смѣлостью ни бойкостью: „Мы до того робки, что не въ силахъ даже согнать осетина, если онъ поселится на нашей землѣ“, говорилъ мнѣ одинъ карачаевскій дворянинъ: „напримѣръ, около Хумаринскаго укр. еще ген. Петрусевичемъ отведено намъ 50 десятинъ, но ими завладѣли осетины; живущіе въ Георгіевскомъ поселкѣ, и мы никакъ не могли выжить ихъ оттуда: боимся. Мы боимся мстить даже за убійство нашихъ, а ихъ много — много убито тайно“... Любопытно, въ свою очередь, отношеніе къ нимъ осетинъ. „Глупѣе и вороватѣе карачаевцевъ нѣтъ народа на Кавказѣ“, говорили мнѣ георгіевскіе осетины: „кабардинцы хорошій народъ, храбрый, а карачаевцы трусливые воры“. Вообще, карачаевцы не въ почетъ у горскихъ племенъ. Мягкость ихъ характера, воспоминаніе о многочисленныхъ лишеніяхъ, перенесенныхъ во время продолжительныхъ странствованій, созна-

ніе своей малочисленности, изолированное положеніе среди чуждыхъ по языку горцевъ,—все это способствовало тому, что Карачай оказалъ самое слабое сопротивленіе русскимъ. А въ 1853 году, когда знаменитый Магометъ Эминъ съ 10-тысячнымъ войскомъ, состоявшимъ изъ абадзеховъ, темиргоевцевъ, бесленеевцевъ и другихъ мелкихъ адигейскихъ племенъ, задумалъ вторгнуться въ Карачай, чтобы, взволновавши его, броситься на какой-либо изъ русскихъ отрядовъ,—карачаевцы не только отказались принять участіе въ планахъ Эмина, но и рѣшились оказать ему сопротивленіе, пославъ просить помощи у русскихъ.

Экономическое благосостояніе Карачая клонится къ упадку, и одна изъ главныхъ причинъ—малоземелье. Въ Карачаѣ нѣтъ ни пяди общественной земли—все родовая. Нѣкоторые роды до такой степени разрослись, что стало недоставать земли даже подъ постройку дома: такихъ семей въ Картджуртѣ около 40, а въ Учъкуланѣ около 50: у нихъ нѣтъ жилищъ, потому что не на чемъ ихъ строить.

Карачаевцы, народъ тюркскаго происхожденія, все родное, даже типъ, потеряли, но сохранили языкъ; онъ близко подходитъ къ нарѣчію ногайскому, казанскому. Даже по отношенію къ своей поэзіи они не всегда самостоятельны; многія изъ ихъ былинь схожи съ былинами горскихъ татаръ, на эпосъ которыхъ отразилось вліяніе осетинскихъ сказаній. Впечатлѣніе, получаемое при чтеніи карачаевскихъ сказаній, однородно съ тѣмъ, какое производитъ на насъ чтеніе многочисленныхъ переходящихъ рассказовъ, издревле тянувшихся изъ Азіи черезъ Кавказъ въ Европу: тотъ же дуализмъ, та же борьба добраго и злаго начала, свѣта съ тьмою, наземныхъ богатырей съ подземными, «шартовъ» съ «эмегенами». Въ качествѣ образца карачаевского эпоса могутъ служить сказанія, записанныя мною еще въ 1896 г. въ Картджуртѣ и напечатанныя въ XXV вып. «Сборника».

VII.

Отъ Картджурта до Кисловодска.

Плоскогоріе Бичесинъ. Озеро Хорла-кѣль. Ночевка подь Бермамытомъ. Ночное приключеніе. Прибытіе въ Кисловодскъ и осмотръ „группы“. Возвращеніе домой.

Нѣкоторыя затрудненія представила намъ необходимость найти около 60 лошадей для насъ, для вещей и для погонщиковъ. Благодаря содѣйствию Боташева, мы ихъ имѣли къ сроку. Распростившись съ В. М. Сысоевымъ, оставшимся въ Картджуртѣ для производства раскопокъ, мы покинули Картджуртъ и сейчасъ же вступили въ ущелье, держа путь на сѣверо-востокъ. Колесной дороги не было: была тропинка, по которой можно было пройти или проѣхать верхомъ, мѣстами приходилось слѣзать съ лошадей и пѣшкомъ взбираться на крутизну. Мои спутники прошли уже хорошую школу для того, чтобы затрудняться при спускахъ или подъемахъ, а ихъ было не мало. Въ часъ мы переправились въ бродъ черезъ пѣнистый Худесь и поднялись по крутой тропинкѣ на вершину хребта. Передъ нами открылось море горъ: ряды хребтовъ, ущелій, плоскогорія, сливавшіяся въ золотистой дали съ горизонтомъ, сейчасъ же показали намъ, что передъ нами знаменитое плоскогоріе Бичесинъ, пріютъ многочисленныхъ кошей. Къ двумъ часамъ мы прибыли къ живописному горному озеру Хорла-кѣль, расположенному въ сосновомъ лѣсу. Карачаевское преданіе говоритъ, что на днѣ этого озера въ серебряномъ дворцѣ живетъ горный духъ, что онъ иногда вы-

гоняетъ на окрестные зеленые луга своихъ ~~серебряныхъ~~ овецъ; кто хоть одну поймаешь, будетъ навѣкъ счастливъ. Полчаса мы провели на берегу озера, напильсь сытнаго и вкуснаго айрану, привезеннаго съ сосѣдняго коша, и двинулись далѣе, продолжая подыматься все выше и выше. Дорога была хорошая, все по вершинамъ хребтовъ. Скоро облака стали окутывать насъ со всѣхъ сторонъ, и мы принуждены были ѣхать гуськомъ, пославъ впередъ проводниковъ. Глухо раздавался среди горной пустыни тонотъ 60 лошадей. Иногда слѣва, словно привидѣнiе, простирающее свои руки, медленно проплывалъ мимо насъ силуэтъ развѣсистой сосны и тотчасъ же исчезалъ въ молочнаго цвѣта туманѣ. Было 6 часовъ, когда я рѣшилъ, въ виду густоты тумана, остановиться на почлегъ; къ тому же до Бермамытской скалы оставалось верстъ 18, а внизу, по словамъ проводниковъ, былъ кошъ. Едва мы спустились нѣсколько и вышли изъ сферы облаковъ, ведя лошадей за поводья, какъ нашимъ глазамъ открылся неказистый горный закоулокъ; кое-гдѣ по склонамъ ютились коши, чернѣли стада овецъ. Мы стали на почевку на открытомъ мѣстѣ.

Тотчасъ же всѣ лошади были развьючены, и вещи снесены въ одно мѣсто; мы расположились вокругъ нихъ на буркахъ и брезентахъ. Было куплено два барана, ведро айрану, нѣсколько охапокъ дровъ. Кориѣй принялся за стряпню; то же отдѣльно продѣлывали наши карачаевцы, которымъ былъ подаренъ одинъ баранъ. Благодаря туману, стемнѣло очень быстро. Карачаевцы, усѣвшись вокругъ котла, въ которомъ варился цѣлый баранъ, запѣли; вѣрнѣе, пѣлъ одинъ, остальные подхватывали напѣвъ и тянули его въ унисонъ; что-то печальное, унылое, гармонирующее съ нашимъ угрюмымъ уголкомъ, слышалось въ этихъ тягучихъ звукахъ. Печальна и однообразна восточная пѣсня; это пѣсня рабовъ, а не людей свободныхъ... Карачаевцы насъ скоро усыпили своимъ пѣ-

ніемъ. Часовые заняли свои мѣста: здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, нужна была охрана. Часа въ 2 ночи слышу за оврагомъ чьи-то визгливые воли... Наши карачаевцы тоже проснулись — слушаютъ. „Волкъ барана тащитъ! стрѣляй скорѣй!“ загалдѣли они по-своему. Часовой выстрѣлилъ вверхъ, и все затихло. Несмотря на изобиліе собакъ, волковъ тоже немалое количество въ окрестныхъ лѣсахъ, и бѣднымъ овечкамъ часто приходится понадать имъ на зубокъ.

Проснулись мы въ 4 часа, а въ 5 были уже въ дорогѣ и къ 12 сдѣлали привалъ на знаменитой Бермамытской скалѣ, куда часто ѣздить коляски и кавалькады изъ Кисловодска, до котораго отсюда считается 40 верстъ. Отдохнувъ на Бермамытѣ (а не на Бермамутѣ, какъ его называютъ въ Кисловодскѣ), пострѣлявъ здѣсь орловъ, гнѣздившихся по скаламъ: патроновъ жалѣть уже не было нужды, — мы въ 7 часовъ вечера были у въѣзда въ Кисловодскъ, усталые, грязные. Выстроившись по 4 въ рядъ, мы чинно въѣхали въ мѣстечко. Остановились мы, благодаря любезному разрѣшенію директора народныхъ училищъ Терской области, полученному нами еще въ Екатеринодарѣ, въ двухклассномъ училищѣ, близъ церкви, и тотчасъ принялись за мытье и чистку. Часа черезъ полтора, одѣтые въ чистое бѣлье и запасную пару платья, прибереженную для этого „торжественнаго случая“, мы отправились въ знаменитый липовый паркъ. Электрическій свѣтъ, фонтаны, музыка, цвѣтники, пестрая, порядная толпа чарующимъ образомъ дѣйствовали на моихъ спутниковъ, только-что покинувшихъ жизнь полудивилизованнаго человѣка, какую мы вели въ теченіе мѣсяца... Веселымъ, свѣтлымъ огнемъ горѣли глаза у всѣхъ моихъ спутниковъ: чувствовалось, какое сильное доказательство своего могущества дала имъ цивилизація, образованность. Многіе это сейчасъ же и выразили вслухъ. Напившись нарзану, мы направились къ казенной гостиницѣ въ паркъ и заказали

ужинъ, „настоящій“, приготовленный руками настоящаго повара въ бѣломъ фартукѣ и колпакѣ, поданный вѣжливыми лакеями, ужинъ на бѣлоснѣжной скатерти, блестящей хрустальемъ и серебромъ и, о роскошь!—на тарелкахъ.

На слѣдующій день, оставивъ въ Кисловодскѣ, подъ присмотромъ Корнѣя, всѣ вещи, мы побывали въ Пятигорскѣ, осмотрѣли его достопримѣчательности: галереи, гротъ Лермонтова, провалъ, бульвары, статую Лермонтова, смотрящаго на Эльбрусъ, туда, откуда мы вчера прибыли. Для многихъ, думается, стала понятна теперь любовь къ Кавказу Пушкина, Лермонтова, Л. Толстого.

„Какъ сладкую пѣсню отчизны моей,

Люблю я Кавказъ!“ кто-то тихо сказалъ, глядя на бронзовое лицо поэта, обращенное къ кавказскимъ великанамъ. Поздно вечеромъ вернулись мы обратно, успѣвъ захватить еще въ Желѣзноводскѣ и объѣхать его аллеи.

Утромъ, сидя въ удобномъ вагонѣ, мы быстро выкатились на великую россійскую равнину. И замелькали мимо хутора, станицы, ряды стоговъ по степи, станціи, тополи, казаки и казачки, безконечныя вереницы вагоновъ...

Утромъ мы были въ Екатеринодарѣ.

13-го апрѣля 1899 года.

Г. Екатеринодаръ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

1) Метеорологическіе наблюденія и журналъ экскурсіи, составл. преподавателемъ физики С. И. Борчевскимъ и учениками Екатеринодарской гимназіи.

2) Описаніе минералогической коллекціи, собранной въ бассейнѣ верхняго теченія Кубани, во время экскурсіи, составл. С. И. Борчевскимъ.

3) Описаніе минеральныхъ источниковъ, встрѣченныхъ экскурсантами, составл. С. И. Борчевскимъ.

4) Жуки и бабочки, собранные Вл. Телѣгою, ученикомъ VII кл., во время экскурсіи.

5) Растенія, собранныя въ Карачаѣ Роландомъ Шиллингомъ, ученикомъ V кл.

6) Фрески Сентинскаго храма.

1. Метеорологическія наблюденія и метеорологическій журналъ.

(Состав. преп. физики, С. И. Борчевскимъ, и учениками Екатеринбургской гимназій).

Метеорологическій журналъ, предлагаемый ниже, касается климата Большого и Малаго Карачая, т. е. долинъ р. Кубани, въ верхнемъ теченіи, и притока ея, Теберды.

Онъ составленъ на основаніи наблюденій метеорологическихъ элементовъ и разспросовъ у жителей во время ученической экскурсіи въ Карачай лѣтомъ 1898 года. Эти наблюденія производились мною совмѣстно съ учениками Екатеринбургской гимназій, главнымъ образомъ, Михайловымъ и Игнатьевымъ, согласно программѣ, составленной особой комиссіей по порученію Императорскаго общества естествоиспытателей при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ; что касается разспросовъ у жителей, то они производились учениками на основаніи вопросника, составленнаго мною, и отмѣчались ими въ записныхъ книжкахъ.

Для наблюденія температуры были выписаны гимназіей отъ фирмы О. Рихтера три дорожныхъ провѣренныхъ термометра, каждый цѣною въ 5 рублей. Атмосферное давленіе опредѣлялось по дорожному aneroidу Гольдшмидта, выпущенному отъ той же фирмы за 100 рублей.

Въ нашемъ журналѣ показанія aneroidа приведены къ показаніямъ ртутнаго барометра по формуламъ и таблицамъ, приложеннымъ къ aneroidу; по нимъ же были опредѣлены и барометрическія высоты различныхъ мѣстностей, при чемъ за начало была принята высота надъ уровнемъ моря станціи

Невинномысской Ростово-Владикавказской желѣзной дороги, равная 154 сажениамъ.

Само собою разумѣется, что высоты различныхъ мѣстъ, данныя въ журналѣ, имѣють только приблизительное значеніе, такъ какъ состояніе атмосферы въ отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстахъ одновременно можетъ быть весьма различно, а потому числовыя данныя высотъ даны мною въ круглыхъ цифрахъ.

Метеорологическія наблюденія имѣють серьезное научное значеніе только въ томъ случаѣ, если производятся на одномъ и томъ же мѣстѣ въ теченіе долгаго времени, а потому на основаніи одного нашего журнала, въ виду кратковременности наблюденій, трудно сдѣлать какіе-нибудь положительныя выводы; но, принявъ во вниманіе скудость нашихъ свѣдѣній о климатѣ юго-восточной части Кубанской области, мѣстности интересной во многихъ отношеніяхъ, думаемъ, что и предлагаемыя ниже наблюденія могутъ имѣть нѣкоторое значеніе.

Въ особенности слѣдуетъ обратить вниманіе на изученіе въ климатическомъ отношеніи такъ называемаго Малаго Карачая, т. е. долины Теберды, лѣваго притока Кубани.

Изученіе климата, и, вообще, природы этой мѣстности интересно не только въ научномъ отношеніи, но можетъ имѣть общегосударственное значеніе, такъ какъ долина рѣки Теберды представляетъ чрезвычайно благоприятныя условія для устройства санаторій и климатическихъ лѣчебныхъ станцій. Всѣ необходимыя условія для этого налицо: въ высшей степени живописная мѣстность, разрѣженный чистый горный воздухъ, сосновый лѣсъ, масса ручьевъ, присутствіе минеральныхъ источниковъ, наконецъ, отсутствіе жары лѣтомъ и слабые морозы зимою.

Несомнѣнно, что съ проведеніемъ желѣзной дороги жизнь закипитъ здѣсь ключомъ, такъ какъ край богатъ естественными произведеніями; въ настоящее же время здѣсь жизнь

довольно скучна. Дорога длиною около 80 верстъ, между Невинномысской и Хумарой, служить большимъ препятствіемъ къ тому, чтобы Теберду посѣщали люди больные и жаждущіе отдыха; впрочемъ, и теперь многіе, страдающіе грудными болѣзнями, проводятъ лѣто на Тебердѣ, такъ какъ природа долины этой рѣки такова, что одна она можетъ излѣчить отъ многихъ болѣзней. Долина рѣки Теберды производитъ чарующее впечатлѣніе своей красотой и особой мягкостью тоновъ; коверъ роскошныхъ травъ, темнозеленныя горы, покрытыя роскошной растительностью и поднимающіяся по обѣимъ сторонамъ красавицы Теберды, ирозрачный горный воздухъ вызываютъ жизнерадостное настроеніе, которое охватываетъ путешественника, какъ только онъ вступаетъ въ эту долину.

Въ особенности, пригодна для дачъ и климатическихъ станцій средняя часть долины и мѣсто близъ дачи Кузовлева: здѣсь сосновый лѣсъ, здѣсь впадаетъ въ Теберду невыразимой красоты притокъ ея Джемагатъ, вблизи находится мѣстность Гуначъ-кирь, одно изъ красивѣйшихъ мѣстъ Россіи; въ виду дачи находятся и снѣговыя вершины Кавказа; недалеко и до Клухорскаго перевала; въ 10 верстахъ отъ дачи Кузовлева находится углекислый желѣзистый источникъ и т. д.

Всѣ эти условія дѣлаютъ эту долину однимъ изъ пріятнѣйшихъ мѣстъ Кавказа.

Долина р. Теберды, имѣя въ длину около 90 верстъ, расположена надъ уровнемъ моря, какъ видно изъ журнала, довольно высоко: она постепенно поднимается отъ 2600 футовъ (Хумара) до 6400 (конторка подъ Клухорскимъ переваломъ). Она на всемъ своемъ протяженіи замкнута съ обѣихъ сторонъ высокими горами, покрытыми густыми лиственными лѣсами, а начиная отъ аула Теберды и хвойными; около дачи Кузовлева начинается чудный пихтовый лѣсъ. Высокіе хребты, защищающіе эту долину отъ охлаждающаго

дѣйствія Эльбруса и ослабляющіе силу сѣверо-восточнаго вѣтра, а также обиліе влаги обусловливаютъ здѣсь довольно ровный климатъ. Какъ видно изъ показаній старожилонъ (см. далѣе), *здѣсь лѣтомъ не жарко, а зимою морозы бывають самыя слабыя*. Все это интересно провѣрить точными многолѣтними наблюденіями.

Во время нашего пребыванія въ этой долинѣ наивысшая температура, которая замѣчена нами, была, несмотря на іюль мѣсяць, 27°C , а наименьшая—на разсвѣтъ 4 іюля 6°C . Вѣтровъ сильныхъ не было. Дождемъ смачивало насъ нѣсколько разъ; въ Большомъ же Карачаѣ, т. е. въ долинѣ Кубани, при насъ не было ни одного дождя. Отсутствие лѣсовъ около Учъкулава и близость Эльбруса служатъ причиной того обстоятельства, что климатъ въ Большомъ Карачаѣ суровѣе и суше. По словамъ старожилонъ, зимою здѣсь бывають сильные морозы и вьюги,—хотя лѣтомъ здѣсь также не жарко, благодаря высокому положенію мѣстности надъ уровнемъ моря и сосѣдству Эльбруса.

Метеорологическія наблюденія и свѣдѣнія, собранныя путемъ разспросовъ во время экскурсіи въ Карачай.

1. Отъ станціи Невинномысской Ростово-Владикавказской желѣзной дороги до станціи Усть-Джегутинской, находящейся южнѣе Баталпашинска, мѣстность однообразная, имѣющая склонъ къ сѣверу и сѣверо-востоку, а потому совершенно открытая для вѣтровъ N и NE, которые здѣсь причиняють много вреда хлѣбамъ.

За станціей Усть-Джегутинской мѣстность болѣе гористая. Отроги Кавказскихъ горъ придвинулись къ самой Кубани и образовали рядъ живописно-разбросанныхъ скалъ, уступовъ и овраговъ. Въ особенности красива дорога у горы

„Учькульки“ и дальше: народъ мѣста эти отмѣтилъ названіями „мышиная тропа“, „гора Шелудивка“, „мѣстность Еманка“ и пр.

Съ одной стороны дороги поднимаются высокія скалы, а съ другой—открывается широкій горизонтъ и красивый видъ на Кубань. Передъ горой Шелудивкой, верстахъ въ четырехъ отъ станицы Красногорской, находится минеральный источникъ. Съ западной стороны его поднимаются надъ Кубанью почти отвѣсныя скалы, состояція изъ известковистыхъ песчаниковъ желтоватаго и коричнево-краснаго цвѣта, съ восточной стороны—болѣе пологія горы.

Температура воды въ источникѣ 12° С. Въ водѣ замѣтно присутствіе сѣрнистаго желѣза и углекислоты, поднимающейся со дна въ видѣ пузырьковъ. Вода пріятна на вкусъ. Кругомъ источника и на днѣ его черная грязь (сѣрнистое желѣзо). Напошается онъ водою быстро. Послѣ намъ сообщили, что нѣсколько выше, подъ кручей, есть еще два источника—посильнѣе.

Въ этихъ мѣстахъ, т. е. въ мѣстности отъ Баталнашинска къ Хумарѣ, дожди перепадаютъ часто. Во время нашего путешествія, за горой Учькулькой насъ захватилъ такой ливень, что не оставилъ на насъ и сухой нитки, а дорогу испортилъ такъ, что пришлось брести по водѣ нѣсколько верстъ. Правда, лѣто 1898 года было вообще очень дождливо.

2. Хумара. Высота 2600 фут.

Бывшее Хумаринское укрѣпленіе, а теперь стаиъ приставы, расположено на правомъ берегу Кубани, въ горной долинѣ, съ двухъ сторонъ которой поднимаются довольно высокіе горные хребты. Здѣсь единственный удобный входъ въ Карачай. Начиная отъ Хумары, горы покрыты сплошными лѣственными лѣсами.

Климатъ мягкій. Весна начинается поздно, а въ особенности въ 1898 году. Первая трава показывается обыкновенно въ серединѣ апрѣля; покосъ ея начинается во второй поло-

вишь іюля. Атмосферныхъ осадковъ выпадаетъ наиболѣе всего весною: начиная со второй половины мая и до конца іюня дожди идутъ почти ежедневно. Лѣтомъ здѣсь очень хорошо: жары особенной не бываетъ. Во время нашего пребыванія 28 іюня температура воздуха въ 1 часъ была 24°,4 С. Хумара можетъ быть чуднымъ дачнымъ мѣстомъ. Осень начинается поздно, и она непродолжительна. Зима начинается очень рано: въ концѣ сентября или въ октябрѣ выпадаетъ первый снѣгъ. Морозы зимою бываютъ самые слабые; мятелей, и вьюгъ совсѣмъ не замѣчали.

Вѣтры преимущественно дуютъ N и NW. Воздухъ всегда чистъ и прозраченъ.

3. Ауль Сенты и женскій монастырь того же имени. (Высота аула 3290 и монастыря 3480).

Ауль, населенный карачаевцами, расположенъ на правомъ низкомъ берегу р. Теберды, а на лѣвомъ, высоко поднимающемся надъ рѣкой, находится женскій монастырь. Отъ Хумары до него версть 20. Атмосферныхъ осадковъ замѣчается больше всего весною: дожди частые и всегда при вѣтрѣ NW. Зимане холодная, но свѣжняя; снѣгъ зимою выпадаетъ хотя и часто, но долго не держится.

Около 8 часовъ утра 3 іюля температура Теберды была 8°,2 С. Быстрота теченія ея здѣсь около 5 арш. въ секунду. Наибольшая температура воздуха, замѣченная нами, была 23°,8, а наименьшая 10°,7° (въ монастырѣ).

4. Кузовлева дача. Высота 4200 фут.

Кузовлева дача расположена на правомъ берегу р. Теберды надъ красивымъ озеромъ; вблизи находятся другія дачи: горнаго инженера Кондратьева, Крымъ-Шамхалова и др. Мѣстность представляетъ долину р. Теберды, замкнутую съ двухъ сторонъ высокими хребтами, которые тянутся параллельно р. Тебердѣ.

Весна здѣсь начинается въ мартѣ—апрѣлѣ мѣсяцахъ; очень теплая. Лѣто здѣсь прекрасное время года: никогда не

бываетъ жарко. Во время нашего пребыванія здѣсь 4 іюля въ 1 часъ дня и 8-го температура воздуха была $27^{\circ},8$ и $23^{\circ},4$. Рѣзкихъ колебаній температуры здѣсь не замѣчалось.

Зимы здѣсь хотя и снѣжныя, но теплыя, такъ какъ *морозовъ здѣсь почти не бываетъ*. Снѣгъ выпадаетъ очень рано, приблизительно въ сентябрѣ мѣсяцѣ, а въ 1895 году первый снѣгъ выпалъ 29-го августа и покрылъ почву на $1\frac{1}{2}$ аршина.

Температура р. Теберды 9-го іюля 1898 года около 7 часовъ утра была $6^{\circ},6$ С. Теберда не замерзаетъ.

5. Подъ Клухорскимъ переваломъ. Конторка— 6400 фут.

Въ тридцати верстахъ отъ дачи Кузовлева подъ самымъ Клухорскимъ переваломъ расположено зданіе Министерства Путей сообщенія, извѣстное подъ именемъ „Конторки“. Она расположена надъ Тебердой, берущей начало изъ Тебердинскаго озера, находящагося, считая по прямому пути, верстахъ въ трехъ отъ Конторки. Мѣсто это расположено уже довольно высоко, а именно приблизительно 6400 футовъ.

Весна начинается съ 15-го мая, осень съ 1-го сентября, а въ октябрѣ уже „форменная“ зима. Снѣгъ выпадаетъ въ первыхъ числахъ сентября и держится до самаго мая мѣсяца, а на горахъ, поднимающихся надъ Конторкою, снѣгъ не сходитъ цѣлое лѣто. Зима снѣжная, но теплая. Очень часто бываютъ туманы, преимущественно мокрые. 6-го іюля, когда мы поднимались отъ Конторки къ Тебердинскому озеру, туманъ нѣсколько разъ окутывалъ насъ такъ, что впереди ничего не было видно. Температура воздуха въ 12 часовъ была 22° , а въ туманѣ въ 2 часа 12° .

6. Тебердинское озеро. Высота 8300 фут.

Тебердинское озеро расположено на высотѣ 8300 футовъ надъ уровнемъ моря. Оно имѣетъ почти круглую форму; изъ него вытекаетъ р. Теберда. Берега озера круты; оно нахо-

дится какъ бы въ ямѣ. Температура воздуха надъ самымъ озеромъ была $8^{\circ},2$. Температура воды въ $2\frac{1}{2}$ часа дня возлѣ берега была $+3^{\circ}$ С. Температура „Туманнаго озера“, находящагося въ долинѣ Теберды, въ 5—6 верстахъ (ниже) отъ Контюрки была въ 7 часовъ утра $17^{\circ},5$.

7. Минеральный источникъ.

9-го іюля по пути изъ Малаго Карачая въ Большой мы посѣтили минеральный источникъ, находящійся верстахъ въ десяти отъ дачи Кузовлева на лѣвомъ берегу Джемагата, притока рѣки Теберды.

Отъ дачи Кузовлева идетъ къ нему тропка правымъ берегомъ Джемагата. Путь былъ утомителенъ: приходилось подниматься вверхъ; но мы прошли его незамѣтно. Постоянная смѣна ландшафтовъ, одинъ лучше другого, полный прелести рокоть Джемагата, представлявшаго непрерывную цѣпь каскадовъ, стрекотанье цикадъ и аромат душистыхъ и красиво-цвѣтущихъ травъ, заставляли забывать всѣ трудности пути. Минеральный источникъ находится на землѣ аула Теберды.

Его можно было узнать по оранжевой грязи и жидкости такого же цвѣта, которую онъ оставляетъ на травѣ, стекая въ Джемагатъ.

Саженьяхъ въ десяти отъ берега изъ-подъ камня бьетъ источникъ, чистый какъ слеза и покрытый пузырьками углекислоты.

Карачаевцы называютъ его Гаралыколь, что значитъ „Ущелье кислой воды“. Температура воды была $5^{\circ},6$ С. Расположенъ онъ въ ущельѣ, имѣющемъ направленіе N—S.

Несмотря на извѣстность свою среди карачаевцевъ за свои цѣлебныя свойства, источникъ содержится небрежно, или лучше сказать никакъ не содержится. Посѣщаютъ его только пастухи, да дикія козы приходятъ въ жаркое время и осенью пить воду, какъ бы чуя цѣлебныя свойства ея.

Мы очень много выпили этой воды и не чувствовали никакой тяжести; она вкусомъ напоминаетъ Нарзанъ въ Кисловодскѣ.

По словамъ карачаевцевъ, вблизи находятся еще два кислыхъ источника. Крѣпкая „кислая вода“ находится подъ ледникомъ у перевала Желгъ-аушъ, въ верховьяхъ Джемагата.

8. Ауль Доуть.

Рядъ хребтовъ отдѣляетъ Малый Карачай отъ Большого.

Между хребтами Ипчикъ и Доуть, въ котловинѣ находится ауль Доуть, на берегу рѣки того же имени.

Весна начинается съ 15-го апрѣля; въ это время больше всего выпадаетъ атмосферныхъ осадковъ. Лѣто не жаркое. 10-го іюля въ одинъ часъ дня было 22° С. Градъ бываетъ рѣдко и очень мелкій. Переходъ отъ лѣта къ зимѣ очень быстрый, такъ какъ осень здѣсь непродолжительна. Осенью дождей не бываетъ. Снѣгъ выпадаетъ въ концѣ сентября. Сильныхъ морозовъ не бываетъ. Вѣтеръ дуетъ, по большей части, съ южной стороны.

Температура воды въ р. Доуть въ $6\frac{1}{2}$ час. утра 9° С.

9. Ауль Учъ-кулаиъ и Картъ-Джуртъ.

Мѣстность представляетъ долину р. Кубани; съ двухъ сторонъ поднимаются высокія горы, характерная особенность которыхъ—отсутствіе лѣсовъ; благодаря этому обстоятельству, а также близости Эльбруса климатъ здѣсь холоднѣе и суше, чѣмъ въ Маломъ Карачаѣ, т. е. долниѣ р. Теберды.

Весна здѣсь начинается въ началѣ мая; въ это время бываетъ здѣсь больше всего дождей. Зима начинается сравнительно рано; первый снѣгъ выпадаетъ въ началѣ октября. Морозы случаются большіе; бываютъ сильные мятели. Кубань замерзаетъ. Вѣтры преимущественно дуютъ N и S. Температура р. Кубани около Картъ-Джурта 14-го іюля была 12° С.

Быстрота ея теченія около 5 арш. въ секунду.

Метеорологическій журналъ.

Мѣсто.	Число.			Термометръ по С.	Анероидъ, приве- денный къ ртут- ному барометру.	Вѣтеръ.		Облачность.			Высота мѣста.	Особыя замѣчанія.
	По старому стилю.	По новому стилю.	Ч а с ъ.			Направленіе.	С и л а.	Видъ обла- ковъ.	Количество.	Направленіе.		
Отъ Невин- номысской стан. Рост.- Владикавк. желѣз. дор. до Бѣломеч- етской станции.	Июль. 22	Июль. 4	7	—	730	—	—	—	—	—	1078ф.	Станція Невинно- мысская желѣзной дороги и станція расположены на бе- регу Кубани, въ мѣстности безлѣс- ной и холмистой. Въ 9 ч. вечера мы про- ходили черезъ высо- кую гору (20 вер. отъ Невинномысской).
			1	30,3	727,3	NE	4	Cu	3	NW		
			9	22	708,5	NE	3	Cu	3	—		
	23	5	7	21,4	726,9	SE	3	C	5	SW		Часовъ въ 6 вечера пошелъ небольшой дождь. Ночью—силь- ный дождь и гроза.
			1	27	724,1	SE	3	Cu	7	SE		
			3	20	725,4	SE	1	N	10	—		
Отъ станцы Бѣломечет- ской до Бат- талпаши- нска.	24	6	7	17	724,7	S	2	Cu S	9	S	1310 Бѣломеч- етская.	Въ 7 час. веч. про- ливной дождь (подъ Баталпашиномъ).
			1	25,8	715,8	S	1	Cu	9	S		
			9	19,2	716	SE	2	Cu S	9	S		
Баталпа- шинскъ.	25	7	7	—	715	—	0	Cu S	9	—	1650 Батал- па- шинскъ.	Подъ Баталпаши- номъ хлѣба стра- даютъ отъ вѣтровъ (N и NE) и захвата (помхи). Въ 10 час. вечера грозовая туча обле- гла все небо.
			1	26,1	—	—	0	Cu S	7	—		
			9	19	713,5	—	0	Cu S	3	S		

Мѣсто.	Число.		Ч а с ъ.	Термометръ по С.	Анероидъ, приве- денный къ ртут- ному барометру.	Вѣтеръ.		Облачность.			Высота мѣста.	Особыя замѣчанія.
	По старому стилю.	По новому стилю.				Направленіе.	С и л а.	Видъ обла- ковъ.	Количество.	Направленіе.		
Отъ Батал- пашинска до Хумары.	26	8	7	22,3	713,2	NW	3	Cu	6	S		Отъ ст. Невинно- мыской до ст. Усть- Джегутинской мѣст- ность ровная. За стан. Усть - Джегу- тинской дорога жи- вописная; особенно красивыя мѣста близъ горы Учкуль- ки (Мышиная трона). Въ 6 час. вечера проливной дождь не- портить дорогу.
			1	25	704,7	N	3	Cu S	7	N		
			9	16,5	700,3	—	0	C	1	—		
	27	9	7	17,7	699,1	NW	2	O	0	O		Ночевали у мине- рального источника въ 4-хъ верстахъ пе- редъ ст. Красногор- ской. Поздно вечеромъ пришли въ Хумару.
			1	29	688,7	SE	3	C	2	—		
			9	18	688	—	—	—	—	—		
Хумарин- ское укрѣ- пление.	28	10	7	16,3	688	SW	1	O	0	O	2600	Хумаринское ук- рѣпление располо- жено на правомъ бе- регу Кубани. На лѣ- вомъ поднимается гора Шоана, на ко- торой находится древній храмъ. На- чинаются сплошныя лѣса.
			1	24,4	686,9	SW	3	Cu S	3	SW		
			9	24	—	—	—	—	8	—		
Отъ Хумары до Сентин- скаго мона- стыря.	29	11	7	20,1	693	—	—	CCu	9	W	3290 Ауль Сентн.	Пройдя версты двѣ отъ Хумары, мы вошли въ долину р. Тсбер- ды, притока Кубани. Вечеромъ пришли въ Сентинскій жен- скій монастырь.
			1	24,6	680,8	NE	2	Cu	5	SE		
			9	23	671	NE	1	Cu	5	—		

Мѣсто.	Число.		Ч а с ь.	Термометръ по С.	Анероидъ, приве- денный къ ртут- ному барометру.	Вѣтеръ.		Облачность.			Высота мѣста.	Особыя замѣчанія.	
	По старому стилю.	По новому стилю.				Направленіе.	С и л а.	Видъ обла- ковъ.	Количество.	Направленіе.			
Сенты, мо- настырь.	30	12	7	19,3	686,5	—	—	<i>C</i>	<i>Cu</i>	2	<i>NE</i>	3480 Мона- стырь. Сенты.	Сентинскій же- скій монастырь рас- положенъ на склонѣ возвышеннаго лѣва- го берега р. Тебер- ды, у подножія вы- сокой горы, на вер- шинѣ которой нахо- дится древній храмъ
			1	23	667,9	<i>N</i>	3	<i>Cu</i>	<i>S</i>	7	<i>SE</i>		
			9	19,3	—	<i>NE</i>	3	<i>Cu</i>	<i>S</i>	10	<i>S</i>		
	1-го іюля	13	7	16,4	668,1	<i>NE</i>	2	<i>C</i>	<i>Cu</i>	5	<i>N</i>		Утромъ небольшой туманъ.
			1	25	668,2	<i>N</i>	3	<i>Cu</i>	6	<i>N</i>			
			9	16,1	667,2	<i>SE</i>	1	<i>C</i>	3	<i>NE</i>			
	2	14	7	17,3	667	<i>SE</i>	2	<i>Cu</i>	3	<i>NW</i>		Въ 6 часовъ веч. поднялся сильный вѣтеръ и пошелъ дождь. Въ 7 часовъ веч. радуга.	
			1	21,8	665,3	<i>N</i>	4	<i>C</i>	<i>Cu</i>	4			<i>N</i>
			9	14,8	667,8	<i>N</i>	4	<i>C</i>	2	—			
Отъ Сентин- скаго мона- стыря до дачи Кузо- влева.	3	15	7	16,2	678,4	<i>SW</i>	2	—	—	—		Очень красивая до- рога. Вечеромъ дошли до Джемагата, притока рѣки Теберды, на берегу которой и започевали.	
			1	21,4	665	<i>NE</i>	3	<i>C</i>	<i>Cu</i>	2			<i>NE</i>
			9	16	650,2	—	—	<i>Cu</i>	<i>S</i>	3			<i>E</i>
Отъ дачи Кузовлева до Клухор- скаго пере- вала.	4	16	7	14	649,3	<i>S</i>	—	<i>O</i>	0	<i>O</i>	4200 Дача Кон- драть- ева.	Утро было очень холодное (7 град. С.). Путь лежалъ че- резъ пихтовый лѣсъ; впереди снѣговья вершины главнаго хребта.	
			1	27,8	643	<i>N</i>	2	<i>C</i>	2	<i>NNE</i>			
			9	14,2	642,1	—	—	—	—	—			

Мѣсто.	Число.		Ч а с л.	Термометръ по С.	Анероидъ, приве- денный къ ртут- ному барометру.	Вѣтеръ.		Облачность.			Высота мѣста.	Особыя замѣчанія.
	По старому стилю.	По новому стилю.				Направленіе.	С и л а.	Видъ обла- ковъ.	Количество.	Направленіе.		
	5	17	7	12,6	641,5	0	0	<i>Сш</i>	2	<i>NNE</i>		Мѣстность Куначь- кирь (верхнее тече- ніе р. Теберды).
			1	17	617,6	—	—	<i>N</i>	10	<i>E</i>		
			9	15	599,5	—	—	<i>N</i>	10	<i>SE</i>		
Конторка.	6	18	7	3,6	599,1	0	0	<i>N</i>	10	<i>N</i>	6400 Контор- ка. 8300 Тебер- динское озеро.	Въ 1 часть дня на берегу Тебердин- скаго озера.
			1	15,8	533,2	0	0	<i>N</i>	10	<i>NE</i>		
			9	14	600,1	0	0	<i>N</i>	10	—		
Отъ Клухор- скаго пере- вала до да- чи Кузов- лева.	7	19	7	13,2	610,5	0	0	<i>N</i>	10	<i>SE</i>		Почти весь день шелъ дождь.
			1	16,4	644,2	0	0	<i>N</i>	10	<i>SE</i>		
			9	12	654	—	0	<i>C</i>	3	<i>SE</i>		
Отъ дачи Кузовлева до Учкун- лана.	8	20	7	12,4	—	—	—	—	—	—		
			1	23,4	652	<i>N</i>	3	<i>Сш</i>	2	<i>S</i>		
			9	14	650,1	—	—	—	—	—		
	9	21	7	13,4	651,4	0	0	<i>C</i>	1	<i>NNW</i>		Въ 4 часа подъ ис- точникомъ кислой воды. Поздно вечеромъ дошли до перевала Ипчикъ, гдѣ и заноч- чевали.
			1	23	615,3	<i>NE</i>	2	<i>C Сш</i>	2	<i>N</i>	5760 Минер- альный источ- никъ. 8900	
			9	—	—	—	—	—	—	—		
	10	22	7	13	611,3	0	0	<i>O</i>	0	<i>O</i>	6000 Ауль Доуть	Ауль-Доуть.
			1	22	611,5	<i>S</i>	3	<i>Сш</i>	2	<i>N</i> <i>S</i>		
			9	14	650,9	—	—	—	—	—		

Мѣсто.	Число.		Ч а с ъ.	Термометръ по С.	Анероидъ, приве- денный къ ртут- ному барометру.	Вѣтеръ.		Облачность.			Высота мѣста.	Особыя замѣчанія.
	По старому стилю.	По новому стилю.				Направленіе.	С и л а.	Видъ обла- ковъ.	Количество.	Направленіе.		
Учькуланъ.	11	23	7	—	650,1	—	3	<i>Си</i>	2	—	4300 Учьку- ланъ (школа).	
			1	25	648,5	<i>S</i>	4	<i>Си S</i>	4	<i>S</i>		
			9	16,6	650,4	<i>S</i>	6	<i>N</i>	10	—		
Отъ Учьку- лана до Эль- бруса потъ Эльбруса до Картъ- Джурта.	12	24	7	16,2	650,2	—	—	<i>Си C</i>	3	<i>NW</i>		У подножія Эль- бруса.
			1	23	564,8	<i>S</i>	2	<i>Си C</i>	3	<i>NW</i>		
			9	16	655,8	—	1	—	—	—		
Аулъ Картъ- Джурта.	13	25	7	18,4	657	—	—	<i>C</i>	5	<i>NNW</i>	4060 Аулъ Картъ- Джуртъ.	
			1	27	—	<i>S</i>	3	<i>C Си</i>	8	<i>NW</i>		
			9	16	656,8	—	—	<i>C</i>	7	<i>NNW</i> <i>S</i>		
	14	26	7	18	657,2	—	—	<i>C Си</i>	6	<i>N</i>		
			1	26	662,4	<i>N</i>	3	<i>Си S</i>	7	<i>NNE</i>		
			9	20,6	657,5	—	2	<i>N</i>	8	<i>NNW</i>		
Отъ Картъ- Джурта до Кисловод- ска.	15	27	7	20	657,7	<i>S</i>	2	<i>C Си</i>	7	<i>NE</i>	7560 Пере- валъ Хурла.	Перевалъ Хурла и озеро Хурла - кель. Бечесынъ.
			1	21	580,8	—	—	—	—			
			9	16	602,6	<i>E</i>	2	<i>Си S</i>	10	—		
	16	28	7	13,6	579,7	<i>E</i>	4	<i>N</i>	9	<i>NW</i>		Бечесынъ и Берма- мытъ. Кисловодскъ.
			1	19,4	—	<i>NE</i>	3	<i>C Си</i>	8	<i>NW</i>		
			9	21	—	—	—	<i>C</i>	10	—		

2. Описаніе минералогической коллекціи, собранной въ верховьяхъ Кубани во время экскурсіи.

(Составл. С. И. Борчевскимъ).

1. *Глинистый мергель* сланцеватаго сложенія. Взять возлѣ станицы Бѣломечетской. Мѣстность около этой станицы сложена изъ глинистыхъ мергелей сланцеватаго и частью листоватаго сложенія (см. Барботъ-де-Марни).

2. *Грубый известнякъ*. Берегъ Кубани близъ Баталпашииска.

Недалеко отъ Баталпашииска породы переходятъ постепенно въ плотные известковистые мергели и глинистые известняки.

3. *Глинистый сланецъ*. Образецъ взять за Баталпашиинскомъ.

Около Баталпашииска находится соленый источникъ, а также два озера, изъ которыхъ добывается глауберова соль.

4. *Известковый шпатъ*.

У горы Учъкульки, за ст. Усть-Джегутинской.

5. *Кусокъ кварца*. Берегъ Кубани близъ ст. Усть-Джегутинской.

За станицей Усть-Джегутинской находятся выходы мѣловой и частью юрской системы.

Вблизи станицы Усть-Джегутинской попадаются хорошей строительный известнякъ, гилсъ, алебастръ. Въ горѣ Учъкулькѣ находятъ горный хрусталь.

6. *Каменный уголь*, разновидность Бохгадь. Хумаринская копь Утякова.

7. *2 куска окаменелаго дерева*. Тамъ же.

Отъ Устья р. Теберды и приблизительно до ст. Красногорской мѣстность сложена, главнымъ образомъ, изъ угленосныхъ песчаниковъ и сѣрыхъ сланцеватыхъ мергелей юрской системы. Уголь залегаеть тонкими пластами отъ 1 до 12 вершковъ толщины. На этомъ пространствѣ находится нѣсколько копей; нѣкоторыя существуютъ уже болѣе двадцати лѣтъ.

8. *Известковый мергель*. Хумара—Сенты.

9. *Слюдяный сланецъ съ зернами молочнаго кварца*. Берегъ Теберды близъ аула Сенты.

10. *Бурая сланцеватая глина*. Близъ аула Теберды.

11. *Гранитъ сѣрый*. Гуначь-кирь. (Теберда).

12. *Горный гранитъ*. Тамъ же.

13. *Сіенитъ*. Тамъ же.

Военно-сухумская дорога, ведущая по берегу верхняго теченія Теберды (мѣстность Гуначь-кирь) въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прорублена въ гранитныхъ скалахъ, гдѣ и были взяты образцы гранитовъ.

14. *Кусокъ кварца*; въ немъ вкрапленія чернаго турмалина или шерла.

15. *Мраморъ*. 4 куска разныхъ цвѣтовъ.

Отъ впаденія Джемагата тянется кряжъ на Доуть, длиною около 20 верствъ. Въ этомъ хребтѣ въ долинь р. Теберды, не доѣзжая съ версту до Джемагата, праваго притока Теберды, добываютъ мраморъ и алебастръ. Мѣстность носитъ названіе у карачаевцевъ Кара-су; тамъ бьетъ родникъ чудной воды, которая посредствомъ водопровода проведена до аула Теберды для орошенія полей. Вышеупомянутый кряжъ другимъ концомъ упирается въ долину р. Доуть. По словамъ карачаевцевъ, весь почти хребетъ состоитъ изъ мрамора; у самаго

аула Доуть добывается мраморъ сѣрый, бѣлый съ равными прожилками: зелеными, розовыми и пр. Правда, мраморъ крупнозернистый, невысокаго качества, но можно надѣяться, что если взорвать наружные слои, то могутъ показаться и залежи болѣе цѣннаго мрамора.

16. *Алебастръ*, 2 куска.

Въ этомъ же хребтѣ близъ аула Доуть.

17. *Молочный кварцъ*. Близъ аула Доуть.

18. *Красный желѣзнякъ*. Ауль Картъ-Джюртъ.

19. *Бѣлая глина* Ауль Учъкулань.

20. *Гранитъ темноспрый*. Ауль Учъкулань.

21. *Хлоритовый сланецъ*. Берегъ Кубани близъ Худесскаго рудника.

22. *Слюдяной сланецъ*. Тамъ же.

Въ мѣстности, расположенной по верхнему теченію Кубани, развиты кристаллическіе сланцы; встрѣчается фельзитъ-порфиръ. При впаденіи р. Худеса въ Кубань находятся свинцово-серебряные рудники, гдѣ и были взяты образцы свинцово-серебряной и цинковой рудъ.

23. *Серебро-свинцовая руда*. 2 куска. Худесскій рудникъ.

24. *Серебро-свинцовая руда* съ вкрашеніями мѣдной. Худесь.

25. *Серебро-свинцовая руда* въ фельзитъ-порфирѣ. Худесь.

26. *Цинковая руда*. Худесь.

29. *Порфиръ*. Верхнее теченіе Кубани.

30. *Трахитъ*. Въ 2 верстахъ отъ подножія Эльбруса. Ущелье Битюкъ-тюбе-су.

31. *Обсидіанъ*. Тамъ же.

32. *Яшма* 2 куска. Близъ Худеса.

Примѣчаніе: Коллекція находится при обществѣ любителей изученія Кубанской области.

3. Описание минеральных источниковъ, встрѣченныхъ экскурсантами.

(Составл. С. И. Борчевскимъ).

1. *Соленый источникъ*. Близъ Баталпашинска.

2. *Желъзисто-углекислый*. Не доходя 4-хъ верстъ до ст. Красногорской, саженьяхъ въ 5—6 отъ дороги. Температура 12° С. Вокругъ источника и на днѣ его черная грязь (сѣристое желѣзо); пузырьки углекислоты поднимаются отъ времени до времени. Источникъ наполняется быстро. Тамъ же невдалекѣ, по словамъ старожиловъ, есть еще два такихъ же источника посильнѣе.

3. *Соленый источникъ*. На берегу р. Теберды между долиною Джингерикъ и Сенты, педалеко отъ сторожки.

4. *Желъзный источникъ*. На лѣвомъ берегу р. Джемагата, прит. р. Теберды, съ большимъ содержаніемъ углекислоты. Источникъ находится въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ берега Джемагата, и вода его стекаетъ въ эту рѣчку, оставляя послѣ себя слѣдъ изъ оранжевой грязи (окись желѣза). Температура $5^{\circ}, 6$ С. Говорили, что вблизи есть еще два источника.

5. По разсказамъ карачаевцевъ, источникъ „*кислая вода*“ есть у перевала Джелкъ-аушъ (подъ ледникомъ) въ верховьяхъ Джемагата.

6. *Желъзисто-углекислый*. Два источника въ 3-хъ верстахъ отъ аула Доуть и 50 саженьяхъ отъ берега р. Доуть.

7. Въ мѣстности „Джазлы“ былъ говорить *кислый* источникъ, но завалень.

8. 5 источниковъ желъзисто-углекислыхъ и др. встрѣчается по дорогѣ къ Эльбрусу въ ущельѣ *Витюкъ-тюбе-су*. Минеральные источники встрѣчаются и по Уллу-каму.

4. Жуки и бабочки, собранныя Владимиромъ Телѣгой,

воспитанникомъ 7-го класса Екатеринодарской гимназiи, во время ученической экскурси въ Карачай, лѣтомъ 1898 года.

Ж У К И.

№№	Названiе.	Мѣсто находенiя.	Время находенiя.	Погода.
1	<i>Cicindella hybrida.</i>	Кузовлева дача. На травѣ.	На 7 iюля 1898 г.	Пасмурно.
2	<i>Cicindella hybrida.</i>	Близъ Сентинскаго женскаго монастыря. На пескѣ.	29 iюня 11 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
3	<i>Carabus hortensis.</i>	Близъ Сентинскаго женскаго монастыря. Подъ камнями, у подошвы горы; на южномъ склонѣ.	29 iюля 11 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
4	<i>Calosoma sycophanta.</i>	Близъ Сентинскаго женскаго монастыря. У подошвы горы, на южномъ склонѣ.	29 iюня 11 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
5	<i>Silpha atrata.</i>	На берегу рѣки Джемагата. На трупѣ змѣи.	9 iюля 5 ч. веч. 1898 г.	Солнечно.
6	<i>Necrophorus germanus.</i>	На берегу рѣки Джемагата. На трупѣ змѣи.	9 iюля 5 ч. веч. 1898 г.	Солнечно.
7	<i>Шестферовъ сизифъ.</i> (2 экз.)	Въ 19 в. отъ ст. Невиномысской. Ползъ по дорогѣ.	23 iюня 11 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
8	<i>Melolontha fullo.</i>	Сентинскiй женск. монастырь. Пойманъ близъ палатки.	29 iюня 7 ч. веч. 1898 г.	Вѣтерокъ маленькiй.
9	<i>Rhisotrogus solstitialis.</i> (2 экз.)	Сентинскiй женск. монастырь. Пойманъ близъ палатки.	29 iюня 7 ч. веч. 1898 г.	Маленькiй и теплiй вѣтерокъ.
10	<i>Geotropes stercorarius.</i>	Въ 19 в. отъ ст. Невиномысской. Ползъ по дорогѣ.	23 iюня 11 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
11	<i>Cetonia aurata.</i> (2 экз.)	Въ 19 в. отъ ст. Невиномысской. На цвѣтахъ <i>Carduus.</i>	23 iюня 12 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
12	<i>Cetonia aurata.</i>	Близъ Баталнаинска. На цвѣтахъ <i>Carduus.</i>	24 iюня 12 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
13	<i>Blaps Mortisaga.</i>	Урочище Учъкулька. Подъ камнями.	27 iюля 9 ч. утра 1898 г.	Пасмурно.
14	<i>Lina populi.</i> (2 экз.)	Сентинскiй женск. монастырь.	2 iюля 5 ч. веч. 1898 г.	Солнечно и вѣтеръ.

№№	Названіе.	Мѣсто находенія.	Время находенія.	Погода.
15	<i>Syromastes marginatus</i> (2 экз.)	Кузовлева дача. На травѣ.	На 7 іюня 1898 г.	Пасмурно.
16	<i>Pocilonota rutilans.</i>	Кондратьева дача. На лету.	На 4 іюля 3 ч. веч. 1898 г.	Солнечно.
17	<i>Athous hirtus.</i> (2 экз.)	Въ 20 в. отъ Клухорскаго перевала. На цвѣтахъ.	5 іюля 1898 г.	Солнечно.
18	<i>Lampyrus splendidulla</i> (2 экз.)	Сентинскій женск. монастырь.	30 іюня 3 ч. дня 1898 г.	Солнечно и вѣтеръ.
19	<i>Telephorus fuscus.</i> (2 экз.)	Близъ Баталпашинска. На цвѣтахъ <i>Carduus.</i>	24 іюня 12 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
20	<i>Telephorus obscurus.</i>	Георгиевскій Осетинскій поселокъ. Близъ р. Хумары.	28 іюня 4 ч. веч. 1898 г.	Пасмурно и вѣтеръ.
21	<i>Telephorus obscurus.</i>	Близъ Баталпашинска.	24 іюня 12 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
22	<i>Clytus arcuatus.</i> (2 экз.)	Близъ Баталпашинска.	24 іюня 12 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
23	<i>Toxotus meridianus.</i>	Кузовлева дача.	8 іюня 12 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
24	<i>Toxotus meridianus.</i>	На берегу р. Джемата.	10 іюля 5 ч. веч. 1898 г.	Солнечно.
25	<i>Aelia acuminata.</i> (2 экз.)	Кузовлева дача.	7 іюля 1898 г.	Пасмурно.
26	<i>Eurygaster maurus.</i>	Кузовлева дача.	7 іюля 1898 г.	Пасмурно.
27	<i>Pentatoma rufipes.</i>			
28	(2 экз.)			
29	<i>Acenthosoma dentatum.</i>	Сентинскій женск. монастырь.	30 іюня 3 ч. дня 1898 г.	Солнечно и вѣтеръ.
30	<i>Verlusia rhombica.</i>	Сентинскій женск. монастырь.	30 іюня 3 ч. дня 1898 г.	Солнечно и вѣтеръ.
31	<i>Berutus tipularius.</i> (2 экз.)	Сентинскій женск. монастырь.	30 іюня 3 ч. дня 1898 г.	Солнечно и вѣтеръ.
32	<i>Trichius fasciatus.</i> (3 экз.)	Сентинскій женск. монастырь.	2 іюня 11 ч. дня 1898 г.	Солнечно и вѣтеръ.
33	<i>Lixus paraplecticus.</i> (2 экз.)	Георгиевск. Осетинск. пос. Близъ р. Хумары.	28 іюня 4 ч. веч. 1898 г.	Пасмурно и вѣтеръ.
34	<i>Helodes phellandrii.</i> (2 экз.)	Близъ Баталпашинска. На цвѣтахъ <i>Carduus.</i>	24 іюня 12 ч. дня 1838 г.	Солнечно.
35	<i>Anthonomus pyri.</i> (2 экз.)			
36	<i>Cerambyx cerdo.</i> (2 экз.)	На берегу р. Кубани. Близъ ст. Невинномысской.	22 іюня 5 ч. веч. 1898 г.	Солнечно.
37	<i>Dorcadion fuliginator.</i> (2 экз.)			
38	<i>Lethrus cephalotes.</i>	Сентинскій женскій монастырь.	30 іюня 3 ч. дня 1898 г.	Солнечно и вѣтеръ.
39	<i>Anisoplia fructicula.</i> (2 экз.)			
40	<i>Phyllopertha horticola.</i> (3 экз.)	Близъ Баталпашинска.	24 іюня 12 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
41	<i>Silpha obscura.</i> (2 экз.)	Мѣстечко Учъкулька.	27 іюня 5 ч. веч. 1898 г.	Пасмурно.
42	<i>Zabrus gibbus.</i> (2 экз.)	Въ 19 в. отъ ст. Невинномысской.	23 іюня 12 ч. дня 1898 г.	Облачно.

Б А Б О Ч К И.

№№	Название.	Мѣсто нахождения	Время нахождения.	Погода.
1	<i>Melitea Cinxia.</i>	Близъ Баталнашинска. На цвѣтахъ <i>Carduus.</i>	24 іюня 12 ч. дня	Солнечно.
2	<i>Lycaena Semiargus.</i> (2 экз.)	За Сентинскимъ мона- стыремъ.	3 іюля 11 ч. дня	Солнечно.
3	<i>Lycaena Coelestina.</i> (2 экз.)	За Сентинскимъ мона- стыремъ.	3 іюля 11 ч. дня	Солнечно.
4	<i>Hesperia Lincolnia.</i>	Близъ Сентинскаго мо- настыря.	29 іюня 11 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
5	<i>Syrichthus Carthami.</i> (2 экз.)	Кузовлева дача.	7 іюля.	Пасмурно.
6	<i>Cyclopides Morpheus.</i>	Сентинскій мона- стырь.	1 іюля 10 ч. утра.	Солнечно и вѣтеръ.
7	<i>Lycaena Arion.</i>			
8	<i>Erebia Ligea.</i>			
9	<i>Polyommatus Dispar.</i>			
10	<i>Melitea Didyma.</i> (2 экз.)			
11	<i>Lycaena Hylas</i>	На берегу рѣки Дже- магата.	9 іюля 5 ч. веч.	Солнечно.
12	<i>Lycaena Icarus.</i> (2 экз.)			
13	<i>Argynnis Dia.</i>			
14	<i>Pieris Daplidice:</i>	Въ 19 в. отъ ст. Не- винномысской.	23 іюня 11 ч. дня	Солнечно.
15	<i>Hesperia Comma</i> (2 экз.)			
16	<i>Colias Hyale.</i> (2 экз.)			
17	<i>Colias Edusa.</i>			
18	<i>Colias Hyale.</i>			
19	<i>Colias Chrysathemas.</i>	Кузовлева дача.	8 іюля 2 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
20	<i>Papilio Machaon.</i>			
21	<i>Polyommatus Thersa-</i> <i>mon.</i>			
22	<i>Erebia Ligea.</i>			
23	<i>Spilothyrus Alceae.</i>			
24	<i>Melitea Neera.</i>	Близъ Сентинскаго монастыря.	29 іюня 11 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
25	<i>Melitea Didyma.</i>			
26	<i>Melitea Cinxia.</i>			
27	<i>Melitea Phoebe.</i>			
28	<i>Lycaena Coelestina.</i>			
29	<i>Satyrus Dryas.</i>	Въ 19 в. отъ ст. Не- винномысской.	23 іюня 11 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
30	<i>Rhodocera Rhamni.</i> (2 экз.)			
31	<i>Argynnis Pandora.</i>			
32	<i>Argynnis Daphne.</i>			
33	<i>Melitea Neera.</i> (2 экз.)			
34	<i>Melitea Phoebe.</i>	Картъ-джуртъ.	15 іюня 4 ч. веч. 1898 г.	Солнечно.
35	<i>Melitea Arduinna.</i> (2 экз.)			
36	<i>Melitea Aphirape.</i>			

№№	Названіе	Мѣсто нахожденія.	Время нахожденія.	Погода.
37	<i>Colias Palaeno.</i>	Близъ Баталпашинска.	24 іюня 11 ч. дня	Солнечно.
38	<i>Colias Erate.</i>			
39	<i>Colias Myrmidone.</i>			
40	<i>Fidonia Clathrata.</i>			
41	<i>Colias Edusa.</i>			
42	<i>Colias Myrmidone.</i>	Баталпашинскъ.	24 іюня 12 ч. дня	Солнечно.
43	<i>Colias Phicomone.</i>			
44	<i>Hesperia Sylvanus.</i>	Кузовлева дача.	8 іюля 2 ч. дня	Солнечно.
45	<i>Satyrus Dryas.</i> (2 экз.)			
46	<i>Acontia Lucida.</i>			
47	<i>Leucoma Salicis.</i> (2 экз.)	Картъ-джуртъ.	15 іюля 3 ч. дня	Солнечно.
48	<i>Lithosia Lurideola.</i>			
49	<i>Emydia Striata.</i>			
50	<i>Geometra Vernaria.</i>			
51	<i>Plusia Gamma.</i>	Учькулька (урочище).	27 іюня 9 ч. утра	Солнечно.
52	<i>Tapinostola Musculosa.</i>			
53	<i>Bombyx Neustria.</i> (2 экз.)			
54	<i>Cleogene Niveata.</i>	Георгіевскій Осетинскій поселокъ.	27 іюня 10 ч. утра	Солнечно.
55	<i>Ortholitha Limitata.</i> (2 экз.)			
56	<i>Mamestra Oleracea.</i>			
57	<i>Acronycta Auricoma.</i>			
58	<i>Agrotis Saucia.</i>	Георгіевскій Осетинскій поселокъ.	27 іюня 4 ч. веч.	Пасмурно.
59	<i>Curculia Verbasci.</i>			
60	<i>Agrotis Upsilon.</i>	Сентинскій монастырь.	30 іюня 10 ч. дня	Солнечно.
61	<i>Agrotis Lycarum.</i>			
62	<i>Agrotis Obelisca.</i>			
63	<i>Saturnia Carpini.</i>			
64	<i>Cerura Erminea.</i>	Близъ Сентинскаго монастыря.	29 іюня 11 ч. дня	Солнечно.
65	<i>Catocola Sponsa.</i>			
66	<i>Plusia Triplasia.</i>			
67	<i>Brephos Puella.</i>			
68	<i>Lasiocampa Quercifolia.</i> (4 экз.)	За Сентинскимъ монастыремъ.	3 іюля 11 ч. дня	Солнечно.
69	<i>Papilio Podalirius.</i>			
70	<i>Papilio Podalirius.</i>	Кондратьева дача.	4 іюля 9 ч. утра	Солнечно.
71	<i>Vanessa Cardui.</i>			
72	<i>Smerinthus Populi.</i>			
73	<i>Ocneria Dispar.</i>	За дачей Кондратьева.	4 іюля 4 ч. веч.	Солнечно.
74	<i>Acronycta Cuspis.</i>			
75	<i>Lycaena Bellargus.</i> (2 экз.)			
76	<i>Zygena Confuens.</i> (2 экз.)			

№№	Названіе	Мѣсто находенія.	Время находенія.	Погода.
77	<i>Zygæna Lonicerae.</i>	} На берегу Джемата.	9 іюля 9 ч. утра	Солнечно.
78	<i>Zygæna Astrarche.</i>			
79	<i>Satyrnia Pavonia.</i>	Екатеринодаръ.	5 мая 9 ч. утра	Солнечно.
80	<i>Aporia Crataegi.</i> (2 экз.)	} Мѣстечко Учъкулька.	27 іюня 5 ч. веч.	Пасмурно.
81	<i>Pieris Brassicae.</i> (2 экз.)			
82	<i>Boarmia Secundaria.</i>			
83	<i>Agrotis Lucaruna.</i> (2 экз.)	Сентинскій мона- стырь.	29 іюня 7 ч. веч.	Слабый и тепл. вѣтеръ
84	<i>Pieris Rapae.</i> (2 экз.)	} Кузовлева дача.	8 іюля 12 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
85	<i>Melitæa Didyma.</i> (3 экз.)			
86	<i>Argynnis Latonia.</i>	} Близъ Баталпашин- ска.	24 іюня 12 ч. дня 1898 г.	Солнечно.
87	<i>Epinapsele Ianira.</i>			
88	<i>Erebia Aethiops.</i>			
89	<i>Melitæa Aurelia.</i>			
90	<i>Zygæna Argyrotoxus.</i> (2 экз.)			
91	<i>Ino Pruni.</i>	} Георгіевскій Осетин- скій поселокъ.	28 іюня 4 ч. веч.	Пасмурно.
92	<i>Ino Tenuicornis.</i>			
93	<i>Syntomis Phegea.</i>			
94	<i>Zygæna Pilosellæ.</i>			
95	<i>Zygæna Achilleæ.</i>			
96	<i>Zygæna Trifolii.</i> (2 экз.)	} Близъ Сентинскаго монастыря.	29 іюля 11 ч. дня	Солнечно.
97	<i>Zygæna Lonicerae.</i> (2 экз.)			
98	<i>Zygæna Ephialtes.</i> (3 экз.)			
99	<i>Zygæna Dorycnii.</i> (2 экз.)	Урочище Учъкулька.	27 іюня 9 ч. утра	Солнечно.

5. Растенія, собранныя Роландомъ Шиллингомъ,

воспитаникомъ 5-го класса Екатеринодарской гимназій, во время ученической экскурсіи въ Карачай, лѣтомъ 1898 года.

- № 1. *Gallium verum.* (Найдено близъ Баталпашинска).
- № 2. *Statice tatarica.* (Близъ Баталпашинска).
- № 3. *Anthemis tinctoria.* (Близъ Баталпашинска).
- № 4. Изъ семейства *Umbelliferae.* (Найдено близъ аула Сенты).
- № 5. *Linaria genistaefolia.* (Найдено на Даутскомъ перевалѣ).
- № 6. *Orobanchæa.* (Близъ Хумары).
- № 7. *Salvia partensis.* (Въ Хумарѣ).
- № 8. *Alchemilla vulgaris.* (Близъ Клухорскаго перевала).

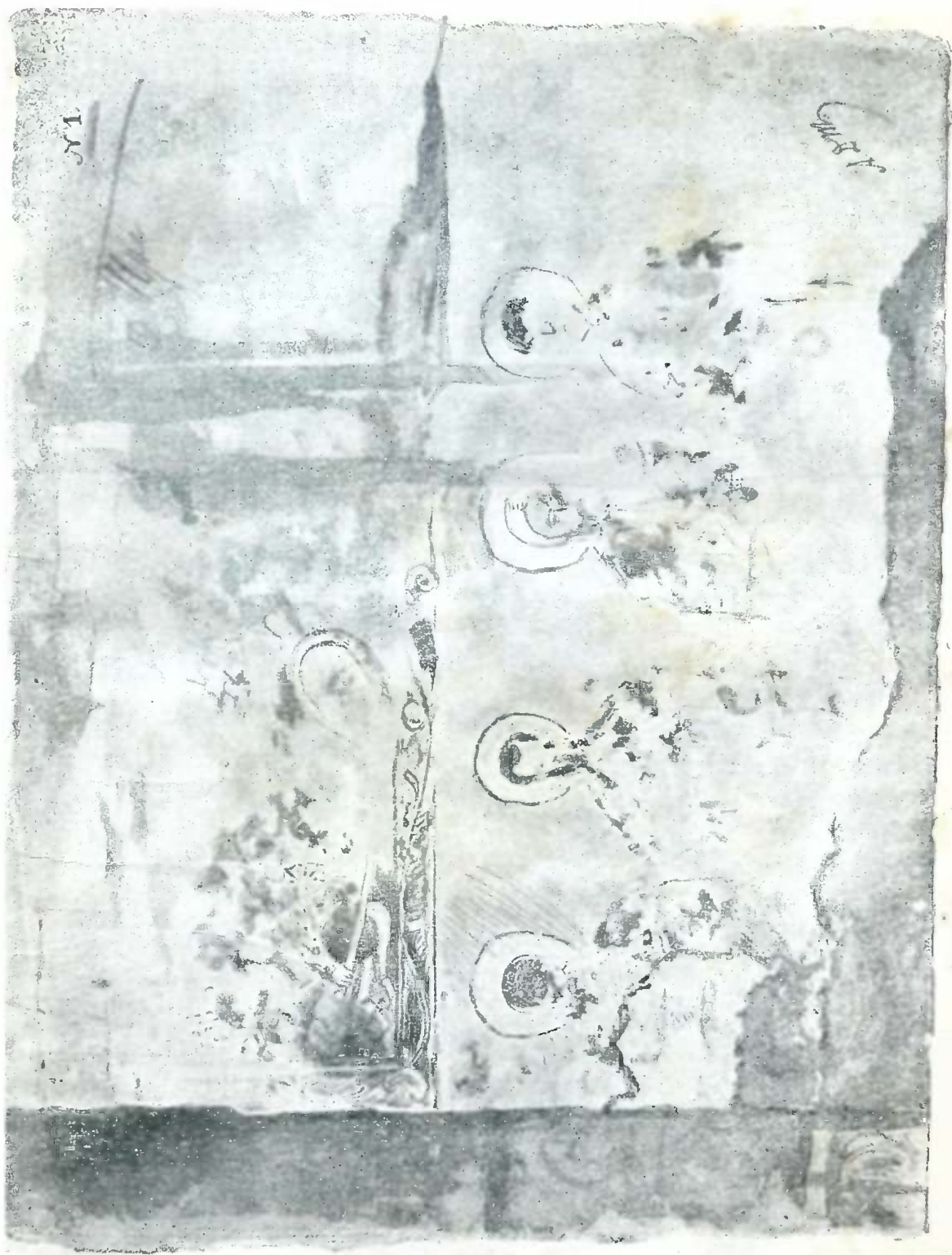
- № 9. *Hypericum perforatum*. (Близъ Баталпашиинска).
- № 10. Изъ сем. *Orchideae*. (Близъ Клухорскаго перевала).
- № 11. *Trifolium arvense*. (Близъ Баталпашиинска).
- № 12. *Inula Britannica*. (Близъ Баталпашиинска).
- № 13. *Polygonium Hydropiper* (Близъ Картъ-Джурта).
- № 14. *Dianthus*. (Въ Хумарѣ).
- № 15. *Melilotus*. (На Даутскомъ перевалѣ).
- № 16. *Malva thurigiaca*. (Близъ Баталпашиинска).
- № 17. *Althea ficifolia*. (Близъ Баталпашиинска).
- № 18. *Rosa rubiginosa*. (На Учъкуланскомъ перевалѣ).
- № 19. Изъ сем. *Compositae*. (На Даутскомъ перевалѣ).
- № 20. *Achilea Millefolium*. (Близъ Баталпашиинска).
- № 21. *Agrostemma githago*. (Въ Хумарѣ).
- № 22. *Sedum acre*. (При слияніи Учъкулана и Хурзука въ Кубань).
- № 23. *Gypsophylla paniculata*. (Близъ Баталпашиинска).
- № 24. *Malva borealis*. (На Эльбрусь).
- № 25. *Dianthus*. (Близъ Теберды).
- № 26. *Chondrilla juncea*. (Въ Хумарѣ).
- № 27. Изъ сем. *Labiatae*. (Въ Хумарѣ).
- № 28. *Lathyrus*. (Въ Хумарѣ).
- № 29. Изъ сем. *Cruciferae*. (У подошвы Эльбруса).
- № 30. *Lamium*. (У подошвы Эльбруса).
- № 31. *Datura Stramonium*. (Близъ Баталпашиинска).
- № 32. *Stipa Lessingiana*. (Близъ Хумары).
- № 33. Изъ сем. *Cruciferae*. (Близъ Хумары).
- № 34. *Anthericum ramosum*. (Близъ Хумары).
- № 35. *Lactuca muralis*. (Близъ Баталпашиинска).
- № 36. *Cichorium Inthybus*. (Близъ Баталпашиинска).
- № 37. *Digitalis*. (Близъ Клухорскаго перевала).
- № 38. *Onobrychis sativa*. (Близъ аула Сенты).
- № 39. *Medicago*. (Близъ Красногорска).
- № 40. Изъ сем. *Orchideae*. (Близъ Теберды).
- № 41. *Polygonium*. (Близъ Сенты).
- № 42. Изъ сем. *Cruciferae*. (Въ Хумарѣ).

13 апрѣля 1899 года

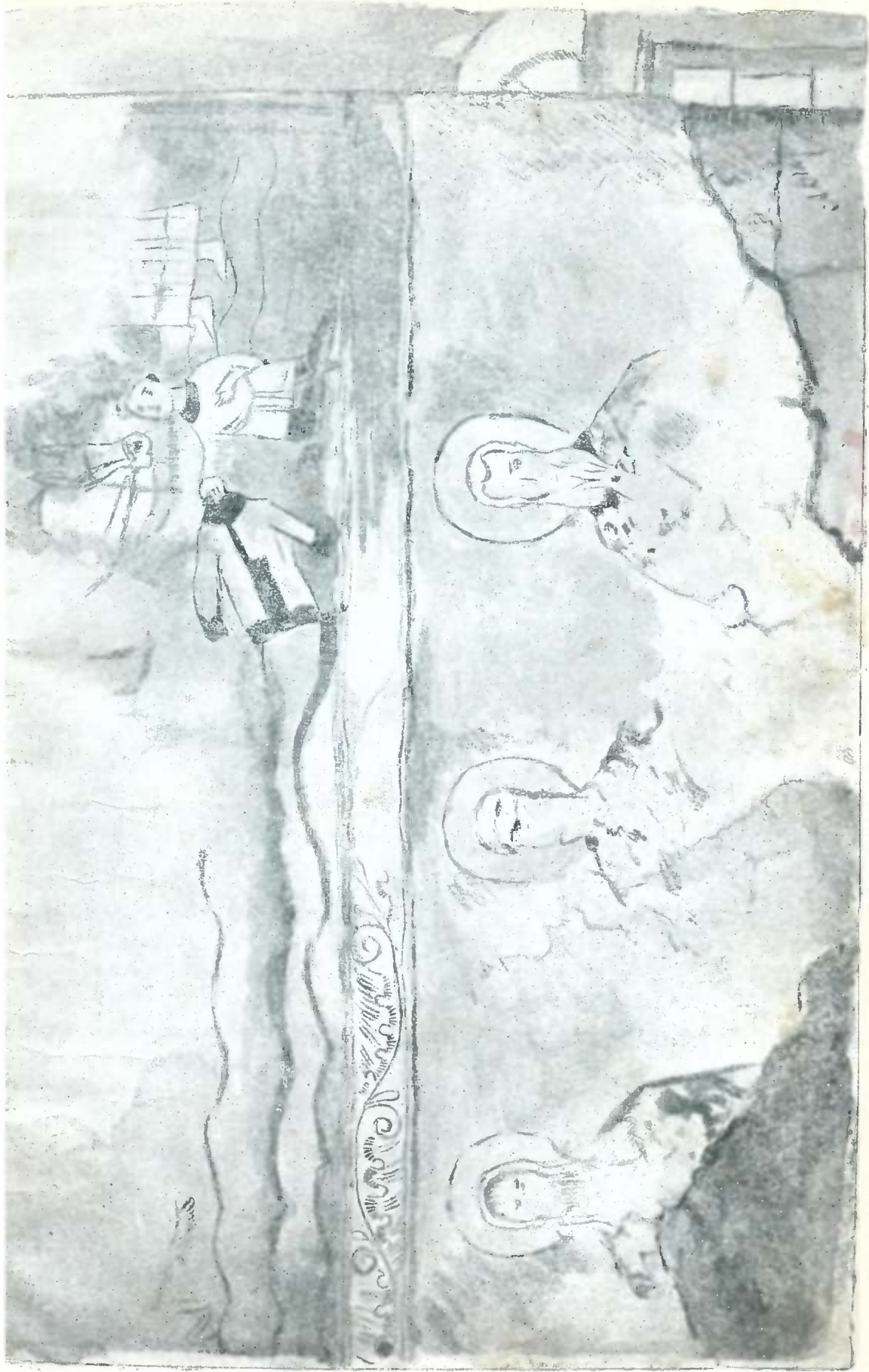
г. Екатеринодаръ.

А. Н. Дьячковъ-Тарасовъ,

Учитель Екатеринодарской мужской
гимназіи.

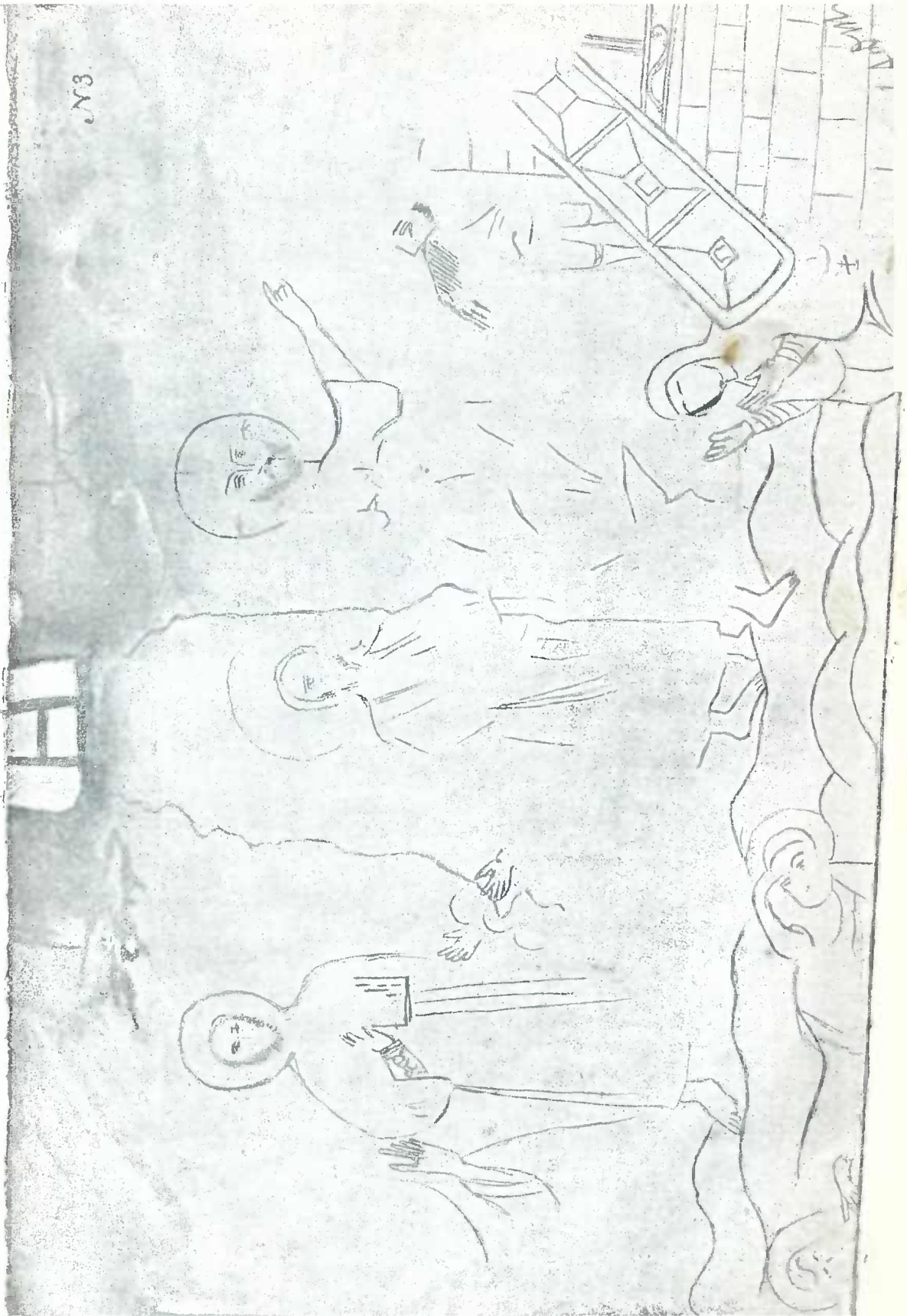

№ 1.—Южная стѣна при входѣ изъ притвора въ храмъ.

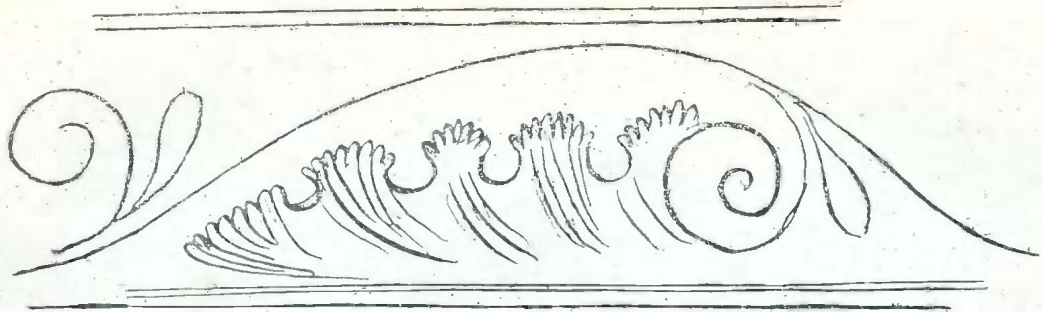

№ 2. — Царвая западная стѣна.

№3.

№ 2 — Юдифа сдила (памятник в Риме)

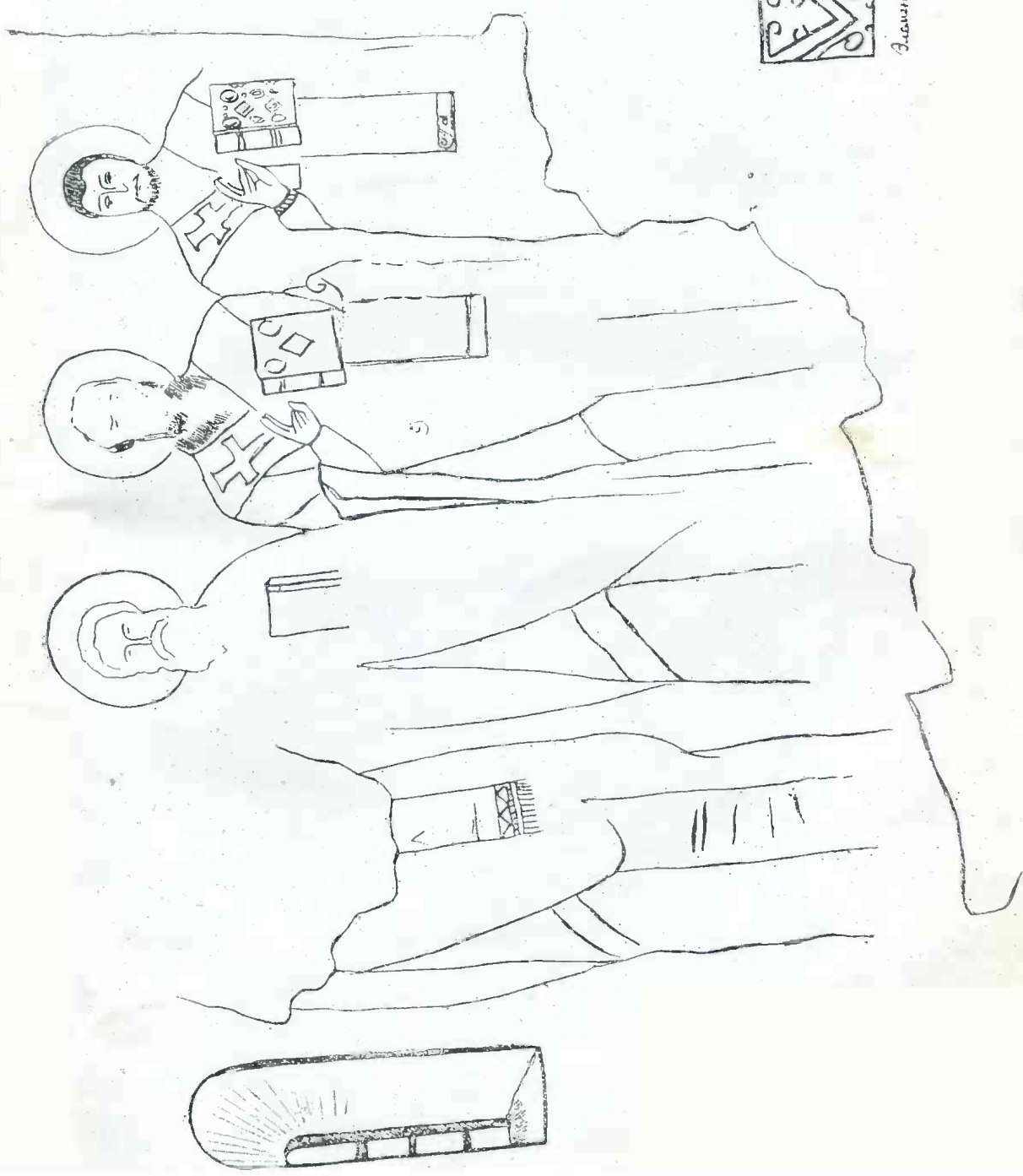
№ 17.—Орнаментъ, служащій гранью между верхнимъ и нижнимъ ярусами.

№ 4.—Изображеніе у южныхъ дверей (нижній ярусъ).

№№ 5—6. Алтарь.— Правая сторона (нижний ярус).

Восток

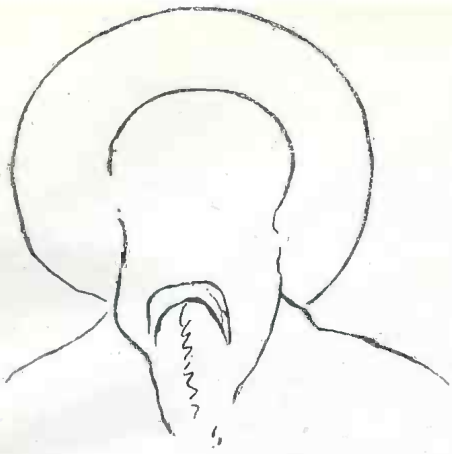
Декоративный орнамент

№ 7. — Алтарь. Правая сторона.

№ 8.—Алтарь. Запрестольный образъ.

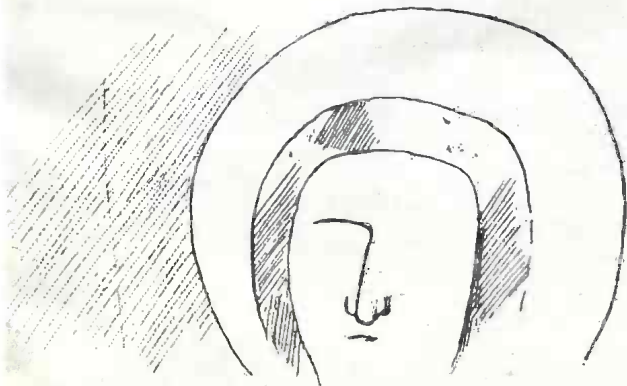
№ 10.—Алтарь. Сѣверная стѣна.

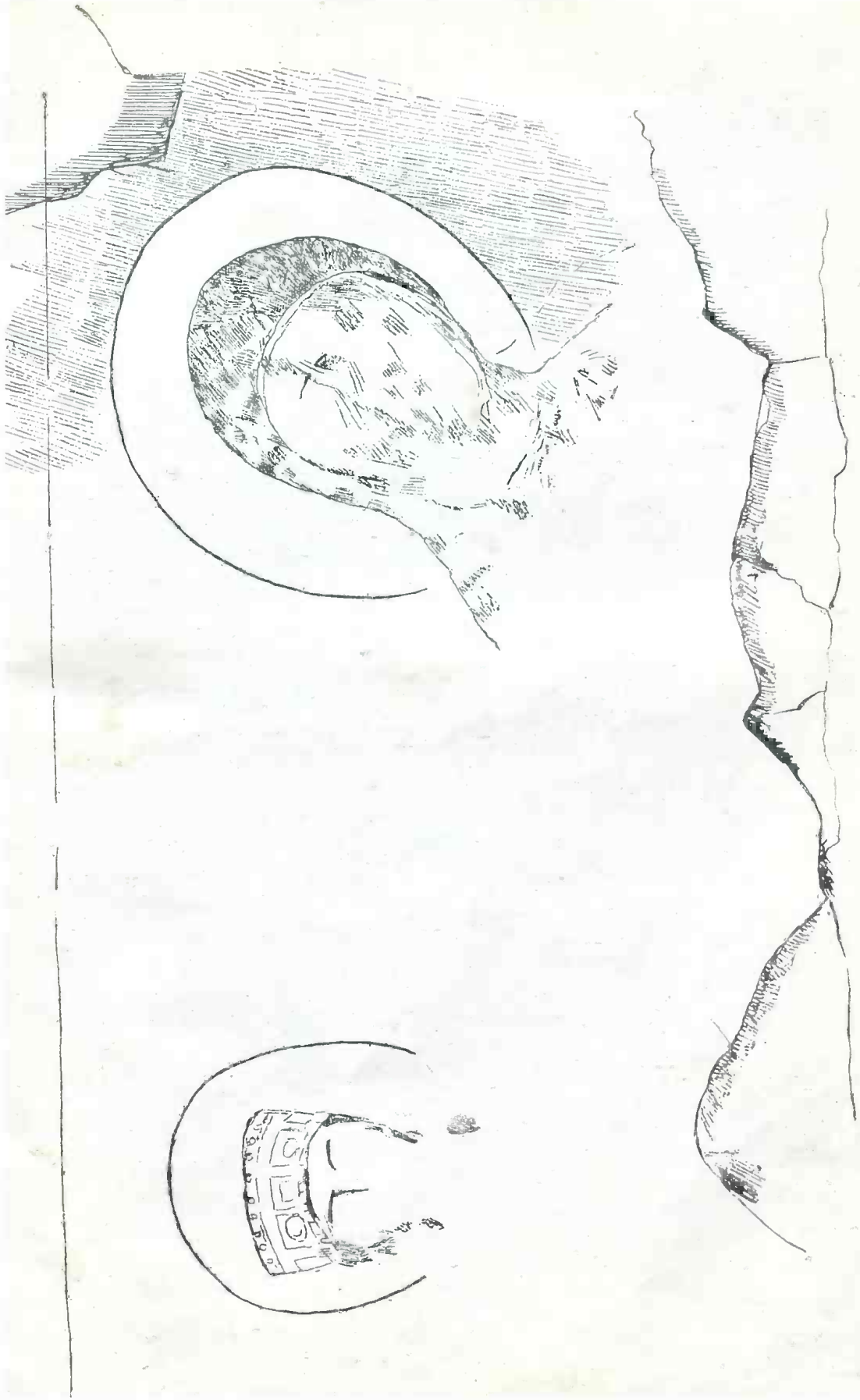
№ 11.—Алтарь. Сѣверная стѣна.

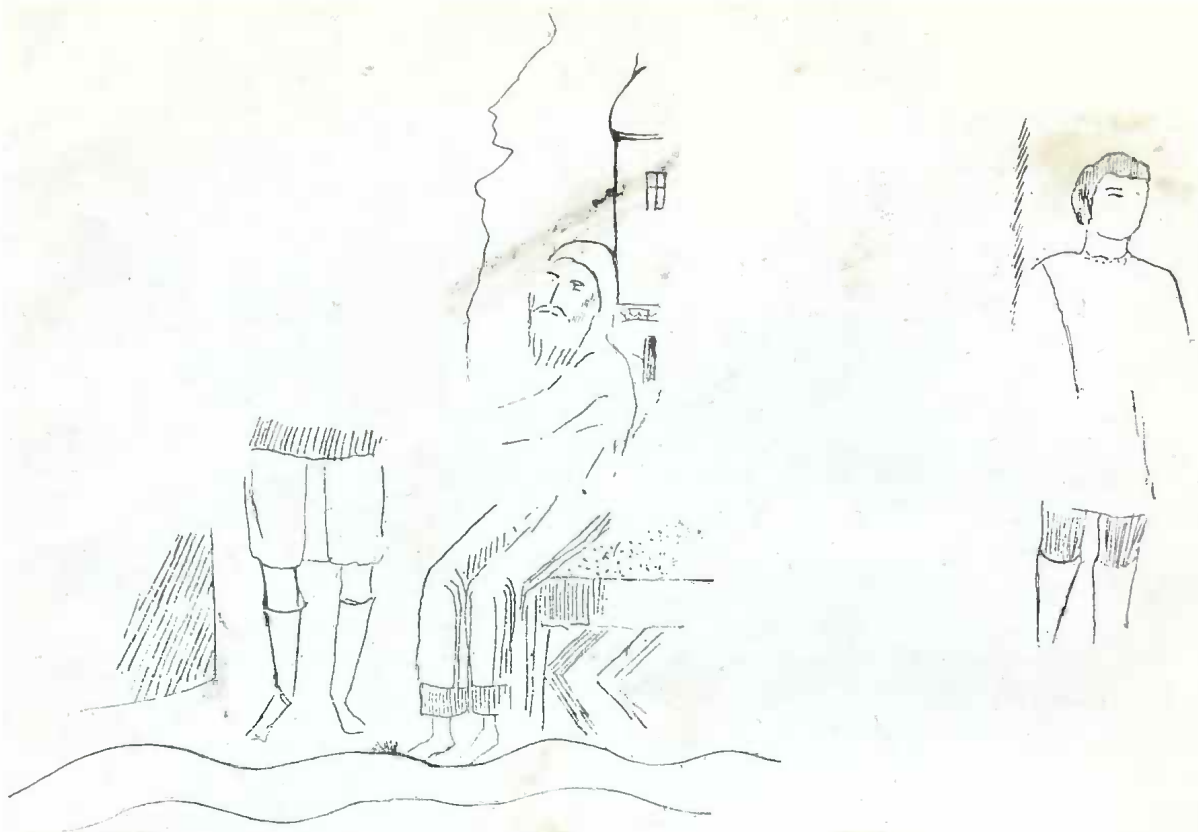
№ 9 —Алтарь. Сѣверная стѣна.

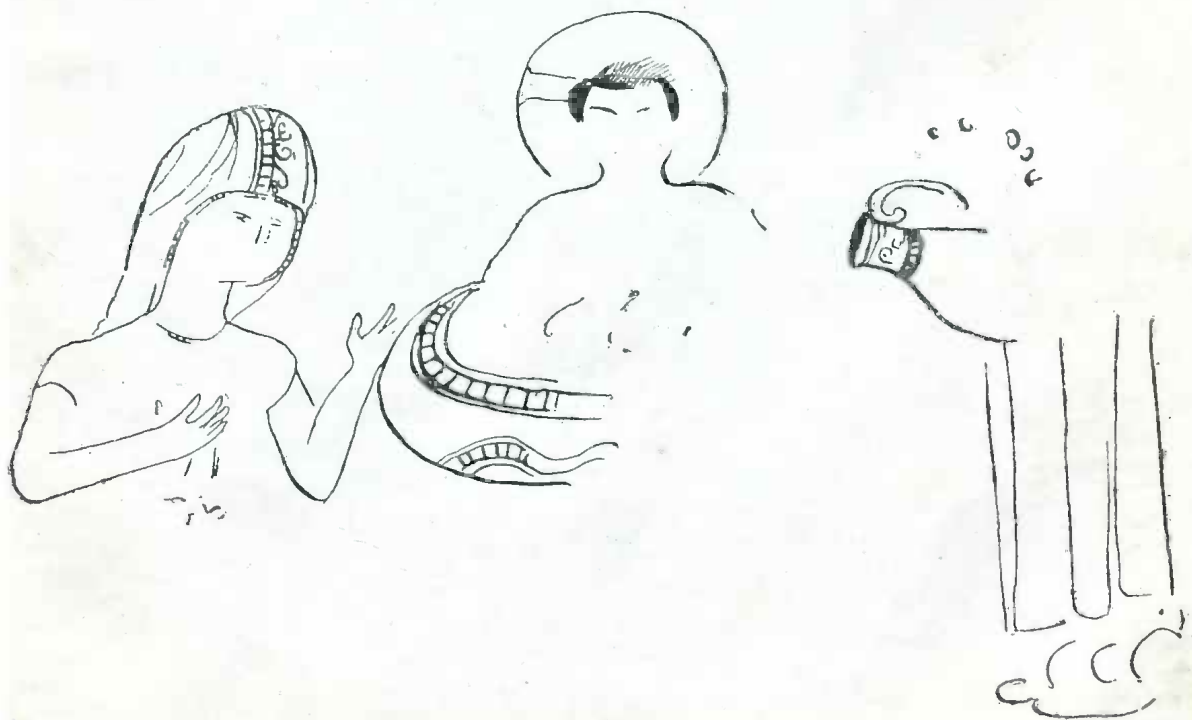
№№ 13—14.—Алтарь. Лѣвая западная сторона.

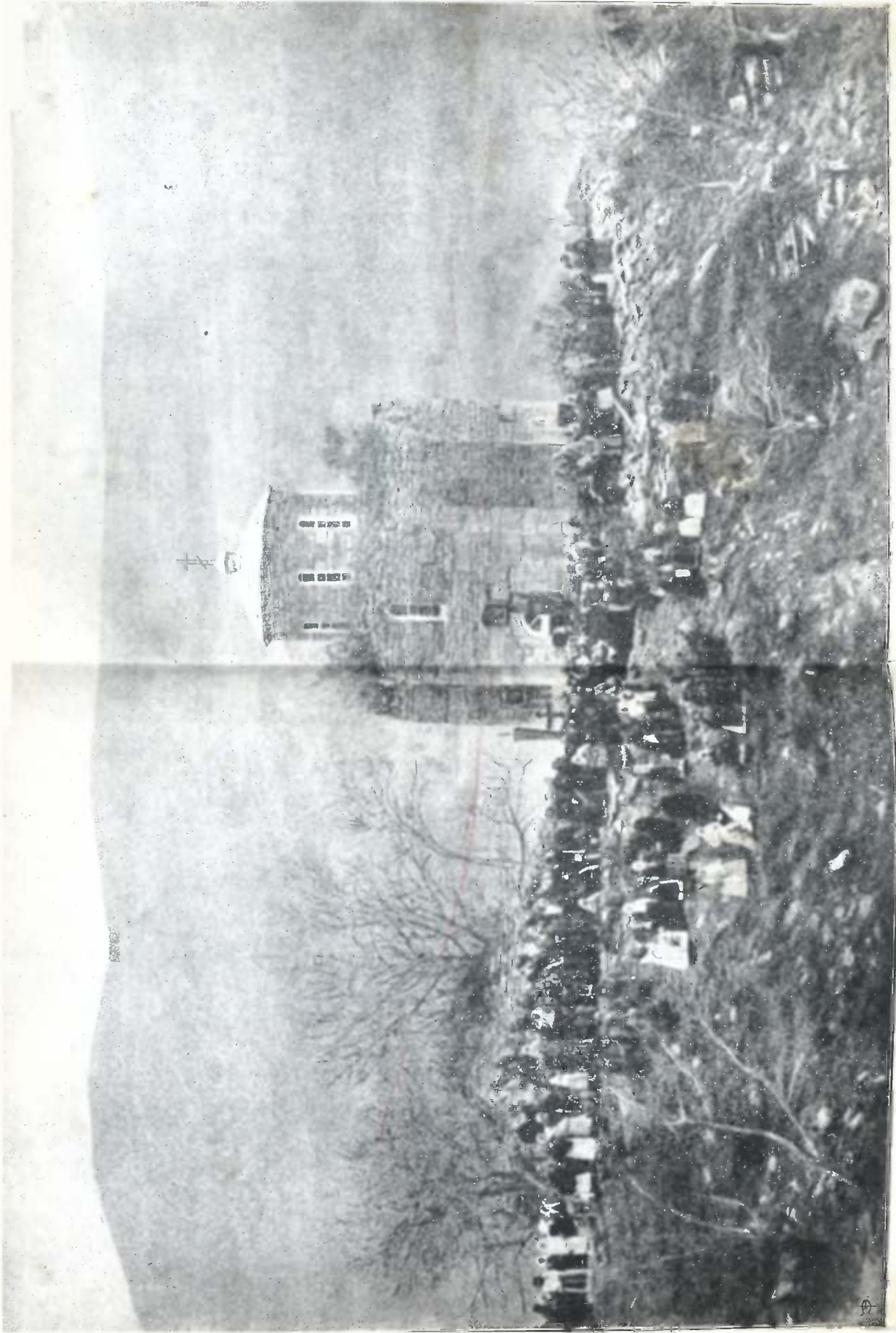
№ 15.—Сѣверная стѣна при входѣ изъ притвора въ храмъ (нижній ярусъ).

№ 16.—Западная стѣна надъ западною дверью.

№ 12.—Алтарь. Крайняя сѣверная сторона.

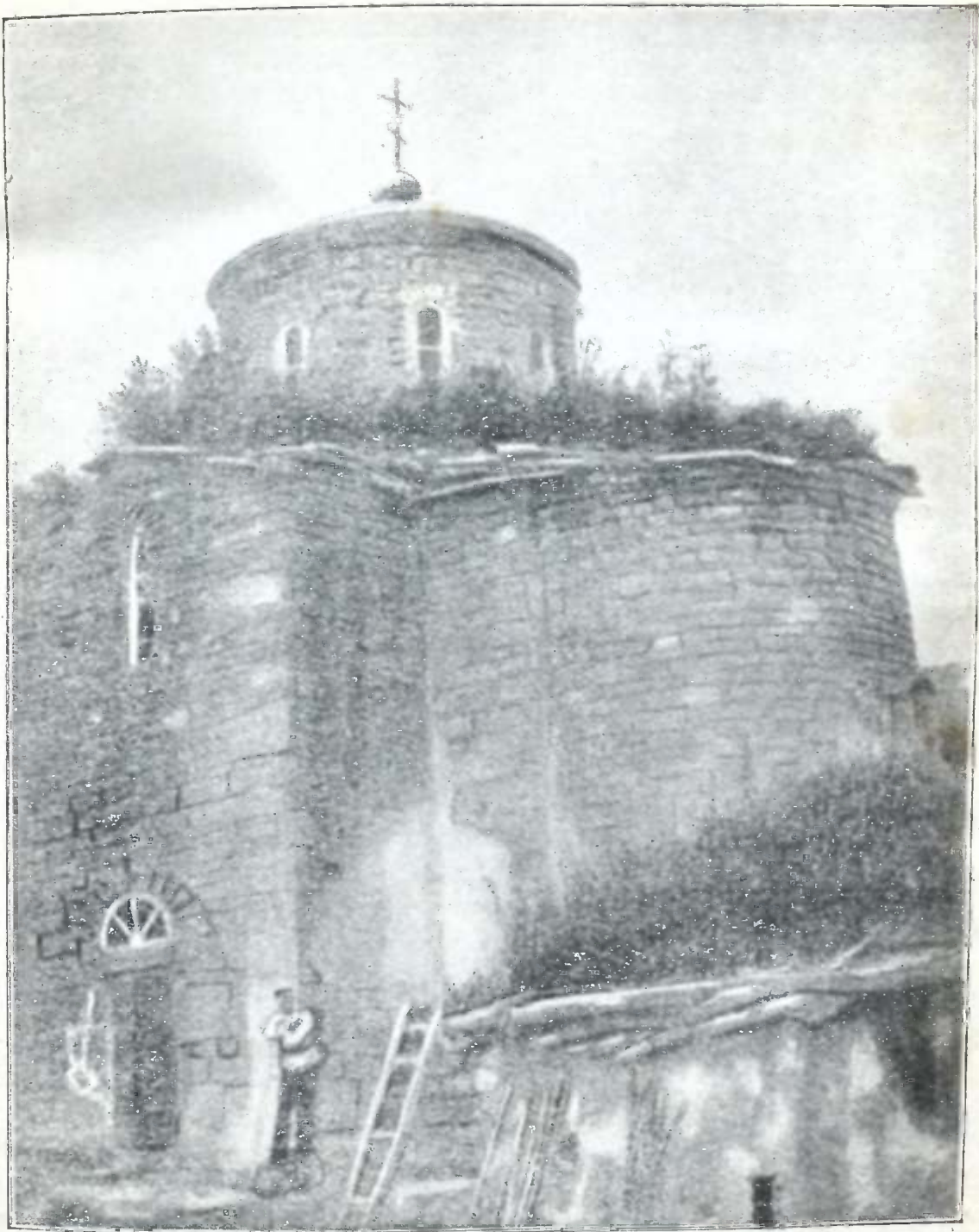
№ 18. — Сентинскій храмъ. Общій видъ храма.

№ 19.—Сентинский храмъ. Видъ съ берега р. Теберды.

№ 20.—Сентинскій храмъ.
Видъ съ западной стороны.

№ 21.—Сентинскій храмъ.
Видъ съ юговосточной стороны.

ЧЕРЕЗЪ СВАНЕТІЮ КЪ ЭЛЬБРУСУ.

I.

Трудности пути въ Сванетію. Раздѣленіе Сванетіи. Приготовленія къ путешествію.

Тамъ, гдѣ Главный Кавказскій хребетъ достигаетъ наибольшей высоты и его ослѣпительно блистающія вершины гордо высятся надъ облаками, гдѣ сползаютъ огромные ледники, превращающіеся ниже въ могучія рѣки Иагуръ и Цхенисцхали, въ глубокихъ ущельяхъ, окруженная со всѣхъ сторонъ дикими неприступными горами, затерялась цѣлая страна, населенная особымъ племенемъ, оригинальная во всѣхъ отношеніяхъ,—страна мало извѣстная, въ продолженіе девяти мѣсяцевъ въ году оторванная отъ всего остального міра непроходимыми свѣгами. Страна эта называется Сванетіею.

Немногіе туристы отваживались проникнуть въ этотъ мало доступный дикій уголокъ, и по ихъ отрывочнымъ рассказамъ можно составить себѣ слабое представленіе о своеобразныхъ красотахъ тамошней природы, передъ которыми меркнутъ все другія привилегированныя мѣста Кавказа, столь прославленные безчисленнымъ множествомъ туристовъ, не рѣшающихся свернуть въ сторону отъ почтоваго тракта.

Еще болѣе неизвѣстной представляется внутренняя жизнь обитателей этой горной мѣстности, рѣзко отличающихся отъ сосѣднихъ племенъ какъ по языку, такъ и по своимъ нравамъ и обычаямъ, и вообще стоящихъ особнякомъ среди прочихъ горцевъ Кавказа.

Въ виду этого я предлагаю читателямъ свои замѣтки, въ которыхъ я излагаю все, что мнѣ удалось отмѣтить во время продолжительнаго, но весьма труднаго путешествія по этой странѣ.

Но прежде чѣмъ приступить къ его описанію, я долженъ сказать нѣсколько словъ о самой Сванетіи.

Какъ и уже упомянулъ, этимъ именемъ называется страна, непосредственно примыкающая къ Главному Кавказскому хребту въ томъ мѣстѣ, гдѣ изъ его ледниковъ берутъ начало двѣ большія рѣки Закавказья—Игуръ и Цхенисцхали.

Все селенія Сванетіи располагаются по верхнему теченію двухъ этихъ рѣкъ.

Высокимъ Сванетскимъ хребтомъ, достигающимъ болѣе 12.000 ф. высоты и служащимъ водораздѣломъ между двумя вышеупомянутыми рѣками, страна эта дѣлится на двѣ части: 1) Сѣверную, которая, въ свою очередь, дѣлится на большіе контрфорсы Главнаго хребта на восточную и западную, и 2) южную или Дадіановскую Сванетію. Все эти части имѣютъ между собою немного общаго, что объясняется отчасти географическими, отчасти историческими условіями. Дѣло въ томъ, что южная или Дадіановская Сванетія, расположенная по верхнему теченію рѣки Цхенисцхали, имѣетъ безпрепятственное сообщеніе съ долиной Ріона, издавна служившей наиболѣе культурнымъ мѣстомъ Закавказья. Управляемая своими князьями изъ фамиліи Дадіани, она раньше другихъ отдалась подъ покровительство Россіи и съ того времени сдѣлалась болѣе доступной.

Что же касается другой части Сванетіи, отдѣленной отъ остальнаго міра двумя высокими хребтами Кавказскихъ горъ, то она представляетъ изъ себя страну, въ которую можно проникнуть только въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Въ остальное время она является уголкомъ, совершенно недоступнымъ.

Большая половина ея, лежащая въ самомъ верхнемъ теченіи Ингура, составляетъ такъ называемую Большую Свапетію, а небольшая часть, лежащая ниже по теченію рѣки, называется Дадишкеліановскою Свапетіей, по имени князей Дадишкеліани, издавна управлявшихъ ею.

Въ августѣ этого года мнѣ удалось посѣтить эту страну въ обществѣ четырехъ товарищей. Мы ограничили нашу компанію этимъ числомъ участниковъ въ виду того, что большее количество ихъ могло бы создать много затрудненій при путешествіи въ горахъ.

Рѣшено было отправиться по ущелью Ріона на сѣверъ и верстахъ въ 60 отъ Кутаиса перейти черезъ водораздѣлъ между Ріономъ и рѣкою Цхенист-цхали, продолжая путь по послѣдней вплоть до Сванетскаго хребта; далѣе пройти всю Сванетію, пересѣчь Главный Кавказскій хребетъ по одному изъ опаснѣйшихъ переваловъ, пробраться къ ледникамъ Эльбруса и возвратиться назадъ другою дорогою по ущелью р. Ингура.

Приготовленія къ путешествію были сложны. Надо было сдѣлать подходящіе костюмы и главное—обувь, годную для ходьбы въ горахъ. Кроме того, надо было запастись кошками, необходимой вещью при путешествіи по ледникамъ, спальными войлочными мѣшками, удобными сумками для помѣщенія своихъ вещей, которыя въ случаѣ надобности можно было бы нести на себѣ, бензипками и другими приспособленіями для варки пищи въ мѣстахъ безлѣсныхъ и множествомъ другихъ вещей. Не были забыты сухари и всевозможные консервы, которые были бы достаточно питательны и занимали бы мало мѣста.

Каждый избралъ себѣ какую-нибудь спеціальность. Одинъ заботился о собираніи растений, другой взялъ на себя трудъ вести метеорологическія наблюденія, я захватилъ фотографическій аппаратъ и винтовку; почти все мы имѣли

при себѣ револьверы, такъ какъ раньше бывали въ горахъ и знали, что много случайностей ожидаетъ насъ впереди. Надо было быть готовыми ко всему.

II.

Выступленіе въ путь. Ріонское ущелье. Р. Ладжанура. Мѣстечко Цагеры. Ущелье р. Цхенись - цхали. Истребленіе лѣсовъ. Развалины моста. Дадіановская Сванетія и первое сванетское селеніе. Охотники за турами.

Наконецъ 5-го августа, утромъ, мы двинулись въ путь въ небольшой крытой линейкѣ; верстѣ на 60 дорога допускаетъ такой способъ передвиженія, а далѣе надо уже пробираться верхомъ.

Путь нашъ лежалъ по узкому ущелью Ріона. Последнее лишь изрѣдка расширяется, образуя долины, сплошь покрытыя посѣвами кукурузы, которые лѣбятся и по ея краямъ и на крутыхъ склонахъ, поднимающихся мѣстами подъ угломъ около 50°, такъ что при уборкѣ приходится обращаться къ помощи веревокъ. Только страшное малоземелье заставляетъ жителей обрабатывать эти участки.

Скоро мы добрались до того мѣста, гдѣ Ріонъ прорѣзываетъ Накеральскій хребетъ, и передъ нами обрисовалась вершина горы Хвамли. Достигая 8000 фут. высоты, она представляетъ изъ себя острый гребень, почти доверху заросшій хвойными лѣсами, и только самая вершина ея поднимается отвѣсными стѣнами. Гора эта, господствуя надъ окружающими высотами, видна далеко, почти отъ самаго моря. Когда тучи покрываютъ ея вершину, жители говорятъ, что будетъ непогода. Съ этой горою связанъ извѣстный мифъ о Проміеѣ, который будто бы былъ прикованъ къ ея вершинѣ.

Геологически она составляетъ продолженіе той складки, которая называется Накеральскимъ хребтомъ, — складки, состо-

ящей изъ такъ называемыхъ капротиновыхъ известняковъ, составляющихъ очень интересную породу известняковъ съ прослойками розоваго кварца. Изъ растений, типичныхъ для этого хребта, нельзя не отмѣтить недавно открытый вымирающій видъ крушины, растущій только въ этихъ мѣстахъ.

Недалеко отъ м. Цагеры, послѣдняго почтоваго тракта, дорога сворачиваетъ отъ Ріона въ ущелье одного изъ его притоковъ, р. Ладжануры. Горная эга рѣчка бьется въ крутыхъ отвѣсныхъ скалахъ, достигающихъ 3—4 тысячъ футовъ высоты; падая безчисленными каскадами, блещитъ она въ глубинѣ узкаго ущелья. На протяженіи двухъ часовъ пути дорожка вьется по карнизу гигантскихъ скалъ, нависшихъ носъ бурливую рѣчкой. Еще 3 часа пробираемся мы по внезапно расширившейся долинѣ, переходимъ небольшой переваль около 2000 ф. надъ уровнемъ моря, составляющій водораздѣлъ между р. Ладжанурой и р. Цхенись-цхали, и спускаемся къ м. Цагеры.

Цагеры расположены на лѣвомъ берегу Цхенись-цхали и съ перевала весьма красивы. Цагеры это своего рода столица. Здѣсь живетъ уѣздный начальникъ Лечгумскаго уѣзда, приставъ Сванетіи и другія административныя лица.

Съ ихъ помощью намъ удалось быстро найти верховыхъ лошадей. Понадобилось всего 7 лошадей, пять изъ нихъ для насъ и два—подъ вьюки. До этого мѣста мы могли доставать вездѣ сѣстные припасы, такъ что наши запасы были нетронуты и вмѣстѣ съ остальными вещами составляли два порядочныхъ вьюка. Покинувъ м. Цагеры, мы тотчасъ попали въ невѣроятно узкое ущелье р. Цхенись-цхали.

Дорожка вырублена въ совершенно отвѣсной скалѣ, и ширина ея не превышаетъ 2½ арш. Шель дождь, густой туманъ закрывалъ ущелье сверху, сильный сѣверный вѣтеръ такъ и билъ въ лицо на поворотахъ тропинки. Мѣстами дорожка прямо становилась опасной. Но вскорѣ погода прояс-

нилась, надъ нами заблестало солнце и яркими лучами освѣтило прекрасною картину.

Ущелье немного раздвинулось. По правой и лѣвой сторонѣ тянулись высокіе хребты горъ, одѣтые внизу густыми зарослями лавровишни и орѣшника, выше постепенно смѣняющимися темнѣющей хвоей гигантскихъ пихтъ и елей; еще выше разстилались мягкіе альпійскіе луга, кое-гдѣ перерываемыя высокими скалами, по зубцамъ которыхъ бродили одинокія облачка; глубоко внизу многоводная Цхенись-цхали катила свои бурныя волны, и далеко передъ нами, на темносинемъ небѣ, играли въ лучахъ яркаго солнца высокія снѣжныя вершины Сванетскихъ альпъ.

Въ 10 верстахъ отъ Цагеръ находится контора одного мѣстнаго лѣсопромышленника. Въ этихъ дикихъ мѣстахъ пока онъ одинъ занимается сплавкой лѣса. Срубленные деревья спускаются со склоновъ въ Цхенись-цхали и, тамъ прыгая по каменистому руслу, съ необыкновенной быстротой сплавляются внизъ. Ни о какихъ плотахъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Дай Богъ, чтобы отдѣльнымъ деревьямъ удалось благополучно проскользнуть между камнями. Часто огромные стволы разбиваются въ щепки... Но запасъ великъ—и новые гиганты подають подъ ударами дровосѣка. Внизу, гдѣ теченіе уже ровно и спокойно, ихъ ловятъ на лодкахъ. Само собою разумѣется, что въ этихъ первобытныхъ лѣсахъ не стѣсняются вырубкой лучшаго матеріала, безъ всякой системы, съ единственнымъ расчетомъ, что „на нашъ вѣкъ хватить“; жаль смотрѣть на эти богатства, расточаемыя столь нерасчетливо; кажется, что пройдетъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, и жалкіе оголенные склоны не напомнятъ путнику о былой мощи и красотѣ этихъ мѣстъ.

День близился къ концу. Мы уже подъѣзжали къ сел. Лентехи, какъ вдругъ ѣхавшій впереди остановился передъ какимъ-то страшнымъ сооруженіемъ, переброшеннымъ черезъ рѣку. По-

томъ оказалось, что мостъ этотъ едва былъ выстроенъ, какъ разбушевавшаяся послѣ дождей рѣка перевернула его на бокъ, и съ тѣхъ поръ онъ такъ и остался. Годы идутъ, а онъ себѣ стоитъ да стоитъ. Образовалась тропинка на одномъ его краѣ, по которой и ѣздить верхомъ; онъ даже еще прочень достаточно, но видъ у него ужасный, и ѣзда по нему производитъ на непривычнаго человѣка неприятное впечатлѣніе.

Благополучно переправившись, мы прибыли въ Лентехи, первое селеніе Сванетіи. Здѣсь намъ пришлось пробыть почти весь слѣдующій день, пока не удалось достать лошадей. Мы не жалѣли объ этомъ. Изъ селенія открывается прекрасный видъ на ущелье р. Халадуры и замыкающія его на сѣверѣ свѣжныя вершины Сванетскаго хребта.

Прямо передъ нами вырисовывался бѣлый пикъ горы Лакуры, около которой проходитъ Ланарскій переваль, гдѣ отваживаются проходить только охотники за турами. Въ этихъ дикихъ мѣстахъ водится много этихъ животныхъ; но охота за ними трудна. Обыкновенно охотникъ заранѣе отправляется въ тѣ мѣста, которыя посѣщаются звѣремъ. Вооруженный винтовкой, съ небольшою сумкой за плечами, онъ идетъ иногда десятки верстъ по едва замѣтнымъ тропинкамъ, надъ пропастями, черезъ ледники, къ голымъ каменистымъ вершинамъ, гдѣ залегаютъ днемъ туры и серны.

Долго и внимательно осматриваетъ охотникъ окрестныя скалы; трудно отличить близко подходящее къ нимъ по окраскѣ животное. Но вотъ зоркій глазъ свана различаетъ желанныя фигуры, и съ этого момента начинается охота. Иной разъ надо потратить 2—3 часа, чтобы пройти окольнымъ путемъ, пробираясь по каменистымъ осыпямъ и снѣгамъ, обходя трещины или скалы, по влажной альпійской травѣ къ замѣченному животному. Горе неопытному охотнику, который, разгорячившись, невѣрно поставитъ ногу—онъ можетъ слетѣть въ пропасть или погибнуть въ трещинахъ ледниковъ.

стѣны которыхъ такъ гладки, что оттуда нѣтъ возврата. А то налетятъ и сгустятся туманы, поднимется снѣжная мятель, и несчастный замерзнетъ засыпанный лавинами, если не успѣетъ во время найти надежное прикрытіе.

Нужны крѣпкія ноги горца, его зоркіе глаза и врожденная способность быстро ориентироваться въ горахъ, чтобы возвратиться черезъ нѣсколько дней въ свою семью, съ туромъ за плечами.

Въ сел. Лентехи мы встрѣтили одного охотника. Много туровъ и сернь пало отъ его мѣткихъ выстрѣловъ. Много разъ жизнь его подвергалась опасностямъ въ его родныхъ горахъ. Онъ разсказалъ намъ, что туры въ большинствѣ случаевъ держатся стадами отъ 5—20 головъ. Тамъ, гдѣ они водятся постоянно, встрѣчаются и горныя индѣйки. Эти крупныя птицы, просто несчастье для охотника: лишь только завидятъ онѣ человѣка, какъ начинаютъ громко, пронзительно кричать, и крикъ этотъ гулко отдается въ горахъ. Туры и серны знаютъ этотъ крикъ и быстро скрываются въ неприступныя скалы. Тогда остается повѣсить ружье за плечи и снова итти на поиски. Часто охотники выбираютъ себѣ укромное мѣстечко въ скалахъ около альпійскихъ пастбищъ, куда спускаются звѣри утромъ и вечеромъ, и здѣсь подкарауливаютъ ихъ.

Вообще охота эта связана съ большими лишеніями и опасностями, но для свановъ она—желанное наслажденіе, выше котораго ничего нѣтъ въ его суровой жизни...

III.

Отъѣздъ изъ Лентеховъ. Сел. Челуры. Кретины. Искусственныя террасы. Подъемъ на Латпарскій перевалъ. Лѣсная растительность. Видъ съ перевала. Ночлегъ на перевалѣ.

Мы выѣхали изъ села Лентехи лишь передъ вечеромъ, по направленію къ востоку, по живописному ущелью Цхенись-

цхали. Вскорѣ взошла луна и освѣтила фантастическимъ свѣтомъ окрестныя горы. Рѣка билась въ глубинѣ, мѣстами какъ бы проваливаясь въ пропасти, мѣстами вдругъ вырываясь на свѣтъ и просторъ и разсыпаясь миллиардами брызгъ, странно озаренныхъ сильнымъ свѣтомъ ночного свѣтла. Никогда не видалъ я такого блеска луны! Да и нѣтъ его въ долинахъ, потому что только на этихъ высотахъ такъ кристаллически чистъ воздухъ. По обѣимъ сторонамъ долины попало намъ нѣсколько селеній. Ихъ домики, сложенные изъ свѣтлаго известняка, съ крышами изъ блестящаго сланца, издали, при лунномъ освѣщеніи, казались ярко бѣлыми кубиками, лѣзящими на склонахъ горъ.

Мы ѣхали медленнымъ шагомъ, невольно поддавшись очарованію чудной ночи... Тихо, тихо было вокругъ; казалось, самый воздухъ спалъ, а кругомъ стояли на стражѣ молчаливые каменные великаны. Вдругъ нашего слуха коснулся мелодичный звонъ; онъ то приближался къ намъ, то затихалъ, мѣрно раздаваясь въ ночной тишинѣ, и гулкое эхо придавало ему какую-то особенную прелесть... На вопросъ нашъ, что это значитъ, проводникъ объяснилъ, что этимъ звономъ отгоняютъ медвѣдей, которыхъ очень много въ этихъ мѣстахъ. Оказалось, что около одного горнаго ручья пристроена чугунная доска, по которой бьетъ молотокъ, приводимый въ движеніе силою воды. Остроумно, но едва ли дѣйствительно, такъ какъ этотъ ровный звонъ, раздаваясь день и ночь много лѣтъ, должно быть уже хорошо извѣстенъ медвѣдямъ и мало ихъ беспокоитъ.

Около 11 часовъ вечера мы прибыли въ с. Челуры, состоящее, какъ и всѣ селенія нижней Сванетіи, всего изъ 4—5 домовъ. Они располагаются очень близко другъ къ другу. Каждый домикъ имѣетъ два этажа, изъ которыхъ нижній для скота, а верхній служитъ помещеніемъ для людей. Въ него ведетъ прислоненная къ стѣнѣ лѣстница, по

которой вы взбираетесь на небольшой балкончикъ, откуда черезъ низкую дверь входите въ единственную комнату. Дома не имѣютъ трубъ, и дымъ отъ костра выходитъ сквозь щели между каменными плитами, изъ которыхъ сложена крыша. Незатѣйливые внутри, домики эти снаружи имѣютъ довольно приличный видъ. Жители—сваны, типичные горцы, говорятъ на особомъ языкѣ, непонятномъ для грузина. Въ одномъ мѣстѣ мы просили позволенія осмотрѣть внутренность дома, но получили отказъ подъ предлогомъ, что въ домѣ есть оспенные больные. Лучъ свѣта еще не проникъ въ это темное царство, и о предохранительной прививкѣ оспы нѣтъ и рѣчи.

Продолжая нашъ путь на слѣдующій день, мы встрѣтили кретина съ огромнымъ двустороннимъ зобомъ. Это былъ человекъ лѣтъ 50, средняго роста, здороваго тѣлосложенія, но со всѣми признаками упомянутой болѣзни. Онъ глупо улыбался; движенія его были конвульсивны и неправильны. Зобъ и сопровождающій его кретинизмъ бичъ этихъ мѣстъ. Наука безсильна объяснить эту особенность горныхъ мѣстностей. Впрочемъ, были попытки. Высказывалось мнѣнiе, что губительно дѣйствуетъ недостатокъ іодистыхъ солей въ водѣ горныхъ рѣкъ, недалеко отъ ихъ истоковъ. Говорились также, что причиною развитія кретинизма можно считать мало провѣтриваемый воздухъ запертыхъ ущелий. Последнее мнѣнiе имѣетъ, повидимому, больше основаній. Во всякомъ случаѣ вопросъ остается открытымъ. Намъ передавали, что дальше мы встрѣтимъ больше зобатыхъ; но въ общемъ оказалось, что мы встрѣчали ихъ болѣе или менѣе равномерно по всей Сванетіи, и только въ самомъ западномъ углу Дадишкеліановской Сванетіи по р. Ингуру эта болѣзнь болѣе распространена.

Мѣстами узкое ущелье, по которому лежалъ нашъ путь, расширяется въ небольшую долину, около версты шириною. Въ такихъ долинахъ расположены селенія, къ которымъ не-

посредственно примыкають пашни. Мы были весьма удивлены, замѣтивъ, что обѣ стороны долины въ такихъ мѣстахъ спускаются очень правильными террасами, и обрывъ каждой такой террасы старательно выложенъ камнями. Изумленіе наше достигло крайнихъ предѣловъ, когда мы узнали, что все эти террасы искусственны. Наносится почва, и склоны, прежде негодные ни къ какой культурѣ, обращаются въ отличныя поля, на которыхъ сѣютъ кукурузу, просо, пшеницу, а повыше на склонахъ—ячмень и рожь.

Переночевавъ въ с. Челурахъ, мы рано утромъ выступили въ путь, на этотъ разъ безъ всякихъ остановокъ, такъ какъ лошадей мы наняли въ Лентехахъ до послѣдняго сванетскаго селенія Пари. Около 8 ч. утра мы уже начали подъемъ на Латнарскій перевалъ, который пересѣкаетъ Сванетскій хребетъ на высотѣ почти 9,000 футовъ.

Сванетскій хребетъ тянется отъ запада къ востоку, параллельно Главному, достигая высоты около 13,000 ф. надъ ур. моря.

Средняя часть его изобилуетъ глетчерами, которые стекаютъ какъ съ южныхъ его склоновъ, такъ и съ сѣверныхъ. Далѣе къ востоку хребетъ, понижаясь, постепенно поворачиваетъ къ сѣверу и отдѣльными развѣтвленіями подходит къ главной цѣпи Кавказскихъ горъ.

Черезъ Сванетскій хребетъ существуютъ два перевала: Латнарскій, черезъ самую средину хребта, и Латнарскій, находящійся далѣе къ востоку около вершины того же имени.

Первый проходитъ по весьма большой высотѣ, среди самыхъ дикихъ мѣсть, черезъ снѣга и ледники и весьма опасенъ.

Латнарскій перевалъ въ лѣтнее время одинъ изъ самыхъ легкихъ переваловъ вообще. Высота его около 9,000 футовъ, и дорожка удобна для верховой ѣзды, почему мы и рѣшили избрать этотъ путь.

Тропинка съ самаго начала подъема идетъ по великолѣпному дѣвственному лѣсу, но чѣмъ выше поднимались мы, тѣмъ болѣе измѣнялась окружающая насъ мѣстность. Высокіе буковые лѣса смѣнились березовыми рощами, состоящими изъ мощныхъ деревьевъ. Иногда насъ окружала чисто сѣверная природа, живо напомнившая мнѣ мою родину—далекую Сибирь. Такъ же разсыпались мелкіе березовые колки (рощи), такъ же попадались среди нихъ небольшія поляны, покрытыя черникой и другими ягодами, такъ же бѣдно и грустно было все вокругъ. Но вотъ кончились и березовые лѣски, и потянулись однообразные альпійскіе луга съ кое-гдѣ тарчащими голыми скалами. Около трехъ часовъ ѣхали мы по этимъ лугамъ, пока наконецъ не достигли верхней точки перевала. Взойдя на вершину, я былъ такъ пораженъ открывшимся передо мною видомъ, что долгое время стоялъ неподвижно, не будучи въ силахъ справиться съ овладѣвшимъ мною волненіемъ.

Вся высочайшая часть Главнаго Кавказскаго хребта отъ Эльбруса почти до Казбека была передъ нами какъ на ладони. Сіяя дивными оттѣнками въ яркихъ лучахъ полуденнаго солнца, величественно вырисовывались мощные пики ледяныхъ великановъ. Бѣлыя, ослѣпительно блестящія вершины, выдѣляясь на фонѣ темно-голубого неба, были такъ нѣжны и прекрасны, что нельзя было оторвать глазъ отъ этого чуднаго зрѣлища. Кое-гдѣ бродили одинокія облачка, придавая еще больше прелести этой картинѣ. Могучія ледяныя рѣки спускались тамъ и сямъ, и ихъ снѣжныя поля блистали оттѣненныя окрестными черными скалами, подобно огромнымъ аренамъ. Острые конусы Тетнульда и Гестолы господствовали надъ всѣми; высочайшая ровная гряда Шхары тянулась къ востоку отъ нихъ, между тѣмъ какъ безчисленные снѣжные зубцы въ самомъ фантастическомъ безпорядкѣ разсыпались къ западу, гдѣ за ними видѣлся раздвоенный

конусъ неприступной горы Ушбы. Гордо высилась она въ голубомъ небѣ перерѣзанная на половинѣ длиннымъ узкимъ облакомъ; мрачно глядѣли внизъ черныя почти отвѣсныя стѣны въ массы льдовъ, опоясывающихъ ее съ востока, гдѣ огромный ледникъ спускался съ сосѣднихъ высотъ.

Странное и глубокое впечатлѣніе производила эта картина: такъ и вѣяло отъ нея мощью; казалось, будто какія-то космическія силы произвели этотъ хаосъ, и въ этомъ дикомъ безпорядкѣ все вдругъ заснуло мертвымъ сномъ и съ тѣхъ поръ стоитъ неподвижно и молча, смотря на землю съ своей заоблачной высоты. Проходятъ вѣка, мѣняются поколѣнія людей, а ледяныя громады попрежнему холодно и спокойно смотрятъ внизъ, чуждыя всему, какъ-то странно не гармонирующія съ роскошной зеленою долиною.

Видъ былъ такъ привлекателенъ, что мы рѣшили остаться на вершинѣ весь день и переночевать, чтобы утромъ, когда послѣднія облачка покидаютъ горы и спускаются въ долины, еще разъ вдоволь налюбоваться.

Для привала расположились мы на открытой полянѣ, и такъ какъ топлива не было, то зажгли бевзипки и сварили чай; закусивъ, отправились бродить и собирать растенія въ разныя стороны.

Къ закату небо окончательно прояснилось, и вершины горъ окрасились чуднымъ розовымъ свѣтомъ, между тѣмъ какъ ущелья наполнились темно-фіолетовой дымкой. Еще нѣсколько косыхъ лучей ударило въ бѣлый конусъ Тетнульда; вспыхнулъ онъ на мгновеніе, и черезъ минуту фіолетовыя тѣни быстро пробрались къ его снѣжнымъ полямъ. Прошло полчаса. Картина измѣнилась. Возшла луна и озарила окрестности своимъ сильнымъ матовымъ блескомъ. Какъ привидѣнія выступили на темномъ фонѣ неба залитыя луннымъ свѣтомъ снѣжныя вершины.

Поднявшійся было вѣтеръ стихъ, и ни одинъ звукъ не нарушалъ торжественной тишины ночи.

Мы расположились поближе другъ къ другу, залѣзли въ свои войлочные мѣшки и прикрылись бурками. Было холодно. Я долго не могъ заснуть, все ждалъ какихъ-нибудь звуковъ, нѣсколько разъ высовывалъ голову изъ-подъ бурки, чтобъ еще разъ взглянуть на горы, а онѣ стояли попрежнему холодныя и молчаливыя...

Около 12 часовъ ночи вдругъ набѣжалъ туманъ; тонкимъ слоемъ покрылъ онъ переваль; казалось, что мы плывемъ по волнующемуся морю; онъ то яснилъ, то снова сгущался и блестѣлъ при свѣтѣ луны; горы причудливо появлялись то своей нижней, то верхней частью, но черезъ минуту пропадали изъ вида. Въ 2 часа туманъ уже исчезъ быстро и незамѣтно, какъ и появился...

Я проснулся рано отъ холода. Несмотря на мѣшокъ и бурку, спина была какъ деревянная, и надо было согрѣть ее быстрыми движеніями, чтобы придать ей обычную гибкость.

Пока мои товарищи приготовлялись къ чаепитію, я взялъ ружье и отправился на высокій кряжъ, поднимающійся къ востоку отъ перевала по крайней мѣрѣ еще на 1500 ф.

Подъемъ былъ бы утомителенъ, если бы не чудный видъ, все время находящійся передъ глазами и заставляющій забыть объ усталости. Солнце взошло, и снова, какъ вчера, но только въ обратномъ порядкѣ, встывали вершины горъ. Ни одного облачка не было на горизонтѣ. Я забрался на самую вершину и оказался на такомъ остромъ гребнѣ, почти отвѣсно спускающемся на другую сторону, что больше нельзя было сдѣлать ни шагу. Выглянувъ осторожно изъ-за гребня, я замѣтилъ на небольшой вершинкѣ, покрытой альпійской травой, въ верстѣ отъ меня, небольшое стадо сернь. Нѣсколько штукъ ихъ, очевидно, замѣтили меня, такъ какъ совершенно неподвижно стояли на вершинѣ. Ихъ можно было принять за группу, высѣченную изъ камня. Я тотчасъ же снова скрылся за гребнемъ и сталъ обдумывать планъ охоты. Времени въ

моемъ распоряженіи было немного, а обходъ къ сернамъ былъ далекъ и труденъ.

Я все же пустился въ путь. Мысль подстрѣлить серну очень ужъ была соблазнительна. Потративъ добрый часъ, я убѣдился, что не только не найду сернь, которыхъ уже нигдѣ не было видно, но даже самую вершину, на которой онѣ стояли, съ другихъ сторонъ уже не могъ отличить: такъ была она похожа на рядомъ стоящія. Я отправился къ бивуаку. Нѣсколько горныхъ индѣекъ съ крикомъ слетѣли недалеко отъ меня съ каменистой осыпи, но преслѣдовать ихъ у меня уже не было времени. Насколько могъ, быстро спустился я къ мѣсту ночлега.

IV.

Спускъ съ перевала. Вольная Сванетія. Верховья Ингура. С. Ипаръ. Своеобразный видъ сванскихъ селеній—крѣпостей. Характерное расположенія сванскихъ селеній. Внутренность сванскаго дома. Домашній бытъ свана. Музыкальные инструменты. Праздникъ Акъ-Біери. Башни при домѣ. Сохранившіяся прежнія бытовья формы.

Напившись горячаго чая, мы стали собираться въ путь. Спускъ не такъ удобенъ, какъ подъемъ. Мѣстами тропинка круто спускается по каменистому ложу высохшаго ручья. Воображаю, каково здѣсь во время дождя!...

Мы спустились въ Вольную Сванетію недалеко отъ самаго восточнаго селенія ея Ишкуль, расположеннаго у подножія огромнаго ледника, изъ котораго беретъ начало Ингуръ. Мощная уже у самаго истока рѣка, съ невѣроятной быстротой клубясь и пѣнясь, прыгаетъ по каменистому руслу въ берегахъ, густо покрытыхъ хвойными лѣсами. Мы направились на западъ, внизъ по теченію рѣки и къ вечеру достигли большаго селенія Ипаръ.

Видъ деревень Вольной Сванетіи настолько оригиналенъ, что на немъ стоитъ остановиться подробнѣе. Обыкновенно де-

ревня состоитъ изъ 8—10 домовъ, сложенныхъ изъ шифернаго славца, изъ котораго состоятъ окрестныя горы. Дома эти имѣютъ форму параллелоипеда, и на одной половинѣ верхней поверхности каждаго изъ нихъ поднимается высокая четырехсторонняя башня, съ узкими бойницами. Вся деревня обведена каменной смѣной и имѣетъ 1—2 узкихъ входа. Такимъ образомъ всякое селеніе и въ немъ каждый домъ въ отдѣльности представляетъ изъ себя крѣпость, которую совершенно невозможно разрушить средствами, находящимся въ распоряженіи горцевъ. Можно подумать, что здѣсь обитаетъ разбойничье племя, собирающее дань съ окрестныхъ народовъ. Между тѣмъ дѣло обстоитъ совершенно не такъ. Сваны издавна извѣстны, какъ осѣдлые жители этихъ мѣстъ, мирно занимавшіеся и прежде скотоводствомъ и хлѣбопашествомъ и постоянно терпѣвшіе отъ нападеній сосѣднихъ горцевъ, приходившихъ грабить ихъ преимущественно съ сѣверной стороны Главнаго хребта. Всѣ эти крѣпости съ высокими стѣнами, грозныя башни съ узкими бойницами создались лишь съ оборонительными цѣлями. Маленькое племя жило въ нихъ въ вѣчномъ страхѣ за свое существованіе.

Разбитое на отдѣльные роды, первоначально имѣвшіе каждый свою особую деревеньку-крѣпость, оно жило въ восьми такихъ селеніяхъ, расположенныхъ въ ущельѣ р. Ингура. Съ теченіемъ времени эти отдѣльные роды выдѣлялись изъ себя группы, которыя селились тутъ же рядомъ, и такимъ образомъ создалось характерное расположеніе деревушекъ небольшими кучками. На всемъ пространствѣ Вольной Сванетіи, около 800 кв. верстъ, всего 8 такихъ группъ, изъ которыхъ каждая состоитъ отъ 2—10 отдѣльныхъ маленькихъ хуторковъ.

Въ другихъ мѣстахъ ущелье сжимается, и на его обрывистыхъ склонахъ невозможны поселенія. Впрочемъ нѣсколько домиковъ виднѣются на зубцахъ окрестныхъ горъ, гдѣ случайно нашлась вода. Вотъ и вся Вольная Сванетія.

Утромъ намъ удалось посѣтить внутренность сванскаго дома; но для этого понадобился старшина. Онъ долго случался у крѣпкихъ дверей одного дома, прежде чѣмъ ему отозвались. Начались переговоры, по окончаніи которыхъ зазвучалъ желѣзный засовъ, и мы вступили въ темный, узкій каменный проходъ, откуда боковая дверь вела въ единственную, правда, очень большую комнату. Хозяинъ, старикъ лѣтъ 60, съ огромнымъ двустороннимъ зобомъ, сопровождалъ насъ. Комната имѣетъ въ высшей степени оригинальный видъ. Посрединѣ, на земляномъ полу, мѣсто для костра, надъ которымъ на стойкахъ укрѣплена каменная доска для печенія хлѣба. Надъ ней къ потолочной балкѣ прикрѣплена цѣпь съ крючкомъ для жаренія или, лучше сказать, провяливанія мяса. При этомъ, конечно, каменная доска убирается. Вокругъ костра стоятъ деревянныя кресла съ отогнутыми назадъ спинками, очень удобныя. У креселъ есть ручки, и замѣтны слѣды бывшей на нихъ рѣзьбы. Но что особенно интересно, такъ это помѣщеніе для скота, который зимою живетъ тутъ же. Вдоль двухъ смѣжныхъ стѣнъ идетъ высокая перегородка, за которой помѣщается скоть. Въ перегородкѣ дыры, черезъ которыя животныя просовываютъ головы, чтобы ѣсть кормъ, помѣщаемый въ ясляхъ, уже въ самой комнатѣ. Ясли устроены на такой высотѣ, чтобы скоть могъ ѣсть стоя; затѣмъ, когда ложится, онъ уже совершенно отгороженъ отъ жилого помѣщенія. Такимъ образомъ, кормъ и жилье остаются чистыми.

Потолковъ не существуетъ, а его замѣняетъ довольно плоская односкатная крыша безъ трубы, почему вся верхняя часть комнаты густо покрыта черной копотью, отъ сырости превратившеюся въ твердую массу, напоминающую каменный уголь и плотнымъ слоемъ одѣвающую всѣ предметы, развѣшенные по стѣнамъ. Да и немного этихъ предметовъ. Это различнаго рода крючки и цѣпи для провяливанія мяса,

рѣшетка, грубо сдѣланныя котлы и кастрюли, да нѣсколько старинныхъ ружей, наслѣдіе отцовъ, которыя имѣеть каждый сванъ. Ружья эти кремневки съ длиннѣйшимъ стволомъ, достигающимъ 5 четвертей, и они приспособлены для стрѣльбы порохомъ, изготовляемымъ самими горцами.

Небольшія бойницы, въ которыя едва можно всунуть дуло этихъ кремневокъ, освѣщаютъ внутренность сванскаго дома. Свѣтъ направленъ такъ, что собственно довольно свѣтло только на полу. Выше мракъ сгущается такъ сильно, что непривычный глазъ съ трудомъ можетъ разобрать очертанія предметовъ.

Длинный рядъ роговъ туровъ и сернь, подвѣшенныхъ на одной изъ потолочныхъ балокъ, — трофеи охоты, тщательно сберегаемые и, повидимому, не имѣющіе никакого практическаго примѣненія, довершаютъ обстановку жилой комнаты свановъ.

Странное впечатлѣніе производитъ эта комната, со своей воинственной и суровой обстановкой; кресла, въ порядкѣ разставленныя вокругъ очага, заставляютъ живо перенестись назадъ въ прошлое, когда, окруженная врагами, каждая семья собиралась подъ защитою этихъ крѣпкихъ стѣнъ вокругъ очага и составляла военный совѣтъ. Другія мысли какъ-то не идутъ къ этой обстановкѣ: все здѣсь серьезно и мрачно.

На самомъ дѣлѣ, военные подвиги теперь существуютъ только въ разказахъ стариковъ. Мирные жители сѣютъ ячмень, пшеницу, рожь и едва успѣваютъ собрать урожай въ короткое лѣто. Мужчины и женщины вмѣстѣ работаютъ на поляхъ и быстро оканчиваютъ полевыя работы. Къ концу августа все уже убрано, и наступаетъ для мужчинъ періодъ совершеннаго покоя, между тѣмъ какъ женщины, помимо хозяйства и заботы о дѣтяхъ, занимаются пряжей; изъ овечьей шерсти онѣ приготавливаютъ сукна, очень похожія на имеретинскія. Ни одна живая душа не нарушитъ въ теченіе

8 мѣсяцевъ ихъ самобытной жизни. И вотъ въ часы досуга мрачныя жилища оживляются пѣніемъ, танцами и игрою на оригинальныхъ музыкальныхъ инструментахъ.

Такихъ инструментовъ у нихъ два: „чангъ“ и „чунырь“. Первый представляетъ два параллелоипеда, соединенныхъ концами подъ острымъ угломъ; одинъ изъ этихъ параллелоипедовъ полый и служитъ резонаторомъ. На образуемомъ ими треугольникѣ натянуты 6 струнъ. Инструментъ издаетъ довольно мелодичные звуки, напоминающіе гитару. „Чунырь“ устроенъ иначе. Это—скрипка, но коробка ея лишена дна, и деку составляетъ пузырь. Три струны, сдѣланныя изъ волоса и промазанная смолою хвойнаго дерева, строятся такъ, что средняя оказывается терціей относительно двухъ остальныхъ, дающихъ одинъ тонъ. Играютъ волосянымъ смычкомъ, сдѣланнымъ наподобіе того, какъ мальчики дѣлаютъ луки. «Чангъ» употребляется для акомпанимента къ пѣнію; на «чунырь» играютъ танцы. Танецъ свановъ называется «шумпаръ». Въ немъ участвуютъ одна женщина и двое мужчинъ. Танца я не видалъ, но музыку слышалъ. Мотивы довольно грустные, и однообразны. Между тѣмъ на «чангъ» наигрываютъ славные мотивы и ловко акомпанируютъ *).

Въ февралѣ въ Сванетіи праздникъ, называемый Акъ-Біери. Чтò это за праздникъ, въ воспоминаніе какихъ событій онъ установленъ, добиться я не могъ. Говорятъ, онъ предками установленъ, по почему и какъ, никто не знаетъ. Онъ продолжается 5 дней, съ 10 до 15 числа **).

*) Въ статьѣ А. И. Стоянова „Путешествіе по Сванетіи“ (Записки Кавказск. Отд. Имп. Русс. Геогр. Общ. кн. X. Тиф. 1876 г.) первый инструментъ называется „ченги“ (родъ арфы со струнами изъ конскаго волоса), а второй—„чіанури“ (родъ скрипки съ натянутою кожею вмѣсто деки и съ открытымъ позади барабаномъ; смычокъ въ видѣ лука; струны изъ конскаго волоса).

***) По А. И. Стоянову, эготъ праздникъ совпадаетъ съ пятидневнымъ празднованіемъ пятницы (Хоча Вебиш) предъ масляницей (личетурал, ликвреш).

Въ это время всѣ работы отложены, и мужчины усиленно предаются питью арака, отвратительной бузинной водки, которую они очень любятъ. Пѣніе и танцы продолжаются днемъ и ночью, и непрестанно звучать «чунырѣ» и «чангъ».

Продолжая осмотръ дома, мы попросили показать намъ и башню. Пришлось вернуться назадъ въ темный каменный коридоръ, и оттуда противоположная дверь ведетъ уже въ башню. Башня очень высока, изъ 5 этажей и совсѣмъ не имѣетъ оконъ. Приходится лѣзть въ темнотѣ по бревнамъ съ вырубленными на нихъ ступеньками, которыя гнутся подъ ногами. Держишься за стѣну и за эти стволы деревъ и лѣзешь, поручивъ себя Провидѣнію. Каждый этажъ образуетъ комнату около 25 кв. аршинъ и аршинъ 5 высоты. Наконецъ взлѣзаешь на четвертый этажъ, и сверху показывается свѣтъ. Ни въ одномъ изъ этажей нѣтъ ничего. Спрашивали, не служатъ ли эти башни для какихъ-нибудь хозяйственныхъ цѣлей; оказывается—нѣтъ. Просто остатокъ прежняго.

Нѣкоторымъ башнямъ уже подѣ 100 лѣтъ, а онѣ еще и не думаютъ разрушаться, такъ это все прочно сдѣлано. Стѣны въ аршинъ толщиною. Лѣземъ увѣреннѣе на 5-й этажъ—это уже просто площадка на вершинѣ башни, обведенная стѣной, въ которой всюду косыя отверстія для ружей и большія дыры для сбрасыванія камней на непріятеля. Башня въ общемъ до 30 аршинъ высокою, и съ нея открывается чудесный видъ на окрестныя горы. Конечно, такая крѣпость была въ свое время совершенно неприступна, и благодаря этимъ башнямъ, на ряду съ неприступностью сванетскихъ горъ вообще, сваны сохранили самостоятельность до тѣхъ поръ, пока это было возможно.

Старикъ хозяинъ и теперь говорить, что, отдавшись подѣ покровительство Россіи, они въ сущности сохранили все свое. На самомъ дѣлѣ оно такъ и есть. Законные сельскіе старшины, утверждаемые русскими властями, не имѣютъ во

внутренней жизни свановъ никакого значенія, и обыкновенно всѣ дѣла рѣшаются, какъ и прежде, выборными народомъ лицами. То же вполнѣ относится и къ христіанству, существующему въ этой странѣ чисто номинально. Введенное уже въ весьма отдаленное время, оно не могло пустить сколько-нибудь прочныхъ корней уже по одному тому, что присланные священники были грузины и церковнымъ языкомъ былъ грузинскій языкъ, совершенно непонятный для свановъ. И теперь церкви почти не посѣщаются сванами, а христіанство ограничивается исполненіемъ нѣкоторыхъ обрядовъ. Кромѣ этихъ внѣшнихъ причинъ, существуютъ, конечно, и другія. Переданныя предками языческія представленія до сихъ поръ сильны въ душѣ свана, и пройдетъ еще немало времени прежде, чѣмъ они уступятъ мѣсто новымъ понятіямъ.

Долго еще цивилизація не перешагнетъ суровыхъ хребтовъ окрестныхъ горъ, и долго еще не отворятся передъ ней желѣзные засовы сванскихъ домовъ-замковъ.

V.

С. Бечо. Недоступность горы Ушбы. Трудность перевала къ Эльбрусу. Рѣшеніе идти черезъ перевалъ Озенги. С. Мазерь. Дѣвушка-идіотка. Фамилія князей Отаровыхъ. Минеральный источникъ. Приваль.

Мы поблагодарили хозяина и покинули его жилище, а черезъ нѣсколько минутъ уже продолжали нашъ путь. Надо было перейти небольшой перевалъ, чтобы перебраться къ правому притоку Ингура, р. Мулхрѣ, *) бѣгущей почти параллельно главной рѣкѣ, гдѣ и лежитъ дорожка на западъ.

Непосредственно къ селеніямъ, по которымъ мы проходили, прилегаютъ обработанныя поля. Было 10 августа, и вездѣ шла усиленная уборка хлѣбовъ. Сжатый хлѣбъ, съ необыкновеннымъ количествомъ сорныхъ травъ, ставятъ въ

*) Въ вышеупомянутомъ сочиненіи А. И. Стоянова эта рѣка называется Мулхре-чала.

небольшія скирды, которыя потомъ отвозить въ селенія. Я былъ удивленъ, увидавъ сани, запряженные волами, медленно двигающіяся по крутому скату. Оказывается, другихъ экипажей и нѣтъ. Крутые склоны и небольшія равныя пространства заставляютъ свановъ употреблять сани и лѣтомъ, такъ какъ колеса пришлось бы все время тормозить. Это практикуется и въ другихъ мѣстахъ горнаго Кавказа. Мы воспользовались случаемъ и собрали коллекцію мѣстныхъ хлѣбныхъ растений.

Черезъ два дня по вступленіи въ Вольную Сванетію мы достигли с. Бечо, составляющаго ея западную границу. Дальше уже начинается Дадишкеліановская Сванетія, составлявшая прежде самостоятельное княжество.

Селеніе Бечо расположено у самой подошвы горы Ушбы. Поднимаясь до высоты 15,445 ф. надъ уровнемъ моря, гора эта представляетъ изъ себя острый, узкій, раздвоенный пикъ, на который еще не вступала человѣческая нога.

Англичане-туристы почти ежегодно являются сюда со спеціальною цѣлью взобраться на вершину Ушбы, но пока попытки ихъ остались безъ успѣха. Однажды одинъ изъ такихъ искателей сильныхъ ощущеній рѣшилъ достигнуть цѣли и, покинутый на половинѣ дороги проводниками, продолжалъ путь одинъ.

Скоро онъ оказался на узкомъ карнизѣ на страшной высотѣ, и впереди скала закрывала ему путь. Цѣлыхъ три дня, безъ пищи, провелъ онъ на этихъ голыхъ скалахъ, прежде чѣмъ ему удалось спуститься обратно. Блѣдный почти безъ чувствъ, весь исцарапанный, вернулся онъ въ селеніе, такъ и не достигнувъ вершины.

Быть-можетъ, старый приставъ, живущій въ Бэчо, который рассказалъ намъ эту исторію, преувеличилъ что-нибудь въ своемъ рассказѣ, но я склоненъ думать, что вершина

Ущобы можетъ быть достигнута лишь по воздуху, такъ какъ стѣны ея отвѣсны со всѣхъ сторонъ.

Въ селеніи Бечо мы остановились на день. Возникли разногласія по поводу дальнѣйшаго маршрута. Отсюда къ Эльбрусу можно попасть двумя путями: отправиться прямо на сѣверъ и пересѣчь Главный хребетъ по опаснѣйшему перевалу Озенги или пройти по Ингуру къ западу черезъ всю Дадишкеліановскую Сванетію до впаденія притока Накры, подняться на сѣверъ и перейти черезъ перевалъ Донгузь-орунъ, считающійся менѣе опаснымъ и настолько удобнымъ, что по нему можно провести лошадей. Первый маршрутъ былъ гораздо короче и такимъ образомъ сокращалъ время, но зато опасность перевала нѣсколько устранила насъ. Кромѣ того, надо прибавить, что рѣшительно никто не могъ намъ сказать ничего опредѣленнаго относительно состоянія ледниковъ на этомъ пути и даже о самомъ перевалѣ. Одни говорили, что можно проѣхать верхомъ, другіе—что пробраться туда опасно даже для пѣшехода. Въ словахъ свановъ сквозилъ страхъ, когда они рассказывали намъ о трудностяхъ дальнѣйшаго путешествія.

Сваны боятся ледниковъ. Я говорю это, основываясь главнымъ образомъ на единогласномъ отзывѣ путешественниковъ и лишь отчасти на основаніи собственныхъ наблюденій. Трудно доступныя вершины и многочисленные ледники, лежащіе въ сторонѣ отъ переваловъ, никогда не посѣщаются никѣмъ изъ нихъ, за исключеніемъ охотниковъ. Плохо одѣтые, они не могутъ вынести холодовъ, заблудившись въ горахъ, и многіе гибнутъ, когда судьба заброситъ ихъ туда.

Никакое искусство не спасетъ отъ частыхъ паденій въ трещины, такъ какъ ихъ приспособленія для ходьбы по льду весьма примитивны, и нога часто скользитъ.

Почти каждый годъ нѣсколько человѣкъ становятся жертвами непогоды въ горахъ.

Позднѣе, при переходѣ черезъ Озенги, мы имѣли случай убѣдиться въ справедливости мнѣнія о томъ, что сваны боятся ледниковъ; странно было смотрѣть, какъ бѣжали они съ высотъ, чтобы возможно скорѣе миновать опасныя мѣста и какъ медленно ползли на крутыхъ ледяныхъ спускахъ, гдѣ мы шли въ нашихъ кошкахъ совершенно свободно. На первый взглядъ эта боязнь снѣжныхъ высотъ представляется просто удивительною среди этихъ людей, казалось, самой природой приспособленныхъ къ жизни въ горахъ.

И на самомъ дѣлѣ, они приспособлены къ этой жизни; но какъ только дѣло коснется ледниковъ, то они обыкновенно теряются, и это понятно, такъ какъ они не знаютъ такихъ необходимыхъ приѣмовъ какъ употребленіе веревки и кошекъ. Дѣло просто въ недостаткѣ культурности, изобрѣтательности.

Послѣ нѣсколькихъ колебаній, наиболѣе энергичнымъ удалось все же склонить остальныхъ въ пользу избранія пути черезъ Озенги. На всякій случай рѣшено было не брать съ собою лошадей, а нанять носильщиковъ. Съ этимъ провозились долго, но мы не жалѣли потраченнаго времени. Помимо того, что надо было возобновить запасы провизіи, мы еще встрѣтили здѣсь нѣсколько интеллигентныхъ людей. Бечо—это административный центръ Сванетіи. Здѣсь всегда живетъ приставъ съ небольшою командой и докторъ, пріѣзжающій каждое лѣто. Какъ разъ въ то время, когда мы были тамъ, пріѣхалъ и уѣздный начальникъ Лечгумскаго уѣзда, съ цѣлью произвести наборъ рекрутовъ. Кромѣ этихъ лицъ, былъ еще мировой посредникъ и съ нимъ нѣсколько человекъ, занятыхъ въ настоящее время размежеваніемъ земель, съ цѣлью возвращенія князьямъ Дадишкеліани когда-то конфискованныхъ у нихъ помѣстій. Мы пріѣхали какъ разъ въ жаркое время дѣятельности этой комиссіи, поставленной въ трудное положеніе. Послѣ лишенія князей Дадишкеліани ихъ земель, послѣднія поступили въ распоряженіе крестьянъ, и вотъ уже

около 30 лѣтъ они пользовались доставшимися имъ такимъ образомъ пастбищами и лѣсными угодьями. Теперь, когда Высочайше повѣлено возвратить князьямъ Дадишкеліани земли, крестьяне оказались въ плохомъ положеніи. Правда, ихъ надѣляютъ при этомъ подымно 4-мя десятинами пахатной земли, но крестьяне соглашаются на это крайне неохотно. Отсюда истекаютъ нѣсколько обостренныя отношенія между крестьянами и членами комиссіи, такъ что положеніе послѣднихъ не изъ пріятныхъ.

Послѣ продолжительнаго путешествія по лѣснымъ дебрямъ, пріятно встрѣтить неожиданно-негаданно тамъ, гдѣ мнѣ всего этого можно было ожидать, группу людей, съ которыми можно обмѣняться мыслями. Мы уже настолько успѣли отвыкнуть отъ культурныхъ привычекъ, что чай, сервированный вполне исправно, показался намъ чѣмъ-то необычнымъ. Еще бы, когда къ чаю былъ поданъ прекрасный хлѣбъ и самое свѣжее масло! Мы уже давно питались черствыми сухарями, отчасти рассыпающимися въ мелкую муку; послѣднюю мы ѣли, поджаривая съ саломъ, котораго былъ большой запасъ.

Повѣвъ, отдохнувъ и досыта наговорившись, мы на другой день около 11 часовъ утра двинулись въ путь. На этотъ разъ нашъ караванъ состоялъ изъ насъ и 10 насильщиковъ, тащившихъ на спинахъ наши вещи. Въ этотъ день намъ надо было пройти всего около 15 верстъ, чтобы почевать у самаго начала подъема на перевалъ. Часа въ три пополудни мы достигли селенія Мазеръ. Бечо и Мазеръ уже непохожи на селенія Вольной Сванетіи. Хотя здѣсь и встрѣчаются мѣстами дома съ башнями, но они уже попадаются рѣдко—не болѣе одного такого дома на селеніе; послѣднія не огорожены стѣнами и уже не имѣютъ фizioноміи крѣпостей. По своему внутреннему устройству дома мало отличаются отъ таковыхъ въ Вольной Сванетіи.

Въ с. Мазерь мы встрѣтили дѣвушку-кретинку. Улыбаясь и растерянно оглядываясь по сторонамъ, она собирала солому на тову. На видъ ей можно было дать лѣтъ 20. Совершенно разорванная рубаха грубаго холста едва прикрывала ея хорошо развитое, полное тѣло; сложена она была очень хорошо, и только одинъ физическій недостатокъ — зобъ сразу заставлялъ понять, въ чемъ дѣло. Мы спросили, почему ей не сдѣлаютъ одежды. Оказалось, что населеніе относится къ идіотамъ совершенно безразлично и оставляетъ ихъ на произволь судьбы. Странный и жестокой обычай, наблюдающійся и у насъ, на сѣверѣ Россіи. Несмотря на идіотизмъ, дѣвушка работала, какъ слѣдуетъ: движенія ея были неправильны и какъ бы конвульсивны, но все же вели къ цѣли. Наблюдая за нею, мы, повидимому, оставались ею совершенно незамѣченными, хотя насъ ничто не закрывало отъ ея взора. Она произносила безсвязныя слова и продолжала работать, изрѣдка останавливаясь и оглядываясь.

Вниманіе наше было отвлечено санями, которыя медленно тащила пара быковъ. Высокая женщина, вся въ черномъ, шла за ними. Поровнявшись съ нами, она не произнесла обычнаго привѣтствія, и строгія черты ея лица приняли надменное выраженіе. Вся фигура ея обличала не простое происхожденіе. Потомъ мы узнали, что это была княгиня Отарова, фамилія которой имѣла нѣкогда болѣе правъ на княжескій престолъ, чѣмъ прочіе Дадишкеліани. Поэтому поводу намъ впоследствии рассказали слѣдующую романическую исторію.

Еще во времена Императора Николая I-го старшимъ въ родѣ князей Дадишкеліани былъ Отаръ. Однажды Государь вызвалъ его въ Петербургъ лю какимъ-то дѣламъ. Отаръ собрался въ путь, но, переваливъ Главный хребетъ, замѣшался въ одномъ изъ татарскихъ селеній. Здѣсь онъ встрѣтилъ дѣвушку, плѣнившую его сердце, и, чтобы жениться

на ней, долженъ былъ принять магометанство. Онъ такъ и сдѣлалъ и уже не поѣхалъ въ столицу, но возвратился домой съ молодою женой. Узнавъ объ этомъ, Государь очень разсердился, лишилъ его княжескаго достоинства и запретилъ жить въ Сванетіи, приказавъ впредь называться Отаровымъ.

Гордый князь не хотѣлъ покинуть родину, но поселился въ с. Мазерьъ, откуда, несмотря на многочисленныя попытки, его изгнать не могли. Отара уже давно нѣтъ, но жена его жива; ее-то мы и видѣли. У нея теперь многочисленные внуки, но никто изъ нихъ не называетъ себя Отаровыми и всегда рекомендуются они князьями Дадишкеліани. Они живутъ бѣдно, и ничто не напоминаетъ былого могущества. *Sic transit gloria mundi!* *)

Невдалекѣ отъ селенія находится минеральный источникъ. Очень холодная вода постоянно кипитъ отъ выдѣляющихся пузырьковъ угольной кислоты. Слышенъ вкусъ желѣза, и вокругъ все болотце покрыто ржавой окисью этого металла. На вкусъ вода кисловата и необыкновенно пріятна, такъ какъ газирована нисколько не меньше, чѣмъ продажная сельтерская вода. Жители вырыли надъ родникомъ бочку безъ дна, такъ что образовался чистый глубокій бассейнъ.

VI.

Трудность подъема на перевалъ Озengi. Глетчеръ Муркумьерь. Высшая точка перевала чрезъ Главный хребетъ. Предосторожности при спускѣ. Паденіе въ трещину. Привалъ у конца морены.

Было уже поздно, когда мы добрались до лѣса, находящагося недалеко отъ начала подъема, и расположились на

*) А. И. Стояновъ въ своей книгѣ упоминаетъ объ Отарѣ Дадишкеліани, женившемся на баксанкѣ, дочери Мусы Урусбіева, и принявшемъ исламъ. Изъ двухъ его сыновей, одинъ—Бекаръ-бей былъ магометанинъ, а другой—Леванъ—христіанинъ. Объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ женитьбу Отара, ничего тамъ не говорится. Впрочемъ, А. И. Стояновъ не посѣщалъ Мазыра, резиденцію Бечойскихъ Дадишкеліановъ, здѣсь названныхъ Отаровыми. Ред.

приваль. Запылали два большихъ костра, и мы съ носильщиками образовали двѣ очень эффектныя группы. Была чудная тихая ночь; вѣтки окружающихъ деревьевъ красиво освѣщались заревомъ костра, а высоко надъ нами горѣли мириады звѣзд...

Солнце еще не поднялось надъ горизонтомъ, а мы уже торопились окончить завтракъ и увязать вещи.

Переваль Озенги, который намъ надо было перейти, достигаетъ 12,000 ф. высоты. Склоны его очень круты, а вершина покрыта большими ледниками, образующими ледопады. Какъ всегда, переходъ по ледникамъ представляетъ большую опасность, такъ какъ все зависитъ отъ погоды, быстро и неожиданно мѣняющейся на этихъ высотахъ. Вслѣдствіе страшно крутыхъ ледниковъ, покрытыхъ цѣлою сѣтью трещинъ, переходъ черезъ Озенги представляетъ исключительную опасность. Не далѣе какъ въ прошломъ году 10 человекъ, переходя черезъ переваль, были засыпаны обваломъ, происшедшимъ изъ одного ледопада. Только четырехъ изъ нихъ удалось спасти; остальные погибли въ глетчерѣ.

Надо сознаться, что если бы погода не была такъ прекрасна, подобные рассказы произвели бы на насъ свое впечатлѣніе; теперь же они только подзадаривали насъ, и опасность усиливала интересъ. Мы начали подъемъ около 6 часовъ утра по узкой тропинкѣ, вьющейся по почти отвѣснымъ скаламъ глубокаго ущелья р. Квиши. На высотѣ 7,000 ф. кончается древесная растительность, и ущелье немного раздвигается. Здѣсь мы нашли хижину, въ которой жилъ осетинъ, пася свой скотъ на сосѣднихъ вершинахъ, покрытыхъ альпійскими травами. У него оказался айранъ—напитокъ нѣсколько отличный отъ кефира, но обладающій такимъ же вкусомъ и освѣжающимъ дѣйствіемъ, и мы съ удовольствіемъ утолили жажду.

Было уже около 12 часовъ, и мы сдѣлали небольшой

привалъ. Въ это время наши носильщики изготовили себѣ хлѣбъ и тоже позавтракали. Они дѣлаютъ очень остроумно, беря съ собою мѣшочекъ поджаренной пшеничной муки. Эту муку они тутъ же на камнѣ замѣсили въ тѣсто, прибавивъ къ нему мелко накрошеннаго сыра. Остается раздѣлить тѣсто на небольшія шаровидныя порціи, и хлѣбъ готовъ. Такъ они и ѣдятъ его въ сыромъ водѣ. Я попробовалъ. Хлѣбъ оказался весьма удовлетворительнымъ и ужъ, конечно, гораздо вкуснѣ нашей грязной сухарной пыли.

Позавтракавъ, мы спѣшимъ дальше. Подъемъ становится все круче и круче. Видно издали, какъ тропинка вьется по невѣроятной крутизнѣ. Неужели это наша дорога?! Оказывается, да. Отдыхая черезъ каждые 10 медленныхъ шаговъ, мы тихо подвигаемся впередъ. Уже два часа, а намъ остается еще около 3,000 ф. подъема.

Давно уже мы миновали лѣса, и они виднѣлись далеко внизу, красивыми фестонами заходя наверхъ по ущельямъ. Впереди все чаще попадались оголенные осыпи, а выше мрачно высматривали сѣрые льды. Наконецъ, мы добрались до громаднаго ледника; изъ-подъ его льдовъ вытекала рѣчка, по ущелью которой мы двигались. Начало глетчера терялось слѣва, и намъ была видна только широкая нижняя часть его, вся покрытая сѣрыми обломками моренныхъ отложеній, да небольшой кусокъ огромнаго ледопада, образуемаго его серединой. Черезъ полчаса намъ уже открылся полный видъ на этотъ эффектный глетчеръ. Беря начало изъ большого фирноваго поля, глетчеръ Муркумьеръ стекаетъ внизъ по очень отлогой плоскости, но уже на срединѣ своего протяженія огромныя скалы суживаютъ его ложе и въ то же время образуютъ крутой скатъ, по которому, раздробившись въ безчисленное количество остроконечныхъ обломковъ и избородженный глубочайшими трещинами, сжатый глетчеръ снова опускается на пологую котловину. То и дѣло раздают-

ся удары, напоминающіе пушечные выстрѣлы—это льды, сжатые въ узкомъ проходѣ, доходя до обрыва, образуютъ новыя трещины, низвергаясь внизъ подъ страшнымъ давленіемъ новыхъ массъ.

Мы лѣземъ вверхъ, и наша группа представляетъ почти вертикальную ленту. Мѣстами тропинки нѣтъ и слѣда, и приходится зорко слѣдить за шагами проводниковъ. Время идетъ, а мы все еще не можемъ добраться до вершины. Наконецъ, тропинка совершенно исчезаетъ на каменистой осыпи, и дальше ея уже нѣтъ. Здѣсь всякій избираетъ себѣ особую дорогу. Подъемъ такъ крутъ, что приходится больше стоять, чѣмъ идти. Я думаю, что склонъ не менѣе 50° . Солнце было уже низко надъ горизонтомъ, когда мы добрались до гребня. Наконецъ-то! Однако торжество было преждевременно! Широкая снѣжная поляна, со слабымъ подъемомъ, открывалась передъ нами. Пройдя по ней съ полверсты, мы взобрались, наконецъ, на перевальный пунктъ, обозначенный бывшими здѣсь топографами небольшою пирамидкою, сложенною изъ камней. Но и тутъ насъ ждало разочарованіе! Большой ледникъ, стекающій съ востока на западъ, пересѣкалъ намъ дорогу *), а за нимъ виднѣлся высокій контрфорсъ Главнаго хребта, который надо было перейти. Переправившись черезъ ледникъ, мы стали взбираться на упомянутый кряжъ по невѣроятной крутизнѣ, образованной каменистою осыпью. Такъ какъ мы были утомлены предыдущимъ подъемомъ, то намъ показался этотъ кряжъ безконечнымъ. Онъ дѣйствительно на приблизительно 800 футовъ выше перевальной точки, лежащей на оси Главнаго хребта. Еще нѣсколько усилій, и подъемъ остался позади. Мы вздохнули свободнѣе и едва не соблазнились отдохнуть, но проводники энергически запротесто-

*) Далѣе онъ круто поворачиваетъ на югъ и впадаетъ въ двойной ледникъ, описанный ниже.

вали. Надо было, во что бы то ни стало, торопиться. Опасность была еще впереди, а между тѣмъ насъ могла застигнуть ночь. Мы съѣли на камни и стали надѣвать кошки.

Два большихъ ледника стекали съ двухъ сторонъ съ востока и запада и составляли послѣ сліянія огромное море льда у самыхъ нашихъ ногъ, далѣе къ югу вытягивающееся длинной лентой сложнаго глетчера. Правый очень крутой глетчеръ образовывалъ выше насъ ледопадъ, состоящій изъ хаоса ледяныхъ обломковъ, и грозно смотрѣли они съ высоты, готовые, казалось, ежеминутно обрушиться и похоронить подъ массой снѣга и льда все, что находится подъ ними.

Въ полуверстѣ ниже находится другой такой же ледопадъ, и хорошо были видны сверху его зіяющія трещины. Между двумя этими ледопадами покрытый снѣгомъ глетчеръ образуетъ на поворотѣ такой крутой кособоръ, что страшно было подумать, что по нему придется спускаться.

Наклонъ доходить до 60° , и по этому-то кособору надо было перейти глетчеръ поперекъ между двумя ледопадами. Это считается самымъ опаснымъ мѣстомъ перевала. И дѣйствительно, легко поскользнуться, и черезъ нѣсколько секундъ попадешь на гладкую поверхность льда и тогда уже навѣрное окажешься въ трещинахъ нижняго ледопада. Но главная опасность грозитъ сверху. Здѣсь-то именно и были засыпаны обваломъ нѣсколько человекъ, о чемъ я говорилъ выше.

Великолѣпно блестѣли наверху острия голубыя скалы льда, озаренныя косыми лучами заходящаго солнца; мрачно насупились по сторонамъ черныя каменные гиганты, составляя эффектный контрастъ съ блестящими льдами; ниже—ровная снѣжная пелена, слегка розовая подъ лучами заката, съ тонкими трещинами, кое-гдѣ пробѣгающими змѣйками, широкой лентой тянулась внизъ между двухъ громадныхъ моренъ; еще ниже—мрачно зіяли широкія трещины, точно зеленые глаза чудовища, и страшно было глядѣть въ ихъ бездонную глубь.

Тихо было вокругъ. Замолкли заснувшіе ручейки, оживлявшіе днемъ гладкую поверхность льда; ни одно живое существо не нарушало этой тишины, и только отъ времени до времени изъ самой глубины льдовъ раздавались глухіе раскаты, и эхо гулко вторило имъ, какъ бы будя это царство холоднаго покоя.

Связавшись покрѣпче веревкой, мы послѣдовали за нашими проводниками. Они спускались такъ медленно, дѣлая для каждаго шага большое углубленіе въ снѣгу и почти прыльнувъ къ крутому склону всѣмъ тѣломъ, что потребовалось полчаса, чтобы пройти разстояніе, не превышающее 100 шаговъ. Все обошлось благополучно, только одинъ изъ насъ уронилъ свою палку, и та, быстро скользя сначала по плотному снѣгу, а потомъ по гладкому льду, чуть не исчезла въ широкихъ трещинахъ, но ее задержало какое-то незамѣтное препятствіе, и такъ и осталась она, какъ дань леднику, такъ какъ достать ее никто бы не отважился, да это и не было такъ важно.

Спустившись на болѣе плоскую часть ледника, мы быстро отправились дальше, ощупывая предательскій снѣгъ своими длинными палками и старательно перепрыгивая черезъ тонкія трещины, доходящія мѣстами до 2-хъ футовъ ширины. Не обошлось безъ приключенія. Въ одномъ мѣстѣ, несмотря на то что здѣсь только-что прошли проводники, передній изъ насъ вдругъ провалился по грудь. Опасности не было никакой, такъ какъ онъ былъ крѣпко привязанъ къ намъ веревкой, и мы тотчасъ же натянули ее; но надо было видѣть, какъ онъ барахтался, ища опоры и поблѣднѣвъ отъ испуга, чтобы понять всю серіозность испытываемыхъ имъ ощущеній. Въ самомъ дѣлѣ, все зависѣло только отъ крѣпости веревки, ибо въ противномъ случаѣ не знаю, удалось ли бы намъ извлечь его оттуда во-время. Трещина могла быть очень глу-

бока, и притомъ могла быть засыпанной массою прикрывающаго ее снѣга.

Солнце уже закатилось, когда мы выбрались наконецъ, изъ цѣлой сѣти трещинъ, встрѣтившихся намъ у самаго края глетчера, и взобрались на морену, въ 10 сажень высоты, которая тянулась внизъ до самаго конца этого широкаго тройнаго ледника, медленно и спокойно стекающаго на сѣверь.

Мы быстро, насколько позволяла наша усталость и камни, въ безпорядкѣ наваленные другъ на друга, шли по самой верхушкѣ морены. Надо было, во что бы то ни стало, до наступленія темноты достигнуть еще хотя бы пояса низкорослаго рододендрона, чтобы развести огонь и просушить промокшую обувь. Между тѣмъ быстро темнѣло. Черезъ часъ пути мы различили впереди какъ бы покрытый лѣсомъ склонъ и прибавили шагу. Но насъ ожидала еще одна непріятность. Внезапно, выбравшись изъ-за груды камней, мы услышали глухой шумъ. Оказалось, что это рѣчка. Она стекала съ ледниковъ, находящихся вправо отъ насъ, и пересѣкала намъ путь, впадая въ ту рѣчку, которую питалъ перейденный нами глетчеръ. Въ темнотѣ мы уже не разбирали отдѣльныхъ камней, а просто влѣзли въ воду, стараясь выбрать мѣсто, гдѣ она не такъ сильно шумѣла. Оказалось, что рѣчонка разбита на три рукава!... Основательно промокнувъ, мы быстро шли впередъ, всматриваясь въ темноту и стараясь не потерять изъ вида проводниковъ, и вотъ, наконецъ, добрались до цѣли... Трудно выразить словами наше разочарованіе, когда вмѣсто лѣса оказался просто крутой склонъ, поросшій мелкимъ рододендрономъ... Но мы такъ устали и были такъ голодны, что молча бросили наши пожитки на траву. Казалось, если бы въ полуверстѣ насъ ожидала роскошная квартира—мы не сдѣлали бы ни шагу далѣе!... Черезъ полчаса мы уже грѣлись надъ костромъ, приготовляя чай и скудный ужинъ, да кое-какъ

просушивая промокшую при переправѣ одежду, а еще черезъ часъ, завернувшись въ свои мѣшки и бурки, всѣ уже спали крѣпкимъ сномъ усталыхъ людей.

VII.

Ветеринарный постъ у края лѣса. Спускъ по ущелью р. Тегенекъ. Баксанское ущелье. Быстрый переходъ отъ южной природы къ сѣверной. Сторожка на краю ледника Азау. Ледяные ворота. Стадо туровъ. Ночлеги.

Утромъ оказалось, что мы всего съ полверсты не дошли до лѣса, а у самаго его края находилась хижина ветеринарныхъ стражниковъ, которые живутъ здѣсь, наблюдая, чтобы черезъ переваль не прогнали скоть изъ Закавказья, гдѣ уже нѣсколько лѣтъ свирѣцствуетъ чума. Развѣ безумецъ рискнетъ погнать скоть черезъ Озенги! Впрочемъ, говорятъ, что случается на веревкахъ спускать животныхъ по страшной кручѣ глетчера. Какъ бы то ни было, но мы могли воспользоваться хижиной для ночлега и вмѣсто этого провели ночь, дрожа отъ холода.

При свѣтѣ занимающагося дня мы увидѣли, что находимся у самаго конца огромнаго ледника, по моренѣ котораго шли вчера. Изъ-подъ его льдовъ вытекаетъ небольшая рѣчка Тегенекъ, впадающая въ Баксанъ. Съ запада, подъ угломъ къ этому глетчеру, сползаетъ другой широкій и короткій глетчеръ, и около его конца мы замѣтили великолѣпную снѣжную арку, перекидывающуюся надъ рѣчонкой. Покоясь на двухъ ледяныхъ скалахъ, арка имѣетъ видъ совершенно правильной дуги, достигая 10 сажень длины и около 5 сажень высоты.

Мы прошли бесполезную для насъ теперь хижину и быстро стали спускаться по ущелью рѣки Тегенекъ. Красивыми каскадами быстро падаетъ она среди хвойныхъ лѣсовъ и нагроможденныхъ обвалами скалъ къ ущелью Баксана, куда мы спустились къ полудню.

Такимъ образомъ мы благополучно совершили переходъ черезъ Главный хребетъ. Никто изъ насъ не чувствовалъ на большой высотѣ никакихъ признаковъ горной болѣзни, за исключеніемъ легкой головной боли у одного изъ товарищей, кстати сказать, часто испытывающаго ее и въ обычныхъ условіяхъ жизни.

Переходъ занялъ въ общей сложности 17 часовъ, причемъ на подъемъ по южному склону перевала приходится 10 часовъ и 7 часовъ—на спускъ. Безъ сомнѣнія, мы постушили очень разумно, взявъ носильщиковъ, а не лошадей, такъ какъ провести лошадей здѣсь прямо таки невозможно иначе, какъ спуская изъ на веревкахъ по леднику и рискуя погубить ихъ на каждомъ шагу въ другихъ мѣстахъ. Это при благопріятной погодѣ. Что же было бы, если бы насъ застигла непогода среди глетчеровъ? Можно навѣрное сказать, что тогда, если бы люди и спаслись, лошади неминуемо должны были бы погибнуть.

Какъ я уже сказалъ, мы спустились къ ущелью Баксана, бѣгущаго въ этомъ мѣстѣ не широкой, но многоводной рѣкой, на высотѣ 5,800 фут. надъ уров. моря. Въ этомъ мѣстѣ теченіе рѣки очень быстро, и все время слышенъ грохотъ крупныхъ камней, катящихся по ея дну. Берега сплошь заросли высокими сосновыми лѣсами, впервые верѣтившимися намъ за все время нашего путешествія. Сразу чувствуется уже, что мы попали въ сѣверную природу. Переходъ отъ южной стороны къ сѣверной насколько быстръ и рѣзокъ, что поражаетъ путешественника.

Всѣ долины Закавказья отличаются одной чертой, въ высшей степени характерной для нихъ—это отсутствіемъ жизни.

Повсюду великолѣпные лѣса, сверху до низу завитые ліанами; темнозеленныя лавровишни густо покрываютъ склоны горъ, высокіе буки тамъ и сямъ возвышаются изъ ихъ

чащи, сърѣя своими гладкими, прямыми стволами; кое-гдѣ попадаются заросли дикаго орѣшника; корявые дубы съ жесткими листьями, всѣ обвитые плющомъ, а внизу падубъ, остролисть и д вѣчно-зеленыя растенія. Но подъ этими мрачными сводами зелени совсѣмъ нѣтъ травы, а на лѣсныхъ прогалинахъ видна сухая, растреснувшаяся отъ палящихъ лучей солнца, земля, съ кое-гдѣ торчащими жалкими колючками. Тишина царитъ въ этихъ лѣсахъ, и рѣдкая птица нарушаетъ молчаніе природы; вѣдь это только станція во время перелетовъ, которую птицы спѣшатъ миновать возможно скорѣе. Даже насѣкомыхъ почти нѣтъ.

Но какъ только перейдете Главный хребетъ и спуститесь въ лѣса сѣвернаго склона, васъ тотчасъ поражаетъ обиліе птицъ. Всюду слышатся ихъ голоса отъ тонкаго дисканта пѣночки до глубокаго баса лѣсного ворона; всюду порхаютъ онѣ, преслѣдуя мириады насѣкомыхъ, или кружащихся въ воздухѣ, или привлеченныхъ ароматомъ цвѣтовъ, разсыпанныхъ по лѣснымъ лужайкамъ. Разнообразнѣйшіе грибы высовываютъ свои цвѣтныя головки изъ-подъ опавшей листвы деревьевъ, и цѣлый коверъ брусники, черники и другихъ ягодъ устилаетъ путь.

Кругомъ шумъ — все живетъ и нестрѣбеть красками. Природа празднуетъ свой кратковременный, но зато веселый праздникъ...

Въ такую обстановку попали мы, спустившись къ Баксану. Первымъ дѣломъ было полакомиться ягодами и поживиться грибами. Въ короткое время мы набрали большое количество грибовъ. Здѣсь растутъ бѣлые грибы, сыроѣжки, масленики и множество другихъ видовъ.

Росположившись на привалѣ подъ тѣнью громадныхъ сосенъ, мы приготовили себѣ изъ грибовъ великолѣпный завтракъ.

Невдалекѣ отъ насъ находился поселокъ Кашкаровка,

состоящей изъ нѣсколькихъ бревенчатыхъ домиковъ, населенный горными татарами, которые образуютъ нѣсколько такихъ поселеній по верхнему теченію Баксана. Ниже Кашкаровки находятся поселки Байдаево и Итколъ. Къ сожалѣнію, на 5-ти верстной картѣ ни одна изъ этихъ трехъ деревень не указана.

Около того мѣста, гдѣ мы остановились, въ Баксанъ впадаетъ съ лѣвой стороны р. Терсколка, вытекающая изъ глетчера того же имени. Лучше сказать, Баксанъ составляется здѣсь изъ двухъ рѣчекъ—Терсколки и Азау; послѣдняя считается главной и даже на картѣ почему-то называется Баксаномъ. По ущелью Терсколки намъ былъ великолѣпно виденъ спускающійся со снѣжныхъ полей Эльбруса глетчеръ, неровный и весь избороденный многочисленными ледопадами и широкими трещинами.

Говорятъ, что по Терсколу можно взобраться на Эльбрусъ, но онъ имѣетъ въ нижней своей части такой страшный видъ, что, признаться, я сомнѣваюсь, чтобы это была удобная дорога *).

*) По словамъ В. Тепцова („По истокамъ Кубани и Терека“ въ Сбор мат. вып. XVI, стр. 41), по леднику Терсъ-коль (Кривое ущелье) обыкновенно поднимаются на Эльбрусъ. По Диннику („Горы Терской области, 32), ледникъ Терсъ-коль (Терсъ-коль-чиранъ) начинается отъ большого снѣжнаго поля ю.-в. склона Эльбруса и очень близко подходит къ долину Баксана. Поверхность его очень крута и пересѣкается такимъ множествомъ трещинъ, что ходить по ней едва ли можно. Размѣры ледника небольшіе: по срединѣ ширина приблизительно съ версту. Длину г. Динникъ, со словъ Измаила Урусбиева, опредѣляетъ „немногимъ больше ширины“. Михайловскій („Горныя группы и ледники центр. Кавк.“) даетъ длину 5 километровъ, а конецъ ледника на 2625 м. (8608 фут.). Если посмотрѣть на этотъ ледникъ снизу, то онъ имѣетъ видъ прямоугольнаго трехугольника съ притупленными углами. Значительно ниже его находятся морены, доказывающія, что въ прежнія времена и этотъ ледникъ былъ значительно больше. (В. М. Сысоевъ, Эльбрусъ, Екат. 1899 г.).

Отдохнувъ на бивакѣ, мы направились на западъ вверхъ по теченію рѣки Азау и часа черезъ два легкаго и въ высшей степени пріятнаго перехода по очень постепенному подъему, среди великолѣпныхъ сосновыхъ лѣсовъ, прибыли къ ветеринарной караулкѣ, построенной у самаго края ледника Азау. Постъ этотъ охраняетъ переваль Хотю-тау *), который ведетъ черезъ ледники Азау и Торгуль къ Карачаю, по ту сторону Эльбруса.

Въ виду того что мы хотѣли сдѣлать восхожденіе на вершину Эльбруса, мы рѣшили остановиться въ сторожкѣ дня на три. Поэтому мы тотчасъ же заявили о своемъ намѣреніи двумъ стражникамъ, и они съ большой любезностью уступили намъ свое помѣщеніе.

Маленькій домикъ заключаетъ всего лишь одну комнату около 25 кв. аршинъ, всю заставленную расположенными около стѣпъ тахтами и имуществомъ обитателей, а на единственномъ свободномъ мѣстѣ посрединѣ стоитъ столъ. Несмотря на размѣры помѣщенія мы были имъ очень довольны, тѣмъ болѣе что погода начала хмуриться, и къ вечеру надо было ожидать дождя. Уже съ утра одинокія облака, одно за другимъ, стали появляться съ юго-запада, и мы тревожно поглядывали на нихъ. Въ горахъ быстро мѣняется погода. Въ самый ясный день иной разъ вдругъ откуда-то набѣгутъ тучи, подуетъ вѣтеръ, густо покроются туманомъ снѣжныя вершины, и иногда пойдетъ такой ливень, что удивляешься, откуда это все набралось. Но пройдетъ еще часъ, и снова солнце ярко заблеститъ на небѣ, озаряя послѣдніе облачка, быстро убѣгающія за горизонтъ.

Однако на этотъ разъ были признаки, предвѣщавшіе основательную перемѣну погоды, и мы опасались, что не

*) Подъемъ на переваль Хотю-тау существуетъ отдѣльно отъ подъема по Уллу-зе на переваль Чиперъ-азау (В. М. Сысоевъ, Эльбрусъ, Екатеринбургъ 1899 г.).

удастся совершить интересное восхождение. Какъ бы то ни было, позавтракавъ, мы тотчасъ отправились въ небольшую экскурсію для осмотра ледника Азау. Намъ пришлось для этого пройти по старымъ мореннымъ отложеніямъ, состоящимъ почти нацѣло изъ трахитовыхъ и базальтовыхъ лавъ, образующихъ огромныя насыпи, мѣстами поднимающіяся до восьми и болѣе сажень высоты. Пробираясь по камнямъ, въ безпорядкѣ наваленнымъ повсюду, я вдругъ, совершенно неожиданно для себя, вснугнулъ маленькую выпь (*Botaurus minutus*), которая, неуклюже вытянувъ ноги, снова опустилась невдалекѣ. Я былъ изумленъ. Чтѣ дѣлаетъ выпь въ этихъ каменистыхъ мѣстахъ? Было 14-е августа—время для обратнаго перелета на югъ еще слишкомъ раннее. Птица эта держится въ южной Россіи до конца сентября. Спустя немного, такъ же неожиданно изъ-подъ самыхъ ногъ вырвался козодой и тотчасъ сѣлъ между камнями, смотря на меня своими широко открытыми черными глазами.

Пересѣкши нѣсколько моренныхъ холмовъ, мы подошли съ правой стороны къ концу глетчера, оканчивающагося крутымъ ледянымъ обрывомъ, изъ-подъ котораго съ ревомъ выбѣгаетъ рѣчка Азау, образуя низкіе широкіе ледяные ворота. Черезъ ихъ отверстіе, а также въ глубокія вертикальныя трещины ледяного обрыва видна темная глубь глетчера. Соблазнительно было попытаться пройти по рѣкѣ въ эту подледниковую галерею; но, признаться, никто изъ насъ не рѣшился на это. Бурная рѣчка могла бы свалить съ ногъ смѣльчака и разбить объ острые камни. Насколько помнится, ботаникъ Бушъ, пзслѣдуя ледники, лежащіе къ западу отъ Эльбруса, однажды рискнулъ проникнуть со своимъ товарищемъ въ одну изъ такихъ галерей, но оба едва не поплавились жизнью, благодаря случившемуся обвалу части ледяного свода.

Осмотрѣвъ выходъ рѣки Азау, мы снова перешли къ лѣвому краю глетчера и стали подниматься по высокой моренѣ, успѣвшей покрыться скудной растительностью. Собирая растенія, мы медленно подвигались впередъ. Между тѣмъ тучи спустились надъ нами, подулъ холодный рѣзкій вѣтеръ, и пошелъ сильный дождь, иногда переходившій въ крупу.

Въ нижней своей части глетчеръ имѣетъ небольшой уклонъ, и его ровная сѣрая поверхность лишь кое-гдѣ прорѣзана небольшими трещинами. На протяженіи около двухъ верстъ онъ имѣетъ направленіе съ сѣверо-запада на юго-востокъ и съ обѣихъ сторонъ сжатъ высокими хребтами, но выше круто поворачиваетъ къ сѣверу, спускаясь со снѣжныхъ полей Эльбруса. Все протяженіе его равно 6 верстамъ. Нижнимъ своимъ концомъ глетчеръ почти достигаетъ границы хвойнаго лѣса, около 7000 ф. надъ уровнемъ моря.

Съ высокой морены открывался превосходный видъ на Азау и другой широкій глетчеръ Торгуль, стекающій съ запада по широкой котловинѣ и почти доходящій своею нижнею частью до Азау въ томъ мѣстѣ, гдѣ послѣдній круто измѣняетъ свое направленіе къ востоку. Однако Торгуль не доходитъ до Азау, отдѣляясь отъ послѣдняго высокою, нѣсколько отстоящей отъ конца льда, конечною мореною, указывающею на постепенное отступаніе Торгула.

Черезъ этотъ послѣдній глетчеръ проходитъ вышеупомянутый перевалъ въ Карачай.

Мы поднялись по леднику на 2000 ф. Продолжать путь дальше по моренѣ оказалось невозможнымъ, и надо было спуститься на ледъ, такъ какъ морену размыла небольшая бурная рѣчка. Она спадала съ сѣверной стороны и, образуя прелестные голубые ворота, исчезла подъ льдомъ Азау. Не было никакой возможности пробраться по скаламъ съ боковъ ледника. Скалы торчали отвѣсными стѣнами, и на самой вершинѣ хребта видны были голубые, остроконечные ледяные обломки,

въ безпорядкѣ поваленные одинъ на другой и принадлежащія, очевидно, глетчеру, спускающемуся по сѣверной сторонѣ этого ледораздѣла. *)

*) Прекрасное описаніе ледника Азау и дороги черезъ него даетъ Тенцовъ въ вышеупомянутой статьѣ, а такъ какъ нашему автору не удалось вполнѣ пройти этого ледника, то мы для полноты картины приводимъ это описаніе.

„Жители Баксана имѣютъ постоянныя сношенія съ карачаевцами, живущими по истокамъ Кубани и избираютъ для этихъ сношеній болѣе удобный, хотя и болѣе далекій путь, по Кыртыку, черезъ глетчеръ же Азау ходятъ очень немногіе смѣльчаки и преимущественно воры со скотомъ. Недоступность пути, дремучіе лѣса въ истокахъ Кубани и Баксана даютъ ворами съ краденнымъ скотомъ надежное убѣжище отъ карауловъ, которые горы содержатъ на свой счетъ у всѣхъ горныхъ проходовъ въ Сванетію и Рачу. Горцы не помнятъ, проходилъ ли кто-либо изъ путешественниковъ черезъ Азау, такъ какъ и за большую плату рѣдкій изъ карачаевцевъ рѣшится проводить путешественника по этимъ дебрямъ и скаламъ. Только безпечные и безучастные къ своей жизни сваны пойдутъ съ путешественникомъ хоть въ самый адъ (это несогласно съ тѣмъ, что говоритъ нашъ авторъ о сванахъ. Ред.). Мы рѣшились пройти въ Карачай переваломъ Чиперъ черезъ Азау. Проводники предупреждали насъ объ опасности пути и совѣтовали идти по Кыртыку, но мы встрѣтили подъ Азау осла съ вьюкомъ и погонщика карачаевца, который, подтверждая трудность пути, сказалъ, что если мы обладаемъ хотя небольшою опытностью въ лазаніи по скаламъ, то побѣдимъ и этотъ перевалъ. Въ помощь нашимъ сванамъ мы взяли одного изъ карачаевскихъ караульщиковъ“.

„Перевалъ черезъ Азау сдѣланъ былъ нами при ясномъ безоблачномъ небѣ. Едва замѣтная тропа вначалѣ колеситъ по лѣвой, сѣверной, моренѣ и скоро теряется въ ней. Множество остроугольныхъ камней во многихъ мѣстахъ дѣлаютъ путь положительно невозможнымъ, что заставляетъ путника сойти на ледникъ и отыскивать путь среди зіяющихъ трещинъ. Поверхность глетчера въ устьѣ производитъ впечатлѣніе застывшихъ морскихъ волнъ. Болѣе часу мы карабкались по моренѣ, а затѣмъ вступили на отлогую и почти ровную поверхность глетчера. Глетчеръ какъ-то вдругъ расширился и образовалъ обширное зеленовато-сѣрое поле, окаймленное со всѣхъ сторонъ скалами и бѣлоснѣжными вершинами. На скалахъ нависли меньшіе глетчеры, а за ними снѣговья поля, среди которыхъ кое-гдѣ торчатъ исполинскими зубцами одинокіе гранитные утесы. На поверхности ледника намъ попадались скелеты лошадей, воловъ, овецъ, перенелокъ, замерзшіе мотыльки и мухи, чаще же всего — скелеты погибшихъ туровъ и большое число турьихъ роговъ, достигающихъ иногда въ длину до 2 арш. Путь по леднику вначалѣ былъ легокъ, подъемъ незначи-

Въ то время какъ мы собирались продолжать путь по леднику, туманъ густо покрылъ горы и полилъ такой дождь, что о дальнѣйшей прогулкѣ не могло быть и рѣчи. Мы быстро стали спускаться къ хижинѣ, такъ и не увидавъ красивой вершины Эльбруса.

Дождь пересталъ, когда мы подходили къ караулкѣ. Въ это время одинъ изъ проводниковъ сообщилъ мнѣ, что онъ замѣтилъ на ближайшемъ хребтѣ туровъ. Тотчасъ я взялъ

теленъ; шероховатая поверхность льда не позволяла ногамъ скользить; встрѣчались трещины, но ихъ или обходили, если онѣ были широки, или перепрыгивали, если онѣ были узки. По поверхности ледника журчатъ ручейки, которые большею частію исчезаютъ или въ бездонныхъ трещинахъ или въ воронкообразныхъ колодцахъ. Немногіе изъ ручьевъ достигаютъ конца ледчера, гдѣ они каскадами падаютъ съ ледяной скалы въ вырвавшуюся изъ-подъ льда рѣку. Черезъ трещины до слуха путника долетаетъ отдаленный гулъ и ревъ подледной рѣки, увидѣть которую намъ не удалось даже черезъ самыя широкія трещины. Иногда слышались глухіе выстрѣлы въ ледникъ—это трещалъ ледъ, образуя новыя щели“.

„Большинство трещинъ имѣютъ поперечное направленіе, что обуславливается, по всей вѣроятности, поступательнымъ движеніемъ ледчера по неровной, волнистой поверхности его ложа. Долевые трещины на Азау очень рѣдки и обыкновенно узки—не болѣе 1½ аршина, тогда какъ поперечныя достигаютъ 1½-саженной ширины. Двѣ отвѣсныя зеленоватыя стѣны льда уходятъ въ неизмѣримую глубину, изъ которой доносится зловѣщій ревъ подледной рѣки и водопадовъ. Въ стѣнахъ встрѣчаются отверстія—естественныя ледяныя штольни, по которымъ течетъ вода до трещины, гдѣ она образуетъ красивые водопады. Брызги отъ этихъ водопадовъ разсыпаются въ искрящуюся водяную пыль, которая облакомъ стоитъ въ трещинѣ и скрываетъ отъ взоровъ наблюдателя дно пропасти. Много прогоняемаго скота гибнетъ въ такихъ трещинахъ. Встрѣчаются трещины, суживающіяся на глубинѣ нѣсколькихъ саженей до полуаршина. Упавшій въ такія трещины скотъ извлекается слѣдующимъ способомъ: смѣльчакъ-горецъ обвязывается веревкой; товарищи спускаютъ его въ трещину; тамъ онъ рубитъ на куски застрявшее животное, привязываетъ части его къ другой веревкѣ; товарищи, вытащивъ все мясо, вытаскиваютъ и его на свѣтъ Божій“.

„Особенное вниманіе наше привлекли колодцы. Они образуются въ широкихъ, котлообразныхъ углубленіяхъ; вода, падая въ нихъ, размываетъ ихъ все глубже и глубже; такимъ образомъ получается во льду глубокая яма, и колодезь готовъ. Наибольшій изъ колодцевъ, ви-

винтовку, и мы отправились. Пришлось лѣзть по крутому склону, поросшему альпійской растительностью, по крайней мѣрѣ на 2000 футовъ. Трава была мокрая, и мнѣ было чрезвычайно тяжело идти. Тутъ я вполнѣ оцѣнилъ горную обувь свановъ. Это обыкновенные чусты, сдѣланные изъ одного цѣльнаго куска кожи, при чемъ подошва вырѣзана такъ искусно, что представляетъ цѣлую сѣть тонкихъ ремешковъ, имѣющихъ въ общемъ поперечное направленіе. Благодаря этому, нога не скользитъ ни по камнямъ ни по травѣ; въ то же время это очень легкая обувь. Сваны не носятъ чулокъ, но кладутъ въ эти свои чусты пучки одного вида альпійской травы съ очень тонкими длинными листьями, по видимому, изъ семейства осокъ. Она отлично предохраняетъ ногу отъ холода и сырости.

Мы уже забрались на три четверти склона, и я имѣлъ случай полюбоваться великолѣпной картиной, внезапно раз-

дѣнныхъ нами на Азау, представлялъ собою воронкообразное углубленіе, верхній діаметръ котораго равнялся $2\frac{1}{2}$ арш. Въ воронку эту съ разныхъ сторонъ вливалось пять ручьевъ. Вода, по видимому, не вмѣщалась въ воронкѣ и вертѣлась въ одну сторону на глубинѣ 2 арш. Надъ воронкой поднимался столбъ водяной пыли, а въ столбѣ была видима радуга“.

„При стараніи идти какъ можно быстрѣе, ледникъ Азау пройденъ былъ нами въ $5\frac{1}{2}$ часовъ; отбросивъ $1\frac{1}{2}$ часа на остановки для отдыха и положивъ наименьшую скорость—2 версты въ часъ, можно заключить, что длина глетчера (включая сюда и снѣговья поля его) не менѣе 6 верстъ; наибольшая же ширина около 4-хъ верстъ“.

„Вліяніе разрѣженнаго воздуха сказалось не только на насъ, но и на нашихъ проводникахъ сванахъ, ко всему, казалось бы, привыкшихъ. Дыханіе у всѣхъ было частое, порывистое, несмотря на получасовой отдыхъ; пульсъ былъ отъ 90 до 100 ударовъ въ минуту; кровь прилиwała къ головѣ и клонило ко сну; ощущеніе тошноты чувствовали всѣ. О большой разрѣженности воздуха можно было судить еще и потому, что разговаривавшіе проводники наши уже на разстояніи какихъ-нибудь 40—50 саж. не слышали другъ друга. Звуки въ разрѣженномъ воздухѣ глухи, а выстрѣлъ не производитъ обычнаго гула. „Гайда—пошелъ, баринъ! Не хорошъ! Голова проналъ!“ такъ поднимали обыкновенно насъ сваны“.

вернувшейся предо мною. Густой туманъ поднялся изъ долины и скрылъ отъ глазъ рѣку и лѣсъ. Заходящее солнце на мгновеніе выглянуло изъ-за тучъ и освѣтило розовымъ свѣтомъ волнующееся у нашихъ ногъ море тумана. Въ это время проводникъ сталъ убѣждать меня возвратиться назадъ, а ему отдать винтовку и отпустить на охоту. Въ виду того что туманъ продолжалъ надвигаться снизу, а вдали слышались глухіе раскаты грома, я счелъ за благоразумное послѣдовать его совѣту, пока еще не было поздно. Быстро, ежеминутно скользя и падая, сталъ я спускаться и черезъ нѣсколько минутъ попалъ въ холодную сырость тумана. Въ 20 шагахъ ничего не было видно, но я хорошо замѣтилъ мѣстность и не опасаясь заблудиться. Однако минутъ черезъ 20 я наткнулся на какую-то скалу, которую никакъ не могъ припомнить. Осторожно обогнувъ ее, я благополучно спустился, наконецъ, и пошелъ по ровной мѣстности по направленію къ нашей стоянкѣ, расположенной какъ разъ у начала высокаго сосноваго лѣса. Шелъ я такимъ образомъ около получаса. Начиная темнѣть, пошелъ дождь, и молнія нѣсколько разъ ослѣпительно засверкала. Однако ни сторожки ни лѣсу не было видно. Наконецъ, показались сосны совсѣмъ близко отъ меня, но сторожки попрежнему не было, хотя я навѣрное зналъ, что она должна быть именно здѣсь. Оказалось, что я попалъ какъ-то не съ той стороны и, послѣ продолжительнаго шатанія по опушкѣ, наткнулся наконецъ на хижину. Была пора. Лишь только я переступилъ порогъ, дождь хлынулъ какъ изъ ведра, и разбушевалась сильная гроза. Поминутно блистала молнія, освѣщая молочную завѣсу тумана, и раскаты грома, отдаваясь въ горахъ, достигали чудовищной силы...

Черезъ часъ, когда гроза уже утихла, возвратился мой охотникъ. Онъ достигъ вершины, три раза неудачно стрѣлялъ по турамъ и измокъ при возвращеніи отъ головы до

ногъ. Опъ разсказалъ, что до верху туманъ не дошелъ, и тамъ не было даже дождя, такъ что я пожалѣлъ, что вернулся преждевременно.

VIII.

Нѣкоторыя свѣдѣнія объ Эльбрусѣ. Рѣшеніе отправиться въ обратный путь. Подъемъ на перевалъ Донгузь-орунъ. Морена и ледникъ. Вершина перевала. Спускъ на южную сторону. Ночлегъ въ пещерѣ. Ушелье р. Накры. Поляна на водораздѣлѣ между Накрой и Ингуромъ. Ночлегъ въ с. Таврарѣ.

Закусивъ, мы расположились на ночлегъ, но долго еще, прежде чѣмъ заснуть, проговорили со стражниками. Они сообщили намъ, что къ нимъ частенько пріѣзжаютъ съ цѣлью восхожденія на Эльбрусъ. Однако немногіе изъ посѣтителей побывали на грозной вершинѣ Минги-тау. Недостатокъ силъ или неблагоприятная погода часто заставляютъ путешественниковъ отказаться отъ удовольствія побывать на высшей точкѣ, господствующей надъ Европой *).

Эльбрусъ или Минги-тау, какъ называютъ его мѣстные горные татары**), представляетъ огромную двуглавую вершину, изъ которыхъ большая—западная достигаетъ 18,470 ф. высоты надъ уровнемъ моря, при чемъ меньшая—восточная на 100 приблизительно футовъ ниже первой.

*) Одни считаютъ границей между Европой и Азіей Кавказскій хребетъ, а другіе (Реклю, т. VI, стр. 43)—впадину, которая теперь заполнена отчасти рядомъ горько-соленыхъ озеръ, отчасти лѣниво текущими водами Кумы и Восточнаго и Западнаго Маныча (Л. Я. Апостоловъ, Географическій очеркъ Кубанской области, въ Сб. мат., в. XXIII).

**) „Минги-тау“ по-татарски означаетъ „Тысячная гора“; другое татарское названіе, извѣстное также у грузинъ и свановъ—„Яль-бузь“ (Ледяная грива); изъ послѣдняго, вѣроятно, образовалось названіе „Эльбрусъ“, подъ которымъ эта гора извѣстна и русскимъ, если не считать народнаго „Шатъ-гора“. У южныхъ черкесовъ (кабардинцевъ) она называется „Уаѣша-махо“ (уаѣша гора, махо день, т. е. ясная какъ день), у сѣверныхъ (кяховъ или чаховъ)—Куѣша-мафе (куѣша гора, мафе=махо), но также—Бореі (устарѣвшее названіе). Ред.

Объ вершины Эльбруса округлы и своими мягкими, правильными линиями резко отличаются от причудливых контуровъ окрестныхъ горъ.

Лучше всего Эльбрусъ виденъ со степей Сѣвернаго Кавказа, такъ какъ тамъ ничто его не закрываетъ. Мы видѣли его съ перевала Озенги, но далеко не такимъ величественнымъ, такъ какъ были видны только два конуса до сѣдловины; нижнюю его часть закрывали сосѣднія горы, такъ что впечатлѣнія большой высоты не получалось. Напротивъ, казалось, что онъ ниже нѣкоторыхъ другихъ вершинъ.

Поверхность снѣговъ на широкомъ конусѣ Эльбруса достигаетъ огромной величины 200 кв. верстъ, и многочисленныя ледники (около 70) сползаютъ по его склонамъ. *) Самый большой изъ нихъ Ирикъ, около 8 верстъ, стекаетъ на востокъ; слѣдующій по величинѣ Азау, который намъ удалось посѣтить, тянется на протяженіи около 6 верстъ съ южной стороны Эльбруса.

Такъ какъ стражники ручались, что погода долго не поправится настолько, чтобы можно было совершить восхожденіе на вершину Эльбруса, а также и потому, что мы не располагали большимъ количествомъ времени, рѣшено было на слѣдующій же день отправиться въ обратный путь.

Мы проектировали раньше снова перейти Главный хребетъ черезъ перевалъ Донгузь-орунъ, спуститься по ущелью рѣки Накры до Ингура и возвратиться въ Закавказье по ущелью послѣдняго. Однако въ дурную погоду путь черезъ Донгузь-орунъ былъ опасенъ, и проводники не рѣшались пойти черезъ перевалъ.

Приходилось измѣнить маршрутъ, и мы рѣшили направиться внизъ по Баксану, черезъ селеніе Урусбиево, по направленію къ Пятигорску, куда и должны были прибыть

*) Всѣхъ ледниковъ 1-го разряда не менѣе 15, а 2-го не менѣе 62 (Сысоевъ—Эльбрусъ).

черезъ два дня. Путь этотъ не представляетъ никакихъ затрудненій, и отъ селенія Урусбиево можетъ быть совершенно въ экипажѣ. По этой дорогѣ обыкновенно слѣдуютъ всѣ, имѣющіе цѣлью восхождение на Эльбрусъ.

На слѣдующій день мы снова пробирались внизъ по теченію Азау. Шелъ дождь, и вершины горъ были покрыты густыми облаками. Недалеко отъ поселка Кашкаровка, о которомъ упоминалось выше, тропинка раздѣляется. Одна направляется по берегу рѣки, а другая, круто поворачивая на югъ, ведетъ на переваль Донгузь-орунь.*) Дойдя до этого узлового пункта, мы остановились. Какъ разъ надъ переваломъ показалось солнце, и соблазнительно было рискнуть возвратиться по давно облюбованному маршруту. Мы всѣ желали этого. Тогда мы еще разъ предложили нашимъ проводникамъ этотъ путь. Тутъ произошла интересная сцена. Съ минуту они молчали; потомъ перекинулись нѣсколькими словами на своемъ языкѣ и вдругъ всѣ, словно по командѣ, перекрестились размашистымъ крестомъ и молча зашагали впередъ по направленію къ перевалу. Мы съ радостью послѣдовали за ними. Скоро мы уже прошли лѣса, около самой границы которыхъ, на высотѣ 6,800 ф. надъ у. м., расположенъ еще одинъ ветеринарный постъ, и выбрались на склоны, покрытые альпійской растительностью. Подъемъ очень отлогъ, но въ то же время и очень длиненъ около 10 верстъ. Мѣстами приходится проходить по осыпямъ, состоящимъ изъ крупныхъ камней, и это самая неудобная часть дороги. Огромные камни навалены въ самомъ отчаянномъ безпорядкѣ, и приходится не идти, а прыгать. Лошадямъ, должно быть, въ этихъ мѣстахъ плохо приходится.

*) Донгузь-орунь означаетъ по-татарски „Свиной базъ“, такъ какъ здѣсь карачаевцы до принятія магометанства пасли своихъ свиней (Тенцовъ, въ вышеуп. сочиненіи).

Почти на половинѣ подъема, на высотѣ 8,100 ф., находится небольшое озеро Донгузь-орунъ-гэль, величиною не болѣе половины квадратной версты; оно не отличается красотой. Можетъ-быть, въ хорошую погоду вода въ немъ болѣе прозрачна, но теперь она была совершенно мутна, и съ юга въ озеро впадалъ желтый ручей, образуя небольшую дельту *).

Озеро находится въ небольшой котловинѣ, на верхнемъ краѣ которой стоятъ остатки когда-то построенной здѣсь хижины. Намъ рассказали, что она была разрушена сванами, застигнутыми непогодю въ этихъ мѣстахъ. Они взяли изъ нея всѣ деревянныя части и сожгли ихъ, такъ какъ иначе погибли бы отъ холода.

На высотѣ 8,400 ф. надъ у. м. находится нижній конецъ ледника; далѣе до самой вершины перевала путь идетъ по его снѣжной поверхности. Но предварительно пришлось перейти по разбросаннымъ всюду камнямъ конечной морены, черезъ небольшіе озерка съ ледяными берегами, образованные таяніемъ льда. Въ нижней своей части глетчеръ имѣетъ направление съ юго-востока на сѣверо-западъ, но на срединѣ протяженія круто загибается и въ верхней части стекаетъ съ юга къ сѣверу. На мѣстѣ изгиба огромныя поперечныя трещины преграждаютъ путь, но ихъ можно обойти, держась лѣвой стороны ледника. Шелъ дождь, и идти было тяжело и неприятно. Холодъ и вода постепенно проникли подъ одежду, а глубокій снѣгъ затруднялъ ходьбу. Часа полтора забирались мы все вверхъ и наконецъ очутились передъ скалистымъ обнаженнымъ отъ снѣга гребнемъ. Подъемъ на послѣдній, всего не болѣе 5 сажень, показался намъ не изъ пріятныхъ, однако черезъ нѣсколько минутъ всѣ собрались на вершинѣ перевала.

*) По словамъ Тепцова, вода въ озерѣ въ обыкновенное время чистая, какъ хрусталь, и отлиываетъ цвѣтомъ неба. *Ред.*

Отсюда въ хорошую погоду, какъ говорятъ, открывается чудный видъ на Эльбрусъ и сосѣднія вершины. Къ сожалѣнiю, намъ не удалось многого увидѣть, такъ какъ густой туманъ, въ видѣ тяжелыхъ облаковъ, поднимался снизу вверхъ и, переваливъ Главный хребетъ, закрывалъ всѣ вершины, бѣлыми космами спускаясь по долинамъ рѣкъ далеко внизъ. Отогрѣвшись немного усиленной порцiей коньяку, мы поспѣшили внизъ и тотчасъ потеряли другъ друга въ густомъ туманѣ. Въ пяти шагахъ трудно было разсмотрѣть фигуру человѣка, и мы, перекликаясь и держась возможно ближе, съ трудомъ поспѣшали за проводниками. На южной сторонѣ перевала совсѣмъ нѣтъ ледниковъ, и идти приходится по крутой каменной осыпи. Въ трехъ мѣстахъ мы попали на небольшiя снѣжныя поляны, по которымъ очень удобно спускаться въ кошкахъ. Въ общемъ, спускъ не труденъ и при хорошей погодѣ, вѣроятно, представляетъ большое удовольствiе, такъ какъ кругомъ возвышаются высокiя вершины, и многочисленные глетчеры сползаютъ отовсюду, давая начало безчисленному количеству рѣчонокъ, впадающихъ въ Накру. Спускъ постепенно становится болѣе пологимъ, и черезъ часъ пути мы уже вышли изъ области тумана въ теплую атмосферу ущелья р. Накры. Вечерѣло, и пора было подумать о ночлегѣ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ Накру слѣва впадаетъ бурная рѣчка Уцхда, двѣ огромныя скалы, склонившись другъ къ другу своими вершинами, образуютъ пещеру, въ которой мы расположились на отдыхъ. Остатокъ костра свидѣтельствовалъ, что эта пещера служитъ обычнымъ мѣстомъ отдохновенiя путниковъ, переходящихъ черезъ Донгузъ-орунъ.

Зажгли мы костры, высушили платье и обувь, закусили и заснули крѣпкимъ сномъ, и хорошо спалось подъ этими нависшими скалами, въ душистой атмосферѣ альпiйскихъ луговъ...

Ущелье рѣки Накры идетъ прямо на югъ. Подобно другимъ горнымъ рѣкамъ, протекающимъ среди лѣсовъ, она поражаетъ своей дикой красотой.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вся рѣка загромождена огромными деревьями, вырванными ею въ своемъ стремительномъ паденіи. Кругомъ видны высокія горы, и стекающія съ нихъ рѣчки то и дѣло преграждаютъ намъ путь. Въ одномъ мѣстѣ невозможно было перейти одну изъ такихъ рѣчекъ, и пришлось переѣхать верхомъ на проводникахъ. Просто удивляешься силѣ ихъ ногъ.

Цѣлый день мы шли по берегу Накры, мѣстами забираясь высоко въ обходъ скалъ, отвѣсно падающихъ въ рѣку, мѣстами слѣдуя по ровной дорожкѣ среди великолѣпныхъ лѣсовъ.

Къ вечеру мы уже были невдалекѣ отъ селеній Дадишкеліановской Сванетіи и перебирались черезъ небольшой перевалъ, служащій водораздѣломъ между рѣкою Накрой и Ингуромъ.

Красивую картину представляетъ на этомъ перевалѣ поляна около 6 квадратныхъ верстъ, сплошь покрытая разсыпанными по ней березовыми роцями и зарослями лѣсного орѣшника. Послѣ мрачныхъ лѣсовъ, дикихъ скалъ и льдовъ, пріятно отдыхаетъ взоръ путешественника на мягкой зелени этого мирнаго ландшафта.

Небольшой спускъ, и мы въ селеніи Таврарѣ, гдѣ послѣ долгихъ переговоровъ наконецъ устроились въ домъ писаря и съ его помощью добыли различныхъ съѣстныхъ припасовъ.

IX.

Дадишкеліановская Сванетія. Сел. Лахамуръ на р. Ингуръ. Мѣстность Чубихеви. Народъ еврейскаго типа. Обрядъ оплакиванія. Трудности пути по Ингурскому ущелью. Аракъ изъ бузины. Въѣздъ въ Мингрелію. Растительность по нижнему Ингуру. М. Джвары. Начало мингрельской равнины. Сплавъ лѣса по Ингуру. Возвращеніе на Зугдиды во-своеси.

На другой день я предпринялъ небольшую прогулку по окрестнымъ деревнямъ съ фотографической цѣлью.

Мнѣ хотѣлось разыскать мѣстныхъ кретиновъ. Оказалось, что ихъ здѣсь въ настоящее время не имѣется, а есть только больныя зобомъ 3 женщины въ одномъ селеніи и 3 въ другомъ; ни одного больного мужчины. Это обстоятельство заинтересовало меня. Быть-можетъ, отчасти можно объяснить его тѣмъ, что мужчины этой части Сванетіи чаще уходятъ на зиму на заработки по ущелью Ингура въ долину Ріона и, такимъ образомъ, проводятъ полгода, а то и болѣе внѣ своихъ замкнутыхъ долинъ.

Въ другихъ, менѣе доступныхъ частяхъ этой горной страны, мы встрѣчали одинаково часто больныхъ зобомъ какъ мужчинъ, такъ и женщинъ.

Въ селеніи Целлеры, состоящемъ всего изъ 4-хъ домовъ, я зашелъ въ одинъ изъ нихъ. Обстановка единственной комнаты такая же, какъ и въ Вольной Сванетіи. Предложили кресло около очага, и когда я усѣлся, то появился молодой сынъ хозяина съ небольшимъ кувшиномъ арака. Отъ угощенія я отказался, такъ какъ отвратительный запахъ бузины былъ положительно невыносимъ. Въ числѣ ружей, развѣшенныхъ по стѣнамъ, я замѣтилъ русскую военную берданку, винтовку Пибоди и нѣсколько заграничныхъ штуцеровъ. Откуда достаютъ сваны такое оружіе?

Я сдѣлалъ нѣсколько снимковъ и вернулся въ Тавраръ.

На другой день мы спустились въ селеніе Лахамурь*), расположенное на самомъ берегу Ингура.

Мѣстность, по которой намъ пришлось проходить, известна подъ общимъ именемъ Чубихеви. Въ составъ ея входитъ около 10 селеній, а по пространству она занимаетъ почти половину всей Дадишкеліановской Сванетіи. Жители ея пессванскаго происхожденія и, по общему мнѣнію, евреи**). Какъ они попали туда, доподлинно неизвѣстно, но, судя по сохранившемуся типу и нѣкоторымъ чертамъ характера, это предположеніе имѣетъ за собою всѣ основанія. По религіи и образу жизни они настоящіе сваны, но послѣдніе издавна относятся къ нимъ враждебно. Такъ, напримѣръ браки между сванами и жителями Чубихеви не заключаются, и даже ѣсть изъ одной посуды сванъ считается неудобнымъ. Несмотря на непосредственное сосѣдство въ теченіе многихъ лѣтъ, до сихъ поръ отношенія между этими племенами въ высшей степени недоброжелательныя. Характеры ихъ различны: житель Вольной Сванетіи суровъ, гордъ и честенъ; чубихевецъ мелоченъ, любопытенъ и плутовать. Во время остановки въ сел. Таврарѣ толпа любопытныхъ все время вертѣлась въ занятой нами комнатѣ. Дѣти, женщины и мужчины одинаково нахально лѣзли смотрѣть на нежданныхъ гостей, и намъ удалось изгнать ихъ изъ комнаты, лишь начавъ раздѣваться и потушивъ огонь. Нужно было видѣть безконечныя препирательства нашихъ носильщиковъ, взятыхъ въ Таврарѣ, изъ-за каждой фунта груза—препирательства, доходившія до брани. И это

*) По „Своду статистическихъ данныхъ о населеніи Закавказскаго края“ (Тифлисъ 1893 г.) это селеніе также называется Лахомули; А. И. Стояновъ въ соч. „Путешествіе въ Сванетію“ его называетъ Лахамульдъ или Лакумульдъ.

**) А. И. Стояновъ (Ibid.) сомнѣвается въ томъ, чтобы лахамульцы были евреями, хотя признаетъ за ними многія ихъ качества: смѣтливость и промышленный духъ. Но Т. И. Раде („Путешествіе въ Мингрельскихъ альпахъ“ въ VII к. Записокъ Кавк. Отд. Имп. Русс. Геогр. Общ. 1866 г.) склоненъ въ нихъ видѣть бывшихъ евреевъ. *Ред.*

происходило каждый день и заставляло насъ терять даромъ много времени. Они вѣчно отставали во время пути, чтобы выиграть лишній день, такъ какъ получали поденную плату, и иногда указывали, какъ мы потомъ узнали, болѣе длинную и трудную дорогу.

Не таковы жители Вольной Сванетіи. Часто мы проводили въ ихъ селеніяхъ нѣсколько часовъ, но никто не являлся безъ приглашенія, и я уже говорилъ выше, какъ трудно было намъ проникнуть въ ихъ жилища. Они относились къ намъ какъ къ людямъ, чуждымъ имъ, съ которыми у нихъ нѣтъ ничего общаго. Но разъ судьба сталкивала насъ ближе, нельзя было имъ отказать въ нѣкоторыхъ достоинствахъ.

Между нашими носильщиками и проводниками, взятыми въ с. Бечо, мы ни разу не замѣтили никакихъ недоразумѣній. Что же касается ихъ отношеній къ намъ, то они были положительно безупречны, и мы съ сожалѣніемъ рассталсъ съ ними, когда они пожелали возвратиться домой, дойдя съ нами до условленнаго пункта.

Селеніе Лахамуръ состоитъ приблизительно изъ 20 домовъ и составляетъ центръ всего этого угла Сванетіи. Площадка въ срединѣ селенія, на которой раскинулася великолѣпный орѣхъ, была полна народа. Подъ деревомъ, на большой каменной скамьѣ сидѣлъ князь Дадишкеліани, полковникъ русской арміи, и бесѣдовалъ съ народомъ. Рядомъ съ нимъ стояли двѣ дѣвушки и угощали его виномъ и фруктами. Каждый подходящій крестьянинъ цѣловалъ князя въ плечо, по обычаю предковъ. Съ тѣхъ поръ какъ князя Дадишкеліани лишены княжества, народъ все же еще чтитъ въ нихъ князей, и во внутреннихъ дѣлахъ воля послѣднихъ имѣетъ большое значеніе.

Князь сообщилъ намъ нѣсколько свѣдѣній о житьѣ-бытьѣ свановъ и рекомендовалъ посмотрѣть на обрядъ оплакиванія,

который происходилъ невдалекѣ, въ одномъ изъ домовъ. Мы вошли въ большую комнату, слабо освѣщенную нѣсколькими бойницами, да десяткомъ восковыхъ свѣчей, кое-гдѣ прилѣпленныхъ къ потолочнымъ балкамъ.

Вокругъ стѣнъ стояло человекъ 150 мужчинъ, оставляя только небольшой промежутокъ въ переднемъ углу, гдѣ видѣлся гробъ. Ближе къ серединѣ комнаты такой же кругъ изъ женщинъ, которыя ходили одна за другой, громко причитая и колотя себя въ грудь. Вой стоялъ оглушительный. Старыя мегеры, съ распушенными волосами и красными отъ слезъ глазами, были до нельзя отвратительны. Около получаса продолжался этотъ своеобразный концертъ; затѣмъ женщины поочередно стали подходить къ мѣсту, гдѣ лежалъ покойникъ, и разсаживались на лавкахъ около длиннаго стола, гдѣ почти рядомъ съ гробомъ видѣлись бутылки арака.

Тогда на освободившуюся площадку посрединѣ комнаты по одному или по два стали выходить близкіе родственники умершаго. Плача, колотя себя въ грудь и дотрогиваясь до ушей, произносили они передъ гробомъ цѣлыя рѣчи. И каждый разъ какъ замолкалъ звукъ ихъ воплей, все мужчины, стоящіе вокругъ стѣнъ, подымали руки вверхъ, и стоголосый крикъ «міа вай!» *) потрясалъ мрачныя своды комнаты. При этомъ все падали на колѣни и, прикладывая руки къ ушамъ, что, очевидно, служить выраженіемъ глубокой печали, громовымъ хоромъ, словно по командѣ, возглашали «вай!».

Дико раздавался раздирающій душу крикъ въ сумракѣ закоптѣлаго сванскаго жилища; свѣчи пугливо колыхали своими тусклыми языками, и пручудливыя тѣни слонялись по чернымъ стѣнамъ, дрожа отъ этихъ нечеловѣческихъ воплей....

Оплакиваніе продолжается нѣсколько дней и сопровождается непрерывнымъ питьемъ арака. Намъ удалось отка-

*) Горе мнѣ!

заться отъ предложеннаго угощенія, и къ полудню мы уже вступили въ ущелье Ингура, дикое и величественное. Съ этого момента въ теченіе трехъ дней мы уже не видѣли ничего, кромѣ крутыхъ, поросшихъ лѣсомъ, скалъ, достигающихъ страшной высоты, да клочка голубого неба между ними, на которомъ не болѣе пяти часовъ въ день сіяло солнце. По глубинѣ и мрачности, по тѣмъ затрудненіямъ, съ которыми связано путешествіе, въ Закавказьѣ нѣтъ другого ущелья, подобнаго описываемому. Не даромъ говорятъ, измѣняя извѣстную поговорку, что «кто не ходилъ въ Сванетію по Ингуру—не молился Богу». Дѣйствительно, часто едва замѣтная тропинка совсѣмъ теряется на крутыхъ осыпяхъ, или приходится переходить съ одной скалы на другую по двумъ бревнышкамъ на высотѣ тысячи футовъ надъ бушующей рѣкой; или, еще лучше, въ одномъ мѣстѣ пришлось перебираться на рукахъ, хватаясь за корни деревъ, пронизывающихъ скалы, и вися въ нѣсколькихъ саженьяхъ надъ поверхностью воды. Все это еще ничего въ хорошую погоду, но достаточно небольшого дождя, чтобы дальнѣйшее движеніе было пріостановлено. Особенно опасно на осыпяхъ, гдѣ одинъ только невѣрный шагъ можетъ повлечь паденіе иногда съ самой головокружительной высоты *)).

*) Приводимъ для сравненія два мѣста изъ „Путешествія по Сванетіи“ А. И. Стоянова, относящіяся къ этому трудному пути:

„Хребетъ Бах или Бакхылд подходитъ къ самому Ингуру и падаетъ внизъ обрывистыми отвѣсными скалами, покрытыми наверху рѣдкими рядами деревъ. Девять разъ должны были мы взбираться на скалы и потомъ спускаться внизъ, пока не прошли этого опаснаго мѣста. Тропа, пробитая въ скалѣ, иногда фута въ два ширины, такъ-что только цѣпкій катеръ можетъ по ней пробраться. Подъемы такъ круты, что, кажется, будто того и смотри, перевернешься вмѣстѣ съ катеромъ назадъ. Подымаешься какъ-бы по каменнымъ полуразрушеннымъ ступенямъ, между которыми разстояніе иногда фута въ три, въ четыре. Спускъ еще хуже. Съ одной стороны тропы голая скала, за которую и зацѣпиться нельзя; съ другой—страшный обрывъ до самаго кипящаго внизу Ингура. Здѣсь нужно рассчитывать каждый шагъ—иначе и костей потомъ не соберутъ.

Ущелье Ингура очень красиво, но въ виду продолжительности пути подь конецъ прямо давить своего замкнутостью: хочется скорѣе выйти изъ этой щели и вздохнуть свободнѣе на просторѣ долинъ.

Все время спуски и подъемы, такъ какъ приходится обходить прибрежныя скалы. Дремучіе лѣса глубоко молчаливы, и въ продолженіе трехъ дней пути мы не видали въ нихъ ни одного живого существа, если не считать нѣсколькихъ

Капризный мой катеръ, ревѣвшій и прыгавшій прежде, здѣсь обнаружилъ философскую осмотрительность и хладнокровіе: онъ съ необыкновеннымъ искусствомъ пробирался по тропинкѣ, влазя на уступы какъ дикая кошка. Только въ такихъ случаяхъ можно оцѣнить выносливость и цѣпкость этого превосходнаго животнаго. Съ какимъ-то страстнымъ наслажденіемъ заглядываешь въ глубокую пропасть до тѣхъ поръ, пока не закружится голова и самъ не закачаешься на сѣдлѣ: перенесешь взоръ вверхъ на отвѣсныя скалы, наверху которыхъ торчатъ чуть держащіяся глыбы громадныхъ камней; кажется, вотъ сію минуту упадутъ вамъ на голову непрошенныя гости. Это тѣмъ болѣе казалось вѣроятнымъ, что очень часто намъ приходилось пробираться черезъ каменные завалы совершенно свѣжіе, упавшіе, вѣроятно дня два или три тому назадъ. Въ нѣкоторыхъ, самыхъ опасныхъ, мѣстахъ я слазилъ съ катера: вниманіе и осторожность на каждомъ шагу такъ замучили меня, что у меня застывали ноги. Я взбирался по камнямъ, имѣя опорой сванетскую палку, а все-таки скользилъ по катящемуся изъ-подъ ногъ сланцу, и нѣсколько разъ чуть не сорвался внизъ“...

„Мы еще прошли черезъ нѣсколько каменныхъ заваловъ и наконецъ очутились, какъ казалось, передъ непреодолимымъ препятствіемъ. Съ вершинъ лѣваго берега, отвѣсно подымавшихся надъ нами, упала каменно-песчаная осыпь и сажень на тридцать совсѣмъ засыпала узкую тропинку. Эта осыпь совершенно гладко спускалась внизъ къ самому Ингуру на нѣсколько сотъ футовъ. Здѣсь остановились въ раздумьѣ самые смѣлые изъ нашего каравана. Амансъ и лахамулецъ внезапно бросились впередъ и наконецниками своихъ палокъ въ нѣсколько минутъ пробили тропу въ одинъ футъ—не болѣе—ширины. Намъ приказано было какъ можно поспѣшнѣе пробѣжать эту импровизированную дорожку. Я самъ хорошо не помню, какъ прошелъ тридцать сажень. Сверху сыпались градомъ камни и ползла земля, внизу Ингуръ съ сильнымъ ревомъ перекатывался черезъ громадные камни. Насрединѣ дорожки, не смотря на то что палка служила мнѣ точкою опоры, я поскользнулся—и въ головѣ моей быстро промелькнула мысль, что уже все кончено—не помню, какъ я сумѣлъ удержаться. Мы очутились на деревянныхъ подставкахъ, приставленныхъ у края самой

хищниковъ, высоко парившихъ въ воздухѣ. Между тѣмъ говорятъ, здѣсь попадаются звѣри. Туры и серны водятся въ окрестныхъ горахъ; шакалы, медвѣди, рыси и даже барсы таятся въ лѣсахъ.

Ингуръ, самая быстрая изъ большихъ рѣкъ Кавказа, на всемъ протяженіи отъ Сванетіи до выхода изъ ущелья имѣетъ мало пороговъ, что, по всей вѣроятности, объясняется ея многоводіемъ. Мутно-сѣрыя воды ея мчатся къ югу съ глухимъ ревомъ, катя по дну огромные валуны. Рѣка эта, кое-гдѣ сжатая прибрежными скалами, висящими по сторонамъ, подобно колоссальнымъ готическимъ сооруженіямъ, и почти лишенная солнечнаго свѣта, шумитъ во влажномъ прохладномъ сумракѣ.

Черезъ Ингуръ отъ с. Лахамура до Джваровъ, мингрельскаго мѣстечка, на протяженіи около 80 верстъ, существуетъ всего три моста, изъ которыхъ одинъ полуразрушенъ, а по двумъ остальнымъ лишь по одному человѣку можно пройти безъ всякаго опасенія. Сваны ходятъ безразлично по обѣимъ сторонамъ рѣки, но для европейца, чтобы избѣжать особенно трудныхъ мѣстъ, необходимо пользоваться этими мостами и притомъ каждый годъ различнымъ образомъ, смотря по состоянію тропинокъ, въ виду чего я и считаю излишнимъ подробно останавливаться на обозначеніи нашего пути.

На пятиверстной картѣ на протяженіи около 50 верстъ отъ послѣдняго селенія Сванетіи не указано ни одного поселенія. Между тѣмъ это невѣрно. На этомъ пространствѣ на-

рѣки, около совершенно отвѣсной скалы, и вздохнули свободнѣе. Къ немалому нашему смущенію оказалось, что младшій мой товарищъ, Зурго, и наши катеры еще по той сторонѣ осыпи. Опять начали продѣлывать тропинку, уже засыпанную землею,—и черезъ нѣсколько минутъ всѣ мы были въ безопасности. Волненіе было очень сильное—и многіе изъ насъ набожно перекрестились, какъ бы избавясь отъ смертной опасности“.

Повидимому, съ 1875 г.—за четверть вѣка трудности пути по ущелью р. Ингура мало измѣнились къ лучшему. *Ред.*

Ущелье Ингура очень красиво, но въ виду продолжительности пути подъ конецъ прямо давить своего замкнутостью: хочется скорѣе выйти изъ этой щели и вздохнуть свободнѣе на просторѣ долинъ.

Все время спуски и подъемы, такъ какъ приходится обходить прибрежныя скалы. Дремучіе лѣса глубоко молчаливы, и въ продолженіе трехъ дней пути мы не видали въ нихъ ни одного живого существа, если не считать нѣсколькихъ

Капризный мой катеръ, ревѣвшій и прыгавшій прежде, здѣсь обнаружилъ философскую осмотрительность и хладнокровіе: онъ съ необыкновеннымъ искусствомъ пробирался по тропинкѣ, взлазя на уступы какъ дикая кошка. Только въ такихъ случаяхъ можно оцѣнить выносливость и цѣпкость этого превосходнаго животнаго. Съ какимъ-то страстнымъ наслажденіемъ заглядываешься въ глубокую пропасть до тѣхъ поръ, пока не закружится голова и самъ не закачаешься на сѣдлѣ: перенесешь взоръ вверхъ на отвѣсныя скалы, наверху которыхъ торчатъ чуть держащіяся глыбы громадныхъ камней; кажется, вотъ сію минуту упадутъ вамъ на голову непрощенные гости. Это тѣмъ болѣе казалось вѣроятнымъ, что очень часто намъ приходилось пробираться черезъ каменные завалы совершенно свѣжіе, упавшіе, вѣроятно дня два или три тому назадъ. Въ нѣкоторыхъ, самыхъ опасныхъ, мѣстахъ я слазилъ съ катера: вниманіе и осторожность на каждомъ шагу такъ замучили меня, что у меня застывали ноги. Я взбирался по камнямъ, имѣя опорю сванетскую палку, а все-таки скользилъ по катящемуся изъ-подъ ногъ сланцу, и нѣсколько разъ чуть не сорвался внизъ“...

„Мы еще прошли черезъ нѣсколько каменныхъ заваловъ и наконецъ очутились, какъ казалось, передъ непреодолимымъ препятствіемъ. Съ вершинъ лѣваго берега, отвѣсно подымавшихся надъ нами, упала каменисто-песчаная осыпь и сажень на тридцать совѣмъ засыпала узкую тропинку. Эта осыпь совершенно гладко спускалась внизъ къ самому Ингуру на нѣсколько сотъ футовъ. Здѣсь остановились въ раздумьѣ самые смѣлые изъ нашего каравана. Амансъ и лахамулецъ внезапно бросились впередъ и наконецниками своихъ палокъ въ нѣсколько минутъ пробили тропу въ одинъ футъ—не болѣе—ширины. Намъ приказано было какъ можно поспѣшиѣ пробѣжать эту импровизированную дорожку. Я самъ хорошо не помню, какъ прошелъ тридцать сажень. Сверху сыпались градомъ камни и ползла земля, внизу Ингуръ съ сильнымъ ревомъ перекатывался черезъ громадные камни. Насрединѣ дорожки, не смотря на то что палка служила мнѣ точкою опоры, я поскользнулся—и въ головѣ моей быстро промелькнула мысль, что уже все кончено—не помню, какъ я сумѣлъ удержаться. Мы очутились на деревянныхъ подставкахъ, приставленныхъ у края самой

хищниковъ, высоко парившихъ въ воздухѣ. Между тѣмъ говорятъ, здѣсь попадаются звѣри. Туры и серны водятся въ окрестныхъ горахъ; шакалы, медвѣди, рыси и даже барсы таятся въ лѣсахъ.

Ингуръ, самая быстрая изъ большихъ рѣкъ Кавказа, на семь протяженіи отъ Сванетіи до выхода изъ ущелья имѣетъ мало пороговъ, что, по всей вѣроятности, объясняется ея многоводіемъ. Мутно-сѣрыя воды ея мчатся къ югу съ глухимъ ревомъ, катя по дну огромные валуны. Рѣка эта, кое-гдѣ сжатая прибрежными скалами, висящимися по сторонамъ, подобно колоссальнымъ готическимъ сооруженіямъ, и почти лишенная солнечнаго свѣта, шумитъ во влажномъ прохладномъ сумракѣ.

Черезъ Ингуръ отъ с. Лахамура до Джваровъ, мингрельскаго мѣстечка, на протяженіи около 80 верстъ, существуетъ всего три моста, изъ которыхъ одинъ полуразрушенъ, а по двумъ остальнымъ лишь по одному человѣку можно пройти безъ всякаго опасенія. Сваны ходятъ безразлично по обѣимъ сторонамъ рѣки, но для европейца, чтобы избѣжать особенно трудныхъ мѣстъ, необходимо пользоваться этими мостами и притомъ каждый годъ различнымъ образомъ, смотря по состоянію тропинокъ, въ виду чего я и считаю излишнимъ подробно останавливаться на обозначеніи нашего пути.

На пятиверстной картѣ на протяженіи около 50 верстъ отъ послѣдняго селенія Сванетіи не указано ни одного поселенія. Между тѣмъ это невѣрно. На этомъ пространствѣ на-

рѣки, около совершенно отвѣсной скалы, и вздохнули свободнѣе. Къ немалому нашему смущенію оказалось, что младшій мой товарищъ, Зурго, и наши катеры еще по той сторонѣ осыпи. Опять начали продѣлывать тропинку, уже засыпанную землею,—и черезъ нѣсколько минутъ всѣ мы были въ безопасности. Волненіе было очень сильное—и многіе изъ насъ набожно перекрестились, какъ бы избавясь отъ смертной опасности“.

Повидимому, съ 1875 г.—за четверть вѣка трудности пути по ущелью р. Ингура мало измѣнились къ лучшему. *Ред.*

ходится 5 или 6 сванетскихъ отселковъ, состоящихъ обыкновенно изъ 2—3 домиковъ. Въ самомъ сѣверномъ изъ нихъ, Гвенциши, мы встрѣтили первые посѣвы кукурузы. Въ этихъ отселкахъ можно достать куръ, яйца, молоко и медъ. Послѣдній находится въ каждомъ домѣ, такъ какъ жители сплошь занимаются пчеловодствомъ, правда, пользуясь самыми примитивными приемами. Обитатели этихъ отселковъ почти всѣ выселились изъ Лахамура и сосѣднихъ селеній Дадишкеліановской Сванетіи и говорятъ на сванскомъ языкѣ.

На пути встрѣчается большое количество мелкихъ рѣчюнокъ, впадающихъ въ Ингуръ, но черезъ большинство изъ нихъ перекинуты стволы деревьевъ, и переправы нигдѣ не представляютъ затрудненій, конечно, въ сухую погоду. Каждая изъ этихъ рѣчушекъ, во время непогоды, дѣлается совершенно непроходимой.

Всѣ они падаютъ каскадами съ крутыхъ склоновъ, мѣстами образуя значительные водопады. На ночлегъ мы всегда останавливались на берегу такихъ рѣчюнокъ, но одинъ разъ насъ постигла неудача; вода оказалась нестерпимо зловонной. Изслѣдуя причины, мы наткнулись повыше на большой перегонный кубъ. Котель, доверху наполненный ягодами бузины, былъ приспособленъ надъ огнемъ, и изъ холодильника медленно вытекала вонючая жидкость. Это и былъ аракъ, столь любимый сванами. Отбросы выкидывались въ рѣчку, почему вода ниже этого мѣста не годилась для питья. Такіе кубы попадались намъ нѣсколько разъ въ ущельѣ Ингура. Травянистый видъ бузины (*Sambucus ebulus*) покрывалъ мѣстами сплошь огромное пространство, точно ее здѣсь сѣяли. Впрочемъ, такъ же обильны были заросли ежевики, спѣлыми гроздьями которой мы усиленно лакомились. Остается непонятнымъ, почему жители не гонятъ водки изъ плодовъ этого послѣдняго растенія и предпочитаютъ вонючую бузину.

Изъ другихъ ягодъ малина и кавказская черника повсюду растутъ въ большемъ количествѣ. Здѣсь же намъ попало одно растеніе, которое сваны называли «матата». По ихъ словамъ, оно очень ядовито, и человекъ, пососавшій сокъ его корня, теряетъ сознание, сохраняя однако, подобно лунатикамъ, способность двигаться. Собранные нами экземпляры были, къ сожалѣнію, потеряны. Однако по всеѣмъ признакамъ можно думать, что это белладонна (*Atropa Belladonna*).

Верстахъ въ 20 выше м. Джвары сванскія отселки смѣняются мингрельскими деревнями, и ущелье пріобрѣтаетъ другой характеръ. Уже не такъ дико и высоки окрестные хребты и не покрыты дѣвственными лѣсами. Молоденькій лѣсокъ изъ коряваго дубняка покрываетъ склоны; внизу зеленѣютъ посѣвы кукурузы, и въ садахъ среди вѣтокъ деревъ всюду виднѣются грозди винограда сорта «Изабелла», пользующагося большимъ распространеніемъ въ Мингрелии. Обыкновенно его пускаютъ на деревья, и лоза совершенно запутываетъ деревья, достигая иногда толщины около 3 вершковъ. Мѣстами попадаются заросли самшита или кавказской пальмы. Эти роцци имѣютъ восхитительный видъ. Темная мелкая зелень самшита чудно оттѣняетъ его бѣлые стволы, достигающіе до 3 сажень высоты. Намъ попадались пни, діаметромъ до 6 вершковъ. Этотъ цѣнный матеріалъ, идущій въ большемъ количествѣ за границу на всевозможныя подѣлки, жители истребляютъ здѣсь самымъ безбожнымъ образомъ на дрова, соблазняясь большимъ количествомъ тепла, которое получается при тонкѣ этимъ плотнымъ деревомъ.

На 17-й день нашего путешествія, забравшись на небольшой хребтикъ, мы были поражены открывшимся передъ нами видомъ.

Горы круто обрывались, и сколько глазъ могъ хватить, передъ нами разстилалась къ югу безконечная равнина, на которой, разбившись на десятки рукавовъ, медленно проте-

каль усмиренный Ингуръ. Слева на большомъ плоскогорьѣ среди садовъ виднѣлась церковь м. Джвары.

Черезъ часъ мы были уже въ канцеляріи, гдѣ и расположились на цѣлый день, чтобы основательно отдохнуть, такъ какъ путешествіе нѣшкомъ здѣсь оканчивалось и далѣе намъ предстояло уже ѣхать верхомъ по прекрасному мингрельскому шоссе. Я долженъ сказать нѣсколько словъ о канцеляріяхъ. Это учрежденіе устроено повсемѣстно въ кавказскихъ горахъ. Каждое общество должно имѣть канцелярію. Последняя всегда номѣщается въ особомъ домикѣ, выстроенномъ по типу мѣстныхъ построекъ, и состоитъ изъ двухъ комнатъ, изъ которыхъ въ одной занимается писарь, а другая служитъ для приѣма пріѣзжающихъ лицъ. Для людей, незнакомыхъ съ мѣстными обычаями и языкомъ, это учрежденіе — сущее благодѣяніе, такъ какъ двери его всегда открыты, и кто-нибудь изъ должностныхъ лицъ деревни обыкновенно хоть немного говоритъ по-русски. Такихъ должностныхъ лицъ нѣсколько: старшина, его помощникъ, «добросовѣстный», писарь. «Добросовѣстный» — это народный судья, обыкновенно улаживающій разныя мелкія недоразумѣнія. Существованіе канцеляріи въ особенности въ такихъ углахъ, каковымъ является Вольная Сванетія, много облегчаетъ путешествіе.

По прибытіи въ какое-нибудь селеніе, нашею первою заботою было отыскать канцелярію, гдѣ мы и располагались обыкновенно на ночлегъ, и съ помощью старшины намъ повсюду удавалось добывать кое-какіе съѣстные припасы.

Въ такой канцеляріи м. Джвары мы и устроили дневку. Мѣстный лѣсничій, оказавшійся знакомымъ нѣкоторыхъ изъ насъ, узнавъ о нашемъ пріѣздѣ, явился къ намъ. Онъ не мало удивился, что намъ удалось совершить трудный путь по Ингуру, и рассказалъ о нѣсколькихъ неудачныхъ попыткахъ въ этомъ направленіи, предпринимаемыхъ любителями

природы. Въ настоящее время лѣсничій былъ занятъ сплавою лѣса по Ингуру, и въ этомъ году былъ первый опытъ. По его словамъ, дѣло очень выгодно, но на первыхъ порахъ сопряжено съ громадными затрудненіями.

Расположеніе мѣстечка весьма благопріятно для ловли сплаваемого лѣса, потому что, какъ я уже упоминалъ, Ингуръ разливается здѣсь на множество узкихъ рукавовъ, образуя обширныя мели, гдѣ и задерживаются плывущіе стволы деревь. Вечеромъ лѣсничій предложилъ намъ осмотрѣть сплавленный лѣсъ, и мы отправились. На огромномъ пространствѣ, по отмелямъ, разбросано безчисленное количество стволовъ. Лѣсничій очень хвалилъ матеріаль, но мы замѣтили, что положительно весь лѣсъ косослоенъ, и потому мало пригоденъ какъ строевой. Это странное свойство часто присуще горному лѣсу и, повидимому, находится въ связи съ орографическими условіями мѣстности. Вопросъ этотъ еще недостаточно изученъ.

На слѣдующее утро мы взяли верховыхъ лошадей и къ полудню прибыли въ уѣздный городокъ Зугдиды, откуда дилижансъ въ тотъ же вечеръ доставилъ насъ на одну изъ станцій Закавказской желѣзной дороги.

Ал. Долгушинъ.

Квирилы,

въ сентябрѣ м. 1900 г.

ОТДѢЛЪ II.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Второй отдѣлъ настоящаго выпуска составилъ исключительно изъ образцовъ армянской народной словесности. Нѣкоторыя изъ статей, вошедшихъ въ составъ его, не отличаются новизною своего содержанія, и среди матеріаловъ, раньше напечатанныхъ въ нашемъ „Сборникѣ“, имѣютъ для себя параллели, частію среди произведеній армянской же словесности, частію — другихъ народовъ Кавказа. Редакція нашла полезнымъ напечатать предлагаемые варианты въ виду цѣнныхъ для этнографа подробностей и отступленій, которыми изобилуютъ они. Но большая часть изъ печатаемыхъ статей впервые появляется на страницахъ „Сборника“.

Такова, напр., легенда: „Не осуждай другого“, которою начинается отдѣлъ; она представляетъ совершенно оригинальный рассказъ, возникшій на библейской почвѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ отличающійся совершенно мѣстнымъ колоритомъ: старикъ, изнемогшій отъ перетаскиванія по горамъ каменной соли для продажи и жестоко порицающей Адама, виновника всѣхъ человѣческихъ страданій, за его непослушаніе завету Божію, самъ троекратно, въ теченіе короткаго времени, нарушаетъ легкую заповѣдь Божію и троекратно лишается райскаго блаженства.

Точно также впервые печатаются на страницахъ „Сборника“ и преданіе о насыпи, называемой „Нары-кѣпанъ“, (стр. 5—7) и „Легенды о Соломонѣ Мудромъ“ (стр. 7—10), кромѣ второй изъ нихъ, которая представляетъ вариантъ къ айсорской однородной легендѣ, напечатанной въ XVIII вып. „Сборника“.

(о. III, стр. 68—70): въ послѣдней Соломонъ предполагаетъ устроить для своего сына колыбель изъ птичьихъ костей и перьевъ. Интересно, что въ печатаемыхъ легендахъ библейскій мудрецъ совсѣмъ не обнаруживаетъ мудрости: въ первой изъ легендъ его поучаетъ отшельникъ, къ которому онъ приходитъ, и символическія дѣйствія послѣдняго, непонятныя для самого Соломона, объясняетъ ему его придворный; во второй легендѣ мудреце Соломона оказывается сова, удостоиваемая за это отъ него награды, въ видѣ поденнаго пайка (3 воробья въ день); въ третьей же легендѣ превосходитъ царя Соломона своею предусмотрительностью его сынъ. Въ этомъ отношеніи предлагаемыя легенды имѣютъ сходство съ напечатанною въ XIII вып. „Сборника“: „О Соломонѣ Мудромъ“ (о. 2, стр. 158). Въ ней остроуміе Соломона оказывается такое ничтожное созданіе, какъ муравей, явившійся къ нему на поклонъ. Любопытно также, что и по этой легендѣ птицы, вмѣстѣ съ другими животными, представляются подданными библейскаго царя и приносятъ ему дары при восшествіи его на престолъ (ср. также въ XVIII вып. 5-ую еврейскую легенду, которая начинается словами: „Царю Соломону повиновались всѣ земныя существа“, и 6-ю, гдѣ повторяется почти дословно та же фраза; стр. 149 и 150). Въ другихъ легендахъ о Мудромъ Соломонѣ, напечатанныхъ раньше въ „Сборникѣ“, звучитъ, обыкновенно, иной мотивъ, и премудрый царь является во всеоружіи своей мудрости (см. XVIII в., о. 3, стр. 139—150; XIX в., отд. 2, стр. 148; XIII в., о. 2, стр. 330—333 или IX в., о. 2, стр. 171—174).

Легенды объ Александрѣ Македонскомъ (стр. 10) не имѣютъ параллелей въ раньше напечатанныхъ выпускахъ „Сборника“. Другія легенды, относящіяся къ этому герою древности, помѣщенные на страницахъ „Сборника“ (см., напр., X в., отд. 3, стр. 37—44), ничего общаго съ ними не имѣютъ. Вторую изъ печатаемыхъ легендъ по ея темѣ, любопытно сопоста-

вить съ однимъ изъ эпизодовъ айсорской легенды: „О царѣ Соломонѣ“ (вып. XVIII, о. 3, стр. 69): въ нашей легендѣ эгоизмъ заставляетъ мать Александра попирать ногами трупъ нѣжно любимаго сына, въ айсорской же легендѣ женщина, изъ-за желанія выйти замужъ, въ угоду жениху, выкапываетъ изъ могилы трупъ нѣжно любимаго покойнаго мужа и отрубаетъ ему голову.

Преданіе: „Дивана-Балуль“ (11—17), надо полагать, составляетъ лишь часть цѣлаго цикла сказаній о Балулѣ. Такъ, въ XVIII в. „Сборника“ (о. 3, стр. 106—110) помѣщена айсорская сказка „Сартинъ и Балулъ“: характерныя черты Балула здѣсь тѣ же, что и въ печатаемомъ преданіи, — онъ также является „очень умнымъ и добрымъ человѣкомъ“, „никому не отказываетъ въ совѣтахъ“ и „всякаго направляетъ къ добру“; какъ и Дивана-Балуль, онъ прибѣгаетъ къ страннымъ и загадочнымъ дѣйствіямъ. Что касается отдѣльныхъ эпизодовъ айсорской сказки, то они совсѣмъ другіе. Въ печатаемомъ преданіи не трудно замѣтить и нѣкоторыя стороннія наслоенія, примѣшавшіяся къ основному разсказу. Таково, напр., послѣднее приключеніе Дивана-Балула: рѣшеніе вопроса о томъ, сколько звѣздъ на небѣ; оно принадлежитъ къ числу анекдотовъ про муллу Насръ-Эддина (см. вып. XIX, о. 2, стр. 146), только является здѣсь со своеобразною христіанскою окраскою.

Подобно этому, сильнымъ оттѣнкомъ церковно-христіанскаго вліянія отличаются и слѣдующія за тѣмъ преданія: „Смерть“ и „Благочестивая Лусникъ“ (18—22). Второе изъ нихъ представляетъ переработку въ христіанскомъ духѣ извѣстнаго сказочнаго мотива о „Косоручкѣ“ и въ этомъ отношеніи имѣетъ кое-что общее съ помѣщаемою далѣе сказкою: „Бѣдная Марія“ (108—115); въ параллель къ нимъ изъ прежде напечатанныхъ въ „Сборникѣ“ матеріаловъ можно указать: „Гулчи-ханумъ“ (XIII в., о. 2, стр. 318—322), „Оби-

женному людьми Богъ помогаетъ“ (XIX в., о. 2, стр. 194—199) и „Жидъ и его дочь“ (XXVI в., о. 2, стр. 50—56), особенно первую изъ нихъ. Что касается русскихъ сказокъ этого типа, то онѣ указаны были въ моемъ предисловіи къ XIII выпуску „Сборника“ (стр. XXXVI). Сказка „Бѣдная Марія“ интересна, между прочимъ, и въ томъ отношеніи, что удерживаетъ ту изъ подробностей „Косоручки“, которой послѣдняя обязана своимъ наименованіемъ въ русскомъ эпосѣ, — отрубаніе у несчастной дѣвицы ея рукъ, — подробность, которой не встрѣчается въ однородныхъ кавказскихъ сказкахъ.

Оригинальный мотивъ встрѣчаемъ въ двухъ помѣщаемыхъ далѣе легендахъ: „Чистая вѣра спасаетъ отъ огня“ и „Какъ головешка зазеленѣла“ (22—24); мораль первой изъ нихъ та, что „ради Бога“ можно совершить и непозволительный поступокъ; изъ второй же легенды можно вывести мысль, что преступленіе (убійство), совершенное съ цѣлью воспрепятствовать оскверненію храма, даже примиряетъ съ Богомъ тяжкаго грѣшника, и, хотя рассказчикъ легенды въ заключительномъ замѣчаніи своемъ объясняетъ примиреніе грѣшника съ Богомъ исключительно силою покаянія и горячей молитвы грѣшника, вышесказанный выводъ логически вытекаетъ изъ хода рассказа. Что касается эпическихъ подробностей этихъ двухъ статей, то нельзя не замѣтить въ нихъ библейскаго вліянія, и невольно вспоминается вавилонская огненная печь и жезлъ Аарона „прозябшій“. Подобное же чудо: разцвѣтаніе лозы въ огнѣ, хотя при другихъ обстоятельствахъ, упоминается въ имеретинской сказкѣ-легендѣ: „Старикъ нищій и три брата“ (XIII в., о. 2, стр. 26). Вариантъ къ первой изъ печатаемыхъ легендъ былъ помѣщенъ въ XXIV вып., подъ заглавіемъ: „Жена священника и нищій“ (о. 2, стр. 122): героинею рассказа здѣсь является попадья, и сила вѣры ея оказывается, по легендѣ, настолько велика, что тондиръ (печь), въ который она бросается, не

только не сожигаетъ ея, но наполняется водою, а попадая превращается въ рыбу.

Легенды: „Богачъ и бѣднякъ“ (25—29) и „Преданіе о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ“ (29—32) однородны по своей общей мысли: странствуя по землѣ, Богъ испытуетъ добродѣтели людей и добродѣтельныхъ награждаетъ земными благами, а злыхъ наказываетъ; но подходить къ своей общей мысли онѣ совершенно различно. Первая изъ этихъ легендъ очень напоминаетъ русскую легенду, напечатанную въ XIII выпускѣ „Сборника“ (о. 2, стр. 291): „Іисусъ Христосъ съ апостоломъ Павломъ въ гостяхъ у мужика“, а также, отчасти, и извѣстный классическій мотивъ о Филемонѣ и Бавкидѣ. Но вторая половина печатаемой легенды даетъ и противоположный типъ и бичуетъ сарказмомъ жадность и эгоизмъ скупого богача. Вторая легенда представляетъ армянскій вариантъ къ рачинской легендѣ: „Старикъ-нищій и три брата“, напечатанной въ XIII выпускѣ „Сборника“. Армянская версія даетъ много новыхъ подробностей. Редакція „Сборника“ располагаетъ и еще однимъ вариантомъ этой легенды, также армянскимъ, записаннымъ въ Бакинской губерніи *Н. Калашевымъ* со словъ своего отца: онѣ почти тождественъ съ печатаемою и только разнится кое-какими частностями. Такъ, въ послѣдней версіи, Христосъ не сразу узнаетъ и удовлетворяетъ желанія братьевъ, а во время путешествія съ ними: сперва, при переходѣ чрезъ рѣку, берега которой устѣяны были камнями, удовлетворяетъ желаніе перваго и создаетъ изъ камней стадо: потомъ, во время отдыха въ лѣсу, для втораго превращаетъ лѣсъ въ садъ, и, наконецъ, Самъ предлагаетъ третьему пожелать что-нибудь. Исторія отнятія у жениха невѣсты его обогащается еще одною интересною подробностью: странникъ (т. е. Христосъ) приказываетъ взять двухъ кобылицъ, одну изъ нихъ съ жеребенкомъ, и, задержавъ жеребенка, развести кобылицъ въ

разныя стороны, потомъ освободить задержаннаго жеребенка, и жеребенокъ находить самъ свою мать; подобно этому, онъ предлагаетъ, чтобы оба претендента на невѣсту разошлись въ разныя стороны, а невѣсту, посадивъ на лошадь, пустить вслѣдъ за ними и признать ее принадлежащей тому, за тѣмъ она направится, какъ жеребенокъ за матерью. Немного иначе разсказывается исторія посѣщенія Христомъ младшаго изъ братьевъ: когда Христосъ застаётъ его за работою въ полѣ, то крестьянинъ бросаетъ работу и оставляетъ быковъ въ полѣ, воткнувъ передъ ними свою палку, которою погонялъ ихъ, и отводитъ странника въ свой домъ, а потомъ возвращается на пашню, чтобы окончить работу, но находитъ, что пашня уже вспахана чудеснымъ образомъ, а изъ палки, которую онъ воткнулъ въ землю, выросло цѣлое дерево. Странникъ въ версіи, записанной г. Калашевымъ, называется не Христомъ, а Гаврииломъ архангеломъ.

Преданіе объ албанскомъ царѣ Вачаганѣ (33—45) выдается своею искусственною и книжною редакціею, хотя, по словамъ собирателя, записано „со словъ“ одной рассказчицы. Оно проводитъ тенденцію, что, не только простому человеку, но и царю, необходимо учиться ремеслу: царь Вачаганъ, герой преданія, спасся отъ смерти лишь благодаря умѣнью искусно ткать зарбабъ. Этотъ сказочный сюжетъ не новъ: въ XXIV выпускѣ „Сборника“ была напечатана однородная по содержанию армянская сказочка: „Знаніе мастерства лучше царства“ (стр. 107, о. 2), а въ XXVII выпускѣ—кабардинскій вариантъ ея (о. IV, стр. 1—8), подъ заглавіемъ: „Съ ремесломъ не пропадешь“. Въ послѣдней героиней сказки является Шахъ-Аббасъ, персидскій царь. Печатаемое преданіе, сравнительно съ этими двумя сказками, даетъ много новыхъ подробностей, въ числѣ которыхъ отмѣтимъ, что, вмѣсто трактира, какъ въ кабардинскомъ вариантѣ, или дома богатаго поселянина, куда попадаетъ въ неволю во время

своихъ путешествій герой первой сказки, въ нашемъ вариантѣ дѣйствіе переносится въ монастырь, и монахи являются въ неподходящей для нихъ роли душегубовъ и людоедовъ. Такое странное отношеніе къ монастырю и монахамъ совсѣмъ не гармонируетъ съ благочестіемъ армянскаго народа и, можетъ быть, объясняется перенесеніемъ на монаховъ той ненависти и презрѣнія, какія питають магометане къ дервишамъ: въ восточныхъ сказкахъ дервиши выставляются людьми, занимающимися темными профессіями: колдовствомъ, знахарствомъ, промышляють обманомъ, знаютъ съ духами и т. п. Редакція „Сборника“ располагаетъ статью зрителя Арцеваникскаго училища, *Е. Меликъ-Шахназарова*, въ которой разсказывается преданіе объ обществѣ дервишей, занимавшихся похищеніемъ людей и умерщвленіемъ ихъ, для полученія изъ труповъ ихъ яда.

Статья: „Въ пещерѣ“ (45—57), записанная зрителемъ Иманшалинскаго училища, *г. Шаиновымъ* „со словъ старожилловъ“, также отличается искусственностью композиціи, Редакція помѣщаетъ её ради оригинальности ея сюжета, который носитъ слѣды отдаленныхъ воспоминаній о вулканическихъ переворотахъ, пережитыхъ Кавказомъ. На фонѣ фантастическаго разсказа объ ужасахъ землетрясенія и изверженія вулкана развивается здѣсь библейская идея, что Богъ милуетъ за добрыя дѣла. Какъ эпическій аксессуаръ, землетрясенія упоминаются и въ другихъ кавказскихъ сказкахъ (см., напр., XV вып. „Сборника“, о. 2, стр. 15 и 162).

Сказка: „Геджа-Чраги“ (58—67) рисуетъ продѣлки пройдохи Али-Кули (онъ-же Геджа-Чраги), безжалостно мстящаго своему обидчику визирю за недоплаченный „кранъ“ (около 28½ коп.). Местъ и ловкій, вороватый продѣлки составляютъ содержаніе многихъ изъ кавказскихъ сказокъ, уже напечатанныхъ въ „Сборникѣ“. Таковы, на примѣръ: „Тамбій“ (II вып., отд. 2, стр. 129), „Хархали“ (XIII вып., отд. 2, стр. 305),

„Петръ и Петрушка“ (XVI в., о. 1, стр. 358 и д.), „Демидка“ (XXVI в., о. 2, стр. 231 и д.). Но всё онѣ имѣютъ совершенно другое содержаніе и сходны лишь въ указанномъ выше смыслѣ. Болѣе близкое сходство съ печатаемою сказкою имѣетъ лишь сказочка: „Хвостъ телка“, напечатанная въ XXIV вып. „Сборника“ (стр. 243 и сл., о. 2), но и послѣдняя въ подробностяхъ много отличается отъ нашей, конецъ же ея совсѣмъ иной: мальчикъ, герой названной сказочки, въ заключеніе женится на дочери того купца, котораго онъ раньше преслѣдовалъ, и, такимъ образомъ, примиряется съ нимъ; тогда какъ въ нашей сказкѣ дѣло оканчивается гибелью преслѣдуемаго визиря, а Геджа-Чраги новыми продѣлками заставляють шаха выдать за него свою дочь.

Ближе къ перечисленнымъ сказкамъ о хитрыхъ продѣлкахъ стоитъ помѣщаемая далѣе сказка: „Качаль-Назаръ“ (73—80): герой ея мститъ своимъ односельцамъ за то, что они не отплатили ему приглашеніями за обѣдъ, который онъ устроилъ для нихъ. Одна изъ подробностей этой сказки, обогащеніе съ помощью кожи быка, сближаетъ ее со сказкою изъ сборника Шлейхера, приводимою Афанасьевымъ въ примѣчаніи къ сказкѣ „Шуть“ (№ 223), хотя эта подробность переработана въ нашей сказкѣ совершенно своеобразно. Заключительные рассказы послѣдней (выборъ въ старшины, доставаніе скота изъ рѣки) также напоминають вышесказанную литовскую сказку, хотя онѣ есть и въ кавказскихъ сказкахъ: „Тамбій“ и „Хархали“ (ср. также замѣтки о сказкахъ этого рода въ предисловіи къ XIII выпуску „Сборника“, стр. XXXII—XXXIII).

Сказка: „Дѣти купца Арутюна“ (67—73) есть вариантъ русской сказки, напечатанной въ сборникѣ Афанасьева подъ названіемъ: „Оклеветанная купеческая дочь“ (№ 194); одними изъ своихъ подробностей она ближе стоитъ къ ея первой редакціи, а другими — ко второй. Такъ, напр., въ печатаемой

сказкѣ разсказывается, что въ дочь купца влюбляется сынъ царя, какъ во второй редакціи Аѳанасьева (въ первой влюбляется самъ царь); для выясненія клеветы сынъ купца ѣдетъ на родину, къ сестрѣ, — также согласно со второй редакціей; всѣ же прочія подробности ближе къ первой редакціи. Печатаемый кавказскій вариантъ вноситъ и кое-что новое: такъ, мысль о торговомъ путешествіи, несогласная съ необыкновенною любовью брата къ сестрѣ, приписывается въ нашей сказкѣ не ему, а его друзьямъ, имѣвшимъ цѣлью развлечь товарища, убитаго потерей отца; разсказывается о пожарѣ на фабрикѣ, благодаря которому царевичъ увидалъ портретъ сестры Арама; о томъ, какъ Арамъ потерялъ вѣру въ добродѣтель сестры и выразилъ ей свое презрѣніе, и др. эпизоды. Другой кавказскій вариантъ этой сказки, также армянскій, подъ заглавіемъ: „Вѣрная супруга“ былъ напечатанъ въ XXIV выпускѣ „Сборника“ (о. 2, стр. 190 и сл.). Онъ значительно отличается и по своему тону и по своимъ подробностямъ какъ отъ предлагаемой въ настоящемъ выпускѣ, такъ и отъ параллельныхъ русскихъ сказокъ. Такъ, вмѣсто сестры и брата въ ней выводятся мужъ и вѣрная жена, которая подвергается обвиненію въ невѣрности, и завязка сказки, поэтому, совсѣмъ иная. Здѣсь разсказывается о женитьбѣ купца на царевнѣ. Изъ подробностей совершенно своеобразныхъ можно указать сонъ царевны, построеніе кушномъ бани для царевны, хитрость клеветника съ цѣлью полученія основаній для обвиненія, клеймленіе ложнаго обвинителя и др.

Сказка: „О двухъ братьяхъ“ (80—89) тождественна по своему содержанію съ русскою, помѣщенною въ сборникѣ Аѳанасьева подъ заглавіемъ: „Чудная курица“ (№ 115), но въ подробностяхъ пересказа этого сказочнаго сюжета значительно уклоняется какъ отъ основного текста ея въ сборникѣ Аѳанасьева, такъ и отъ тѣхъ параллелей къ нему, ко-

торья указаны имъ, и концомъ своимъ захватываетъ другой сказочный мотивъ, составляющій содержание русскихъ сказокъ, озаглавленныхъ у Аванасьева названіемъ: „Рога“ (№ 113). Изъ кавказскихъ сказокъ этою своею подробностью наша сказка напоминаетъ напечатанную въ XIX выпускѣ „Сборника“ грузинскую сказку: „О царевнѣ и змѣѣ“ (отд. 2, стр. 116 и д.). Превращеніе человѣка въ осла посредствомъ удара плетью, составляющее одну изъ выдающихся подробностей этой сказки, встрѣчается также въ кабардинской сказкѣ „О Хагорѣ“ (вып. XII, стр. 78—80); подобныя же превращенія находимъ и въ сказкѣ „Гюль и Синевизъ“: здѣсь жена героя, Гюль, ударомъ плети превращаетъ своего мужа въ осла, а мужъ, потомъ, ударомъ платка, смоченнаго „зельемъ“, превращаетъ жену свою въ собаку (вып. IX, о. 2, стр. 101 и 102). Диковинныя вещи, пріобрѣтаемыя отъ девоуъ однимъ изъ героевъ сказки, часто встрѣчаются и въ другихъ кавказскихъ сказкахъ. Такъ, напр., въ сказкѣ: „Богатырь Ибрагимъ“ (вып. XXVI, о. 2, стр. 103) упоминаются коверъ-самолетъ, шапка-невидимка и, кромѣ того, палка и скатерть *прожорливая*; эти предметы герой сказки получаетъ отъ „царя бѣсовъ“. Въ сказкѣ „Гюль и Синевизъ“ герой ея Али, какъ и въ нашей сказкѣ, встрѣчаетъ трехъ дивовъ, занятыхъ раздѣломъ между собою трехъ диковинокъ: ковра-самолета, скатерти-самобранной и шапки-невидимки, и овладѣваетъ этими вещами съ помощью такой же хитрости, которая указывается въ нашей сказкѣ (см. IX вып., отд. 2, стр. 98—99). Съ тѣмъ же эпизодомъ встрѣчаемся и въ сказкѣ: „О прекрасной царевнѣ“ (вып. VI, о. 2, стр. 125—140), въ сказкѣ: „Овчи-Пиримъ“ (вып. XXIV, о. 2, стр. 179) и въ „Сказкѣ о дѣвушкѣ-красавицѣ“ (тамъ же, стр. 268).

Сказка „Злой царь“ (89—101) представляетъ новый вариантъ къ подобной же сказкѣ, напечатанной въ XIX выпускѣ „Сборника“ подъ заглавіемъ: „Царскій сынъ и дягу-

шка“ (о. 2, стр. 155—159). Въ предисловіи къ послѣднему выпуску мною указаны другія параллели къ ней (стр. XV). Печатаемая сказка, точно также, какъ и указанная выше параллель къ ней, послѣ всѣхъ другихъ порученій, которыя даетъ герою сказки злой царь, чтобы погубить его, говоритъ о путешествіи перваго „на небеса, гдѣ живутъ души умершихъ“, и заканчивается тибелью завистливого отца его (въ нашей обращеніемъ его въ камень), при произнесеніи фразы, сказанной на томъ свѣтѣ матерью. Этою своею подробностью данная сказка напоминаетъ помѣщаемую ниже, подъ заглавіемъ: „Купленный сонъ“ (стр. 115—124); только въ послѣдней злой и завистливый царь погибаетъ въ огнѣ, вздумавши, въ подражаніе герою сказки, самъ совершить путешествіе на *томъ* свѣтѣ. Но начало печатаемой сказки, а равно и весь планъ ея не имѣютъ ничего общаго съ пердою. Фабула ея основана на вѣрованіи въ вѣщіе сны, настолько твердомъ, что герой разказа покупаетъ для себя исполненіе загадочнаго сна, увидѣннаго другимъ человѣкомъ, цѣною всего своего состоянія. Разказомъ о путешествіи съ цѣлью найти исполненіе сна, а также объ обстоятельствахъ женитьбы своего героя и нѣкоторыми другими подробностями она напоминаетъ напечатанную въ XXVI выпускѣ сказку: „Пастухъ Ибрагимъ“ (о. 2, стр. 71—81); но въ развитіи подробностей разказа сравниваемыхъ сказки идутъ самостоятельно. Конецъ ихъ также совершенно различный.

Сказка: „Началь-Ахметъ“ (125—132) имѣетъ въ своей основѣ весьма часто встрѣчаемую въ сказкахъ идею, что нигуда, повидимому, не годный человѣкъ, обнаруживаетъ нѣрѣдко необыкновенные таланты: гуляка и разбойникъ Ахметъ, котораго прогнала отъ себя даже мать, оказывается полезнымъ для царя человѣкомъ и, добывая царевичу его возлюбленную, тѣмъ спасаетъ его отъ болѣзни, причиненной любовью къ ней.

Сказка: „Лисица и пастухъ“ (101—108) имѣеть много общаго съ напечатанными раньше сказками: „Лѣсной человѣкъ и котъ“ (русская, въ XXVI в., о. 2, стр. 200—205), „Лиса и мельникъ“ (имеретинская, въ XIX в., о. 2, стр. 71—74) и „Лисица“ (армянская, XIII в., о. 2, стр. 130—140): въ ней также, какъ и въ перечисленныхъ сказкахъ, лиса является въ роли благодѣтельницы героя сказки; но въ развитіи своей темы печатаемый вариантъ совершенно самостоятеленъ, эпическій характеръ лисы (хитрость и лукавство) въ нашей сказкѣ выдержанъ лучше, нежели въ напечатанныхъ раньше, и благодѣтельницею она является: лишь въ силу необходимости. Ближе, чѣмъ къ кавказскимъ однороднымъ сказкамъ, она стоитъ къ русской: „Козьма Скоробогатый“ (Аѳ. № 99-й), но и съ нею не во всемъ сходится. Заключеніемъ своимъ, а именно: рассказомъ о неблагодарности пастуха къ своей благодѣтельницѣ, эта сказка сближается съ другою, помѣщаемою далѣе: „Крестьянинъ и змѣя“ (стр. 132—137), которая специально разрабатываетъ эту тему: здѣсь и четвероногія и растенія, окружающія человѣка, даже, наконецъ, родникъ, утверждаютъ единогласно, что человѣкъ есть самое неблагодарное существо во вселенной. Эпизодъ съ лисой, которымъ оканчивается наша сказка имѣеть большое сходство съ концомъ русской сказки: „Старая хлѣбъ-соль забывается“ (Аѳ. № 8-й).

Специально продѣлкамъ лисицы посвящается слѣдующая за тѣмъ сказка: „Лиса“ (137—144). По нѣкоторымъ продѣлкамъ лисы эта сказка напоминаетъ русскія сказки о лисѣ, но сходство здѣсь лишь отдаленное; въ этомъ легко убѣдиться, если взять хоть самую ходячую изъ подробностей, напр., примораживаніе хвоста волка. Конецъ сказки представляетъ уклоненіе отъ главной темы: хитрая лиса оказывается одураченною вороной. Такою же непослѣдовательностью въ изображеніи *хитрой* лисы отличаются и русскія

сказки (сравни, напр., конецъ сказки „Лиса-исповѣдница“, гдѣ пѣтухъ перехитрилъ и издѣвается надъ лисой; Ае. № 4, вар. b). Одинъ изъ эпизодовъ печатаемой сказки, а именно: исторія того, какъ лиса погубила волка, а сама воспользовалась приманкою изъ капкана, составляетъ тему самостоятельной сказки, напечатанной въ XV в. „Сборника“ (о. 2, стр. 189 и д.); исторія же того, какъ лису одурачила ворона, имѣетъ сходство съ однимъ изъ юмористическихъ рассказовъ, помѣщаемыхъ далѣе въ настоящемъ выпускѣ, подъ заглавіемъ: „Лиса и куропатка“ (стр. 162), хотя имѣетъ тамъ совершенно своеобразную окраску и подчиняется извѣстной тенденціи.

Сказка: „Умный и дуракъ“ (145—150) однородна съ русскою: „Дуракъ и береза“ (Ае. № 225), но сходство и здѣсь касается лишь основной мысли и плана: въ подробностяхъ же печатаемая сказка совершенно оригинальна и отличается мѣстнымъ колоритомъ.

Сказка: „Рамазанъ“ (151—156) имѣетъ въ „Сборникѣ“ нѣсколько параллелей для себя. Таковы: въ VII вып. (о. 2, стр. 53—61) русская сказка: „Гдѣ есть дураки“, въ XIX в. (о. 2, стр. 30—35) имеретинская: „Кто глупѣ“. Сходство съ ними, впрочемъ, ограничивается только главною мыслью и тономъ, все же остальное, кромѣ приключенія посла съ того свѣта, совсѣмъ иное. Тоже самое нужно сказать и про отношеніе печатаемой сказки къ великорусскому пересказу ея, напечатанному въ сборникѣ Афанасьева, подъ заглавіемъ: „Вороватой мужикъ“ (№ 220).

Рядъ юмористическихъ мелкихъ рассказовъ, помѣщаемыхъ далѣе (157—167), начинается рассказомъ про глупость трехъ муллъ (№ 1) и жадность ихъ (№ 2),—тема инородческаго, относительно армянъ происхожденія; это этнографическое позаимствование темы легко объясняется близкимъ сосѣдствомъ на Кавказѣ армянскаго и татарскаго населенія,

благодаря чему многое изъ татарскихъ нравовъ и даже татарскій языкъ, а съ нимъ и устная словесность татаръ, стали до нѣкоторой степени достояніемъ армянскаго населенія; напомнимъ здѣсь характерное замѣчаніе *и Бунятова* къ одной изъ сказокъ, доставленныхъ имъ въ редакцію „Сборника“ (XXIV вып., о. 2, стр. 139, подстр. примѣч.): „армянскіе сказочники рассказывали, и теперь многіе рассказываютъ, свои сказки по-татарски“. Напомнимъ здѣсь также нѣкоторыя изъ замѣчаній, сдѣланныхъ мною въ предисловіи къ XIII выпуску „Сборника“, по поводу сказокъ, рассказываемыхъ ашигами среди армянъ на *татарскомъ* языкѣ (стр. XXIV). Основанія для отрицательнаго, насмѣшливаго взгляда на муллу можно найти въ IX выпускѣ „Сборника“, въ прекрасной статьѣ *А. Захарова*: „Народное обученіе у закавказскихъ татаръ“ (о. 2, стр. 7—51).

Точно такое же позаимствованіе изъ татарской словесности представляетъ и 10-й изъ печатаемыхъ рассказовъ „Одинъ лучше другого“ (166 стр.). Въ числѣ анекдотовъ про муллу Насръ-Эддина, которые были доставлены въ редакцію *М. Г. Эфендіевымъ*, и часть которыхъ была напечатана въ XXVI выпускѣ „Сборника“, находился и этотъ рассказъ. Здѣсь мулла Насръ-Эддинъ является примирителемъ дерущихся и дѣлаетъ все то, что въ печатаемой сказкѣ „хаджи“.

Директоръ Тифлисской

3-й женской гимназіи *А. Богоявленскій*

Тифлисъ.

1900 года, 24 ноября.

УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТОВ

(МОТИВОВЪ), ЗАКЛЮЧАЮЩИХСЯ ВЪ СКАЗКАХЪ,
ПРЕДАНІЯХЪ И ЛЕГЕНДАХЪ 2-ГО ОТДѢЛА.

Ангель въ образѣ погонщика верблюдовъ (11), останавливаетъ Александра Македонскаго (10), отнимающій у людей душу, лишенъ сердца (19), *и*-вѣстники воли Божіей (2).

Болѣзнь отъ любви (37; 120; 126).

Визирь—взяточникъ (58; 148), *и*—совѣтники царя. *Видніе* Дивана-Балула (11). *Висѣлица* для казни преступника (65). *Возсозданіе* быка изъ его костей (32). *Волшебные* предметы: Голова птицы, дающая человѣку умъ (87). Кисть винограда, которою можно накормить всѣхъ гостей и войско царя (94). Коверъ-самолетъ (84; 87; 93). Обувь изъ заячьей травы, для хожденія по морю (86). Рѣка съ желтою, красною и черною полосами воды (97). Сабля, превращающая, при ударѣ ею, во что угодно (84; 87). Сердце птицы, дающее богатство (82). Скатерть-самобранка (84; 85). Феска-невидимка (84; 85). Эвлицагикъ, трава, возвращающая людямъ нормальный видъ (86). Яблоки, переварачивающія человѣка вверхъ ногами (86). *Ворона*, какъ весьма хитрая птица (143—144), обманута лисой (139). *Встрѣчи* знаменательныя—съ женщиной, которую сосутъ два щенка (96); . . . съ голой женщиной (96); . . . съ мужчиной, который желая увезти камень, заставляетъ припряженныхъ къ нему воловъ тянуть въ разныя стороны (4); . . . съ почтеннымъ старикомъ, пьющимъ кровь (90); . . . со старикомъ, который, не имѣя силъ поднять тяжесть, все увеличиваетъ ее (3); . . . съ тощимъ быкомъ среди луга (96); . . . съ тучнымъ быкомъ среди безплодной пустыни (96);

.... съ человѣкомъ, лежащимъ поперекъ воды (96); съ юношей, рубящимъ безъ разбора деревья (3). *Вѣра* спасаетъ отъ огня (22). *Вязаніе* носковъ, какъ средство для заработка (125).

Гіенна, опустошающая городъ (104). *Глухость*, какъ источникъ несчастія (151; 156), муллы (157—160). *Голова* птицы, дающая умъ (87). *Голуби*, вразумляющіе героя (86),, указывающій путь (114). *Голодъ* побѣждаетъ материнскую любовь (10). *Гостепріимство* (25). *Грѣшникъ-дупегубъ* получаетъ прощеніе (22).

Девы или *дивы* (84; 92), овъ царь (91). *Докторъ*, знающій „силу“ яйца и чудной птицы (81), мнимый (61 и 62). *Домъ* настоящій—могила (15). *Дураку* счастье (146—147). *Дѣвицы*, три сестры, являющіяся къ бассейну купаться (122). *Дѣлежъ* между братьями (145), . . . между дѣвами (84).

Жертва клеветы, добродѣтельная дѣвушка посрамляетъ клеветника (72); добродѣтельная царица, торжествуетъ надъ врагами (20; 21).

Зѣмокъ изъ птичьихъ перьевъ (8 и 9). *Заячья* трава (86). *Змья*, неблагодарная (132). *Знаніе* женихомъ ремесла, какъ условіе для согласія невѣсты на бракъ (40).

Игра въ карты съ царевной (83). *Испытаніе* посредствомъ молчанія (2).

Камень, къ которому припряжено 12 буйволловъ (4),, на который садились сваты, являвшіеся къ царской дочери (106), *камни* драгоценные, отправляемые въ подарокъ (119). *Кизяки*, какъ мнимое средство для наживы (74; 76). *Кисти* рукъ, отрѣзанныя у дѣвушки (110). *Кисть* винограда, которой насыщаются всѣ гости и армія царя (94). *Кладъ*, достающійся дураку (147). *Кобылица* морская, разношерстная (120). *Коверъ* самолетъ (84), . . ., на которомъ усаживаются гости и армія царя (93), . . ., съ хитрымъ узоромъ (43). *Ковры* искусно сотканные—хорошая рекомендація для дѣвицы (39). *Кожанья* деньги (77). *Кольцо* завѣтное (67; 70). *Костеръ* для самосожженія (123; 124). *Красота* соблазняетъ царя (91; 120). *Кудесникъ*, объясняющій сокровенное (83). *Куропатка*, одурачившая лису (162).

Легковѣріе женщины (108). *Лисица*—благодѣтельница (101—108; 125), вымогаетъ угрозами отъ новобрачной украшенія (139—140), обманываетъ волка, заставляя, въ одномъ случаѣ, приморозить хвостъ, въ другомъ—попасться въ капканъ (140—142), ворону и пастуха (137—138), голубя, выманивая у него дѣтенышей (142), одурачена вороной, дважды (143—144), одурачена куропаткой (162).

Мать, соглашающаяся изъ-за выгоды на убіеніе дѣтей (82). *Мачеха*, губящая падчерицу изъ зависти (109). *Машина* для казни преступниковъ (59). *Местъ* лисицѣ за испорченное поле (102), за недоплаченный кранъ (58 и д.), за неотплаченный обѣдъ (74 и д.), за разграбленіе имущества (76). *Министръ* злой, клеветникъ (69—72). *Могила*—истинный, настоящій домъ человѣка (15), царская занимаетъ столько же мѣста, какъ могила простолюдина (15). *Монастырь*, служащій ловушкою для поступающихъ въ него (41). *Мулла*—жертва своего легковѣрія (158), жертва своей глупости (158—159), отличается прозорливостью (160).

Назири—совѣтники царя (65). *Наказаніе* посредствомъ привязыванія къ конскому хвосту (115). *Неблагодарность* змѣи (132). *Неприкосновенность* чужой собственности (56).

Обманъ въ видахъ мести (59; 61; 63; 76; 80), для наживы (155—156) для освобожденія (130—131), для своего спасенія (78; 79; 149; 154), при дѣлежѣ имущества (145), съ цѣлью овладѣть диковинными предметами (84) *Оборотни*: красавица въ видѣ джейрана (126); садовникъ въ видѣ медвѣдя (31); царевна въ видѣ бѣлой ослицы (87). *Обручъ*, какъ средство обмануть дивовъ (84). *Обувь* изъ заячьей травы (86). *Одеждою* (качествомъ) обусловливается пріемъ (12). *Осленокъ*, завидующій откармливаемымъ свинымъ (163). *Осминный* вкусъ (163). *Отшельникъ*, поучающій Соломона Мудраго (17). *Охота* даетъ случай найти красавицу-невѣсту (110; 125) укрѣпляющее тѣло занятіе (33). *Ошибка* дѣвицы, совершающей побѣгъ отъ родителей (117).

Падчерица, преслѣдуемая мачехой (109). *Пастухъ*, одураченный

- плѣшивцемъ (79), . . . , покунающій цѣною всего стада загадочный сонъ (116) . . . и въ роли палачей (109). *Передъваніе* Азраиломъ (66), . . . докторомъ (61), . . . дѣвушкой (59), . . . купцомъ (127), . . . мельникомъ (155), . . . сыномъ повара (63). *Пери*—невѣдомые люди (90; 92). (38) *Перстень* царскій, служащій въ качествѣ приза (112—113). *Письмо* подложное (113). *Плгиивый*—хитрецъ (74 и д.). *Портретъ* (68; 69). *Порученіе* на тотъ свѣтъ (153—154). *Порученія* опасныя: добыть молоко разношерстной морской кобылицы (120), . . . райское яблоко (122); сходить на тотъ свѣтъ (123). *Почитаніе* родителей, какъ добродѣтель (49). *Превращеніе* избы въ красивый домъ (27), . . . камней въ скотину (30), . . . скотины и пастуха въ камни (31). . . . поля въ садъ (30), . . . сада въ лѣсъ и садовника въ медвѣдя (31), . . . воды и бревенъ избы въ золото (32), . . . злого царя въ камень (98; 101), . . . царевны въ бѣлую ослицу (87). *Прожорливость* муллы (160). *Птица*, несущая необыкновенныя яйца (80; 81), . . . и благодарныя (86). *Путешествіе* для изученія царства (4), . . . на небеса, гдѣ живутъ души умершихъ (123), . . . на тотъ свѣтъ (94).
- Разбой*, какъ промыселъ (125). *Разоблаченіе* клеветы посредствомъ лжи (72). *Рай* (2; 3). *Раскаяніе*, какъ путь къ спасенію (54). *Родникъ*—мѣсто отдыха (34). *Рышеніе* трудныхъ вопросовъ (16; 17).
- Сабля*, превращающая ударяемаго ею, во что угодно (84). *Сердце* птицы, приносящее богатство проглотившему его (82). *Символическіе* подарки (129; 130), . . . я дѣйствія (7; 8; 125; 126). *Скатерть* самобранка (84). *Скотъ*, добытый со дна рѣки (80). *Сова*, оказывающаяся мудрѣ Соломона (8). *Сонъ* вѣщій (115; 124). *Судьба*, отъ которой не уйдешь (118). *Старикъ*, изнемогающій подъ тяжестью ноши (грѣхи) (3). *Старуха*—вѣдьма (125). *Стрѣльба* изъ лука, для выбора невѣсты (89). *Сынъ* Мудраго Соломона, оказывающійся мудрѣ его (9).
- Убийство* изъ-за пустяковъ (147), . . . изъ мести (64), . . . чтобы недопустить до оскверненія трупа (22). *Усыпительный* порошокъ (63).

Феска, дѣлающая надѣвшаго ее невидимымъ (84).

Царская дочь, коварная, обыгрывающая героя сказки въ карты и опаивающая виномъ (83; 86). *Царь*, влюбляющійся въ свою невестку (91).

Человѣкъ—неблагодарнѣйшее существо въ мірѣ (132—136).

Земляникъ—трава, противоядіе противъ чудесныхъ яблоковъ (86).

Эдемъ (2; 3). *Эхо* вводитъ дурака въ заблужденіе (146).

Юноша, безъ разбору срубающій деревья (смерть) (3).

Яблоки, переворачивающія челоѣка вверхъ ногами (86), . . . о райское (122). *Яйцо* необыкновенное, имѣющее „силу“ (80).

УКАЗАТЕЛЬ

собственныхъ именъ въ сказкахъ, преданіяхъ и легендахъ 2-го отдѣла.

- Аббасъ*, герой анекдота (166—7). *Авакъ* царь, герой преданія (19—21). *Аванакъ*, гер. *) анекд. (165). *Аваранъ-Эйлаги*, сказочный герой (127 и д.). *Авель* (36). *Авраамъ* (36). *Адамъ*—прародитель (1; 37). *Азраилъ*, ангель смерти (66). *Албанія*, область (33). *Александръ* Македонскій (10). *Али-Кули*, ск. гер. (58—67). *Анаида*, героиня пред. (35—45). *Анкарь*, царь (22). *Аракъ*, рѣка (79; 80). *Арамъ*, гер. ск. (67—73). *Аранъ*, гер. пред. (35, 39). *Арменія*, обл. (19). *Арпачай*, рѣка (2). *Арутюнъ*, купецъ, гер. ск. (67; 70—73). *Астикъ*, героиня ск. (67). *Ахметъ*, качаль, таджиръ, гер. ск. (125 и д.).
- Багдадъ*, городъ (13). *Балуль* (Дивана), гер. легенды (11—17). *Бардай*, селеніе (33).
- Вачаганъ*, царскій сынъ, гер. пред. (33—45). *Ваче*, царь, гер. пред. (33; 38; 39). *Вашинакъ*, гер. пред. (33—43).
- Гавриилъ*, архангель (18). *Гамаякъ*, гер. пред. (21). *Гасанъ*, ск. гер. (160). *Гашъ*, возвышенность (2). *Геджа-Чраги*, гер. ск. (58—67).
- Давидъ*, царь (36). *Джебраильскій уѣздъ* (5).
- Елисаветополь*, городъ (33).
- Ирза*, гер. анекдота (166—167). *Исавъ* (36).
- Іаковъ* (36). *Іисусъ Христосъ* (21; 29—32). *Іоаннъ* Креститель (21).
- Карабулахъ*, селеніе (5). *Кендалакъ-чай*, рѣка (5 и 7). *Кульма*, сел. (1).

*) Сокращенія: гер.=герой или героиня; ск. и сказ.=сказочный и сказки; пред.=преданіе; обл.=область; сел.=селеніе.

Луеникъ, благочестивая, гер. пред. (19—22).

Марія, бѣдная (108 и д.). *Мекка*, городъ (137). *Мелконъ*, гер. пред. (23). *Месропъ* (33, 37). *Мильская степь* (5). *Моисей* (36).

Назаръ (качалъ), гер. ск. (73 и д.).

Пари-ханумъ, героиня ск. (65; 67).

Серопъ, гер. анекдота (164). *Соломонъ-Мудрый* (7—9). *Стамбулъ*, гор (12).

Теймуръ-шахъ, ск. гер. (118). *Тертеръ*, рѣка (33; 37).

Финикія, страна (20). *Франкстунское царство*, сказ. страна (108).

Чинмачинское царство, сказочная страна (104).

Шахъ-Аббасъ, персидскій государь (58; 61—66). *Шуша*, городъ (33). *Шушинскій уѣздъ* (5).

Эмиъ, гер. анекдота (165).

А. Б.

АРМЯНСКАЯ НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ ЗАКАВКАЗЬѢ.

1. Легенды и преданія.

1. Не осуждай другого.

Въ одной изъ бѣднѣйшихъ странъ вселенной жилъ-былъ бѣдный горемыка. Онъ съ самаго рожденія не зналъ, что такое покой и блага жизни. Съ самаго ранняго дѣтства вмѣстѣ съ отцомъ своимъ этотъ человѣкъ ходилъ на промыселъ въ Кульпы: отсюда они брали на плечи по большому куску соли и носили на продажу въ сосѣдніе города и селенія. Влеча такую жалкую жизнь, нашъ бѣднякъ ничему не научился и случайно только отъ отца пріобрѣлъ кое-какія познанія; такъ, узналъ, между прочимъ, что люди когда-то блаженствовали въ раю, но за грѣхи Богъ прогнѣвался на прародителя всѣхъ людей, Адама, и выгналъ его изъ рая. Поэтому бѣднякъ нашъ не могъ терпѣть даже имени Адама и не упускалъ случая, чтобы выругать того, по чьей винѣ люди, и въ числѣ ихъ онъ-самъ, обречены на тяжкія муки.

Въ одинъ изъ непогожихъ осеннихъ дней, когда у нашего бѣдняка уже вся голова и борода были покрыты сѣдиной, и о бодрости и выносливости молодыхъ лѣтъ не было и помину, онъ, по обыкновенію, съ огромнымъ кускомъ соли

подымался на Гашъ *). Вдругъ колючки вонзились въ голыя ноги бѣдняка: отъ боли онъ пошатнулся, соль упала съ его плечъ, ударилась о камень и раздробилась на мелкіе куски. Тутъ старикъ захохалъ о потерѣ и принялся бранить праотца Адама такими словами, какихъ свѣтъ до того времени не слыживалъ. Богу непріятно стало кощунство старика, и Онъ послалъ за нимъ херувима и серафима. Ангелы явились къ нищему и сказали:

— „Старикъ! сегодня Богъ возмутился твоею бранью и хочетъ видѣть тебя, чтобы знать, что ты за человекъ такой, что не можешь простить вины Адама. Мы явились, чтобы взять тебя къ Нему“.

Старикъ оглянуться не успѣлъ, какъ ангелы доставили его къ престолу Божию. Богъ сказалъ бѣдняку:

— „Земнородный! ты такъ недоволенъ Адамомъ за нарушение имъ моего завѣта... Но, если бы Я послалъ тебя въ эдемъ, на его мѣсто, сможешь ли ты выполнить данную тебѣ заповѣдь?“

— „О, если бы я удостоился рая, то не только дьяволъ въ образѣ змѣя не обманулъ бы меня, но даже все сатанинское царство не въ состояніи было бы соблазнить меня!“ съ увѣренностью воскликнулъ бѣднякъ.

— „Въ такомъ случаѣ“, сказалъ тогда Богъ, „Я посылаю тебя въ рай, только съ уговоромъ: если семь дней и семь ночей ты проведешь тамъ въ молчаніи, то за твой подвигъ Я приму въ рай и другихъ людей, а если произнесешь

*) Такъ называется крутая возвышенность, расположенная верстахъ въ десяти отъ горнаго армянскаго селенія Бакранъ (Кареской обл.), при слияніи рѣки Аракса и Арпачая. Она поднимается надъ окружающею мѣстностью почти на версту и усѣяна множествомъ разной величины каменныхъ осколковъ; растутъ здѣсь только колючки; крутизна подъема такова, что на протяженіи 2—2½ верствъ даже и верхомъ ѣхать нельзя. Слово „гашъ“, какъ нарицательное (татарское), обозначаетъ сѣдельную луку.

хоть одно слово, то очутишься снова на томъ же мѣстѣ, откуда взяли тебя“.

Старичокъ съ радостью согласился на такое, по видимому, легкое условіе и былъ немедленно взятъ въ эдемъ. Привыкши къ ходьбѣ, онъ сталъ прогуливаться по раю и, спустя нѣкоторое время, встрѣтилъ дряхлаго, какъ и самъ былъ раньше, старика, который старался поднять вязанку дровъ, но никакъ не могъ осилить этого дѣла и, къ удивленію нашего бѣдняка, вмѣсто того, чтобы убавить дровъ въ вязанкѣ, все прибавлялъ и прибавлялъ новыхъ. Тутъ нашъ, помолодѣвшій въ раю, старикъ не вытерпѣлъ и сказалъ:

— „Какой же ты глупецъ!...“

Но не успѣлъ онъ докончить начатой фразы, какъ эдемъ исчезъ, и онъ самъ очутился на Гашѣ.

Прошло немного времени, и предъ старикомъ явился ангелъ господень и сказалъ:

— „Зачѣмъ ты нарушилъ данный тебѣ завѣтъ?! Зачѣмъ ты захотѣлъ опять терпѣть эти страданія?!“

Старикъ сваливалъ вину на того неблагоразумнаго старца, который не могъ въ раю поднять свою вязанку, и сталъ умолять ангела, чтобы онъ выхлопоталъ ему позволеніе вернуться въ рай. Ангелъ внялъ его мольбѣ: строго приказалъ старику свято исполнять данную ему заповѣдь относительно молчанія и отвелъ его вторично въ рай. Снова очутился старикъ въ раю и испытывалъ райское блаженство. Только не долго и на этотъ разъ пришлось ему оставаться въ эдемѣ. На этотъ разъ, прохаживаясь по раю, старикъ увидѣлъ юношу, который, оставляя на корнѣ сухія деревья, въ то же время безжалостно рубилъ плодовые зеленѣющія деревья. Не вытерпѣлъ и на этотъ разъ старикъ и началъ было говорить юношѣ:

— „Какъ тебѣ не жаль зеленыхъ деревьевъ?!...“

Но и во второй разъ, не докончивъ фразы, старикъ нашъ очутился на Гашѣ.

Прошло нѣкоторое время, и предъ нашимъ старикомъ опять явился тотъ же ангелъ и упрекнулъ его за непослушаніе. Старикъ, какъ и въ первый разъ, сваливалъ съ себя вину на другого: винилъ въ своемъ несчастіи дровосѣка и сталъ умолять, чтобы ангелъ снова водворилъ его въ рай. Ангелъ предупредилъ его, что если онъ еще разъ согрѣшитъ, то болѣе уже не увидитъ рая, и въ третій разъ исполнилъ его просьбу.

На этотъ разъ, прохаживаясь въ раю, старикъ увидѣлъ, что къ громадному камню съ разныхъ сторонъ припряжено двѣнадцать буйволовъ, и среднихъ лѣтъ мужчина ихъ усердно подгоняетъ и понукаетъ, но буйволы, конечно, сколько ни тянуть, не могутъ стронуть камня съ мѣста. Старикъ, глядя на усердіе этого челоуѣка и напрасныя усилія послушныхъ животныхъ, опять не утерпѣлъ и началъ-было говорить:

— „У насъ не такъ...“

Но не успѣлъ онъ докончить и первой фразы, какъ вдругъ очутился на Гашѣ, и предъ нимъ предсталъ ангелъ и сказалъ:

— „Ты упрекалъ Адама за однократное преступленіе, самъ же три раза согрѣшилъ!...“

Разставаясь со старикомъ, ангелъ объяснилъ ему, что напрасно онъ осуждалъ другихъ, не понимая того, что они дѣлали. Старикъ, не могшій поднять вязанки дровъ и все-таки прибавлявшій новыхъ дровъ въ свою вязанку есть образъ людей, которые изнемогаютъ подъ бременемъ своихъ грѣховъ и, между тѣмъ, къ старымъ грѣхамъ прибавляютъ все новые. Юноша, безъ разбору рубящій деревья, есть ангелъ смерти, который уноситъ души умершихъ, не взирая на ихъ лѣта, а слѣдуя повелѣніямъ Всевышняго. Камень же, къ которому съ разныхъ сторонъ припряжено двѣнадцать буйво-

ловъ, означаетъ церковь: камень—основаніе христіанской церкви, Спаситель, а двѣнадцать буйволовъ—двѣнадцать „хачапаштовъ“, которые вмѣсто того, чтобы соединиться во едино и вмѣстѣ прославлять всемогущество Пресвятой Троицы, теряютъ свои силы въ бесполезныхъ спорахъ о томъ, чья вѣра лучше. Если бы люди, вмѣсто несогласій и споровъ, подобно Еноху и пр. Іліи, молились Богу, то имъ былъ бы прощень прародительскій грѣхъ, и они удостоились бы, подобно Еноху и пр. Іліи, вѣчной жизни.

Окончивши свое наставленіе, ангель скрылся, оставивъ бѣднаго старика на Гашѣ съ разбитымъ кускомъ соли.

Записаль со словъ жителя сел. Баяндуръ, Саака Диланова, смотритель Баяндурскаго училища Г. Бунятовъ.

2. Кары-кѣпакъ.

Подъ словомъ „Кары-Кѣпакъ“ жители Шушинскаго и Джебраильскаго уѣздовъ подразумѣваютъ большую земляную насыпь, находящуюся въ Джебраильскомъ уѣздѣ, на двѣ версты къ сѣверу отъ молуканскаго села Карабулагъ, на правомъ берегу рѣчки Кендаланъ-чая, гдѣ прорѣзываетъ рѣку Агдамско-Джебраильское шоссе. На привыкшій глазъ мѣстныхъ обывателей эта огромная земляная насыпь никакого впечатлѣнія не производитъ, но проѣзжихъ этотъ искусственный холмъ своимъ величавымъ видомъ поражаетъ и вводитъ въ то историческое прошлое, съ которымъ умъ человѣка соединяетъ воспоминаніе о созиданіи крѣпостей, башенъ; земляныхъ насыпей и т. п.; онъ стоитъ стражемъ среди равнины, близъ Мильской стени и будто ждетъ своего возобновленія, чтобы принять вновь на себя великолѣпный царскій шатеръ

азиатскихъ повелителей-шаховъ, какъ это было, по мѣстному преданію, въ отдаленныя времена. Холмъ сей имѣеть видъ усѣченнаго конуса; сѣверный склонъ имѣеть высоту отъ 70 до 75 сажень, южный немного меньше; какъ верхняя площадка холма, такъ и склоны его обработаны подъ пашни мѣстными жителями. Площадка имѣеть овальную форму; большая ось овала—20 саж., а малая—15. Окружность основанія около $\frac{2}{3}$ версты. Вокругъ холма кольцеобразно виднѣются остатки стѣнъ. Вѣковые дожди не успѣли еще размыть склоновъ холма. Земля, какъ на самой площадкѣ, такъ и по склонамъ и у подошвы имѣеть пепельно-сѣрый цвѣтъ и богата костями, углями и кусками разбитыхъ глиняныхъ сосудовъ малаго и большого размѣра, какъ стариннаго, такъ и позднѣйшаго производства.

Происхожденіе этой большой земляной насыпи мѣстные старожилы объясняютъ двояко.

Одни говорятъ, что этотъ холмъ воздвигнутъ надъ одной старухой, по приказанію царя Надыръ-шаха, шедшаго съ несмѣтнымъ числомъ войска на мелкихъ карабахскихъ владѣтелей-меликовъ и на Грузію, откуда могъ бы забрать въ плѣнъ большое число красавиць-грузинокъ для своего гарема. На томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь описанный холмъ, шахъ на своемъ пути повстрѣчалъ одну старуху, половшую сорныя травы на своихъ посѣвахъ; онъ поздоровался съ ней и прибавилъ: „Ну, что, старуха, помощь нужна при ѣдѣ или при работѣ?“ Получивъ отвѣтъ отъ старухи, что помощь нужна при ѣдѣ, шахъ приказалъ войскамъ немедленно зарыть ее живую, какъ главнаго врага хлѣба и предвѣстницу зла: каждый воинъ долженъ былъ бросать на нее по горсти земли и такимъ образомъ скоро образовался холмъ; шахъ его называлъ „Кары-кѣпакъ“, что значитъ: „старуха-пѣсь“.

Другіе говорятъ, что образованіе этой земляной насы-

пи относится къ древнимъ временамъ: нѣкогда шелъ царь по этой странѣ съ большимъ войскомъ; онъ имѣлъ при себѣ любимаго пса, спасаго когда-то жизнь своего хозяина-царя въ одномъ сраженіи; и вотъ здѣсь, при переправѣ черезъ рѣку Кендаланъ-чай, пёсъ занемогъ и издохъ; царь-хозяинъ, крѣпко любившій своего пса, велѣлъ воинамъ бросать каждому по горсти земли на него; такъ образовался холмъ, и царь назвалъ его: „Кара-кѣпакъ“, что значитъ „черный пёсъ“.

Можно ли вѣрить тому или другому преданію мѣстныхъ старожиловъ или нѣтъ, трудно сказать: нѣтъ никакихъ основаній для того или другого заключенія. Но несомнѣнно, что холмъ устроенъ человѣческими руками и по всей вѣроятности служилъ нѣкогда пограничною крѣпостью, какъ объ этомъ можно судить по остаткамъ стѣнъ вокругъ холма.

Смотритель Тургскаго земскаго училища *М. Погосовъ*.

3. Легенды о Соломонѣ Мудромъ.

I.

Въ царствованіе Соломона, недалеко отъ Иерусалима, жилъ въ пещерѣ отшельникъ, къ которому со всѣхъ сторонъ стекался народъ за совѣтами. Разъ Соломонъ рѣшилъ тоже пойти къ нему за совѣтомъ и взялъ съ собою своего любимаго придворнаго. Отшельникъ по вдохновенію Божію узналъ, что Соломонъ идетъ къ нему, и приготовился къ его встрѣчѣ слѣдующимъ образомъ: подмелъ келью и собралъ соръ на серединѣ комнаты; самъ-же раздѣлся до гола, набросилъ на плечи платокъ и сталъ на порогѣ дверей, закрывъ себѣ ротъ правою рукою. Когда Соломонъ съ придворнымъ подошли къ кельѣ отшельника и увидѣли вышеописанную картину, то послѣдній сказалъ:

— „Государь, довольно, пойдёмъ домой!“

— „Что ты! мы пришли за совѣтомъ; развѣ не стыдно съ поль-дороги вернуться?“ отвѣтилъ Соломонъ.

— „Совѣтъ уже данъ. Вернемся домой, и я тебѣ разъясню“.

По возвращеніи домой, придворный объяснилъ приѣмъ отшельника такъ: „Соръ, собранный на серединѣ комнаты, означаетъ наше земное богатство. Стоя на порогѣ дверей, отшельникъ этимъ показывалъ, что мы въ этомъ мірѣ временныя жильцы, а потому одною ногою стоимъ здѣсь, а другою на томъ свѣтѣ; платокъ, переброшенный черезъ плечо, означаетъ, что изъ богатства этого міра намъ нуженъ только кусокъ матеріи, величиною съ платокъ, для савана; закрывая же рукою ротъ, отшельникъ давалъ намъ знать, что опаснѣйшій врагъ человѣка—его языкъ, а потому его слѣдуетъ держать взаперти, чтобы не разболтался“.

Соломонъ остался доволенъ объясненіями придворнаго и щедро наградилъ его.

II.

Одна изъ женъ Соломона пристала къ нему съ просьбою построить ей замокъ изъ птичьихъ перьевъ. Соломонъ потребовалъ къ себѣ всѣхъ существовавшихъ на свѣтѣ птицъ и сталъ съ нихъ выщипывать перья.

По приказанію Соломона всѣ птицы прилетѣли къ нему, но не прилетѣла только сова. Соломонъ потребовалъ, однако, и сову къ себѣ и спросилъ о причинѣ ея послушанія. Сова отвѣтила:

— „Мудрый царь! по капризу своей жены ты отнимаешь у насъ наше единственное украшеніе и защиту отъ непогоды. Я для тебя не пожалѣю не только своихъ перьевъ, но даже и головы своей, если это понадобится. Но какъ можно изъ перьевъ построить замокъ? Первый легкій вѣте-

рокъ разсѣетъ наши перья во всѣ стороны, и твои труды пропадутъ даромъ. Пожалѣй же насъ!”

Послѣ словъ совы Соломонъ оставилъ свое намѣреніе строить замокъ изъ птичьихъ перьевъ, а въ благодарность за добрый совѣтъ приказалъ, чтобы ежедневно къ каждой совѣ прилетало по три воробья, въ пищу ей.

Есть повѣрье, что и по настоящее время исполняется это приказаніе Соломона.

III.

У одного крестьянина было полтора сомара (около 30 пуд.) пшеницы. Онъ обратился къ Соломону за совѣтомъ: посѣять ли всю пшеницу или только часть ея. Соломонъ, зная, что въ наступающемъ году будетъ хорошій урожай, посоветовалъ посѣять всю пшеницу. Но противъ этого возсталъ сынъ Соломона, который совѣтовалъ посѣять 1 сомаръ, а остальнымъ прокормиться до жатвы. Крестьянинъ послѣдовалъ совѣту Соломона и посѣялъ всю пшеницу. Наступила весна, а потомъ и лѣто; ожидался прекрасный урожай, но бѣдному крестьянину до сбора хлѣба нечѣмъ было прокормиться, и онъ настолько голодалъ, что, однажды, когда онъ пошелъ осмотрѣть свои поля, отъ голоду упалъ и умеръ: коршуны выклевали ему глаза, трупъ же его сталъ гнить и распространялъ зловоніе.

Узнавъ о смерти крестьянина, сынъ Соломона предложилъ своему отцу поѣхать на поле кататься. Когда они приблизились къ трупу, то Соломонъ сказалъ:

— „Что за страшная вонь!”

— „Отецъ!” сказалъ сынъ: „эта вонь исходитъ изъ твоего рта“.

Соломонъ сильно прогнѣвался на сына, но когда замѣтилъ трупъ знакомаго крестьянина, тотчасъ же догадался, почему сынъ такъ жестоко оскорбилъ его, и почувствовалъ себя виноватымъ, а сыну простилъ его оскорбленіе.

4. Легенды объ Александрѣ Македонскомъ.

I.

Александръ Македонскій тотчасъ послѣ своего рожденія побѣжалъ кругомъ комнаты, но когда добѣжалъ до четвертаго угла, то ангель ударомъ повалилъ его и этимъ далъ знать, что Александръ завладѣетъ только тремя частями свѣта.

II.

По смерти Александра Македонскаго, мать горевала по немъ и не позволяла хоронить его трупъ. Придворные, видя, что словами нельзя убѣдить ее въ необходимости похоронить покойника, предложили ей, чтобы она оставалась съ трупомъ сына въ одной комнатѣ безъ пищи. На это мать Александра согласилась. Тогда придворные заперли мать Александра вмѣстѣ съ трупомъ ея сына въ одну комнату, и къ потолку ея подвѣсили хлѣбъ. Мать Александра въ первые три дня все время оплакивала смерть своего великаго сына, но на четвертый день сильно проголодалась и, замѣтивъ висѣвшій хлѣбъ, хотѣла достать его. Но такъ какъ хлѣбъ висѣлъ высоко, то она стала на трупъ сына и такъ достала хлѣбъ. Это было замѣчено караулившими ее придворными, и они сказали ей:

— „Ты не давала хоронить сына, считая это оскорбительнымъ для него, а между тѣмъ сама попираешь ногами его трупъ, чтобы достать себѣ хлѣбъ!...“

Мать убѣдилась въ правотѣ придворныхъ и, наконецъ, разрѣшила похоронить сына.

Записано со словъ жителя селенія Баяндур, Мадата Мадатова.

5. Дивана*)-Балуль.

Въ древности жилъ благочестивый царь Балуль. Онъ любилъ нищихъ и щедро раздавалъ имъ милостыню. Ежедневно, утромъ и вечеромъ, удаливъ всѣхъ изъ своей комнаты, онъ садился въ золотое кресло и молился Богу. Однажды, во время утренней молитвы, Балуль увидѣлъ въ окно, что какой-то погонщикъ верблюдовъ ходитъ по крышѣ его дворца. Царь оставилъ молитву, вышелъ на крышу и сказалъ незнакомцу.

— „Кто тебѣ позволилъ ходить по крышѣ моего дворца?..“

— „Я погонщикъ верблюдовъ“, отвѣтилъ незнакомецъ, „у меня пропали верблюды, и я ищу ихъ здѣсь“.

— „Какъ же ты ищешь верблюдовъ на крышѣ?!“ удивился царь.

— „А какъ же ты ищешь Бога, сидя на золотомъ креслѣ, лежа на пуховикахъ и живя въ роскошныхъ палатахъ?!“ возразилъ на это погонщикъ верблюдовъ. „Если хочешь спастись, оставь свой тронъ и на сырой землѣ молись Богу; тогда твоя молитва будетъ услышана Имъ“.

Послѣ этихъ словъ незнакомецъ скрылся, и Балуль догадался, что это былъ ангелъ въ образѣ человѣка. Тогда онъ припалъ лицомъ къ землѣ и сталъ молиться Богу. Послѣ молитвы онъ собралъ всѣхъ своихъ сановниковъ и объявилъ имъ, что не хочетъ болѣе царствовать, а на свое мѣсто назначаетъ своего брата. Послѣ этого Балуль сталъ прикидываться юродивымъ, ходилъ въ рубищѣ и училъ народъ правственности. Народъ прозвалъ его тогда „Дивана-Балуломъ“.

Разъ въ оборванной одеждѣ Дивана-Балуль зашелъ въ домъ, гдѣ происходилъ свадебный пиръ: всѣ стали его ру-

*) „Дивана“ знач. юродивый.

гать и вытолкали къ нищимъ. Тогда Балулъ, вернувшись домой, переодѣлся въ шелковыя одежды, надѣлъ золотыя и серебряныя украшенія и снова пошелъ на свадебный пиръ. На этотъ разъ отнеслись къ нему иначе.

— „Сторонитесь, дайте мѣсто барину!...“ говорили другъ другу гости, и Балулъ, подвигаясь все впередъ, очутился на первомъ мѣстѣ. Подали, наконецъ, ужинъ. Тогда Дивана-Балулъ, желая вразумить присутствующихъ, вмѣсто того, чтобы самому ѣсть, поднесъ полу своей одежды къ пищѣ и громко сказалъ:

— „Ѣшь, дорогая одежда! вѣдь для тебя принесли это кушанье...“.

Тутъ присутствовавшіе догадались, что имѣютъ дѣло съ Дивана-Балуломъ.

О всѣхъ такихъ происшествіяхъ доносили брату Балула и совѣтовали ему какъ-нибудь удалить своего брата изъ царства, такъ какъ онъ и своимъ нищенскимъ одѣяніемъ и своими выходками роняетъ честь царя. Понимая, что силою нельзя было бы удалить брата изъ царства, царь посоветовался съ своимъ любимымъ сановникомъ, который пользовался его полнымъ довѣріемъ, и вдвоемъ они рѣшили отравить Балула. Съ этою цѣлью испекли сдобный хлѣбъ съ отравою и послали въ подарокъ Дивана-Балулу. Но послѣдній не съѣлъ этого хлѣба, а подарилъ его своему племяннику, царскому сыну, а племянникъ подѣлился этимъ лакомымъ кускомъ со своимъ пріятелемъ, сыномъ вышеупомянутаго царскаго совѣтника. Оба мальчика, съѣвъ отравленный хлѣбъ, умерли, подтвердивъ, такимъ образомъ, одно изъ любимыхъ изрѣченій Балула: „Что захочешь сдѣлать другимъ, то самое съ тобою случится“.

Послѣ этого случая Дивана-Балулъ задумалъ странствовать и жилъ нѣкоторое время въ Стамбулѣ. Хотя Балулъ прикидывался дурачкомъ, и всѣ называли его юро-

дивымъ (дивана), но люди проницательные видѣли, что на самомъ дѣлѣ Балулъ мудрый человекъ, и потому часто обращались къ нему за совѣтами. Такъ, однажды какой-то состоятельный купецъ, встрѣтившись съ Балоломъ, спросилъ его:

— „Что мнѣ дѣлать, дананда-Балулъ (мудрый Балулъ), чтобы разбогатѣть?“

— „Теперь осень“, отвѣтилъ Балулъ, „хлѣбъ продается дешево: купи теперь пшеницы и ячменя, а весною продай!“

Купецъ послѣдовалъ совѣту Балула и весною, дѣйствительно, нажилъ хорошія деньги.

Убѣдившись, такимъ образомъ, въ мудрости Балула, купецъ въ слѣдующую осень опять обратился къ нему за совѣтомъ и спросилъ его:

— „Дивана-Балулъ, что мнѣ купить и продать, чтобы выгоду получить?“

— „Купи теперь луку и чесноку, а весною продай!“ отвѣтилъ Балулъ.

Недогадливый купецъ такъ и сдѣлалъ. Но на этотъ разъ онъ не могъ продать своего товара: лукъ и чеснокъ проросъ у него и сгнилъ, а полиція на его же счетъ выбросила его въ море. Послѣ этого купецъ пошелъ къ Балулу и сталъ упрекать его:

— „Дананда-Балулъ, въ первый разъ ты далъ мнѣ добрый совѣтъ, но на лукъ и чеснокъ, по твоей винѣ, понесъ я большой убытокъ...“

— „Не удивляйся тому, что случилось“, отвѣтилъ Балулъ, „твой языкъ погубилъ тебя: ты въ первый разъ назвалъ меня умнымъ и совѣтъ получилъ умный, а когда назвалъ юродивымъ, то и совѣтъ получилъ, соответствующій названію...“

Изъ Стамбула Дивана-Балулъ отправился въ Багдадъ. Городъ этотъ очень понравился ему, и онъ рѣшился посе-

литься здѣсь навсегда. Какъ и вездѣ, онъ и въ Багдадѣ прикидывался нищимъ и юродивымъ и училъ народъ нравственности. Мальчики толпами бѣгали за нимъ, бросали въ него камни, били его; но онъ не обращалъ вниманія на все это и продолжалъ свое дѣло, призывая народъ къ покаянію; онъ говорилъ на площадяхъ къ собравшемуся народу:

— „Люди, не будьте безпечны, какъ дѣти! Грязь вашихъ грѣховъ омойте добрыми дѣлами, бѣднымъ и убогимъ помогайте, готовьте себѣ мѣсто въ томъ мірѣ, гдѣ жизнь вѣчная, и не промѣняйте ея на временное!“

Иногда Дивана-Балуль развѣзжалъ по улицамъ Багдада верхомъ на палкѣ, и, глядя на это, люди удивлялись, тѣмъ болѣе, что во время бесѣдъ изъ устъ его слышали мудрыя рѣчи.

Дивана-Балуль снискивалъ себѣ пропитаніе не милостынею, какъ другіе нищіе, а работалъ: таскалъ воду, рубилъ дрова; на заработанныя деньги не только самъ питался, но помогалъ и другимъ нищимъ, говоря:

— „Бѣдность, постъ и молитва—товарищи другъ другу. Полюби эти три добродѣтели, чтобы избавиться отъ большихъ страданій! О тѣлѣ не заботься много! здѣсь наши дни сочтены...“

Скоро Балула всѣ узнали и, зная о его честности, давали ему разныя порученія. Такъ, однажды какой-то багдадскій житель поручилъ Балулу отнести къ нему въ домъ купленное имъ мясо. Балуль взялъ мясо и отнесъ на кладбище. Когда пославшій вернулъся домой и узналъ, что мясо не было принесено, то пошелъ обратно на базаръ, отыскалъ Дивана-Балула и спросилъ:

— „Гдѣ же мясо, которое я вручилъ тебѣ?“

— „Въ твой домъ отнесъ“, отвѣтилъ Балуль.

— „Такъ иди, покажи, гдѣ мой домъ!“ предложилъ тотъ, полагая, что Балуль ошибся.

Дивана-Балуль привелъ этого человѣка на кладбище и сказалъ:

— „Вотъ твой настоящій домъ! домъ, въ которомъ ты живешь теперь, не постоянный, и рано или поздно ты придешь сюда. Обрати вниманіе на гробовщика: онъ никогда не остается безъ работы, а между тѣмъ и міръ не пустѣетъ, потому что одинъ приходитъ, а другой уходитъ. Такъ и мы съ тобой со временемъ удалимся въ свое постоянное жилище, а на наше мѣсто другіе придутъ“.

Удивился господинъ и подумалъ: „Мы его за дурака принимали, а онъ въ учителя намъ годится!“

Дивана-Балуль имѣлъ обыкновеніе проводить большую часть времени на кладбищѣ, нерѣдко даже ночевалъ тамъ. Однажды Балуль шелъ съ кладбища и повстрѣчался съ багдадскимъ царемъ. Послѣдній спросилъ его, что онъ дѣлаетъ на кладбищѣ.

— „Учусь у покойниковъ“, отвѣтилъ Балуль.

— „Но какъ же это можно учиться у мертвецовъ? снова спросилъ царь.

— „Я вижу“, отвѣтилъ Балуль, „что человѣкъ, сколько ни старается накопить себѣ богатства, умирая, не можетъ взять его съ собою, поэтому я думаю, что человѣкъ долженъ въ этой жизни стараться о томъ, чтобы въ *той* жизни не пришлось стыдиться: кто *здѣсь* даетъ, тотъ *тамъ* получить; кто *здѣсь* обижаетъ, тотъ *тамъ* расплачивается за обиды, но не деньгами, ибо ихъ *тамъ* не принимаютъ, а страданіями.

Другой разъ багдадскій царь встрѣтилъ Дивана-Балула на кладбищѣ и опять спросилъ, что онъ тамъ дѣлаетъ.

— „Измѣряю свою могилу и царскую могилу“, отвѣтилъ Балуль, „и прихожу къ выводу, что твоя могила будетъ нисколько не больше моей, и земли въ ней не будетъ больше, чѣмъ въ моей! О человѣкъ, работай для души, а не для тѣ-“

ла! Удались съ дороги грѣшниковъ, чтобы не страдать потомъ, стремись совершать добрыя дѣла!“

Багдадскій царь понялъ, что Дивана-Балуль подъ маскою юродиваго скрываетъ мудрость, и что многому отъ него можно научиться, тѣмъ болѣе, что онъ откровенно говоритъ правду въ лицо. Онъ приказалъ приютить Балула во дворцѣ, часто приглашалъ его къ себѣ и бесѣдовалъ о разныхъ предметахъ, и Балуль всегда имѣлъ доступъ въ комнаты государя. Однажды, когда царя не было въ тронномъ залѣ, Балуль зашелъ туда и усѣлся на его престолѣ. Царскимъ слугамъ это не понравилось, и они поколотили проказника. Балуль поднялъ крикъ, и на крикъ прибѣжалъ и самъ царь. Онъ разсердился на своихъ слугъ, а Балула спросилъ, почему его побили. Тотъ объяснилъ, за что, и прибавилъ:

— „Если за минутное сидѣнье на твоёмъ престолѣ, такъ мнѣ досталось, то что же будетъ съ тобою на томъ свѣтѣ?!.. Вѣдь ты уже много лѣтъ возсѣдаешь на тронѣ!..“.

Однажды царь спросилъ Дивана-Балула:

— „Что дѣлаетъ сегодня Богъ?“

— „Это трудный вопросъ,—сразу не могу отвѣтить, завтра скажу“, отвѣтилъ Балуль.

На слѣдующій день Балуль пріѣхалъ во дворецъ на черномъ ослѣ. Царь, при встрѣчѣ съ нимъ, повторилъ свой вопросъ. Балуль попросилъ его удалить слугъ и объявилъ, что наединѣ отвѣтитъ на его вопросъ.

— „Царь, сядь на моего осла, чтобы онъ не убѣжалъ, а я сяду на твой тронъ и объясню, что дѣлаетъ Богъ въ этотъ часъ.“

Заинтересованный отвѣтомъ, царь охотно сѣлъ на осла, а Дивана-Балуль усѣлся на царскій тронъ и спокойно смотрѣлъ на царя. Наконецъ царь спросилъ:

— „Что же ты не говоришь, что дѣлаетъ Богъ въ настоящее время?“

— „А развѣ самъ ты не видишь, что сдѣлалъ Богъ въ этотъ часъ?!“ сказалъ Балулъ. „Тебя, царя, онъ на осла посадилъ, а меня, Дивана-Балула, удостоилъ сидѣть на тронѣ...“

Царь отъ стыда и удивленія не зналъ, что сказать; отъ смущенія даже и съ осла не слѣзаль. Тутъ Балулъ прибавилъ:

— „Ты хочешь знать непостижимое: человекъ не знаетъ, что съ нимъ-самимъ случится черезъ часъ,—какъ же, послѣ того, онъ можетъ знать, что дѣлаетъ Богъ?!..“

Удивляясь мудрости мнимаго дурака, царь отпустилъ его, запретивъ рассказывать о случившемся. На слѣдующій день, однако, царь предложилъ новый вопросъ Балулѣ:

— „Не можешь ли ты объяснить, сколько звѣздъ на небѣ?“

— „Могу“, отвѣтилъ Балулъ, „ихъ столько же, сколько волосковъ на моемъ ослѣ; если хочешь знать число, то сосчитай...“.

Царь сталъ-было считать, но не успѣлъ сосчитать волосковъ на ухахъ осла, какъ сбился со счета. Тутъ Балулъ сказалъ ему:

— „Если ты не въ состоянїи сосчитать волосъ даже на ухахъ осла, то какъ же съ меня требуешь, чтобы я зналъ число звѣздъ на небѣ?!..“

Сконфуженный царь больше уже не задавалъ Балулѣ вопросовъ, а Дивана-Балулъ до самой смерти своей не переставалъ учить народъ, а по смерти былъ принятъ въ царство небесное.

Записалъ со словъ жителя сел. Тазакандъ, Карской области, Нерсеса Адоева, смотритель и законоучитель Баяндурскаго училища свящ. Г. Буятовъ.

6. С м е р т ь.

(Преданіе).

Когда для чело́вѣка наступаетъ время умирать, Бо́гъ посылаетъ архангела Гавріила, отнять душу его. Сперва архангелъ мечомъ ослѣпляетъ чело́вѣка, и послѣдній перестаетъ различать окружающій его лица; затѣмъ онъ отнимаетъ языкъ, и чело́вѣкъ лишается возможности говорить; потомъ онъ ударяетъ мечомъ по ногамъ, и ноги начинаютъ слабѣть и холодѣть; послѣ всего ангелъ изо рта достаетъ душу чело́вѣка, и послѣдній лишается сознанія. Архангелъ Гавріиль, имѣя въ одной рукѣ мечъ, а въ другой душу умершаго, поднимается на небо, къ Богу. Если душа безгрѣшна, Бо́гъ благословляетъ ее и отводитъ ей свѣтлую комнату, а если она грѣшная, то прогоняетъ ее и приказываетъ отвести ей темную комнату, гдѣ и останется она до пришествія Христа.

Объ архангелѣ Гавріилѣ рассказываютъ слѣдующее. Разъ Бо́гъ послалъ его отнять душу одной женщины. Когда явился архангелъ, женщина кормила своихъ трехъ малютокъ, и жаль стало архангелу отнять у троихъ маленькихъ дѣтей мать ихъ. Не рѣшившись исполнить повелѣніе Господа Бога своего и надѣясь упросить Его отмѣнить приговоръ свой, онъ оставилъ женщину въ покоѣ. Когда архангелъ явился къ Богу, то сталъ просить за женщину. Бо́гъ ничего не отвѣтилъ ему и повелѣлъ немедленно отправиться и достать съ глубины океана одинъ маленькій камешекъ. Архангелъ досталъ камешекъ и явился съ нимъ къ Богу. Бо́гъ взялъ камень, разломилъ его и къ изумленію архангела, показалъ ему червяка, бѣшала зеленую траву внутри камешка.

— „Гавріиль, любимецъ мой!“ сказалъ тогда Бо́гъ, „каждому я назначилъ свою долю, и дѣти той матери, которая

должна умереть, будутъ со временемъ великими людьми, и будутъ подчиняться имъ тысячи другихъ людей... Иди же и исполни мое повелѣніе относительно матери!“

Только-что Гавріиль хотѣлъ послѣ этого спуститься на землю, какъ Богъ потребовалъ его назадъ, досталъ у него сердце, бросилъ на дно океана и сказалъ:

— „Отнынѣ пусть въ тебѣ не будетъ больше жалости! Иди, исполни мое приказаніе!“

Архангелъ Гавріиль явился въ домъ, гдѣ была та женщина, которую пожалѣлъ онъ раньше, и отнял ея душу, оставивши въ слезахъ ея малолѣтнихъ сиротъ.

7. Благочестивая Лусникъ *).

(Преданіе).

Въ одномъ изъ городовъ Арменіи еще до рожденія Христа Спасителя жилъ царь Авакъ. Онъ былъ женатъ на прекрасной Лусникъ, о красотѣ которой шла слава по всей Арменіи.

Разъ персидскій царь съ многочисленною арміею напалъ на пограничныя города Арменіи и угрожалъ самой столицѣ. Авакъ, узнавши объ этомъ, собралъ свое храброе войско и выступилъ въ походъ, а женѣ своей поручилъ управлять государствомъ съ помощью его любимца, министра Гамаяка.

Тяжело было смотрѣть на молодую царицу, когда она разставалась съ мужемъ: она упала въ обморокъ и едва пришла въ себя.

Царь Авакъ долго воевалъ съ персидскимъ царемъ и, въ разлукѣ съ семьею, постоянно вспоминалъ о женѣ своей и о сынѣ. Между тѣмъ Гамаякъ, прельщенный красотою

*) „Лусникъ“ значитъ звездочка.

Лусникъ, старался въ отсутствіе царя соблазнить ее. Но всѣ старанія его были напрасны. Раздосадованный упорствомъ и желая отомстить Лусникъ, а также и схоронить концы своего преступнаго искательства, Гамааякъ сдѣлалъ ложный доносъ царю, что его жена измѣнила ему. Царь разгнѣвался на жену и, въ пылу гнѣва, написалъ своему любимцу приказъ заключить измѣнницу въ тюрьму и тамъ казнить ее.

Гамааякъ, получивъ повелѣніе царя, сейчасъ же заключилъ Лусникъ съ ребенкомъ въ тюрьму и черезъ три дня назначилъ казнь. Народъ пришелъ въ негодованіе, зная о невинности своей царицы, и требовалъ ея освобожденія. Но хитрый Гамааякъ тайкомъ отъ народа отправилъ трехъ воиновъ съ Лусникъ въ лѣсъ и приказалъ имъ убить ее тамъ, а самъ распустилъ слухъ, что Лусникъ бѣжала изъ тюрьмы съ какимъ-то персіяниномъ.

Воины взяли Лусникъ съ ребенкомъ въ лѣсъ, но не убили ихъ, а оставили на одной скалѣ; сами же, покинувъ свое государство, удалились въ Финикию.

Между тѣмъ война кончилась. Персидскій царь былъ побѣжденъ, и царь Авакъ съ побѣдоноснымъ войскомъ возвратился домой. Онъ былъ скученъ и горевалъ по женѣ. Да и народъ не радушно встрѣтилъ его; многіе изъ его подданныхъ даже переселились въ сосѣднія государства, будучи недовольны поступками Авака и его любимца.

Гамааякъ, замѣчая грусть царя, предлагалъ ему выбрать себѣ невѣсту, но Авакъ не хотѣлъ этого и почему-то въ глубинѣ души сомнѣвался въ смерти своей жены.

Такъ прошло одиннадцать лѣтъ: Лусникъ съ сыномъ жила въ пещерѣ, питалась травами, усердно молилась своимъ богамъ и надѣялась, что настанетъ время, когда она опять увидитъ своего нѣжно-любимаго мужа. Разъ она ходила по лѣсу и замѣтила старца, который стоялъ подъ деревомъ и, поднявши руки, что-то шепталъ. Лусникъ подошла къ стар-

цу и спросила, кто онъ такой. Старець оказался Іоанномъ Крестителемъ, который молился единому Богу и ожидалъ пришествія І. Христа. Долго бесѣдовала Лусникъ съ Іоанномъ и съ того дня оставила идолопоклонство и стала молиться единому Богу и тому же научила своего сына.

Однажды, когда молилась Лусникъ, предсталъ предъ нею въ сіяніи ангель и возвѣстилъ ей, что Богъ услышалъ ея молитву, и что она скоро вернется подъ кровь своего мужа. Слова ангела сбылись. Однажды царь Авакъ, проѣзжая тѣмъ лѣсомъ, гдѣ жила Лусникъ, встрѣтилъ своего сына, Мелкона. Конечно онъ не могъ знать его, но былъ пораженъ красотою и разумною рѣчью мальчика. Узнавши изъ словъ его, что у него есть мать, царь пожелалъ увидѣть ее. Каково же было его изумленіе, когда въ ней онъ узналъ свою жену, а въ мальчикѣ своего сына!.. Царь упалъ предъ нею на колѣна, просилъ простить его, вернуться къ нему во дворецъ.

— „Нѣтъ, мой милый Авакъ“, отвѣтила она, „ты идолопоклонникъ, а я молюсь единому Богу!.. Если бы ты увѣровалъ въ Него и въ Его сына, І. Христа, который скоро явится здѣсь, только тогда бы я послѣдовала за тобою“.

— „Я готовъ вѣровать въ твоего Бога и клянусь тебѣ, что готовъ для тебя бросить свое государство и предаться съ тобою тихой семейной жизни!“ воскликнулъ въ слезахъ царь Авакъ.

Лусникъ, взявъ своего сына, пѣшкомъ отправилась съ царемъ во дворецъ. Ликованію народа по поводу возвращенія царицы не было конца. Гамаякъ, по требованію народа, былъ казненъ, хотя это было противъ желанія царицы.

Спустя четыре года, Авакъ дѣйствительно отказался отъ престола и передалъ его своему мудрому сыну, а самъ, съ женою, отправился путешествовать, и оба скончались въ одинъ день въ одномъ изъ еврейскихъ городовъ отъ моровой язвы, отъ которой многіе тогда погибали.

Сынъ, узнавши о смерти родителей, отправился туда, гдѣ они умерли, привезъ тѣла ихъ и похоронилъ въ своемъ дворцѣ. Самъ онъ скоро сдѣлался христіаниномъ. Это былъ тотъ самый Апкаръ, которому, когда онъ болѣлъ, І. Христосъ прислалъ изображеніе Своего лица на полотенцѣ.

Записалъ и сообщилъ смотритель Кагызманскаго городского училища *І. Новрузовъ*.

8. Чистая вѣра спасаетъ отъ огня.

(Легенда).

Какая-то женщина, сидя передъ печкой, пекла хлѣбъ. Въ это время пришелъ къ ней, весь оборванный, нищій и, плѣнившись ея удивительной красотой, хотѣлъ поцѣловать её. Конечно она не допустила этого. Нищій тогда сталъ упрашивать ее и сказалъ:

— „Если Бога любишь, то не откажи мнѣ!..“

При этихъ словахъ женщина согласилась. Мужъ ея, оказавшійся поблизости, увидѣлъ это, страшно былъ взбѣшенъ и наговорилъ ей разныхъ упрековъ и угрозъ. Бѣдная жена, оправдывая себя, сказала, что позволила поцѣловать себя „ради Бога“.

— „Какъ такъ ради Бога?!“ воскликнулъ мужъ, „если ты такъ религіозна, такъ бросься въ горячую печь во имя Бога!..“

Жена безъ колебанія сейчасъ же бросилась въ огонь, и вдругъ вся печь покрылась зеленью и цвѣтами.

9. Какъ головешка зазеленѣла.

(Легенда).

Былъ одинъ великій грѣшникъ-душегубъ, который убилъ тридцать человѣкъ безъ одного. Однажды, во время говѣнія, передъ св. Пасхою, по христіанскому обычаю, онъ пошелъ къ духовному пастырю исповѣдываться. Когда онъ окончилъ

свою исповѣдь, у пастыря волосы стали дыбомъ отъ ужаса, и онъ сказалъ:

— „Ты погибшій человѣкъ! За столько убійствъ нѣтъ прощенія!“

Но исповѣдывавшійся сталъ умолять его:

— „Святой отецъ, прости меня на этотъ разъ! Вѣдь ты близокъ къ Богу: если ты мнѣ откажешь, то къ кому же мнѣ итти?! Назначай мнѣ самое трудное покаянiе,—я исполню его и обѣщаю до самой смерти моей не убивать больше ни одного человѣка“.

Пастырь, выслушавъ его мольбу, поставилъ въ алтарѣ за иконостасомъ сухую головешку и велѣлъ разбойнику, чтобы онъ передъ этой головешкой молился Богу до тѣхъ поръ, пока она не покроется зеленью. И кающійся грѣшникъ, повинувшись пастырю, сталъ на молитву.

Въ тотъ день, передъ вечеромъ, умерла одна женщина. На ночь трупъ ея принесли въ церковь. Родственники ея зажгли лампадки надъ покойницей и вернулись домой. На другой день они собирались схоронить ее. Но на утро, предъ разсвѣтомъ, грѣшникъ, остававшійся въ церкви, услышалъ сильный стукъ въ дверь; онъ вышелъ на амвонъ и увидѣлъ, что одинъ человѣкъ, отворивъ дверь, зашелъ въ церковь и намѣревался обезчестить трупъ женщины. Кающійся спросилъ пришедшаго, кто онъ такой и по какому праву такъ поступаетъ. Пришедшій, въ отвѣтъ, разсказалъ, будто мертвая женщина была въ него влюблена и много разъ звала его къ себѣ, намѣреваясь что-то сообщить ему; человѣкъ этотъ все собирался къ ней, но имъ всё не удавалось свидѣться, и вотъ теперь онъ пришелъ къ ней, хоть къ мертвой. Грѣшникъ сказалъ ему на это:

— „Я вижу, что ты глупый человѣкъ: пока она была жива, ты могъ говорить съ ней, а теперь нечего тревожить мертвеца! оставь ее въ покоѣ и уходи!“

Но пришедшій не хотѣлъ его слушать. Между ними завязался горячій споръ, и, затѣмъ, дѣло дошло до драки; грѣшникъ разгорячился и, забывъ слова духовнаго отца и свое обѣщаніе, схватилъ древко хоругви церковной и съ такою силою ударилъ своего противника по головѣ, что убилъ его. Это было тридцатое убійство, совершенное имъ.

Положивъ убитаго рядомъ съ трупомъ женщины, разбойникъ пошелъ опять молиться. На другой день пастырь и народъ собрались на похороны и къ удивленію своему увидѣли, вмѣсто одного, двухъ мертвецовъ. Произвели слѣдствіе, и, когда послѣ долгаго розыска, не находили виновнаго, пастырь сказалъ грѣшнику:

— „Это твое дѣло! Здѣсь никого не было, кромѣ тебя.. По твоей вчерашней исповѣди, руки твои привыкли къ убійствамъ!..“.

Грѣшникъ смиренно отвѣтилъ:

— „Святой отецъ, ты правъ: это совершилъ, дѣйствительно, я; но я имѣлъ право убить его.“

И онъ разсказалъ все, что прошлою ночью произошло въ храмѣ. Тогда пастырь воскликнулъ:

— „О, ты совершенно негодный человѣкъ! вмѣсто покаянія, ты запятналъ свою совѣсть еще новымъ убійствомъ! Зачѣмъ же ты забылъ мои наставленія?!“

Послѣ того пастырь разсказалъ всѣмъ присутствовавшимъ объ исповѣди и пошелъ въ алтарь, чтобы показать народу головешку, и вдругъ, къ своему изумленію, увидѣлъ, что сухая головешка зазеленѣла и даже зацвѣла.

Такъ сильны были покаяніе и горячая молитва раскаявшагося грѣшника!

Записалъ и сообщилъ учитель Елисаветпольскаго ремесл. училища *П. Тоніевъ*.

10. Богачъ и Бѣднякъ.

Въ прежнія времена, когда Богъ жилъ на землѣ между людьми, Онъ однажды отправился путешествовать, чтобы узнать, кто какъ живетъ. Въ одно утро Онъ рано началъ свое путешествіе, шелъ до наступленія ночи и увидѣлъ, наконецъ, два дома, расположенные по обѣ стороны дороги другъ противъ друга: одинъ изъ нихъ былъ красивый и большой, а другой представлялъ убогую лачужку. Красивый домъ принадлежалъ одному богатому человѣку, а изба бѣдняку. Богъ подумалъ и говоритъ: „Не тяжело будетъ богатому, если останусь у него ночевать.“

Сказавши это, Онъ постучалъ въ дверь. Богатый, услышавъ стукъ, открылъ окно и спросилъ:

— „Что нужно?“

— „Позволь мнѣ ночевать у тебя!“ сказалъ странникъ.

Богатый, увидѣвъ на улицѣ бѣднаго человѣка, сказалъ:

— „Я не могу тебя принять; мои комнаты наполнены пшеницей; да если стану принимать всѣхъ бѣдныхъ, которыхъ нынѣ очень много, то и мнѣ самому придется тогда ходить по міру“.

Богачъ захлопнулъ окно. Богъ подошелъ къ избѣ бѣднаго крестьянина и началъ стучать. Бѣдный, услышавъ стукъ, тотчасъ отворилъ дверь и сказалъ:

— „Добро пожаловать ко мнѣ! уже наступила ночь, больше нельзя продолжать путь“.

Богъ вошелъ въ избу бѣдняка. Крестьянинъ говоритъ гостю:

— „Извини насъ, любезный гость: мы бѣдны и не можемъ предложить хорошаго угощенія, попотчuemъ тебя тѣмъ, что найдется“.

Потомъ позвалъ жену и приказалъ ей принести воды, чтобы умыть руки, ноги и лицо гостю. Жена исполнила при-

казаніе своего мужа. Потомъ она приготовила ужинъ, который состоялъ изъ нѣсколькихъ яицъ и кислаго козьего молока. У бѣдняка была единственная коза, молокомъ которой и кормилось семейство. Когда столъ былъ накрытъ, сѣли ужинать. Богъ съ ними ѣлъ, пилъ съ большою радостью, несмотря на то, что ужинъ былъ простой. Послѣ ужина, когда настало время спать, жена тайкомъ подозвала своего мужа и сказала:

— „Мой милый! для нашего гостя мы не имѣемъ постели. Но онъ, должно быть, сильно усталъ; уступимъ ему нашу постель, а мы можемъ послать и на соломѣ, покрывшись нашей одеждою“.

— „Хорошо“, отвѣчалъ мужъ, „я скажу ему“.

Бѣднякъ подошелъ къ гостю и сказалъ:

— „У насъ лишней постели нѣтъ, спи, пожалуйста, на нашей“.

Богъ не хотѣлъ, чтобы старикъ и его жена спали на соломѣ и отказывался. Но такъ какъ они долго умоляли Его, Онъ наконецъ согласился.

На другое утро хозяева рано встали и приготовили завтракъ для своего гостя, а послѣ завтрака гость всталъ и хотѣлъ продолжать свой путь. Собираясь уходить, Онъ сказалъ:

— „Такъ какъ вы добры и честны, то просите у меня для себя три вещи: что бы вы ни захотѣли, будетъ исполнено“.

Крестьянинъ обрадовался и сказалъ:

— „Я желаю небеснаго блаженства, а также здоровья, кусокъ хлѣба въ земной жизни и быть въ раю послѣ смерти“.

— „Такъ какъ вы состарѣлись и нуждаетесь въ покоѣ, то не хотите ли также имѣть хорошей домъ?“ спросилъ ихъ странникъ.

— „Если у насъ будетъ и домъ, то мы будемъ вполнѣ счастливы“, отвѣчали хозяева.

Богъ исполнилъ ихъ желаніе: мужъ и жена открыли глаза и вдругъ увидѣли, что сидятъ въ хорошемъ домѣ. Они хотѣли поблагодарить Бога, но Онъ исчезъ, и Его не могли найти.

Солнце уже поднялось довольно высоко, когда богатый проснулся; онъ отворилъ окно и видитъ, что тамъ, гдѣ находилась изба бѣдняка, стоитъ новый, красивый домъ. Онъ былъ изумленъ и, когда пришелъ въ себя, позвалъ жену и сказалъ:

— „Иди, посмотри, что случилось у нищаго нашего сосѣда: вчера у нихъ стояла изба, а сегодня, на мѣсто ея, новый домъ. Разузнай, въ чемъ дѣло?“

Жена побѣжала къ сосѣду и спросила его о новомъ ихъ домѣ. Крестьянинъ рассказалъ все, какъ было. Жена богача, возвратившись къ мужу, передала ему слова крестьянина. Мужъ сказалъ на это:

— „Ахъ, если бы я зналъ все это раньше!.. Вѣдь этотъ странникъ прежде пришелъ ко мнѣ, а я его не принялъ...“

— „Садись на лошадь“, сказала жена „и поскорѣе поѣзжай, за нимъ; какъ его догонишь, пригласи его къ намъ: можетъ быть тогда и твои желанія онъ исполнитъ“.

Богатый сейчасъ же осѣдлалъ свою лошадь и отправился за Богомъ, догнавъ его, слѣзъ съ лошади, три раза поклонился и сказалъ:

— „Прошу извиненія за то, что я вчера не принялъ Тебя: я пошелъ искать ключъ нашего дома, чтобы впустить Тебя, но когда вернулся, увидѣлъ, что Тебя уже нѣтъ. На обратномъ пути прошу ночевать у насъ“.

— „Хорошо“, сказалъ Всемилостивый, „въ слѣдующій разъ такъ и сдѣлаю“.

Богатый тогда сказалъ:

— „Я имѣю три желанія, какъ мой сосѣдь“.

— „Проси, чего хочешь!“ отвѣчалъ ему странникъ: „Поѣзжай домой, и твои три желанія исполнятся“.

Богатый съ большою радостью сѣлъ на лошадь и отправился домой. Но на дорогѣ лошадь его остановилась, поднялась на дыбы и не хотѣла итти впередъ. Богатый сильно разсердился, билъ ее плетью и всердцахъ сказалъ:

— „Чтобъ ты издохла!“

Лошадь сейчасъ же упала на землю и издохла. Такъ и исполнилось первое желаніе богача. Онъ взялъ сѣдло на спину и отправился домой пѣшкомъ.

Дорога была песчаная, а день былъ очень жаркій. Онъ съ большимъ трудомъ шелъ впередъ. Тутъ вспомнилъ онъ, что у него остается еще два желанія, и далъ себѣ слово, что онъ будетъ просить только о хорошихъ вещахъ. Въ это время вдругъ онъ вспомнилъ свою жену и подумалъ: „Я иду по такому знойному песку и на спинѣ несу тяжелую ношу, а жена теперь сидитъ въ комнатѣ и веселится!“ Тутъ богатый мысленно позавидовалъ женѣ и сказалъ:

— „Чтобъ ей съ этого сѣдла не встать!“

Едва онъ произнесъ эти слова, какъ вдругъ улетѣло его сѣдло. Такимъ образомъ его второе желаніе также исполнилось. Онъ скорѣе прибѣжалъ домой, чтобы придумать третье желаніе, но, когда отворилъ дверь комнаты, увидѣлъ, что жена сидитъ въ сѣдлѣ и плачетъ. Она хотѣла встать, но не могла. Мужъ сказалъ:

— „Сиди смирно, зато я достану для тебя всевозможныхъ сокровищъ“.

— „Какая польза въ богатствѣ, когда я не могу двигаться?! Ты долженъ освободить меня!..“ воскликнула она.

Мужъ колебался: не зналъ, что дѣлать,—пожелать ли ея освобожденія или нѣтъ; но, слыша стоны и плачъ своей горячо любимой жены, онъ рѣшилъ, что лучшаго желанія

не можетъ быть, и пожелалъ ея освобожденія. Жена освобо-
дилась, поднялась съ мѣста и сказала:

— „Ты негодный человѣкъ!“ Она замѣтила колебаніе
мужа и перестала любить его.

Такъ былъ наказанъ богатый негостепріймный человѣкъ:
онъ лишился лошади, любви своей жены и мирной семейной
жизни, а сосѣдь его, послѣ посѣщенія его дома Богомъ, жилъ
долго и счастливо.

Записалъ ученикъ Камарлинскаго училища *Аршакъ*
Теръ-Хачатуровъ.

11. Преданіе о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ.

Однажды Іисусъ Христосъ, проходя по полю, увидѣлъ
трехъ человѣкъ, разговаривавшихъ между собою. Одинъ изъ
нихъ сказалъ:

— „Ахъ, какъ хорошо было-бы, если бы всѣ эти камни
обратились въ барановъ, овецъ, козъ и въ другую скотину;
я сталъ бы пасти ихъ! Какъ бы я жилъ счастливо, и какъ
я не щадилъ бы своего добра ни для кого!“

— „А я желалъ бы“, сказалъ другой: „чтобы это поле обра-
тилось въ прекрасный виноградный садъ и принадлежало мнѣ.
Я жилъ бы тамъ и не жалѣлъ бы ни для кого своего добра!“

— „Я“, сказалъ третій, „желалъ бы имѣть прекрасную,
добрую жену, съ которой жилъ бы, дѣтей наживалъ и Бога
хвалилъ!“

Услышавъ этотъ разговоръ, Іисусъ подошелъ къ нимъ и
спрашиваетъ:

— „О чемъ вы такъ горячо разговариваете, добрые
люди?“

И каждый изъ нихъ началъ говорить о своемъ желаніи.
Выслушавъ всѣхъ, Іисусъ сказалъ первому, желавшему стада:

— „Подыми этотъ посохъ и паси стадо свое!“

И, дѣйствительно, предъ челоуѣкомъ на землѣ очутился пастушій посохъ; и не успѣлъ онъ поднять этотъ посохъ, какъ всѣ камни обратились въ барановъ, овецъ, козъ и другую домашнюю скотину и своими голосами начали оглашать воздухъ.

— „Вотъ твой желанный садъ, войди въ него и владѣй имъ!“ сказалъ Иисусъ второму, желавшему сада, указывая рукой на поле, обратившееся при этомъ въ огромный садъ, съ прекраснымъ домомъ внутри.

— „Вотъ ѣдетъ твоя невѣста: иди, возьми ея лошадь за узду и введи невѣсту въ домъ свой!“

И правда, толпа провожала невѣсту съ зурной и барабаномъ. Челоуѣкъ пошелъ, схватилъ лошадь за узду и хотѣлъ вести невѣсту въ свой домъ, но толпа сопротивлялась ему, говоря, что невѣста не ему принадлежитъ. Иисусъ въ другомъ образѣ подошелъ къ нимъ и говоритъ:

— „О чемъ вы спорите, добрые люди?“

Тутъ толпа начала жаловаться ему на неизвѣстнаго ей челоуѣка.

— „Зачѣмъ же такъ спорить изъ-за пустяковъ!“ говоритъ Спаситель. „Пускай женихъ и этотъ челоуѣкъ идутъ по разнымъ направлениямъ, и за кѣмъ изъ нихъ послѣдуетъ лошадь съ невѣстою, тому и будетъ принадлежать невѣста!“

Совѣтъ этотъ всѣмъ понравился. Лошадь пошла за незнакомцемъ.

— „Видно Богу такъ угодно!“ говорили люди и весело проводили невѣсту въ домъ незнакомца.

Прошло послѣ этого нѣсколько лѣтъ, и Иисусу захотѣлось узнать, какъ эти люди исполняютъ свое обѣщаніе. Пришелъ Онъ сперва къ пастуху и попросилъ у него молока. Пастухъ взялъ посуду, подоилъ козу и далъ Иисусу козьяго молока.

— „Дай мнѣ овечьяго молока!“ сказалъ ему Іисусъ.

— „Это и есть овечье молоко!“ сказалъ пастухъ, обманывая Іисуса.

— „Нѣтъ, это не овечье, а козье молоко; дай мнѣ овечьяго!“

— „Другого молока у меня нѣтъ!“ отвѣтилъ сурово пастухъ.

— „Въ такомъ случаѣ да обратишься ты со своимъ стадомъ въ камни!“ изрекъ Спаситель.

Едва произнесъ Онъ послѣднее слово, какъ пастухъ и стадо его окаменѣли на мѣстѣ. Каменный пастухъ стоялъ, облокотясь на каменный посохъ и держа въ рукахъ каменную же посуду.

Затѣмъ пошелъ Іисусъ къ садовнику, сталъ у дверей въ образѣ нищаго и началъ просить милостыни. Садовникъ приказалъ прогнать нищаго, а нищій все-таки продолжалъ стоять у дверей и просилъ хоть кисть винограда, которымъ огромный садъ былъ полонъ. Разсерженный хозяинъ взялъ тогда на половину объѣденную кисть и бросилъ ее нищему.

— „Да обратится садъ этотъ въ лѣсъ, а ты въ медвѣдя!“ произнесъ Іисусъ.

И тотчасъ же исполнилось Его повелѣніе. Съ тѣхъ поръ и стали водиться на землѣ медвѣди.

Оттуда отправился Іисусъ къ третьему человѣку, желавшему имѣть кроткую жену. Человѣкъ этотъ работалъ въ полѣ, когда Спаситель подошелъ къ нему и сказалъ:

— „Добрый крестьянинъ, не примешь ли ты гостя?“

— „Божьяго гостя кто не приметъ?!“ сказалъ радушно крестьянинъ: „Ступай въ домъ мой! Воиъ тамъ онъ въ селѣ, и жена моя угоститъ тебя, а потомъ и я приду домой“.

Пошелъ Іисусъ въ домъ крестьянина и, не желая поставить его жену въ неловкое положеніе *), скрылся въ хлѣ-

*) У армянъ женщины скрываются отъ постороннихъ мужчинъ.

вѣ. Вечеромъ пришелъ крестьянинъ домой и спрашиваетъ жену, гдѣ гость. Жена отвѣчаетъ, что никакого гостя не видѣла. Мужъ началъ порицать ее за то, что она прогоняетъ принятыхъ имъ гостей. Потомъ онъ пошелъ, взялъ быка, повелъ его въ хлѣвъ и неожиданно встрѣтилъ тамъ гостя.

— „Зачѣмъ же ты не пожаловалъ ко мнѣ въ домъ? Пойдемъ, пойдемъ поскорѣй!“ сказалъ обрадованный крестьянинъ, взявъ гостя за руку и ведя къ себѣ въ домъ.

Немедленно онъ зарѣзалъ для гостя единственнаго быка своего и приготовилъ разныя кушанья; затѣмъ онъ послалъ старшаго сына за виномъ. Чтобъ испытать вѣру крестьянина, Іисусъ сдѣлалъ такъ, что сынъ его споткнулся и упалъ въ кувшинъ вина. Ждетъ крестьянинъ сына, ждетъ и, не дождавшись, посылаетъ за нимъ жену, жена возвращается со слезами и рассказываетъ о смерти сына.

— „Не плачь“, говоритъ мужъ: „Богъ далъ, Богъ и взялъ, не на кого жаловаться!“

Іисусъ всталъ, подошелъ къ мертвому мальчику, дотронулся до него и говоритъ ему:

— „Проснись, мальчикъ!“

Мальчикъ тотчасъ же ожилъ. Послѣ того, когда начали ѣсть быка, по приказанію Христа, были собраны всѣ кости его, и изъ нихъ Іисусъ создалъ опять быка, а вода, которою мыли ноги и руки Христа, обратилась вся въ золото. На другой день проснулись крестьянинъ и жена его и видятъ, что гостя нѣтъ, а всѣ бревна ихъ дома обратились въ золото и серебро и горятъ, какъ жаръ. Такъ благословилъ Христосъ домъ честнаго и добродушнаго хозяина.

Записалъ въ г. Баку со словъ Ануши Бабалянъ воспитанникъ Закавк. учит. семинаріи *А. Бабалянъ*.

12. Преданіе объ албанскомъ царѣ Вачаганѣ.

Въ былыя времена столичнымъ городомъ Албаніи былъ Партавъ; нынѣ онъ разрушенъ, и на мѣстѣ его—селеніе Бардай *). Городъ этотъ находился между нынѣшними Елисаветополемъ и Шушою, на рѣкѣ Тертеръ.

Царемъ этой страны нѣкогда былъ Ваче, имѣвшій единственнаго сына Вачагана. Вачагану только-что исполнилось двадцать лѣтъ. Онъ былъ высокъ и строенъ, но нѣсколько слабъ и худощавъ. Задумчивое лицо его было такъ привлекательно и мило, что ни одинъ красавецъ не могъ съ нимъ сравниться. Будучи воспитанъ въ религіозномъ духѣ, подъ руководствомъ учениковъ Месропа, онъ думалъ послѣдовать примѣру своихъ учителей: удалиться въ монастырь и посвятить себя проповѣди и воспитанію молодежи. Однако родители Вачагана не могли на это дать своего согласія: онъ былъ единственнымъ наслѣдникомъ престола Албаніи. Для развлечения своего и для укрѣпленія тѣла Вачаганъ ежедневно ходилъ на охоту со своимъ вѣрнымъ слугою Вашнакомъ. Охота нерѣдко продолжалась по нѣскольку дней. По вечерамъ, пріютившись гдѣ-либо въ крестьянской избушкѣ, подъ видомъ любознательнаго странника, Вачаганъ знакомился съ бытомъ крестьянъ и узнавалъ ихъ нужды; онъ слѣдилъ за дѣйствіями судей, удалялъ взяточниковъ съ занимаемыхъ ими постовъ и т. п. Проводя время на охотѣ и переѣзжая изъ одного мѣста въ другое, Вачаганъ почувствовалъ благотворное вліяніе природы на его здоровье: онъ окрѣпъ и тѣломъ и духомъ. Угрюмость, задумчивость и мечтательность уступили мѣсто веселому настроенію духа и живости.

Близко познакомившись съ нуждами народа, онъ узналъ,

*) Оно находится на рѣкѣ Тертеръ, недалеко отъ впаденія ея въ Куру; имѣетъ татарское населеніе, не многимъ болѣе 300 человекъ.

какую пользу можетъ принести царь своей странѣ, и постепенно покидалъ мысль объ отшельничествѣ, для котораго раньше готовъ былъ бросить свое наслѣдство, если бы это не было противно волѣ его отца. Юношеское сердце Вачагана уже готово было вспыхнуть яркимъ пламенемъ любви и только ожидало благоприятнаго случая, который и не замедлилъ представиться.

Однажды, во время охоты, Вачаганъ съ Вашнакомъ, утомленные зноемъ и усталые, забрели въ одну деревню и расположились около родника отдохнуть. У родника толпились деревенскія дѣвушки, пришедшія съ кувшинами за водой. Вачаганъ попросилъ у нихъ напитокъ. Одна изъ дѣвушекъ уже собралась поднести кувшинъ съ холодною водою, какъ другая выхватила его у нея, вылила всю воду, сама снова наполнила кувшинъ и опять вылила. У Вачагана отъ жажды во рту пересохло, онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда, наконецъ, ему удастся утолить жажду. Но незнакомка объ этомъ, по видимому, мало заботилась; казалось, она даже подтрунивала надъ нимъ: набирала и опять выливала воду, и это повторяла нѣсколько разъ.

Наконецъ она подала кувшинъ Вачагану.

Вачаганъ съ жадностью утолилъ мучительную жажду, передалъ кувшинъ своему спутнику, а самъ заговорилъ съ дѣвицей: онъ спрашивалъ ее, почему она заставила его такъ долго ждать, — не думала ли она посмѣяться надъ нимъ или досадить ему.

Дѣвица отвѣчала:

— „Неприлично смѣяться надъ незнакомымъ молодымъ человекомъ, досаждать же кому бы то ни было неумѣстно, въ особенности, когда просятъ воды; настоящая причина моего поступка, который вамъ показался такимъ страннымъ, совсѣмъ другая: видно было, что вы сильно устали и вспотѣли, а напитокъ въ это время холодной воды очень опасно, и я

не спѣшила подать вамъ кувшинъ, желая дать вамъ возможность хоть немножко отдохнуть“.

Вачаганъ былъ удивленъ разсудительнымъ отвѣтомъ дѣвицы, а еще больше ея красотой. Ея большіе черные глаза, полные огня, мило выглядывали изъ-подъ густыхъ рѣсницъ. Длинная коса, ниспадавшая съ обнаженной головы, широкій лобъ, носъ и губы, достойныя кисты художника, были ея природнымъ украшеніемъ. Одѣта она была просто: красная шелковая рубашка прикрывала ея стройное тѣло до босыхъ ногъ, бѣлыхъ, какъ снѣгъ, и вышитый камзолъ, застегнутый на всѣ пуговицы, обхватывалъ ея талію. Такова была наружность Анаиды. Черты лица и особенно таинственный взоръ ея очей окончательно плѣнили сердце Вачагана.

— „Какъ твое имя?“ спросилъ Вачаганъ.

— „Анаида“, отвѣтила та.

— „А кто твой отецъ?“

— „Мой отецъ сельскій пастухъ, зовутъ его Аранъ. А для чего тебѣ мое имя или имя моего отца?“ въ свою очередь спросила она.

— „Такъ себѣ; вѣдь, не грѣхъ же спросить?“ отвѣтилъ онъ.

— „Въ такомъ случаѣ, желала бы и я знать, кто ты?“

— „Правду тебѣ сказать или солгать?“

— „Какъ свойственно твоей натурѣ“, сказала дѣвушка.

— „Мнѣ свойственно говорить правду, но я теперь не могу сказать тебѣ ничего и даю слово, что черезъ нѣсколько дней ты узнаешь все“.

— „Хорошо“,— сказала Анаида, „позволь мнѣ кувшинъ мой,—я достану воды, если еще хотите пить.“

Царевичъ поблагодарилъ за любезность, Анаида же взяла кувшинъ и ушла.

Когда наши охотники возвращались домой, Вачаганъ спросилъ Вацнака:

— „Приходилось ли тебѣ видѣть такую красавицу въ нашей странѣ?“

— „Я, право, не замѣтилъ въ ней особой красоты“, отвѣтилъ Вашнакъ, „слышалъ только, что она дочь пастуха.“

— „У тебя чуткій слухъ; но ты не можешь похвалиться острымъ зрѣніемъ. Однако и твой слухъ вводитъ тебя въ заблужденіе.“

— „Но вѣдь дѣвица сама сказала, что ея отецъ пастухъ!“ возразилъ Вашнакъ.

— „Такъ что же изъ этого? Мнѣ кажется, что это обстоятельство ни на волосъ не уменьшаетъ ея достоинствъ, а, напротивъ, еще больше возвышаетъ ее въ моихъ глазахъ“.

— „Въ такомъ случаѣ, по вступленіи на престоль, учреди особый почетный пастушескій знакъ и имъ награждай своихъ князей и сановниковъ.“

— „Другъ мой, пастушескій знакъ до того высокъ, что никто его не достоинъ, за исключеніемъ царей и пастырей духовныхъ. Неужели ты не знаешь, что скипетръ въ рукахъ царя и посохъ у патріарха—пастырскіе знаки?“

— „Пастырскіе, но не пастушескіе.“

— „Это все равно. Самъ посуди, какое громадное сходство между царемъ и пастухомъ: пастухъ зорко слѣдитъ за беззащитными животными въ своемъ стадѣ; царь одинаково распространяетъ свою милость надъ каждымъ подданнымъ, кто бы онъ ни былъ. Вѣдь Авраамъ, Моисей и Давидъ были пастухами. Тебѣ должно быть извѣстно, что Богъ больше любилъ Іакова—тоже пастуха, чѣмъ Исава—такого же охотника, какъ мы съ тобой. Словомъ, всѣ пастухи, начиная съ Авеля, были люди праведные. Этотъ несчастный сельскій пастухъ, на котораго ты смотришь съ такимъ презрѣніемъ, и у котораго такая умная и красивая дочка, не долженъ составлять исключенія“.

— „Мнѣ ли вступать съ тобою въ пренія?!“ Отвѣтилъ на

эту рѣчь Вашнакъ, „ты обладаешь мощною рѣчью Месропа, ты можешь засыпать меня краснорѣчіемъ. Пусть будетъ по твоему,—пусть пастушеская дочка—красавица! Но будь она дочерью земледѣльца, ты, навѣрное, забылъ бы о Каинѣ и сталъ бы утверждать, что всѣ земледѣльцы, начиная съ Адама, были праведными людьми!“

— „Оставимъ шутки,“ замѣтилъ на это Вачаганъ „скажи по совѣсти, кто изъ двухъ красивѣе: Анаида или дочь нашего полководца, Варсеника?“

— „По моему ихъ невозможно сравнивать: Варсеника слыветъ красавицей среди княжёнъ; Анаида же красавица только среди крестьянокъ“.

— „А кто по твоему умнѣе?“

— „Я не взвѣшивалъ ихъ ума, но Варсеника прекрасно знаетъ, что вода изъ нашей рѣчки Тертеръ никому еще не вредила; потому, полагаю, она не стала бы, подобно Анаидѣ такъ долго мучить тебя, если бы ты вздумалъ просить у нея воды.“

— „Ты меня не любишь, Вашнакъ!“ воскликнулъ царевичъ.

— „Я все понимаю, дорогой мой царевичъ. У меня зрѣніе столь же остро, сколь чутокъ слухъ: влюбленный взоръ очаровательной Анаиды, какъ стрѣла, пронзилъ твое сердце и мнѣ страшно представить, что рана можетъ сдѣлаться неизлѣчимой“.

Вачаганъ болѣе не возражалъ. Они молча проѣхали остальную часть пути.

По возвращеніи домой царевичъ послѣ этого опять сталъ худѣть, сдѣлался задумчивъ и угрюмъ. Любовь овладѣла имъ всецѣло. Родители Вачагана сильно беспокоились и стали спрашивать царевича, чѣмъ онъ болѣнъ, но не могли ничего добиться отъ него. Со всего государства съѣзжались врачи, осматривали Вачагана, дѣлали всевозможныя предположенія, и ни одинъ изъ нихъ не могъ помочь царевичу.

Наконецъ, вѣрный слуга вспомнилъ о послѣдней охотѣ и встрѣчѣ царевича съ Анаидою. Онъ догадался, что царевичъ влюбленъ въ нее и потому такъ страдаетъ. Рѣшивъ, что царевичъ болѣнъ ничѣмъ другимъ, какъ этимъ, вѣрный слуга пошелъ къ царю и разсказалъ ему о встрѣчѣ царевича съ Анаидою.

Царь повѣрилъ слугѣ и, чтобы отвлечь вниманіе сына, предложилъ ему жениться на какой-либо царевнѣ. Но царевичъ отказался отъ предложенія отца и сказалъ, что онъ не можетъ жениться, такъ какъ всѣ царевны ненавистны ему. Конечно, отецъ не повѣрилъ его словамъ и предлагалъ ему то одну, то другую. Царевичъ, повидимому, совсѣмъ его не слушалъ и отъ всѣхъ отказывался. Отецъ, въ свою очередь, не отступалъ отъ Вачагана, и послѣдній рѣшился тогда признаться, что влюбленъ въ прекрасную дѣвицу Анаиду и потому не намѣренъ жениться на какой-либо царевнѣ. Ваче началъ упрекать Вачагана за такое своеволие и прибавилъ:

— „Если ужъ ты хочешь жениться, то выбирай себѣ невѣсту не изъ пастушекъ, а изъ равныхъ себѣ дѣвицъ. Въ противномъ случаѣ я не позволю тебѣ жениться.“

Такой отвѣтъ отца не только не ослабилъ, а, напротивъ, еще больше усилилъ любовь Вачагана къ Анаидѣ, и онъ рѣшился или умереть, или жениться на своей возлюбленной.

Съ того дня Вачаганъ совершенно отказался отъ пищи и, мечтая о своей прекрасной Анаидѣ, не чувствовалъ голода. Въ такомъ положеніи Вачаганъ провелъ нѣсколько дней и до того ослабѣлъ, что не могъ встать съ кровати. Отецъ видѣлъ всѣ страданія своего сына, и его родительское сердце не могло остаться равнодушнымъ. Послѣ долгихъ колебаній, онъ рѣшилъ лучше женить сына на простой дѣвицѣ, чѣмъ лишиться единственнаго возлюбленнаго наслѣдника своего престола. Высказавъ свое согласіе сыну, Ваче отправился съ

вѣрнымъ слугою Вашнакомъ и придворными къ пастуху просить руки его дочери.

Такой оборотъ дѣла благотворно повліялъ на здоровье царевича, и онъ скоро совершенно выздоровѣлъ.

Когда царь съ придворными подѣхалъ къ избушкѣ Арана и остановился, изъ нея вышелъ пастухъ и попросилъ гостей отдохнуть на балконѣ. Пастухъ послѣшно вынесъ коверъ и постлалъ его на полъ, чтобы на немъ расположились гости. Взглянувъ на коверъ, Ваче удивился и не могъ понять, откуда взялся у бѣднаго пастуха такой дорогой коверъ; какого нельзя было найти во всемъ государствѣ, Ваче интересно было узнать, гдѣ пастухъ досталъ этотъ коверъ, и онъ спросилъ объ этомъ хозяина. Пастухъ смиренно отвѣчалъ, что это самый плохой коверъ изъ тѣхъ, которые соткала его дочь, и что у него есть нѣсколько ковровъ, которые гораздо лучше этого. Въ доказательство своихъ словъ, пастухъ велѣлъ своей дочкѣ вынести нѣсколько ковровъ лучшей работы.

Когда царь и придворные разсмотрѣли ковры и увидѣли красоту и милость Анаиды, они невольно сознались, что выборъ царевича, дѣйствительно, былъ хорошъ, и царь тутъ же объявилъ пастуху, что они пріѣхали сватать его дочь за царевича Вачагана.

— „Если Анаида согласится вступить въ бракъ съ царевичемъ, то я буду очень радъ“, отвѣчалъ пастухъ, „а не будетъ согласія съ ея стороны; то принуждать не стану“.

Послѣ этого онъ позвалъ Анаиду и передалъ ей предложеніе царя.

— „Знаетъ ли мой женихъ какое-нибудь ремесло?“ спросила Анаида.

— „Онъ мой наслѣдникъ“, отвѣчалъ на это царь, „я скоро умру, и онъ займетъ мое мѣсто и будетъ управлять народомъ... Царю не надо знать никакого ремесла; ему и безъ того будетъ хорошо“.

Но Анаида стояла на своемъ и рѣшительно объявила, что не пойдетъ за царевича, пока онъ не выучится какому-либо ремеслу. Послѣ того Анаида поклонилась царю и ушла въ избушку. Царь и придворные удивились такому отвѣту и не знали, что дѣлать. Наконецъ они вернулись домой и рассказали обо всемъ царевичу.

Какъ только Вачаганъ узналъ отвѣтъ Анаиды, сейчасъ же, не задумавшись, поѣхалъ учиться ткать зарбабъ*). Цѣлый годъ съ усердіемъ учился Вачаганъ и сдѣлался искуснымъ мастеромъ. По окончаніи ученія, онъ соткалъ прекрасную скатерть и послалъ ее въ подарокъ Анаидѣ, въ доказательство того, что онъ умѣетъ ткать зарбабъ.

Увидѣвъ работу Вачагана, Анаида съ радостью сказала:

— „Вотъ теперь я могу спокойно выйти за Вачагана, и увѣрена, что въ нашей жизни не будетъ такого препятствія, которое мы не могли бы преодолѣть терпѣніемъ и трудомъ! Одинъ Богъ знаетъ, что насъ ждетъ впереди“.

Скоро царевичъ устроилъ свадьбу. Она продолжалась цѣлый мѣсяцъ. Молодые супруги стали жить въ любви и спокойствіи.

Ваче скоро скончался и уступилъ свое мѣсто Вачагану, у котораго тогда было уже два сына.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ мирной супружеской жизни, когда ихъ дѣти подросли и уже учились, Анаида сказала однажды своему мужу:

— „Какой ты царь, когда ни разу не объѣхалъ и не осмотрѣлъ своего государства! Ты не знаешь, гдѣ народу живетъ хорошо и гдѣ плохо, гдѣ и чѣмъ больше занимается твой народъ; не знаешь расположенія городовъ, ихъ состоянія и т. п. Тебѣ не мѣшало бы отправиться попутешествовать и осмотрѣть свое государство“.

*) Шелковая матерія, вышитая золотомъ.

— „Ты правду говоришь“, отвѣтилъ Вачаганъ, „я уже объ этомъ думалъ и завтра же отправлюсь ровно на восемь мѣсяцевъ“.

На другой день Вачаганъ распрощался съ женой и дѣтьми и отправился въ путь-дорогу.

Проѣхавши нѣсколько городовъ, Вачаганъ встрѣтилъ монастырь. О немъ рассказывали, что всѣ иноки, поступившіе въ этотъ монастырь, пропадали безъ вѣсти. Вачаганъ захотѣлъ узнать, куда дѣваются эти иноки, и потому поступилъ на время инокомъ въ этотъ монастырь. Двѣ недѣли провелъ Вачаганъ въ монастырѣ и ничего дурного не видѣлъ. Онъ совершенно не могъ понять, куда дѣвались въ этомъ монастырѣ иноки. Но, наконецъ, загадка для него разрѣшилась сама собою.

Однажды къ Вачагану подошелъ игумень монастыря, похвалилъ его за строгое исполненіе церковныхъ обрядовъ и нашель, что Вачагана надо перевести за усердіе въ другой, болѣе уединенный монастырь.

Въ этотъ же день Вачаганъ съ нѣсколькими иноками былъ отправленъ въ другой монастырь, находившійся въ глухомъ лѣсу, недалеко отъ перваго. Этотъ монастырь представлялъ совершенную противоположность первому. вмѣсто приличной ограды, здѣсь были стѣны, какъ въ тюрьмѣ; вмѣсто церкви и келій, здѣсь было какое-то подземелье, въ которое проходилъ свѣтъ черезъ маленькое отверстіе. вмѣсто иконъ и крестовъ, украшающихъ церкви, здѣсь валялись окровавленные человѣческія головы, руки и ноги. При видѣ этого ужаснаго зрѣлища, у Вачагана волосы стали дыбомъ, и онъ упалъ безъ чувствъ на землю.

Долго лежалъ Вачаганъ въ такомъ состояніи, и никто не подумалъ оказать ему помощь; наконецъ онъ очнулся. Въ его головѣ возникало множество предположеній о томъ, какъ освободиться изъ этого ужаснаго подземелья, только ни на

какомъ онъ не могъ остановиться. Онъ видѣлъ, какъ предъ его глазами каждый день зарѣзывали по нѣскольку человѣкъ, не обращая вниманія на ихъ мольбы, стоны и проклятья. Вачаганъ злился на самого себя и на этихъ безжалостныхъ злодѣевъ: они безъ малѣйшаго сожалѣнія рѣзали заключенныхъ по очереди и мясо отправляли въ гостинницу, гдѣ изъ него приготовляли разныя кушанья; между тѣмъ Вачаганъ не только не могъ оказать помощи несчастнымъ, но даже ничего не могъ сдѣлать и для самого себя.

Восемь мѣсяцевъ давно уже прошло, и царица начала беспокоиться о супругѣ. Такъ какъ она не получала отъ Вачагана извѣстій, то послала вѣрнаго слугу, Вашнака, отыскать царя. Ему удалось узнать, что Вачаганъ отправился въ монастырь, и что потомъ прекратились всѣ слухи о немъ; поэтому Вашнакъ самъ поѣхалъ въ монастырь и тоже поступилъ въ иноки. Его постигла та же участь, и онъ также попалъ въ подземелье. Здѣсь онъ сразу нашелъ глазами того, кого искалъ. Царь же не узналъ своего вѣрнаго слугу.

Когда, въ одну изъ тяжелыхъ минутъ, царь сидѣлъ задумавшись, къ нему подошелъ вѣрный слуга и началъ вызывать его на разговоръ.

— „Какъ тяжело и грустно смѣтрѣть на эту картину!“ сказалъ онъ. „Я вспомнилъ одинъ случай, надъ которымъ прежде смѣялся, а теперь вполне его цѣню и одобряю“.

Тутъ онъ разсказалъ царю о томъ, какъ Анаида заставила царевича изучить хоть одно ремесло прежде, чѣмъ согласилась выйти замужъ.

— „Вотъ, если бы этому человѣку пришлось попасть въ такое положеніе, какъ мы, то ему не пришлось бы такъ скучать. Онъ попросилъ бы у этихъ жадныхъ людей работы, и они, изъ корыстныхъ видовъ, непременно исполнили бы его просьбу. За работой время проходитъ незамѣтно, и съ ея помощью можно было бы, пожалуй, и выбраться отсюда“.

— „Случай, который ты рассказал, был со мною, и я тотъ самый царь Вачаганъ, а Анаида моя жена“.

— „Я давно узналъ тебя, но ты не узналъ своего вѣрнаго слугу. Я нарочно началъ рассказывать тебѣ твою исторію, предполагая, что ты узнаешь меня, но ты все-таки не узналъ меня, а я вѣдь пришелъ отыскать тебя“....

Царь обрадовался такой неожиданной встрѣчѣ, обнялъ Вашнака, поцѣловалъ его и поблагодарилъ за вѣрность. Вашнакъ продолжалъ:

— „Я придумалъ хитрость, посредствомъ которой намъ, можетъ быть, удастся выбраться изъ этого ужаснаго подземелья. Попроси у хозяина шелку и золота и сотки ему для продажи скатерть. На той скатерти ты можешь выткать хитрымъ узоромъ извѣстіе о своемъ положеніи, такъ, что хозяинъ ничего не разберетъ. Если та скатерть попадетъ въ руки царицы, то она, разсматривая узоръ, замѣтитъ буквы и, прочитавъ, узнаетъ о твоёмъ положеніи. Тогда она пошлетъ сюда войско и выручитъ насъ изъ бѣды.“

Царь рѣшилъ сдѣлать по совѣту вѣрнаго слуги и на другой же день предложилъ хозяину свои услуги:

— „До меня еще не скоро дойдетъ очередь“, сказалъ онъ „а я безъ дѣла не могу сидѣть. Дай мнѣ шелку и золота: я искусный ткачъ и сотку тебѣ скатерть, которую ты можешь продать за хорошую цѣну.“

Хозяинъ былъ человѣкъ жадный и потому съ удовольствіемъ принялъ предложеніе Вачагана. Скатерть скоро была готова, и Вачаганъ, передавая ее хозяину, посоветовалъ продать самой царицѣ, потому что она знаетъ цѣну такихъ издѣлій и, конечно, дастъ за нее больше денегъ, чѣмъ кто-либо другой.

Хозяинъ сейчасъ же отправилъ скатерть царицѣ. Анаида увидѣла хорошую работу, купила ее и внесла въ комнату. Когда скатерть лежала на столѣ, Анаида же пошла въ

другую комнату за деньгами, дѣти начали разсматривать скатерть. Старшій сынъ Вачагана замѣтилъ на ней нѣчто вроде буквъ. Всмотрѣвшись хорошенько, онъ убѣдился, что рисунокъ скатерти состоялъ изъ переплетенныхъ между собою буквъ. Онъ позвалъ мать и указалъ ей на свое открытіе. Анаида начала разбирать буквы и, къ своему удивленію, узнала, что это письмо отъ ея мужа, и въ немъ послѣдній проситъ избавить его отъ неминуемой смерти.

Прочитавъ письмо, царица разгнѣвалась на злодѣевъ и, схвативъ мечъ, одного продавца убила, а другого велѣла связать и посадить въ тюрьму. Потомъ она собрала войско и отправилась освободить мужа, заставивъ оставшагося въ живыхъ продавца показывать дорогу. Царица переодѣлась въ одежду мужа и ѣхала съ войскомъ верхомъ. Такъ какъ войско шло тихо, то царица оставила его и ускакала впередъ.

Подѣхавъ къ монастырю, царица слѣзла съ коня, выхватила изъ ноженъ мечъ и начала рубить всѣхъ встрѣчавшихся монаховъ. Послѣдніе увидѣли, что дѣло плохо, и, взявъ кресты, начали осѣнять царицу крестнымъ знаменіемъ и читать молитвы отъ нападенія нечистаго духа. Лицемѣріе монаховъ еще больше взбѣсило гнѣвную царицу, и она безъ пощады перерѣзала всѣхъ монаховъ и оставила только одного, которому и приказала показать мѣсто, гдѣ находился царь и другіе несчастные заключенные у нихъ люди. Пришедши къ подземелью, Анаида убила и проводника и начала рубить мечомъ двери, за которыми находились несчастные мученики. Она прорубила уже пять дверей и никого не встрѣтила. Силы измѣняли ей: она боялась упасть въ обморокъ и умереть, не достигнувъ своей цѣли. Собравшись съ послѣдними силами, стала она рубить шестую дверь, но, прорубивъ небольшое отверстіе, упала отъ изнеможенія на полъ и лишилась чувствъ.

Однако труды царицы не пропали даромъ. За шестую

дверью сидѣли заключенные. Они въ недоумѣніи стали выглядывать въ прорубленное отверстіе. Царь тоже выглянулъ и увидѣлъ на полу лежащаго безъ признаковъ жизни вооруженнаго человѣка. Онъ сейчасъ же догадался, что это пришелъ за нимъ освободитель, и посоветовалъ своимъ товарищамъ доломать общими силами дверь и привести въ чувство своего избавителя. Заключенные съ радостью приняли предложеніе, и дверь въ одну минуту очутилась подъ ихъ ногами.

Приводя въ чувство своего избавителя, Вачаганъ узналъ въ немъ свою жену. Анаида скоро очнулась, и радости обоихъ не было конца. Всѣ обреченные на смерть, товарищи Вачагана по заключенію, со слезами на глазахъ благодарили царя съ царицею за свое избавленіе.

Въ то время къ подземелью подошло войско и, узнавъ, что всѣ уже освобождены царицею, съ радостными кликами встрѣтило вышедшихъ изъ подземелья царя съ царицею.

Вачаганъ съ Анаидою долго еще послѣ этого царствовали.

Записалъ со словъ Маріи Ханаговой въ урочищѣ
Дешлагаръ, Дагестанской области, воспитанникъ
Закавк. учит. семинаріи *И. Момтевъ.*

13. Въ пещерѣ.

Когда то по одной гористой тропинкѣ шли трое путниковъ. День былъ ясный, на небѣ не видно было облаковъ. Они шли уже двое сутокъ, и съ ними никакого приключенія не случилось. Но вотъ на третій день погода измѣнилась: вдали разыгралась гроза и шла къ нимъ; молнія чаще и чаще сверкала въ черной тучѣ; поднялась буря, отъ которой гнулись къ землѣ растенія; черезъ нѣсколько минутъ, точно небо разорвалось, полилъ страшный ливень и промочилъ нашихъ путниковъ до костей.

Къ счастью въ сторонѣ отъ тропинки они замѣтили пещеру, которая служила пастухамъ въ качествѣ овчарни: сюда они и вошли. Въ этой пещерѣ лежалъ подъ ногами толстымъ слоемъ овечій пометъ; они сгребли его въ кучу, достали огниво, кремень и туть, развели огонь и присѣли вокругъ него, чтобы просушиться. Обсушивши нѣсколько свое платье, они достали изъ сумокъ съѣстное и принялись закусывать, дожидаясь прекращенія дождя, дабы продолжать путь.

Казалось, что дождь переставалъ; но вдругъ раздался подземный гулъ и послѣдовалъ ударъ, отъ котораго содрогнулась земля: то было землетрясеніе; потерявъ равновѣсіе, камни срывались съ окружающихъ высотъ и съ грохотомъ низвергались въ долину, и вотъ одна громадная каменная глыба, сорвавшаяся съ вершины горы, съ грохотомъ и шумомъ подкатилась ко входу въ пещеру и остановилась здѣсь, плотно закрывъ его.

Злосчастные путники остолбенѣли отъ ужаса, понявъ свое положеніе и предчувствуя неизбѣжную гибель. Невольныя слезы полились изъ глазъ у нихъ при такомъ безвыходномъ положеніи: помочь себѣ они не могли... Безмолвно бросали они другъ на друга взгляды отчаянія. Такъ прошло нѣсколько минутъ, казавшихся имъ вѣчностью. Молчаніе было прервано однимъ изъ товарищей, человѣкомъ бывалымъ, убѣленнымъ уже сѣдинами; онъ сказалъ своимъ спутникамъ:

— „Друзья! видно, мы согрѣшили передъ Богомъ, что Онъ такъ караетъ насъ! Мы недавно случайно сошлись на пути, и прошлая жизнь каждого изъ насъ неизвѣстна другому; быть можетъ въ ней скрыто нѣчто весьма противное заповѣдямъ Божиимъ, за что всевѣдущій Богъ и ниспослалъ намъ такое наказаніе и судилъ погибнуть такою лютою смертью! Братья, давайте по очереди откровенно расскажемъ свое прошлое: если въ немъ у кого-нибудь изъ насъ

найдется что-либо противное Господу Богу, то всё вместе постараемся вымолить у Него прощение. Я полагаю, любезные товарищи, что если наши мольбы будутъ чистосердечны и съ вѣрой, то мы опять увидимъ свѣтлый Божій день и темную ночь... Кроме того, пусть это будетъ для насъ предсмертною исповѣдью, послѣ покаянія не страшно будетъ и умереть хотя бы и въ этомъ каменномъ гробу, вдали отъ дорогихъ намъ сердецъ“.

Всѣ согласились на это предложеніе. По жребію, первымъ пришлось рассказывать младшему изъ нихъ по лѣтамъ, который началъ такъ:

— „Мнѣ теперь сорокъ лѣтъ. До пятнадцати лѣтъ я жилъ на попеченіи отца, какъ говорится, припѣваючи, не зналъ ни горя, ни заботъ. Съ этого же возраста я сталъ мало по малу помогать отцу въ работахъ. Отецъ мой былъ чловѣкъ небогатый, а семья у него была большая: самъ-отецъ, мать, четыре сестры да я, всего семь душъ. На шестнадцатомъ году старшая сестра вышла замужъ за одного добраго и неглупаго молодого чловѣка; затѣмъ, черезъ два года— вторая, а черезъ годъ послѣ второй и третья; младшая же сестра простудилась, слегла въ постель и, такъ, видно, угодно было Господу, скончалась. Мы всё оплакивали ея смерть. Но всякое горе забывается: сначала сестры и отецъ перестали плакать о ней, хотя мать еще продолжала вспоминать ее, и мы часто заставляли ее въ слезахъ... Но, наконецъ, и она перестала плакать о ней. Мнѣ тогда было лѣтъ двадцать. Отецъ съ матерью рѣшили женить меня, а я, конечно, не противился ихъ желанію. Они выбрали для меня невѣсту—молоденькую и красивую, дочь нашего сосѣда, которую я безпредѣльно полюбилъ за ея доброту и кротость. Сыграли нашу свадьбу; пѣпировали, какъ слѣдуетъ. Черезъ три года Господь осчастливилъ насъ близнецами: дѣвочкой и мальчикомъ. Съ этого времени наша жизнь потекла въ пол-

ной радости и благополучіи: всего было вдоволь; отецъ и я нашими заработками обезпечивали семью; мать и жена хозяйничали дома, а дѣти всѣхъ насъ забавляли своими невинными играми и болтовней.

Но прошло нѣсколько лѣтъ, и насъ постигло непоправимое горе. Это было зимою. Разъ отецъ, возвращаясь домой изъ сосѣдняго городка, куда онъ ходилъ на заработки, былъ застигнутъ снѣжною бурей, сбился съ дороги, выбился изъ силъ и не вдалекѣ отъ нашей деревни завязъ въ сугробѣ, гдѣ его и занесло снѣгомъ. Къ счастью, въ тотъ день нѣкоторые изъ нашихъ сосѣдей возвращались домой изъ лѣсу, куда ѣздили за дровами. Они при себѣ имѣли дворняжку, которая почувала въ снѣгу близъ дороги человѣка и начала разгребать лапами снѣгъ. Мужики же, заподозривъ присутствіе человѣка, принялись раскапывать снѣгъ и скоро нашли подъ нимъ моего отца, окоченѣлаго отъ холода, и на своихъ санкахъ привезли домой. Дома, послѣ многихъ хлопотъ и усилій, мы привели его въ чувство,—отецъ ожилъ; но вполнѣ оправиться онъ не могъ уже: онъ сталъ говорить дурно, съ заиканіемъ, и, въ добавокъ, правая нога его, которая раньше страдала ревматизмомъ, совершенно онѣмѣла отъ озноба, и бѣдный отецъ не только сдѣлался жертвой постояннаго мученія, но сталъ совершенно неспособнымъ къ работѣ и при ходьбѣ опирался на палку.

Съ этого времени наше житье-бытье постепенно стало ухудшаться: мать ухаживала за больнымъ отцомъ, жена одна едва управлялась съ хозяйствомъ, а я теперь долженъ былъ зарабатывать и на долю отца; между тѣмъ семья увеличилась еще однимъ членомъ,—дочерью, которая родилась у насъ. Черезъ нѣсколько времени я обнищаль. Но роптать на жизнь нельзя было: родители могли бы оскорбиться напоминаніемъ о нашѣмъ жалкомъ положеніи. Мы, съ женой, старались усладить, чѣмъ могли ихъ жизнь. Ежедневно, по воз-

вращеніи съ работы, жена подносила приготовленную пищу цѣликомъ родителямъ, а родители, въ свою очередь, были внимательны къ намъ и безъ меня никогда не сажались за ужинъ. По окончаніи ужина родители всѣхъ насъ благословляли передъ отходомъ ко сну, мы же, въ знакъ признательности, цѣловали ихъ похудѣвшія руки.

Видно, Господу угодно было наше попеченіе о родителяхъ: ежегодно Онъ благословлялъ мое поле, и оно давало мнѣ столько хлѣба, сколько нужно было для удовлетворенія моихъ нуждъ. Такъ я содержалъ своихъ родителей до смерти ихъ, исполняя заповѣдь Господа, гласящую: „Чти отца и мать твою, да блаженъ будешь на землѣ и на небѣ“.

Вотъ, господа, я открылъ вамъ все мое прошлое... Судите сами, есть ли въ немъ что-нибудь противное заповѣданъ Божиимъ!..“

Послѣ этихъ словъ на нѣкоторое время воцарилось глубокое молчаніе; затѣмъ всѣ-трое бросились на колѣни и, спутники рассказчика, простирая руки кверху, со слезами на глазахъ, воскликнули:

— „Боже! не губи насъ грѣшныхъ, ибо среди насъ нашелся человекъ, честно исполнившій свои обязанности, по отношенію къ своимъ родителямъ“...

Не успѣли они окончить своей молитвы, какъ подземный ударъ повторился, и каменная глыба, закрывавшая входъ въ пещеру, поколебалась и нѣсколько наклонилась въ сторону, образовавъ небольшое отверстіе.

Заклученные сразу не могли замѣтить этой переменны, такъ какъ были сильно напуганы. Но когда они пришли въ себя и замѣтили отверстіе у входа, то бросились къ нему, восклицая: „Мы спасены!“

Но, увы, это была только щель, показавшаяся имъ большимъ отверстіемъ, а на самомъ дѣлѣ черезъ нее они могли только обзрѣвать лощину, заливаемую водой и постепенно

превращавшуюся въ большой потокъ, уносившій съ собой все, что лежало ему на пути. Видно было, что дождь и гроза не перестали: небо бороздили молніи, освѣщая на мгновеніе котловину. Разочарованные, они долго, быть можетъ, простояли бы такъ, если бы не заговорилъ старшій изъ нихъ и не напомнилъ, что теперь очередь второго рассказать свое прошедшее. Второй путникъ рассказалъ слѣдующее.

— „Я былъ единственнымъ сыномъ богатыхъ родителей. Мы жили въ деревнѣ. На семнадцатомъ году, лишившись отца, я сталъ вести разгульную жизнь; молодые кутилы, среди которыхъ проводилъ я время, поощряли, ради моей щедрости, мои дурные поступки, называя ихъ удалствомъ. На всѣ просьбы доброй матери оставить такую порочную жизнь я отвѣчалъ отказомъ, который терзалъ душу несчастной.

Такъ въ нѣсколько лѣтъ я успѣлъ промотать отцовское добро, добытое имъ честнымъ трудомъ. Къ довершенію всего я влюбился въ одну молоденькую дѣвушку, которая имѣла несчастье взаимно полюбить меня. Ея отецъ былъ человѣкъ добрый и неглупый. Когда я послалъ сватовъ къ нему, то онъ не только не принялъ моего предложенія, но даже, пробравъ свою дочь за легкомысліе, сталъ увѣщевать ее никогда не выходить замужъ за такого развратнаго юношу, безпощадно и безъ смысла проматывающаго отцовское имущество.

Узнавъ объ этомъ, я сталъ показывать видъ, что оставилъ свой дурной образъ жизни; на самомъ же дѣлѣ не оставлялъ его, и только сталъ ходить къ своимъ товарищамъ-кутиламъ по вечерамъ и всѣ ночи проводилъ съ ними въ попойкахъ и азартныхъ играхъ; случалось, при этомъ, что въ нетрезвомъ состояніи я производилъ разные скандалы и даже драки, получалъ и самъ иной разъ побои. Иногда, послѣ шумныхъ вечеровъ, въ позднюю ночь, едва

держась на ногахъ, приходилъ я къ бѣдной и вѣчно плачущей моей матери, и она постоянно умоляла и заклинала меня оставить такую позорную жизнь. И хотя, бывало, я давалъ ей обѣщаніе прекратить подобный образъ жизни, но все-же на слѣдующій день, не обращая вниманія на данное мною обѣщаніе, повторялъ тоже самое.

Лишь черезъ нѣсколько лѣтъ, когда у меня все наслѣдство было прокучено, и когда товарищи прогнали меня отъ себя, потому что я не могъ больше кормить и поить ихъ, я, наконецъ, какъ-будто очнулся, созналъ свою непоправимую ошибку. На свои прежніе поступки я тогда сталъ смотрѣть съ отвращеніемъ. Обдумавъ свое положеніе, я рѣшилъ приняться за какое-нибудь ремесло. Но за что приняться, когда я не зналъ ни одного ремесла? Размышляя о своемъ положеніи, самъ того не замѣчая, забрелъ я однажды за околицу нашей деревни и очутился въ полѣ; присѣвъ отъ усталости на камень, я, не помню, какъ, задремалъ. И вотъ чудится мнѣ во снѣ, что я нахожусь въ кругу своихъ развратныхъ товарищей, которые выказываютъ мнѣ всевозможный почетъ и ласки, и я горжусь этимъ и наслаждаюсь. Среди всего этого вдругъ я вижу приближающагося старика, опирающагося на трость и презрительно взирающаго на меня. Я узналъ его: это былъ мой отецъ. Мнѣ хотѣлось броситься и обнять его, какъ это я дѣлалъ при его жизни; но онъ грозно устремилъ взглядъ на меня и произнесъ:

— „Ахъ, ты, недостойный сынъ! почему безжалостно промоталъ ты мое добро, добытое мною честнымъ и тяжелымъ трудомъ? Почему ты ослушался матери, не стыдился честныхъ и благородныхъ людей? Неужели не боялся ты моего проклятія и Божьяго гнѣва? Неужели въ тебѣ не осталось хоть капли совѣсти, или ты весь испорченъ и можешь быть только подлымъ наслѣдникомъ честнаго и трудолюбиваго отца? Тебѣ только одинъ исходъ: оставь раз-

вратныхъ твоихъ товарищей, ищи себѣ честной работы вдали, у чужихъ, и будь малымъ доволенъ. Вотъ чѣмъ ты можешь искупить свою вину! Но если не исполнишь этого моего послѣдняго требованія, то вымолю на тебя Божій гнѣвъ, и проклятiе мое будетъ надъ тобою во всю твою жизнь!“

Исчезъ отецъ. Я проснулся. Мною овладѣло уныніе; я не въ состоянiи былъ владѣть собою. Видѣнный сонъ не покидалъ меня; все слышались мнѣ слова: „Недостойный сынъ! вымолю на тебя Божій гнѣвъ, и проклятiе мое будетъ надъ тобою во всю твою жизнь“.

Послѣ долгихъ колебаній, я рѣшился послѣдовать указанію отца: раскаялся во всемъ прошломъ, далъ себѣ слово довольствоваться малымъ, честно и усердно исполнять взятая на себя обязанности и искать себѣ работы вдали. Принявъ это намѣреніе, я всталъ и твердыми шагами, съ облегченнымъ сердцемъ, вернулся къ матери: я бросился къ ея ногамъ, прося прощенія за свои поступки и благословенія на далекій путь. Мать была поражена,—никогда съ самой смерти мужа, не видѣла она меня въ такомъ настроеніи; она зарыдала и отъ радости о моемъ раскаянiи, и отъ мысли о разлукѣ со мною; она колебалась отпустить меня; но, наконецъ, согласилась и, съ материнскими наставленіями, благословила меня на путь.

Я исполнилъ свое намѣреніе. Это было весною. Въ одну лунную ночь, когда на небѣ горѣли безчисленныя звѣзды, когда въ деревнѣ царствовала мертвая тишина, я поцѣловаль мать и со слезами на глазахъ покинулъ свой домъ. Путь мой лежалъ въ одинъ городъ, находящійся въ десятидневномъ разстоянiи отъ мой родины. Я выбралъ этотъ городъ мѣстомъ для моей трудовой жизни потому, что тамъ никто не зналъ моего прошлаго, и я, по этому, легче могъ бы найти работу.

Въ городѣ сразу мнѣ не удалось найти мѣста для службы, а потому я принужденъ былъ работать поденно у раз-

ныхъ лицъ, дабы снискивать себѣ пропитаніе. Но черезъ недѣлю, когда я стоялъ на площади, ожидая, чтобы кто-нибудь нанялъ меня, ко мнѣ приблизился какой-то сѣдовласый старикъ; онъ ласково спросилъ:

— „Сынъ мой, не пожелаешь ли наняться въ прислуги ко мнѣ? ты будешь исполнять только одну домашнюю работу и, живя въ моей семьѣ, научишься многому хорошему, что впоследствии пригодится тебѣ въ твоей жизни“.

Я заявилъ согласіе и пошелъ за нимъ. Когда дошли до дома этого старика, онъ назначилъ мнѣ жалованье, которое было гораздо больше того, что получалъ я отъ поденной работы; хозяинъ мой обѣщалъ даже и прибавить къ моему жалованью, если я добросовѣстно и прилежно исполню свои обязанности.

Съ этого времени я шесть лѣтъ прослужилъ въ этой прекрасной семьѣ, которая научила меня кротости, скромности, бережливости и любви къ ближнимъ. Оставляя это семейство, я получилъ шестилѣтнее мое содержаніе, и для меня въ деревенскомъ быту сумма эта была очень немаловажна: я былъ уже не гуляка, какъ прежде, а честный труженикъ; я торопился къ дорогой, нѣжно любящей меня матери, которая, казалось мнѣ, за время моей отлучки, терпѣла большія лишенія; она все чаще и чаще просила меня ускорить возвращеніе. Мнѣ казалось, что мое возвращеніе и скромная бережливая жизнь съ матерью утѣшили бы бѣдную старушку. Мать встрѣтила меня съ распростертыми объятіями, прижала меня къ своей груди, плакала, цѣловала и не могла выразить всей полноты своей радости. Мы не могли насмотрѣться другъ на друга. Казалось, мать забыла мое прошлое и была счастлива.

Поселившись съ матерью, я немедленно принялся за отцовское дѣло, за земледѣліе; земля давала мнѣ хорошіе урожаи; понемногу я поправлялъ разоренное мною хозяйство

и былъ доволенъ своею судьбою, а черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлался даже однимъ изъ состоятельныхъ жителей нашей деревни.

Лѣтъ черезъ пять по возвращеніи моемъ къ матери наступилъ въ нашемъ краѣ голодный годъ, а у меня было хлѣба вдоволь. Многіе изъ моихъ сосѣдей обнищали, въ томъ числѣ и отецъ нѣкогда любимой мною дѣвушки, отказавшій мнѣ въ ея рукѣ. Они всѣ приходили ко мнѣ просить хлѣба. Забывъ нанесенную мнѣ обиду и отцу моей невѣсты, и всѣмъ другимъ я оказалъ посильную помощь: я роздалъ весь свой хлѣбъ нуждающимся, исполняя повелѣніе Господа „давать просящимъ“.

Вотъ, друзья, все мое прошлое. Успѣлъ ли я искупить свою вину своимъ раскаяніемъ, о томъ вѣдаетъ Богъ“.

Слушатели произнесли:

— „Милосердый Богъ безъ сомнѣнія проститъ тебѣ твои прежніе грѣхи, ибо Онъ прощаетъ кающихся“.

Въ это время наши заключенные вдругъ почувствовали новый толчокъ и отъ него попадали на землю. Когда они опомнились, то замѣтили, что каменная глыба отодвинута всторону еще болѣе; но вылѣзть имъ чрезъ нее было положительно невозможно, — отверстие было слишкомъ узко для этого.

— „Братья!“; произнесъ тогда пожилой ихъ товарищъ, утирая слезы, „теперь моя очередь рассказать свое прошлое. Вы видите, что я въ преклонныхъ лѣтахъ; мнѣ слишкомъ совѣстно преувеличивать или искажать то, что случилось со мной въ жизни, да и немного въ моей жизни было замѣчательнаго.“

Лѣтъ тридцать тому назадъ я былъ содержателемъ одного постоялаго двора въ сосѣднемъ городкѣ, куда по вечерамъ, конечно, за особую плату, являлся рабочій людъ на ночлегъ; ночлежники отдавали мнѣ на храненіе все зарабо-

танное, а въ день ухода переданное мнѣ на храненіе сполна получали обратно.

Разъ одинъ изъ рабочихъ, идя на работу, передалъ мнѣ, по примѣру другихъ, на храненіе двугривенный. Къ вечеру въ тотъ день этотъ работникъ не явился ночевать. Ждалъ его на послѣдующіе дни, но его нѣтъ, какъ нѣтъ. Прошелъ уже цѣлый мѣсяцъ, и я рѣшилъ его двугривенный пустить въ оборотъ и то, что съ его помощью наживу въ теченіе десяти лѣтъ, возвратитъ хозяину, если онъ въ этотъ срокъ появится, а въ противномъ случаѣ нажитое добро присвоить себѣ.

Я пошелъ на базаръ посмотрѣть продаваемые тамъ предметы: мнѣ хотѣлось найти между ними такой, который могъ бы принести пользу и стоилъ бы не дороже двугривеннаго. Я не нашелъ ничего другого, кромѣ куръ, и купилъ одну изъ нихъ за 20 коп., принесъ ее домой и выпустилъ во дворъ, гдѣ она могла найти достаточно корму. Купленная курица ежедневно несла по одному яйцу, и къ концу третьей недѣли у меня было отъ нея 20 яицъ; потомъ курица высидѣла эти яйца и вывела десять паръ здоровыхъ цыплятъ. Цыплята выходились, и мѣсяца черезъ три я продалъ всѣхъ моихъ молодыхъ куръ съ насѣдкой, а на вырученныя деньги купилъ новыя вещи, которыя продалъ съ барышомъ. Такъ, посредствомъ покупки и продажи постепенно изъ двугривеннаго въ теченіе девяти лѣтъ образовалась у меня порядочная сумма. Оставался одинъ только годъ, чтобы можно было мнѣ воспользоваться этими деньгами.

Но, вотъ, однажды я увидѣлъ согбеннаго старика, онъ просилъ милостыню; въ немъ я узналъ того работника, который далъ мнѣ на храненіе двугривенный. Только нѣкоторое сомнѣніе возбуждалъ во мнѣ горбъ: у того не было горба, а у этого былъ... Чтобы удостовѣриться въ его личности, я призвалъ его къ себѣ и изъ его словъ убѣ-

дился, что это, дѣйствительно, тотъ рабочій; но житейскія невзгоды его такъ изуродовали и состарили раньше времени.

Вѣрный своему рѣшенію, я рассказалъ ему подробно, какъ поступилъ съ его двугривеннымъ, и во что онъ обратился, а затѣмъ просилъ его получить и распоряжаться нажитымъ мною для него капиталомъ. Онъ молча и недовѣрчиво смотрѣлъ на меня, принимая мои слова за шутку, но убѣдившись, что я говорю серьезно, онъ заплакалъ отъ радости и будто сразу помолодѣлъ: горбъ исчезъ, онъ выпрямился и со слезами на глазахъ хотѣлъ было кинуться къ моимъ ногамъ, изъявляя свою признательность. Я не допустилъ его до этого и остановилъ словами:

— „Любезный! все, что я передаю тебѣ, твоя собственность; Богу угодно было доставить тебѣ счастье чрезъ меня; я доволенъ тѣмъ, что мнѣ удалось сдѣлать доброе дѣло одному изъ несчастныхъ и вывести его изъ жалкаго положенія“.

Едва рассказчикъ окончилъ свое послѣднее слово, какъ пещера снова заколебалась; послышалось глухое клокотаніе; что-то недалеко отъ пещеры забурлило и зашумѣло, будто громадные обломки камней съ грохотомъ и шумомъ низвергались въ бездну. Шумъ все усиливался и вдругъ каменная глыба, которая закрывала входъ въ пещеру, скатилась внизъ, въ долину, опустошая на своемъ пути все, что могло ей попасться.

Путники были, такимъ образомъ, спасены.

Но когда они выбѣжали наружу, то замѣтили, что вершина сосѣдней горы, продолженіе которой составляло ихъ убѣжище, покрыта была густыми облаками пара, поднимавшагося къ небу, и вдругъ потокъ расплавленной лавы поползъ въ долину огненною змѣею, а въ воздухѣ разлился запахъ сѣры.

Наши заключенные, частію отъ страха, частію отъ ра-

дости, безъ оглядки бѣжали подальше отъ изверженія. Опомнившись отъ всего перенесеннаго въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, они бросились на колѣни благодарить Господа за свое чудесное освобожденіе.

Записаль со словъ старожиловъ во время первой всеобщей переписи смотритель Иманпалинскаго училища, Эриванской губерніи и уѣзда, *К. Шамновъ*.

II. Сказки.

1. Геджа-Чраги *).

Въ одномъ городѣ жила старуха со своимъ сыномъ, по имени Али-Кули. Единственное ихъ богатство составляли два гуся, но и тѣхъ они принуждены были продать, когда имъ нечего было ѣсть. Сынъ взялъ ихъ на базарь для продажи. Къ его несчастью покупателемъ его гусей явился одинъ изъ везирей Шахъ-Аббаса. Онъ пообѣщаль за обоихъ гусей два крана **), да и то одинъ заплатилъ, а другого не отдалъ. Али-Кули былъ очень раздосадованъ. Онъ пришелъ домой и разсказаль матери о безсовѣстномъ поступкѣ везиря и поклялся именемъ Великаго Пророка отомстить ему за это. Али-Кули сказаль матери:

— „Не буду я сыномъ своего отца, если, вмѣсто одного крана, не вытащу изъ его носа нѣсколько тысячъ крановъ!“

Спустя нѣсколько дней послѣ продажи гусей, разъ вечеромъ Али-Кули заходитъ на кухню везиря и говоритъ его главному повару, что везирь собирается отправиться куда-то и требуетъ ужина. Поварь даже и не спросилъ, кто онъ такой, такъ какъ въ домѣ везиря каждый день нанималась новая прислуга; онъ приготовилъ на скорую руку ужинъ, положилъ на золотое блюдо и отдалъ ему.

Али-Кули этого только и желаль: онъ взялъ блюдо, отнесъ его прямо къ себѣ домой и разсказаль матери, какою

*) Татарское слово, означаетъ: „ночная свѣча“.

***) Кранъ—персидская монета въ 28½ коп.

хитростью добылъ его. На другой день онъ далъ матери украденное блюдо и говорить, чтобы она сходила на базаръ и продала его, а на вырученныя деньги купила хорошее женское платье. Мать послушалась. Когда платье было готово, Али-Кули наряжается въ него и говорить матери:

— „Поведи меня на базаръ и, если кто тебя спросить обо мнѣ, скажи, что это твоя дочь, которую ты, по бѣдности, принуждена продать. Чтò ни давали бы за меня другіе, ты не соглашайся продать, а везирю, который купилъ нашихъ гусей, отдай хоть за половину цѣны.“

Къ ихъ счастью на дорогѣ встрѣтился съ ними тотъ самый везирь и спросилъ старуху:

— „Чья это дѣвушка, и куда ведешь ее?“

Старуха отвѣтила, какъ научилъ ее Али-Кули.

Везирь предложилъ тогда за дѣвушку пятьсотъ крановъ, и старуха согласилась.

Радости везиря не было конца. Придя домой, онъ сейчасъ же показалъ новой женѣ свое богатство и комнаты. Али-Кули же въ умѣ составлялъ планы, какимъ образомъ принести вредъ безстыдному везирю. Везирь показалъ всѣ комнаты, кромѣ одной. Но мнимая жена такъ настоятельно прѣсила, чтобы везирь показалъ ей и эту комнату, что везирь принужденъ былъ уступить ей просьбѣ. Въ комнатѣ она увидѣла одну машину и спросила, что это за машина и для чего употребляется. Везирь объяснилъ ей, что машина служить для казни преступниковъ: ихъ сажаютъ на верхнюю площадку ея и подвигиваютъ до тѣхъ поръ, пока площадка не коснется потолка и не раздавить подъ нимъ преступника.

— „Въ такомъ случаѣ“, сказала ему дѣвушка, „я поднимусь, а ты прижми меня къ потолку, чтобы я могла испытать, что чувствуетъ преступникъ, когда его казнятъ, съ помощью этой машины; но когда я скажу, что больно, ты отвинти машину.“

Желаніе ея было исполнено, и везирь бережно поднялъ мнимую дѣвушку къ потолку.

— „Теперь очередь за тобою“, сказала она, спустившись съ машины.

Желая угодить молодой женѣ, везирь съ радостью согласился. Али-Кули сначала слегка прижалъ его къ потолку и спросилъ, довольно ли; ничего не подозрѣвавшій везирь просилъ чтобы его посильнѣе подвинтить. Но скоро боль заставила везиря просить о томъ, чтобы винтъ былъ ослабленъ. Но Али-Кули, напротивъ, сталъ еще больше прижимать его къ потолку. Напрасно обманутый везирь умолялъ о пощадѣ. Али-Кули сказалъ ему:

— „Пеняй на себя! До этого довела тебя твоя жадность. Я вовсе не дѣвушка, а тотъ самый, которому ты отказалъ въ уплатѣ одного крана при покупкѣ гусей. Меня называютъ „Геджа-Чраги“, хотя я ношу имя и Али-Кули. Ну что? теперь тоже уклоняешься отъ уплаты крана?“

— „Ради Аллаха, пожалѣй меня,пусти!“ взмолился везирь. „Я готовъ съ радостью исполнить всякое твое желаніе, только не мучь меня“.

Геджа-Чраги оставилъ везиря въ полумертвомъ состояніи, а самъ, запасшись достаточнымъ количествомъ золота, ушелъ, ни кѣмъ не замѣченный.

Ждали несчастнаго везиря на обѣдъ и не дождались; ждали на ужинъ,—тоже самое; и на другой день его все нѣтъ, какъ нѣтъ. Прислуга думаетъ, что онъ со своей невѣстой у себя въ комнатѣ, и никто не осмѣливается войти къ нему. Наконецъ, одинъ изъ нихъ, который былъ смѣлѣе другихъ, рѣшился войти въ комнату своего повелителя, и, къ изумленію, никого тамъ не нашелъ. Объ этомъ онъ далъ знать всѣмъ своимъ товарищамъ. Они принялись искать и нашли бѣднаго везиря еле дышащимъ между машиной и потолкомъ. Они не знали причины несчастья, постигнаго везиря, и сей-

часъ же дали знать о случившемся Шахъ-Аббасу, который не замедлилъ отправить къ больному своего главнаго доктора.

Доктору не легко было вылѣчить больного. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ прежде, чѣмъ больной могъ сидѣть. Шахъ-Аббасъ много думалъ о бѣдномъ везирѣ. Онъ часто посѣщалъ его домъ и освѣдомлялся о его здоровьѣ.

Разъ, когда Шахъ-Аббасъ, сидя у себя въ комнатѣ, думалъ объ участи своего любимаго везира, ему докладываютъ, что кто-то желаетъ видѣть его, и въ комнату шаха заходитъ Геджа-Чраги и говоритъ:

— „Вотъ ужъ сколько мѣсяцевъ, какъ твой везиръ страдаетъ и твой главный докторъ не можетъ вылѣчить бѣднаго. Если позволишь, я, съ помощію Аллаха и Великаго Пророка, вылѣчу его“.

Геджа-Чраги говорилъ очень убѣдительно, и Шахъ-Аббасъ повѣрилъ его словамъ, позволилъ ему лѣчить больного и обѣщался исполнить всѣ его требованія.

По требованію новаго доктора безъ его разрѣшенія къ больному не долженъ былъ заходить никто, даже самъ Шахъ-Аббасъ; зато пригласили три хора азіатскихъ музыкантовъ, и докторъ разставилъ ихъ у дверей той комнаты, въ которой лежалъ больной, и приказалъ играть до тѣхъ поръ, пока онъ не прикажетъ имъ перестать.

Разставивъ музыкантовъ такимъ образомъ, Геджа-Чраги зашелъ къ больному. Онъ приступилъ къ лѣченію: порѣзалъ у бѣднаго всѣ тѣ мѣста, которыя раньше имъ самимъ были повреждены и посыпалъ раны солью и перцемъ. Послѣ этого съ помощію шила онъ зашилъ раны и въ продолженіе этой мучительной операціи повторялъ слова:

— „Ну, что? возвратишь ты принадлежащій мнѣ крань, который отказался дать при покупкѣ гусей? Я Геджа-Чраги!“...

Оставивъ больного въ такомъ ужасномъ состояніи мнимый докторъ вышелъ изъ комнаты и скрылся.

Узнавъ объ этомъ, Шахъ-Аббасъ сейчасъ же догадался, что докторъ этотъ былъ тотъ самый человѣкъ, который раньше измучилъ везира. На слѣдующій день онъ позвалъ къ себѣ своего главнаго доктора и сказалъ:

— „Я знаю, что одинъ и тотъ же человѣкъ вотъ ужъ два раза безчеловѣчно мучить моего вѣрнаго везира, и я увѣренъ, что этотъ злодѣй не оставитъ его въ покоѣ, пока не убьетъ совершенно. Я тебѣ дамъ изъ моихъ людей сорокъ конныхъ воиновъ, и подъ ихъ охраною ты отвезешь везира въ такое мѣсто, чтобы, кромѣ тебя и этихъ всадниковъ, никто не зналъ вашего мѣста нахождения. До совершеннаго выздоровленія больного, безъ твоего позволенія не смѣетъ пріѣхать въ городъ ни одинъ изъ этихъ всадниковъ. А кто ослушается тебя, тому голову долой. Кромѣ этого, я назначу еще одного старика, обязанность котораго будетъ въ томъ, чтобы ежедневно брать для васъ изъ города провизію.“

Приказаніе Шахъ-Аббаса было исполнено въ точности. Изъ горожанъ никто не зналъ, гдѣ больной везиръ. Нашъ Геджа-Чраги, какъ ни старался узнать мѣсто жительства больного везира, никакъ не могъ. Проходили между тѣмъ дни. Послѣ долгихъ и тщательныхъ поисковъ, Геджа-Чраги порѣшилъ: „Дай-ко я пойду и нѣсколько дней сряду буду сидѣть у городскихъ воротъ: можетъ отъ прохожихъ что-нибудь и узнаю про везира“.

Такъ онъ и дѣлаетъ. Разъ, когда онъ сидѣлъ у городскихъ воротъ, видитъ онъ, что изъ города выходитъ одинъ старикъ съ двумя навьюченными ослиами. Геджа-Чраги спросилъ старика, куда онъ ведетъ этихъ навьюченныхъ ословъ. Старикъ сперва не хотѣлъ открыть ему тайны. Но послѣ настоятельныхъ просьбъ Геджа-Чраги, онъ рассказалъ ему все въ подробностяхъ. Геджа-Чраги былъ внѣ себя

отъ радости. Онъ предложилъ старику продать ему своихъ ословъ и обязался въ свое время доставлять на нихъ провизию. Старикъ согласился, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ назвалъ себя его сыномъ. Геджа-Чраги этого только и нужно было. Онъ запасся усыпительнымъ порошкомъ и пустился въ путь къ везирю. Докторъ и всадники, при видѣ его, осыпали его вопросами, кто онъ такой и зачѣмъ пришелъ. Геджа-Чраги назвалъ себя сыномъ того старика, который до сего времени такъ усердно доставлялъ провизию.

— „Къ моему несчастью“, сказалъ онъ, „отецъ мой сегодня заболѣлъ и потому не могъ самъ привезти вамъ провизию.“

— „Хорошо“, сказали они, „но посмотримъ, можешь ли ты такъ вѣрно служить намъ, какъ твой отецъ.“

— „Даже лучше его“, сказалъ Геджа-Чраги, „такъ какъ онъ старъ, а я еще молодъ“.

Геджа-Чраги принялся готовить для нихъ обѣдъ. На обѣдѣ выбрали его тамадой, потому что хотѣли испытать таковой ли онъ краснобай, какъ его отецъ. Наполнивъ стаканы шербетомъ и подсыпавъ въ нихъ усыпительнаго порошка, кромѣ своего стакана, конечно, нашъ тамада поднялъ стаканъ и предложилъ тостъ за здоровье больнаго везиря.

— „Всякому изъ насъ извѣстно положеніе нашего дорогаго и уважаемаго везиря,“ сказалъ онъ, „выпьемъ за его здоровье и попросимъ у всемогущаго Аллаха и Великаго Пророка для него скорого выздоровленія и долгоденствія. Попросимъ Аллаха, чтобы въ нашемъ дорогомъ отечествѣ было много такихъ вліятельныхъ лицъ, дѣла которыхъ принесли бы пользу нашему любезному отечеству“.

И Геджа-Чраги разомъ осушилъ свой стаканъ. Всѣ послѣдовали его примѣру. За вторымъ тостомъ нашимъ господамъ уже не легко было сидѣть на мѣстѣ, а въ половинѣ обѣда, отъ дѣйствія усыпительнаго порошка, всѣ впали въ

глубокій сонъ. Геджа-Чраги этого и желалъ. Онъ взялъ острый ножъ и порѣзалъ всѣмъ губы и носы.

Послѣ этого онъ вошелъ въ палатку везира. При видѣ его, везиръ былъ пораженъ, какъ громомъ. Онъ не ожидалъ такого скорого появленія своего преслѣдователя. Бѣднякъ пытался звать на помощь своихъ вѣрныхъ тѣлохранителей, но напрасно.

Геджа-Чраги обратился къ нему со словами:

— „Ну что? кажется, пора возвратить мой крань!“

Бѣдный везиръ просилъ, обѣщался дать ему половину своего богатства, лишь бы оставилъ ему жизнь. Но нашъ герой остался неумолимъ. Онъ приступилъ къ мученію несчастнаго везира. Бѣдный не могъ перенести его безчеловѣчныхъ мученій и простился съ жизнью, а Геджа-Чраги, какъ ни въ чемъ не бывало, возвратился въ городъ и распространилъ слухъ, будто какой-то царь собирается войною на Шахъ-Аббаса, что воины его весьма безобразны: губы у нихъ очень красны, и они сами все время смѣются. Объ этомъ узналъ и Шахъ-Аббасъ. Онъ издалъ приказъ держать войска наготовѣ, и при появленіи непріятеля двинуться противъ него. Для этого за городскими воротами были разставлены караульные, которые при появленіи непріятеля должны были поднять тревогу. И, дѣйствительно, караульные, спустя нѣкоторое время, видятъ: ѣдутъ какіе-то всадники съ красными губами, которые какъ будто только что растерзали зубами трепещущее тѣло несчастной жертвы и смѣются. Начальство выслало противъ нихъ цѣлый полкъ, который и перебилъ всѣхъ невинныхъ всадниковъ до единого.

Полкъ думалъ, что это передовой отрядъ непріятеля, и потому ожидалъ появленія главнаго войска. Между тѣмъ нашлись между горожанами любопытные, пожелавшіе ближе посмотрѣть на новый народъ. При видѣ труповъ, они сейчасъ

же узнали своихъ горожанъ. Объ этомъ передали Шахъ-Аббасу. Онъ послалъ нарочныхъ къ больному везиру освѣдомиться о его положеніи. Они скоро возвратились и донесли шаху, что и везиръ и докторъ убиты, а всадники перебиты его полкомъ. Шахъ догадался, что былъ обманутъ, и что это все совершено Геджа-Чраги. Отъ негодованія онъ не зналъ, на что рѣшиться, и потому созвалъ всѣхъ своихъ назирей и везирей и объявилъ имъ, что они должны или указать средство, съ помощью котораго могли бы найти виновника столькихъ преступленій, или должны лишиться жизни. Одинъ изъ везирей, который былъ умнѣе всѣхъ, сказалъ:

— „Найти Геджа-Чраги очень трудно. Но я укажу на способъ,—авось удастся намъ поймать его. Отправь ты свою дочь, Пари-Ханумъ, на островъ и объяви, что тотъ, кто вплавь доберется до ней, будетъ ея женихомъ. На это никто не отважится, кромѣ Геджа-Чраги, для котораго нѣтъ ничего невозможнаго.“

Шахъ такъ и сдѣлалъ. Объ этомъ узналъ Геджа-Чраги. Ему сильно захотѣлось сдѣлаться мужемъ такой красавицы, какою была Пари-Ханумъ, и зятемъ шаха такого огромнаго государства. Пустился онъ вплавь и благополучно достигъ до острова. Онъ съ гордостью вошелъ въ палатку Пари-Ханумъ и объявилъ себя ея женихомъ, такъ какъ благополучно переплылъ такое большое пространство воды.

Пари-Ханумъ согласилась быть его женою и спросила о его имени. Онъ назвалъ свое имя. Сейчасъ же Пари-Ханумъ приказала своимъ людямъ связать ему руки, ноги и взять подъ строгимъ надзоромъ къ шаху. Шахъ приказалъ бросить его въ яму, пока приготовятъ висѣлицу, а чрезъ три дня повѣсить всенародно. Въ ямѣ были также два брата, которыхъ чрезъ мѣсяцъ тоже должны были повѣсить. Каждую ночь этимъ двумъ братьямъ приносили ужинъ. Геджа-Чраги, какъ только братьямъ принесли ужинъ, сталъ просить

принесшихъ, чтобы подняли его изъ ямы, и обѣщался на слѣдующій день освободить своихъ товарищей отъ казни.

Подняли его. Геджа-Чраги надѣлъ на себя овечью шкуру и привязалъ къ ней бубенчики. На голову надѣлъ шапку тоже изъ овечьей шкуры, съ рогами и бородою, и въ полночь забрался въ спальню Шахъ-Аббаса. Шахъ-Аббасъ въ это время предавался блаженному покою. Вдругъ надъ головою шаха Геджа-Чраги такъ потрясъ всѣмъ тѣломъ, что бубенчики загремѣли, и шахъ сильно испугался. Это повторилось нѣсколько разъ. Наконецъ Геджа-Чраги сказалъ:

— „Я Азраиль (ангелъ смерти), пришелъ взять твою душу, если ты завтра не освободишь бѣднаго Геджа-Чраги изъ ямы и не выдашь за него свою дочь. Какой ты шахъ послѣ этого, если не хочешь исполнять свое слово?!...“

Шахъ-Аббасъ согласился на все, лишь бы Азраиль оставилъ ему жизнь. Но Геджа-Чраги не довольствовался простымъ обѣщаніемъ. Онъ потребовалъ отъ шаха письменнаго обязательства, которое и было дано ему. Геджа-Чраги взялъ эту бумагу, пошелъ и опустился въ яму, въ которую былъ посаженъ. Шахъ утромъ позвалъ къ себѣ всѣхъ своихъ назирей и везирей и подробно рассказалъ имъ о случившемся. Тѣ и вѣрить не хотѣли. Но шахъ сказалъ имъ:

— „Идите къ Геджа-Чраги; я обѣщался ангелу письменно выдать свою дочь за Геджа-Чраги, и эта записка подписана мною собственноручно; если эта бумага у него, такъ, значить, нужно исполнить желаніе Азраила, а если не окажется, отсѣчь этому разбойнику голову“.

Идутъ къ ямѣ и спрашиваютъ Геджа-Чраги о его здорově, и какъ онъ провелъ эту ночь. Геджа-Чраги отвѣчаетъ:

— „Ночью ко мнѣ приходилъ какой-то человекъ въ овечьей шкурѣ съ бубенчиками и передалъ мнѣ одну записку.“

Подняли его изъ ямы. Дѣйствительно, въ запискѣ, которую показалъ Геджа-Чраги, Шахъ-Аббасъ обѣщается освободить

бодить его изъ ямы и выдать за него свою дочь, Пари-Ханумъ; записка подписана шахомъ. Нечего было дѣлать: шахъ выдалъ за него свою дочь и сдѣлалъ его однимъ изъ своихъ приближенныхъ. А два брата, съ которыми сидѣлъ въ ямѣ Геджа-Чраги, по просьбѣ его, были освобождены отъ наказанія навсегда.

2. Дѣти купца Арутюна.

Въ одномъ городѣ жилъ богатый купецъ, по имени Арутюнь. Богатству его и счету не было, а семья была маленькая: онъ имѣлъ сына, по имени Арама, и дочь, — Астгикъ. Выпалъ такой день, такой часъ и такая минута, что купецъ тяжело захворалъ. Предчувствуя близость смерти, Арутюнь позвалъ своихъ дѣтей; благословилъ ихъ, далъ имъ наставленія, а въ залогъ вѣчной памяти сыну далъ кольцо, стоимость котораго равнялась почти половинѣ остального его богатства, а дочери такое же кольцо и пару перчатокъ. Черезъ нѣсколько времени умеръ Арутюнь. Долгое время дѣти носили трауръ по отцѣ. Сверстники Арама, чтобы развеселить своего товарища, взяли его однажды въ гостинницу, и подъ вліяніемъ выпитаго въ большомъ количествѣ пѣнистаго вина друзья не замѣтили, какъ прошло время. За обѣдомъ одинъ изъ пирующихъ предложилъ своимъ товарищамъ для общей пользы оставить на нѣсколько времени родной городъ и поѣхать куда-нибудь, чтобы вести торговлю. Всѣ дали обѣщаніе сдѣлать это и подтвердили его честнымъ словомъ.

Нужно замѣтить, что братъ и сестра питали другъ къ другу такую безпредѣльную любовь, что не разлучались даже на самое непродолжительное время. Бѣдный Арамъ, вспомнивъ свою сестру и то, что ему скоро прійдется оставить ее, вслѣдствіе даннаго товарищамъ обѣщанія, лишился чувствъ. Товарищи привели его въ чув-

ство и, узнавъ о причинѣ постигшаго несчастья, сообщаришили поручить искусному художнику изобразить брата и сестру во весь ростъ такъ естественно и живо, чтобы при одномъ взглядѣ на портретъ могли бы они находить утѣшеніе. Такъ и сдѣлали. Настала минута разлуки. Обнявши другъ друга, долго братъ съ сестрой не могли разстаться: все хотѣлось имъ еще и еще говорить, чтобы высказать тѣ нѣжныя чувства, которыя питали они другъ къ другу, и которыя вспыхнули съ новою силою въ ожиданіи долговременной разлуки. На прощаньи сестра взяла портретъ брата, а братъ взялъ съ собою портретъ сестры, съ твердою рѣшимостью всегда хранить его при себѣ, какъ зѣницу ока.

Наконецъ, вспомнивъ обѣщаніе, данное товарищамъ, братъ прервалъ эту сцену: грустнымъ взоромъ окинувъ послѣдній разъ сестру, Арамъ направилъ свои шаги къ экипажу. А бѣдная Астгикъ отъ слезъ и рыданій не только не видѣла удаляющагося отъ нея брата, но не слышала и стука колесъ отъѣзжающаго экипажа.

Остановившись въ столицѣ одного государства, товарищи Арама нашли себѣ каждый подходящее занятіе. Арамъ же, какъ богатый человѣкъ, купилъ себѣ одну фабрику шерстяныхъ издѣлій.

Дѣла его пошли хорошо, и въ теченіе короткаго времени онъ сталъ извѣстенъ всему городу и, мало этого, приобрѣлъ также и расположеніе самого царя, а наслѣдникъ престола души въ немъ не чаялъ. И Арамъ съ своей стороны полюбилъ наслѣдника и готовъ былъ положить свою голову за него. По ходатайству наслѣдника, Араму отвели покои во дворцѣ, и онъ съ того времени жилъ тамъ. Но такая близость царя и наслѣдника съ Арамомъ не нравилась царскимъ сановникамъ, равнымъ образомъ, не нравилось и то, что всѣ фабрики и заводы столицы мало по малу перешли въ руки Арама. По этому царедворцы старались погубить его и

искали для того удобнаго времени. Разъ, когда Арамъ пилъ утренній чай въ своей комнатѣ и, по обыкновенію, любовался портретомъ своей незабвенной сестры, въ это время ему даютъ знать, что на главной фабрикѣ случилось несчастье. Оставивъ на столѣ полувыпитый стаканъ и портретъ сестры, онъ уходитъ. Когда миновала бѣда на фабрикѣ, Арамъ вспомнилъ про портретъ сестры и, къ великому своему сожалѣнію, не нашелъ его у себя, а потому быстрыми шагами пошелъ домой, чтобы поискать его тамъ. Но каково было его удивленіе и огорченіе, когда и тамъ не нашелъ онъ дорогого портрета! Нужно прибавить, что во время его отсутствія въ его комнату заходилъ наслѣдникъ и увидалъ на столѣ этотъ портретъ. При этомъ онъ подумалъ, что это, должно быть, изображеніе или сестры Арама, или его жены: „если это его жена, то пусть будетъ моею сестрой“, сказалъ онъ себѣ, „а если это сестра,—то моею невѣстой“. Спрятавъ портретъ, онъ вышелъ изъ комнаты. О своей потерѣ Арамъ сообщилъ царевичу. Царевичъ, вручивъ ему портретъ и узнавъ, кто это такая, назвалъ того, кто будетъ имѣть такую красавицу своею женою, счастливѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ. Тогда Арамъ обѣщался выдать свою сестру за него замужъ, если онъ желаетъ того:

Царевичъ отъ радости забылъ даже приличіе: онъ схватилъ изъ рукъ Арама портретъ и побѣжалъ къ отцу показать изображеніе своей невѣсты. Отецъ былъ очарованъ красотой ея и изъявилъ свое согласіе на бракъ сына съ ней. Къ несчастью, тамъ находился одинъ изъ министровъ царя, бывшій злѣйшимъ врагомъ Арама и готовый даже пролить его кровь. Онъ обратился къ царю со словами:

— „Повелитель мой, наслѣднику, какъ вашему сыну, не подобаешь имѣть такую жену! Подъ этою красотой скрывается змѣиная душа. Она порочная женщина. Я знаю, гдѣ и какъ она живетъ“.

И онъ назвалъ тотъ городъ, въ которомъ жила Астгикъ. При этомъ онъ описалъ бѣдную дѣвушку самыми мрачными красками. Министръ говорилъ съ такимъ убѣжденіемъ, что царь, не знавшій ея, ничего не могъ сказать въ защиту ея. Зато Арамъ пришелъ въ негодованіе отъ этихъ обвиненій. Не желая тратить словъ для опроверженія клеветы, онъ только показалъ царю кольцо, подаренное ему отцомъ на память, и сказалъ:

— „Царь, я считаю лишнимъ доказывать словами невинность сестры, а только попрошу тебя объ одномъ: такое же кольцо есть у сестры моей; если сестра моя такъ безнравственна, и такъ легко добиться ея взаимности, то пусть этотъ министръ въ теченіе сорока дней добудетъ отъ нея и доставить намъ ея кольцо. Если принесетъ его, то повѣсь меня, а въ противномъ случаѣ пусть онъ пойдетъ на висѣлицу“.

Царь согласился на это испытаніе. Министръ, запасшись достаточнымъ количествомъ золота, отправился и черезъ четыре дня достигъ назначеннаго города. Здѣсь онъ хитро принялся за дѣло: ему самому никогда не удалось бы достать кольцо, но къ этому дѣлу онъ привлекъ одну старуху. Она согласилась достать кольцо, если за это онъ удовлетворитъ ея желанію. Министръ обѣщаль ей исполнить всѣ ея требованія, лишь бы она достала кольцо Астгикъ. Старуха же подкупила разными обѣщаніями служанку, которая жила у Астгикъ. Разъ, когда Астгикъ умывалась и сняла кольцо, служанка такъ заняла разговоромъ бѣдную дѣвушку, что она совсѣмъ забыла о своемъ кольцѣ. Воспользовавшись этимъ, служанка взяла кольцо и спрятала, а потомъ передала подкупленной министромъ старухѣ. Между тѣмъ Астгикъ вспомнила про кольцо и стала искать его и, конечно, нигдѣ не нашла его. Горе ея не знало границъ: она пришла въ такое отчаяніе, что даже намѣревалась лишиться себя жизни.

Но прошло нѣсколько дней, и Астгикъ мало по малу перестала горевать о кольцѣ и даже забыла о немъ.

Министръ между тѣмъ, получивъ кольцо, въ назначенный срокъ явился къ царю со своею добычей. Царь, увидѣвъ кольцо, былъ чрезвычайно огорченъ: ему жаль было лишить жизни бѣднаго Арама. Между тѣмъ доставленное министромъ кольцо, дѣйствительно, было похоже на кольцо Арама, и Арамъ совсѣмъ смутился, увидѣвъ его: онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ и не могъ допустить мысли, чтобы это было подлинное кольцо его сестры. Но, удостовѣрившись въ истинѣ, онъ попросилъ, чтобы ему дали нѣсколько дней сроку, для свиданія съ сестрою. Министръ согласился на эту отсрочку. Передъ отъѣздомъ Арамъ заказалъ золотую висѣлицу, такъ какъ простая висѣлица, ему, какъ первому богачу въ городѣ, была непристойна.

Пріѣхавъ въ родной городъ, онъ спѣшитъ увидѣть сестру. Астгикъ узнала о пріѣздѣ брата, вышла изъ своей комнаты и, какъ сумашедшая, готова была броситься къ своему брату, со слезами радости на глазахъ. Но братъ холодно оттолкнулъ ее и даже плюнулъ ей въ лицо и съ тѣмъ ушелъ отъ нея. Сестра остановилась, какъ окаменѣлая. Она сначала не могла дать себѣ отчета въ случившемся, но потомъ догадалась, что непременно съ братомъ случилось какое-нибудь несчастье, и что во всемъ этомъ есть какое-то недоразумѣніе. Потому она поспѣшила выручить брата изъ бѣды. Она пріѣхала вслѣдъ за нимъ въ тотъ городъ, въ которомъ онъ жилъ. На ночь она остановилась въ домѣ одной вдовы, старухи. На вопросъ Астгикъ, что новаго у нихъ въ городѣ, старуха говоритъ:

— „Уже недѣля какъ нашъ городъ въ великомъ горѣ. По требованію *такого-то* министра завтра должны повѣсить молодого господина, по имени Арама. Его такъ обожалъ нашъ наслѣдникъ! И царь, и царевичъ, и всѣ приближенные

царя упрасиваютъ этого неумолимаго министра о пощадѣ. Если лишится жизни Арамъ, то, можетъ быть, наслѣдникъ престола не переживетъ его“.

Тутъ старуха рассказала подробно своей гостьѣ исторію того, какъ поссорились между собою Арамъ и министръ.

Утромъ Астгикъ, перемѣнивъ дорожное платье, направилась къ тому мѣсту, гдѣ была устроена висѣлица. У висѣлицы она увидѣла молодого господина: это былъ наслѣдникъ; онъ намѣренъ былъ лишиться себя жизни послѣ того, какъ повѣсятъ его друга Арама. Но она не увидѣла здѣсь брата. Она отправилась искать его въ царскій дворецъ. Въ царской пріемной царь и его придворные еще разъ просили безжалостнаго министра о пощадѣ Араму. Арамъ, замѣтивъ сестру, невольно подумалъ, что она дастъ лучшей оборотъ дѣлу, но скрылъ свою внутреннюю радость.

Астгикъ между тѣмъ вѣжливо поклонилась всѣмъ и просила выслушать ее. Въ комнатѣ воцарилась тишина, и она сказала слѣдующее:

— „Господа! дней шесть тому назадъ у меня былъ въ гостяхъ вотъ этотъ господинъ“, тутъ она указала на министра, который доставилъ кольцо, „онъ провелъ нѣсколько ночей у меня, а наканунѣ отъѣзда укралъ безчестнымъ образомъ мою перчатку, забывъ долгъ гостепрѣимства; эта перчатка была дана мнѣ моимъ отцомъ на память. Вотъ чѣмъ отплатилъ мнѣ этотъ господинъ, вмѣсто благодарности! Прошу тебя, господинъ министръ, сжалясь надъ бѣдной дѣвушкой, возврати ей украденную перчатку, которая для нея дороже жизни!“

Всѣ въ удивленіи смотрятъ на министра. Министръ покраснѣлъ и въ негодованіи воскликнулъ:

— „Это ложь! Я въ первый разъ вижу ея лицо и не знаю, кто она такая и откуда“.

— „Онъ правду сказалъ!“ воскликнула дѣвушка, „и я

обвинила его въ кражѣ только для того, чтобы этотъ безчестный человекъ, который хотѣлъ погубить моего невиннаго брата, всенародно сознался, что не знаетъ меня!“...

— „Какъ же ты“, обратилась она къ министру, „осмѣлился обезчестить мое имя и, еще важнѣе того, обмануть повелителя своего?!

Тутъ она рассказала, какъ было украдено у нея кольцо. Царь въ негодованіи немедленно приказалъ гнусаго министра предать мучительной казни.

При видѣ Астгикъ, царевичъ еще больше воспылалъ любовью къ ней: первый разъ въ жизни онъ видѣлъ такую чудную красавицу. Царевичъ кончилъ тѣмъ, что тутъ же, въ присутствіи отца и всѣхъ другихъ лицъ, сдѣлалъ ей предложеніе. Она отвѣтила, что ея судьбой долженъ распорядиться братъ ея; Арамъ же не замедлил изъявить свое согласіе. Послѣ этого сыграли свадьбу, и молодые стали жить въ счастіи и довольствѣ.

Записалъ въ сел. Арцеваникъ, Зангезурскаго уѣзда, Елисаветпольской губерніи, учитель Х. *Арутиновъ*.

3. Качаль *) Назаръ.

Въ одномъ селѣ жила женщина съ сыномъ своимъ качаль-Назаромъ. Они были бѣдны, и всё богатство ихъ составляли одинъ быкъ и нѣсколько ословъ. Однажды качаль-Назаръ съ согласія матери, зарѣзавъ единственнаго своего быка, пригласилъ къ себѣ въ гости не только родныхъ и знакомыхъ, но и всѣхъ, кто на улицѣ попался ему на глаза. Пришли гости: наѣлись, напились и, поблагодаривъ хозяевъ, разошлись по домамъ своимъ. Проходитъ послѣ этого день, недѣля, а мать съ Назаромъ тщетно ожидаютъ со стороны

*) Качаль—плѣшивый.

своихъ гостей такого же приглашенія. Проходить, наконецъ, и мѣсяць, но никто не приглашаетъ ихъ на обѣдъ.

— „Постой же, матушка! наши гости еще не знаютъ меня... Ты увидишь, какую штуку сыграю я съ ними!“ сказалъ разсерженный Назаръ.

Былъ воскресный день. Качаль вышелъ на площадь селенія, гдѣ собрались поселяне, и сказалъ своимъ односельцамъ:

— „Зарѣзавъ своего быка, я понесъ двойной убытокъ: во первыхъ, никто изъ васъ не вернулъ мнѣ обѣда, а, во вторыхъ, за не имѣніемъ быка, я не могъ запасть на зиму топливомъ. Поэтому я прошу, чтобы каждый изъ васъ, не стѣсняясь, возилъ ко мнѣ во дворъ навозъ, кто сколько можетъ!..“

Сжалились надъ Назаромъ односельцы: на слѣдующій день наполнили весь дворъ его навозомъ.

Во вторникъ герой нашего разсказа, не теряя времени, поднялся съ постели очень рано, намочилъ навозъ и принялся вмѣстѣ съ матерью готовить изъ него кизяки. Когда кизяки были готовы, качаль - Назаръ собралъ ихъ въ мѣшки, навьючилъ на ословъ и пустился въ путь, попрощавшись съ матерью.

Шелъ онъ долго, гналъ ословъ всё впередъ; наконецъ ему по дорогѣ пришлось остановиться въ одномъ постояломъ дворѣ. Не развьючивая еще ословъ, онъ сказалъ хозяину постоялаго двора:

— „Хозяинъ, у меня товаръ самый дорогой; я его никому не могу довѣрить; и потому прошу отвести мнѣ безопасную комнату“.

Удивленный хозяинъ тотчасъ же исполнилъ просьбу гостя. Развьючили ословъ, и дорогой товаръ, какъ самъ качаль называлъ его, помѣстили въ удобную комнату. Послѣ этого нашъ хитрецъ началъ ходить по двору взадъ и впередъ, высмотрѣлъ всё, а затѣмъ сдѣлалъ распоряженіе объ ужинѣ. Онъ

приказалъ зарѣзать барашка, приготовить хорошій пловъ и подать къ ужину напитки. Всѣ постояльцы удивляются и, считая его богачомъ, завидуютъ ему.

На томъ же постояломъ дворѣ за часъ до пріѣзда Назара остановился богатый персидскій купецъ, торговавшій коврами, шалями и другими шелковыми товарами. Купецъ этотъ хотѣлъ поговорить съ плѣшивцемъ, но не осмѣливался подойти къ нему. Подали Назару умыться, послѣ чего онъ зашелъ въ свою комнату, которая освѣщалась сальной свѣчой. Богатый купецъ зашелъ, наконецъ, къ плѣшивцу, познакомился съ нимъ и спросилъ у него, кто онъ такой, откуда ѣдетъ, чѣмъ занимается и какъ его звать.

Качаль спокойно отвѣтилъ на эти вопросы и предложилъ ему посидѣть. Купецъ не согласился, а попросилъ его къ себѣ въ комнату. Качаль сначала въ полъ-голоса отказался, но потомъ заперъ свою комнату большимъ замкомъ и зашелъ къ купцу. Замѣтивъ въ комнатѣ купца товаръ, качаль просилъ позволенія посмотреть его.

— „Богъ послалъ мнѣ счастье... Не зѣвай, качаль!“ сказалъ про себя Назаръ и приказалъ подать ужинъ въ комнату купца. Начали ужинать. Нашъ герой наливаетъ винный стаканъ водки и подаетъ мусульманину. Этотъ наотрѣзъ отказывается пить ее, но нашему хитрецу не много труда стоило убѣдить купца въ томъ, что спиртные напитки приносятъ большую пользу: взялъ персіянинъ стаканъ съ водкой и осушилъ его до капли. Хозяинъ двора съ людьми своими давно уже спятъ, а качаль все поднаиваетъ своего собесѣдника. Наконецъ послѣдній опьянѣлъ такъ сильно, что заснулъ тутъ же, „у скатерти.“ Качаль достигъ своей цѣли; онъ тихо вышелъ на дворъ, гдѣ царилъ ночная тишина, зашелъ въ конюшню и вывелъ пять лучшихъ коней, навьючилъ на нихъ товаръ персіянина и, не рассчитавшись съ хозяиномъ постоялаго двора, пустился въ обратный путь, къ себѣ до-

мой. Спѣшитъ онъ, смотритъ на небо и проситъ помощи у Творца, какъ всякій въ трудную минуту жизни... Онъ ѣхалъ къ себѣ домой по такимъ глухимъ, безлюднымъ дорогамъ, что ему едва черезъ мѣсяцъ удалось добраться до дома.

Односельцы, узнавъ о пріѣздѣ его, приходили къ нему съ поздравленіями, называли его, теперь уже не качаль-Назаромъ, какъ было, а—Назаръ-ага *). Каждый изъ сельчанъ спрашивалъ его, какъ онъ пріобрѣлъ такое богатство, откуда и когда.

— „Очень просто“, говорилъ Назаръ; „кто изъ васъ пожелаетъ разбогатѣть, какъ я, пусть онъ возьметъ навозу и сдѣлаетъ изъ него кизяковъ и везетъ на продажу: они продаются въ другихъ городахъ нарасхватъ, для приготовленія лѣкарства“.

Крестьяне повѣрили этому и принялись за приготовленіе кизяковъ такъ усердно, что цѣна на навозъ поднялась не только въ томъ селеніи, гдѣ жилъ качаль, но даже и въ другихъ селахъ и дѣвевняхъ. Свои кизяки поселяне навьючили—кто на лошадей, кто на быковъ, а нѣкоторые на ословъ и повезли продавать по городамъ и селамъ, указаннымъ качаль-Назаромъ. И вотъ куда они ни являлись съ такимъ товаромъ, вездѣ надъ ними смѣялись и гнали, такъ что они принуждены были вернуться съ пустыми руками по домамъ.

На слѣдующій день одураченные односельцы Назара, собравшись вмѣстѣ, напали на него и избили до полусмерти, а имущество его растащили по домамъ.

Избитый хитрецъ пролежалъ больнымъ цѣлый мѣсяцъ. Поправившись, наконецъ, кое-какъ и вставъ съ постели, онъ сказалъ: „Я не сынъ одного отца и одной матери не качаль-Назаръ, если съ вами не расправлюсь за то, что вы сдѣлали: мое богатство, разграбленное вами, не даромъ достанется вамъ! только подождите до поры, до времени!“

Взялъ онъ шкуру быка и разрѣзалъ ее на виду у своихъ сельчанъ на множество кружочковъ, въ величину монетъ: гривенника, пятиалтыннаго, двугривеннаго и четвертака; наполнилъ этими кружками кожи свою сумку, положилъ ее на единственную свою лошадь, потомъ, поцѣловавъ руку своей матери, опять выѣхалъ искать наживы. Ёхалъ дни, недѣли, но разбогатѣть все не представлялось случая. „Что же дѣлать?“ подумалъ про себя качалъ, „вернуться мнѣ безъ наживы домой? Но что скажутъ мои враги, односельцы? Нѣтъ, я этого перенести не могу! Лучше еще поброжу по свѣту, — быть можетъ, гдѣ-нибудь и найду себѣ удачу“.

Надежда не обманула качала: въ одномъ городѣ онъ познакомился съ нѣкоторымъ богачомъ-милліонеромъ, который проживалъ одиноко въ собственномъ домѣ, находившемся на краю этого города. Качалъ своими умными рѣчами обратилъ на себя вниманіе милліонера, и послѣдній принялъ его въ свой домъ. Чтобы убѣдиться въ честности своего гостя, богачъ неоднократно подбрасывалъ то деньги, то ключи отъ сундука, то драгоцѣнные камни. Но нашего хитреца поймать на этомъ нельзя было: подброшенные вещи качалъ подымалъ и отдавалъ богачу, говоря, гдѣ онъ нашелъ ихъ. Этими поступками онъ совершенно расположилъ къ себѣ богача, и послѣдній ключи отъ сундука, большею частью, оставлялъ у Назара. Однажды богачу пришлось выѣхать въ другой городъ, чтобы получить отъ своего должника деньги. Уѣзжая, онъ оставилъ плѣшивца съ своимъ домѣ полнымъ хозяиномъ. Очень обрадовался качалъ этому: давно онъ дожидался такого случая. Какъ только стемнѣло, онъ взялъ ключъ отъ большого сундука, открылъ его, забралъ всѣ драгоцѣнные вещи, деньги, какія только нашелъ въ немъ, потомъ сѣлъ на одну изъ лошадей богача и поѣхалъ къ себѣ домой.

Качалъ нашелъ дома свою мать совершенно постарѣв-

шею. Опять со стороны односельцевъ пошли поздравленія и добрыя пожеланія, съ тѣмъ, чтобы ага-Назаръ не отказался имъ разсказать о томъ, какъ онъ вторично разбогатѣлъ.

— „При васъ я изъ кожи приготовилъ деньги и уѣхалъ на заработки?“ говорилъ любопытнымъ Назаръ, „вотъ, какъ вы сами видите, вернулся не бѣднымъ; я думаю, кто изъ васъ захочетъ быть богатымъ, какъ и я, долженъ ѣхать далеко, чуть ли не на самый край свѣта; тогда онъ можетъ разбогатѣть, смѣло могу сказать, не меньше меня!“ отвѣчалъ качалъ на вопросы своихъ земляковъ.

Опять повѣрили качалу. Начались угощенія. Приглашаютъ Назара всюду. Каждый изъ крестьянъ рѣжетъ быка, корову, барана: мясо идетъ на приготовленіе обѣда, а изъ высушенной кожи готовятъ кожаныя монеты и выѣзжаютъ на чужбину, искать себѣ счастья.

Но, конечно, и попытки разбогатѣть съ помощью кожаныхъ денегъ оканчиваются полною неудачею: земляки качала не только ничего не пріобрѣли, но даже отовсюду были выгнаны, какъ сумасшедшіе. Вынужденные неудачами возвратиться къ себѣ домой, они рѣшились требовать отъ виновника, качала, понесенныхъ ими убытковъ. Назаръ сильно рассердился на нихъ и приказалъ выгнать ихъ изъ своего дома. Односельцы тогда окончательно озлобились противъ качала и рѣшили убить его, какъ только наступитъ ночь.

Хитрецъ Назаръ отъ своихъ доброжелателей узналъ о намѣреніи своихъ враговъ и потому, когда наступилъ вечеръ, ушелъ изъ дому. Шелъ онъ недолго и встрѣтился съ однимъ пастухомъ, который пасъ большое стадо рогатого скота и лошадей. Подходя къ нему, Назаръ началъ плакать, какъ ребенокъ. Пастухъ спросилъ его о причинѣ его горя. И тутъ хитрецъ сказалъ ему слѣдующее:

— „Какъ мнѣ несчастному не горевать, не плакать?! наше общество выбираетъ меня въ старшины. Развѣ я годенъ

для этого высокаго званія? Вотъ если бы тебя, какъ высокаго, статнаго, и, какъ видно, очень умнаго, котораго всякій могъ бы бояться, выбрали въ старшины, тогда было бы другое дѣло! Ты созданъ для этого! Если только желаешь быть повелителемъ нашего огромнаго общества, то одѣнься въ мое платье и ступай въ мой домъ, я увѣренъ, что мои односельцы непременно тебя выберутъ“.

Согласился преглупый пастухъ и, поручивъ свое стадо качалу, одѣлся въ его платье и отправился прямо къ нему домой. Мать Назара, увидѣвъ пастуха, сейчасъ догадалась, въ чемъ дѣло, и поторопилась принять его какъ можно лучше: подала хорошій ужинъ съ напитками; пастухъ съ аппетитомъ поужиналъ и легъ спать съ полною надеждою, что будетъ обществомъ выбранъ въ старшины.

Въ полночь враги Назара ворвались въ домъ его и, не узнавъ, кто лежитъ, убили пастуха. Мать подняла плачь и рыданія. Убійцы, боясь, какъ бы на ея вопли не собрались всѣ сосѣди, унесли мертваго пастуха и бросили въ рѣку Араксъ, а сами скрылись по своимъ домамъ. Настало утро. Мать все плачетъ о смерти сына. Слухъ о смерти плѣшивца распространился повсюду; почти всякій изъ сельчанъ радовался этому случаю и проклиналъ покойника. Между тѣмъ солнце поднялось довольно высоко, и за селеніемъ видна стала огромная туча пыли, приближавшаяся все ближе и ближе къ селенію: всѣ смотрѣли на это явленіе съ недобумбіемъ и ожидали послѣдствій. Наконецъ они увидѣли качаль-Назара, гнавшаго огромное стадо быковъ, коровъ, буйволовъ, вмѣстѣ съ отборными породистыми лошадьми. Удивились убійцы, переглянулись и не вѣрятъ глазамъ своимъ. Качаль съ радостнымъ лицомъ встрѣчается съ односельцами, здороваётся съ ними и приказываетъ подпаскамъ гнать стадо къ нему домой.

Наконецъ односельцы не вытерпѣли и обратились къ

Назару съ распросами о томъ, какъ онъ, будучи мертвымъ, досталъ такое огромное стадо.

— „Мало ли въ Араксѣ скота?!“ отвѣтилъ Назаръ, „стоитъ только поглубже окунуться въ воду, тогда животныя прикасаются къ ногамъ, и можно на выборъ таскать ихъ изъ воды, сколько душѣ угодно“.

Опять повѣрили хитрецу: бѣгутъ къ рѣкѣ и старъ и младъ, и мужчины и женщины доставать изъ Аракса скотъ. Только, кто ни бросался въ стремительныя волны этой рѣки, тотъ навсегда разставался съ жизнью. Такая участь постигла множество односельцевъ Назара, а остальныхъ, оставшихся въ живыхъ, онъ принудилъ уважать себя. И вотъ, такимъ образомъ, хитрый качаль-Назаръ, нажилъ огромное состояніе, женился на одной красавицѣ, сталъ жить и поживать, да добра наживать.

Не даромъ говоритъ армянская пословица: Избави Богъ насъ отъ плѣшиваго, слѣпого и хромого.

Записалъ въ Джаграхъ, Нахичеванскаго уѣзда, Эриванской губерніи, смотритель Эриванскаго городского училища *Ст. Сумбатянцъ*.

4. Сказка о двухъ братьяхъ.

Жилъ бѣдный мужикъ съ женой; у нихъ было два сына. Мужикъ занимался хозяйствомъ, а дѣти его пасли стадо барановъ. Разъ мужикъ отправился въ лѣсъ за дровами и дѣтяно наткнулся на птичье гнѣздо, въ которомъ лежало два яйца. Мужикъ взялъ одно изъ нихъ, осмотрѣлъ его и положилъ въ карманъ, подумавъ про себя: „Навѣрно, это яйцо имѣетъ какую-нибудь силу, потому что оно по виду не обыкновенное.“ Другое же яйцо онъ оставилъ птицѣ; затѣмъ нарубилъ дровъ, положилъ ихъ на возъ и возвратился домой.

На слѣдующій день, утромъ, мужикъ взялъ яйцо и пришелъ въ городъ на рынокъ. Здѣсь онъ встрѣтилъ человѣка съ очками,—это былъ городской докторъ. Онъ увидѣлъ яйцо въ рукахъ мужика и спросилъ, гдѣ онъ досталъ его. Мужикъ разказалъ и прибавилъ, что другое яйцо онъ оставилъ птицѣ. Докторъ купилъ у мужика яйцо и попросилъ принести и другое, но мужикъ отказался, говоря, что ему жаль той птицы. Тогда докторъ попросилъ мужика познакомить его со своимъ семействомъ. Мужикъ согласился и пригласилъ доктора къ себѣ на обѣдъ. Докторъ пришелъ и познакомился съ женой и сыновьями мужика. И вотъ однажды, когда мужика не было дома, а дѣти пасли стадо, докторъ явился въ домъ мужика и сказалъ его женѣ:

— „Я долго просилъ твоего мужа достать мнѣ яйцо одной замѣчательной птицы, но онъ все отказывается; теперь я вижу, что мнѣ нужна сама птица; я знаю, что онъ любитъ и уважаетъ тебя,—попроси мужа, чтобы онъ поймалъ ту птицу и принесъ тебѣ; ты же возьми птицу, ея голову и сердце отдѣли, зажарь ихъ отдѣльно, положи въ пловъ и потомъ сохрани для меня. Знай, что болѣе всего мнѣ нужны голова и сердце птицы; поэтому постарайся, чтобы они были въ цѣлости; я за это вознагражу тебя“.

Жена согласилась исполнить просьбу доктора и попросила мужа принести эту птицу; мужикъ принесъ, а она сдѣлала такъ, какъ ей было сказано, и, спрятавъ пловъ съ птицей въ шкапъ, ушла къ сосѣдямъ. Въ это время пришли домой ея сыновья, стали искать чего-нибудь поѣсть и нашли пловъ съ жареной птицей, но рѣшили такъ: старшему съѣсть голову, младшему—сердце птицы, а тѣло птицы оставить родителямъ. Какъ задумали, такъ и сдѣлали, и потомъ ушли обратно къ стаду. Пришла ихъ мать и очень удивилась, не найдя на блюдѣ ни головы, ни сердца птицы. Сосѣди сказали хозяйкѣ, что въ ея отсутствіе приходили сыновья,—они, можетъ-

быть, и съѣли. Пришелъ докторъ, узналъ объ этомъ и сказалъ женѣ мужика:

— „Вы живете бѣдно, а ваши дѣти мало помогаютъ вамъ; я дамъ вамъ много денегъ, если только позволите зарѣзать вашихъ дѣтей и вынуть изъ ихъ внутренностей птичью голову и сердце“.

Жестокая мать согласилась. Узнала объ этомъ одна старуха, призвала къ себѣ пастуховъ и сказала, какая имъ угрожаетъ опасность дома; при этомъ дала имъ по одному хлѣбу и отправила въ путь. Долго шли оба брата и, наконецъ, пришли къ такому мѣсту, гдѣ дорога расходилась. Здѣсь стояла скала съ надписью: „Правая дорога ведетъ къ добру, лѣвая —къ худу“. Братья рѣшили, —одному пойти по одной, другому —по другой дорогѣ. Младшій пошелъ по лѣвой, старшій—по правой дорогѣ.

Долго шелъ младшій братъ по своей дорогѣ, наконецъ усталъ и легъ спать, подложивъ подъ голову камень. Черезъ нѣкоторое время всталъ и нашелъ подъ головою кошелекъ съ золотомъ и серебромъ. Онъ пошелъ далѣе и опять заснулъ, и опять нашелъ кошелекъ съ золотомъ и серебромъ. Такъ случалось съ нимъ каждый разъ послѣ сна. Вечеромъ слѣдующаго дня онъ пришелъ въ какой-то городъ и, увидѣвъ старуху, спросилъ её, не приметъ ли она гостя.

— „Отчего жъ“, отвѣтила старуха: „Богъ велитъ давать пріютъ всѣмъ, не имѣющимъ крова. Пойдемъ!“

Такимъ образомъ, младшій сынъ мужика сталъ жить у старухи. Однажды онъ сидѣлъ дома и вспомнилъ о своемъ братѣ. Вдругъ промелькнула предъ нимъ какая-то фигура. Онъ удивился и спросилъ старуху, которая въ это время пряла шерсть, что это такое. Старуха объяснила ему, что противъ ея дома находится царскій дворецъ, а на балконѣ ходитъ царская дочь, такая красавица, что свѣтъ отъ нея лучеобразно расходится во всѣ стороны. Гость нашъ попросилъ

силъ старуху непременно познакомить его съ царевной. На другое утро старуха взяла съ собою юношу, пришла во дворецъ и здѣсь представила юношу царевнѣ. Последняя съ радостью приняла чужестранца и, послѣ долгихъ распросовъ, предложила ему играть въ карты. Начали они играть, и все выигрывала царевна; удивляясь неистощимому богатству иностранца, который всякій разъ платилъ большія деньги, царевна однажды обратилась къ отцу съ такими словами:

— „Отецъ, вотъ уже нѣсколько дней этотъ чужестранецъ играетъ со мной и всё проигрываетъ; если бы я столько проиграла, то, навѣрно, мы потеряли бы всю нашу казну. Откуда у него столько денегъ?“

Царь не могъ ничего отвѣтить и рѣшилъ призвать кудесника. Кудесникъ пришелъ и объяснилъ такъ:

— „Этотъ юноша когда-то проглотилъ сердце необыкновенной птицы; въ этомъ сердцѣ и заключается неистощимая сила его богатства; эту силу можно отнять у него; для этого нужно напоить его виномъ; его вырветъ, и онъ выброситъ цѣльное птичье сердце. Кто вымоетъ и проглотитъ это сердце, къ тому и перейдетъ эта сила“.

Послѣ того, какъ кудесникъ ушелъ, царевна рѣшила испробовать указанное средство. На другой день она пригласила юношу на обѣдъ и, напоивъ его виномъ, предложила отдохнуть послѣ обѣда въ отдѣльной комнатѣ. Во время рвоты онъ выбросилъ сердце птицы въ тарелку, поставленную у кровати, а затѣмъ заснулъ. Пришла царевна, взяла птичье сердце, вымыла его въ водѣ и въ видѣ лѣкарства приняла внутрь. Къ вечеру гость ея проснулся, умылся и сѣлъ съ царевной играть въ карты. Играли они долго, наконецъ, юноша проигралъ все, возвратился домой и легъ спать, но, когда всталъ, къ его удивленію, подъ головою у него кошелька съ деньгами не оказалось. Тогда онъ съ разбитымъ сердцемъ простился со старухой и отправился въ путь искать счастья въ

другой странѣ. За городомъ онъ нашель желѣзный обручъ и, взявши его, продолжалъ итти. Приблизился онъ, наконецъ, къ морю. Издали юноша замѣтилъ, что на берегу моря спорять три „дива“ *). Сначала юноша испугался, но потомъ рѣшился подойти къ дивамъ. Послѣдніе, увидѣвъ юношу, сказали: „Вотъ Богомъ созданный и любимый человекъ: обратимся къ нему, онъ разрѣшитъ нашъ споръ“. Юноша спросилъ, о чемъ они спорили; дивы сказали, что ихъ родители оставили имъ въ наслѣдство четыре предмета: саблю, коверъ, феску и скатерть, и они желаютъ ихъ раздѣлить между собою, но какъ они ни дѣлятъ, все одинъ предметъ—лишній. „Поэтому“, прибавили дивы, „если ты въ состоянїи, то раздѣли это наслѣдство между нами такъ, чтобы никто изъ насъ не былъ обиженъ“.

Юноша потребовалъ принести эти предметы. Дивы принесли. Потомъ юноша спросилъ, какую силу имѣетъ каждый изъ этихъ предметовъ. Дивы объяснили, что сабля имѣетъ ту силу, что, при нанесенїи ею удара по какому-либо предмету, послѣдній дѣлается тѣмъ, чѣмъ угодно ударяющему; при этомъ нужно только сказать вслухъ, что желательно. Коверъ имѣетъ свойство перенести въ одну минуту, куда угодно, нужно только сѣсть на него и сказать, куда хочешь быть доставленнымъ. Феска даже среди бѣлаго дня дѣлаетъ невидимымъ того, кто её надѣваетъ. Наконецъ, скатерть, можетъ дать всё съѣстное, стоитъ только потребовать. Узнавъ значеніе каждаго предмета, юноша опредѣлилъ каждому диву по одному предмету, относительно же четвертаго сказалъ:

— „Вотъ я покачу этотъ обручъ, и кто изъ васъ скорѣе поймаетъ его и принесетъ мнѣ, тотъ и получитъ четвертый предметъ“.

Юноша покатилъ обручъ, дивы бросились за нимъ. Въ

*) Дивами называются баснословные великаны, которые, по понятію народа, дѣлкомъ глотаютъ даже людей.

это время юноша надѣлъ феску и сдѣлался невидимымъ; затѣмъ, онъ сѣлъ на коверъ, захватилъ съ собою остальные вещи и приказалъ коври:

— „Быть мнѣ на кровлѣ дворца того царя, съ дочерью котораго я игралъ въ карты“.

Дивы возвратились и, разумѣется, не нашли ни юноши, ни наслѣдства, а юноша въ это время уже былъ на крышѣ царскаго дворца. Здѣсь онъ потребовалъ отъ скатерти самый роскошный обѣдъ; затѣмъ, ударилъ саблей по землѣ и потребовалъ музыкантовъ; послѣдніе немедленно явились, и начался веселый пиръ. Услыхала царица на крышѣ музыку и послала служанку узнать, кто это безъ ея позволенія залѣзъ на крышу царской палаты. Пришла служанка: слышитъ шумъ и музыку, а людей не замѣчаетъ. Это была сила фески: она сдѣлала невидимыми не только хозяина-юношу, но и его музыкантовъ. Долго стояла служанка. Наконецъ, приподнялся юноша съ своего мѣста, подошелъ къ служанкѣ и ущипнулъ ей руку. Служанка почувствовала это, но не увидѣла юноши. Она возвратилась къ царицѣ и рассказала, что на крышѣ нѣтъ никого. Царица послала другую служанку, и эта послѣдняя возвратилась съ тѣмъ же отвѣтомъ. Тогда царица рѣшилась сама пойти и посмотрѣть, что тамъ такое. Пришла: слышитъ музыку, а не видитъ пирующихъ. Въ это время юноша подошелъ къ царицѣ, ущипнулъ ей руку и снялъ феску. Царица увидѣла юношу; она пригласила его въ царскія палаты, приготовила обѣдъ, и они сѣли обѣдать. Во время обѣда царица объявила юношѣ, что она согласна выйти за него замужъ, если только онъ скажетъ, какую силу имѣютъ феска, коверъ, сабля и скатерть. Юноша рассказалъ ей обо всемъ. Послѣ обѣда царица предложила юношѣ пойти на прогулку. Они сѣли на коверъ и поѣхали къ морю. На берегу моря юноша легъ спать, царица же не спала и гуляла поблизости. Когда юноша былъ въ глубокомъ снѣ, царица подошла къ спя-

щему и столкнула его въ море, сама же сѣла на коверъ и унеслась во дворецъ вмѣстѣ съ захваченными вещами.

Несчастный юноша долго бился въ морѣ, наконецъ вышелъ на берегъ. Здѣсь онъ высушилъ одежду и пустился въ дорогу. Пришелъ онъ къ одной яблонѣ. „А попробую яблокъ“, сказалъ себѣ юноша и быстро полѣзъ на дерево. Съѣлъ одно яблоко, хотѣлъ-было съѣсть и другое, но, къ несчастью, съ нимъ случилось необычайное происшествіе: отъ яблока онъ сталъ вверхъ ногами. Между тѣмъ прилетѣли къ этому мѣсту три голубя. Они увидѣли юношу и рѣшились помочь ему. Одинъ изъ нихъ сказалъ, что если юноша поѣстъ цвѣтовъ „эвицагика“ *), то онъ поправится; другой сказалъ, что если юноша сплететъ изъ „заячьей травы“ обувь и надѣнетъ её, то смѣло перейдетъ море; третій голубь сказалъ, что юноша можетъ изъ яблоневой коры сплести корзину и наполнить её яблоками, и это поможетъ ему достигнуть цѣли. Выслушавъ все это на яблони, юноша съ большимъ трудомъ слѣзъ съ дерева. Къ счастью, все, что нужно было ему, нашлось поблизости. Онъ сдѣлалъ такъ, какъ ему совѣтовали голуби: съѣлъ немного цвѣтовъ эвицагика и выздоровѣлъ; изъ коры яблони сплелъ корзину и наполнилъ её яблоками; изъ „заячьей травы“ приготовилъ обувь, надѣлъ её и перешелъ море.

Затѣмъ, онъ отправился въ столицу, пришелъ къ царскому дворцу и громкимъ голосомъ призывалъ желающихъ купить за небольшую цѣну хорошія яблоки. Вышла служанка царевны и удивилась при видѣ такихъ дешевыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ крупныхъ, сочныхъ, румяныхъ яблокъ. Пошла и сказала объ этомъ царевнѣ; послѣдняя приказала служанкѣ купить всю корзину. Служанка купила и принесла корзину во дворецъ, а мнимый торговецъ удалился. Въ этотъ день у царевны были гости. Послѣ обѣда предложили гостямъ эти не-

*) Эвицагикъ—растеніе, стебель котораго идетъ на вѣники.

обыкновенныя яблоки. Гости попробовали ихъ, попробовала и царица, и съ ними случилось то же, что и съ юношей на яблони. Царь догадался, что это отъ яблокъ, но уже было поздно: продавецъ скрылся.

Черезъ нѣсколько дней мститель пришелъ во дворецъ и объявилъ царю, что онъ исцѣлитъ всѣхъ, если только царь исполнитъ его желаніе. Царь обѣщался исполнить, и юноша исцѣлилъ всѣхъ, кромѣ царицы, которая въ это время была въ отдѣльной комнатѣ. Юноша вошелъ въ эту комнату и потребовалъ вина. Принесли вина. Онъ далъ ей выпить столько, что она опьянѣла. Ее вырвало и сердце птицы было выброшено. Юноша взялъ птичье сердце, вымылъ въ водѣ и проглотилъ. Затѣмъ онъ сказалъ царицѣ, что это только начало ея исцѣленію, и что онъ не исцѣлитъ ея окончательно до тѣхъ поръ, пока она не возвратитъ ему похищенныхъ у него вещей. Царица не соглашалась-было, но её сталъ уговаривать самъ царь, и она согласилась. Царь открылъ сундукъ, досталъ коверъ, саблю, скатерть и феску и возвратилъ юношѣ. Юноша тогда разостлалъ у дверей комнаты коверъ, положилъ свои вещи на него и позвалъ къ себѣ царицу. Она съ трудомъ дотащила до него. Жестокій мститель и теперь не думалъ исцѣлить царицу. Онъ надѣлъ феску и сдѣлался невидимъ, затѣмъ взялъ саблю и ударилъ ею царицу со словами: — „О сабля, нечего мнѣ болѣе желать: сдѣлай изъ нея бѣлую ослицу!“.

Потомъ онъ обратился къ коври:

— „Дорогой коверъ,—къ брату, котораго давно я не видалъ!“.

Старшій братъ послѣ того, какъ выбралъ „добрую“ дорогу, долго шелъ по ней. Благодаря своему уму, который явился подъ вліяніемъ головы птицы, онъ все богатѣлъ; наконецъ, пришелъ онъ въ незнакомую ему страну. Здѣсь жители выбрали его въ цари. Въ эту-то страну и пріѣхалъ мень-

шой братъ. Послѣ долгой разлуки братья встрѣтились и крѣпко обнялись. Они начали рассказывать, что съ ними случилось во время разлуки, когда одинъ пошелъ по одной, а другой—по другой дорогѣ.

— „Давно нѣтъ вѣсти отъ отца“, сказалъ наконецъ, меньшій: „какъ-то поживетъ онъ? здоровъ-ли?“

— „Нѣтъ, дорогой, я вчера получилъ отъ него письмо“, отвѣтилъ старшій: „онъ пишетъ, что сильно боленъ, и если сегодня вечеромъ мы не успѣемъ явиться къ нему, то завтра утромъ, быть-можетъ, найдемъ его уже мертвымъ. Какъ тутъ поступить? Онъ такъ далеко отъ насъ живетъ, между тѣмъ я увѣренъ, что если бы мы были тамъ, то онъ не умеръ бы“.

Меньшій братъ успокоилъ его, говоря, что они въ одинъ мигъ могутъ быть у отца. Сѣли братья на коверъ и очутились у отца, а онъ былъ почти при смерти. Братья помолились, и отецъ началъ возвращаться къ жизни и, наконецъ, совершенно выздоровѣлъ. По выздоровленіи отца сыновья взяли его во дворецъ старшаго брата, а мать оставили жить попрежнему, въ наказаніе за то, что она согласилась погубить жизнь своихъ сыновей изъ-за денегъ.

Отецъ весело проводилъ послѣдніе дни своей жизни у сыновей. Разъ они сидѣли и о чемъ-то разговаривали. Вдругъ кто-то позвонилъ у подъѣзда. Вышелъ старшій братъ и увидѣлъ бѣлую ослицу. Онъ пришелъ и рассказалъ брату. Братъ на это сказалъ:

— „Это не ослица, а другое существо, и она хочетъ видѣть меня!..“

Тутъ онъ взялъ саблю, пришелъ къ дверямъ, ударилъ саблей ослицу по спинѣ со словами:

— „Явись красна дѣвица!..“

И тотчасъ передъ нимъ явилась царевна. Вскорѣ меньшій братъ обвинчался съ ней. Свадьба тянулась семь дней

и семь ночей. На свадьбу пригласили и отца царевны, но онъ по болѣзни не прѣхаль и самъ пригласилъ ихъ къ себѣ. Скоро онъ умеръ, и зять унаслѣдовалъ его царство и сталъ управлять имъ и счастливо жить да поживать со своей женой.

Записана въ г. Елисаветполѣ со словъ жителя этого города *Г. Саркисяна* воспитанникомъ Закавказск. учит. семинаріи *Б. Шайнянцемъ*.

5. Злой царь *).

Въ одной изъ богатѣйшихъ странъ вселенной жилъ былъ государь. У этого царя было три сына. А въ самомъ царствѣ былъ обычай: подростій юноша выходилъ за городъ на высокій холмъ, откуда весь городъ виднѣлся какъ на ладони, и изъ лука стрѣлялъ въ городъ; въ чей домъ попадала стрѣла, оттуда онъ и бралъ себѣ невѣсту; если не было въ томъ домѣ взрослыхъ дѣвицъ, обществомъ назначали срокъ, чтобы подрасла въ томъ домѣ дѣвица, а если въ немъ не было дѣвицъ вовсе и нельзя было въ будущемъ ожидать, то выстрѣлившій изъ лука обрекалъ себя на безбрачіе. По установленному обычаю, государь женилъ сперва своихъ двухъ старшихъ сыновей, и очередь дошла до младшаго сына. Этотъ, по обычаю, вышелъ за городъ, выстрѣлилъ и пошелъ искать свою стрѣлу, но его стрѣлы не оказалось въ городѣ. Онъ пустился въ поиски за стрѣлою дальше, цѣлый день шелъ по направленію стрѣлы и, наконецъ, дошелъ до громадной скалы, вонзившись въ которую торчала его стрѣла. Здѣсь глубоко вздохнулъ юноша и съ горестью сказалъ: „о всемогущій Создатель! неужели мнѣ доли нѣтъ же-

*) Какъ эта сказка, такъ и слѣдующая, „Лисица и пастухъ“, записаны со словъ жителя сел. Баяндуръ, Егора Асланова, 65-ти-лѣтняго старика.

ниться!?” Онъ уже протянулъ руку, чтобы взять стрѣлу и вернуться въ родительскій домъ; но не успѣлъ еще снять стрѣлы, какъ предъ его глазами раздвинулась скала, и ему предстала новая дорога, по которой и пустился нашъ юноша. Шель онъ ровно три дня и три ночи и, наконецъ, увидѣлъ жилой домъ, куда и вошелъ отдохнуть. Здѣсь онъ нашель за столомъ старуху съ тремя сыновьями и тремя дочерьми, обѣдающихъ. Хозяева, при видѣ „земнороднаго“, съ радостью встрѣтили его, и старуха, посадивъ его по правую руку отъ себя, стала спрашивать:

— „Ну, что зять, почему такъ сильно опоздалъ?“ и стала подбивать, чѣмъ Богъ послалъ. Юноша удивлялся рѣчамъ невѣдомыхъ ему людей и съ нетерпѣніемъ ждалъ, чѣмъ кончится все. На слѣдующее утро, послѣ завтрака, старуха обратилась къ царевичу со словами:

— „Богу угодно было послать тебя намъ въ зятя, и мы не можемъ итти противъ Его воли: наша младшая дочь — твоя суженая“.

Родственники семь дней и семь ночей праздновали свадьбу и потомъ отпустили новобрачныхъ.

Въ разстояніи часа пути отъ родного города царевичъ замѣтилъ, что весь городъ увѣшанъ черными флагами, и народъ ходитъ въ траурѣ; это сильно заинтересовало и встревожило его, и онъ спросилъ перваго встрѣчнаго о причинѣ происшедшей въ городѣ перемѣны; тотъ ему отвѣтилъ, что жена государя недавно скончалась, и потому народъ ходитъ въ траурѣ. Эта вѣсть сильно опечалила царевича, такъ какъ умершая была его мать, и о причинѣ своей скорби онъ передалъ женѣ.

Царевичъ, вернувшись домой, счелъ неумѣстнымъ во дни скорби отца явиться къ нему съ молодою женою своею, помѣстилъ ее въ своихъ комнатахъ, а самъ отправился къ отцу, чтобы утѣшать его. Государь обрадовался возвращенію сына и, опасаясь, чтобы его сынъ не былъ обманутъ, вечеромъ

зашелъ посмотрѣть свою третью невѣстку. При видѣ молодой невѣстки глаза государя „въ затылокъ ушли“, и онъ съ разинутымъ ртомъ долго любовался ею. И было, чему удивляться и чѣмъ увлечься: жена третьяго принца красотой превосходила всѣхъ женщинъ царства, и отъ сіянія лица ея меркли луна и звѣзды. Государь плѣнился ея красотой и ушелъ отъ нея съ мыслью самому жениться на ней. Ночью онъ призвалъ къ себѣ самаго довѣреннаго изъ министровъ и, заведши рѣчь о своей покойной супругѣ, сказалъ:

— „Третій сынъ мой сегодня привезъ одну дѣвицу; сегодня же вынесли тѣло моей супруги!... Не случайно это совпаденіе: значитъ, судьба послала мнѣ ее взамѣнъ моей покойницы!.. Какъ ты думаешь объ этомъ?“

Лѣстивый везирь, догадавшись, что дѣвица приглянулась его повелителю, покривилъ душой и одобрилъ его мысль. Тогда государь сталъ совѣтоваться съ везиремъ, какъ бы устроить вѣрную гибель его младшему сыну; везирь на то отвѣтилъ, что стоитъ послать его къ царю девовъ, который живетъ въ ихъ царствѣ, и потребовать съ него семилѣтнюю дань, и девъ его съѣсть. Царь соглашается на предложеніе везиря, призываетъ къ себѣ сына и говоритъ ему:

— „Сынъ мой! мать твоя скончалась, и намъ нужно неоднократно устроить народу и войску обѣды, чтобы молились о душѣ покойницы, а между тѣмъ у насъ казна истощена долгими войнами. Съѣзди къ царю девовъ и привези отъ него не уплаченную имъ семилѣтнюю дань“.

Сынъ, не подозрѣвая ничего дурного въ порученіи отца, приказываетъ осѣдлатъ коня, а самъ заходитъ къ женѣ. Она въ это время сидѣла въ комнатѣ и плакала. Царевичъ, тронутый слезами жены, утѣшаетъ ее и спрашиваетъ о причинѣ ея горя. Она отвѣчаетъ ему:

— „Ты оставляешь меня одинокою здѣсь, а самъ, съ улыбкою на губахъ, ѣдешь къ царю девовъ, а того не зна-

ешь, что тебя тамъ убьютъ, и на мнѣ отецъ твой силою женится!“

Принцъ удивился рѣчамъ жены и спросилъ, какъ она узнала, что отецъ посылаетъ его къ царю девовъ, чтобы его тамъ убили, и что отецъ возьметъ ее въ жены. Та, въ отвѣтъ, объявила ему, что она—„пери“, и знаетъ то, что происходитъ въ сердцахъ людей за тридевять земель.

Царевичъ повѣрилъ словамъ жены и, испугавшись не на шутку, сталъ совѣтоваться съ нею, какъ бы избѣжать бѣды. Пери послала жениха въ домъ своихъ родителей попросить у ея старшаго брата коня и оружіе. Принцъ исполнилъ ея требованіе и досталъ коня ея старшаго брата, со сбруею. Тогда пери говорилъ своему мужу:

— „Какъ ты подъѣдешь къ горѣ, гдѣ живетъ царь девовъ, слѣзь съ лошади, крѣпче подтяни подпруги и поѣзжай къ подошвѣ горы; тамъ сторожатъ три дева. Пришпорь коня, достань шашку и бросься на караульныхъ: одного караульнаго коня копытами задавить, другому ты сруби голову, а третьяго пошли къ ихъ царю съ требованіемъ дани. Царь девовъ не унижить себя до того, чтобы платить дань земно-родному, а соберетъ войско и пойдетъ на тебя войною. При видѣ войска, три раза крѣпко пришпорь коня и ворвись въ непріятельскіе ряды: ты руби справа, а конь слѣва топтать будетъ; ты влѣво рубить станешь, а конь справа будетъ губить враговъ; наконецъ доберешься до царя; онъ съ испугу не подыметъ на тебя оружія, а будетъ умолять, чтобы ты не пачкалъ твоихъ рукъ въ его поганой крови, и согласится дать тебѣ требуемую дань; ты пощади его, и онъ дастъ тебѣ обѣщанное, а ты привези дань въ городъ; коня тогда отпусти, онъ пойдетъ домой, а самъ прямо иди къ государю, дай ему привезенное золото и скажи:

— „Вотъ тебѣ деньги! сунь себѣ ихъ въ глаза!“.

Царевичъ ѣдетъ за данью и счастливо возвращается въ

городъ въ то время, когда его отецъ съ двѣнадцатю назирь-везириями рѣшалъ важные государственные вопросы: онъ безъ спроса заходитъ въ совѣщательную залу, кладетъ передъ отцомъ мѣшокъ съ золотомъ и говоритъ во всеуслышаніе:

— „Вотъ тебѣ золото! бери и сунь себѣ его въ глаза!“

Сенаторы удивляются дерзкой выходкѣ молодого принца и расходятся раньше обыкновеннаго.

Царь опять призываетъ своего любимаго везиря и проситъ у него совѣта, какъ бы погубить сына. Везиръ отвѣчаетъ:

— „Государь, потребуй отъ него такого персидскаго ковра, на которомъ помѣстилось бы все твое войско и призванные на поминки гости, и чтобы еще часть осталась не занятой“.

Государь призываетъ къ себѣ сына и говоритъ ему:

— „Вотъ ты доставилъ мнѣ возможность щегольнуть предъ всѣмъ свѣтомъ своимъ богатствомъ; но мнѣ еще не достаетъ ковра, на которомъ усѣлись бы все мое войско и всѣ гости, приглашенные на поминки, такъ, чтобы еще часть ковра осталась не занятою. Добыть этотъ коверъ возлагаю на тебя. Не являйся ты мнѣ и на глаза, пока не найдешь желаннаго ковра!“.

Принцъ, надѣясь на свою жену, низко поклонился, давая знать о своемъ согласіи, и ушелъ къ женѣ. Жена посылаетъ мужа къ своей матери попросить у нея самый маленькій изъ ихъ ковровъ. Царевичъ приноситъ коверъ такой, что на немъ едва двое могутъ присѣсть. Тогда жена говоритъ мужу, чтобы онъ одѣлся въ ея одежду, а сама она, переодѣвшись въ одежду мужа, идетъ къ свекру; мужъ и жена ходили другъ на друга, какъ двѣ половинки одного и того же яблока, такъ что отличить было трудно.

Жена принца пошла къ свекру и говоритъ:

— „Отець, коверъ я привезъ! гдѣ прикажешь постлатъ его?“.

Удивленный царь указываетъ на свой самый большой цвѣточный садъ. Пери беретъ коверчикъ и растягиваетъ его: и онъ покрываетъ весь дворъ и часть его все-же-таки остается не развернутой; сѣли на немъ всѣ воины и гости и не заняли и половины его.

Побѣжденный царь опять призываетъ того же везира на совѣщаніе. На этотъ разъ везиръ совѣтуетъ потребовать отъ царевича, чтобы онъ добылъ такую кисть винограда, которой наѣлись бы всѣ воины и званые гости, и четверть которой все же таки осталась бы цѣлою. И это предложеніе государь приказываетъ исполнить сыну, и онъ, благодаря женѣ, исполняетъ въ точности. Государь опять призываетъ везира на совѣщаніе, но на этотъ разъ везиръ говоритъ:

— „Государь! жена твоего сына—пери, и она постигаетъ всѣ тайны человѣческаго сердца, и все, невозможное для насъ, исполняется по одному мановенію ея руки; потому для принца нѣтъ ничего невозможнаго, и, если ты безвозвратно рѣшилъ овладѣть его женой, то тебѣ придется за что-нибудь разгнѣваться на него и убить его“.

Царь отпускаетъ везира и, послѣ долгаго раздумья, призываетъ молодого принца и говоритъ ему:

— „Сынъ! какъ тебѣ извѣстно, я почтилъ память твоей матери девятьсотъ-девяносто-девятью поминальными обѣдами и еще хочу дать въ послѣдній разъ такой обѣдъ, чтобы о немъ говорили во всѣхъ концахъ вселенной, пока существуетъ міръ; только у меня казна давнымъ-давно истощилась, и привезенную тобою отъ царя девоу семилѣтнюю дань я уже израсходоваль; надежда моя на зарытый покойницею кладъ, мѣсто котораго я позабылъ. Сходи къ матери и отъ нея узнай, гдѣ зарыты день-

ги, и не смѣй явиться ко мнѣ на глаза, пока не исполнишь моего требованія!“.

Сынъ въ отчаяніи отъ послѣдняго приказанія отца. Чуть не въ слезахъ идетъ онъ къ женѣ рассказать свое горе. Жена утѣшаетъ его и совѣтуетъ просить у царя сорокодневнаго отпуска, для исполненія его воли. Сынъ идетъ къ государю и говоритъ ему:

— „Царь, для исполненія твоего требованія мнѣ нужно сорокъ дней, и если послѣ назначеннаго срока не вернусь, то ноги моей жены сунь себѣ въ глаза“.

Послѣ назначенія срока, царевичъ, по совѣту жены, идетъ къ своимъ шурьямъ, съ просьбою доставить его на небеса, гдѣ живутъ души умершихъ. Младшій и второй на отрѣзъ отказываются; царевичъ на колѣнахъ умоляетъ старшаго не отказать. Тотъ, отличаясь большимъ добродушіемъ, сердится на своихъ двухъ младшихъ братьевъ за ихъ нелюбезность къ зятю и проситъ его, чтобы онъ на его же лошади немедленно поскакалъ въ городъ купить семь цѣльныхъ кусковъ бязи, пудъ ваты и длинный кусокъ веревки. По полученіи необходимыхъ предметовъ, старшій шуринъ приказываетъ зятю, когда они доѣдутъ до солнечнаго царства, чтобы на крики: „Ловите, рѣжьте земнороднаго“ онъ не издавалъ никакого звука, а то оба они погибнутъ безвозвратно. Царевичъ отвѣчаетъ, что онъ не только на угрозы не откликнется, но если бы и рѣзать стали его на мельчайшіе куски, то и тогда ничего не сказалъ бы. Пери, крѣпко привязавши зятя къ спинѣ, съ быстротою вихря мчится на небеса. Въ солнечномъ царствѣ за ними пускаются въ погоню, поднимается крикъ, шумъ, духота отъ невыносимаго жару; но все оканчивается благополучно. Миновавъ всѣ опасности, пери спускаетъ зятя съ плечъ на зеленомъ лугу и говоритъ:

— „Дальше я не въ правѣ ходить, и потому далѣе ты

одинъ долженъ идти, и вотъ что я могу тебѣ сказать: на дорогѣ ты встрѣтишь человѣка, лежащаго поперегъ воды,—ты пройдешь черезъ его спину и остановишься на берегу рѣки, въ которой полосами течетъ вода трехъ цвѣтовъ: чернаго, краснаго и желтаго,—тамъ ты увидишь свою мать“.

Принцъ пускается въ путь и на дорогѣ прежде всего видитъ женщину, къ груди которой прицѣпились два щенка и мучаютъ ее. Онъ поздоровался съ нею и предложилъ ей свои услуги, чтобы оторвать щенятъ, но она кротко отвѣчаетъ:

— „Сынокъ, опоздаешь! иди за своимъ дѣломъ, а на обратномъ пути узнаешь обо всемъ“.

Царевичъ идетъ далѣе и видитъ голую дрожащую отъ холода женщину, а кругомъ нея разбросаны десятками шелковыя и другія дорогія одѣянія и разныя украшения. Поздоровался съ нею принцъ и посоветовалъ ей укрыться лежащими около нея платьями; но эта женщина отвѣтила такъ же, какъ предшествовавшая. Царевичъ подвигается далѣе и видитъ старика съ почтенной сѣдиной въ бородѣ: онъ стоитъ надъ котломъ крови, черпаетъ разливной ложкою кровь и пьетъ, а между тѣмъ кругомъ него въ громадныхъ котлахъ варится мясо. Принцъ, удивленный поступкомъ старика, поздоровавшись, спрашиваетъ о причинѣ такого поступка. Но старикъ, подобно своимъ предшественницамъ, не отвѣчаетъ на его вопросъ и совѣтуетъ сперва исполнить свое дѣло, и говоритъ, что на обратномъ пути онъ получитъ отвѣтъ. Далѣе царевичъ видитъ тощаго быка среди цвѣтистыхъ луговъ, удивляется его худобѣ и хочетъ сорвать для него травы, но быкъ также совѣтуетъ ему исполнить сперва свое дѣло. Подвигаясь еще далѣе, царевичъ видитъ на каменистой скалѣ удивительно тучнаго быка, который жуется, тогда какъ кругомъ него на десятки верстъ не растетъ ни одной травки. Царевичъ, поздоровавшись съ быкомъ, спраши-

вааетъ о причинѣ его тучности и о худобѣ прежде-видѣннаго быка на цвѣтистомъ лугу, но и этотъ, подобно предшественникамъ, совѣтуетъ ему сперва исполнить свое дѣло, а потомъ интересоваться другими. Наконецъ, царевичъ видитъ человѣка, лежащаго на животѣ поперегъ воды: въ бокахъ у него кишѣли черви, и вода смывала ихъ, а они опять появлялись. Принцъ, поздоровавшись съ человѣкомъ, служащимъ мостомъ черезъ рѣку, спрашиваетъ о причинѣ его страданій, но и тотъ совѣтуетъ ему сперва идти, исполнить свой долгъ, и общаетъ, что на обратномъ пути онъ обо всемъ узнаетъ.

Юноша, слушаясь добраго совѣта, переходитъ по его спинѣ и идетъ далѣе. Предъ нимъ открывается необозримое поле, покрытое зеленымъ бархатомъ разныхъ травъ и цвѣтовъ, и по срединѣ поля журчитъ рѣка съ черною, красною и желтою полосами воды. Царевичъ предъ заповѣдной рѣкой останавливается, а съ другой стороны рѣки прибѣгаетъ къ нему навстрѣчу мать и восклицаетъ:

— „Какое счастье для матери видѣть свое родимое дитя во плоти тамъ, куда не въ состоянціи попасть даже и души многихъ усопшихъ! Сынъ мой, переходи рѣку, и мы здѣсь будемъ блаженствовать вмѣстѣ!“.

Сынъ на это отвѣчаетъ, что у него единственное сердечное желаніе, безъ исполненія котораго все райское блаженство будетъ для него горче всѣхъ мученій имъ видѣнныхъ. Онъ объясняетъ матери, въ чемъ заключается цѣль его прибытія, узнаетъ отъ нея, гдѣ находится мѣсто зарытыхъ денегъ, и хочетъ вернуться назадъ; но мать останавливаетъ его и говоритъ:

— „Сынокъ, такъ нельзя вернуться къ пославшему тебя хищнику: онъ потребуетъ отъ тебя доказательства, что ты, дѣйствительно, былъ въ загробномъ царствѣ, и можетъ убить тебя. Возьми, вотъ, кольцо, которымъ запечатали крышку сундука, зарытаго съ золотомъ и которое схоронили со мною; ты

дашь это кольцо отцу, онъ, совершенно побѣжденный тобою, постыдится своихъ назиръ-везирей, сойдетъ съ своего трона обниметь тебя и спросить, поручала ли я сказать ему что-нибудь; но ты не вѣрь его ласкамъ и скажи, что мать поручила сказать тебѣ: „Въ камень превратись, въ камень превратись, въ камень превратись!“. Онъ превратится въ черный камень, а ты ногою потихоньку вытолкни его изъ царскихъ палатъ на улицу, а самъ вернись къ назиръ-везирамъ, надѣнь на голову царскую корону и сядь на царскій престолъ. Окружающіе же, удивленные случившимся, не осмѣлятся не поинноваться тебѣ“.

Царевичъ, снабженный материнскими наставленіями, пустился въ обратный путь. Дошедши до человѣка, лежавшаго поперегъ рѣки, онъ попросилъ послѣдняго исполнить обѣщаніе. Страждущій предложилъ собесѣднику сперва переправиться черезъ него, а потомъ сказалъ:

— „Я при жизни былъ вначалѣ горемычнымъ бѣднякомъ; одинъ добрый человѣкъ подарилъ мнѣ десять рублей, и я пустился тогда въ торговлю и, обладая хитрымъ умомъ, скоро эту сумму утроилъ: двадцать рублей я далъ подъ проценты, а на остальные деньги опять сталъ заниматься торговлей; но скоро я понялъ, что заниматься ростовщичествомъ гораздо прибыльнѣе, чѣмъ торговать,—я окончательно бросилъ торговлю и сталъ давать деньги на проценты. Не прошло и десяти лѣтъ,—моему богатству не было и счету; но вмѣстѣ съ богатствомъ на моей головѣ увеличивалось и число сѣдыхъ волосъ, а физическая бодрость оставляла меня. И вотъ я почувствовалъ, что лежу поперегъ рѣки, и по мнѣ проходятъ, какъ по мосту, а черви, уничтожая мое тѣло, страшно беспокоятъ меня. Эти черви—процентныя деньги, которыя беспощадно получены мною отъ нуждающихся вдовъ и сиротъ, и, насколько тягостно было имъ платить проценты, столь же тяжкія мученія теперь я терплю отъ этихъ червей.“

Вода, омывающая меня отъ червей, это мой честный трудъ, которымъ я занимался раньше: не будь тѣхъ трудовъ, эти черви превратились бы въ страшнѣйшихъ змѣй, скорпіоновъ и еще болѣе отвратительныхъ гадовъ. Вотъ, царевичъ, мой совѣтъ тебѣ: если хочешь, чтобы не терзали тебя муки, подобно мнѣ, то не бери даже отъ врага своего процентовъ!“.

Простившись съ ростовщикомъ, принцъ подошелъ къ тучному быку и попросилъ его рассказать ему о своей земной жизни. Тучный быкъ объяснилъ принцу, что, хотя онъ и видитъ его въ образѣ скотины, на самомъ дѣлѣ онъ человѣкъ и во время земной жизни былъ добродѣтеленъ, и потому Богъ его помѣстилъ на такомъ возвышенномъ мѣстѣ, откуда видны всѣ концы рая, и въ день три раза, утромъ, въ полдень и вечеромъ, ниспосылаетъ ему манну, отъ которой онъ и тучнѣетъ.

Подвигаясь далѣе, царевичъ пришелъ къ тощему быку. Оказалось, и этотъ быкъ также былъ человѣкомъ и славился, какъ богатырь, но свою физическую силу употреблялъ на присвоеніе чужой собственности и въ своихъ злодѣйствахъ доходилъ до ужасающихъ размѣровъ. Послѣ смерти, въ загробной жизни, онъ чувствуетъ себя окруженнымъ всѣми благами, но всѣ эти блага для него совершенно бесполезны.

Отсюда царевичъ отправился къ старику съ почтенной бородою и спросилъ, за что онъ терпитъ наказаніе. Старикъ объяснилъ, что въ мірѣ живыхъ слылъ онъ за честнаго человѣка, и потому односельцы назначили его слѣдить за жертвенными животными, и каждый день подъ его наблюдениемъ готовилось кушанье и раздавалось нищимъ и нуждающимся; къ несчастью, онъ усвоилъ обычай сперва самъ наѣдаться и угощать почетныхъ жителей села, а потомъ уже остатокъ давать нищимъ. Въ одинъ день является къ нему больная, нищая женщина и притомъ беременная и умоляетъ дать ей кусочекъ мяса. Хотя мясо давно было готово, но такъ какъ

онъ самъ еще не пообѣдалъ, то онъ отказалъ просительницѣ. Та съ отчаяніемъ вышла изъ ограды благотворительнаго дома, но у воротъ силы покинули ее, и она упала безъ чувствъ, ушиблась и родила мертваго ребенка. Та кровь, что онъ пьетъ теперь, это кровь ребенка, убитаго его беззаконіемъ, а за то, что при жизни онъ не раздавалъ нищимъ предназначенной имъ пищи, такъ что несчастные должны были съ голоднымъ желудкомъ смотрѣть на полные мясомъ котлы,—за это теперь ему приходится то же самое дѣлать въ нескончаемые вѣки. Старецъ свое объясненіе окончилъ словами:

— „Царевичъ, мои страданія пусть будутъ тебѣ урокомъ, и если не желаешь моей участи, твори милостыню неимущимъ; давай тамъ, гдѣ не надѣнешься назадъ получить!“...

Принцъ отсюда направился къ женщинѣ, стоявшей нагою на морозѣ, и отъ нея узналъ, что она была женою богача, была окружена роскошью, но отличалась удивительнымъ безсердечіемъ: никакими слезами и мольбами не могли выманить отъ нея кусочка даже негодной для нея тряпицы. Такъ, однажды пришла къ ней полуодѣтая родильница съ голымъ ребенкомъ, но она даже и не взглянула на нее. И вотъ теперь терпитъ за свое безсердечіе.

Наконецъ, принцъ дошелъ до женщины, на груди которой висѣли щенята. Тутъ царевичъ узналъ, что стоящая предъ нимъ женщина, овдовѣвъ, имѣла семеро дѣтей и, не имѣя возможности кормить ихъ, обратилась за помощью къ воспріемнику ихъ, который былъ холостъ. Воспріемникъ согласился помогать, а, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, даже перешелъ жить ко вдовѣ и прижилъ съ нею двухъ дѣтей; отъ сраму, чтобы скрыть отъ сосѣдей этихъ дѣтей, она живыми зарыла ихъ въ землю. Въ загробной жизни эти малютки, подъ видомъ щенятъ, прилипли къ ея груди, мучать и срамятъ ее предъ прохожими.

Отсюда царевичъ направился къ шурина и, съ помощью его, опять вернулся на грѣшную землю и на лошади благодѣтеля ровно на сороковой день явился къ отцу въ то время, когда онъ съ двѣнадцатю везириями рѣшалъ государственныя дѣла. Царь удивился возвращенію сына, покраснѣлъ, побагровѣлъ, но дѣлать было нечего: онъ сухо принялъ сына и, узнавши мѣсто зарытаго золота и получивъ женино кольцо въ доказательство его пребыванія въ царствѣ тѣней, постыдился сенаторовъ, слѣзъ съ трона, обнялъ его и сказалъ:

— „Ну что, сынокъ, мать твоя не имѣетъ ли ко мнѣ какихъ-нибудь порученій?“

— „Какъ же!“ отвѣтилъ царевичъ съ грустью: „она приказала мнѣ сказать тебѣ: Въ камень превратись, въ камень превратись, въ камень превратись!“

Едва сказалъ онъ эти слова, какъ царь, дѣйствительно, превратился въ камень, и царевичъ ногою отволокъ его на улицу, а самъ вернулся въ совѣщательную комнату, надѣлъ на себя корону и сталъ продолжать начатое отцомъ совѣщаніе. Назиры-везири, своими глазами видѣвшіе все происшедшее, не осмѣлились прекословить молодому царю. Народъ послѣдовалъ примѣру назирь-везирей, и младшій царевичъ сталъ править государствомъ на благо народа.

6. Лисица и пастухъ.

Жилъ былъ юноша со своей матерью. Другихъ родныхъ у него не было. Неудачи постоянно преслѣдовали его: что онъ ни затѣетъ, все ему не въ прокъ: пойдетъ ли торговать, — вмѣсто прибыли, получаетъ убытокъ; посѣетъ ли поле, — отъ засухи его поле портится; займется ли скотоводствомъ, — на скотъ падежъ идетъ, и несчастному приходится сегодня вытаскивать вонъ изъ хлѣва вчера еще здоровую скотину. Обни-

щаль совсѣмъ отъ такихъ неудачъ бѣдный юноша и, не имѣя средствъ къ существованію, нанялся въ своемъ селѣ въ пастухи. Жители на сходкѣ рѣшили за тотъ годъ оплатить труды своего пастуха тѣмъ, что посѣяли и предоставили въ его пользу поле проса: сколько бы тамъ проса ни родилось, это ужъ доля пастуха. Прошло мѣсяца два со времени посѣва; поля покрылись бархатной зеленью. Пастухъ и говорить своей матери:

— „Ну, мать, вотъ я нанялся въ пастухи и съ раняго утра до поздняго вечера скотомъ занятъ; мнѣ некогда сходить посмотрѣть, что намъ на счастье на нашемъ полѣ Богъ послалъ. Потрудись хоть ты какъ-нибудь до поля добраться и посмотри, опять злая судьба глумится надъ нами, или въ этомъ году и унасъ урожай хорошъ“.

Мать на слѣдующее утро, проводивши сына за околицу, заперла дверь хижины и съ помощью палки еле доплелась до своей нивы. Только не на радость пришла бѣдная старуха въ поле! Сжалось отъ боли сердце ея при видѣ новаго несчастья: какая-то лисица завелась на ихъ участкѣ и, барахтаясь по зеленому полю, вытоптала его такъ, что смятые стебли проса крѣпко прилегли къ землѣ. Цѣлый день старуха оплакивала свое горе, а вечеромъ рассказала сыну о новой бѣдѣ.

Вскипѣло сердце молодого человѣка, и онъ рѣшился жестоко отомстить лисицѣ. На утро, вмѣсто себя, пасти скотъ послалъ старуху мать, а самъ, вооружившись пастушьей дубинкой, отправился на свой участокъ съ намѣреніемъ поймать лисицу. Еще не доходя до поля, пастухъ замѣтилъ, какъ рѣзвится лисица и портить его поле. Прошло нѣкоторое время, и лисица, набѣгавшись, отъ усталости повалилась на траву и стала отдыхать. Пастухъ тогда подкрался къ лисицѣ, схватилъ ее за хвостъ, поднялъ на воздухъ и началъ во всю мочь колотить ее дубинкой. Заорала лисица, подня-

ла визгъ, вой; но, видя, что этимъ не уйметъ разъяреннаго пастуха, стала умолять его о пощадѣ и спросила, что хочетъ онъ сдѣлать съ нею. Пастухъ отвѣтилъ, что онъ хочетъ убить ее, а шкуру ея промѣнять на двѣ—три пары лаптей. При мысли о смерти, сильнѣе забилося сердце лисицы и съ небывалой силой въ ней вспыхнула любовь къ жизни: стала лисица умолять пастуха, чтобы пощадилъ ее, и обѣщала ему все, чего только онъ пожелаетъ,—обѣщала ему хоть цѣлое царство, лишь бы далъ ей жизнь и свободу. Но не скоро унялся мстительный пастухъ; только тогда, когда онъ достаточно сорвалъ зло, и руки его порядкомъ устали, онъ сдѣлался болѣе миролюбивъ, и въ головѣ у него мелькнула мысль, что если убьетъ лисицу и ея шкуру продастъ копеекъ за шестьдесятъ, то этимъ горю мало поможетъ, и черезъ дня два останется опять безъ копейки, тѣмъ же голышомъ, какъ раньше; не лучше ли попытать счастья и отпустить лисицу? Подумалъ это парень и выпустилъ хвостъ изъ рукъ. Еле поднялась полуживая лисица, поблагодарила пастуха и попросила его завтра пасти скотъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ пасъ въ послѣдній разъ, обѣщая явиться на холмъ, недалеко находившійся оттуда. Пастухъ исполнилъ указаніе лисицы, и на слѣдующій день сталъ ждать ея на назначенномъ мѣстѣ: Когда солнце склонилось къ западу, пастухъ увидѣлъ спускающуюся съ холма лисицу; въ зубахъ она держала бѣлый узелокъ. Обрадовался пастухъ, мгновенно очутился около лисицы и взялъ у нея узелокъ. Лисица предложила ему развязать узелокъ. И пастухъ, къ своему удивленію, увидѣлъ въ немъ два царскихъ одѣянія: одно мужское, а другое женское. Лисица приказываетъ пастуху надѣть мужской костюмъ и спрашиваетъ: — „Ну что, этотъ костюмъ не лучше-ли и дороже, чѣмъ твое поле проса“?

Пастухъ въ отвѣтъ превозноситъ костюмъ. Тогда лисица продолжаетъ:

— „А если бы вчера ты убилъ меня, то много ли выгоды было тебѣ? А вотъ теперь я дарю тебѣ и матери твоей эти царскія одѣянiя. Бери ихъ, неси домой, а утромъ съ матерью будь здѣсь, чтобы и тебя, согласно моему обѣщанiю, сдѣлала царемъ. Вечеромъ же, когда скотину вернешь домой, объяви своимъ односельцамъ, что ты для нихъ болѣе не намѣренъ быть пастухомъ, что завтра утромъ съ матерью идешь на отхожiй промыселъ; если же спросятъ о причинѣ, то отвѣтъ имъ, что они дали тебѣ поле проса, а то поле лисица затоптала; и тебѣ съ матерью нечѣмъ жить“.

Съ полуночи еще пастухъ съ матерью стали ждать лисицу на назначенномъ мѣстѣ. Явилась она и приказала имъ слѣдовать за нею. Семь дней и семь ночей вела она ихъ по пустыннымъ полямъ, и, наконецъ, путники достигли одного фонтана съ мраморнымъ бассейномъ. Здѣсь лисица остановилась, указала путникамъ обѣщанное царство и приказала имъ сѣсть около воды и до ея возвращенiя ни на шагъ не отлучаться оттуда, а сама побѣжала въ городъ. Въ этомъ столичномъ городѣ, оказалось, завелся мартагель (гiенна) и опустошалъ городъ: нѣкоторые изъ жителей отъ страха разбѣжались по лѣсамъ и горамъ; другихъ, въ томъ числѣ и государя, съѣлъ мартагель. Лисица побѣгала по закоулкамъ города, отыскала рыскавшiю тамъ голодную гiенну и, придавъ удивленное выраженiе своей мордѣ, обратилась къ ней съ вопросомъ:

— „Развѣ тебѣ не страшно? неужели ты не бойшься, что до сихъ поръ не спряталась куда-нибудь?“.

Удивленная этими словами гiенна спрашиваетъ, въ чемъ дѣло, и лисица объявляетъ, что чинмачинскiй царь съ несмѣтными полчищами идетъ на него войною, и что войско уже за чертою города. Хитрая лисица достигла своей цѣли: мартагель до того струсилъ, что уже

не въ состояніи былъ разсуждать и просилъ лисицу помочь ему укрыться отъ страшнаго врага. Лисица указываетъ ему на ближній стогъ сѣна и совѣтуетъ спрятаться внутри его, а сама обѣщается остаться тамъ и попросить воиновъ, когда они явятся, чтобы не трогали этого стога, такъ какъ онъ принадлежитъ горемычному бѣдняку. Мартагелъ соглашается. Вытаскиваютъ они изъ стога охапокъ восемь сѣна, и гѣнна лѣзетъ въ приготовленное мѣсто, а лисица закладываетъ его вынутымъ сѣномъ. Проходитъ нѣкоторое время, лисица начинаетъ бѣгать вокругъ стога и приговаривать умоляющимъ голосомъ: „Ради Бога не трогайте этого стога!“ А сама между тѣмъ поджигаетъ стогъ со всѣхъ сторонъ. Скоро отъ дыму и жару невыносимо становится гѣннѣ, и она, не имѣя силы переносить страданій, издаетъ слабый стонъ. Хитрая лисица, услышавъ стонъ мартагела, тихо, словно стараясь скрыть отъ другихъ свои слава, проситъ мартагела еще минутку потерпѣть. А между тѣмъ пламя со всѣхъ сторонъ охватило сѣно, и глухой мартагелъ сдѣлался жертвою пламени. Тогда лисица, пошла за своимъ пастухомъ, привела его съ матерью, показала имъ весь городъ съ его достопримѣчательностями и завела въ царскій дворецъ. Скоро жители узнали о гибели мартагела и стали собираться въ свои дома и, считая молодого пастуха освободителемъ ихъ родины, единогласно признали его царемъ надъ ихъ землею.

Спустя нѣкоторое время старуха скончалась, и ее, какъ царицу, удостоили торжественныхъ похоронъ. По смерти матери царь сталъ сильно грустить. Лисица земѣтила это и, угадавъ причину, приступила къ нему съ такими рѣчами:

— „Ну, вотъ ты, слава Богу, теперь возмужалъ, достигъ царства и богатства, не пора-ли подумать тебѣ и о женитьбѣ?“

— „Радъ бы жениться“, отвѣтилъ на это царь, „да гдѣ же мнѣ достать подходящую невѣсту?“.

Лисица взялась высватать за него дочь чинмачинскаго царя и немедленно отправилась въ путь, чтобы исполнить новое обѣщаніе. Долго-ли проходила она или мало, Богъ вѣдаетъ, только дошла она до столицы чинмачинскаго государства, отыскала царскій дворецъ и сѣла на камень, лежавшій противъ государя; на этотъ камень могли садиться только послы другихъ государствъ, пришедшіе просить руки его дочери для своихъ государей. Такая выходка лисицы замѣчена была царемъ, и онъ приказалъ своему „лалѣ“ (камердинеру) прогнать съ священнаго камня животное. Выходитъ лала и съ крикомъ брасаетъ камнями въ лисицу, чтобы она убѣжала. Лисица укоряетъ лалу за его грубое обращеніе съ нею и объясняетъ ему, что она пришла посломъ отъ своего брата, государя *тогого-то* царства, просить руки ихъ царевны для него; она требуетъ, чтобы лала доложилъ своему государю, что она желаетъ получить аудіенцію у него. Удивленный лала возвращается къ государю и рассказываетъ о случившемся. Государь также удивляется и приказываетъ ввести лисицу къ нему. Лисица говоритъ государю то же самое, что сказала его камердинеру. Государь отвѣчаетъ лисѣ:

— „Какъ можно человѣка выдать замужъ за животное?!“.

На это лисица отвѣчаетъ, что ея братъ вовсе не звѣрь, а такой же человѣкъ, какъ государь и его дочь, и для того, чтобы онъ могъ убѣдиться въ справедливости ея словъ, просить государя командировать двухъ лицъ, съ порученіемъ на мѣстѣ провѣрить ихъ. Государь соглашается на умное предложеніе лисицы и отправляетъ съ нею двухъ министровъ, пользовавшихся его довѣріемъ. Лисица повела ихъ въ царство своего нареченнаго брата, показала всѣ достопримѣчательности столицы, потомъ повела въ царскій дворецъ, чтобы представить государю. На слѣдующее утро, когда

послы должны были пуститься въ обратный путь, лисица вынесла имъ въ подарокъ по цѣльному куску сукна и по сто рублей и просить ихъ, чтобы они, вернувшись домой, по правдѣ обо всемъ передали своему повелителю.

Послы съ лисицей возвращаются къ своему государю и объявляютъ ему, что она правду говорила о своемъ братѣ, и что багаче его во всей вселенной не отыскать государя, и посоветовали выдать царевну за брата лисицы. Государь послушался и выдалъ свою дочку за брата лисицы и вмѣстѣ съ нею отправилъ, чтобы обвѣнчали въ царствѣ жениха. Лисица привезла невѣсту съ богатымъ приданымъ къ жениху; семь дней и семь ночей пировали на свадьбѣ. Счастливо стали жить новобрачные, а лиса смотрѣла на нихъ и радовалась.

Въ одинъ изъ дней лисица думаетъ: „Вотъ я нареченнаго брата моего изъ пастуховъ сдѣлала царемъ, доставила ему богатую жену-красавицу... Дай-ко посмотрю, какъ относится ко мнѣ человѣчій сынъ!“. Съ этою цѣлью на слѣдующій день лисица не явилась къ государю. Утромъ, долго не видя лисицы, государь послалъ своего лалу узнать о причинѣ. Лала, при входѣ въ комнату лисицы, увидѣлъ ее распростертою среди комнаты, съ вытянутыми ногами. Сообразивъ, что лиса издохла, лала вернулся и рассказалъ государю о случившемся. Государю страннымъ показалось, что вчера еще здоровая лисица ночью уже издохла, и потому онъ пошелъ посмотрѣть на нее. Увидѣвъ, что на полу трупъ лисицы, государь съ отвращеніемъ отвернулся отъ него и приказалъ выбросить его, пока не провонялъ. Услышавъ это, лисица вскочила на ноги и крикнула:

— „Пастухъ изъ пастуховъ! какъ тебѣ не стыдно такъ относиться къ своему благодѣтелю! Такіе неблагодарные, какъ ты, не достойны никакой милости, и я ошиблась въ тебѣ. Но обожди, — такъ я не оставляю этого!“.

Лисица побѣжала въ свѣтлицу государыни, рассказала ей о происхожденіи ея мужа и посовѣтовала бросить его и вернуться въ родительскій домъ. Государыня, какъ и всѣ женщины, безъ разсужденія собралась и выѣхала въ путь, къ своимъ родителямъ. Спohватился тогда государь и обращается къ лисицѣ съ мольбою, чтобы она не сердилась. Добрая лисица помирилась съ нимъ и обѣщала вернуть государыню. Лисица пускается за нею, догоняетъ ее, укоряетъ въ легкомысленности и говоритъ, что хотѣла только, испытать ее. Государыня тогда возвращается къ мужу.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого происшествія, лисица, дѣйствительно, издыхаетъ. Государь, изъ боязни, чтобы не повторилась прежняя исторія, беретъ ея охладѣвшій трупъ въ объятія, прижимаетъ къ себѣ, теребитъ за хвостъ, трогаетъ морду и со слезами приговариваетъ разные комплименты лисѣ. Но убѣдившись, что лисица, дѣйствительно, околѣла, царь приказываетъ бросить ее въ какуюнибудь яму, на съѣденіе звѣрямъ.

7. Бѣдная Марія.

Долгое время франкстунскій царь былъ бездѣтенъ, но въ послѣдствіи Богъ внялъ его мольбамъ и даровалъ дочку; только государыня отъ тяжкихъ родовъ два года не вставала съ постели, и, наконецъ, преждевременная смерть положила конецъ ея мукамъ. Государь, очень рано овдовѣвши и имѣя единственную малолѣтнюю дочку, счелъ за лучшее вступить во второй бракъ и женился на красавицѣ, которая во всей вселенной не имѣла соперницы.

Проходитъ лѣтъ двѣнадцать счастливой супружеской жизни. Между тѣмъ царевна подрастаетъ и всѣхъ съ ума сводитъ своею какъ душевною, такъ и тѣлесною красотою. Придворныя служанки государыни, прежде не находив-

шія словъ, чтобы достоточно восхвалить прелести своей повелительницы, теперь стали сравнивать мать и падчерицу и, конечно, отъ ихъ взоровъ не скрылось превосходство распускающагося бутона предъ увядающимъ цвѣткомъ.

Мысли окружающихъ государыню не остались тайной для нея. Отличаясь подозрительнымъ характеромъ, она любила подслушивать чужіе разговоры, и вотъ въ одинъ день пришлось ей подслушать, какъ двое служанокъ ея, въ опочивальнѣ ея, поправляя пуховики, восхваляли молодую царевну. Это крайне опечалило государыню, но она затаила въ сердцѣ свое горе и стала еще зорче слѣдить за другими придворными, чтобы узнать и объ ихъ мнѣніи на этотъ счетъ.

Трудно было царицѣ, избалованной судьбою, мириться съ необходимостью жить подъ одною кровлею съ своею счастливою соперницей. Она рѣшилась какъ можно скорѣй погубить свою падчерицу. Съ этого времени потерялось веселье государыни. Движимая черными мыслями, государыня искала одиночества и наединѣ обдумывала способы для вѣрной гибели невинной царевны. И горе тому, кто въ такія минуты нечаянно являлся въ убѣжище государыни: на виновнаго лились потоки брани и упрековъ.

Невыносимо стало государю жить подъ одною кровлею со сварливою супругой, и онъ рѣшилъ нѣкоторое время провести въ путешествіяхъ по государству. Это и нужно было злой мачехѣ. Спустя недѣли двѣ послѣ выѣзда государя, она призываетъ къ себѣ двухъ преданнѣйшихъ ей министровъ и приказываетъ имъ отвезти ненавистную Марію за черту государства и тамъ убить. Министры берутъ дѣвицу къ себѣ на домъ, но боятся запятнать свою совѣсть пролитіемъ невинной крови и совершеніе этого гнуснаго дѣла возлагаютъ на своихъ пастуховъ. Пастухи вмѣстѣ съ своею жертвой удаляются на границу ихъ царства и для совершенія убійства углубляются въ не-

далеко отстоявшій оттуда дремучій лѣсъ, чтобы кто-нибудь не видалъ преступленія.

Въ лѣсу, узнавши, что ее хотятъ зарѣзать, царица стала умолять пастуховъ, чтобы они ее не убивали, а оставили на произволь судьбы. Пастухи на это отвѣчаютъ, что, въ доказательство исполненія возложеннаго на нихъ порученія, имъ приказано представить какую-нибудь изъ частей ея тѣла. Тогда Марія говоритъ:

— „Зачѣмъ вамъ отвѣчать предъ Богомъ за мою жизнь?! лучше отрубите мнѣ руки и возьмите съ собою, а я вѣдь безъ рукъ не могу доставать себѣ пищу и или отъ голоду умру здѣсь, или хищные звѣри меня растерзаютъ“.

Пастухи согласились на предложеніе царицы: отрѣзали ей кисти рукъ и съ ними возвратились къ своимъ повелителямъ.

Оказалось, что недалеко отъ мѣста описаннаго происшествія жилъ одинъ ханъ, а у него—единственный сынъ. Этотъ юноша составлялъ утѣшеніе и счастье своихъ родителей. Его воинскими доблестями, красотой и умомъ восхищались всѣ сосѣдніе государи и одинъ передъ другимъ сватали за него своихъ дочерей. Но ни одна изъ сосѣдокъ не могла заронить искру любви въ сердце молодого человѣка: на неоднократныя предложенія отца жениться онъ каждый разъ подъ разными предлогами просилъ отложить бракъ до другого времени.

Спустя три дня послѣ описаннаго происшествія, молодой ханъ съ своими придворными выѣхалъ на охоту; но въ этотъ день во всемъ лѣсу не было дичи, и охотники незамѣтно для самихъ себя углубились въ чащу лѣса, и тутъ только ханъ замѣтилъ одного зайца и пустился въ погоню за нимъ. Гонясь за дичью, ханъ услышалъ въ чащѣ лѣса человѣческой стонъ и направилъ лошадь свою въ ту сторону. Скоро онъ увидѣлъ дѣвицу неописуемой красоты, съ отру-

бленными руками; лицо ея выражало тихую грусть, и эта грусть придавала ей еще большую прелесть; она тихо стояла отъ боли.

Молодой ханъ долго любовался несчастной красавицей и невольно воскликнулъ:

— „Чьи безжалостныя руки поднялись на такое злодѣяніе?“

Тѣмъ временемъ придворные успѣли догнать молодого принца. Онъ приказалъ имъ бережно свезти дѣвушку въ родительскій домъ, а самъ съзади ѣхалъ за ними.

Отецъ, до вечера не дождавшись сына, сталъ беспокоиться и отъ нетерпѣнія вышелъ къ воротамъ. Пріѣздъ придворныхъ безъ сына съ изувѣченной дѣвицей еще болѣе усилилъ его беспокойство, и онъ спрашивалъ пріѣзжихъ о случившемся. Къ этому времени подоспѣлъ и сынъ, сдѣлавъ отцу низкій поклонъ и рассказалъ, какъ онъ погнался за зайцемъ и нашелъ дѣвицу, и слова свои закончилъ тѣмъ, что назвалъ эту дѣвицу—своею „рузг'ой“ (доля), и объявилъ, что онъ долженъ жениться на ней. Отцу непріятны стали рѣчи сына, и онъ наотрѣзъ отказалъ ему въ его просьбѣ.

Придворные стали уговаривать молодого князя, чтобы онъ оставилъ мысль о женитьбѣ на неизвѣстной дѣвушкѣ, такъ какъ, быть можетъ, она происходитъ не отъ благородныхъ родителей. Сынъ настаивалъ на своемъ и мѣсяца черезъ три достигъ своего; отецъ призналъ найденную дѣвицу невѣстой своего сына и, какъ слѣдуетъ приготовившись къ свадьбѣ, семь дней и семь ночей угощалъ своихъ подданныхъ, и въ его резиденціи въ эти дни вино лилось рѣкой, а отъ музыки и пѣсенъ нельзя было заниматься торговлей.

Прошло года полтора, и царь вернулся изъ своего путешествія. Жена донесла ему, что послѣ выѣзда его, Марія въ одно утро вышла на прогулку, и съ тѣхъ поръ ни слуху, ни духу о ней, и всѣ поиски за нею остаются напрасными.

Сильно опечалило государя извѣстіе объ исчезновеніи его единственной дочери, и онъ рѣшилъ какъ-нибудь отыскать ее. Онъ послалъ по всѣмъ селеніямъ своего царства гонцовъ спрашивать жителей, не водворилась ли у нихъ на житье неизвѣстная дѣвица, и, если окажется таковая, взять её къ государю.

Богъ вѣдаетъ, какъ долго ходили царевы гонцы, только обошли они всѣ деревни, горы и долины государства, но вернулись ни съ чѣмъ. Убѣдившись, что не въ его земляхъ скрывается дочь, государь рѣшился прибѣгнуть къ послѣднему и сильному средству; послалъ гонцовъ во всѣ царства міра и объявилъ, что франкстунскій царь состарѣлся и, такъ какъ не имѣетъ наслѣдника, ни мужескаго, ни женскаго пола, то обѣщаетъ отдать царство тому, кто на лошади, съ одного разгона, перескочитъ девяносто-шесть ступеней лѣстницы, ведущей во дворецъ, со стола схватитъ царскій перстень и вернется назадъ.

Одному изъ гонцовъ посчастливилось прибыть во владѣнія нашего хана, и молодому принцу, сыну его, захотѣлось показать свѣту свою удалъ; онъ, съ благословенія своихъ родителей, поѣхалъ попытать счастья.

Въ назначенный день предъ царскимъ дворцомъ собралось было несмѣтное полчище изъ храбрѣйшихъ юношей всѣхъ государствъ, которые желали попытать своей удачи; каждый изъ нихъ вполнѣ полагался на свои силы и ловкость и заранѣе считалъ себя будущимъ владыкою Франкстуну; но вотъ царь съ царицей въ золотыхъ колесницахъ, сопровождаемые разодѣтыми богатырями на чудныхъ коняхъ, поѣхали въ церковь, а оттуда на мѣсто, назначенное для состязаній. Не успѣли открыться желѣзные ворота крѣпости, какъ глаза юношей ослѣпили вызолоченныя ступени лѣстницы, а наверху ярче солнца горѣлъ царскій перстень.

По знаку царя началось состязаніе. Но, увы, нелегко

было совершить назначенный подвигъ: всѣ съ половины дороги катились вмѣстѣ со своими лошадьми мертвыми! Такъ въ этотъ день погибло девятьсотъ-девяносто-девять лихихъ наѣздниковъ, а остальные отказались отъ состязанія и присоединились къ зрителямъ. Въ это время одинъ изъ наѣздниковъ со всего разгона вскочилъ на лѣстницу, достигъ возвышеннаго мѣста, схватилъ кольцо и живо вернулся назадъ, слѣзъ съ лошади и поднесъ кольцо государю. Народъ удивился удали молодого героя, и вездѣ говорили о немъ и не только ему самому, но даже и предкамъ его, которыхъ никто на самомъ дѣлѣ не зналъ, приписывали небывалые подвиги.

Между тѣмъ въ то время, когда молодой князь пріѣхалъ сюда, его жена въ отсутствіе его разрѣшилась двумя близнецами-мальчиками, и объ этомъ увѣдомили счастливаго отца, а тотъ передалъ вновь-познакомившимся съ нимъ хозяевамъ, у которыхъ остановился онъ; при этомъ онъ рассказалъ имъ и печальную исторію жены. Едва услышала государыня о безрукой княжнѣ, сейчасъ же смекнула, кто она такая, и въ своемъ умѣ составила новый планъ, чтобы погубить ее: она приказала призвать къ себѣ будущаго наслѣдника престола, напоила его до потери сознанія, достала изъ кармана его печать и съ гонцомъ послала письмо отъ имени князя къ его отцу; въ этомъ письмѣ князь увѣдомлялъ отца о своей побѣдѣ и о томъ, что онъ узналъ здѣсь, будто его жена—дочь презрѣннѣйшей публичной женщины, а потому просилъ отца до его возвращенія уничтожить какъ ее самоё, такъ и ея дѣтей. Старикъ пришелъ въ ужасъ отъ письма сына и съ горя три дня не выходилъ изъ комнаты, на четвертый день съ письмомъ въ рукахъ онъ отправился къ невесткѣ и прочиталъ ей, что пишетъ сынъ. Опечалилась несчастная родильница, заплакала она горькими слезами и стала просить свекра не убивать ее съ дѣтьми, а обратно удалить туда, гдѣ ее нашли. Старикъ послушался невестки. Несчастливая женщина съ

двумя грудными дѣтьми, безъ рукъ, очутилась среди лѣса; не желая умереть отъ голоду, она пошла отыскивать какое-нибудь жилище, гдѣ могла бы найти себѣ кровъ и пищу. Къ вечеру она дошла до убогой хаты, гдѣ жилъ одинъ отшельникъ. Аскетъ, увидѣвши женщину съ грудными дѣтьми, оставилъ ей свое жилище, а самъ удалился еще дальше въ лѣсъ. Бѣдная Марія, нашедши пріютъ, кое-какъ уложила спать голодныхъ дѣтей, а сама склонилась надъ ними и всю ночь молилась и рыдала. Къ разсвѣту напалъ на нее сонъ, и она увидѣла Божию мать, которая, прикоснувшись къ ней, исцѣлила ея руки. Проснувшись на утро, Марія, къ своему великому удивленію, увидѣла, что руки ея цѣлы, и только на томъ мѣстѣ, гдѣ перерубили ей руки, остался слѣдъ въ видѣ красной линіи. Съ этого дня Марія стала находить въ лѣсу себѣ пищу и кормить своихъ дѣтей.

Между тѣмъ франкстунскій царь, согласно обѣщанію своему, сдѣлалъ нашего князя своимъ наслѣдникомъ и отпустилъ его на короткій срокъ за семействомъ. Какое же было удивленіе князя, когда онъ не нашелъ дома любимой супруги, а отецъ объявилъ ему о полученіи отъ него письма и о своихъ распоряженіяхъ! Сынъ не слѣзъ съ коня и со своими спутниками немедленно направился въ лѣсъ искать жену и дѣтей.

Въ чащѣ лѣса онъ замѣтилъ надъ своею головою тихопорхающаго голубя и поѣхалъ по его указанію. Къ разсвѣту голубь остановился надъ крышею убогой хижины, гдѣ жила изгнанная княжна. Князь и его свита вошли внутрь дома. Тамъ они нашли княгиню съ исцѣленными руками и дѣтей и, благословляя Провидѣніе, повезли ее домой.

На слѣдующее утро княжна рассказала мужу о своемъ царскомъ происхожденіи и о злой мачехѣ, которая была виновницей ея несчастій. Тутъ молодому князю объяснилось

все: онъ понялъ секретъ полученія его отцомъ письма. Тогда молодой князь съ женою вернулся къ своему тестю и рассказалъ ему о страданіяхъ его дочери и о милости Божіей къ ней.

Государь возненавидѣлъ тогда свою злую жену и приказалъ привязать ее за косу къ хвосту коня, семь лѣтъ не видѣвшаго дневного свѣта, и пустить его на волю, а на радости, по случаю возвращенія потерянной дочери, задалъ пирь-горой; царство свое онъ уступилъ зятю и въ благодарность Богу за его милость построилъ великолѣпный храмъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Марія получила исцѣленіе.

Записалъ смотритель Баяндурскаго двухкласснаго земскаго училища *Гр. Бунятовъ*.

8. Купленный сонъ *).

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ одинъ бѣднякъ. Онъ ежедневно рубилъ въ ближнемъ лѣсу хворостъ, носилъ его въ городъ для продажи и на вырученныя деньги кормилъ свою семью, и всегда былъ доволенъ своей судьбой. Послѣ многихъ лѣтъ такой жизни, какъ-то въ одну ночь ему приснилось, что на его головѣ—солнце, на ногахъ—луна, а на груди—двѣ звѣзды. Онъ моментально проснулся и потомъ долго не могъ заснуть, все думалъ и не могъ себѣ объяснить, что означаетъ этотъ сонъ.

Сначала онъ боялся чего-то, но потомъ постепенно ободрился, въ ожиданіи чего-то счастливаго, радостнаго. Съ разсвѣтомъ онъ поднялся на ноги, рассказалъ объ этомъ женѣ, добавивъ: возьми хоть твой кушакъ (у нихъ и лишней

*) Записанъ 15 января 1896 г. въ м. Геокчаѣ со словъ жителя сел. Сагіянь, Шемахинскаго уѣзда, Саркиса Осипова Калашева.

веревки не было), пойдёмъ вмѣстѣ, 2—3 дня помоги мнѣ на-
таскать побольше хвороста, — продадимъ его на базарѣ и на
вырученныя деньги купимъ съѣстныхъ припасовъ, и тогда я
спокойно отправлюсь искать исполненія своего сна. Жена
послушалась: въ теченіе недѣли они вдвоемъ достави-
ли изъ лѣсу и продали на базарѣ столько хворосту, что мо-
гли купить муки, кутумъ *) и другихъ съѣстныхъ припасовъ
на двѣ недѣли. Оставивъ все это дома, бѣднякъ простился
съ женою и дѣтьми и пустился въ путь, самъ не зная куда.

Долго ли шелъ онъ или коротко, насъ тамъ не было, и
потому не можемъ опредѣлить этого; наконецъ встрѣтилъ онъ
пастуха, пасшаго большое стадо овецъ. Послѣ обычнаго при-
вѣтствія, пастухъ сказалъ ему:

— „Готовъ тебѣ, незнакомый братъ, помочь, въ чемъ
только могу; если у тебя есть аппетитъ, то скажи откровен-
но, и я надою тебѣ овечьяго или козьяго молока, — кушай и
затѣмъ продолжай свой путь“.

Бѣднякъ былъ очень голоденъ и потому съ особеннымъ
удовольствіемъ принялъ это предложеніе. Пастухъ накрошилъ
цѣлый лотокъ хлѣба, выдоилъ козу и предложилъ гостю
покушать хлѣба съ молокомъ. Онъ съ аппетитомъ съѣлъ все,
поблагодарилъ пастуха и хотѣлъ пуститься въ путь. Тогда
пастухъ спросилъ его, кто онъ, куда и зачѣмъ идетъ.
Бѣднякъ разсказалъ ему свой сонъ и сказалъ, что идетъ
разыскивать исполненія его. Услыхавъ это, пастухъ просилъ
уступить ему право на этотъ сонъ. Бѣднякъ не согласился.
Пастухъ предложилъ за него сперва десять овецъ, потомъ
постепенно прибавлялъ по нѣскольку десятковъ овецъ и,
наконецъ, давалъ все стадо, — всѣхъ 1000 овецъ и козъ,
ишака, собакъ, таганъ и сажъ *), взялъ право его на сонъ

*) Кутумъ—сушеная рыба, жерехъ.

*) Желѣзная сковорода, на которой кочевники пекутъ хлѣбъ.

и пустился въ путь, куда глаза глядятъ. А бѣднякъ, сдѣлавшись хозяиномъ цѣлаго стада и будучи весьма доволенъ своей судьбой, поблагодарилъ Создателя за посланное счастье и богатство, пригналъ стадо къ себѣ и сталъ жить въ свое удовольствіе.

Пастухъ, пріобрѣтши право на сонъ, пошелъ, самъ не зная куда. Долго ли шелъ или коротко, наконецъ, однажды вечеромъ, въ сумерки, дошелъ до какого-то города, окруженнаго стѣною. Крѣпость эта имѣла единственные ворота, которые оказались на запорѣ. Пастухъ долго вертѣлся вокругъ стѣны ея и не зналъ, что дѣлать и какъ войти туда; наконецъ подумалъ про себя: „вѣдь я всегда жилъ на открытомъ воздухѣ, такъ и эту ночь проведу внѣ городскихъ стѣнъ, у воротъ, а завтра посмотримъ, что пошлетъ Богъ“. Какъ подумалъ, такъ и сдѣлалъ: легъ отдохнуть на зеленой травѣ. Много ли спалъ или мало, вдругъ среди ночи проснулся отъ топота лошадиныхъ копытъ и видитъ, что пріѣхалъ и около воротъ, не подалеку отъ него, остановился какой-то молодой красавчикъ, который велъ за собою и другую осѣдланную лошадь; онъ слѣзъ съ коня, лошадей пустилъ пастись, а самъ легъ и задремалъ на травѣ. Лошади разошлись въ разныя стороны, удаляясь постепенно все дальше и дальше. Видя это, пастухъ подумалъ про себя: „лошади уйдутъ, а хозяинъ утромъ можетъ потребовать ихъ отъ меня, такъ какъ здѣсь, кромѣ насъ двоихъ, никого нѣтъ“. Поэтому онъ поймалъ ихъ и пасъ около себя. Вскорѣ послѣ этого, когда молодой человекъ все еще сладко продолжалъ спать, на городской стѣнѣ показалась какая-то молоденькая женщина; она обратилась къ пастуху и сказала:

— „Возьми эту переметную суму и привяжи на крупъ лошади“.

Пастухъ исполнилъ это. Потомъ она сказала:

— „Подойди ближе къ стѣнѣ и помоги мнѣ слѣзть внизъ“.

Пастухъ исполнилъ и это. Когда она, съ помощью пастуха, слѣзла, сейчасъ же сѣла на лошадь и велѣла пастуху немедленно сѣсть на другую лошадь и скакать за нею, сколько есть мочи. Всю ночь безостановочно ѣхали они молча; на зарѣ она обращается къ пастуху:

— „Двоюродный братъ, однако намъ такъ ловко удался побѣгъ; вся опасность минула, и теперь уже можемъ ѣхать не торопясь“.

Пастухъ отвѣтилъ:

— „Барышня, двоюродный братъ твой остался тамъ спать, а я простой пастухъ; извини, что я не догадался вовремя о томъ, что ты принимала меня за другого“.

А та отвѣчаетъ ему:

— „Когда ты оказался мужественнѣе моего двоюроднаго брата, такъ пусть онъ и отдыхаетъ себѣ, сколько ему угодно, а ты будь моимъ супругомъ, если желаешь. Отъ predeterminedнаго никто не можетъ уйти“.

Оказалось, что она была дочь тамошняго царя и, противъ желанія отца, хотѣла выйти за своего двоюроднаго брата, который, предварительно стговорившись съ нею, явился за ней, но проспалъ, такъ что царица досталась пастуху.

Много ли ѣхали царица и пастухъ или мало, наконецъ очутились въ другомъ царствѣ, въ столицѣ его. До сихъ поръ пастухъ ѣхалъ въ своихъ лохмотьяхъ, но здѣсь царица потребовала маклера, которому приказала доставить для Теймуръ-шаха (такъ она стала называть пастуха), такой костюмъ, который годился бы для шахъ-заде *). Маклеръ доставилъ желанный костюмъ; онъ пришелся въ пору и былъ по вкусу царицы; она уплатила маклеру стоимость, а пастуху пожелала носить его на здоровье; при этомъ сказала ему:

— „Отнынѣ ты будешь называться Теймуръ-шагомъ, и

*) Шахъ-заде—сынъ шаха, наслѣдникъ.

такъ, забудь свое пастушество и веди себя, какъ подобаетъ шаху и шахъ-заде“.

На другой день царевна положила на поднось кучу драгоценныхъ камней и поручила Теймуръ-шаху отнести къ мѣстному царю въ подарокъ, прибавивъ, что, когда царь приметъ подношеніе и предложитъ садиться, онъ долженъ постараться сѣсть съ правой стороны его и отнюдь не сидѣть съ лѣвой, чтобы могли видѣть, что Теймуръ-шахъ на самомъ дѣлѣ есть царевичъ, царской крови. Царь съ особеннымъ удовольствіемъ принялъ подарки и самого Теймуръ-шаха, и предложилъ ему садиться. Теймуръ-шахъ усѣлся съ правой стороны царя, какъ научила царевна. Когда же царь спросилъ, кто онъ, откуда и какимъ образомъ очутился въ его владѣніяхъ, Теймуръ-шахъ отвѣтилъ:

— „Я сынъ *такого-то* царя. Будучи недоволенъ отцомъ, я ушелъ отъ него и явился къ тебѣ въ полной увѣренности, что ты меня примешь и позволишь жить гдѣ-нибудь въ твоёмъ царствѣ. Такъ будь милосердъ, приюти меня въ твоёмъ обширномъ государствѣ и укажи мнѣ мѣсто, чтобы я могъ построить себѣ домъ“.

Царь съ великимъ удовольствіемъ отвелъ ему наилучшій участокъ земли въ своей столицѣ, и Теймуръ-шахъ немедленно приступилъ къ постройкѣ. На этомъ участкѣ въ самое короткое время онъ возвелъ такое зданіе, какого не было ни у кого изъ царей сего міра: всякій, проходившій мимо него, и старъ, и младъ, и богачъ, и бѣднякъ не могли не остановиться передъ нимъ и цѣлыми часами любовались его красотою.

Со дня знакомства съ Теймуръ-шахомъ царь часто, почти ежедневно, приглашалъ его къ себѣ въ гости, и однажды во время угощенія объявилъ ему:

— „Какъ видишь, у меня нѣтъ сына, который могъ бы

послѣ моей смерти цаствовать; такъ будь ты моимъ сыномъ, а я буду твоимъ отцомъ“.

Это предложеніе царя Теймуръ-шахъ принялъ съ благодарностью. Однажды жена сказала Теймуръ-шаху:

— „Ты почти каждый день бываешь у царя,—хоть разъ и ты пригласи его къ себѣ: пусть онъ увидитъ твой домъ, обстановку, жите-бытѣе и узнаетъ, что и ты умѣешь угощать и жить по-царски. Пригласи, но только забудь свое пастушество,—на нѣсколько шаговъ иди впереди гостя и предупреди меня, а не то царь увидитъ меня, соблазнится моею красотою и, желая завладѣть мною, заставитъ убить тебя“.

Теймуръ-шахъ обѣщаль, но не исполниль этого: онъ пригласиль царя и всѣхъ его сановниковъ. Они всѣ вмѣстѣ отправились къ нему; увлекшись бесѣдой, Теймуръ-шахъ забыль предупредить жену о приходѣ дорогого гостя. При появленіи гостей жена Теймуръ-шаха гуляла на балконѣ. Какъ только царь увидѣль ее, соблазнилъ ея красотою и съ того момента все время сталъ думать о томъ, какъ завладѣть ею. Подали обѣдъ, всѣ везири и Теймуръ-шахъ ѣли; пили, веселились; только царь не ѣль, не пиль, не входиль въ бесѣду съ ними, все думая о томъ, какъ завладѣть женою Теймуръ-шаха. Послѣ обѣда гости разошлись веселые, всѣмъ довольные, только царь ушелъ не солоно хлѣбавши. Придя домой онъ заболѣль очень сильно, созвалъ везирей и сталъ совѣтоваться, какъ погубить Теймуръ-шаха, чтобы завладѣть его женою. Судили-рядили и наконецъ рѣшили послать его въ такое мѣсто, откуда бы онъ не могъ вернуться. Царь потребоваль Теймуръ-шаха и сказалъ ему:

— „Въ такомъ-то морѣ есть разношерстная кобылица; ступай, надой и доставь мнѣ молока отъ нея, чтобы я напилься и выздоровѣль“.

Жена Теймуръ-шаха предчувствовала, зачѣмъ царь зоветъ мужа, и какія послѣдствія ожидаютъ его; поэтому,

посылая его къ царю, сказала, чтобы онъ, какое порученіе ни давалъ бы ему царь, просилъ сорокъ дней сроку. Теймуръ-шахъ такъ и сдѣлалъ: когда царь объявилъ ему свое желаніе, онъ попросилъ сорокъ дней сроку; царь согласился, подумавъ про себя, что и въ восемьдесятъ дней онъ не можетъ достать молока морской кобылицы.

Теймуръ-шахъ вернулся домой. Тридцать-девять дней съ женою ѣли, пили, веселились, а на тридцать-девятый день вечеромъ жена говоритъ ему:

— „Ступай, вырой на берегу моря двѣ ямы, одну изъ нихъ наполни виномъ, а въ другой спрячься самъ, но такъ, чтобы кобылица, когда явится туда, ни коимъ образомъ не могла видѣть тебя, а не то, затопчетъ и убьетъ тебя. Когда исполнишь это, держи наготовѣ узду и слѣди: прилетитъ туда кобылица, нальется вина, опьянѣетъ, повалится, и, когда начнетъ отрезвляться и приходитъ въ себя, немедленно надѣнь ей на голову узду, садись и гони домой“.

Теймуръ-шахъ немедленно отправился къ морю, вырылъ ямы, одну наполнилъ виномъ, а въ другой спрятался самъ и ждетъ кобылицу. Вотъ прилетаетъ кобылица: увидѣвъ вино, напилась до того, что повалилась, какъ мертвая. Теймуръ-шахъ тогда надѣлъ ей на голову узду и ждетъ отрезвленія. Какъ только кобылица начала отрезвляться, онъ сѣлъ на нее и поскакалъ къ себѣ домой. Въ ту же ночь къ разсвѣту онъ прибылъ домой, привязалъ кобылицу и самъ заснулъ. На сороковой день утромъ подоилъ кобылицу и молоко взялъ къ царю и отдалъ, говоря:

— „Вотъ вамъ молоко разношерстной морской кобылицы, которую я пригналъ къ себѣ домой“.

Царь изумился, для виду поблагодарилъ Теймуръ-шаха и отпустилъ его, а потомъ позвалъ къ себѣ везирей и сказалъ имъ:

— „Я послалъ Теймуръ-шаха въ такое мѣсто, откуда

онъ не долженъ былъ вернуться, но онъ благополучно исполнилъ мое порученіе. Какъ же теперь погубить его“?

Везири судили-рядили и наконецъ рѣшили послать его за райскимъ яблокомъ. Совѣтъ ихъ понравился царю, — онъ притворился опять больнымъ, позвалъ къ себѣ Теймуръ-шаха и сказалъ ему:

— „Я опять захворалъ, ты долженъ достать мнѣ райское яблоко, — я съѣмъ его и выздоровѣю“.

Теймуръ-шахъ обѣщаль исполнить желаніе царя и только попросилъ сорокъ дней сроку. Вернувшись домой, цѣлыхъ тридцать-семь дней ѣлъ, пилъ и веселился съ женой, а на тридцать-восьмой день утромъ жена говоритъ Теймуръ-шаху:

— „Садись на разношерстную морскую кобылицу, — она знаетъ, куда повезти тебя; гдѣ она остановится, слѣзешь съ нея, привяжешь гдѣ нибудь и самъ спрячешься; послѣ обѣда туда придутъ купаться въ трехъ отдѣльныхъ бассейнахъ три сестры, дѣвицы; когда онѣ раздѣнутся и войдутъ въ бассейнъ, подкрадись и унеси одежду одной изъ нихъ. Когда это исполнишь, хозяйка одежды, оставаясь нагой, не уйдетъ и станетъ просить у тебя одежду; ты не давай ей одежды, пока она не согласится выйти за тебя замужъ; тогда ты одѣнь её и привези сюда“.

Теймуръ-шахъ распростился съ женою, сѣлъ на кобылицу и поѣхалъ. Тамъ, гдѣ остановилась кобылица, слѣзъ съ нея, привязалъ её, спрятался и сталъ караулить прихода трехъ сестеръ. Послѣ обѣда онѣ явились, возлѣ бассейновъ раздѣлись, одежду оставили тутъ, а сами начали купаться. Теймуръ-шахъ подкрался и утащилъ одежду младшей сестры, такъ, что никто изъ нихъ не могъ замѣтить его. Выкупавшись, сестры вышли одѣться: двое одѣлись, а третья, младшая сестра, не нашла своей одежды и, оставшись одна, опять вошла въ бассейнъ. Тогда показался Теймуръ-шахъ съ одеждой въ рукахъ: сколько ни просила она, онъ

не давалъ ей одежды и отдалъ лишь тогда, когда она обѣщала быть его женою и исполнить все, что только онъ потребуеть. Когда она одѣлась, взяла переметную сумку, скрылась изъ виду и скоро вернулась съ полной сумкой райскихъ яблокъ. Теймуръ-шахъ обрадовался этому; сумку онъ привязалъ къ сѣдлу, посадилъ дѣвицу на крупъ лошади, за собою, и ускакалъ домой. Первая жена съ радостью приняла ихъ и хорошо угостила вторую жену. На другой день утромъ Теймуръ-шахъ отнесъ къ царю цѣлый подносъ райскихъ яблокъ. На вопросъ царя, откуда онъ досталъ ихъ, Теймуръ-шахъ отвѣтилъ, что онъ досталъ не только эти яблоки, но еще и новую красавицу, дочь римскаго царя. Царь, услышавъ это, для виду похвалилъ его мужество и поблагодарилъ его, но въ душѣ сильно разгнѣвался, что не могъ погубить его, и снова созвалъ везирей на совѣтъ о томъ, какимъ бы образомъ погубить его. Везири судили-рядили и наконецъ рѣшили такъ: царь столько болѣеть потому, что не знаетъ какъ на томъ свѣтѣ живется его родителямъ; пусть Теймуръ-шахъ сходитъ навѣдаться и сообщить царю, какъ живется тамъ его родителямъ. Царь одобрилъ этотъ совѣтъ везирей и позвалъ Теймуръ-шаха къ себѣ. Вторая жена его, дочь римскаго царя, предугадавъ, зачѣмъ зоветъ мужа царь, провожая его къ царю, поручила просить сорокъ дней сроку. Теймуръ-шахъ явился къ царю; тотъ объявилъ ему о своемъ желаніи и, по просьбѣ Теймуръ-шаха, далъ сорокъ дней срока. Все это время Теймуръ-шахъ съ женами ѣли, пили, веселились, а на сороковой день утромъ, вторая жена говоритъ мужу:

— „Ступай къ царю и попроси сдѣлать костеръ изъ двадцати аробъ дровъ, вылить на нихъ бочку нефти, зажечь и, когда будетъ сильное пламя, бросить тебя въ огонь. Тогда я съ своими сестрами вынесемъ тебя изъ огня и, когда весь костеръ сгоритъ, золу похоронимъ, а ты придешь къ царю

и скажешь, что родители его живутъ тамъ очень хорошо, скучаютъ о немъ и просятъ его посѣтить ихъ“.

Требованіе Теймуръ-шаха, по приказанію царя, было исполнено. Какъ только сгорѣлъ весь костеръ, золу похоронили, а потомъ, спустя нѣкоторое время, явился Теймуръ-шахъ и передалъ царю, что на томъ свѣтѣ родителямъ его живется очень хорошо, только они тужатъ о немъ и просятъ повидаться съ ними. Царь обрадовался, приказалъ сдѣлать костеръ, въ которомъ было бы дровъ и нефти въ пять разъ больше прежняго, и, когда костеръ хорошенько воспламенился, по приказанію царя, сбросили въ него сперва его самого, а потомъ всѣхъ его везирей, составлявшихъ его свиту. Такимъ образомъ и царь и его сановники сразу погибли въ огнѣ, и Теймуръ-шахъ, какъ наслѣдникъ престола, сдѣлался царемъ, и былъ государемъ очень милосерднымъ и справедливымъ, такъ что всѣ подданные, видя его хорошее управленіе государствомъ, всегда возносили молитвы о долгоденствіи его. Такъ счастливо Теймуръ-шахъ прожилъ долгое время. Отъ каждой жены онъ имѣлъ по одному сыну. Однажды отчего-то онъ захворалъ, и у постели его собралось все его семейство: старшая жена его сидѣла у изголовья, а младшая — у ногъ, сыновья же играли на груди его. Тогда онъ вспомнилъ сонъ, пріобрѣтенный имъ у бѣдняка за стадо овецъ, и неожиданно разсмѣялся. Видя это, старшая жена спросила, какія пріятныя воспоминанія вызвали его улыбку, — ужъ не вспомнилъ ли онъ свое пастушество. Тогда Теймуръ-шахъ сказалъ, что онъ видитъ, наконецъ, исполненіе сна, который продалъ ему бѣднякъ за стадо овецъ.

Отъ Бога упало три райскихъ яблока: одно рассказчику, другое слушающимъ, а третье проходящему по улицѣ.

9. Качаль-Ахметъ. *)

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жила была старая вѣдьма. Она въ одной рукѣ держала „иманъ“ (вѣру, честь) свой, въ другой — „туманы“ (деньги). У нея былъ единственный сынъ, по имени Качаль-Ахметъ, который ничѣмъ не занимался, такъ что матери приходилось кормить его. Для этого мать цѣлые сутки, и днемъ и ночью, занята была вязаніемъ носковъ. Каждый день она давала сыну относить на базаръ для продажи по парѣ носковъ. Качаль-Ахметъ продавалъ носки, покупалъ для матери немного хлѣба, но такъ мало, что почти всегда она оставалась голодной, а остальную, большую, часть выручаемыхъ денегъ присваивалъ и моталъ съ товарищами, подобными себѣ. Мать, видя, что, оставаясь голодной, она все болѣе и болѣе изнуряется, и что отъ сына ей никакого прока нѣтъ, говоритъ сыну: „Коли не хочешь работать и кормить меня, давай подѣлимся“. Весь домашній скарбъ раздѣлили они пополамъ. Ахметъ долю свою вынесъ на базаръ и продалъ за семьдесятъ копеекъ. Послѣ этого онъ собралъ сорокъ подобныхъ себѣ дармоѣдовъ; они вооружились камышевыми ружьями, достали лошадей, удалились изъ города недалеко отъ проѣзжей дороги построили домикъ и жили тутъ, занимаясь разбоемъ: они грабили всякаго проходящаго и проѣзжающаго по той дорогѣ.

У мѣстнаго царя былъ единственный сынъ, который былъ лихимъ охотникомъ и ежедневно ѣздилъ на охоту. Однажды, послѣ долгой охоты, онъ остановился у родника, выпилъ холодной воды и легъ отдохнуть, а лошадь пустилъ пастись около себя. Во время его сладкаго сна кто-то окропилъ его лицо водой; царевичъ проснулся, оглянулся кругомъ и

*) Записана въ январѣ 1896 г. въ м. Геокчаѣ со словъ Саркиса Осипова Калашева, жителя сел. Сагіянь, Шемахинскаго уѣзда.

видить, что на высококомъ тополѣ сидить одна красавица. Пока царевичъ опомнился, красавица ушла и скрылась изъ виду. На слѣдующій день царевичъ опять, по обыкновенію, отправился на охоту; послѣ охоты остановился у того же источника, легъ отдохнуть, съ надеждою еще разъ увидѣть ту красавицу. Усталость взяла свое: царевичъ заснулъ крѣпкимъ сномъ. Въ это время пришла красавица и, заставъ царевича спящимъ, хлеснула его плетью, отъ чего онъ раскрылъ глаза: тогда она показала ему кусокъ фарфоровой чашки и скрылась изъ виду. Царевичъ поднялся на ноги, посмотрѣлъ по сторонамъ, но никого не могъ увидѣть. Въ раздумѣ онъ вернулся къ себѣ домой. На третій день царевичъ опять пришелъ туда, расположился у родника, ждалъ, ждалъ, утомился и заснулъ. Пришла красавица, заставъ его спящимъ, обрызгала его водою и, когда тотъ открылъ глаза, показала ему кольцо и убѣжала. Царевичъ сталъ гнаться за нею: она—впередъ, онъ—за нею; долго ли гнался царевичъ за красавицей или мало, наконецъ она превратилась въ джейрана и скрылась изъ виду. Царевичу ничего не оставалось, какъ только вернуться домой.

Онъ прибылъ домой и сталъ хворать. День ото дня положеніе его ухудшалось; болѣзнь его тянулась очень долго, и всѣ усилія врачей оказались безуспѣшными. Царь, когда убѣдился, что его врачи не въ состояніи помочь сыну, одного изъ своихъ везирей отправилъ въ сосѣднія государства разыскать наилучшаго врача. Дорогой на везиря напали разбойники, подъ начальствомъ Ахмета, и ограбили его дочиста; узнавъ, кто онъ, куда и за чѣмъ отправляется, атаманъ шайки вызвался вылечить царевича, только требовалъ, чтобы царь въ теченіе сорока дней кормилъ его шайку и на сороковой день обѣщалъ вылечить царевича. Везирь вернулся къ царю, доложилъ обо всемъ ему, и царь исполнилъ желаніе мнимаго врача: тридцать девять дней разбойники

на счетъ царя ѣли, пили, веселились, а на сороковой день пригласили и царевича. Въ этотъ день угощеніе было еще пышнѣе. Качаль-Ахметъ заранѣе поручилъ сподвижникамъ своимъ, чтобы во время веселья они начали плакать, и чтобы, на вопросъ его, каждый изъ нихъ разсказалъ про свое горе; на примѣръ, одинъ сказалъ бы, что вспомнилъ родителей, другой—невѣсту, третій—любовницу, четвертый—родину и т. д. Порученіе атамана было исполнено; во время общаго веселья всѣ стали плакать и на вопросъ Ахмета, каждый разсказалъ, о чемъ горюетъ. Очередь дошла до царевича, но онъ на всѣ настоянія атамана шайки отвѣчалъ, что у него никакого горя нѣтъ, кромѣ его болѣзни. Видя упорство царевича, атаманъ приказалъ своей шайкѣ разрушить домъ, чтобы оставить подъ его развалинами царевича. Послѣдній видя, что дѣло его плохо, разсказалъ, какъ онъ влюбился въ незнакомую красавицу, подробно описавъ свои встрѣчи съ нею. Ахмету этого только и нужно было; онъ зналъ, что красавица та была дочь „Аваранъ-Эйлаги“. Онъ взялъ царевича и съ нѣкоторыми своими сподвижниками явился къ царю и объявилъ, что царевичъ будетъ здоровъ, если государь исполнить его требованія. Тогда, по просьбѣ Качаль-Ахмета, царь отпустилъ сорокъ муловъ, сорокъ порожнихъ и 40 полныхъ золотомъ сундуковъ. Ахметъ распустилъ свою шайку, взялъ изъ нея 5—6 болѣе отважныхъ молодцовъ, и съ царевичемъ и съ караваномъ пустился въ путь по направленію къ „Аваранъ-Эйлаги“.

Долго ли пришлось ѣхать имъ, или коротко, это одному Богу извѣстно; наконецъ караванъ прибылъ въ тотъ городъ. Здѣсь Ахметъ нанялъ цѣлый каравансарай и сталъ называться Ахметъ-таджиромъ (купецъ). Онъ въ каравансарай размѣстилъ полные и порожніе сундуки и объявилъ, что сегодня—завтра получить товаръ и откроетъ большую

торговлю, а пока онъ, царевичъ и его спутники, принятые здѣсь за его приказчиковъ, ѣли, пили и веселились. Черезъ нѣсколько дней, оставивъ здѣсь всѣхъ товарищей и царевича, Ахметъ вышелъ прогуляться по городу и собрать нужныя ему свѣдѣнія. Во время прогулки онъ встрѣтилъ одну старуху, познакомился съ нею и просилъ ее къ себѣ; но та сперва отказывалась, а потомъ, когда онъ сунулъ ей въ руку нѣсколько золотыхъ монетъ, пошла къ нему въ каравансарай. Ахметъ-таджиръ просилъ старуху быть ему вмѣсто матери, заказалъ ей приличную одежду и всячески ухаживалъ за ней; потомъ онъ приготовилъ цѣлый подносъ дорогихъ подарковъ для дочери „Аваранъ-Эйлаги“ и, передавая старухѣ, просилъ отнести къ ней въ подарокъ отъ имени того молодого чедовѣка, которому она при *такомъ-то* родникѣ брызнула въ лицо водою, и отъ него же просить, чтобы она вышла за него. Дочь „Аваранъ-Эйлаги“ говорила, что ничего такого и никогда не было, что это вымыселъ, и потому приказала своимъ служанкамъ бить старуху и выгнать изъ дому. Служанки исполнили приказаніе барыни, и старухѣ пришлось получить немало колотушекъ. Она вышла на улицу и съ досады пошла бранить Ахметъ-таджира. Последній опять соблазнилъ старуху золотомъ и еще съ большимъ количествомъ богатыхъ подарковъ послалъ къ дочери „Аваранъ-Эйлаги“, сказать, что эти подарки прислалъ тотъ, котораго она *тамъ-то* хлеснула кнутомъ и отъ котораго, показавъ кусокъ фарфоровой чашки, убѣждала. Старуха принесла къ ней подарки и съ поклономъ передала ей все, что поручилъ Ахметъ-таджиръ. Дочь „Аваранъ-Эйлаги“, говоря, что ничего подобнаго не происходило, приказала бить старуху еще крѣпче. Старуха, браня Ахметъ-таджира, какъ виновника своихъ бѣдствій, направилась къ нему. Ахметъ-таджиръ опять соблазнилъ старуху еще большимъ количествомъ золотыхъ монетъ и съ еще большимъ количе-

ствомъ драгоцѣнныхъ подарковъ послалъ въ третій разъ къ дочери „Аваранъ-Эйлаги“, и самъ также послѣдовалъ за нею. Старуха пришла къ ней и, поднося подарки, сказала:

— „Это тотъ прислалъ, которому ты показала свой перстень въ *такомъ-то* мѣстѣ, и во время преслѣдованія котораго ты превратилась въ джейрана“.

Дочь „Аваранъ-Эйлаги“ сказала, что старуха вретъ, что ничего подобнаго никогда не было, приказала избить её и выбросить черезъ стѣну на улицу. Приказаніе ея было исполнено. Поджидавшій её на улицѣ Ахметъ-таджиръ подхватилъ её, положилъ въ экипажъ и привезъ къ себѣ въ каравансарай. Въ эту ночь Ахметъ-таджиръ послалъ къ дочери „Аваранъ-Эйлаги“, царевича, сказавъ ему:

— „Въ девять часовъ вечера она придетъ отъ родителей къ себѣ на квартиру, — подкупи служанокъ ея, войди въ квартиру ея и можешь побесѣдовать съ нею“.

Въ сумеркахъ царевичъ направился къ дому дочери „Аваранъ-Эйлаги“; пришелъ онъ въ то время, когда она отсутствовала и была у родителей; онъ подкупилъ служанокъ, вошелъ въ ея комнату, ждалъ долго и, недождавшись ея прихода, задремалъ и уснулъ. Когда пришла хозяйка и застала его спящимъ, положила ему въ карманы по нѣскольку штукъ орѣховъ, а сама пошла спать. Такъ царевичъ проспалъ до утра и, не зная, что она ночью приходила домой, какъ-только проснулся, немедленно побѣжалъ къ себѣ домой и сообщилъ Ахметъ-таджиру, что ждалъ понапрасну, что дочь „Аваранъ-Эйлаги“ не приходила къ себѣ домой. Когда же по требованію Ахметъ-таджира царевичъ осмотрѣлъ карманы, то нашелъ въ нихъ по нѣскольку штукъ орѣховъ. Присутствіе въ карманахъ царевича орѣховъ Ахметъ-таджиръ объяснилъ такъ:

— „Вѣроятно, когда она пришла, ты спалъ; поэтому она положила тебѣ въ карманы орѣховъ, давая этимъ понять,

что тебѣ еще время играть въ орѣхи, какъ мальчишкѣ, а не жениться“.

На вторую ночь царевичъ опять пошелъ къ ней, но, не дождавшись ея прихода, заснулъ; она пришла, положила ему въ карманы „альчики“ (косточки), давая этимъ ему знать, что ему время не жениться, а играть въ альчики, и пошла къ себѣ спать. Царевичъ проспалъ, ничего не зная; къ утру проснулся и, не солоно хлебавши, вернулся къ себѣ домой.

На третью ночь Ахметъ-таджиръ опять послалъ царевича къ дочери „Аваранъ-Эйлаги“ и, чтобы онъ не заснулъ, отдалъ ему десять золотыхъ монетъ, говоря:

— „Когда захочешь спать, начинай считать ихъ,— этимъ разгонится твой сонъ, и тебѣ удастся просидѣть до ея прихода; а при встрѣчѣ съ нею, попроси у нея шубу, которую прислалъ ей женихъ, и которая стоила ему семилѣтнихъ доходовъ всего государства, и пока не получишь шубы, не молви ни слова; когда же получишь и поговоришь съ нею, то шубу принеси съ собою домой“.

Царевичъ пришелъ на квартиру дочери „Аваранъ-Эйлаги“. Ея дома не было. Онъ сталъ поджидать, а когда ему захотѣлось спать, вспомнилъ наставленіе Ахметъ-таджира и началъ считать золотыя монеты; считаетъ, считаетъ, и одной монеты все не хватаетъ. Ахметъ-таджиръ, при выдачѣ царевичу золотыхъ монетъ, одну монету стащилъ не замѣтно для царевича. Такъ онъ считалъ монеты, пока не пришла царевна. Увидѣвъ его, она стала спрашивать его, а тотъ не говоритъ ни слова. Наконецъ, царевичъ отвѣтилъ, что станетъ говорить съ нею тогда, когда она дастъ ему шубу, присланную ей женихомъ. Долго она крѣпилась, наконецъ дала ему просимую шубу. Послѣ того сладко бесѣдовали они до самаго разсвѣту, когда онъ, наконецъ, простился съ нею и пошелъ къ себѣ въ каравансарай, унося съ собою и полученную

шубу. По приходѣ царевича въ каравансарай, Ахметъ-таджаръ съ приказчиками своими немедленно разломалъ всѣ пороженіе сундуки, разбросалъ ихъ по разнымъ улицамъ города, а шубу, принесенную царевичемъ, повѣсилъ надъ дверями каравансарая, и распустилъ слухъ, что ночью ограбили его, и что грабители, замѣтивъ пробужденіе его отъ сна, оставили шубу и сами скрылись. Всѣ знали, что шуба та принадлежитъ дочери „Аваранъ-Эйлаги“. Слухъ этотъ разнесся по городу и дошелъ до самого „Аваранъ-Эйлаги“. Онъ разгнѣвался, потребовалъ къ себѣ палачей, которымъ и приказалъ убить свою дочь. Тѣмъ временемъ Ахметъ-таджаръ на дорогѣ, по которой должны были везти её для исполненія надъ ней казни, вырылъ могилу и, сидя въ ней, читалъ коранъ. Когда палачи привезли дочь „Аваранъ-Эйлаги“ къ могилѣ, Ахметъ-таджаръ обратился къ нимъ съ просьбою, напрасно не проливать ея невинной крови, что противно ученію корана, и лучше опустить её живую въ эту могилу на голодную смерть, на базарѣ же купить козла и, зарѣзавъ его, запачкать кровью оружіе и одежду, чтобы сбмануть „Аваранъ-Эйлаги“. Говоря это, онъ далъ каждому изъ палачей по горсти золотыхъ монетъ. Подкупленные палачи опустили въ могилу дочь „Аваранъ-Эйлаги“, зарѣзали козла и вернулись домой.

Тотчасъ же Ахметъ-таджаръ посадилъ царевича и дочь „Аваранъ-Эйлаги“ въ заранѣе приготовленный экипажъ, навьючилъ на своихъ муловъ заранѣе же приготовленное все имущество свое и, ни мало не медля, пустился въ путь, по направленію къ своей родинѣ, говоря, что болѣе онъ не можетъ жить въ городѣ „Аваранъ-Эйлаги“, тѣмъ болѣе, что здѣсь грабежомъ занимается даже дочь самого царя.

Долго ли ѣхали или коротко, наконецъ они прибыли въ столицу царевича. Прибывъ сюда, Ахметъ явился къ царю и съ низкимъ поклономъ сказалъ:

— „Вотъ твой сынъ и его возлюбленная, изъ за которой онъ такъ долго хворалъ“.

Царь очень обрадовался возвращенію сына, поблагодарилъ Качаль-Ахмета и его товарищей, простилъ ихъ за прежніе грабежи и щедро вознаградилъ ихъ; затѣмъ онъ сыгралъ свадьбу на весь міръ; весь народъ въ теченіе двухъ недѣль ѣлъ, пилъ и веселился у царя.

Съ неба упало три яблока: одно рассказчику, другое— слушателямъ, а третье — Господу Богу нашему.

10. Крестьянинъ и змѣя.

Крестьянинъ въ полѣ зимою поднялъ окоченѣлую змѣю, принесъ домой, сѣлъ къ очагу погрѣться, а змѣю положилъ возлѣ себя. Пока онъ грѣлся, змѣя также отогрѣлась и, какъ только очнулась, кинулась на шею своего спасителя и хотѣла укусить его. Тогда крестьянинъ обратился къ змѣѣ съ такимъ упрекомъ:

— „Я тебя отогрѣлъ и тѣмъ избавилъ отъ гибели, и неужели только для того, чтобы ты ужалила меня!“.

— „Богъ одарилъ насъ только способностью укушенія“, отвѣтила змѣя, „и мы въ особенности должны жалить людей, потому что такого неблагодарнаго созданія, какъ человѣкъ, другого нѣтъ на свѣтѣ. Да, наконецъ, кто же платитъ за добро добромъ?!“.

Крестьянинъ сталъ просить змѣю:

— „Послушайся меня, не жаль и не суди меня твоимъ судомъ: найдемъ лучше трехъ постороннихъ судей, и пусть они разсудятъ насъ“.

Змѣя согласилась и они пошли. Первымъ встрѣтили пасшагося на лугу стараго, хромого, исхудалаго коня, кото-

рый едва таскалъ ноги, и спросили его, чѣмъ слѣдуетъ платить за добро человѣку.

— „Изъ всѣхъ созданій на свѣтѣ самое неблагодарное—человѣкъ, потому что за добро онъ платитъ зломъ“, сказалъ конь. „Вотъ я вамъ примѣръ: когда я былъ молодъ и силенъ, то и работалъ на человѣка безустали и днемъ и ночью,—возилъ его на себѣ. Сколько разъ я спасалъ его жизнь на войнѣ или при нападеніи разбойниковъ и дѣлалъ для него все, что ему хотѣлось! И вотъ теперь, когда я состарѣлся и сдѣлался неспособенъ къ труду, хозяинъ лишилъ меня своего вниманія: не кормитъ попрежнему, пускаетъ на произволь судьбы и даже хочетъ зарѣзать, чтобы содрать съ меня кожу для продажи“.

— „Слышишь?“ ядовито спросила змѣя.

— „Слышу“, печально отвѣтилъ крестьянинъ.

Выслушавъ этотъ приговоръ, пошли они дальше и встрѣтили стараго буйвола.

— „Чѣмъ слѣдуетъ платить за добро человѣку?“ спросили они

Буйволъ отвѣтилъ такъ:

— „Въ жизни я не видалъ другого такого неблагодарнаго созданія, какъ человѣкъ. Пока я былъ молодъ и силенъ, онъ запрягалъ меня въ телѣгу, въ соху, борону; я молотилъ ему, возилъ на мельницу зерно и дрова изъ лѣсу; словомъ, онъ всячески извлекалъ пользу изъ моей работы. А теперь, когда я ужъ состарѣлся и сдѣлался неспособнымъ къ труду, онъ отказывается кормить меня, бросилъ безъ всякаго присмотра и хочетъ, наконецъ, зарѣзать, чтобы мясо мое употребить въ пищу, а кожу—на обувь и другія принадлежности домашняго обихода. Слѣдовательно, судя по поступкамъ самихъ людей, за добро слѣдуетъ платить человѣку зломъ“.

— „Слышишь?“ опять спросила змѣя.

— „Слышу“, сказалъ человѣкъ.

Дѣло его принимало худой оборотъ, — оставалось услышать приговоръ только одного судьи. Пошли они дальше и встрѣтили родникъ.

— „Чѣмъ слѣдуетъ платить за добро чѣловѣку?“ спросили они родникъ.

Выслушавъ ихъ споръ, родникъ отвѣтилъ такъ:

— „Самое неблагогодарное созданіе въ мірѣ это — чѣловѣкъ: во время лѣтняго зноя онъ утоляетъ свою жажду мною; во время засухи сады, огороды и др. посѣвы поливаетъ мною; омовеніе, очищеніе своего тѣла и разныхъ принадлежностей домашнихъ производятъ мною; и несмотря на все это, напившись и утоливъ жажду, чѣловѣкъ плюетъ въ меня! Люди достойны всякаго наказанія за неблагогодарность“.

— „Слышишь?“ сказала змѣя.

— „Слышу“, отвѣтилъ крестьянинъ.

Когда всѣ трое судей рѣшили дѣло въ пользу змѣи, послѣдняя съ ироніею и торжествомъ сказала крестьянину:

— „Если хочешь, можешь пригласить еще столько же судей, сколько спросили, и всѣ они, я увѣрена, рѣшатъ въ мою пользу“.

Какъ утопающій хватается и за соломенку, чѣловѣкъ схватился за это предложеніе:

— „Если согласна на это, я буду весьма благодаренъ“, сказалъ крестьянинъ.

Обратились они къ выросшему у родника большому, тѣнистому дереву.

— „Чѣмъ слѣдуетъ платить за добро чѣловѣку“.

— „Чѣловѣкъ достоинъ наибольшей кары; не довольно ему того, что во время дневной жары, путешествуя, онъ самъ остацавливается подъ моими вѣтвями, спитъ укрытый моею тѣнью, я даю прохладу подъ ней и его коню, и все-таки, уѣзжая изъ подъ моей тѣни, онъ безжалостно отрываетъ вѣтку, чтобы погонять свою лошадь“.

— „Слышишь?“ спросила змѣя.

— „Слышу“, отвѣтилъ крестьянинъ.

Совсѣмъ ужь плохо было его дѣло: онъ хотѣлъ было примириться съ приговоромъ этихъ судей, но, къ его счастью, вдали увидѣлъ лисицу и сказалъ змѣѣ:

— „Сдѣлай мнѣ еще одно одолженіе: пойдѣмъ къ той лисицѣ, послушаемъ ея приговора“.

Змѣя согласилась. Они пошли. Крестьянинъ подавленный мыслью о смерти, шатался, какъ ивовый листъ, и едва добрелъ до лисицы. Стоя позади змѣи, онъ поднялъ руку къ своему горлу и сжалъ его рукою, давая этимъ знакомъ лисицѣ понять, что онъ въ опасности и просить выручить его изъ бѣды.

— „Чѣмъ слѣдуетъ платить за добро человѣку?“ спросили они у лисы.

Видя въ какомъ критическомъ положеніи находится человѣкъ, лиса сжалилась надъ нимъ и постаралась выручить его изъ бѣды. Съ этою цѣлью она прибѣгла къ слѣдующей хитрости: она стала спрашивать змѣю объ ея жизни и привычкахъ и, когда змѣя сказала, что живетъ въ норахъ и указала подобную нору, лисица выразила сомнѣніе, что она можетъ помѣщаться въ подобной норѣ:

— „Сестричка ты моя, змѣя, не могу понять, какъ ты помѣстишься въ этой дырѣ! Покажи, пожалуйста, какъ ты это дѣлаешь“.

Змѣя влѣзла въ дыру и оттуда высунула вверхъ голову. Тогда лиса сказала:

— „Вотъ видишь, я права была: твоя голова тамъ не помѣщается“.

Змѣя скрыла въ норѣ и голову, а лиса кивнула крестьянину на змѣю, давая понять, что нужно поскорѣе забить дыру. Крестьянинъ закрылъ отверстіе ея большимъ камнемъ и тѣмъ избавился отъ неминуемой смерти.

Избавившись отъ неблагодарной змѣи, крестьянинъ хотѣлъ отблагодарить лису и потому пригласилъ ее къ себѣ. Лиса долго отказывалась, говоря:

— „Лучше, добрый человѣкъ, оставь меня въ покоѣ; ничего твоего мнѣ не нѣжно; люди никогда не помнятъ благодарній и, вмѣсто благодарности, ты причинишь мнѣ горе; отправляйся къ себѣ домой, а я пойду къ себѣ“.

Тогда спасенный ею человѣкъ сталъ просить лису, если ужъ она не хочетъ итти къ нему въ домъ, то хоть дошла бы до его села и подождала у околицы, чтобы онъ могъ принести ей хоть одну жирную курицу.

Соблазнилась лиса, — пошла. Дошли они до селенія. Лиса стала ждать у околицы, а крестьянинъ пошелъ домой за курицей. У него былъ шалунъ-сыночекъ. Узнавъ, для чего отецъ принялся гонять куръ, тайкомъ отъ отца взялъ подъ полу своего аркалука борзую собаку и вышелъ за селеніе. Лиса, издали увидавъ шедшаго къ ней мальчика, думала, что онъ подъ полой несетъ ей для нея обѣщанную крестьяниномъ курицу, обрадовалась и говоритъ про себя, что этотъ крестьянинъ оказался благороднымъ, хозяиномъ своего слова. Только съ приближеніемъ мальчика лису стали беспокоить сомнѣнія: ей казалось, что у мальчика подъ аркалукомъ не курица, а что-то другое, больше курицы; поэтому изъ предосторожности лиса стала убѣгать. Мальчикъ, замѣтивъ это, тотчасъ же пустилъ за нею въ погоню свою борзую собаку, которая скоро догнала ее, поймала и стала безъ церемоніи рвать ей мѣхъ и ломать кости. Въ это время прибѣжалъ крестьянинъ съ обѣщанною курицей въ рукахъ и говоритъ:

— „Лисичка-сестричка, получай, я тебѣ принесъ курицу“.

Но было уже поздно, лиса была при послѣднемъ издыханіи. Отецъ сталъ бранить сына за то, что онъ осмѣлился

обидѣть его спасительницу, но лисѣ отъ этого было не лучше. Испуская послѣдній вздохъ, лиса промолвила:

— „Пока лиса докажетъ, что она права, то съ нея сдерутъ шкуру“.

11. Лиса.

Проходя дорогой, лиса увидѣла! стоявшаго неподолѣку пѣтуха и думаетъ про себя: „Хорошая закуска... Но какъ полакомиться имъ? Если подойду къ нему,—убѣжить, и я лишусь его; лучше прибѣгну къ хитрости“.

Вотъ, она опутивъ голову и показывая, будто погружена въ думу, продолжаетъ свой путь. Пѣтухъ, увидѣвъ ее, спрашиваетъ:

— „Куда идешь, такъ нахмурившись, лисичка-сестричка?“

— „На богомолье въ Мекку“, скромно отвѣчаетъ лиса.

— „Не возьмешь-ли и меня, сестричка?“ сталъ упрашивать ее пѣтухъ.

— „Изволь, братъ! мнѣ одной скучно, если и ты пойдешь, такъ вдвоемъ веселѣе будетъ“.

Вотъ пѣтухъ и лисица идутъ по дорогѣ, сладко бесѣдуютъ между собою, и, немного отойдя оттуда, встрѣчаютъ ворону. Увидѣвъ, какъ сладко бесѣдуютъ между собою путники, ворона спрашиваетъ ихъ:

— „Куда вы идете, братецъ Петя и лисичка-сестричка?“

— „Въ Мекку“, отвѣчаютъ они.

— „Не возьмете ли и меня?“ спрашиваетъ ворона.

— „Изволь!“ соглашаются они, „пусть будетъ насъ трое,—будетъ еще веселѣе“.

Къ лисицѣ и пѣтуху присоединилась и ворона, и они продолжали свой путь. Пѣтухъ и ворона весело болтали и были довольны своимъ положеніемъ; только одна лиса не

знала покою: она все думала о томъ, какъ бы воспользоваться ей обоими своими попутчиками. Заразь обоихъ изловить и ѣсть нельзя было; если бы она взялась за одного изъ нихъ, то другой могъ бы воспользоваться случаемъ и улетѣть. Вотъ она придумала хитрость. Когда подошли они къ норѣ лисей, она обратилась къ своимъ спутникамъ съ такой рѣчью:

— „Мы уже побратались“, говорила она, „но если встрѣтится съ нами охотникъ съ соколами и ястребами, то поймаетъ васъ, а я тогда уйду; если же охотникъ будетъ съ собаками, то вы избавитесь отъ него, а я буду его жертвою; давайте-ка лучше пойдемъ подземной дорогой, тогда для всѣхъ насъ одинаково безопасно будетъ“.

Пѣтухъ и ворона согласились на ея предложеніе и лиса, указавъ свою нору, предложила товарищамъ войти туда, а сама осталась у входа. Пѣтухъ скоро застрялъ и, не найдя далѣе дороги, спрашиваетъ лису:

— „Гдѣ же, сестричка, дорога?“

— „Ничего“, отвѣчаетъ лиса, „это такое мѣсто, гдѣ всякій, прежде, чѣмъ отправиться далѣе, долженъ исповѣдываться въ своихъ грѣхахъ. Иди ко мнѣ! я буду за архимандрита, а ты сознайся въ своихъ грѣхахъ!“

— „Но я никогда не грѣшилъ“, возражаетъ пѣтухъ.

— „А если я докажу твои грѣхи, тогда въ правѣ-ли буду, если съѣмъ тебя?“ говоритъ ему лиса.

Пѣтухъ согласился. Лиса начала свою обвинительную рѣчь такъ:

— „Въ полночь, далеко до разсвѣта, ты встаешь и поешь во все горло и тѣмъ будишь бѣдныхъ людей; послѣдніе такъ рано встаютъ по твоей милости и отправляются въ дорогу прежде, нежели солнце обогрѣетъ землю; зимою, во время стужи, такимъ образомъ, замерзаютъ и погибаютъ по твоей винѣ цѣлые караваны. Развѣ это не грѣхъ твой?!

Вѣдь когда будетъ разсвѣтать, всякій узнаетъ, что наступило утро; зачѣмъ же ты вводишь людей въ заблужденіе?!”

Сказавъ это, лиса принялась ѣсть пѣтуха. Покончивъ съ нимъ, она позвала на судъ и ворону. Послѣдняя думала про себя: „я избавлюсь отъ ея наказанія, такъ какъ никакого грѣха не имѣю: ложусь спать рано вечеромъ, а просыпаюсь поздно утромъ, когда солнце всходитъ“, и на вопросъ лисы отвѣтила ворона, что никакого грѣха за собою не чувствуетъ.

— „А если я докажу твои грѣхи, тогда въ правѣ-ли буду съѣсть тебя?“ говоритъ лиса.

Ворона сограсилась, и лиса начала свою обвинительную рѣчь:

— „Рабочій волъ бѣднаго крестьянина получаетъ отъ давленія тяжести рану на хребтѣ; крестьянинъ на двѣ-три недѣли пускаетъ его въ поле пастись на свободѣ, чтобы отдохнулъ онъ, и зажили его раны, но ты, видя рану, садишься на спину бѣднаго вола и безжалостно начинаешь клевать ее до того, что она увеличивается и, волъ околѣваетъ отъ нея. Такъ ты убиваешь бѣдное животное, а крестьянина лишаешь возможности обрабатывать поле и кормить свою семью“.

Сказавъ это, она съѣла и ворону и, вполне довольная охотою этого дня, вышла на дорогу. Пройдя немного, вдругъ она замѣтила множество всадниковъ, везшихъ новобрачную въ домъ жениха ея. Такъ какъ нельзя было укрыться, то пришлось ей опять пуститься на хитрости. Она растянулась, притворилась мертвой и лежитъ на дорогѣ. Подѣхали всадники къ лисичкѣ, а она не ворохнется, лежитъ себѣ, какъ мертвая, и говорятъ они:

— „Какъ счастлива наша новобрачная!—вотъ и мѣхъ для нея судьба послала...“

Подняли лису и, такъ какъ никто не хотѣлъ взять ее,

отговариваясь тѣмъ, что должны „джигитовать“, то привязали ее къ сѣдлу новобрачной, сзади ее. Проѣхавъ немного, лиса замѣтила, что конвой новобрачной занятъ джигитовкой, перегрызла веревку, которою была привязана, поднялась подъ чадрой на спину новобрачной и шепнула ей:

— „Отдай мнѣ золото, что на твоей груди, а не то всѣмъ открою твой грѣхъ!“

Изъ боязни, что лиса осрамить ее, бѣдная исполнила ее желаніе. Лиса, получивъ золото, опять притворилась мертвой. Спустя немного, она замѣтила у новобрачной золотой поясъ и опять шепчетъ ей на ухо:

— „Отдай мнѣ твой поясъ, а не то, открою всѣмъ твой грѣхъ!“

Бѣдная исполнила и это требованіе лисы. Лиса, получивъ и поясъ, опять притворилась мертвой и затѣмъ, проѣхавъ немного, замѣтила, что всадники, джигитуя, отѣхали значительно дальше, спрыгнула съ коня и давай бѣжать, сколько было мочи. Отъ звона золотыхъ монетъ на лисѣ всадники оглянулись назадъ, освѣдомились у новобрачной о томъ, что случилось съ нею, и пустились за лисой въ догонку. Но было уже поздно: сколько ни гнали своихъ коней, все безуспѣшно.

Бѣжала, бѣжала лиса и встрѣтила волка. Послѣдній, видя на ней украшенія, спрашиваетъ:

— „Откуда ты это достала, лисичка-сестричка, — не скажешь ли мнѣ?“

— „Отчего нѣтъ?!“ отвѣчаетъ она, „я пошла къ озеру, тамъ ночью опустила хвостъ въ воду и къ утру достала изъ воды все это“.

По просьбѣ волка, лиса повела его на озеро и, указывая на прорубь, говоритъ:

— „Ты, куманекъ, опусти хвостъ сюда: золото само на

хвостъ нацѣпится. Да смотри, сиди подольше, а то не наловишь“.

Дѣло было зимою. Вода стала замерзать, а хвостъ обмерзать въ ней. Ужь волкъ сидѣлъ, сидѣлъ,—цѣлую ночь просидѣлъ; хвостъ его и приморозило; волкъ попробоваль было приподняться, но не тутъ-то было. А лиса говоритъ ему:

— „Еще рано! Ты больше и сильнѣе меня, видно, для тебя идутъ большія украшенія. Чѣмъ больше просидишь, тѣмъ больше и золота достанешь“..

Такъ продержала она волка до утра, а утромъ побѣжала къ ближайшей деревнѣ, показала жителямъ и, когда ее замѣтили, повернула назадъ и стала бѣжать по направле- нію къ озеру; жители съ собаками стали преслѣдовать ее; на озерѣ преслѣдователи, увидѣвъ волка, позабыли про лису, напали на него и давай колотить, чѣмъ попало: дубинами, вилами, топорами. Бѣдный волкъ прыгаль, прыгаль, изо всей силы рвался; наконецъ оторвалъ себѣ хвостъ и пустился безъ оглядки бѣжать.

Между тѣмъ, за это время лиса далеко убѣжала и нашла кусокъ мяса, хотѣла было съѣсть его, но попала въ капканъ: рванулась лиса туда, сюда, но безуспѣшно. Дѣлать было нечего, прибѣгла къ хитрости и притворилась мертвой. Пришелъ хозяинъ капкана; увидѣвъ лису съ золотыми украшеніями, обрадовался, вынулъ изъ капкана, снялъ золотыя украшенія, а ее бросилъ подальше, чтобы потомъ содрать мѣхъ на воротникъ женѣ, а самъ принялся заряжать капканъ. Пользуясь этимъ моментомъ, лиса и убѣжала отъ бѣды. Встрѣтилась она потомъ съ знакомымъ ей волкомъ, который злился на нее за ея обманъ, и, чтобы отдѣлаться отъ него, опять пустилась на хитрости и говоритъ:

— „По своей жадности, ты набралъ столько золота, что не могъ и вытащить изъ озера, а потому лишился и хвоста. Не будь этого, ты не перенесъ бы столько мученій.

Конечно, отчасти и я виновата была, не остановила тебя, но не потому, чтобы я зла тебѣ хотѣла. Вотъ и теперь мнѣ хотѣлось бы для тебя добро сдѣлать. Здѣсь неподалѣку лежитъ кусокъ жирнаго мяса; я „оруджъ“,—пока не покажется луна, мнѣ ѣсть нельзя; ступай съѣшь его, авось когда-нибудь попадетъ тебѣ буйволъ или волъ, тогда и ты подѣлишься со мной своею добычей“.

Продолжая разговоръ объ этомъ, она довела волка до капкана. Волкъ, увидѣвъ мясо, соблазнился и, ничего не подозрѣвая, съ алчностью бросился на него и попалъ въ капканъ, а мясо выбросилось вонъ изъ капкана. Волкъ въ капканѣ рвется въ одну сторону, а лиса, слѣдившая за его дѣйствіями, печально говоритъ ему:

— „Туда и я тянула“.

Потомъ волкъ тянетъ въ другую сторону, а она ему:

— „И сюда я тянула, да ничего не могла сдѣлать“.

Когда же лиса убѣдилась, что волку ужъ не вырваться изъ капкана, принялась ѣсть мясо, отброшенное капканомъ всторону, а волкъ ей и говоритъ:

— „Не забывай, кума, что ты „оруджъ“, вѣдь тебѣ нельзя ѣсть“.

А лиса, подсмѣиваясь надъ волкомъ, отвѣчаетъ:

— „Звѣзды ужъ показались! теперь можно ѣсть“.

Сожравши мясо, лиса пожелала волку всего лучшаго и сама убѣжала дальше. Пришелъ хозяинъ западни, увидѣлъ волка и убилъ его.

Бѣжить лиса дальше и видитъ на высококомъ деревѣ голубя съ дѣтенышами и говоритъ:

— „Какъ ты осмѣлился безъ моего разрѣшенія поселиться здѣсь!? Развѣ не знаешь, что дерево это принадлежитъ мнѣ? За пользованіе имъ давай твоихъ дѣтенышей, а не то срублю дерево, оно упадетъ, тогда и ты и твои дѣти погибнете подъ нимъ“.

Бѣдный голубь не зналъ, что дѣлать,—далъ одного, а потомъ и другого дѣтеныша; лиса съѣла и ушла дальше, поискать, не попадетъ ли что-нибудь другое. Сидитъ голубь и горюетъ о своихъ дѣтенышахъ. Прилетѣла къ нему ворона и, увидѣвъ траурное одѣяніе его, спросила о причинѣ горя и, узнавъ, въ чемъ дѣло, сказала:

— „Напрасно ты отдалъ ей своихъ дѣтей: откуда же у лисы взялся топоръ или пила? Она ничего не можетъ тебѣ сдѣлать, а потому не обращай на нее никакого вниманія!“

Этотъ разговоръ подслушала лиса и думаетъ про-себя: „ну и расправилась бы я съ тобою, ворона, если бы ты попала въ лапы!“ Какъ только ворона улетѣла, лиса стала хвостомъ бить о дерево и требуетъ, чтобы голубь отдалъ и остального дѣтеныша. Но напрасно: голубь, наученный вороною, ничего не далъ. Когда лиса убѣдилась, что ничего не добьется, пошла дальше и видитъ на вершинѣ скалы ворону. Желая отомстить ей, она притворилась мертвой; ворона, завидѣвъ мертвую лису, подлетѣла къ ней и стала выклевывать ей глазъ, а лиса цапъ ее и говоритъ:

— „Вотъ теперь ты увидишь, какъ я расправлюсь съ тобою!—я сразу не съѣмъ тебя, а сперва помучаю хорошенько, и потомъ съѣмъ!“

Ворона, видя, что дѣло плохо, что приходится гибнуть, пустилась на хитрости и говоритъ:

— „Лисичка-сестричка, пожалуйста не мучь меня, кончай со мною поскорѣе и пожалуйста не бросай меня со скалы внизъ, а то поломаешь мнѣ всѣ крылья, а внизу потомъ съѣдятъ меня черви...“

А лиса говоритъ:

— „Ну, нѣтъ, я должна бросить тебя!“

Ворона опять проситъ не бросать ее со скалы внизъ, на съѣденіе червямъ, а лиса твердитъ свое:

— „Я разъ сказала, что тебя не съѣмъ, а сперва замучаю, такъ и сдѣлаю“.

Сказавъ это, она бросила ворону со скалы, а та, расправивъ крылья, улетѣла прочь. Хитрой лисѣ обидно было, что она обманута вороной, поэтому она искала случая, отомстить ей. Завидѣвъ однажды ту же ворону возлѣ озера, лиса растянулась на берегу и притворилась мертвой. Ворона, замѣтивъ лежащую лису, подумала: „Не та ли это самая, которую я обманула“ и хотѣла уйти дальше, но потомъ соблазнилась: повернула къ ней, присмотрѣлась и видитъ, что лиса совсѣмъ не шевелится, не дышетъ, и принялась клевать ей глазъ, а лиса ворону сейчасъ же сцапала и говоритъ:

— „Ну, теперь ужъ тебѣ не вырваться изъ моихъ острыхъ зубовъ! И я съ тобою сразу не покончу, а сперва проучу,—чтобы ты знала, какъ обманывать другихъ, да потомъ сильнѣйшихъ себя“.

А ворона опять умоляетъ ее:

— „Ради Бога, кончай со мной поскорѣе и избавь меня отъ мученій! Мнѣ пріятнѣе, если ты сама съѣшь меня, чѣмъ какъ если ты будешь мучить меня и бросишь меня, напр., въ озеро, гдѣ заѣдятъ меня пиявки, всю мою кровь по каплѣ высосутъ...“.

— „Ну нѣтъ!“ говоритъ лиса, „я тебя не съѣмъ, не сдѣлаю этой чести, а вотъ именно брошу тебя на съѣденіе пиявкамъ,—пусть онѣ тебя проучатъ хорошенько!“

Сказавъ это, лиса бросила ворону въ озеро, а ворона расправила крылья и улетѣла, издѣваясь надъ лукавой лисцей. А пока стояла лиса и смотрѣла на ворону, подоспѣли охотники и подстрѣлили одураченную лису.

12. Умный и дуракъ.

Въ одномъ городѣ жили-были два брата: старшій изъ нихъ былъ работающъ и уменъ, а младшій — лѣнивъ и туповатъ. У нихъ скотины было не мало. Вотъ однажды старшій братъ говоритъ младшему:

— „Веди рогатую скотину къ роднику на водопой, а же тѣмъ временемъ почищу хлѣвъ и принесу саману“.

— „Ты вѣчно заставляешь, меня кормить, поить ихъ!“ возразилъ младшій братъ ему. „Я тебѣ не рабъ! я больше не желаю съ тобою жить... Выдѣли мнѣ мою долю!“

— „Хорошо!“ прервалъ его старшій братъ, „если хочешь раздѣлиться, то веди ихъ на водопой, а я принесу въ хлѣвъ корму и почищу. Та скотина, которая войдетъ въ хлѣвъ, пусть будетъ моя, а что останется на дворѣ — твоя. Согласенъ?“

— „Согласенъ“, отвѣтилъ дуракъ, „давно бы слѣдовало поступить такъ и избавиться отъ тебя!“ и весело повелъ скотину на водопой.

Дѣло это было во время поста „арачаворацъ“ (предварительный), у простонародья называемаго постомъ св. Сергія *), когда бываетъ самая сильная зимняя стужа и бури; поэтому скотина, какъ только напилась воды, поспѣшила домой, укрыться въ теплое хлѣвъ. Придя во дворъ и чуя въ хлѣвъ кормъ, вся скотина бѣгомъ пустилась туда, на дворѣ остался одинъ паршивый бычокъ, который чесался у столба. Дуракъ немедленно подошелъ къ нему, снялъ съ себя кушакъ, привязалъ его за рога и повелъ за собою на продажу. Старшій братъ сказалъ ему:

— „Продай его мнѣ“.

*) По народному вѣрованію, въ праздникъ и постъ св. Сергія всегда бываютъ бури, которыя очень опасны для всѣхъ не почитающихъ его.

— „Я тебѣ не продамъ“, возразилъ дуракъ, „у тебя совѣсти нѣтъ, ты дешево дашь“, и повелъ бычка вонъ со двора. Долго ли шель дуракъ, или коротко, это Богу извѣстно; наконецъ, дошелъ до одного „гюнбаза“, построеннаго надъ могилою какого-то знатнаго лица или хана, вошелъ въ него и сказалъ:

— „Здравствуй гюнбазъ! привелъ тебѣ жирнаго бычка, отдамъ дешево, всего за двѣнадцать рублей“.

Эхо повторило послѣднія слова, и дуракъ, принявъ это за отвѣтъ „гюнбаза“, сказалъ:

— „Если теперь у тебя нѣтъ денегъ, то не бѣда, — можешь уплатить черезъ пять дней“.

Сказавъ это, дуракъ привязалъ бычка въ „гюнбазѣ“, а самъ вернулся домой. Когда онъ пришелъ домой безъ бычка, братъ спросилъ его:

— „Куда же ты дѣлъ своего бычка?“

— „Продалъ“, отвѣтилъ дуракъ.

— „За сколько?“ спросилъ умный.

— „За двѣнадцать рублей“, отвѣтилъ дуракъ.

— „А гдѣ деньги?“ спросилъ умный.

— „Продалъ въ долгъ“, отвѣтилъ дуракъ, „долженъ получить черезъ пять дней“.

Старшій братъ сказалъ, что должникъ ему ничего не отдастъ. А дуракъ, указывая на свою дубинку, сказалъ:

— „Видишь эту дубинушку? — если не пожелаетъ уплатить, задамъ дубиной и получу“.

По истеченіи пяти дней, дуракъ пошелъ къ гюнбазу и нашелъ тамъ только ножки да рожки отъ своего бычка (послѣдніе были привязаны) и спросилъ:

— „Ну, что? какъ понравился тебѣ бычокъ, — жиренъ оказался или нѣтъ?“

Послышалось эхо, и дуракъ, принявъ его за отрицательный отвѣтъ гюнбаза, сказалъ:

— „Худымъ ли оказался онъ, или жирнымъ, мнѣ нѣтъ дѣла: съѣлъ его, такъ теперь не угодно ли за него расплатиться?!“

Опять слышалось эхо и дуракъ повторилъ:

— „Я тебѣ говорю, что мнѣ нѣтъ дѣла; съѣлъ его, — ну и нечего теперь ломаться: плати скорѣе свой долгъ!“

Думая, что гипобазъ смѣется надъ нимъ, дуракъ совсѣмъ разгнѣвался, махнулъ дубиной нѣскольکو разъ, и одинъ изъ камней, вслѣдствіе удара, растреснулся, и изъ него посыпалось множество червонцевъ. Видя это, дуракъ разсердился еще больше и сказалъ:

— „Не слѣдуетъ быть низкимъ и нечего гордиться своимъ богатствомъ! Я знаю, что у тебя много золота, но убери твое богатство и уплати мнѣ мои двѣнадцать рублей!“

Съ этими словами онъ нагнулся, взялъ двѣнадцать рублей и побрелъ домой.

Придя домой, дуракъ показалъ деньги брату, а тотъ, видя у него монеты, немало былъ удивленъ; такъ-какъ бычокъ стоилъ не болѣе четырехъ или пяти рублей, и поэтому сталъ допытываться, откуда онъ взялъ ихъ.

— „Ну, что?“ сказалъ дуракъ, „теперь ты видѣлъ, что я получилъ свои деньги? А ты еще смѣялся надо мною, говорилъ, будто я ничего не получу за бычка. Правда, онъ не хотѣлъ платить, но потомъ, какъ я махнулъ своей дубишкой разокъ-другой, онъ рассыпалъ предо мною несмѣтное число золотыхъ монетъ. Только некому было ихъ подбирать!“

Старшій братъ теперь не могъ не повѣрить и сталъ просить, чтобы дуракъ указалъ мѣсто, гдѣ онъ увидѣлъ это множество золотыхъ монетъ. Но дуракъ говоритъ ему:

— „Нѣтъ, не укажу; ты такой жадный, что если укажу тебѣ, такъ ты наберешь столько золота, что не въ состояніи будешь самъ донести и меня заставишь помогать. Нѣтъ, не укажу тебѣ этого мѣста.“

Старшій братъ не отстаеъ и всячески упрашиваетъ дурака, обещаеъ не заставляеъ его нести тяжесть. Дуракъ наконецъ соглашаеъся и говоритъ:

— „Пойдемъ, укажу тебѣ мѣсто, только помни: если станешь просить о помощи, я побью тебя этой дубиной“.

Они пошли. Дуракъ ввелъ брата въ знакомый тюнбазъ, и умный съ жадностью набралъ полный чуваль золотыхъ монетъ, такъ что не могъ поднять его съ мѣста и, дѣйстви-тельно, сталъ просить помощи у дурака. Тотъ возмущаеъся поступкомъ брата и угрожаеъ пустить въ ходъ свою дубину. Старшій братъ сталъ ему объяснять, что онъ не просить его нести, а только просить содѣйствія, чтобы поднять чуваль. Дуракъ согласился на это: поднялъ чуваль на спину своего брата, и они направились вмѣстѣ къ своему дому.

Все шло хорошо. Но у городскихъ воротъ ихъ встрѣтилъ везиръ хана и, замѣтивъ, что чуваль не особенно большой, но такъ тяжелъ, что умный братъ подъ нимъ пыхтѣлъ и кряхтѣлъ, спросилъ, что они несутъ. Несшій отвѣтилъ, что несеъ мусоръ, но дуракъ прервалъ его и сказалъ:

— „Зачѣмъ врешь? не мусоръ, а золото въ чуваль!“

Везиръ подошелъ, убѣдился въ справедливости сказаннаго дуракомъ и сталъ угрожаеъ, что несшій поплатится за то, что присвоилъ достоянiе хана. Умный братъ предложилъ тогда везиру подѣлиться богатствомъ, и везиръ согласился. Пришли они въ домъ братьевъ и стали дѣлить золото, а жена старшаго брата, чтобы отвлечь вниманiе болтливаго дурака, заняла его „шютрикомъ“ *), его любимымъ кушаньемъ. Везиръ хотѣлъ дѣлить золото на двѣ части: одну взять себѣ, а другую дать братьямъ; но братъ дурака желалъ

*) „Шютрикъ“ или „пфутрукъ“—блюдо, приготовляеъмое изъ кусочковъ тѣста, сваренныхъ въ водѣ съ лукомъ и орѣхами. *Red.*

дѣлить на три части: одну дать везирию, а двѣ взять себѣ, — на себя и на дурака. Изъ-за этого между ними завязался споръ, который перешелъ скоро въ драку. Дуракъ, видя это, говоритъ имъ:

— „Деритесь, сколько угодно, но только подальше отъ меня, а не то, если, не дай Богъ, разольете мой „пютрикъ“, то не просите извиненія: какъ махну дубинушкой по башкѣ, такъ сразу на тотъ свѣтъ спроважу.“

Братъ, отлично зная характеръ дурака, во время драки постарался такъ стать, что везирь задѣлъ ногою миску дурака, и его „пютрикъ“ весь разлился по полу. Дуракъ разгнѣвался и, не долго думая, хватилъ дубиной везиря по головѣ, да такъ сильно, что тотъ повалился на полъ мертвымъ.

Старшій братъ, боясь ответственности за убійство, тотчасъ же вышелъ на дворъ, заперъ ворота и, вернувшись въ комнату, сказалъ дураку:

— „Знаешь ли братъ, что по городу летаетъ ворона и выклеываетъ всѣмъ глаза?“

Дуракъ повѣрилъ этому и сказалъ:

— „Я тебѣ столько добра сдѣлалъ; теперь ты мнѣ отплати, выручи изъ этой бѣды: устрой, чтобы ворона не выклевала мнѣ глазъ, — спрячь меня куда-нибудь!“

Старшій братъ заперъ тогда дурака въ тундиръ, закрылъ туда ходъ, сверху наложилъ много тяжестей, оставилъ только маленькое отверстіе для свѣта и воздуха и для подачи дураку пищи и питья. Потомъ онъ дождался, когда совсѣмъ стемнѣло и на дворѣ не стало видно ни зги, завернулъ трупъ везиря въ палась, взялъ на спину, отнесъ и бросилъ его на многолюдной городской площади, а самъ преспокойно вернулся домой. На другой день утромъ, замѣтивъ трупъ везиря, полицейскіе доложили хану, и онъ приставилъ къ трупу тайный караулъ, для открытія преступника.

По временамъ братъ подходилъ къ тундиру и, чтобы напугать дурака еще больше, стучалъ по доскѣ, которой закрытъ былъ онъ, а дуракъ отъ страху чуть не умиралъ. Такимъ образомъ дней пять онъ продержалъ брата въ тундирѣ: онъ боялся, что дуракъ увидитъ трупъ и выдастъ себя и брата. На шестой день братъ вытащилъ его изъ тундира. Дуракъ попросилъ у него денегъ на расходы и, получивъ два абазы, пошелъ на базаръ. Здѣсь онъ увидѣлъ трупъ везиря и сказалъ:

— „Это разъ ударилъ, и ты лежишь въ обморкѣ пять дней; а что если бы повторилъ свой ударъ? тогда, вѣроятно, ты уснулъ бы на цѣлый годъ!“

Тотчасъ караульные окружили дурака и спросили, кто убилъ везиря. Дуракъ отвѣтилъ, что убилъ онъ самъ. А когда спрашивали о причинѣ убійства, дуракъ отвѣтилъ:

— „Я за то ударилъ его, что онъ разлилъ мой „пютрикъ“.“

Тотчасъ схватили дурака и повели къ хану. Ханъ распросилъ его, и дуракъ далъ тотъ же самый отвѣтъ, какой давалъ караульнымъ. Ханъ былъ на одинъ глазъ слѣпъ. Когда онъ приказалъ взять дурака въ тюрьму, чтобы судить потомъ, послѣдній посмотрѣлъ на него искоса и произнесъ:

— „Дрянъ ты этакая, ворона, зачѣмъ ты, выклеывая у него одинъ глазъ, оставила другой?! выклевала бы и другой, и тогда онъ не осуждалъ бы своихъ подданныхъ несправедливо!“

Услышавъ это, ханъ убѣдился, что подсудимый—дуракъ набитый, и приказалъ выгнать его вонъ. Такимъ образомъ дуракъ былъ освобожденъ отъ наказанія, а братъ его присвоилъ себѣ всю находку.

13. Рамазанъ.

Въ одномъ городѣ по случаю небывалыхъ продолжительныхъ дождей привозъ предметовъ первой необходимости совсѣмъ прекратился, а потому все вздорожало. Когда же, наконецъ, погода установилась, и дороги просохли, то привозъ настолько увеличился, что все вдвое удешевилось и продавалось почти за безцѣнокъ. Этому въ особенности способствовало то обстоятельство, что жители окрестныхъ селеній, узнавъ о дороговизнѣ, старались привозить для сбыта все, годное къ тому. Одинъ изъ мѣстныхъ жителей, скряга, прельстился небывалой дешевизной и вспомнилъ завѣтъ своего покойнаго отца, который говорилъ: „нужную вещь покупай въ ненужное время“, т. е. покупай тогда, когда дешево. Онъ купилъ пудъ масла, пять пудовъ рису и потребное для того количество кишмишу (изюма) и „кайсїи“ (сушеныхъ абрикосовъ), послалъ съ „амбаломъ“ (носильщикъ) домой и вслѣдъ затѣмъ пошелъ и самъ. Жена стала бранить мужа, говоря: — „Не съ ума ли сошелъ ты? на что тебѣ столько провизїи?! вѣдь сыну свадьбу не играть, поминки по отцу не совершать!“

Чтобы успокоить бѣсновавшуюся жену, мужъ сказалъ: это „овругъ“ *) рамазана. Этимъ казалось дѣло улажено было, провизїя осталась съ амбарѣ въ цѣлости. Спустя нѣкоторое время послѣ этого случая, какъ-то хозяйка дома сидѣла у окна и, увидѣвъ какого-то крестьянина, гнавшаго предъ собою пару быковъ, приняла его за кочевника и спросила:

— „Слушай, не ты ли Рамазанъ?“

*) Кочевники, при перекочевкѣ, часть своего достоянїя отдаютъ на храненіе осѣдымъ жителямъ. Она то и называется овругомъ.

— „Да, я; а что прикажешь, барыня?“ спросил онъ, понявъ по вопросу, съ кѣмъ имѣеть дѣло.

— „Ахъ ты такой-сякой! я тебѣ не рабыня и не слуга“, продолжала она, „сколько хранила твое добро! что не возьмешь его и не освободишь насъ?“

Незнакомецъ смекнулъ, въ чемъ дѣло, и сталъ тихимъ, умоляющимъ голосомъ говорить:

— „Зачѣмъ бранишься? Вѣдь видишь, что я явился, значитъ, —возьму. А что ты сохраняла, за то спасибо тебѣ; сдѣланное добро нужно довести до конца“.

Говоря это незнакомецъ вошелъ вмѣстѣ съ хозяйкою во дворъ; она указала ему чуваль съ рисомъ, горшокъ съ масломъ и мѣшочки съ кишмишомъ и кайсией и спросила:

— „Ну, что? въ цѣлости ли сохранила все?“

Незнакомецъ поблагодарилъ ея за сохраненіе, удѣлилъ ей фунтовъ пять масла, съ полъ-пуда рису и необходимое количество кишмишу и кайси и, оглядываясь изъ предосторожности по сторонамъ, чтобы кто не замѣтилъ его и не накрылъ на мѣстѣ за обманъ, немедленно навьючилъ быковъ, еще разъ поблагодарилъ хозяйку и оставилъ ея дворъ. Чтобы не могли его настигнуть, онъ, вышедши на улицу, не забылъ перемѣнить направленіе своего пути: онъ направился въ противоположную сторону, а потомъ, пройдя такъ 2—3 улицы, повернулъ назадъ и пошелъ своей дорогой.

Хозяйка, послѣ ухода мнимаго Рамазана, засучила рукава, развела огонь въ очагѣ и принялась готовить шловы. Какъ разъ въ это время вернулся домой мужъ и, видя ея приготовленія, говоритъ:

— „Что ты дѣлаешь? Развѣ я тебѣ не говорилъ, что все это припасено для рамазана?“

— „Вѣдь это я не самовольно взяла“, отвѣтила жена: „Рамазанъ уже приходилъ, взялъ все, и часть своего запаса подарилъ мнѣ“.

— „Что съ тобою, не ошалѣла ли ты?“ раскричался мужъ, „какой тамъ Рамазанъ приходилъ?! Я тебѣ говорилъ, что я припасалъ все это для поста-рамазана, а ты, дура, взяла да и передала наше добро Богъ знаетъ кому!..“

Мужъ спросилъ, куда направился мнимый Рамазанъ, и пустился преслѣдовать его; но уже было поздно: его и слѣдъ простылъ. Обворованный домохозяинъ, однако, продолжалъ поиски: вышелъ и за городъ, и хотя никого не видѣлъ, но настойчиво продолжалъ путь. Долго ли шель, или коротко, наконецъ дошелъ до одной деревни, гдѣ ему захотѣлось пить, и онъ повернулъ къ фонтану, устроенному надъ родникомъ. Въ это время здѣсь наполняла свой кувшинъ какая-то женщина. Она, увидѣвъ загорѣлую, почернѣвшую, какъ уголь, физиономію прохожаго, изумилась и спросила, откуда онъ идетъ.

— „Изъ ада,“ отвѣтилъ онъ съ досады.

„Я тебя спрашиваю, какъ человѣка, и ты отвѣчай вѣжливо, откуда идешь!“ сказала набиравшая воду женщина, будучи разсержена такимъ грубымъ отвѣтомъ.

„Зачѣмъ же мнѣ лгать? Я иду изъ ада и говорю правду!“ отвѣтилъ онъ.

Женщина, повѣривъ ему, спросила:

„Скажи, пожалуйста, не видалъ ли ты тамъ моего дѣда и мою бабушку?“

„Какъ же не видать, когда они постоянно бываютъ съ нами вмѣстѣ?! Отъ твоего дѣда требуютъ тамъ тридцать рублей деньгами и пару платья, а онъ не въ состояніи заплатить, поэтому каждый день по утру рано его вѣшаютъ за ноги и освобождаютъ только поздно вечеромъ. На другой день опять повторяется то же, и такъ всякій день, пока не уплатить онъ требуемаго съ него.“

— „Ахъ, я вспомнила“, говоритъ женщина, „когда-то отъ него одинъ бѣднякъ требовалъ эту сумму, а онъ не хо-

тѣбѣ платить. Значить, бѣднякъ былъ правъ, а мой дѣдъ — нѣтъ. Скажи, пожалуйста, если я тебѣ дамъ эти деньги и платье, можешь ли доставить ихъ моему дѣду? За это я была бы тебѣ очень благодарна“, говорила растроганная женщина.

— „Отчего нѣтъ!? Если хочешь, дай!“ говоритъ прохожій.

Женщина тогда пригласила его къ себѣ домой, передала ему деньги и пару платья для дѣда и десять рублей подарила ему. Получивъ все это, онъ сказалъ:

— „Это ты хорошо сдѣлала: тридцатью рублями онъ уплатить долгъ, пять рублей израсходую я, и пять удѣлю твоему дѣду на мелкіе расходы.“

— „Ахъ, да!“ догадалась она, и забыла, возьми и эти двадцать рублей, — отдай моему дѣду на расходы, а тѣ десять рублей оставь себѣ, я дарю ихъ тебѣ.“

Получивъ отъ нея пару платья и шестьдесятъ рублей, онъ обрадовался, что на свѣтѣ существуютъ созданія и глупѣе его жены, простился съ простодушною женщиною и доскорѣе скрылся, оглядываясь назадъ и опасаясь, какъ бы мужъ обманутой женщины не настигъ его.

Послѣ его ухода, скоро вернулся домой мужъ. Дѣти сообщили ему радостную вѣсть, что отъ дѣда пріѣхалъ посланецъ; жена тоже подтвердила это и добавила, что бѣднаго дѣда тамъ вѣщаютъ за ноги и требуютъ пару платья и тридцать рублей деньгами, и что она послала ему и платье, и шестьдесятъ рублей денегъ. Услышавъ это, мужъ взбѣсился, сталъ бранить жену за несообразительность: спросилъ, по какому направленію пошелъ этотъ человекъ, осѣдлавъ коня и пустился въ погоню. Обманувшій, видя всадника, догадался, что тотъ преслѣдуетъ его, вбѣжалъ въ ближайшую мельницу и сообщилъ встрѣтившему его мельнику, что царевна сошла съ ума и для своего исцѣленія

должна съѣсть голову мельника, и потому онъ долженъ убить его. Мельникъ сталъ упрашивать его:

— „У меня“, говорилъ онъ, „большая семья, пожалѣй меня и моихъ дѣтей; убей слѣдующаго мельника, у котораго нѣтъ никакой родни, — только своя голова на плечахъ“

— „Ну, если такъ, я тебя избавлю отъ бѣды“, сказалъ плутъ, „спрячься гдѣ-нибудь, — я скажу ѣдущему сюда всаднику, что здѣсь мельника нѣтъ; тогда онъ поѣдетъ къ слѣдующему мельнику, а ты избавишься отъ смерти“

Мельникъ спрятался въ „довузлыгъ“ (мѣсто подъ жерновомъ), а плутъ обсыпалъ себя мукой, прѣобразился въ мельника и сѣлъ у дверей мельницы. Подъѣхалъ всадникъ, позвалъ его и спросилъ:

— „Гдѣ прибѣжавшій сюда человекъ?“

Онъ отвѣтилъ, что какой-то человекъ, котораго онъ въ первый разъ видитъ, вбѣжалъ въ мельницу и спрятался въ „довузлыгъ“. Всадникъ немедленно слѣзъ съ коня, попросилъ мнимаго мельника поддержать его, а самъ хотѣлъ войти въ мельницу, но плутъ остановилъ его, говоря:

— „Господинъ, какъ вижу, ты очень сердитъ въ настоящее время, — отдай твое оружіе, я сохраню его, дабы ты въ пылу гнѣва твоей благородной рукой не пролилъ напрасно крови“

Всадникъ послушался мельника, передалъ ему и свое оружіе, самъ вошелъ въ мельницу и сталъ звать бѣглеца. Тѣмъ временемъ мнимый мельникъ сѣлъ на коня, взял ружье и поднялся на ближайшій холмъ. Настоящій мельникъ изъ „довузлыга“ сталъ просить:

— „У меня“, говоритъ онъ, „четыре дѣтей; бери слѣдующаго мельника, онъ одинокъ“.

Прѣхавшій, не понимая его, возражалъ

— „Что за чужь говоришь ты? выходи и возврати мнѣ мои деньги, а не то убью тебя“...

Мельникъ, видя, что его принимаютъ за вора, изъ довузлыга отвѣтилъ, что онъ самъ и есть настоящій мельникъ и никуда отъ мельницы не отходилъ и разсказалъ, какимъ путемъ онъ попалъ подъ довузлыгъ. Теперь преслѣдователь догадался, что онъ попалъ въ обманъ подобно своей женѣ: что лошадь и ружье онъ далъ тому, кто обманулъ его жену; онъ вышелъ изъ мельницы, надѣясь найти злодѣя, но уже не засталъ бѣглеца и только издали видѣлъ его на холмѣ, верхомъ на конѣ и вооруженнымъ. Одураченный простакъ закричалъ ему:

— „Бери деньги и платье себѣ, а лошадь и оружіе возврати мнѣ!“ но тотъ въ отвѣтъ только усмѣхнулся и поскакалъ дальше...

Бѣдный съ пустыми руками вернулся домой, и, когда упрекалъ жену за ея поступокъ, она вмѣсто прямого отвѣта, спрашивала:

— „Скажи лучше, куда ты дѣлъ коня и оружіе свое?“

Записалъ въ Шемахинскомъ и Геокчайскомъ уѣздахъ Бакинской губерніи *Н. Д. Калащевъ*.

III. Юмористическіе рассказы, анекдоты и басни.

1. Три муллы.

Шли три муллы по большой дорогѣ и встрѣтили одного всадника. При встрѣчѣ, онъ, по обычаю, поклонился и сказалъ привѣтствіе: „Саламъ алейкумъ!“

Всадникъ проѣхалъ, а муллы остановились и подняли споръ о томъ, кому изъ нихъ поклонился онъ. Спорили долго и рѣшили догнать всадника и спросить его самого. Какъ рѣшили, такъ и сдѣлали; догнали всадника, остановили и спрашиваютъ:

— „Скажи намъ, Божій человекъ, къ кому изъ насъ относилось твое привѣтствіе? Мы долго спорили, но не могли рѣшить спора“.

Нѣтъ сомнѣнія, что всадникъ поклонился всѣмъ троицѣ, но, видя глупость этихъ людей, захотѣлъ посмѣяться надъ ними.

— „Мое привѣтствіе“, говоритъ онъ, „относится къ тому изъ васъ, кто глупѣе; а чтобы я могъ сравнить васъ въ этомъ отношеніи, пусть каждый изъ васъ расскажетъ мнѣ исторію изъ своей жизни, когда обнаружилась его глупость“.

Муллы согласились, и первый изъ нихъ разсказалъ слѣдующее.

— „Когда я былъ учителемъ, прихожу однажды въ школу. Еще на дворѣ встрѣчаетъ меня „хальфа“ *) и говоритъ мнѣ:

*) Старшій ученикъ.

— „Мулла, не ходи сегодня въ школу, — ты очень блѣденъ, и глаза у тебя совсѣмъ мутные... Я замѣню тебя“

— „Что съ тобою, хальфа?“ отвѣтилъ я, „Я чувствую себя вполне здоровымъ и пойду въ классъ“ ...

Вхожу въ классъ, и вдругъ всѣ ученики, послѣ обычнаго привѣтствія, закричали: „Бѣдный нашъ мулла, что съ тобой? ты совсѣмъ на себя не похожъ!“ и т. п. Я не шутя перепугался, вышелъ изъ класса и побѣжалъ домой, а дома въ это время жена стряпала долму *).

— „Я боленъ!“ закричалъ я женѣ, „бѣги скорѣе за докторомъ!“

Видя, что я совсѣмъ разстроенъ и блѣденъ, жена встревожилась, бросила свою стряпню, которая была уже почти окончена, и побѣжала за врачомъ. Пока она ходила, я обратилъ вниманіе на долму: не смотря на болѣзнь, она мнѣ очень понравилась и, пока вернулась жена, я успѣлъ все прикончить; жена и врачъ зашли тогда, когда я забралъ въ ротъ послѣднюю долму, но не успѣлъ прожевать и проглотить ее. Врачъ торопливо побѣжалъ ко мнѣ и началъ осматривать и, видя, что одна щека у меня неестественно вздута, такъ что я и говорить не могъ, принялъ ее за нарывъ; врачъ досталъ бритву и прежде, чѣмъ я ротъ разинулъ, разрѣзалъ мнѣ щеку и вытащилъ, къ своему удивленію, находившуюся тамъ долму. Поднялся хохотъ. Я же, истекая кровью, упалъ въ обморокъ. Когда я снова открылъ глаза, то врача уже не было, а за мною ухаживала моя жена. Цѣлый мѣсяцъ пролежалъ я въ постели, а когда выздоровѣлъ, то бросилъ свою школу, куда мнѣ стыдно было и глаза показать. И вотъ теперь безъ дѣла брожу по міру, собираю подаваніе“.

Второй мулла послѣ того рассказалъ слѣдующее:

*) Кушанье вродѣ голубцовъ, только въ виноградныхъ листьяхъ и подъ соусомъ изъ кислаго молока съ корицей.

„Я тоже былъ учителемъ въ школѣ, и со мною однажды произошелъ пренеприятный случай. Во дворѣ школы находился въ землѣ громадный кувшинъ, такой, что въ немъ могли свободно помѣститься три человека; кувшинъ стоялъ пустой. Разъ ученики прибѣгаютъ ко мнѣ съ перепуганными лицами и объявляютъ мнѣ, что видѣли въ кувшинѣ чорта, который грозилъ имъ своимъ двухаршиннымъ пальцемъ. Я отправился съ учениками на дворъ и подошелъ къ кувшину, на днѣ котораго, какъ потомъ оказалась, была вода, и, когда я нагнулся надъ кувшиномъ, на днѣ его отразилось лицо... Убѣдившись, что въ кувшинѣ находится чортъ, но безъ двухаршиннаго пальца, я рѣшился войти въ кувшинъ, чтобы выгнать оттуда чорта; учениковъ я снабдилъ палками и приказалъ имъ, чтобы, какъ покажется голова чорта изъ кувшина, они били его палками, пока не издохнетъ. Когда я влѣзъ въ кувшинъ, то никакого чорта тамъ не нашелъ и, убѣдившись въ своей ошибкѣ, хотѣлъ выбраться изъ кувшина. Но едва я поднялъ голову, какъ на меня посыпался цѣлый градъ палочныхъ ударовъ. Я поднялъ отчаянный крикъ, но ученики не узнали моего голоса и продолжали свое дѣло, пока прибѣжавшая на мои вопли жена моя не разогнала ихъ и не вытащила меня, еле живого, изъ кувшина, который въ свою очередь пострадалъ отъ палочныхъ ударовъ и оказался разбитымъ. Съ трудомъ я оправился отъ этихъ побоевъ и отъ стыда бросилъ свою школу“.

Наконецъ началъ свой рассказъ третій мулла.

„Къ моему несчастію, и я былъ приходскимъ учителемъ, и со мною также вышла въ школѣ неприятная исторія. Однажды наше ведро упало въ глубокой колодезь. Я предлагалъ, чтобы кто-нибудь изъ учениковъ влѣзъ въ колодезь и досталъ ведро, но изъ нихъ никто не рѣшился опуститься въ колодезь. Дѣлать нечего, пришлось мнѣ самому спускаться: одинъ конецъ веревки держали ученики, а на

другомъ прочно укрѣпился я. И дѣло пошло успѣшно: уже спустили меня до половины глубины, вдругъ въ это время одинъ изъ учениковъ зѣвнулъ. А у меня въ школѣ заведено было такъ, что когда одинъ зѣвнетъ, то прочіе должны бить въ ладоши, пока пройдетъ зѣвота; это поддерживало вниманіе... На бѣду мои ученики и въ этомъ случаѣ не забыли моихъ наставленій: какъ по командѣ, они оставили веревку и принялись хлопать въ ладоши, а я стремглавъ полетѣлъ на дно, сильно разбился и навѣрное утонулъ бы, если бы жена моя не успѣла собрать кое-кого изъ сосѣдей, которые и вытащили меня съ большимъ трудомъ изъ колодезя. Послѣ этого мои прихожане перестали посылать ко мнѣ въ школу своихъ дѣтей и я рѣшился перебраться въ какой-нибудь другой городъ, чтобы тамъ получить мѣсто приходскаго муллы“.

Когда муллы окончили свои рассказы, всадникъ, взглянувъ на нихъ, сказалъ:

„По моему, вы всѣ-трое вполне заслуживаете названіе глупцовъ“.

2. Какъ Гасанъ ѣлъ пловъ.

Жилъ бѣдный мусульманинъ Гасанъ, у котораго было пятеро дѣтей. Жили они, что называется, впроголодь, и поѣсть плову было давнишнею мечтою семейства Гасана. Какъ ни трудно это было для бѣднаго Гасана, онъ рѣшился все-таки однажды полакомить дѣтей своихъ пловомъ: продалъ на рынкѣ нѣсколько своихъ куриць, накупилъ крупы, баранины, масла и, вернувшись домой, передалъ провизию въ распоряженіе своей жены.

Велика была радость бѣдныхъ дѣтей Гасана! Жена его тотчасъ же принялась застряпню, а самъ хозяинъ въ ожиданіи вкуснаго блюда, вышелъ на улицу, посидѣть, и съ удо-

вольствиемъ посматривалъ на дымъ, который струился изъ кухонной трубы его дома.

По улицѣ въ это время проходили три муллы, досыта наѣвшияся плова въ сосѣднемъ домѣ и теперь возвращавшіеся по домамъ, чтобы предаться сладкому сну. Гасанъ, какъ хорошій мусульманинъ, вѣжливо привѣтствовалъ духовныхъ особъ и, будучи увѣренъ, что они сыты вполне, пригласилъ ихъ отвѣдать плова, ожидая, что они откажутся. Но вышло совсѣмъ не такъ,—муллы изъявили согласіе попробовать и его плова.

Жена Гасана, видя гостей, подала имъ весь пловъ, а сама съ дѣтьми только смотрѣла, какъ они угощались. Между тѣмъ муллы атаковали блюдо самымъ серьезнымъ образомъ, и несчастный Гасанъ, почтительно стоя предъ своими гостями, скоро убѣдился, что ни ему, ни его дѣтямъ отъ плова и зерна не останется. Съ тревогою и чуть же со слезами видѣли дѣти Гасана изъ сосѣдней комнаты, какъ пустѣетъ блюдо, и матери немало пришлось потратить краснорѣчія, чтобы убѣдить ихъ, что останется и на ихъ долю. Но скоро фактъ былъ на лицо: муллы истребили весь пловъ и, даже не поблагодаривъ хозяина, направились къ дверямъ сакли.

Раздосадованные такимъ поведеніемъ муллы, Гасанъ съ женою напали на нихъ и, нанося удары, приговаривали:

— „Впередѣ имѣйте совѣсть и не лишайте добрыхъ людей возможности утолить голодъ, когда сами вы сыты!“

Смотритель Кагызманскаго училища *Г. Новрузовъ.*

3. Лисица и куропатка.

Въ одномъ крестьянскомъ домѣ нѣсколько гостей вели за ужиномъ разговоръ между собою. Хозяйка, подавая имъ вареную курицу и разныя закуски, сказала:

— „Сегодня одинъ изъ нашихъ друзей застрѣлилъ на охотѣ джейрана и обѣщаль вечеромъ прислать намъ мяса его на шишлыкъ; такъ что, Богъ дастъ, я попотчую васъ этимъ лакомымъ блюдомъ“.

Гости выразили ей свою благодарность и пожелали другу хозяевъ за его любезность всего хорошаго. Но одинъ изъ гостей по этому поводу счелъ умѣстнымъ рассказать слѣдующее:

— „Лисица какъ-то поймала куропатку и хотѣла ее съѣсть, но куропатка взмолилась къ ней и сказала:

— „Лисичка-сестричка, теперь я ужъ твоя, съѣшь меня! Такова, значить, судьба моя! Но не ѣшь меня, пожалуйста, на этомъ жѣсткомъ холмикѣ, а снеси меня на зеленую поляну и тамъ прославь Бога, что такое красивое созданіе. Онъ послалъ тебѣ въ пищу, и потомъ уже съѣшь“.

Лисица нашла, что куропатка права, и для хорошаго кушанья нужна и обстановка такая же. Она отнесла куропатку на зеленую лужайку и готовилась приняться за свой обѣдъ. Но едва на лужайкѣ открыла она ротъ, чтобы поблагодарить Бога, куропатка, которой только этого-то и нужно было, вдругъ вспорхнула и улетѣла и, словно на зло лисицѣ, еще издавала при этомъ веселые крики. Лиса ахнула, но было уже поздно: куропатка была утрачена безвозвратно. Съ тѣхъ поръ лиса завѣщала своимъ потомкамъ, никогда не благодарить раньше, нежели наѣшьясь досыта“.

— „И вы, братцы“, заключилъ рассказчикъ, „не слишкомъ ли поторопились благодарить за джейрана?! Лучше сперва поѣдимъ шишлыка, а потомъ и благодарить будемъ“.

Гость оказался правъ: ужинъ окончился, гости уже расходились по домамъ, а мяса джейрана все еще не было доставлено хозяину.

4. Осленокъ и свиньи.

У одного человѣка были: ослица, осленокъ и нѣсколько свиней. Хозяинъ ихъ, казалось, особенно заботливо присматривалъ за свиньями и каждый день кормилъ ихъ ячменемъ. Глядя на ихъ довольство и счастье, осленокъ завидовалъ имъ и однажды, обратясь къ матери, сказалъ:

— „Матушка, почему и намъ не даютъ также ячмень? Мнѣ очень бы хотѣлось покушать этого лакомага блюда“.

— „И я съ удовольствіемъ поѣла бы ячменя. Но что же дѣлать! Такова наша судьба!“ грустно отвѣтила ослица.

Но вотъ настало время, когда начали рѣзать свиней. Слыша ихъ жалобный, раздирающій душу, ревъ и крикъ, осленокъ спросилъ мать:

— „Матушка, почему такъ жалобно кричатъ эти свиньи?“

— „А помнишь, дитя мое“, сказала мать, „какъ весело и счастливо они ѣли ячмень? Такъ это теперь съ нихъ требуютъ расматыва за тотъ ячмень!“.

5. У всякаго свой вкусъ.

Одинъ осель заболѣлъ. Его посѣтили друзья и знакомые и спрашивали, не хочетъ ли онъ чего-нибудь:

— „Болезнь моя такъ сильна, что ничего не хочу“, отвѣтилъ больной.

— „Какъ же такъ не хочешь?!“ уговариваютъ его друзья. „Подумай, — можетъ быть чего-нибудь и захочется: мы посыплемъ золы подъ тебя и съ удовольствіемъ принесемъ тебѣ на

закуску выброшенныхъ въ сорную кучу травъ и соломы. Неужели и это не соблазнить тебя?”

— „Нѣтъ, нѣтъ! Спасибо вамъ! Хоть это и лакомыя вещи, но мнѣ такъ нездоровится, что я отказался бы, вѣроятно, даже и отъ старыхъ вѣниковъ“...

6. Услужливый сынъ.

Одинъ человекъ имѣлъ сына, по имени Серопа. Однажды отцу понадобилось отмѣрить кусокъ бязи: онъ и говоритъ сыну, чтобы тотъ сходилъ къ сосѣду за аршиномъ. Сынъ возражаетъ:

— „Совсѣмъ незачѣмъ итти къ сосѣду!.. Я самъ смѣрилъ нашу черную кошку: у нея отъ конца хвоста до ушей ровно двѣнадцать вершковъ. Можно обойтись и безъ аршина“.

На этотъ разъ не стали беспокоить сосѣда. Но вотъ другой разъ отцу понадобилось свѣсить фунтъ гвоздей, — онъ и говоритъ ласково своему сыну:

— „Серопъ, сходи, пожалуйста, къ сосѣду и попроси у него фунтовую гирю“.

— „Зачѣмъ ходить?!“ возражаетъ опять сынъ. „У меня есть копыто отъ дохлаго осла, — оно вѣситъ ровно фунтъ; возьми и обойдись имъ!“.

Въ третій разъ отецъ говоритъ сыну:

— Серопъ, поиди на дворъ (это, вѣдь, не далеко) и посмотри, какова сегодня погода!“.

— „Ахъ, батюшка“, возражаетъ сынъ, „на что ходить мнѣ?! я позову сюда Боздару (сабака): если она будетъ суха, — значитъ и на дворѣ сухо; а если мокра она, такъ и на дворѣ мокрая погода!“.

Въ четвертый разъ отецъ говоритъ сыну:

— „Серопъ, встань, пожалуйста, и дай мнѣ кружку воды, напиться!“.

— „Ахъ, батюшка, сколько порученій ты даешь мнѣ!“ говоритъ на это сынъ. „Ну, до сихъ поръ я все для тебя устраивалъ, а на этотъ разъ можешь обойтись безъ меня!“.

7. Было хорошо, стало лучше.

Былъ одинъ человекъ, по прозванію „Эшь“ (осленокъ). Это прозваніе, какъ поводъ для остротъ и насмѣшекъ, не нравилось его женѣ, и потому она постоянно докучала мужу просьбою позаботиться о томъ, чтобы переимѣнить свое прозвище на другое, лучшее. И вотъ однажды они приготовили хороцій обѣдъ и пригласили всѣхъ почетныхъ людей своего селенія. Приглашенные у нихъ ѣли, пили, веселились и, наконецъ, переимѣнили прозвище хозяина: назвали его „Аванакъ“ (большой осель). Мужъ, обрадованный, что избавился отъ стараго прозвища, пришелъ въ комнату жены и съ радостью воскликнулъ:

— „Ну, жена, теперь наше прозвище не Эшь, но Аванакъ!“.

Взбѣшенная этимъ, жена, въ отвѣтъ своему мужу, сказала:

— „Иного и ждать нельзя было: чѣмъ больше ты живешь, тѣмъ болышимъ эшакомъ и становишься!“

8. Умѣнье продавать.

Одинъ молодой человекъ сказалъ:

— „Я продаю своего отца!“.

— „Какой ты дуракъ! развѣ можно продать отца?“ замѣтили ему присутствующіе.

— „Я буду просить такую цѣну, что никто не сможетъ заплатить“, спокойно отвѣтилъ онъ.

Записалъ мастеръ бондарнаго и колеснаго ремесль въ Елисаветп. професс. училищѣ П. И. Тоніевъ.

9. Слепой, хромой и нищій.

Въ день „мерелоца“, когда армяне на кладбищахъ совершаютъ поминки по своимъ покойникамъ, хромой, слѣпой и простой нищій собрали очень много подаянія: денегъ, съѣстного. На собранныя деньги они купили вина и, со своими съѣстными припасами, забрались въ дальній и глухой садъ кутить. Выпито было немало, и они сильно опьянѣли. И вотъ слѣпой взялъ стаканъ съ виномъ и сказалъ:

— „Эй, братцы, смотрите, какое чистое и прелестное вино! Честное слово, стоитъ пить его!“

— „Пей скорѣе, а не то такъ лягну тебя, что отлетишь, смотри, вонъ куда, на три сажени!“ сказалъ ему хромой.

Услышавъ это, нищій завопилъ:

— „Бей его, подлеца! за кровь я заплачу десять тысячъ рублей, подкуплю старшину и судей и не дамъ тебя арестовать!“

10. Одинъ лучше другого.

Въ полѣ шли однажды два татарина, крестьяне; одного изъ нихъ звали Ирза, а другого—Аббасъ. Оба они жаловались на свою горькую судьбу. Ирза, въ разговорѣ, поднявъ свои взоры на небо, сказалъ.

— „Аллахъ, Аллахъ, не откажи мнѣ въ милости твоей,

выведи изъ моего невыносимаго положенія,—пошли мнѣ по тысячѣ овецъ и козъ!“.

— „А дашь ли мнѣ что-нибудь изъ того, что тебѣ Богъ пошлетъ?“ спросилъ его на это Аббасъ.

— „Конечно нѣтъ!“ поспѣшно отвѣтилъ Ирза: „съ чего ты взялъ, чтобы я дѣлился съ тобою? Ты, кажется, знаешь, что у меня семья большая: семь женъ, да двадцать шесть дѣтей, не говоря про другую родню... Дай Богъ, чтобы самому стало прокормиться!“.

— „О, Аллахъ!“ воскликнулъ Аббасъ, „дай мнѣ пятьсотъ волковъ, чтобы я въ одну ночь уничтожилъ стада этого безжалостнаго человѣка!“.

Отъ словъ скоро перешли къ дѣлу, и между Аббасомъ и Ирзой завязалась жаркая драка... По счастью къ дерущимся подошелъ одинъ хаджи, который гналъ лошадь, навьюченную двумя бурдюками нарбека *). Разспросивъ и узнавъ причину спора и драки, хаджи пришелъ въ изумленіе отъ глупости спорщиковъ: выхватилъ изъ кармана свой ножъ и, вонзивъ его въ одинъ изъ своихъ бурдюковъ съ нарбекомъ, воскликнулъ:

— „Пусть Аллахъ прольетъ мою кровь такъ, какъ льется этотъ нарбекъ, если изъ тварей Его на свѣтѣ есть хоть одна глупѣе васъ!“...

Записаль смотритель Эриванскаго городского начального училища *Ст. Сумбатянцъ*.

*) Сгущенный посредствомъ кипяченія сладкій сокъ винограда.

ОТДѢЛЪ Ш.

ЧЕЧЕНСКІЕ ТЕКСТЫ.

1. Отъ бабъ въ домъ разладъ.

Дѣх дісна дѣхні ца-дѣкуш, зудурш бѣліна,
Отъ отца оставшагося имущества не дѣля женщины привелъ,
цѣхѣнің кѣртаѣ, цѣа барт болуш, вѣхіш хілла куа ваша.
въ одномъ дворѣ, одно согласіе имѣя, живя были три брата.
Цѣхѣнің сараѣ вѣккучу вашас ѣлле шіең стѣче: „тхо санна
Въ одинъ вечеръ старшій братъ сказалъ своей женѣ: мы какъ
цѣхѣнің кѣртаѣ тарлуш, дѣллучу-һуманна а цѣа барт болуш,
въ одномъ дворѣ уживаясь, во всемъ одно согласіе имѣя,
бѣхіш вѣжрі хір-бац, тхо дікің қенті хілар-ду і“. І
живя братья есть нѣтъ, мы хорошіе молодцы бывъ есть это“. Это
ѣлла мајрачу-а, шајх хѣстам бічаѣ, стѣчуа ѣлле: „шўна
сказавъ мужъ, изъ себя хвалу сдѣлавъ, жена сказала: „вамъ
јуккѣѣ барт латбірш тхо зудурш дў, шуң
въ серединѣ согласіе что поддерживаемъ мы женщины есть валеј
дікулла ца-летта і, тхуана ліічаѣ, цѣхѣнің дінаѣ
отъ доброты не стоитъ это, намъ если бы захотѣтъ въ одинъ день
барт лѣттїр бѣцара шўна јуккѣѣ“. „Аѣ діцурїг
согласіе держаться нѣтъ вамъ въ серединѣ“. „Ты, что говоришь,
сѣнта хабар ду; зударша іѣбабуар тхуана јук-
дурацкїй разговоръ есть; женщины разстроятъ развѣ намъ въ сере-
кѣр барт, кің іштаң сѣнта хабар
динѣ находящеся согласіе, еще (другой разъ) такой дурацкїй разговоръ,
суана махазі талаѣ“, мајрачуа алчаѣ, „суа
миѣ не допустить, чтобы я слышалъ“, мужъ когда сказалъ, я

бāk-лѣх, цалѣх āс хоојтурду хуана“, шіең
 правду ли говорю, не говорю ли сама дамъ знать тебѣ“, въ своемъ
 дагахъ ѳлле, зудаң җад-җіна. Цул-тѣха цха хаң јѣл-
 сердцѣ сказавъ, женщина тихо осталась. Послѣ этого одно время когда
 чах, жімах волуң ваша веана жа-тѣрің җāхара-а бахаш
 прошло, меньшій, что есть, братъ пришелъ отъ стада барашекъ неся
 ца. І җāхара ша бічахъ, жіжгахъ куа дāка-а діна,
 домой. Этого барашка самъ зарѣзавъ, изъ мяса три части сдѣлавъ,
 накѣ, куартѣ сов-а ділліна, цха дāка шіең вōккучу вѣшіена
 грудь, голову свержъ положивъ, одну часть своему большому брату
 дахажтір цуа. Хālха шіең мајрачуң хілла камѣл, дāга-а-
 послалъ онъ. Раньше самой съ мужемъ бывъ разговоръ, въ сердцѣ
 деана, даајтінчу дѣкі јуккѣх җāхариң хālхариң куаг
 пришла, присланной части въ серединѣ барашка переднюю ногу
 бајна, цунах дōш-а діна, тѣк джа-атѣттена,
 увидѣвъ, изъ этого слово сдѣлавъ, блюдо (деревян.) оттолкнувъ,
 зудчуа ѳллѣ мајраче: „шіегахъ җіллак хіллѣхар, хан
 женщина сказала мужу: „въ себѣ учтивость если бы было, твое
 сї шіена даң лііпѣхар, хālхариң, тѣхариң куаг
 почтение себѣ сдѣлать если бы пожелалъ, передняя, задняя нога
 біецбацахъ, хуана тіѣхариң куаг боојтур бар хаң вашас“
 хотя все равно, тебѣ послѣднюю ногу прислать есть твой братъ“
 Зудчуа һуң дагахъ дōлуш і діціна-а цахууш, шіең вѣшіең
 Женщина, что въ сердцѣ имѣя это сказано, не зная, своему брату
 чōбуң іѣбуз-а-вахана, шіна вешѣ сха-а кајкана, ѳлле
 крѣпко разсердился, двухъ братьевъ къ себѣ позвавъ, сказалъ
 цуа: „суа вѣзаш цахілла шуна, суа вōккучу цахѣта
 опъ: „я любя не было вамъ, я большимъ не представляется
 шуна, вај кің цхенің кѣртахъ дахалур-даң“, ѳлле—цуа
 вамъ, мы больше въ одномъ дворѣ жить не можемъ“, сказавъ—онъ
 бāліна бākкің нāх шајң долуң һума дѣкаң. Мār-ва-
 привелъ большихъ людей свое имѣющее что есть подѣлить. Мужа бра-
 шас даајтана жіжг-а кѣхкіна хālха-а ділліна, зудчуа ѳлле
 томъ присланное мясо сваривъ впереди подложивъ, женщина сказала

нāхе: „Аш сајна пурма лах̄ār, ас ц̄ха дōш ēр-
 народу: „Вы себѣ разр̄шеніе если бы дали, сама одно слово сказа-
 дар шуēга“. „Ала, оху пурма ло хуана“, нāха
 ла бы вамъ“. „Скажи, мы согласіе (разр̄шен.) даемъ тебѣ“, народъ
 āлчах̄, зудчуа ēлле: „Цка саң мајрачуа суēга ēлл̄ер:
 сказавъ, женщина сказала: „Разъ моимъ мужемъ мнѣ было сказано:
 „ТХО сāнна, ц̄хенің к̄ртах̄, ц̄ха б̄арт г̄үттуре-а л̄еттеш
 „мы какъ, въ одномъ дворѣ, одно согласіе всегда стоя
 в̄ежрі хір-бац, тхо дікің қ̄енті хілар ду і“, ēлле
 братья будетъ-нѣтъ, мы хорошіе молодцы бывъ есть это“, сказавъ
 цуа ш̄еш х̄астічах̄, āс āллер, тхуана-зударшна ла-а-
 онъ сами похваливъ, сама сказала, намъ женщинамъ если бы захо-
 х̄ар, шуна јукк̄ēх̄ б̄арт хірб̄ацар; ас і āлчах̄, саң
 тѣтъ, вамъ въ серединѣ согласія не было бы; сама это сказавъ, мое
 дōш т̄ецадітір саң мајрачуа, суāна б̄арт-бітт̄ір; саң
 слово на себя не допустилъ мой мужъ, мнѣ побранилъ; мое
 дōш х̄ārц дōцүл ас хоојтурду хуана сајң дагах̄
 слово неправда что нѣтъ сама дамъ знать тебѣ въ своемъ сер ц̄ѣ
 ēлле, љād-ўн̄ер суа. Жімах волчу к̄ерің вашас ша
 сказавъ, тихо-осталась я. Меньшій что есть ихъ братья самъ
 љāхара б̄ічах, т̄уелеш долуң д̄āка да-ајтанер тхуана, љā-
 барашка зар̄завъ, большую что есть часть прислалъ намъ, ба-
 харің т̄ехарің, х̄алхарің куаг б̄іеңбацара, һ̄етте-а ас
 рашекъ задняя, передняя нога все равно, не смотря на это сама
 хуа ца-лōруш баајтана хуана х̄аң вашас х̄ālхарің куаг,
 ты не считая прислалъ тебѣ твоимъ братомъ переднюю ногу,
 ш̄ēга āлчax, цунах ц̄ха дōш-а діна, даајгінчу
 себѣ когда сказала, изъ этого одно слово сдѣлавъ, на присланную
 д̄ēке-а ца-х̄онеуш, шіең вежерашцің дōв-адіна, шуіге
 часть не смотря, (со) своими братьями поссорившись, васъ
 јōллуң һума ј̄ēкаң кајкіна саң ма̄ра, цунах хааңдеза
 имѣющее что есть раздѣлить прозвалъ мой мужъ, изъ этого слѣдуетъ знать
 суа б̄āкл̄інеп“, зудчуа āлчax, „хуа б̄āкл̄іна хілла“,
 я что говорила правду“, женщина сказавъ, „ты правду говорила была“,

шіец зудче елле, нāх ца-бахайтір воккучу вашас,
своей женщиѣ (женѣ) сказавъ, народъ домой отпустилъ большой братъ,
hūmma-ā ца-дѣкуш.
ничего не дѣля.

Три женатыхъ брата жили въ одномъ дворѣ, не дѣля имущества, оставшагося отъ отца. Миръ да ладъ всегда были между ними. Однажды старшій изъ братьевъ похвастался предъ своей женой, говоря: «едва ли на свѣтѣ найдутся такіе молодцы, какъ мы братья. Это ясно видно изъ того, что мы, живя въ одномъ дворѣ и, вдобавокъ, имѣя общее имущество, не ссоримся никогда». Въ отвѣтъ жена говоритъ ему: «не потому между вами миръ, что вы хорошіе братья, а потому, что мы, жены ваши, не даемъ вамъ повода ссориться; если бы мы пожелали, то и одного дня не жили бы вы въ согласьѣ». — «Ты говоришь вздоръ», сказалъ ей мужъ: «развѣ женщины могутъ разстроить наши отношенія? да и что это за согласіе, которое держится благодаря только женщинамъ. Развѣ женщины могутъ поколебать наши отношенія; смотри, чтобы я больше не слышалъ такихъ глупыхъ разговоровъ». Жена не осмѣлилась больше выговорить слова, но въ душѣ затаила мысль доказать, что она права.

Вскорѣ послѣ этого младшій изъ братьевъ, возвращаясь отъ стада, привелъ съ собою барашка. Онъ зарѣзалъ его и мясо раздѣлилъ на три части; лучшую часть, а въ придачу къ ней — грудину и голову, послалъ своему старшему брату. Жена послѣдняго замѣтила въ блюдѣ среди мяса переднюю ножку барашка и, помня свое обѣщаніе, говоритъ мужу, оттолкнувъ блюдо: «хотя и нѣтъ большой разницы между передней и задней ножками барашка, но все же слѣдовало брату прислать тебѣ, какъ старшему, заднюю ножку; я давно замѣчала, что братья не оказываютъ тебѣ должной чести и обманываютъ тебя, по какъ-то не приходилось говорить объ этомъ съ тобою». Мужъ, не догадавшись, съ какимъ умысломъ говоритъ жена, сильно разгнѣвался на братьевъ. Онъ позвалъ ихъ къ себѣ и говоритъ имъ: «вы меня до сихъ поръ обманывали: жить съ вами, какъ живу, я больше не могу». Затѣмъ, онъ попросилъ къ себѣ муллу и почетныхъ стариковъ, чтобы подѣлить отцовское добро на три части. Хозяйка сварила то самое мясо, которое было прислано ей деверомъ, и, подавъ

его гостямъ, обратилась къ нимъ съ просьбой разрѣшить ей сказать нѣсколько словъ. Гости дали свое согласіе. Она сказала имъ: «Разъ мужъ похвастался предо мною, что они примѣрные братья, а это, по его словамъ, видно изъ того, что они живутъ въ одномъ дворѣ въ полномъ согласѣ. Я осмѣлилась сказать мужу, что миру и согласію между собою они обязаны намъ, жепамъ ихъ, но мужъ мой не согласился съ этимъ. Онъ приказалъ мнѣ замолчать. Я должна была исполнить его волю; но въ душѣ своей затаила мысль—доказать ему справедливость своихъ словъ. Случай представился. Разъ младшій изъ братьевъ, возвращаясь отъ стада, привелъ барашка. Онъ зарѣзалъ его, раздѣлилъ мясо на три части, и лучшую часть, по обыкновенію, прислалъ намъ, а въ придачу—грудину и голову. Увидя среди мяса переднюю ножку барашка, я сказала мужу, что его братъ поступилъ непочтительно, приславъ намъ переднюю ножку барашка, оставивъ себя заднюю—лучшую. Этого было достаточно для моего мужа, чтобы поссориться съ братьями и пригласить васъ подѣлить имущество. Не видно ли изъ этого», сказала она обращаясь къ гостямъ: «что я была права, говоря мужу, что миру да ладу между собою они, братья, обязаны намъ, женамъ ихъ».—«Да, ты права», сказали ей гости. Мужъ помирился съ братьями и отпустилъ гостей, не подѣливъ имущества.

2. Зарьятъ отца.

Цха ёлі хілла, цха қант хілла цуінің. Шә леш
 Одиъ князь былъ, одиъ сынъ былъ у него. Самъ умирая
 ёлле цуа шіең қантё: „Цёріскиңдінахъ лёлаң ара мавалалахъ“.
 сказалъ онъ своему сыну: „Въ пятницу ходитъ вонъ не выходи“.
 Кетта дā вёлла цуінің. Цка чуахъ віжіна нара ұл-
 Ударился отецъ умеръ у него. Разъ внутри поконлся этотъ когда ле-
 луш чу сёрлуа кетта, дің терсена, іёраш цојзана,
 жалъ внутрь свѣтъ ударился, конь заржалъ, борзия собаки завизжали,
 куірірчі дёкка. Чуахъ бё-ацавёлла ара-а вёлла, шіең
 корпуны занбли. Внутри сидѣтъ не могли, изнутри выщель, своего
 діна хііна, іёраш ціёха-а дёхна, куірінаш бёлештё-а
 ца қоця сѣвъ, борзыхъ собакъ сзади выведши, коршуновъ на плечи

хоувшіна, вахана і сёрлуанаш гуччухула за. Дука,
посадивъ, уѣхалъ этотъ освѣщеніе гдѣ было видно туда. Много
қезіг іѣхуш, і кешна цхенің бёрзуте. Оцу бёрзух
мало уходя, этотъ прибылъ одинъ на кургаиъ. Этотъ въ кургаиъ
дёллуш ъуіріг хілла, оцу ъуіргічу вахана і. Ђуіргах хілла
находясь нора была, эту въ нору цошелъ этотъ. Въ норѣ были
кәнвёлла стәг, кәнјелла зудаң, пхиттара.
состарѣвши человекъ, состарѣвшая женщина, въ пятнадцатилѣтній возрастъ.
вәлаң пхі шуа іѣшущ қант-а Ђенің Курбул бөхуш це-а.
войти пять лѣтъ не достающій молодець Хана Кургуль говоря ими
јолуш волуң. Те-веанчу қанте хёттіна вөккучу стага:
имѣя. Нашедшаго молодца спросилъ большой (старый) человекъ:
„ах һуң ләладау“ ёлле. Цуа ёлле: „саң дәс
„ты что носишь съ собою“ сказавъ. Онъ сказалъ: „моимъ отцомъ
ша дїна волуш ёллер суёга: „цѣріскің дїнах ләлаң
самъ жилъ будучи сказано было мнѣ: „въ пятницу днемъ ходитъ
мабуалах“ ёлле. Цка віжіна суа ъіллучу хәнах чу
не ходи“ сказалъ. Разъ покоился я лежащему во время внутри
сёрлуа кігір суана, арарің дің терсер, іѣраш цојзар,
свѣтъ ударилась мнѣ, извнѣ конь заржалъ, борзья завизжали,
куірінаш дікір, тәкка ъіѣ-а-цавёлла, вөбу ша“ цуа ёл-
коршунъ запѣли, потомъ сидѣть не могли, иду (ѣду) самъ“ онъ когда
чах, вөккучу стага ёлле: „і сёрлуа јёттаріг
сказалъ, большой (старый) человекъ сказалъ: „этотъ свѣтъ ударяющая
јуоѡ ју, куа ваша-а ву цуінің, сёрлуанаште хуа.
дѣвица (дочь) есть, три брата есть у нея, на освѣщеніе ты.
мабуа, вуірву хуа; цәр хан муххӯле-а көчурбацара.
не ходи, убьютъ ты (тебя); они твой ни въ коемъ случаѣ не достала бы
ціга вахаң ніцк, һөку саң қентің көчурбара ціга вахаң
туда пойти сила, этого моего сына достала бы туда пойти
ніцк пхиттар вёлчах, пхиттар
сила въ пятнадцатилѣтній возрастъ выйдя, въ пятнадцатилѣтній возрастъ.
вәлаң пхі шуа іѣшущ ву і“. „Суа вахазаң ъір-вац“
выйти пять лѣтъ не хватая есть этотъ“. „Я не пойти сидѣть-иѣтъ“

ёлле һара туа-хавёлчах, „хуа дѡа-а вахајтана суа зїр
сказавъ этотъ когда собрался, „ты (тебя) туда отпустивь я сидѣть
вѡц бухах“, ёлле кѣч-авёлла ара вёлла і хѣ-
пѣтъ на дпѣ“, сказавъ нарядившись, вонъ (изнутри) вышелъ этотъ съ
шішцац. Дука, қезіг іехуш іуш кѣшна оцу јуоѡац вѣжірша
гостемъ. Много, мало уходя они прибыли этой дѣвицы братьями
бај-анчу нѣхің дѣкѣште. Кѡ-а дїнах, кѡ-а бусѣ іхна іуш
убитыми народа на трупы. Въ три дни, въ три ночи уходили они
цѡр бај-анчу нѣхің хожудуёллечу дѣкештехула; тѡкка іуш
эти убитымъ народа вонъ издающими надъ трунами; потомъ они
кѣшна кѣрлечу дѣкеште, цѡрна тѣхулу кѡ-а дїнах, кѡ-а
прибыли свѣжимъ на трупы, имъ надъ ними въ три дня, въ три
бусѣ іхна тѣхбојлачах, іуш кѣшна цѣхеніц боккучу
ночи уходя впередъ когда вышли, они прибыли въ одинъ большой
бѡрзуте. Бѣнің Курбула пхо туѣхна лѣттех ша-а, шіең
на курганѣ. Князя Кургула стрѣлу ударивъ въ землѣ самага, своего
дїң хулдал ларма дѣкка, тѡкка пхо туѣхха
копя настолько, чтобы скрыться яму извлекъ, потомъ стрѣлу ударивъ
шіең нѡкуаст-а, цуінің дїң-а чуһуоттѡл ларма дѣкка.
своего товарища, его копя настолько, чтобы стать яму извлекъ.
Оцу бѡрзуқїл вѣхіш вѡлчу ка а нѣрт-ерхстуајң вашас
Этого подъ курганомъ живя бывшимъ три парты-эрхустойцевъ братья
шајң зімхуволуң ваша ара вѡлітана ладуѡаң. Ара вѣл-
своего младшій что есть брата вонъ выпустили послушать. Вонъ вышед-
лечу куінің дїң-а терсена, іѣраш цѡјзана, куірінаш дѣкка.
шemu его конь заржалъ борзья завизжали, коршуны запѣли.
„Шајң дѡ валац шуң, шу стѣнна дѣка, стѣнна цїза,
„Свой отецъ да умри у васъ, вы на что поете, на что визжите,
хуа стѣнна терса, кўза вѣачах вѡбуң-вѣріг Бѣнің Курбул
ты на что ржешь, сюда если притти придетъ сущій Хана Кургула
ву, пхїттара валац пхї шуа іѣшуш волуң“ .
есть, въ пятнадцатилѣтній возрастъ выйти пять лѣтъ не достающій есть“ .
„Вѡм-мавеанѣр ша, вѣача туалах“ ёлле хѣла-а іккіна
„Притти пришелъ самъ, если придя одолѣю“ сказавъ вверхъ прыгнувъ

пхо туѣхна, вѣна цуа і. Така вааж ваша вахајѣ
стрѣлу ударивъ, убилъ онъ этотъ (его). Потомъ другой братъ отпу-
тана вѣккучуа: „хѣжа, һунда хѣвѣлла вахајтанаріг“,
стиль старшій (большой): „смотри, зачѣмъ замѣшкался посланный“

ѣлле; ара вѣлчахъ цуінің дің терсена, іѣраш-а цојзана,
сказавъ; вонъ вышедши его конь заржалъ, борзья завизжали,

куірірчі дѣкка. „Шајн дѣ валаң шуң, шу стѣнна дѣка,
коршунъ запѣли. „Свой отецъ да умри вашъ, вы на что поете,

стѣнна цѣза, хуа стѣнна терса, куза вѣачахъ вѣбуң-веріг
на что визжите, ты на что ржешь, сюда если притти придетъ суцій

Ғѣнің Курбул ву, іх пхѣттарің вѣлаң пхѣ шуа
Хана Кургуль есть, этотъ пятнадцатилѣтній возрастъ выйти пять лѣтъ

іѣшуш ву“. „Вѣм-мавеанер ша, веача туалахъ“, ѣлле
не достающій есть“. „Притти-пришелъ самъ, прѣдя одолѣю“, сказавъ

пхо туехна і-а вѣна цуа. Тѣха вахајтанаріг-а вуха
стрѣлу ударивъ и этого убилъ онъ. Послѣ посланный назадъ

цавеачахъ, вѣккучу-вѣріг ара вѣлла куа куаг болуш,
не прѣдя, старшій суцій вонъ (изнутри) вышелъ три ноги имѣющій,

куа лѣріг долуш болчу діна-а хііна, ѣлің рѣб сѣнна јѣккуң
три уха имѣющій суцій на коня сѣвъ, сѣна скірду какъ большой

бѣрзана чхонкур јуктѣхѣ јуоллѣна, куінің дің-а терсена, іѣ-
булатный кистень за талю заткнувъ, его конь заржалъ, бор-

раш-а цојзіна, куірінаш дѣкка: „шајң дѣ валаң шуң,
зья завизжали, коршунъ запѣли: „свой отецъ да умри у васъ,

кѣза вѣачахъ вѣбуң веріг Ғѣнің Курбул-ву, іх пхѣт-
сюда если притти придетъ суцій Хана Кургуль есть этотъ пятнадцати-

тарің вѣлаң пхѣ шуа іѣшуш ву“. „Вѣм-мавеанер
лѣтній возрастъ выйти пять лѣтъ недостающій есть“. „Притти пришелъ

ша, веачахъ туалахъ“ ѣлле, пхо туѣхна цуа цунна; пхо
самъ, прѣдя если одолѣю“ сказавъ, стрѣлу ударивъ онъ ему; стрѣла

зѣввв... ѣлле буха іккіна, тақка сѣа-а-дѣхна тѣрраш
зѣввв... сказавъ назадъ прыгнула, потомъ обнаживъ шапки

туѣхна цѣр вѣвмашна, тѣрраш-а кѣг-а-дѣлла уѣха-ѣгна; тақка
ударилъ они другъ другу, и шапки сломавшись внизъ-пали; потомъ

јуктѣхар сѣа-јѣккіна елің рѣс санна јоккуң-јолуң бѣрзана
изъ-за талия сюда-извлекши сѣна скирдѣ какъ большой-сущій булатный

чѣбнкур туѣхха. Шіена тѣхарцің Бѣнің Курбула сѣа-лѣцца
кыстень ударилъ: Себѣ съ ударомъ. Хана Кургуль сюда-поймалъ

і. Куа сѣа-уозза, вукуа дѣа уозза; уезъ
этотъ. Онъ сюда-потянулъ (къ себѣ), другой туда-потянулъ; потянувъ

цуингарің сѣа јѣккіна, куігің-тѣх мѣлдолуң марцхаг-а дѣк-
отъ него сюда извлекъ, руки-на верху сколько есть конецъ извлѣ-

куш, лаетіна вѣртунах туехха, вртуң јуојна, гѣвратѣрің
кал, размахнувшисъ на шею у аровъ, шею сломавъ, съ лошади

чувахајтіна. Тѣкка цігарің шіең нѣкуаст іѣцца вахана Бѣнің
внизъ послалъ. Потомъ оттуда свой товарищъ взявъ пошелъ Хана

Курбул і нѣртіш бѣхпечу јуірга. Оцу јуіргахъ јаш
Кургуль этотъ парты живущимъ въ пору. Въ этомъ въ пору сідя

хілла јуоз чуѣ сѣрла-а-јѣккіна, тѣех нур дѣгуш.
была дѣвица (дочь) нутро освѣтилось извлекши, на верху молнія горя.

„Саң вејрі бај-ана дѣбу шу“, елле муахъ туѣхна јілхіна
„Мои братья убивъ идете вы“, сказавъ крикъ ударивъ зангакала

і. „Мајѣлха, хуа јѣлхаң мѣттігъ јѣц, хѣң вејірша бај-анчу
эта. „Не плачь, ты плакать мѣста нѣтъ, твои братьями убитымъ

нѣхің хѣжу дуѣллечу декештѣхула кѣ-а дѣнахъ, кѣ-а
народа вонъ начавшимъ издавать надъ трупами три дня, три

бусе пакъ бѣна оху-шімму-а, хѣң вејірша бај-анчу керлечу
ночи дорогу сдѣлали мы двое, твои братьями убитымъ новымъ

нѣхің дѣкештѣхула кѣ-а дѣнахъ, кѣ-а бусѣ нѣк бѣна оху-
народа надъ трупами три дня, три ночи дорогу сдѣлали мы

шіммуа, цѣрің масаң јіша хілла хірју, масаң нѣна хілла
двое, ихъ сколько сестра была. будетъ, сколько мать была

хір-ју. Хуа јѣлхаң мѣттігъ јѣц, саң нѣкуаст мајра хір-ву
будеть. Ты плакать мѣста нѣтъ, мой товарищъ мужъ. будетъ

хуана, хуа цуінің зудаң хіла. Суа вѣбурву шу долчу
тебѣ, ты его женщина будь. Я приду вы гдѣ находитесь

кѣстаң, хоку зудчуа бѣхуріг-біең нумма-а мадѣлахъ“, елле
скоро, эта женщина гоноритъ только то ничего не дѣлай“, сказавъ

ца вахана Бѣнің Курбул. І ца вахачах, мајрачуа
 домој пошелъ Хана Кургуль. Этотъ домој когда пошелъ, мужъ
 ѳлле шіең зудчѣ: „сха-дѣл' вајң жішлең
 сказалъ своей женщиѣ: „сюда дай наши отъ надворныхъ построекъ
 дѣбунуш, вајң јолуң, јѳчучу һумне хожур-вар суа“. Зуд-
 ключи, наши что есть, что вѣтъ нѣчто посмотриѣть-есть я“. Жен-
 чуа дѣлле куинге дѣбунуш, „цхенің цівиң дѣбу мадаккалах“,
 щива дала ему ключи; „одного дома ключъ не извлекай“,
 ѳлле і ца-а діціна. Цхенің цівиң дѣбу дѣккіна куа,
 сказавъ этотъ домъ рассказавъ. Одного дома замокъ извлекъ онъ,
 деші карајна, вўка цівиң дѣбу*) дѣккіна—дѣгі карајна;
 золото нашель, другого дома замокъ извлекъ—серебро нашель;
 такка шіега мабуа ѳлле дѣллушехъ жіе-а цавелла козлузучу
 потомъ себѣ не ходи сказано хотя было сидѣть не могли третьяго
 цачу вахана і дѣбуа дѣккіна. Цу цачуахъ хілла цха
 въ домъ пошелъ этотъ замокъ извлекши. Этомъ въ домѣ былъ одинъ
 перт хѣјукке туѣхха хѳку куагаң кѣриң јуккѣхула чѣк-а
 нартъ среди мозга вбитый колъ ноги ладонь по срединѣ насквозь
 бѣккіна, куагаң, куібің цѣлгех діттіна хастамаш чѣк-а
 извлекши, ноги руки въ пальцы вбитые гвозди насквозь
 дѣхна лѣттех іехітіна, ѳшкің зѣнецің дѣа-а-віхкіна.
 извлекши въ землю заставивши пойти, желѣза цѣпью туда связанный.
 „Дѣаваста суа“ ѳлле перта цуинге. Зудчуа мѳх ту-
 „Развяжи я“ сказавъ нартъ его. Женщина (жена) крикъ у а-
 ѳхха „дѣамавасталахъ“ елчах, һара цавостуш жіна. „Зуд-
 рила „не развязывай“ сказавъ, этотъ не развязывая остался. „Жен-
 чуа діцуріг дѣш дац, ас дѣккучу дікнѣ кѣ-
 щива что говорятъ слова вѣтъ, самъ большому до добраго дѣла до-
 чуар-ву хуа, ах куѣсах бѣллуң хастам малбахъ“; куа
 веду ты, самъ въ погѣ находящійся гвоздь если ослабишь“; этотъ
 хастамах куіг туѣхха і ваставѣлла. „Ах суана дінаріг
 гвоздь рука ударилъ этотъ развязался. „Ты мѣ сдѣланный

*) Ключъ, замокъ—имѣють по-чечен. одно и тоже назв. кажд. дѣбу.

Дѣвица, дочь—тоже одно назв.—јуоз.

Женщина, жена „ „ „ зудаң.

дōккуң дікің дāцахар, ас вуірвара хуа“ ёлле
большое доброе дѣло если бы не было, самъ убилъ бы ты“ сказавъ
бујң туēхха јуіх сāнна хārцах-а вēккіна і уоха-а
кулакъ ударивъ кишку какъ на изнакку извлекши этотъ внизъ
віллина, цуінің зудаң іецца, уча ші куаг туēхха
положивъ, его женщину (жену) взявъ, въ коридоръ двѣ ноги ударивъ
і ецца тапп-ёлле вајна і. Цултіеха цха
эту взявъ неизвѣстно куда сказавъ пропаль этотъ. Послѣ этого одно
хаң јелчах веана Ғепің Курбул кѣрге. Јуіх сāнна
время когда прошло пришелъ Хана Кургуль къ нимъ. Кишка какъ
харцаха-а вēккіна јіллучу шіең нāкуасте хētтіна: „хуана
на изнакку извлекши лежащему своего товарища спросилъ: „тебѣ
хілларіг һуң ду, схадіца суēга“ алчах, цуа діцір:
случившееся что есть, расскажи мнѣ“ когда сказалъ, этотъ рассказаль:
„Сāјга зудчуа мадāккалах“ ёлле дōллусеҳ, ас дēккір цінің
„Себѣ женщина не извлекай“ сказано хотя было, самъ извлекъ дома
дōбу, оцу цачуах суāна карір вихкіна јілуш цха нёрт;
замокъ, этомъ въ домѣ мнѣ нашель связанный лежащій одинъ партъ;
хејуккēхула туēхна ешкің хоку куагаң кѣрің
черезъ средину мозга ударенный (вбитый) желѣзный коль ноги ладошь
јуккēхула чāк-а-бēккіна, куагаң, куігің цѣлгех діттіна
черезъ средину насквозь извлекши, ноги руки въ пальцы вбитые
ēшкің хастамаш лёттех іехајтіна. Цуа суēга
желѣзные гвозди въ землю заставивши пойти. Этомъ (онъ) меня
джаваста ёлле дēхар дір, зудчуа мавасталах ёлле
развяжи сказавъ просьбу сдѣлалъ, женщина (жена) не отвязывай ска-
мōх туēхчах, суа цавостуш-зїр. „Зударша дуі-
завъ крикъ когда ударила, я не отвязывая остался. „Женщины что
цуріг дуаш дац, куагаң пѣлгіх бōллуң хастам мālбе
говорятъ слова нѣтъ, ноги въ пальцы находящійся гвоздь ослабъ
ах“ ёлле цуа дēхар дічах, ша хастам малбір і
ты“ сказавъ этотъ просьбу сдѣлавъ, самъ гвоздь ослабилъ этотъ
ваставелір. „Ах суана дїнаріг дōккуң дікің дацахар,
развязался. „Ты мнѣ сдѣланное большое доброе дѣло если бы не было,

ас вуір-вар хуа,“ ёлле бујц туехна јуіх сѣнна суа
самъ убитъ есть ты“ сказавъ жулакъ ударивъ книжку какъ
харцха вѣккіна, ўча. ші куаг туехха, саң зудаң
на изнанку извлекши, корридоръ двѣ ноги ударивъ, мою женщину (жену)
іссна вајна і, цуа шіега ёлчахъ, цуа туеххечу ші
взявъ пропаль этотъ, этотъ себѣ когда сказалъ, этотъ гдѣ ударилъ двѣ
куаг туехха, тѣп ёлле вајр Ѓѣнің Курбул. Цхѣнің пѣ-
ноги ударивъ, сказавъ пропаль. Хана Курбуль. Въ одно пусты-
на мѣхкі вѣлчахъ, уоха вѣжжа і. Цігахъ нѣрт-ва-
ни мѣсто вышедши, внизъ (покоиться) легъ этотъ. Тамъ нартъ ушед-
ханчу лѣрте-а вѣлле, оцу лѣрух іѣхуш цхѣнің жуіргіте
шему на слѣдѣ вышель, этотъ по слѣду уходя въ одно на пору
кѣчча і. Оцу жуірга іѣхуш кунна карајна нѣрта јігінчу
прибыль этотъ. Эту въ пору уходя ему найдено, нартъ увезшей
зудчуң мухур. І тѣсна хілла зудчуа кунна шѣш
женщины мухуръ (печатъ). Этотъ брошена былъ женщиной ему сами
дахана нѣк бовзајтаң, нара тѣха вѣзаң-ѓірвоцујла-а
куда пошли дорога чтобы опозналъ, этотъ послѣ пойти что не останется
хііна. Дука, кѣзіг іѣхуш нара кѣчча жуіргабуха; бухахъ
узнавъ. Много, мало уходя этотъ прибыль на дно поры; на днѣ
карајна цунна јѣккуң шехер, шѣхерахъ хілла лѣвзар. „Нара
нашелъ ему большой городъ; въ городѣ была свадьба.“ „Этотъ
һуң ловзар-ду“ ёлле хѣттечахъ, пѣха ёлле куинге:
что (какое) свадьба есть“ сказавъ когда спросилъ, народъ сказалъ ему:
„цха нѣрт ву вѣхіш һѣку шехерахъ, һінца ша јѣліна
„одинъ нартъ есть живя въ этомъ городѣ, теперь самъ приведенная
зудаң јѣлуаң вахачахъ і вајна лѣттең нара шіт-
женщина привести когда пошелъ этотъ пропаль, что стоялъ этотъ, двѣ-
тулбаң шуа-дара, һінца і зудаң јѣлуащ і шѣ схаवेана,
надцатый годъ было, теперь эту женщину приведи этотъ сюда иришель,
цунна дѣң ловзар-ду нара“. Оцу шехерің јуккѣхула
ему дѣлаемая свадьба есть этотъ“. Этотъ города черезъ середину
дѣавуѣдеш і кѣчче шуірең ѣамте. Оцу шуірең ѣамте
туда уходя этотъ прибыль молоко на озеро. Это молоко на озеро

јеана цха зудаң. Бѣниң Курбула хѣттена цуинге: „хуа
пришла одна женщина. Хапа. Кургуль спросиль ее: „ты

һуң зудаң ју“ елле. Зудчуа елле: „һинца јә-
что (какал) женщина есть“ сказавъ. Женщина сказала: „теперь при-

лнчу нѣртиң зудчуң фәрбаш ју ша елле. Шура, малита
ведешной парта женщины рабыня есть сама сказала. Молоко разрѣши

суѣга“ елле. Куа дѣхар дѣчах, „малитаң јилъ
нитъ миф“ сказавъ оны просьбу сдѣлавъ, „дать нить возможности

јац, адам хожу јобу“ елле јуір-ју ша цуа; фәрбаша
нѣтъ, человекъ вонь идетъ“ сказавъ убьетъ сама эта, рабыня

ѣлчах, „кѣчадѣллалц куигиште дѣттита, ала ах,
когда сказала, „нока не кончится на руки разрѣши лить, скажи ты,

тѣкка һумма-а дѣр дѣц хуана“, Тѣкка цуа сха-јелле куинге
потомъ ничего сдѣлать нѣтъ тебѣ“. Потомъ эта сюда дала ему

фуммафа. Шѣ хі молчубаң, фуммафаңчу мухур-а
рукомойникъ. Самъ вода будто ниль, въ рукомойникъ мухуръ (печатъ)

дѣжина, фуммафа дѣјајелла. цуинге Бѣниң Курбула. І
урошивъ, рукомойникъ назадъ отдалъ ей. Хапа Кургуль. Эта

фуммафа-а ецца ца-јахачах, шуирех адам хожуа
рукомойникъ взявъ домой когда пошла, отъ молока человекъ вонь (духъ)

је-ана, ас јуір-ју хуа“ елле ховзіна фәрбаш шиең сту-
пришла, сама убью есть ты“ сказавъ, закрутила рабыню свою госпо-

нуа. Фәрбаша елле: „кѣчадѣллалц куигиште дѣттита суѣга
жа. Рабыня сказала: „до конца на руки разрѣши лить мифъ

хі, тѣкка хѣйна лууриг дѣр-ах суах“. Стунуа купна
воду, потомъ себѣ что угодно сдѣлаешь ты съ меня“. Госпожа ей

пурма дѣлла. Хі дуттуш качаделчах, стунна куигиште
разрѣшеніе дала. Вода паливая когда кончалась, госпожѣ на руки

дѣжжа мухур. І мухур дојзана: „қант мичха-ву“
упала мухуръ (печатъ). Этого мухура опознавъ: „молодецъ гдѣ есть“

елле хѣттена цуа фәрбаше. „Шуирац фѣмі јистех ву“
сказавъ, спросила она рабыню. „Молока озера на краю есть“

елле шиега ѣлчах, јахана. Бѣниң Курбул вол-
сказавъ себѣ когда было сказано, пошла эта Хапа Кургуль гдѣ на-

чу. Јахана текешчах ёлле куа қантё: „Еј, қант,
 ходится. Ушедши на него прибывъ сказала эта молодцу: „Эй, молодець,
 вуаң шевана хуа куза, летчах туёлар вац хуа цул,
 не хорошо пришелъ ты сюда, подравшись одолѣть нѣтъ ты сверхъ него,
 шіең дѣбацің шіең са долуш вац і, шітті шарахъ,
 своимъ съ тѣломъ свою душу имѣющій нѣтъ этотъ, двѣнадцать лѣтъ,
 цка һума цақоллуш, цка хі цамолуш вехкіна леттіна
 разъ ничего не проглотивъ, разъ воду не испивая связанный стоялъ
 і, һёттё-а цавелла і“. „Цуінің са мічха дѣл-
 этотъ, не смотря на это не умеръ этотъ“. „Его душа гдѣ нахо-
 лу хажа хуа, тѣкка хуур вајна“ ёлле Ғёнің Кур-
 дится посмотри ты, потомъ посмотримъ мы“ сказаль Хана Кур-
 була. Цігарің дѣјахачахъ, ёлле цуа мајрачё: „хуёцің са-
 гуль. Оттуда вернувшись, сказала эта мужу: „съ тобою душа
 цакіёралуа саң, тахана цѣрескің дінахъ віжчахъ, цунна
 не развлекаема я моя, сегодня въ пятницу днемъ легши, ей
 тедѣбучу цѣріскің дінахъ-біең хеле-а цақотту хуа, хажң са
 сверху идущій пятницу днемъ только верхъ не стоишь ты, своя душа
 мічха дѣллу діцахар-ахъ суёга, цунах сакіёрурдар ас“.
 гдѣ находимся гдѣ укажи ты мнѣ, съ ней развлекайся бы сама“.
 „Зуідёх дѣлле зуд, суана хёнге һуң дајтаң
 „Въ сторону сучки ставшая сучка, мнѣ кому что заставишь сдѣлать
 јоллур хуа“ ёлле ара-а јёккена, ёлле цуа
 собираемое ты“ сказавъ вонъ (изнутри) извлеки, сказаль этотъ
 цуінде: „І дѣа-гуң ёрз гој хуана, оцу ёрза-
 ей: „Этотъ вонъ что видно камышь видно тебѣ, въ этомъ камы-
 лахъ бірнал ју, һоку дуёпёнахъ дѣллуң-һума летчахъ, туёлер
 шѣ носорогъ есть, этомъ въ свѣтѣ все нѣчто подравшись, осилить
 дац, цул туёхна јічахъ, іккіна лу додур-ду
 (одолѣть) нѣтъ, этого ударивши убивъ, бросившись ланъ бѣжать есть
 цунна чуірің, цхённе-а һумануа лѣцур дац і, туёхна
 ей изнутри, ни одинъ нѣчто поймаетъ нѣтъ эту, ударивши
 і дічахъ, іккіна пхагал јодур-ју цунна чуірің, цхённе-а
 эту убивъ, бросившись заяць побѣжить ей изнутри, ни одинъ

гумануа лōцур жац і, туехна і жічах, оцу пхагал
 нѣчто поймаеть нѣтъ этотъ, ударивши этотъ убивъ, этотъ вцутри-
 чуахъ карб̄ор-ду бутукъ, оцу бутукчуахъ ју ко чѣбардаганъ
 заяца найдеться шкатулка, этой въ шкатулкѣ есть три ласточки
 қуарні, іуш куе жічах, лір-ву ша^а цуа ел-
 дѣтеныша, они всѣхъ трехъ убивъ, умру самъ онъ (этотъ) когда
 чахъ, і жахана, мајра уōха-а віжітіна, Җенің Курбул
 сказаль, эта пошла, мужъ внизъ когда легъ, Хана Кургуль
 волчу. „Еј, қант, цахуілуң дү і, і дѣа-гуң
 гдѣ находится. „Эй, молодець, не будетъ есть этотъ, этотъ тамъ что видно
 іерз гōј хуана, оцу ерзалахъ бірнал ју, һōкү дүе-
 камышь видно тебѣ, этомъ въ камышахъ носорогъ есть, этомъ въ
 ненахъ дōллүң гума лētчахъ, цул туелер дац бōху, ту-
 свѣтѣ все нѣчто подравшись, этого одолѣтъ нѣтъ говорятъ, уда-
 ехна і жічахъ, цунна чуірің додур-ду лү, і лү дīчахъ,
 ривши этотъ убивъ, ей изнутри побѣжать лань, эта лань убивъ,
 цунна чуірің јодур-ју пхāгал, і пхāгал жічахъ, цуінің
 ей изнутри побѣжить заяць, этотъ заяць убивъ, ему
 чуахъ карб̄орду бутукъ, оцу бутукчуахъ ју ко чѣгардагінъ
 вьнутри найдеться шкатулка, этой въ шкатулкѣ есть три ласточки
 қуарні, і куарнан јај-ачахъ, лір-ву і^а зудчуа-елчахъ,
 дѣтеныша, этихъ дѣтенышей перебивши, умреть этотъ“ женщина когда сказала,
 „дѣабуа хājна“ цуінге-а елле, ша вахар і оцу ерз-
 „иди назадъ себѣ“ ей сказавъ, самъ пошелъ онъ этотъ на ка-
 те. Ерзалахъ јōллүчу бірнелуа елір цуінге: „тема-
 мышъ. Въ камышахъ находящійся носорогъ сказаль ему: „на меня
 вōла, қант, хājң дēң, вєнің ка малатдē суах“
 не иди, молодець, своихъ отца, мать грѣхъ не прилѣпай ко мнѣ“.
 қант вīстцахілчахъ, пхītта мангалхуачунна пхē
 Молодець когда ничего не сказаль, пятнадцати косарямъ въ пять
 дīнахъ хаккал болуң ер цка бага-а лēцца,
 дней столько, чтобы скосить сущій камышь разъ въ ротъ поймавъ,
 чухедде кунна бірнал. Тēкōччушехъ пхо туехна і
 бросился ему носорогъ. Давъ приблизиться стрѣлу ударивъ этому

нісса қәғар хаајна Бәнің Курбула. Тәкка цунна-чуірің
ровно на хвостъ посадивъ Хана Кургуль. Потомъ ему изнутри
іккіна лу дәдда. І туехна куа дічахъ, цүнна
бросилась лань побѣжала. Эту ударивъ этотъ когда умертвилъ, ей
чуірің једда пхәгал; туехна і уоха-а јілліна, і
изнутри побѣжалъ заяць; ударивъ этотъ внизъ положивъ, этотъ
јаҗа-ајіна чуірің бутукъ схаецца Бәнің Курбула. Бутукъ-
распоровъ изнутри шкатулку взялъ Хана Кургуль. Въ шка-
чуахъ ко чәбардағиң қуарні карајна цүнна. Шіна куарниң
тулкѣ три ласточки дѣтеныша найдено ему. У двухъ дѣтенышей
куарта-а бәккіна, вүкуң лагъ рідуш вѣлавѣлла Бәнің Кургуль.
голови извлекши, другого шею давя пошелъ Хана Кургуль.
Күнна тәха ведда вѣбуш хілла перт, куа лагъ рѣдичахъ оха-а
Ему сзади бѣгомъ иди былъ партъ, этотъ шею подавивъ внизъ
вужуш, дзахесчахъ водуш. Ша тәха-кіичахъ елле перта куинге:
надал, отнустивъ бѣжить. Самъ пагнавши сказалъ партъ ему:
„І чәбардагаң қуарні сха-лаха̄р ахъ суана, ахъ бох-
„Этихъ ласточки дѣтенышей сюда если бы далъ ты мнѣ, ты что по-
хуң һума дірдара ас хуана“. „Сој, хајң зудаң
желашь ничто сдѣлалъ бы самъ тебѣ“. „Я, твою жепцину (жену)
тәрачу дуинене ахъ дәккаахъ, ас қуарні лурју хуана“
верхній на свѣтъ ты если выведешь, самъ дѣтенышей дамы тебѣ“
Бәнің Курбула елчаахъ, іуш шіена те-а ховшіна, тәрачу
Хана Кургуль когда сказалъ, они себѣ на себя посадивъ, верхній
дуинена дәккіна нѣрта іуш. Тәкка куарта-а бәккіна чәбар-
на свѣтъ извлекъ партъ ихъ. Потомъ голову извлекши лас-
дагаң қуарні јіна, уинциң нѣрт вѣлла. Зудчунна, шіең
точки дѣтенышей убивъ, съ нимъ партъ умеръ. Женциңъ, свой
мајра волчу-а цајуедеш, шіега јаң ліичахъ, цунахъ
муль гдѣ находится не уходя, себѣ пойти когда полагала, изъ нея
шіена зудаң јіна Бәнің Курбула.
себѣ жепцину (жену) сдѣлалъ Хана Кургуль.

Жиль-быль одинъ князь. У него былъ единственный сынъ.
Умирая, онъ сказалъ ему: «не выѣзжай изъ дому въ пятницу, а
то быть бѣдѣ». Вскорѣ послѣ смерти отца — въ пятницу, когда мо-

лодой человекъ покоился въ комнатѣ, послѣдняя озарилась вдругъ необыкновеннымъ свѣтомъ; одновременно съ этимъ конь заржалъ, борзья завизжали и соколы подняли крикъ. Помня отцовскій завѣтъ, онъ долго крѣпился, но не могъ усидѣть въ комнатѣ. Онъ вышелъ на дворъ, вывелъ изъ колюшни коня, ослѣдаль его и поѣхалъ, имѣя съ собою борзыхъ собакъ, въ ту сторону, откуда шелъ свѣтъ. Соколы сѣли ему на плечи. Ёхалъ, ёхалъ онъ и, наконецъ, прибылъ къ кургану среди пустыни. Въ курганѣ находилась яма, куда онъ и спустился. На днѣ этой ямы онъ увидѣлъ старика, старуху и сына ихъ, по имени Ханъ-Кургуль, которому до пятнадцатилѣтняго возраста не хватало пяти лѣтъ. Старикъ спросилъ его: «По какому дѣлу ты здѣсь»? Въ отвѣтъ онъ сказалъ ему: «Умирая, отецъ завѣщаль мнѣ въ пятницу изъ дома не выѣзжать. Вскорѣ послѣ смерти отца— въ день пятницы, когда я лежалъ въ комнатѣ, послѣдняя озарилась вдругъ необыкновеннымъ свѣтомъ; одновременно съ этимъ конь мой заржалъ, борзья завизжали и соколы подняли крикъ. Я долго крѣпился, но не могъ усидѣть въ комнатѣ и выѣхалъ. Ёхалъ я въ ту сторону, откуда шелъ свѣтъ. Долго я ёхалъ и, наконецъ, прибылъ сюда». Старикъ сказалъ ему: «Этотъ свѣтъ идетъ отъ красавицы, сестры трехъ братьевъ нартовъ-эрхустойцевъ; не ёзжай дальше: не вернешься назадъ, какъ не вернулись многіе другіе. Нарты эти неимовѣрной силы; ихъ никто, кромѣ моего сына, не одолѣеть, но моему сыну до пятнадцати лѣтъ недостаетъ пяти лѣтъ». Не послушался гость старика и собрался ёхать дальше. Тогда Ханъ-Кургуль сказалъ, что неприлично, стыдно оставаться дома, отпустивъ гостя одного въ опасный путь, и поѣхалъ съ нимъ. Много ли, мало ли ёхали, но пріѣхали они въ пустынное мѣсто, усеянное трупами людей, убитыхъ нартами. Три дня, три ночи они ёхали по трупамъ, издававшимъ вонь, затѣмъ три дня и три ночи они ёхали по свѣжимъ трупамъ и, наконецъ, прибыли къ большому кургану. Ханъ-Кургуль разъ ударилъ стрѣлою и вырылъ яму, въ которой могъ свободно съ конемъ скрыться; другой разъ ударилъ стрѣлою и вырылъ яму, въ которой гость съ конемъ могъ свободно скрыться. Подъ этимъ курганомъ жили братья нарты-эрхустойцы. Они выслали младшаго своего брата узнать, все ли благополучно кругомъ. Конь выѣхавшаго нарта заржалъ, борзья завизжали и

соколы подняли крикъ. «Да умреть вашъ отецъ!», воскликнулъ нартъ: «зачѣмъ ржешь, зачѣмъ вы визжите, зачѣмъ подняли крикъ? кто могъ осмѣлиться показаться сюда! Только одинъ Ханъ-Кургуль могъ бы быть здѣсь, по ему до пятнадцатилѣтняго возраста недостаетъ пяти лѣтъ». — «Пріѣхать-то я пріѣхалъ» сказалъ Ханъ-Кургуль: «авось, пріѣхавши, одолѣю»; сказавъ это, онъ натянулъ лукъ и стрѣлой положилъ нарта на мѣстѣ.

Долго ждали нарты посланнаго, но не дождались. Почувявъ что-то неладное, выѣхалъ средній изъ братьевъ. И у него копъ заржалъ, борзые завизжали и соколы подняли крикъ. «Да умреть вашъ отецъ» воскликнулъ онъ съ сердцемъ: «зачѣмъ ржешь, зачѣмъ вы визжите, зачѣмъ подняли крикъ? кто смѣетъ показаться сюда; только одинъ Ханъ-Кургуль могъ бы быть здѣсь, по ему до пятнадцатилѣтняго возраста недостаетъ пяти лѣтъ». Тогда Ханъ-Кургуль сказалъ: «Пріѣхать-то я пріѣхалъ; авось, пріѣхавши, одолѣю!» Съ этими словами, онъ натянулъ лукъ и ударомъ стрѣлы положилъ нарта на мѣстѣ.

Наконецъ, выѣхалъ старшій изъ братьевъ; онъ сѣлъ на треногаго, треухаго копя, заткнувъ за поясъ кистень, величиною въ скирду сѣна. И у него копъ заржалъ, борзые завизжали и соколы, сидѣвшіе на его плечахъ, подняли крикъ. «Да умреть вашъ отецъ!», воскликнулъ и онъ: «зачѣмъ ржешь, зачѣмъ визжите, зачѣмъ подняли крикъ? кто осмѣлился бы показаться сюда, кромѣ Ханъ-Кургула, которому до пятнадцатилѣтняго возраста недостаетъ пяти лѣтъ». — «Пріѣхать-то я пріѣхалъ» сказалъ Ханъ-Кургуль: «авось, пріѣхавши, одолѣю». Сказавъ это, онъ изо всѣхъ силъ натянулъ лукъ и пустилъ въ него стрѣлу, но она со звономъ отскочила назадъ, не причинивъ нарту никакого вреда. Тогда они съ обнаженными шашками кинулись другъ на друга и такъ сильно ударились, что въ рукахъ у нихъ остались только однѣ рукоятки. Затѣмъ нартъ выхватилъ изъ-за пояса кистень и размахнулся на Ханъ-Кургула, но послѣдній увернулся отъ страшнаго удара, ловко вырвалъ его изъ рукъ нарты и однимъ ударомъ по головѣ его же собственнымъ кистенемъ положилъ его на мѣстѣ.

Покончивъ съ нартами, Ханъ-Кургуль съ гостемъ спустились въ яму—жилище нартовъ. На днѣ ея, сіяя красотой, сидѣла сестра нартовъ. Увидя чужихъ, она горько заплакала, гово-

ря: «вы пришли сюда не иначе, какъ только убивъ моихъ братьевъ». «Не плачь—не горюй: мы три дня, три ночи ѣхали по трупамъ, издававшимъ вонь, столько же по свѣжимъ трупамъ людей умерщвленныхъ твоими братьями. Подумай только сколько сестеръ осталось безъ любимыхъ братьевъ, сколько матерей безъ сыновей. Успокойся, будь женой моего товарища». Затѣмъ сказавъ, что онъ ихъ навѣститъ скоро, Ханъ-Кургуль поѣхалъ обратно домой. Прощаясь, онъ сказалъ своему гостю: «не дѣлай ничего безъ согласія жены, а то худо тебѣ будетъ».

Послѣ отъѣзда Ханъ-Кургула, мужъ обратился къ женѣ съ просьбой дать ключи отъ всѣхъ подворныхъ построекъ: онъ вздумалъ взглянуть на богатство свое. Жена дала ему ключи, съ тѣмъ, чтобы онъ не отворялъ только одной комнаты. Отворивъ первую комнату, онъ нашелъ, что она полна золотомъ; отворивъ вторую комнату, онъ нашелъ въ ней груды серебра; тогда онъ отворилъ третью комнату, куда жена строго наказала ему не ходить, и увидѣлъ на полу нарта, связаннаго желѣзною цѣпью; желѣзный коль, вбитый въ голову его, прошелъ черезъ середину ступни и былъ вогнанъ глубоко въ землю; гвозди, вбитые въ пальцы рукъ и ногъ его, прошли черезъ нихъ и вонзились въ землю. Нартъ сталъ просить вошедшаго развязать его. Въ это время съ крыльца жена крикнула ему не развязывать его. «Не слушайся жены своей; я сдѣлаю тебѣ доброе дѣло, если ты хоть одинъ гвоздь, вбитый въ пальцы ноги моей, ослабишь», сказалъ ему нартъ. Лишь только онъ дотронулся до гвоздя, какъ нартъ развязался. «Если бы доброе дѣло, которое ты сдѣлалъ мнѣ, не было столь велико, я бы умертвилъ тебя», сказалъ ему нартъ. И слегка ударивъ его кулакомъ по головѣ, онъ вывернулъ его на изнанку, какъ кишку. Затѣмъ онъ схватилъ его жену и, топнувъ ногами о полъ коридора, поднялся съ ней и исчезъ.

Черезъ нѣкоторое время послѣ этого пріѣхалъ къ нимъ, какъ обѣщалъ, Ханъ-Кургуль, чтобы взглянуть на житье-бытье ихъ. Въѣхавъ во дворъ, онъ былъ пораженъ видомъ своего товарища: онъ былъ вывернутъ на изнанку и страшно стоналъ. Ханъ-Кургуль спросилъ его, что съ нимъ случилось. «Однажды я выпросилъ у жены ключи отъ надворныхъ построекъ», началъ онъ: «чтобы взглянуть на свое богатство. Жена, давая ключи, указала мнѣ на одну комнату, куда строго запретила не ходить, но я по

слабости своей отворилъ и вошелъ въ нее. Въ комнатѣ я увидалъ связаннаго нарта, которому колъ, вбитый въ голову, прошелъ черезъ ступню и былъ вогнанъ глубоко въ землю; гвозди, вбитые въ пальцы ногъ и рукъ его, тоже прошли черезъ нихъ и вонзились въ землю. Нартъ сталъ просить меня развязать его. Въ это время жена крикнула мнѣ не развязывать его, но нартъ сказалъ мнѣ: не слушайся жены, если ты ослабишь хоть одинъ гвоздь, вбитый въ палецъ ноги моей, то я сдѣлаю тебѣ доброе дѣло. Я рѣшился исполнить его просьбу. Лишь только я дотронулся до гвоздя, какъ нартъ развязался. Тогда онъ сказалъ: если бы доброе дѣло, которое ты мнѣ сдѣлалъ, не было столь велико, то я убилъ бы тебя. Съ этими словами онъ ударомъ кулака по головѣ вывернулъ меня на пзнанку, какъ кишку. Затѣмъ, онъ схватилъ мою жену и, топнувъ ногами о полъ коридора, поднялся съ нею». Ханъ-Кургуль, топнувъ ногами о то же мѣсто коридора, тоже скрылся. Поднявшись на землю, онъ напалъ на слѣдъ похитителя. Идя по этому слѣду, онъ пришелъ къ ямѣ; спускаясь въ нее, онъ нашелъ перстень, который былъ брошенъ похищенной, чтобы указать Ханъ-Кургулу дорогу, которой ее увелъ нартъ: она знала, что онъ, во что бы то ни стало, пустится за ней въ погопою. Долго ли, коротко ли онъ спускался въ эту яму, но наконецъ, достигъ дна ея, гдѣ увидѣлъ большой городъ. Въ этомъ городѣ было общее веселіе. Ханъ-Кургуль спросилъ встрѣчныхъ, по какому поводу въ городѣ такое веселіе. Ему отвѣтили: «Въ этомъ городѣ живетъ одинъ нартъ; когда онъ отправился за той женщиной, которую онъ теперь привезъ съ собою, то двѣнадцать лѣтъ пропалъ безъ вѣсти; теперь онъ съ ней воротился, и мы веселимся, радуясь его возвращенію». Прогуливаясь по этому городу, Ханъ-Кургуль пришелъ въ молочному озеру, гдѣ на берегу увидѣлъ женщину съ кувшиномъ. Онъ спросилъ ее, кто она. Она отвѣтила: «Я рабыня жены нарта, недавно имъ приведенной». Ханъ-Кургуль попросилъ дать ему выпить молока изъ кувшина. «Я боюсь, что меня убьетъ госпожа, почуявъ духъ человѣческой отъ молока», сказала рабыня. «Не бойся; попроси свою госпожу разрѣшенія вылить ей на руки все молоко изъ кувшина; тогда она, ручаясь, не убьетъ тебя». Женщина дала ему кувшинъ. Ханъ-Кургуль, показывая видъ, что пьетъ, незамѣтно для нея бросилъ въ кувшинъ найденный имъ перстень. Поблагодаривъ, онъ подалъ ей

кувшинъ. Рабыня пошла домой, но на нее набросилась госпожа съ угрозами, что она ее убьетъ, такъ какъ отъ молока слышенъ духъ человѣческой. «Разрѣши мнѣ, госпожа, вылить все молоко изъ кувшина тебѣ на руки, и тогда дѣлай, со мной, что тебѣ угодно», сказала ей рабыня. Госпожа согласилась. Когда все молоко вылилось ей на руки, упалъ перстень. Оповнавъ этотъ перстень, она спросила ее: «Гдѣ находится молодой человѣкъ, съ которымъ ты видѣлась на берегу молочнаго озера; проводи меня къ нему». Подойдя къ Ханъ-Кургулу, она сказала ему: «Эй, молодецъ, напрасно ты пришелъ сюда; не сбьтся твоимъ затѣямъ. Нартъ силы неимовѣрной; душа его не обитаетъ въ его тѣлѣ; ни разу не принявъ ни пищи ни питья, онъ связаннымъ находился двѣнадцать лѣтъ». «Пойди узнай», сказалъ ей Ханъ-Кургулъ: «гдѣ находится его душа, а тамъ увидишь, что будетъ. Возвратясь домой, она говоритъ нарту: «нѣтъ мнѣ съ тобою развлеченія: въ пятницу заснувши, ты въ пятницу только просыпаешься; скажи мнѣ, гдѣ твоя душа находится; быть-можетъ, съ нею мнѣ было бы веселѣе». Нартъ догадался, съ какою цѣлью жена спрашиваетъ его о его душѣ и говоритъ ей: «Сучка! кого подговариваешь ты погубить меня?» Затѣмъ онъ вывелъ ее на дворъ и, указывая на камышъ, который росъ неподалеку, говоритъ ей: «Видишь ли вонъ тотъ камышъ? Въ немъ находится носорогъ; все существующее въ мѣрѣ не одолѣетъ его. Если его убить, то изнутри его выскочитъ олень, быстрее котораго никого нѣтъ на свѣтѣ. Если оленя убить, то изнутри его выскочитъ заяцъ, котораго никто не поймаетъ; если убить и того и распоротъ ему животъ, то внутри его найдется шкатулка; въ ней находятся три дѣтеныша ласточки; если ихъ убить, то умру и я». Когда нартъ послѣ этого заснулъ своимъ продолжительнымъ сномъ, она пошла къ Ханъ-Кургулу и говоритъ ему: «Эй, молодецъ, не сбьтся твоимъ намѣреніямъ; видишь ли вонъ тамъ—густой камышъ. Въ этомъ камышѣ находится носорогъ: его никто не одолѣетъ; если убить его, то изнутри его выскочитъ и побѣжитъ олень, быстрее котораго нѣтъ никого въ свѣтѣ; если оленя убить, то изнутри его выскочитъ заяцъ, котораго никто не поймаетъ; если и того убить, то внутри его найдется шкатулка, въ которой находятся три дѣтеныша ласточки; если ихъ убить, то умретъ и нартъ». Сказавъ ей, чтобы она вернулась домой, Ханъ-Кургулъ пошелъ въ тотъ

камышъ, гдѣ обиталъ страшный носорогъ. При его приближеніи, показался носорогъ и говоритъ ему: «Убирайся отсюда поскорѣе по добру-по здорову!» Но Ханъ-Кургуль не тронулся съ мѣста; тогда носорогъ бросился на него, захвативъ въ пасть столько камышу, что его хватило бы пятнадцати косорямъ на пять дней работы. Давъ ему приблизиться, Ханъ-Кургуль однимъ ударомъ стрѣлы убилъ его наповаль. Изнутри убитого носорога выскочилъ олень и пустился бѣжать. Когда олень былъ убитъ, изнутри его выскочилъ и побѣжалъ заяцъ. Убивъ зайца и распоровъ ему животъ, Ханъ-Кургуль вынулъ изнутри его шкатулку; въ ней онъ нашелъ трехъ дѣтенышей ласточки. Свернувъ двумъ дѣтенышамъ головы и давя у третьяго дѣтеныша горло, пошелъ впередъ Ханъ-Кургуль. За нимъ въ слѣдъ бѣжалъ нартъ. Онъ падалъ на землю, когда Ханъ-Кургуль придавливалъ шею дѣтенышу, и бѣжалъ—когда тотъ отпускалъ. Догнавъ Ханъ-Кургула, нартъ говоритъ ему: «Отдай мнѣ живого дѣтеныша, я тебѣ сдѣлаю все, что ты пожелаешь».—«Если ты меня и свою жену вывезешь на себѣ на землю, то я отдамъ тебѣ его». Нартъ согласился. Онъ посадилъ ихъ себѣ на спину и вывезъ на землю. Ханъ-Кургуль свернулъ голову и послѣднему дѣтенышу; съ нимъ палъ мертвымъ и нартъ. Но женщина не желала больше вернуться къ своему мужу и сдѣлалась женой своего избавителя.

3. Какъ Насръ-Эддинъ одурачилъ всѣхъ?

Ша цавојзачу јуирта-а вахана вуѣссина мѡл-Несерт
 Самого гдѣ не знаютъ въ аулѣ пошелъ слѣзъ мулла Насръ-Эддинъ
 цѣха зудаң јолчу. Цуа ѣлле зудче: „суа ѣхертер
 одна женщина гдѣ находится. Онъ сказалъ женщиѣ: „я съ того свѣта
 вѡбу, цігарчу хѡң дѡс, нѡнас; пхѣ гѡлі сіскалѣиң
 иду, оттуда твои отецъ, мать; пять мѣшковъ кукурузной муки
 да-ајта бѡхара суѣциң“, цуа ѡлчаҳ, „јѣш-јѡң
 чтобы прислала говорили со мною“, онъ когда сказалъ, „возможности нѣтъ
 мацал-балајтаң“, ѣлле шѣең дера гулдѣна, іѣшу-
 отъ голода чтобы умерли“, сказавъ свою сколько есть собравъ недо-

ріг нāхе дехна, шајң вāрдана і сіскалба-а дїлліна,
стающю народа просивъ, свою на арбу эту кукурузную муку положивъ,
бўллук діна вѣлчах ца жо-ајтур ах вардаң елле,
дѣло сдѣлалъ когда выйдешъ домой пришлешъ ты арбу сказавъ,
вахайтар цуа мōл-Несерт. Зудаң зїехіна вүедаң і,
послала она мулла Насръ-Эддина. Женщину надувши идущій этотъ
кѣчїр жа дāжуаш зāчу зїунте. „Хуа вāла вѣлла,
прибыль стадо пасущїй сидящему на настуха. „Ты выйди умерши,
ішта дāжадуа жа“ шїега мōл-Несерта āлчах, „мўха
такъ развѣ пасуть стадо“ себя мулла Насръ-Эддинъ сказавъ, „какъ
дāжадуа жа, хїеха суана“, елїр зїуїуа. Мōл-Несерта
пасуть стадо, научи меня“, сказавъ настухъ. Мулла Насръ-Эддинъ
дїр цунна хēхар: „Гāза-а јїна, дїнна цуака-а јѣккіна
сдѣлалъ ему совѣтъ: „Козу заръзавъ, цѣлкомъ шкуру извлекши,
і куартах-а јуеллана хуа зāдда лātтах, жа ша дē-
эту на голову надѣвъ, ты тихо если постоишь, стадо само на-
жїр-ду сарраң, дікїц дузур-ду“. Шїега āллерїг бак-а
стїсь будетъ до вечера, хорошо сытымъ есть“. Себѣ что сказано правда
муеттїна, цуā āллерїг-а діна і джа-һуеттїчах, цуїпїң
подумавъ, онъ что сказано сдѣлавъ этотъ туда когда сталъ, его
жа мēллеша лēхкіна вахана мōл-Несерт. Вүедеш і
стадо тихо погнавъ пошелъ мулла Насръ-Эддинъ. Идя этотъ
кѣшна гўл бāтуаш вōллучу стаган-те. Цуїпїң вардаң,
прибыль стволъ расколоть собирающемуся на чловѣка. Его арбу,
стѣрчі дїгаң уōјла-а хїлла, мōл-Несерта елле цуїнге:
быковъ увезти думу (въ думѣ) бывъ, мулла Насръ-Эддинъ сказавъ ему:
„Хуа вāла вѣлла, ах сāнна цабāтабој гўл“. „Мўха
„Ты выйди умерши, самъ какъ не раскалываютъ стволъ“. „Какъ
бāтуаң бēзара і, хїеха суана“ цуа āлчах, цуїнге елле
расколоть слѣдовало этотъ, научи меня“ онъ сказавъ, ему сказавъ
мōл-Несерта: „дїг суега-а лој, хāјх куїгїш гўл бēт-
мулла Насръ-Эддинъ: „топоръ мною давъ, твои руки стволъ гдѣ рас-
чу-а дуахке, хуа джа-һуатта, тāкка āс дѣр хуана хē-
кололся всунувъ, ты туда стань, тогда самъ сдѣлаю тебѣ со-

хар⁴. Цуа бохуріг-а діна і дѣа-һуёттечах, дїг туѣхна
вѣтъ⁴. Онъ что говоритъ сдѣлавъ эту туда когда сталъ, топоръ ударивъ
зѣл дѣа-а бахајтіна, цуінің вардаңте ах сіскілѣа-а
клинъ туда послалъ, его на арбу половицу кукурузной муки
дїлліна, і вітіна, вахана мѡл-Несерт. Ёццѣрің дѣа-
положивъ, этотъ оставивъ, послалъ мулла Насръ-Эддинъ. Оттуда туда
вуѣдечу цунпа јѣјна шіѣна дуіхіл јѡбуш іс вѣрда,
идущему ему увидѣлъ себѣ навстрѣчу идущія девять арбъ,
цѣаңца стѣг тїѣх ѣаш. Іуи шіѣна бајчах, варданаш,
по одному человѣку на верху сядя. Онъ себѣ увидѣвъ, арбъ;
жаа соуцајпа, јуххѣхула дуѣдачу хічу-а іккіна бѣрд-а
стадо остановивъ, близко текущую въ воду бросившись берегъ
таѣјпа і чуцаба-ајтаң санпа дѣа-һуёттена. Шѣш тѣ-
придавивъ этотъ чтобы не уналь какъ туда сталъ. Сами на него
кешчах дуіхіл бѡбучу нѣа хѣттена цуіңге: „хуа һуң дѣш
прибывъ навстрѣчу идущій народъ спросилъ его: „ты что дѣлал
вѡллу“ ѣлле. Мѡл-Несерта ѣлле: „тахана нѣра бѣр-
нахожусь“ сказалъ. Мулла Насръ-Эддинъ сказалъ: „сегодня этотъ бе-
д-а хѣрціна, ахча чухѡдуң де ду, қѣлдїллаң істїнг
регъ свалившись, деньги внизъ бѣжать день есть, внизъ положить войлокъ
цѣаха дїцдѣлла веана суа, шу суа јуха вѣллалц бѣрд
дома позабывъ пришель я, вы я назадъ пока не придѣ берегъ
лѣсна лѣтгахѣр, істїнг дѣаң жуір вар суа“ цуа ѣлчах,
держа если постойте, войлокъ принести пойти есть я“ онъ сказавъ,
нѣх бѣрдаң қѣл һуёттена. Ёццѣрің цѣрің шіѣл варданаш
народъ берега внизу стали. Оттуда ихъ свои арбъ
ѣсна, жа хѣлха-а дѣккіна, вахана мѡл-Несерт. Іѣхуш
взявъ, стадо впередъ извлекши пошелъ мулла Насръ-Эддинъ. Идя
і кѣшна цѣѣнің јуірта: цїггах варданаш-а стѣрчі, жа-а
этотъ прибылъ въ одинъ аул: тамъ арбъ быковъ, стадо
дуѣхкіна, вѣрданаштѣх хїлла қадїң шіѣна-а дїтіна, ахчанах
продавъ, на арбахъ бывшій товаръ себѣ оставивъ, на деньги
туїка-а ѣсна, чу нѣхің қадї-а дїлліна, соудѣгар-а хїлла
лавку купивъ, внутрь чужой товаръ положивъ, куцомъ сдѣлавши

вāхац хііна мōл-Несерт. Ц̄ха хац̄ јѣлчах̄, ца
жит̄ с̄вль мулла Насръ-Эддинь. Одно время когда прошло, домой

веанчу стагана шіец̄ ст̄ерчі, вардац̄ зудац̄ з̄іѣха-ајіна,
прибывшему человек̄ку свои б̄жки, арба женщины надув̄ь

д̄ігна-а карајна, мōл-Несертапа т̄ѣха вахана. Вуѣдеш̄ і
увель̄ нашель̄, мулла Насръ-Эддинь посл̄ь пошель̄. Уходя этот̄

к̄ешна з̄азана ц̄уака куартах-а јуѣллана, л̄еттечу стагант̄е.
прибыль̄ козы шкуру на голову над̄в̄ь, стоящему на человек̄ка.

Т̄еавахана ц̄уинге х̄еттена мōл-Несерта: „Х̄уа һуң д̄еш̄
На него пойдя его спросиль̄ мулла Насръ-Эддинь: „Ты что д̄ѣлая

л̄етта кузах̄“, ѣлле. „Жа д̄ажуаш̄ л̄етте суа“ ѣлір ц̄уа.
стойшь зд̄ѣсь“, сказал̄. „Стадо пасу стою я“, сказал̄ он̄ь.

„Жа д̄ац̄ к̄узах̄“, шіѣга алчак̄, ц̄уака д̄жа-ајѣккіна х̄ѣлчак̄,
„Стада н̄ѣтъ зд̄ѣсь“, себ̄ь сказав̄ь, шкуру туда извлекиши посмотр̄ль̄,

жа д̄ігна-а карајна, ша з̄ѣхіна ст̄аг̄ в̄іцір ц̄уа.
стадо угналь̄ пайдя, себя надувнаго человек̄к̄ь сказал̄ кто он̄ь.

„Х̄уа, суа з̄ѣхінаріг̄ ц̄ха ст̄аг̄-ву“ ѣлле і ѣсна,
„Ты, я наднавшій одинь человек̄к̄ь есть“ сказав̄ь этого взяв̄ь,

бахар іуш мōл-Несертапа т̄ѣха. Іѣхуш іуш к̄ешна з̄уллух̄
пошли они мулд̄ь Насръ-Эддину посл̄ь. Уходя они прибыли в̄ь ствол̄ь

в̄оллучу стагант̄е. „Х̄уана д̄інаріг̄ х̄аң д̄іна“ ѣлле,
находящемуся на человек̄ка. „Теб̄ь сд̄ѣлаиное кто сд̄ѣлал̄“, сказал̄,

шіѣга х̄еттецах̄, ц̄уа в̄іціна ша з̄іѣхіна ст̄аг̄.
себя спросивши, он̄ь рассказал̄ кто бы себя надувшій человек̄к̄ь.

„В̄ај л̄ѣдінаріг̄ ц̄ха ст̄аг̄-ву“ ѣлле к̄уа ц̄х̄ені бахар
„Нас̄ь надувши одинь человек̄к̄ь есть“ сказав̄ь трое вм̄ѣст̄ь пошли

іуш. Іѣхуш іуш к̄ешна б̄ѣрд тазуаң мōл-Несерта хот-
они. Уходя они прибыли берег̄ь давить мулла Насръ-Эддинь поста-

т̄іпчу н̄аханат̄е. „Шу һуң д̄еш̄ л̄етте, х̄аң һуотт̄іна шуа“
в̄ленным̄ь на людей. „Вы что д̄ѣлая стоите, кто поставиль̄ вас̄ь“

ѣлле ш̄ајга х̄еттецах̄, ц̄ар̄ д̄іціна һуңда ш̄ѣш л̄етта, х̄аң
сказав̄ь себя спросивши, эти рассказали зач̄ѣм̄ь сами стоят̄ь, кто

һуотт̄іна. „І ст̄аг̄-а војзапа, ц̄ар̄ ѣлле: „Шу з̄іѣхіна,
поставиль̄. „Этого человек̄ка познав̄ь, эти сказали: „Вас̄ь цадули,

шеш патешах джадовлал“ шајга алчах, цхацца вѡлуш
сами не вѣрите туда отойдите“ себѣ когда сказали, цо одному выходя
іуш джабојлачах, бѣрд цахѣрціна; цунах хіір цѣрна шеш
они когда отошли, берегѣ не свалился; изъ этого узнали имѣ сами
ѣіехінеп. Вѣрданап шігна-а карајна, љѡбуц іебуз-абахапа
что падули. Арби увель найдя, крѣпко разсердившись
іуш тѣбѣхкінчех кѣтта бахар шеш ѣіехінчу ста-
они нашихъ прибывшихъ соединившись пошли сами падувшему за чело-
гантех. Іехуш, іехуш кѣчір іуш мѡл-Несерт вахац
вѣкомѣ. Уходя, уходя прибыли они мулла Насрѣ-Эддинѣ жить
хиінчу јуірта. Цігах цінах-хісуш лѣлап іуш бахна
гдѣ остановился вѣ аулѣ. Тамѣ дома обыскивая ходя они пошли
цхеніц туікінчу. Чуах лѣттіц мѡл-Несерт-а војзіна, цѣр
вѣ одну лавку. Внутри стоявшаго муллу Насрѣ-Эддина познавѣ, эти
ѣлле: „Хуа ву тхо лѣдінаріг, лінца тхоц һуманап схајѣ-
сказали: „Ты естѣ насѣ надувши, теперь наши вещи если не
лах, ѡху хѣјна дѣц дѣріг хѣјна-а хѣ-а хуана“, бѡхуш
дашѣ, мы тебѣ дѣлать что естѣ себѣ знаешь тебѣ“, говоря
ша хѡвзічах, мѡл-Несерта ѣлле: „Шу тідѣлла,
себя покрутивѣ, мулла Насрѣ-Эддинѣ сказалѣ: „Вы заблудились (ошиблись)
суа вац і“. „Кѣрстанмадѣ, тхуѣна кѣлхѣріц вѣрг
я нѣтъ этотѣ“. „Не отказываться не дѣлай, намѣ снизу выйтѣ
вац хуа“ шіѣга алчах, мѡл-Несерта ѣлле: „Шух
нѣтъ ты“ себѣ сказавѣ, мулла Насрѣ-Эддинѣ сказалѣ: „Изъ васѣ
хѣрцлічуінга тховса вѣжчах нѣра јѣр-ју, цајѣл-
неправду говорящій наступающую ночь легши поносѣ выйдетѣ, не вышед-
лерг бак лі, цуа бѡхуріг ас. дац сѣјна тѣ-
ши правду говоритѣ, этотѣ что говоритѣ самѣ сдѣлать себѣ беру
лѡцу, јѣллечуа суѣга кѣтѣ ѣлац цадѣза“ алчах, іуш
на себя, миѣ ничего сказать не слѣдуетѣ“ сказавѣ, они
рѣзахілла мѡл-Несерт бѡхучунна. Мѣрзац һума-а јііпа,
согласились мулла Насрѣ-Эддинѣ что говоритѣ. Сладкое кушанье сѣвѣ,
іуш бішіна мѡл-Несерт-чуах. Цѣрна нѣбакѣтітана, хѣ-
они легли мулла Насрѣ-Э дина внутри. Имѣ давѣ заснуть, шта-

чѣш-а јѳстуш мѳл-Несерта јѳттѳна хѣчеш-чу ѳѳѳпа
ны развѳзывает мулла Насрѣ-Эддинѣ налилъ въ штаны иппенный
чѳрпа. Буса самбојлчаѣ, шѣш бѣхдѣллѣла-а хѳина бојдда
супѣ. Ночью проспунувшись, сами что замарались узнавъ бѣгомѣ
бахана іуш, мѳл-Несерт шѳѳѳ хѳлтѣх вѳсіна.
пошли они, мулла Насрѣ-Эддинѣ своемѣ на богатствѣ остался.

Мулла Насрѣ - Эддинѣ однажды пошелъ въ ауль, гдѣ его
вовсе не знали. Зайдя въ одинѣ изъ домовъ, онѣ засталъ одну
только женщину; мужѣ ея былъ въ отлучкѣ. Насрѣ-Эддинѣ го-
воритъ ей: «Я иду съ того свѣта; тамѣ отецъ и мать твои силь-
по голодаютъ; они просили, чтобы ты непременно черезъ меня
прислала имѣ пять мѣшковѣ кукурузной муки». Она повѣрила
словамѣ его и, собравъ требуемое количество муки (часть на-
шлась дома, часть она взяла въ долгѣ у сосѣдей) отпустила его,
положивъ муку на свою арбу и сказавъ, чтобы онѣ, по миновеніи
надобности, вернулъ арбу и быковѣ. Идя оттуда, Насрѣ-Эддинѣ
увидѣлъ въ полѣ стадо овецѣ. Подойдя къ пастуху онѣ говоритъ:
«Глухой! развѣ такѣ пасутъ стадо». — «Какѣ же пужно, научи
меня» говоритъ пастухѣ. Насрѣ-Эддинѣ даетъ ему такой совѣтъ:
«Нужно зарѣзать козла, шкуру содрать цѣликомѣ, ея надѣтъ на
голову и стоять на одномѣ мѣстѣ; вечеромѣ шкура сама снимет-
ся; овцы будутъ сыты, какѣ никогда». Пастухѣ зарѣзалъ козла,
шкуру ея надѣлъ на свою голову и сталъ, а тѣмѣ временемѣ
Насрѣ-Эддинѣ угналъ его стадо. Идя дальше, онѣ увидѣлъ че-
ловѣка, вѣбивавшаго клинѣ въ стволѣ, чтобы расколоть его. Быки
и арба этого человекѣ стояли неподалеку. «Не такѣ пужно рас-
калывать стволѣ», говоритъ ему Насрѣ-Эддинѣ, подойдя. «Какѣ
же нужно, научи меня», сказалъ тотѣ. Взявъ топорѣ, Насрѣ-
Эддинѣ говоритъ: «Засунъ свои руки въ образовавшуюся щель и
смотри впередѣ». Когда онѣ это сдѣлалъ, Насрѣ-Эддинѣ выбилъ
клинѣ топоромѣ, и руки прищемило. Положивъ половину муки
на его арбу и оставивъ его мучиться, Насрѣ-Эддинѣ пошелъ
дальше. Идя оттуда, онѣ увидѣлъ, что навстрѣчу ему ѣдутъ
девять арбѣ, нагруженныхъ товаромѣ; на каждой арбѣ сидѣло по
одному человекѣ. Насрѣ-Эддинѣ, желая воспользоваться ихъ арба-
ми, незамѣтно для приближающихся бросилъ въ мимо протекав-
шую рѣку. Стоя въ водѣ, онѣ изѳ всѣхъ силъ сталъ напирать на

берегъ. Насръ-Эддипъ привлекаетъ вниманіе подѣхавшихъ: они спрашиваютъ его: «Что ты дѣлаешь?»—«Сегодня берегъ свалится и посыпятся деньги. Бѣда въ томъ, что я забылъ взять съ собою войлокъ, чтобы его подложить. Если бы вы согласились постоять здѣсь за меня, я сбѣгалъ бы домой за войлокомъ». Всѣ девять человѣкъ вошли въ воду и стали напирать на берегъ, а Насръ-Эддипъ со своими и ихъ арбами, имѣя впереди стадо овецъ, пошелъ дальше. Шелъ онъ, шелъ и, наконецъ, прибылъ въ большой аулъ, гдѣ, распродавъ все, кромѣ товара, купилъ на вырученные деньги лавку и въ немъ сталъ продавать чужой товаръ.

Мужъ обманутой женщины скоро послѣ ухода Насръ-Эддина пришелъ домой и, узнавъ отъ жены о случившемся, выругалъ ее и отправился на поиски. Идя, онъ увидѣлъ въ полѣ стоящаго человѣка, съ натянутой на голову козьею шкурою. «Что ты дѣлаешь здѣсь?» спросилъ онъ его, подойдя ближе. «Пасу стадо овецъ», отвѣтилъ тотъ. «Здѣсь пѣтъ, стада; ты, вѣрно, не въ своемъ умѣ», сказалъ прибывшій. Пастухъ снялъ шкуру, посмотрѣлъ кругомъ и, не видя стада, понялъ, что онъ обманутъ. На вопросъ прибывшаго, кто научилъ его такъ пасти стадо, онъ рассказалъ, что утромъ къ нему подошелъ какой-то человѣкъ; съ нимъ была арба, на арбѣ пять мѣшковъ букурузной муки; онъ-то обманулъ его. Прибывшій, въ свою очередь, рассказалъ, какъ въ его отсутствіи тотъ же человѣкъ обманулъ его жену. Дальше они пошли вмѣстѣ. Идя, они увидѣли полумертваго человѣка. Руки его были въ щели ствола. Они поспѣшили освободить его. Освобожденный рассказалъ, кто и какъ его обманулъ. Затѣмъ, понявъ, что ихъ обманулъ одинъ и тотъ же человѣкъ, они пошли вмѣстѣ. Идя по берегу рѣки, они увидѣли людей, стоящихъ въ водѣ и напирающихъ на берегъ. На вопросъ прибывшихъ, что они дѣлаютъ, они рассказали, въ чемъ дѣло. Узнавъ изъ ихъ рассказовъ обманщика, прибывшіе сказали: «вы обмануты; берегъ и не думаетъ валиться; если не вѣрите намъ, то отойдите отъ берега». Тѣ отошли и обманъ обнаружился. Поднявшись на берегъ, они не нашли своихъ арбъ. Когда прибывшіе сказали, что ихъ надулъ одинъ и тотъ же человѣкъ, они присоединились къ нимъ, и всѣ пошли по слѣдамъ Насръ-Эддина. Шли они, шли и, наконецъ, пришли въ тотъ большой аулъ, гдѣ остался жить Насръ-Эддинъ. Производя въ аулѣ обыскъ,

они зашли въ лавку Насръ-Эддина. Послѣдній, безъ признаковъ какого бы то ни было безпокойства, продолжалъ отмѣривать товаръ покупателямъ. Узнавъ обманщика, вошедшіе закричали: «Обманщикъ! отдай намъ наши вещи безъ разговоровъ; если не дашь, мы тебя поколотимъ и поведемъ разбираться; и тебя, повѣрь, заставятъ удовлетворить насъ». — «Вы ошиблись; я васъ въ первый разъ вижу; здѣсь крупное недоразумѣніе; для выясненія дѣла я предлагаю слѣдующее испытанное средство: наступающую ночь проведете у меня; кто изъ васъ въ эту ночь заболѣтъ разстройствомъ желудка, то изъ этого будетъ видно, что онъ неправъ и не долженъ безпокоить меня; кто же не заболѣтъ, тотъ правъ, и я его удовлетворю». Съ предложеніемъ Насръ-Эддина всѣ согласились. Наступила ночь. Гости легли и скоро заснули. Въ полночь, когда всѣ они спали крѣпкимъ сномъ, Насръ-Эдинъ налилъ каждому въ штаны пшенной похлебки. Гости въ ту же ночь, узнавъ, что съ ними случился грѣхъ, скрылись; Насръ-Эдинъ же остался при своемъ богатствѣ.

4. Какъ Насръ-Эдинъ наказалъ невѣрную жену?

Мѡл-Нѣсертаң стѣ хілла пѣхацаң лѣлаш, шіена вѣ-
 Мулла Насръ-Эддина жена была съ людьми ходя, себѣ лю-
 зарг-а лѣсна. Цѣха һүма дагахъ долуш, мѡл-Несерта
 бовника поймавъ. Одинъ предметъ въ сердцѣ имѣя, мулла Насръ-Эдинъ
 ѣлле цуинге: „дѣрг-а бежніш дѣлла; цѣха јѣтбіең
 сказала ей: „всѣ домашнія животныя издохли; одна корова
 бѡцуш дісна вај, хуінхахъ тѡвң һүма діцуш цѣха
 не имѣя остались мы, въ лѣсу что идетъ предметъ говорящій одинъ
 хāра пѡп-бу, і бѡлчу жахāр хуа ѡепелгіш діпа.
 дуилистнй чинаръ есть, этотъ гдѣ есть пошла бы ты блины сдѣлавъ.
 Пѡп мичха-бу-а діцитіна, ѡепелгіш-а діна, јāхаң
 Чинаръ гдѣ есть рассказать заставивъ, блины сдѣлавъ, пойти
 і āра јѣлчахъ, га дѣккіна вѣдда вахапа мѡл-Не-
 эта вонъ когда вышла, вѣтку извлеки бѣгомъ пошелъ мулла Насръ-

серг хііна о̄цу хāра п̄пчу. Дӯка хāң жāла-
Эддинъ с̄лз въ этотъ дуллистый (внутри) чинарь. Многое время не успѣло
ле куінің ст̄е с̄ха-к̄ешнā. Цуінге м̄л-Несерта х̄т-
пройти его жена сюда прибыла. Ее мулла Насръ-Эддинъ спро-
тена: озā-а хіціна ша цавовзїтаң: „чпелгіш д̄е-
силь: выговоръ перемѣнивъ самъ чтобы не дать знать: „блины при-
анї ах̄“. „Д̄еана“, ст̄ечуа āлчах̄, іуш шіена чуко-
несла ли ты“. „Принесла“, жена когда сказала, самъ себѣ заставивъ
удајтіна, м̄л-Несерта елле: „суега х̄ттурду āх̄, ж̄е
по ать, мулла Насръ-Эддинъ сказалъ: „меня спросишь ты, или
āјха дуїцірду ах̄“. „Ах̄ дуїцірду, елле: жајтіна суа“, цуа
сама расскажешь ты“. „Ты расскажешь, сказалъ: прислала я“, эта
āлчах̄, „м̄ар в̄еза хуана, ж̄е в̄зарг в̄еза“, елле
когда сказала, „мужъ любъ тебѣ, или любовникъ любъ“, сказалъ
шіега х̄ттечах̄, жуап далаң іех̄ х̄таш јіспа і. „Ах̄ āс
себя спросивъ, отвѣтъ дать стыдъ думая осталась эта. „Ты самъ
х̄ттенчунна жуап цалах̄, хуана дїцаң һума даң саң“,
что спрашиваю отвѣта не дашь, тебѣ рассказать предмета не есть мой“,
елле м̄л-Несерта āлчах̄, зудчуа дїціна: „в̄зарг в̄еза
сказалъ мулла Насръ-Эддинъ сказавъ, женщина сказала: „любовникъ любъ
суāна“. Т̄акка м̄л-Несерта елле: „шајң ц̄ерің ж̄т-а
миѣ“. Тогда мулла Насръ-Эддинъ сказалъ: „ваши дома корову
біна і āх̄ ц̄ха б̄ајг āјха чуарп̄ең цам̄луш, берг̄еа
зар̄завъ эту ты ни одной ложки сама супа не жушая, все
х̄ајң куенахчунна ба-абах̄, і б̄барз-а, к̄аравелла,
своему мужчинѣ если дать ѣсть, этотъ ослѣпнетъ, оглохнетъ,
х̄ајң в̄заргацаң п̄рбат л̄елар-ју х̄уа“. Шіега
своимъ любовникомъ какъ угодно (свободно) ходитъ есть ты“. Себѣ
āлл̄еріг д̄ікің х̄таш, ц̄ехіјрзір і. П̄пчурің āра-а
сказанное хорошимъ думал, домой направилась эта. Изъ чинара вопъ
іккіна, га д̄еккіна в̄едда ц̄авеана шіең ст̄ечул х̄ал-
брвсившись, в̄тку извлекши б̄гомъ домой пришелъ своей женою ранъ-
ха м̄л-Несерта. Ц̄а к̄ешчах̄, ст̄егуа елле м̄л-
ше (впереди) мулла Насръ-Эддинъ. Домой прибывъ, жена сказала муллѣ

Несертѣ: „пѡпуа суѣга ѣлїр жѣт-а бїна, і аѣх бѣрге-а Насрѣ-Эддину: „чинарѣ мѣѣ сказаль корову зарѣзавѣ, эту ты все аїха ба-аѣ, ваїна-дѣхнї тѣурду“. „Пѡпуа бѡху-самѣ если сѣѣшь, намѣ домашнїя животнїя пойдуть“. „Чинарѣ что гово-рїг дац дѣза“ ѣлле, мѡл-Несерта бїна шїең рїтѣ сѣѣлать сѣѣдуетѣ“ сказаль, мулла Насрѣ-Эддинѣ зарѣзаль свою жѣт. Бїна жѣт бууш цїка тѣссал жїяг дїсчаѣ, корову. Зарѣзанную корову кушая разѣ бросїтѣ мясо когда остался, мѡл-Несерта ѣлле стѣче: „суа бѣарзвѣлла, кѣр-мулла Насрѣ-Эддинѣ сказаль жешѣ: „я сѣѣнїмѣ сѣѣлался, глухимѣ вѣлла, суана гуаѣ цѣха са кѣчбїе, ара-а вѣлла сѣѣлался, мѣѣ вѣ комнатѣ о нїѣ уголь прїготовѣ, вонѣ выїди нїнцалц дїкїң куѣнаха-а бахїтіна, нїнца до снѣх порѣ хоршїй чловѣкѣ (мужчина) заставнѣл говорїтѣ, тенерѣ бѣерзїең гїрїг бѡхуїтур дѣц ас саїна нѣхе“, цуа аї-слѣпой чурбанѣ говорїтѣ нѣтѣ самѣ себѣ народа“, онѣ когда ска-чаѣ, меттѣг-а кѣчїна, і хааїна стѣчуа бѡха. Сараѣ залѣ, мѣсто прїготовнѣвѣ, этого посадила жена внїзѣ. Вечеромѣ шїна жѣчуаѣ жїяг-а тѣсна, цѣхѣнчуаѣ шїенѣ, везарганѣ вѣ двухѣ котлахѣ мясо броснѣвѣ, вѣ одномѣ себѣ, любовнїку ѣснарїг, вѣка-чуаѣ, ѣттѣнїг куѣнахчуннѣ, вѣзаргѣ кѣїкаң купленнѣе, вѣ другомѣ, коровѣе мужчнѣѣ, любовнїка позвать стѣг вахаїтана цуа. Вѣана сѣха-кѣшчаѣ, вѣзаргуа ѣлле: чловѣка послала она. Ідѣя сюда прїбнѣвѣ, любовнїкѣ сказаль: „суа нїнца уѡха-вїжур, нѣхѡрдїчаѣ лѡвзар вѣїша“. Вїжчаѣ, „я тенерѣ внїзѣ лягу, поужннѣавѣ понгрѣемѣ мы“. Когда легѣ, цїнна кѣстаң нѣб-кѣтта. Стѣ ара-а жїлїтана, кѣхкаш лѣт-ему скоро сонѣ ударнѣлся. Жешѣ вонѣ давѣ выїти, кнпѣ стоя-таң чуарна бѣага-а жїѣттена, і стѣг-а вїна, жїуха шїең шїй супѣ вѣ ротѣ налнѣвѣ, этого чловѣка убнѣвѣ, назадѣ свое мѣттѣ хїїна мѡл-Несерт. Чуїѣачаѣ вѣзарг вѣлла-а да мѣсто сѣѣлѣ мулла Насрѣ-Эддинѣ. Комнату заїдѣя любовнїкѣ (что) умерѣ карїна, цуа ѣлле мѡл-Несерте: „вѣїна чу вѣлла найдѣ, она сказала муллѣ Насрѣ-Эддину: „намѣ вѣ комнату умершїй

стāг тесна, һуң дāң дѣза ас?“ Цахезеш-сāнна
человѣкъ брошень, что сдѣлать, слѣдуетъ самой?“ Не слышанъ какъ
ѳина мōл-Несерт. Стѣчуа кīц ѳобуц і алчах,
остался мулла Насрь-Эддинъ. Жена еще крѣнче этотъ когда сказала,
мōл-Несерта хѣттена: „мīла ву і, мīчха вѣхі і?“
мулла Насрь-Эддинъ спросилъ: „кто есть этотъ, гдѣ живетъ этотъ?“
Стѣчуа дīцичах, шіена і стāг гī-а тасаж-
Жена когда рассказала, себѣ этотъ человѣкъ на спину заставилъ
тіна, ша вігітана цуа цѣріц кѣтīкāччāлц. „Суа
бросить, самъ заставилъ новости онъ ихъ до воротъ дошелъ. „Я
кѣртах ѳāж-а јѣтташ вōбур-ву“, ѣлле шіең стѣ ца-а ја-
о плетень палку ударя пойду есть“, сказалъ свою жену домой по-
хајтапа, дāка гīхдōллупех цуінің цінің неѳарах цѣлг-а ту-
славъ, трупъ на спинѣ имѣя его дома о дверь палець уда-
ѣхна ѣлле: „Сте! нѣѳ јѣллāј суа чува-ајта“. „Хуанам
ривъ сказалъ: „Жена! дверь отворивъ меня внутрь пусти“. „Тебѣ
мōл-Несертаң зудаң тō-арјār, јѣллур јāц āс“, зудчуа
муллы Насрь-Эддина женщина достаточна, отворить иѣтъ сама“, женщина
āлчах, мōл-Несерта ѣлле: „Суа вāлаң вōллу,
когда сказала, мулла Насрь-Эддинъ сказалъ: „Я умирать собираюсь,
дѳајѣлла нѣѳ“, ѣлле мōл-Несерта. „Хуа лāх јѣллур
отвори дверь“, сказалъ мулла Насрь-Эддинъ. „Ты умрешь отворить
јāц“, чурчу зудчуа āлчах, „суа вѣлің хуана“,
иѣтъ“, внутри находящаяся женщина когда сказала, „я умеръ тебѣ“,
ѣлле, дака неѳѣрцаң іра-а јōттīна, ца вахана мōл-
сказалъ, трупъ съ дверью вверхъ поставивъ, домой пошелъ мулла
Несерт. Ѓурре āра јāлаң зудчуа нѣѳ јīлчах, цуінің
Насрь-Эддинъ. Рано утромъ вонъ выйти женщина дверь отворивъ, ея
мāјрачуң дака цѣнка дүѣжна. „Лірву сīсара бāхар бāк
мужа трупъ на полъ упалъ. „Умру ночью говорилъ правда
хīллѣпе“, ѣлле зудаң јīлхіна. „Стāг вѣллечу нāхе
была“, сказала женщина заплакала. „Человѣкъ гдѣ умеръ народа
кадам баң јахаң јѣза саң, һуң āлаң дѣза ас
соболѣзнованіе сдѣлать пойти надо мнѣ, что сказать слѣдуетъ самой

цѣрге“, ёлле шіѣга стѣчуа алчах, мѡл-Нѣсерта
имѣ“, сказала себѣ жена когда сказала, мулла Насрѣ-Эддинъ
ёлле: „Валац цавѣзаріг лѡлву шуц бѡхуш кѣрта јахац
сказаль: „Умереть не должный да умереть вашъ говоря во дворъ пойти
јѣза хуа“. Шіѣга ала аллеріг-бѡхуш і кѣрта јаха-
слѣдуетъ тебѣ“. Себѣ сказать сказанное говоря эта во дворъ когда
чах, „тхац кің мїла валајтац јѡллу р хуа“ ёлле јіттїна
пошла, „нашъ еше кто чтобы умеръ собиралась ты“ сказавъ побивъ
наха јїна мол-Несертац стѣ.
народъ убилъ муллы Насрѣ-Эддина жеу.

Жена Насрѣ-Эддина имѣла любовника. Чтобы какъ-нибудь
наказать невѣрную жену, онъ говоритъ ей: «Всѣ наши домашнія
животныя, за исключеніемъ одной коровы, подохли; въ лѣсу есть
дуплистый чинаръ, который говоритъ, кому какой масти пужно
держатъ животныхъ, чтобы они множились. Сходи къ тому чинару
и узнай, что онъ намъ скажетъ. Не забудь взять съ собою бли-
новъ: иначе онъ ничего не скажетъ». Жена Насрѣ-Эддина спекла
много блиновъ и, руководствуясь указаніями мужа, гдѣ найти въ
лѣсу говорящій чинаръ, пошла туда. Вслѣдъ за ней побѣжалъ
туда, но по другой дорогѣ, и Насрѣ-Эддинъ. Прибѣжавъ рань-
ше жены, онъ влѣзъ въ дупло. Скоро пришла и его жена. Измѣ-
нивъ голосъ, чтобы жена его не узнала, Насрѣ-Эддинъ спросилъ
ее: «Принесла ли ты блины; если принесла, то подай ихъ мнѣ,
прикривъ лицо платкомъ и смотря внизъ». Когда блины были
поданы, Насрѣ-Эддинъ спросилъ ее: «спрашивать будешь или по-
слушаешь меня». — «Мужъ мой говорилъ мнѣ, что ты самъ раз-
скажешь» сказала она». — «Если такъ», сказалъ мужъ: «то от-
вѣть мнѣ на вопросъ, кого больше любишь—мужа или любов-
ника». Такой вопросъ озадачилъ ее; она не рѣшается отвѣтить.
«Если не дашь отвѣта на предложенный вопросъ, то я ничего
не могу тебѣ сказать», проговорилъ изъ дупла Насрѣ-Эддинъ.
«Я больше люблю любовника» сказала она наконецъ. «Въ такомъ
случаѣ вотъ тебѣ мой совѣтъ: зарѣжь свою послѣднюю корову;
если ея мясо съѣстъ только одинъ твой мужъ, то онъ ослѣпнетъ
и оглохнетъ, и тогда ты свободно можешь жить съ любовникомъ».
Совѣтъ этотъ пришелся по душѣ ей, и она, радуясь, направи-

лась домой. Когда жена отошла отъ чинара, Насръ-Эддинъ, доѣвъ остатки блиновъ, выскочилъ изъ дулла и прибѣжалъ раньше жены домой. Жена, придя домой, говоритъ ему: «Чинаръ сказалъ мнѣ, что во всѣхъ дѣлахъ у насъ будетъ благополучіе, если ты зарѣжешь нашу корову и мясо ея съѣшь самъ». Насръ-Эддинъ зарѣзалъ корову. Когда мяса осталось только на одинъ ужинъ, онъ говоритъ ей: «Я ничего не вижу и не слышу. Имя мое произносилось всѣми съ уваженіемъ; теперь я больше не думаю выходить: меня назовутъ «слѣпымъ чурбаномъ», этого я не вынесу; приготовь мнѣ въ комнатѣ уголь». Затѣмъ вечеромъ въ тотъ же день, повѣсивъ надъ огнемъ два котла: одинъ съ коровьимъ мясомъ для мужа, другой съ купленнымъ мясомъ для себя и любовника, она послала позвать любовника. Послѣдній скоро пришелъ и, узнавъ отъ любовницы, что случилось съ Насръ-Эддиномъ, сказалъ: «я усталъ: посплю немного, а послѣ ужина, поиграемъ!» Затѣмъ онъ легъ и заснулъ. Улучивъ минуту, когда жена по дѣлу вышла на дворъ, Насръ-Эддинъ вскочилъ и, вливъ въ ротъ спящаго кипятокъ, умертвилъ его. Приготовивъ ужинъ, жена Насръ-Эддина будитъ любовника; но, замѣтивъ, что онъ умеръ, закричала: «къ намъ подбросили покойника, что я должна сдѣлать». Насръ-Эддинъ сидитъ, будто ничего не слышитъ; тогда она, подойдя близко, крикнула еще громче. Тогда онъ говоритъ: «Кто онъ, гдѣ живетъ?» Она ему все это сказала. «Положи его мнѣ на спину и веди меня къ воротамъ дома покойника!» Жена его повела. Когда пришли, онъ сказалъ ей: «Поди домой, оставь меня одного съ покойникомъ; назадъ дорогу домой я найду съ помощью палки». Когда жена ушла, Насръ-Эддинъ подошелъ къ дверямъ дома покойника и говоритъ, поддѣлываясь подъ его выговоръ: «Жена! отвори дверь,пусти меня».—«Не отворю!», крикнула изнутри жена: «тебѣ довольно и жены Насръ-Эддина».—«Я умираю, отвори дверь», сказалъ опять Насръ-Эддинъ. Когда она и на этотъ разъ не отворила дверей, Насръ-Эддинъ, сказалъ: «Я умеръ!» и, оперши покойника о дверь, пошелъ домой. Утромъ, когда къ ногамъ жены любовника упалъ его трупъ, она говоритъ плача: «Видно, мужъ мой не шутилъ, говоря, что онъ умираетъ». Жена Насръ-Эддина, собравшись пойти поплакать въ домъ покойника, говоритъ своему мужу: «какими словами я должна выразить

сочувствіе горю его родственниковъ». Насръ-Эддинъ далъ ей со-
вѣтъ говорить безпрестанно: «Да умретъ у васъ еще тотъ, кото-
рый не долженъ бы умереть!» Она поступила такъ, какъ посовѣ-
товалъ ей мужъ. Тогда родственники, возмущенные ея словами,
убили ее колями.

5. Злая жена.

Цхенің зāмалах цхенің jōkkучу јуіртах вѣхіш хілла
Въ одно время въ одномъ большомъ въ селѣ живя былъ
цха дўку хāl долуш стаг. Шіең хāl қуарда-адіна,
одинъ много богатства имѣющій человекъ. Свое богатство (ему) надоѣвъ,
хōлух ша мўха вѣріг-ву цахууш, нāхе хātтаң āра
отъ богатства самъ какъ выйти есть не зная народа спросить вонъ
вѣлле хілле і. Дўка, қѣзіг уехуш, цхенің нāхана-тје
вышелъ былъ онъ. Много, мало уходя, однимъ людямъ (къ) на нихъ
кешна хілла і. Цўа хеттана нāхе: „Хāl қуардїна
пошелъ былъ этотъ. Онъ спросилъ народа: „Богатство надоѣло
суāна, hўң дїчāх вѣріг-вартех суа сајң хōлух?“ Нāха
мнѣ, что сдѣлавъ выйду я свое(го) отъ богатства?“ Народъ
хехар-дїна цунна: „ахъ јāлаје лѣкің-јолуш, куарта хѣрсің
совѣтъ сдѣлалъ ему: „ты приведи высокую имѣющая(ую), голова(у) рыжую
болуш, сїнің бѣргіш долуш, ірің қāжеш болуш јō-
имѣющая(ую), синія глаза имѣющая(ую), острия пятки имѣющая(ую) что
луң зўдаң. Нāха дїціна сїбташ долуң зўдаң лаха-а-
есть женщину. Народъ(омъ) сказанныя примѣты имѣющую женщину искавъ
лехна јāліна хāl долчу стага. Јāліначу зўдчуа дўка
найдя привелъ богатство имѣющій человекъ. Приведенная женщина много
хāң јāлалē хōлух-а вѣккēна, гїх дѣчіг кѣхочу
время не прошло, отъ богатства извлекла, на спинѣ дрова куда носить
вѣккēна і. Цка дѣчіг даң ваханчōх, цўа јїна уојла:
извлекла этотъ. Разъ дрова принесть куда ушелъ, онъ сдѣлалъ дума(у):
„гїх дѣчіг кѣхна буктѣх чојнаш ју суāна, ца вахчах
„на спинѣ дрова носивъ на спинѣ раны есть мнѣ, домой придя

дѣчіг ёсна зўдчуа хїза-вуа суа: дѣкініг деачах, тѣдініг
дрова неся женщина безпокоить я (меня): сухія принесши, мокрыя

һўнда цадахар ах бѣхуш, тѣдініг деачах, дѣкініг һўнда
зачѣмъ не принесешь ты говоря, мокрыя принесши, сухія зачѣмъ

цадахар ах бѣхуш; вѣхна-а һўң дїр-ду ас һѣку дујенѣ-
не принесешь ты говоря; живши что сдѣлать есть я (мнѣ) это(мнѣ) (вѣ) свѣ-

нах, ајса сајна тјѣхна валар дўкка-а тјѣлар суана ёлле“.
тѣ, самъ себѣ ударивъ умирать много лучше мнѣ сказалъ“.

Уѣјла јѣш һара җаш, куінің бѣѣрг кѣтта кѣргочу лѣтта
Дума дѣлая этотъ сидя, его глазъ ударилъ глубокому(ую) вѣ землѣ

дѣллочу җуїргах. Шіѣна і җуїрг дајчах, җіјеха-а јіна
находящему(ую) на пору. Себѣ эта(у) пора(у) увидя, обманъ сдѣлавъ

кўза-а јаліна сајң зудаң јуїр ас ёлле ца вахана і.
сюда приведи, свою женщину убью я сказавъ, домой пошелъ этотъ.

Вахана ца-кѣшчах, цуа ёлле зудче: „дўка деші чоҳ-а
Идя (домой) придя, онъ сказалъ женщинѣ: „много золото(а) внутри

долуш җуїрг каріна тахана суана; галеш, машшаш кечдѣ,
имѣя(ющую) пора(у) нашелъ сегодня мнѣ (я); мѣшки, веревки приготовь,

суа кана җуррѣ деші даң җуїр-ву“. „Хуа җѣвдал-ву,
я завтра рано утромъ золото принесешь пойду есть“. „Ты дуракъ есть,

ах вахчах деші кѣзіг дахар-ду, сўа јахаң јѣза цига ёлле
ты уйдя золото(а) мало принесешь есть, я (мнѣ) пойти надо туда сказала

зудчуа“. Шѣлзучу дїнах җуррѣ бахаң ара-бојла һѣруш,
женщина“. На другой днемъ (день) рано утромъ пойти вонъ вышли эти,

куѣнаха халха-а вѣккіна галеш, машшаш гї-а дјехкана.
мужчина впередъ извлекъ мѣшки, веревки на спинѣ положивъ.

Бахана һѣруш дѣ-кѣшчах, зўдчунна җуїрга јахаң мѣрз-
Идя они туда придя, женщинѣ вѣ пору пойти сладко

далајтаң, куѣнаха шѣ вахаң тѣхавелла. Пара тѣхавел-
чтобы сдѣлалось, мужчина самъ пойти собрался. Этотъ когда собрал-

чах, зудчунна ша јахаң мѣрз-дѣлла. Суах ах муш
ся, женщинѣ сама(ой) пойти сладко сдѣлалось. Отъ меня ты веревка(у)

бѣкка, ас муш бѣгїчах, сўа хѣла-а уѣза ёлле, ша җуїрга
приважи, я веревку дернувши, я (меня) вверхъ тяни сказавъ, сама(у) вѣ пору

јахајта ёлле куёнахчѣ. Хілла жуїрга-а јахајтана, зудаң
опусти сказала мужчинѣ. Нѣсколко въ пору опустивъ, женщина(у)

чу-а хѣсна, ца веар куёнаха ша дінчух вѣккуцвѣш.
туда путивъ, домой пришелъ мужчина самъ сдѣлаваго(ому) радуясь.

Кѣра дѣлчахъ, куёнаха вахана жуїргате шіең зудчух
Недѣля когда прошла, мужчина пошелъ къ порѣ свою(его) съ женщиной

нѣң хіллѣла хажанъ. Вахана дѣа-кѣшчахъ, куїге діна
что сдѣлалось посмотрѣть. Иди туда приди; его (къ нему) сдѣлал(а)

жуїрга-чурчу сѣрмікуа дѣхар: ку-чоҳ цѣхепің
въ порѣ находящаяся змѣя-чудовище просьба: здѣсь внутри одна (одинъ)

адам-жілбізуа зіең ца-буїта сѣа, ас ко дікің дѣр
человѣкъ-чортъ жить не оставляетъ я (мнѣ), самъ три добрыхъ дѣла сдѣлаю

хуана, суа ара ахъ бѣккахъ. Куёнахчуа і сѣрмік ара
тебѣ, я вонъ ты если извлечешь. Мужчина эту змѣю-чудовище вонъ

бѣккір. Ша ара бѣккічахъ, жуїртиң гуа лѣсна, нах-а бууш
извлекъ. Сама(у) вонъ когда извлекши, аула кругъ занявъ, народъ ѣди

біжір і; чуваханъ, аравалаң стаг-а цавуїтіш. Куёнахчуа
легъ(ло) она(о); внутри пойти, вонъ пойти никого не допуская. Мужчина (отъ

шіега дѣхар дічах, цігарің дѣбахар і. Цултеха шѣзза
себя) себѣ просьбу сдѣлавъ, оттуда ушла(о) это. Этого послѣ два раза

жуїртаң гуа лесначурің дѣбахана, шіега
аула кругъ(а) онъ (отъ) занятого мѣста уйдя, себѣ (отъ себя)

дѣхар-дічахъ: „ша дїрду“, ёлле: „ко дікің дїр цуа
просьбу сдѣлавъ: „сама сдѣлаю“, сказавъ: „три добрыхъ дѣла сдѣлала она

куёнахчунна“. Ша тѣххариң дѣабједаш цуа ёлір цуїнга:
мужчинѣ“. Сама послѣдній разъ уходя она сказала ему:

„кің суа бѣлчу мѣвеллахъ, ас кѣллур-ву хуа“. Цігірің
„больше я гдѣ нахожусь не приходи, сама проглочу есть тебя“. Оттуда

дѣа-а-бахчахъ сѣрмікуа лѣцір кѣчу жуїртиң гуа. Куёнах-
назадъ уйдя, змѣя-чудовище заняла другого аула кругъ. Что, мужчи-

чуа ёллеріг-доа сѣрмікуа ёлле, кунна дѣкка-а ахча-а
на(ѣ) сказанное, дѣлаеть змѣя-чудовище, сказавъ, ему много денегъ

цахаш бехкінчу нѣха дѣхар даң сѣрміке жуїртаң-
неся пришедши, народъ просьба(у) сдѣлатъ, змѣю(я)-чудовище отъ

тїерің дѣа-ѣуа āлаң куēнаха вахајтаң. Шā нāха
 аула назадъ чтобы ушла(о) сказать мужчина чтобы пошелъ. Самъ народъ
 цавітчахъ, вахар і сёрмік біжінчу јуірта. Нāра дѣа
 не оставилъ, пошелъ онъ змѣя-чудовище гдѣ лежитъ въ аулѣ. Этотъ туда
 кѣшчахъ, бага-а ѣаттіна кўнна чухѣдде сёрмік.
 когда пришелъ, часть разнпувъ ему (на него) бросилась змѣя-чудовище.
 Шіēна і чухѣдчахъ, куēнахчуа ёлле: „суа хуēга
 Себѣ (на него) эта когда бросилась, мужчина сказалъ: „я тебя
 дѣхар даң ца-веана, суа веана хуēга āлаң: хуа ѣуіргахъ
 просьба(у) сдѣлать не пришелъ, я пришелъ тебѣ сказать: ты въ порѣ
 хїзіна зудаң āра-а јāлле, хуа лїхуш лēла“, ёлле.
 безпокойная женщина вопль вышла, ты (тебя) отыскивая ходитъ“, сказалъ.
 І шіēна хезчахъ, бѣдда бахана сёрмік. Цултеха
 Это себѣ (она) услышавъ, бѣгомъ пошла змѣя-чудовище. Этого послѣ
 цу махка цабеана і.
 это (въ) мѣсто не прошла эта.

Когда-то въ одномъ большомъ селѣ жилъ-былъ очень богатый человекъ. Ему надоѣло жить въ богатствѣ, и, не зная самъ, какъ отъ него избавиться, онъ отправился къ мудрецамъ за совѣтомъ. Ему дали такой совѣтъ: жениться на женщинѣ высокаго роста, съ рыжими волосами, съ синими глазами и острыми пятками. Долго онъ искалъ женщину съ указанными примѣтами, но, наконецъ, нашелъ какъ разъ такую и, не долго думая, женился на ней. Въ короткое время жена довела богача до такой степени нищеты, что онъ вынужденъ былъ на собственной спинѣ носить дрова изъ лѣсу. Непривычный трудъ, постоянныя придирки жены сдѣлали свое дѣло: онъ сталъ неузнаваемъ. Разъ въ лѣсу онъ утомился сильно, собирая валежникъ, и сѣлъ подъ деревомъ отдохнуть. И тутъ онъ думаетъ: «Не сладка моя жизнь, нѣтъ мнѣ покоя ни дома, ни внѣ дома. Лучше наложить на себя руки, чѣмъ влачить такую жизнь». Въ это время случайно взглядъ его упалъ на глубокую яму; тогда въ головѣ его зародилась мысль—погубить злую жену, обманомъ заманивъ ее сюда. Придя домой, онъ говоритъ женѣ: «Сегодня въ лѣсу я нашелъ глубокую яму; въ ней много золота; приготовь мнѣ мѣшки и веревки; я завтра думаю пойти

за золотомъ». Жена говоритъ: «Ты дуракъ, ты мало принесешь золота: я должна пойти туда». На другой день рано утромъ пошли они къ ямѣ, при чемъ мужъ шествовалъ впереди съ мѣшками и веревками на спинѣ. Когда пришли къ ямѣ, мужъ собрался самъ спуститься туда. Онъ имѣлъ этимъ въ виду вызвать со стороны жены желаніе самой спуститься въ яму. И дѣйствительно, жена отнеслась враждебно къ намѣренію мужа и говоритъ: «Обмотай-ка мой станъ веревкой, да спусти меня въ яму; когда я дерну веревку, знай, что меня нужно тянуть обратно». Довольно глубоко спустивъ жену, мужъ выпустилъ изъ рукав веревку: жена его полетѣла на дно ямы. Затѣмъ мужъ пошелъ домой, радуясь, что такъ легко избавился отъ злой жены. Проходитъ недѣля. Мужъ все не можетъ успокоиться; онъ идетъ къ ямѣ узнать, что случилось съ его женой. Когда онъ подошелъ къ ямѣ, изъ глубины ея къ нему съ мольбой обратился змѣй-чудовище, говоря: «Здѣсь мнѣ не даетъ покоя женщина-сатана; если меня вытащишь изъ ямы, то я сдѣлаю тебѣ три добрыхъ дѣла». Бывшій богачъ сжалился надъ чудовищемъ и вытащилъ его изъ ямы. Очутившись на поверхности земли, чудовище легло вокругъ какого-то села. Оно пожирало ежедневно много людей; никого не впускало въ село, никого не выпускало изъ него. Вспомнивъ о трехъ добрыхъ дѣлахъ, обѣщанныхъ ему чудовищемъ, бывшій богачъ спѣшитъ въ то село. По просьбѣ его чудовище оставляетъ село. Избавленное село благодаритъ его; вѣсть, что чудовище во всемъ слушается его, разнеслась по всей землѣ. Затѣмъ чудовище, сдѣлало бывшему богачу еще два добрыхъ дѣла, уйдя отъ двухъ другихъ селеній, гдѣ оно также пожирало много людей. Уходя, змѣй сказалъ ему: «Я тебѣ сдѣлалъ три добрыхъ дѣла: больше ко мнѣ не являйся, а то проглочу». Съ этими словами, чудовище легло вокругъ какого-то села. Народъ пристааетъ къ бывшему богачу, предлагая ему много денегъ, чтобы онъ избавилъ село отъ страшнаго чудовища. Онъ отказывается, говоря, что чудовище его больше не послушается: съѣстъ его. Народъ отъ него не отстаетъ, плачетъ, умоляетъ его. Настойчивыя просьбы заставляютъ его идти къ чудовищу. При его приближеніи змѣй, разинувъ пасть, бросается на него, говоря: «Я тебя предупреждалъ больше ко мнѣ съ просьбой не являться; теперь отъ меня не уйдешь». Тогда онъ говоритъ ему: «Не съ

просьбой я къ тебѣ пришелъ, а съ вѣстью неприятной: жепци-на-сатана, которая тебѣ не давала житья въ ямѣ, выползла оттуда и ищетъ тебя». Когда это услышало чудовище, то оно, испугавшись, бросилось бѣжать и исчезло навсегда.

Записаны учит. Грознен. гор. школы
Т. Эльдархановымъ.

Замѣтка.

Всѣ почти помѣщенные здѣсь сказки записаны со словъ жителей аула Гехи (въ 30 в. къ юго-западу отъ г. Грознаго), за исключеніемъ одной—№ 2, которая сообщена воспитанникомъ Гроз. горской школы Шаханомъ Батукаевымъ, уроженцемъ Наура, аула надъ р. Терекомъ. Такъ какъ въ говорѣ надтеречныхъ ауловъ замѣчаются нѣкоторыя уклоненія отъ другихъ чеченскихъ говоровъ, то неизлишнимъ будетъ отмѣтить самыя выдающіяся изъ нихъ:

Въ Гехи говорятъ:

въ надтер. аулахъ:

дѣкна запѣли	ѣцдерің оттуда	дѣкка запѣли	ѣцца оттуда
вѣжна легъ	туехна ударилъ	вѣжка легъ	туехха ударилъ
уѣзна натянувь	лѣсна поймалъ	уѣзна натянувь	лецца поймалъ
сѣнна на что	жѣмхуволуң младшій что есть ѣлле	стѣнна на что ѣлле *).	зімхуволуң младшій что есть

Л. Л.

*) Къ сожалѣнію, форма ѣлле вездѣ исправлена въ корректурѣ въ ѣлле.

Изданія Управленія Кавказскаго Учебнаго Округа.

1. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. XXI—XXVIII. Тифлисъ. 1895—1900 гг. Цѣна каждаго вып. 2 р.

(Въ продажѣ имѣются и прежніе выпуски, начиная съ XIII-го).

ВЫП. XXI. Предисловіе, съ указателемъ предметовъ (мотивовъ сказокъ) и именъ, *Л. Г. Лопатинскаго*. **ОТД. I.** Историческія приписки двухъ кинкловъ и хронологическій перечень событій по нѣкоторымъ другимъ источникамъ *Е. С. Такайшвили*.—Два акта католикаса Доментія III, данные въ Константинополь, *Е. С. Такайшвили*.—Мусульманское представленіе о Кавказскомъ хребтѣ *Н. Остроумова*.—Каникулярная поѣздка по Эриванской губерніи и Карсской области *В. Двицкаго*.—Елисаветполь и его окрестности въ орнитологическомъ отношеніи, съ нѣкоторыми сказаніями мѣстныхъ татаръ о птицахъ, *Е. Емельянова*.—Воспоръ Киммерійскій въ эпоху Спартокидовъ *С. Мельникова-Разведенкова*.—**Замѣтки** *Е. Вейденбаума* и *Л. Л.* **ОТД. II.** Сказки, собранныя воспитанниками Закавказской учительской семинаріи.—Народныя праздники, обычаи и повѣрья рачинцевъ *Г. Джанаридзе*.—Адыгскіе (Черкесскіе) тексты *П. Тамбиева*.—**Замѣтка** *Л. Л.* Пѣсня о выселеніи горцевъ въ 1894 г.—**Замѣтки** *Хр. Гроздова* и *Л. Л.*—Объяснительный Словарь *Л. Л.*—Грамматическія замѣтки *Л. Л.*

ВЫП. XXII. Предисловіе, съ указателемъ предметовъ (мотивовъ сказокъ) и именъ, *Л. Г. Лопатинскаго*. **ОТД. I.** Извѣстія грузинскихъ дѣтонисей и историковъ о Сѣверномъ Кавказѣ и Россіи.—Описаніе Осетіи, Дзурдзукіи, Дидозтіи, Тушетіи, Аланіи и Джикетіи.—О царяхъ Хазаретіи.—Алгузіани *М. Джанашвили*.—**Замѣтка** *Л. Л.*—Указатель къ вышешюименованнымъ статьямъ.—Разборъ армазской надписи по фотографическому снимку и Деревянный антиминсъ Метехской церкви въ Тифлисъ *Е. Такайшвили*.—Курджиинскій курганъ и его древности, Габукойскій курганъ и Греческія (и римскія) надписи *В. Сысоева*.—**Замѣтка** *Л. Л.* **ОТД. II.** Предисловіе *А. А. Богоявленскаго*.—Городъ Артвинъ *К. Мачавариани*.—Садоводство въ городѣ Эривани *В. Двицкаго*.—Поѣздка къ Баксанскому леднику *И. Леонтьева*.—Изъ быта и нравовъ жителей Вольной Сванетіи *Н. Дмитріева*.—По Ріонскому ущелью *Ш. Ломинадзе*.—Гебское сельское общество *Л. Майсурадзе*.—Ланчхутское сельское общество *Д. Кереселидзе*.—Село Нигонти *С. Джорбенадзе*. **ОТД. III.** Чеченскіе тексты (въ подлинникѣ) и Лингвистическія замѣтки *А. Грена*.—**Замѣтка** *Л. Л.*—Крѣпость Орія (ново-

греческая пѣсня) *А. Иоакимова*.—Замѣтка *Л. Л.*—Русскій былевой эпосъ на Терекѣ *М. Карпинскаго*.—Рисунки.

Вып. XXIII. Предисловіе, съ указателемъ предметовъ (мотивовъ сказокъ) и именъ, *Л. Г. Лопатинскаго*. **ОТД. I.** Географическій очеркъ Кубанской области *Л. Я. Апостолова*. **ОТД. II.** Предисловіе *Л. Л.*—Село Новогеоргиевское (Терновка), Ставропольской губерніи и уѣзда, *Н. Рыбыхъ*.—Село Петровское, Ставропольской губерніи, Новогригорьевскаго уѣзда, *Г. Косоглядова*.—Село Новопавловское, Ставропольской губерніи, Медвѣженскаго уѣзда, *С. Бильскаго*.—Менониты и ихъ колоніи на Кавказѣ *М. Заалова*.—Темрюкское рыболовство *И. Воеводы*.—Село Черный рынокъ, Терской области, Кизлярскаго отдѣла, *М. Морбиса*.—Древній городъ Маджары, городъ св. Креста и село Прасковья, Ставропольской губерніи, Новогригорьевскаго уѣзда, священ. *А. Семилуцкаго*.—Село Покойное, Ставропольской губерніи, Новогригорьевскаго уѣзда, священ. *А. Семилуцкаго*. **ОТД. III.** Сказки горскихъ татаръ *Евг. Баранова*.—Карты и рисунки.

Вып. XXIV. Предисловіе *Л. Г. Лопатинскаго*. **ОТД. I.** Драгоценныя камни, ихъ названія и свойства. (Изъ груз. сборника X вѣка). Съ приложеніями *М. Г. Джанашивили*.—Корона царя Нушривана *Е. Меликъ-Шахназарова*.—Мюридическая секта на Кавказѣ *Махмудбекова*.—Гаджи-Магометъ *К. Хачатурова*.—Сонъ Пресвятой Богородицы, съ замѣткой *Б. Шульгина*.—Замѣтка *Л. Л.*—Сонъ Пресвятой Богородицы *Е. Такайшвили*.—Рукописаніе Адама и происхожденіе честнаго древа *Е. Такайшвили*.—Замѣтки о двухъ рукописяхъ апокрифическаго характера *Е. Такайшвили*.—Старинныя пѣсни гребенскихъ казаковъ, съ замѣткой *М. Карпинскаго*.—Нѣсколько протяжныхъ и скоморошныхъ пѣсень, записанныхъ въ ст. Червленной, съ замѣткой *М. Карпинскаго*. **ОТД. II.** Предисловіе, съ указателемъ предметовъ (мотивовъ сказокъ) и именъ, *М. И. Кагана*.—Пѣсь мингрельскихъ преданій (повѣрья, легенды, сказанія и сказки).—Имеретинскія сказки и преданія.—Грузинскія преданія и сказки.—Армянскія преданія и сказки. **ОТД. III.** Пословицы ширванскихъ татаръ (1982 пословицы) *Н. Д. Калашева*.

Вып. XXV. Предисловіе, съ указателемъ предметовъ (мотивовъ сказокъ) и именъ *Л. Г. Лопатинскаго*. **ОТД. I.** Ахалкалакскій уѣздъ въ археологическомъ отношеніи (съ ключомъ къ чтенію надписей древней Джавахетин и картой) *И. П. Ростомова*.—Замѣтка *Е. С. Такайшвили*.—Краткая характеристика садоводства на араратской равнинѣ. Нѣсколько словъ о садоводствѣ въ Даралагѣзѣ. Краткій очеркъ садоводства въ Нахичевани. Краткое описаніе садоводства по селеніямъ приаракской равнины. Сельско-хозяйственные очерки *В. И. Дрвицкаго*.—По долинамъ Чорока, Уруха и Ардона *К. Θ. Гана*.—Замѣтки о Карачаѣ и карачаевцахъ *А. Н. Дячкова-Тарасова*.—Городъ Ейскъ, Кубанской области, въ историческомъ и этнографическомъ отношеніяхъ, прот. *Т. Стефанова*.—Траурный мѣсяць магаррамъ у мусульманъ-шиитовъ Эриванской губерніи *Р. Халилова*.—Замѣтка *М. А. Мироніева*. **ОТД. II.** Предисловіе *Г. К. Дороеева*.—Селеніе Арцеваньель, Зангезурскаго уѣзда, Елисаветпольской губерніи *Е. Меликъ-Шахназарова*.—Селеніе Чайкендъ, Елисаветпольскаго уѣзда, той же губерніи *Θ. Джсейранова*.—Селеніе Дашъ-Алты, Шушинскаго уѣзда, Елисаветпольской губерніи *Г. Осипова*. **ОТД. III.** Адыгскіе тексты. Записаны *И. И. Тамбиевымъ* и *Л. Л.*

Вып. XXVI. Предисловіе Л. Г. Лопатинскаго. ОТД. I. Пѣвѣстія грузинскихъ лѣтописей и историкоѣ о Херсонисѣ, Готѣи, Осетин, Хазарин, Дидоэтин и Россин. I. О христіанствѣ въ Херсонисѣ, Готѣи, Осетин и др. II. Повѣсть о Джимшерѣ, царѣ хазарскомъ, сынѣ Дилара. III. Повѣсть о Джимшерѣ II (Ариокла-Чабукѣ), сынѣ Джимшера I. IV. Хосро и Мзечабукъ, цари хазарскіе. V. О Дидоэтин. Отъ автора *М. Г. Джанашвили*.—Обычаи и вѣрованія въ Имеретіи *М. Сагарадзе*.—О географіи и статистикѣ картвельскихъ (южно-кавказскихъ) языковъ (съ картой) *проф. д-ра Гуго Шухардта*.—О знаменитомъ персидскомъ поэтѣ Низами Ганжійскомъ и о его поэмѣ: „Походъ русовъ противъ Бердаа“ *Н. И. Гулака*. **ОТД. II.** Предисловіе (съ мотивами сказокъ и указателемъ именъ собств.) *А. А. Боголюбленскаго*. Талишинскія легенды и повѣрья. Татарская народная словесность въ Закавказьѣ. Изъ области суевѣрій и устной словесности терскихъ казаковъ. Нѣсколько грузинскихъ легендъ и сказаній. **ОТД. III.** Адыгскія пословицы, загадки, скороговорки, примѣты, повѣрья и кое-что изъ народной медицины. Записаны *Паго Тамбиевичемъ*.—Нѣкоторыя особенности живого говора города Ейска, Кубанской области *М. А. Харламова*.—О мѣстѣ, занимаемомъ грузинскимъ языкомъ въ семьѣ индо-европейскихъ языковъ *Н. И. Гулака*.—Некрологъ Николая Ивановича Гулака *Л. Л.*

Вып. XXVII. Предисловіе (съ мотивами сказокъ и указателемъ именъ) Л. Г. Лопатинскаго. ОТД. I. Осада Константинополя скивами, кои суть русскіе, и походъ императора Праклія въ Персію *М. Г. Джанашвили*.—Обзоръ флоры окрестностей озера Гокчи *И. Хоцятовскаго*.—Арабы и турки въ Баднскомъ краѣ и введеніе ислема *Ф. Г. Карповича*.—Монастырь Кармирванкъ *А. Теръ-Маркарова*.—Озеро Гокча *И. Пауля*.—Города сѣверной части восточнаго побережья Чернаго моря *С. Ф. Мельникова-Разведенкова*.—Мектебы и медреса гор. Мешгеда *Рагима Халилова*.—Уголокъ Лечхума *И. Моисеева*.—Шверійцы въ Испаніи *М. Г. Джанашвили*. **ОТД. II.** Предисловіе (съ мотивами сказокъ и указателемъ именъ) *С. Н. Шульгина*.—Общество Славянское, Елисаветпольской губерніи и уѣзда, свящ. *Иларіона Джаши*.—Селеніе Привольное, Бакинскій губ., Ленкоранскаго уѣзда *Ильи Жабина*.—Село Сачилаво, Кутанской губ., Сенаккаго уѣзда, съ преданьями, сказками, пословицами, загадками и суевѣрьями сачилавцевъ. Сказки: Братья Чиладзе, Чудесный быкъ, Свадьба 363 братьевъ. Пословицы. Загадки. Примѣты, *Ясона Капанадзе*.—Дзимитское общество, Кутанской губ., Озургетскаго уѣзда *Т. Табукашвили*.—Нѣмецкая колонія Семеновка, Кубанской обл., Кавказскаго уѣзда *Л. Розенберга*.—Село Неграмъ, Эриванской губ., Пахичеванскаго уѣзда *Кяримъ-бека Измаилова*. **ОТД. III.** Караногайскія народныя историческія преданія. I. Тохтамышъ-ханъ. II. Мирза Мамай. III. Адиль-солтанъ Крымскій. IV. Эрю-Ахмедъ, сынъ Айсули. V. Наригъ и Чора-батырь *Г. Апаньева*.—Изъ осетинской народной словесности. 1. Преданіе о раѣ. 2. Преданіе о Тамарѣ-Дедунали. 3. Преданіе относительно цари Особагатара. Замѣтка *С. Н. Шульгина*.—4. Выборъ невѣсты. 5. Легенда о Георгін Побѣдоносцѣ *Ф. Такосва*.—6. Изъ суевѣрій осетинъ. 7. Авсаты *Евг. Баранова*. **ОТД. IV.** Гребенскіе казаки и ихъ пѣсни *М. И. Карпинскаго*.—О происхожденіи грузинскаго народа и его языка *А. Глейс*.—Этимологія картвельскихъ этнографическихъ и географическихъ именъ *М. Г. Джанашвили*.—Адыгскіе тексты. Сообщены *Паго Там-*

біевымъ. Приложенія. О доставленіи въ управленіе Округа гг. учителями и другими служащими въ учебныхъ заведеніяхъ свѣдѣній, касающихся разныхъ мѣстностей Кавказа.—Нѣсколько вопросовъ по изученію повѣрій, сказаній, суевѣрныхъ обычаевъ и обрядовъ. Рисунки. Видъ монастыря Кармиръ-ванка.—Видъ Севанскаго монастыря.

II. Указатель къ I—XX выпускамъ Сборника матеріаловъ для опис. мѣст. и пл. Кав. 1881—1894 гг., составилъ *Е. Козубскій*.

III. Этнографія Кавказа. Языкознаніе П. К. Услара. Цѣна каждаго вып. 1 р. 50 к. I. Абхазскій языкъ—1887 г. (нѣтъ въ продажѣ). II. Чеченскій языкъ—1888 г. III. Аварскій языкъ—1888 г. IV. Ланскій языкъ—1890 г. V. Хюринскій языкъ—1892 г. VI. Кюринскій языкъ—1896 г.

IV. Русско-Кабардинскій словарь съ указателемъ и краткою Грамматикою *Л. Лопатинскаго*. Т. 1890 г. Ц. 1 р.

V. О географіи и статистикѣ картвельскихъ (южнокавказскихъ) языковъ проф. *Гуго Шухардта*. Т. 1899 г. Ц. 50 к.

Замѣченныя опечатки.

Стран.	Строки сверху. снизу.		Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
Отдѣлъ II.				
25	1	—	Бѣднякъ	бѣднякъ
27	—	9	его	Его
30	—	4	узнать	узнать
31	—	6	гостя	гостя
39	—	14	дѣйствительно	дѣйствительно
48	—	1	могли	могли,
49	17	—	колѣни и,	колѣни, и
52	—	12	согасилась	согласилась
60	8	—	просиль	просиль,
62	1	—	состояніи	состояніи,
64	12	—	начастливаго	несчастливаго
76	—	5	матери	матери и
81	5	—	разказаль	разказаль
96	2	—	поперегъ	поперекъ
127	9	—	и	и,
129	—	14	недождавшись	не дождавшись
134	—	7	человѣку“.	человѣку?“
139	12	—	сограсилась	согласилась.
Отдѣлъ III.				
17	9	—	яма	нора
17	—	6	яму	нору
18	—	2	яму	подземелье
20	17	—	къ ямѣ	къ подземелью.

